Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2019 – № 1 (16)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2019

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – № 1 (16) – 235 с. – ISSN 2499-9679.
2019, № 1 (16). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
10.01.01 – Русская литература (филологические науки) 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.05 – Романские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (искусствоведение)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-68454 от 27.01.2017 г.
Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019
© Авторы статей, 2019

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2019. – № 1 (16). – 235 pages. – ISSN 2499-9679.

2019, № 1 (16). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Honoured Scientist, Department of Theory and Methods of Professional Education, Head of Department, YSPU after K. D. Ushinsky, (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU (Deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU (Deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. I. Boichuk**, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Roman Languages, YSPU; **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, Moscow State Linguistic University; **E. V. Bykova**, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Public Relations in Business of the St. Petersburg State University; **Jef Verschueren**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, Moscow City University; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Department of Cultural Studies, YSPU: **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Professor Doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the General and Russian Linguistics Department of the State University of the Russian Language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee**; G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **A. V. Ledenev**, Doctor of Philology, Professor of Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University; **Li Xiaotao**, Doctor of Russian Language and Russian Literature, Professor of Institute of Foreign Languages of South-West University, Chóngqìng, PRC; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **A. D. Petrenko**, Doctor of Philology, Professor, Director of Institute of Foreign Philology, Head of Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language, Military University of the Ministry of Defence, RF (Moscow); **Ivo Pospishyl**, Doctor of Philology, Professor, Head of Institute of Slavic Philology of Philosophy Faculty of Masayk University, Brno (the Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **I. B. Rubert**, Doctor of Philology, Professor of Department of Language Theory and Theory of Translation of Humanitarian Faculty of Saint-Petersburg State University of Economics and Finance; **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director of Center of Communicative Researches, Professor of Department of General Linguistics and Stylistics of Voronezh State University; **L. A. Trubina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, Vice-Rector for Education of Moscow Pedagogical State University; **N. A. Fateeva**, Doctor of Philology, Professor, a chief research worker, Head of Scientific Center of Interdisciplinary Researches of Literary Text of Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov of Russian Academy of Sciences; **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **G. T. Khukhuni**, Doctor of Philology Professor, Head of Department of Language Theory and Anglistics of Moscow State Regional University; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of Doctor and Candidate of Sciences on the following scientific specialities: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences), 10.01.10 – Journalism (philological sciences), 10.02.01 – Russian language (philological sciences), 10.02.04 – German languages (philological sciences), 10.02.05 – Romance languages (philological sciences), 10.02.19 – Theory of language (philological sciences), 24.00.01 – Theory and history of culture (art criticism)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Certificate of mass media registration:
The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
PI № FS 77-68454, 27.01.2017

Conditions for the Publishing Article in the Scientific Journal «Verhnevolzhski Philological Bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© FSBEE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky», 2019
© Authors of the articles, 2019

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 1 (16) – 2019

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

Святославский А. В., Вихрева М. А. Оппозиция героя и среды в русской литературе XIX века в свете формирования представлений о массовой и элитарной культуре ____ 8

Мельник В. И. И. А. Гончаров и его духовники ____ 17

Дмитриев А. П. И. С. Тургенев и Н. П. Гиляров-Платонов: к истории взаимоотношений ____ 25

Глембоцкая Я. О. Сравнительный анализ системы персонажей в пьесах «На дне» М. Горького и «Унтиловск» Л. Леонова: *новые*, *особенные* и *бывшие* люди ____ 32

Иванов Н. Н. Трансформация богородичного мифа в прозе М. Горького ____ 40

Болдырева Е. М. «Уральский текст» в романе О. Славниковой «2017» ____ 46

Журналистика

Малыгина Л. Е. Виртуальная и дополненная реальность как перспектива развития телевизионного промодискурса ____ 54

Беглова Е. И. Особенности функционирования экзотизмов в текстах современных печатных СМИ ____ 61

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

Судаков Г. В. История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительно-сопоставительных исследований ____ 67

Ся Линь Термин *словесность* в дореволюционной русской филологической традиции (на материале учебника «Теория словесности» П. В. Смирновского 1913 года) ____ 72

Гапонова Ж. К. Слова с корнем *правд-* в русском языке ____ 78

Суханова И. А. Интертекстуальные связи романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» ____ 86

Кулаковский М. Н. Роль вставных конструкций в пространственной организации художественного текста ____ 93

Германские языки

Бондарь В. А. Перфект в древнеанглийском языке: критерии выделения ____ 100

Горпенникова Ю. Г. Семиотический аспект речевого акта извинения в немецком деловом дискурсе (на материале электронных писем) ____ 108

Синеокая Н. А. Маскулинные коммуникативные стратегии и тактики (на материале интервью женщин-политиков в Германии) 115

Романские языки

Бойчук Е. И. Количественные наречия как средство авторизации художественных текстов (на материале французской прозы XIX в.) 123

Егорова О. С. Артикль как средство актуализации коммуникативной структуры предложения 131

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теоретические аспекты культурных процессов

Барабаш Н. А. Хаос как система смыслов 138

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Природный Универсум в картине мира архаических и древних народов: трактовка Ф. И. Буслаева 149

Поликарпов С. С. Специфика временны́х ориентиров картины мира древних индийцев 155

Коробко Р. В. Семиотика и синергетика ракурса в контексте творчества кинооператора 162

Исторические аспекты культурных процессов

Ming-Hui Huang A Cross-Reference Approach to Conceptualising the Russian Holy Fool 171

Розина О. В., Павлова М. Н. Московский Императорский театр накануне и в период французской оккупации 1812 года 181

Лихоманова А. А. Основание Петербурга в рефлексии русских западников сороковых годов XIX века 188

Хренов Н. А. Русская революция в контексте истории столкновения цивилизаций 195

Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Литература «ран и шрамов»: Чжан Сяньлян – «китайский Шаламов» 204

Ерохина Т. И., Кукушкина Е. С. Феномен иммерсивного театра в современной отечественной культуре 214

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензия на монографию Ю. М. Прозорова «В. А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции». СПб., 2017 223

Об итогах конференции «Человек в информационном пространстве» (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 15-17 ноября 2018 г.) 227

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ***232***

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific Journal
Published since 2015
№ 1 (16) – 2019

"The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…"

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Russian literature

Svyatoslavsky A. V., Vikhreva M. A. Opposition of the Hero and Environment in Russian Literature of the XIX century in the Light of the Formation of Representations of Mass and Elite Culture ____ 8

Melnik V. I. I. A. Goncharov and His Confessors ____ 17

Dmitriev A. P. I. S. Turgenev and N. P. Gilyarov-Platonov: about History of Mutual Relations ____ 25

Glembotskaya Ya. O. *New, Special and Former* in Plays «The Lower Depth» by M. Gorky and «Untilovsk» by L. Leonov ____ 32

Ivanov N. N. Transformation of the Virgin Myth in M. Gorky's Prose ____ 40

Boldyreva E. M. «The Ural text» in the novel by O. Slavnikova «2017» ____ 46

Journalism

Malygina L. E. Virtual and Augmented Reality as Prospects in Television Promodiscourse Development ____ 54

Beglova E. I. Features of Functioning of Exoticisms in Modern Print Media Texts ____ 61

LINGUISTICS

Russian language

Sudakov G. V. History of Lexical Groups in Slavic Languages: Prospects for Comparative Studies ____ 67

Xia Lin The Term *Literature* in a Pre-Revolutionary Russian Philological Tradition (on the material of P. V. Smirnovsky's textbook «Theory of Literature», 1913) ____ 72

Gaponova Zh. K. Words with a Root *Pravd-* in the Russian Language ____ 78

Sukhanova I. A. Intertextual Relations of B. L. Pasternak's Novel «Doctor Zhivago» with F. M. Dostoyevski's Story «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants» ____ 86

Kulakovsky M. N. Role of Parentheses in the Art Text Spatial Organization ____ 93

Germanic languages

Bondar V. A. The Perfect in Old English: on Identification Criteria ____ 100

Gorpennikova Yu. G. A Semiotics Aspect of the Speech Act of Apology in the German Business Discourse (on the material of e-mails) ____ 108

Sineokaya N. A. Masculine Communication Strategies and Tactics in the Female Political Discourse (on the example of Women Politicians' Interviews in Germany) ____ 115

Romance languages

Boichuk E. I. Quantitative Adverbs as a Means of Authorizing Artistic Texts (on the material of the 19th century French prose) 123

Egorova O. S. The Article as a Means for Actualizing the Communicative Sentence Structure 131

CULTURAL SCIENCE

Theoretical aspects of cultural processes

Barabash N. A. Chaos as a System of Meanings 138

Novikov M. V., Perfilova T. B. Natural Universum in a Picture of the World of Archaic and Ancient people: F. I. Buslaev's interpretation 149

Polikarpov S. S. Specifics of Temporary Reference Points in the Ancient Indians' Picture of the World 155

Korobko R. V. Semiotics And Synergetics Of Framing In The Art Of Cinematograhy 162

Historical aspects of cultural processes

Ming-Hui Huang A Cross-Reference Approach to Conceptualising the Russian Holy Fool 171

Rozina O. V., Pavlova M. N. The Moscow Imperial Theater on the Eve and during the French Occupation of 1812 181

Likhomanova A. A. Foundation of the City of St. Petersburg in Reflection of the Russian Westerners of the forties years of the 19th century 188

Khrenov N. A. The Russian Revolution in the Context of History of Civilizations Collision 195

Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Literature of «Wounds and Scars»: Zhang Xianlianga – «a Chinese Shalamov» 204

Erokhina T. I., Kukushkina E. S. A Phenomenon of the Immersive Theater in Modern Russian Culture 214

SCIENTIFIC LIFE

The review of Yu. M. Prozorov's monograph «V. A. Zhukovsky in historical and literary representation. Esthetics. Poetics. Traditions». SPb., 2017 223

About results of the conference «Person in Information Space» (YSPU named after K. D. Ushinsky, November 15-17, 2018) 227

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS ***234***

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10306

УДК 82.09

А. В. Святославский https://orcid.org/0000-0002-4909-8323

М. А. Вихрева https://orcid.org/0000-0003-0142-8773

Оппозиция героя и среды в русской литературе XIX века в свете формирования представлений о массовой и элитарной культуре

Статья следует в русле исследований, проводимых Ярославской культурологической школой по вопросу корреляции концептов «массовая культура» и «творческая личность». Констатируя тот факт, что сложившиеся в науке представления относят собственно феномен массовой культуры к XX столетию, авторы работы отмечают, что ряд мыслителей обращается уже к веку девятнадцатому в поиске истоков тех особенностей коллективной психологии, которая отличает массовую культуру в ее современном научном понимании. В связи с этим наибольшее внимание в теоретической части работы уделено мнениям также мненриям М. Горького, А. В. Захарова, Т. С. Злотниковой в поисках истоков концепта массовой культуры в традиционном представлении о мещанстве. Методологически авторы исходят из положения Ортеги-и-Гассета о поисках оппозиции массовая vs элитарная культура вне привычных сословных или идеологических рамок (аристократия и плебс и т. д.) Делается попытка на основании анализа русской художественной литературы XIX века выстроить бинарную оппозицию «мещанство vs творческая личность», рассматривая феномен мещанства как прото-массовую культуру по отношению к массовой культуре XX века. Исследуя литературные образы т. н. «лишних людей», традиционно противопоставляемых «среде», в которой им приходится обращаться, авторы делают попытку выделения типов, которые по тем или иным параметрам и в той или иной мере могут претендовать на современное представление о «творческой личности». Проблематика статьи разрабатывается на основе анализа произведений А. С. Грибоедова, Н. Г. Помяловского, Н. Г. Чернышевского, В. А. Слепцова, И. С. Тургенева, с привлечением работ русской литературно-критической школы.

Ключевые слова: массовая культура, прото-массовая культура, мещанство, творческая личность, русская литература XIX в., А. С. Грибоедов, Н. Г. Помяловский, В. А. Слепцов, И. С. Тургенев, М. Горький.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

A. V. Svyatoslavsky, M. A. Vikhreva

Opposition of the Hero and Environment in Russian Literature of the XIX century in the Light of the Formation of Representations of Mass and Elite Culture

The article enlights the research carried out within the Yaroslavl School of Cultural Studies project concerning correlation of the concepts of «mass culture» and «creative person». Acknowledging the fact that the prevailing in science views relate the actual phenomenon of mass culture to the 20th century, the authors draw attention to the fact that a number of scholars regard the *nineteenth* century in search of the origins of those features of collective psychology that distinguishes popular culture in its modern scientific understanding. In this regard, in the theoretical part of the work, the most attention is also given to the opinions of M. Gorky, A. V. Zakharov, T. S. Zlotnikova, in search of the origins of the concept of popular culture in the traditional notion of philistinism. Methodologically, the authors proceed from the position of J. Ortega y Gasset on the search for opposition to the *mass vs elite* culture outside the usual class or ideological framework (aristocracy and plebs, etc.) An attempt is made on the basis of the analysis of the 19th-century Russian literature to build a binary opposition «bourgeois vs creative person» considering the phenomenon of philistinism as a kind of proto-mass culture in relation to the mass culture of the XX century. Exploring the literary images of the so-called «odd people», traditionally opposed to the social environment in which they have to turn, the authors try to identify types that,

© Святославский А. В., Вихрева М. А., 2019

according to certain parameters, can claim to be the idea of «a creative personality». The subject matter of the article is developed through the analysis of the works of A. S. Griboyedov, N. G. Pomyalovsky, N. G. Chernyshevsky, V. A. Sleptsov, I. S. Turgenev.

Keywords: mass culture, proto-mass culture, philistinism, creative personality, Russian literature of the XIX century, J. Ortega y Gasset, A. S. Griboyedov, N. G. Pomyalovsky, V. A. Sleptsov, I. S. Turgenev, M. Gorky.

К социокультурным явлениям XIX века обычно не применяют понятия «массовая» или «элитарная» культура. Считается, что в строгом смысле оппозиция массового и элитарного формируется в XX веке, что отражено в трудах Х. Ортеги-и-Гассета, О. Шпенглера, П. Сорокина, представителей Франкфуртской школы и др. Тем не менее, «ответственность за выход широких масс на историческое поприще несет XIX век», – утверждает Хосе Ортега-и-Гассет в своем знаменитом труде «Восстание масс» [13]. Приход массового человека, считает философ, обусловили материально доступная жизнь, расширяющиеся перспективы среднего класса и все возрастающее чувство уверенности в благополучии и собственной значимости. Сравнивая modus vivendi массовой и элитарной личности, Ортега проводит параллель с буддистской Махаяной («большой путь» жизнь для людей) и Хинаяной («малый путь», жизнь для себя). Он отмечает как критически важное для творческой личности качество – высокие требования к самому себе. В том числе требования ограничивать себя в стремлении к безмерному улучшению комфорта своей жизни (самообуздания), что ощутимо свойственно человеку массы, начиная со II пол. XIX в. [13, с. 55]. Массовый человек может рядиться в реакционера или в революционера, считает философ, но особенность его в том, что он притязает на неограниченные права, забывая об обязанностях [13, с. 170]. Массового человека характеризует собственное превосходство, и он охотно вмешивается во все дела «навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно» [13, с. 88]. Этот новый тип массового человека равнодушен к основам цивилизации, то есть к общественным проблемам, притом, что «отчетливо неравнодушен к пилюлям, автомобилям и чему-то еще» [13, с. 75]

Следуя мысли Ортеги, в поисках истоков указанной оппозиции считаем возможным обратиться к русской литературе XIX века, где отчетливо проявляется противопоставление ищущей творческой самореализации личности и среды, которая может быть охарактеризована как «мещанская». Руководствуясь логикой «Восстания масс» можно условно говорить о «мещанстве» как прото-массовой культуре, а о «творческой личности» как личности элитарной в широком, сословно не ограниченном смысле. Мещанство в данном случае необходимо анализировать вне системы социальной стратификации, в рамках культурно-этического феномена.

Максим Горький явился одним из российских литераторов XIX–XX вв., последовательно обращавшихся к теме мещанства, как в художественном, так и в общественно-публицистическом творчестве. Знаковым произведением для определения этого явления как такового являются его «Заметки о мещанстве» [5], написанные в 1905 году и опубликованные в социал-демократической газете «Новая жизнь». Впоследствии Горький многократно обращался к разоблачению и осуждению мещанства в статьях, в художественной прозе (романы «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина»), в выступлениях (например, на Первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г.). Символично, что пьеса, с которой Горький входит в драматургию (1901 г.), получила название «Мещане».

Горький во многом связывает мещанство с конкретным классом – буржуазией, который и подвергает осуждению. Однако писатель не забывает того, что жесткой социальной обусловленности не существует. Скорее, в торжестве буржуазной культуры присутствуют черты мещанства, искони заложенные в человеке. К примеру, главный герой пьесы «Мещане» Василий Бессеменов воплощает в себе главные черты мещанства, хотя является в строгом смысле рабочим (старшиной малярного цеха). В буржуазии, по Горькому, мещанство достигает своего расцвета. Впрочем, сам Горький после возвращения в СССР осуждает также и советское мещанство, которое, казалось бы, не имело под собой социальной почвы в условиях господства трудовых классов, но виделось ему опасным атавизмом прежнего строя. Забегая на три десятилетия вперед, нельзя не отметить весьма характерное построение сюжета на оппозиции «мещанство / герой-альтруист» в повести А. И. Солженицына «Матренин двор».

Анализ «Заметок о мещанстве» может помочь при выяснении понимания Горьким основных черт и проявлений мещанства, его корней и причин социальной опасности. С первых строк автор определяет мещанство как «строй души командующих классов» (то есть ценностно-мировоззренческих установок). Марксистский социально-экономический подход Горького обуславливает выделение чувства собственности как основного характерологического свойства мещанства. Из этого следует, что все сословия (или классы, по Марксу), за исключением пролетариата, являются в абсолютной массе своей носителями мещанской психологии. Мещанство, считает Горький, это та сила,

которая создает и хранит современную европейскую государственность. Мещанство является «скрепой» буржуазного общества, уводящая народ от классовой борьбы и примиряющая массу с государством и правящей элитой. Религия, наука, гуманизм и даже совесть – есть, по Горькому, инструменты мещанина, с помощью которых он примиряет себя и окружающих с несправедливой социальной действительностью.

Горький выстраивает социальную стратификацию общества, выделяя в качестве двух полюсов капиталистов и рабочих. А «между этими двумя силами растерянно суетятся мещане, – пишет он, – они видят: примирение невозможно, им стыдно идти направо, страшно налево, а полоса, на которой они толкутся, становится все теснее, враги все ближе друг к другу, уже начинается бой» [5, с. 345]. То есть, мещанство есть повсюду, но, словно предвосхищая концепцию социальной поляризации Питирима Сорокина, Горький уже в 1905 г. характеризует политическую ситуацию в России как кризис, при котором масса, поляризуясь, притягивается частью к положительному (пролетарская идеология), частью к отрицательному (буржуазная идеология) полюсу.

В качестве иллюстрации хода мысли мещанина Горький цитирует стихотворение Ф. И. Тютчева: «*Не рассуждай, не хлопочи, // Безумство ищет, глупость судит; // Дневные раны сном лечи, // А завтра быть тому, что будет, // Живя – умей все пережить: // Печаль, и радость, и тревогу. // Чего желать? О чем тужить?// День пережит – и слава Богу...»*. К апологии мещанства Горький относит даже известные строки Тютчева: «*Умом Россию не понять. / / Аршином общим не измерить; // У ней особенная стать, // В Россию можно только верить...»*.

Согласно представлениям Горького, мещанин – не герой, а герой не может оставаться мещанином. Отсюда – галерея ранних образов Горького, пропитанных героической романтикой: от героев цыганских сказаний и бродяги Челкаша – до аллегорических образов птиц (Сокола или Буревестника). Основным определяющим свойством мещанина Горький называет гипертрофированное и все возрастающее чувство собственности, за которым стоит всепоглощающая любовь к себе. «Основные ноты мещанства, – пишет Горький, – уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей. Но объясняет мещанин не для того, чтобы только понять новое и неизвестное, а лишь для того, чтобы оправдать себя, свою пассивную позицию в битве жизни» [5, с. 341]. Ортега-и-Гассет называет подобные проявления черт массового общества «закупоркой души» или «герметизмом»: «Человек обзавелся кругом понятий. Он полагает их достаточными и считает себя духовно завершенным, совершенным. <...> Они [масса – *А. С. и М. В.*] не распахнуты будущему, не кладут начало чему-то новому…» [13, с. 64].

Особо выделяет Горький такую черту, как раболепие. В «Заметках» читаем: «Одно из свойств мещанской души – раболепие, рабье преклонение перед авторитетами» [5, с. 354]. На Первом всесоюзном съезде писателей в 1934 г. Горький, говоря о роли авторитетов и советской литературной критике, употребляет уже характерное слово «вождизм»: «“Вождизм” – это болезнь эпохи, она вызвана пониженной жизнеспособностью мелкого мещанства...» [4, с. 16]. Можно сделать вывод, что Горький, критикуя мещанство, выносит своего рода приговор российской коллективной ментальности, которая в эту эпоху уже активно формировала культ личности вождя.

Автор труда «Философия творчества» Татьяна Семеновна Злотникова отмечает «многоликость» и сложность понимания мещанства Горьким. Ею выявлена возможность этого до парадоксальности различного понимания на примере восприятия пьесы «Мещане». Отмечено, что адресовавшийся к Горькому Н. А. Бердяев в работе «Революция и культура» видел мещанство в уходе от религиозной жизни, тогда как Горький в этот период однозначно характеризовал религиозность как служанку мещанства [8, с. 477].

В русской культуре мещанину противостоит, во-первых, труженик, во-вторых, альтруист, готовый жертвовать собственными интересами ради другого. Однако возникает вопрос о понимании этих взаимоотношений: Горький упрекает мещанина за приверженность христианской заповеди «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22: 39), поскольку считает, что в обществе социальной несправедливости под «ближним» мещанин подразумевает всегда себя самого. При этом Горький утверждает альтруистический подход как единственно верный. Возможно, его смущает обращенность к ближнему в прямом смысле как к члену ближайшего круга (семья) при невозможности служить «общему делу» (употребим известный термин философа Н. Ф. Федорова, о котором Горький положительно отзывался уже в советские годы). Ощущения альтруиста передаются через образы микрокосма, вмещающего макрокосм: «Мир во мне; я все вмещаю в душе моей, все ужасы и недоумения, всю боль и радость жизни, всю пестроту и хаос ее радужной игры. Мир – это народ. Человек –

клетка моего организма. Если его бьют – мне больно, если его оскорбляют – я в гневе, я хочу мести» [5, с. 355].

Исследователь феномена современной массовой культуры Александр Владимирович Захаров считает, что «для истории массовой культуры в России большое значение имел период 40-50-х гг. XIX века, который можно условно назвать периодом социальных предчувствий и пророчеств» [7, с. 87]. Массовой культуры в современном понимании еще нет, но «тема обличения /.../ мещанской пошлости, борьбы с обывательским сознанием сквозной нитью проходит сквозь сочинения славянофилов, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского» [7, с. 88]. Формирование же собственно массового общества как почвы для массовой культуры в России Захаров связывает с периодом 1880-90-х годов.

Уже в 1840-е годы в России появляются представители социальных слоев, получающие доступ к полноценному образованию, но не принадлежащие к сословной элите. Эти группы людей находятся в непрестанной коммуникации с массой, делают значимыми в общественном масштабе явления «элитарной» и одновременно проявляют интерес к «массовой» культуре. В некоторых случаях происходит смешение этих культур. Данный процесс уже проявлял себя несколько раньше, в 1820-е годы. Пример из литературы – грибоедовский Молчалин, – выходец из провинции, который сменил сословную принадлежность за счет личных качеств, что могло вызвать одобрение одних и осуждение других критиков (например, В. Г. Белинского, Ап. Григорьева). Он может быть рассмотрен как представитель прото-массовой культуры. Молчалин живет в доме знатного барина, допущен в его светский круг, он «глуп, когда дело идет о чести, благородстве, науке, поэзии и подобных высоких предметах; но он умен, как дьявол, когда дело идет о его личных выгодах»« [1, с. 515]. То есть в московское дворянское общество Молчалин органично и умело вписан самой логикой жизни. Белинскому вторит П. А. Вяземский, отмечая, что «во всей своей роли Молчалин ни одною глупостью не проговаривается. Напротив, он оказывается человеком довольно благоразумным; он слабохарактерен, это правда: обстоятельства наложили на него узы зависимости пред окружающей его средою» [3, с. 241]. Молчалин являет собою посредственность, Молчалин – секретарь своего барина, он не создает ощутимой для человечества пользы, не излагает прогрессивной общественной идеологии, является мелкой и молчаливой (впрочем, со служанкой красноречив!), не созидающей фигурой. Более того, с каждым днем в данном типе личности растет чувство собственной значимости без искренней честной смиренной признательности судьбе. Ап. Григорьев делает верный вывод о том, что такой практичный человек «умен умом его сферы»« [6, с. 339]. Более всего Молчалина беспокоит его собственное благополучие. Снова впомним термин Ортеги-и-Гассета «герметизм создания», когда человек обзаводится кругом понятий, полагая их достаточными и считая себя духовно завершенным. Это происходит с героем, когда завет отца «угождать» даже «собаке дворника, чтоб ласкова была» он проносит через всю сознательную жизнь без изменений и каких-либо подвижек в сторону прогрессивного мышления века или каких-либо изменений морального содержания. Перечисленное – и есть черты массового человека, выделенные Ортегой-и-Гассетом.

Сюжетно Молчалин противопоставлен Чацкому, образ которого оценивается литературными критиками противоречиво: он и «единственное героическое лицо нашей литературы» [6, с. 328], но он же «жалок и смешон», в нем нет «ни логики, ни последовательности» [3, с. 239-240], он же «пылкий, благородный и добрый малый, проведший несколько времени с очень умным человеком (Грибоедовым)» [16, с. 97]. «Поэт, не шутя, хотел изобразить в Чацком идеал глубокого человека в противоречии с обществом, а вышло Бог знает что» [1, с. 512]. Но никто не будет отрицать того факта, что Чацкий на фоне представленного окружения видится личностью творческой, неординарной. Это персонаж ищущий, открытый переменам, он «требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства» [13, с. 21]. Таким образом, в «Горе от ума» представлена одна из первых оппозиций прото-массовой культуры и культуры «ищущего человека», личности, не реализующей себя в гражданском аспекте, но демонстрирующей потенции к социальному творчеству. Ап. Григорьев отмечал деятельность как важную черту для творческой личности Чацкого. «Чацкий – прежде всего честная и деятельная натура, притом еще натура борца, то есть натура в высшей степени страстная [6, с. 335].

Вернемся к Горькому в связи с его анализом русской литературы XIX в. Горький предъявляет этой литературе серьезный упрек в недостаточном анализе и осуждении мещанства и в неспособности дать образ истинного «героя» (мы же скажем – творческой личности). Особо нелюбимы Горьким восьмидесятые годы как апогей мещанства в русской культуре и общественной мысли. «Она [русская литература – *А. С. и М. В.*], – заключает Горький, – вообще не могла создать героя, ибо героизм видела в пассивности, и если пыталась изобразить активного человека, – это выходило бескровно и бесцветно даже у такого красивого и крупного таланта, как Тургенев. Только яркий и огромный Помяловский глубоко чувствовал враждебную жизни силу мещанства, умел беспощадно правдиво изоб-

разить ее и мог бы дать живой тип героя, да Слепцов, устами Рязанова, зло и метко посмеялся над мещанином» [5, с. 356].

Итак, Горький не видит желаемого *героя*, поскольку отмечая талант и нравственную позицию Н. Г. Помяловского, говорит о его возможностях в сослагательном наклонении: *мог бы,* но, стало быть, не дал, хотя и осудил мещанство. То же сказано о герое романа «Трудное время» В. А. Слепцова Якове Рязанове.

Таким образом, мещанство в интерпретации Горького укладывается в рамки предложенного нами представления о «прото-массовой» культуре XIX века. Но при попытке исследования литературы через призму бинарных оппозиций, возникает необходимость найти второй ее член. После появления «Дневника лишнего человека» И. С. Тургенева стало популярным противопоставлять в русской литературе той эпохи среду и образ «лишнего человека». Однако для наших целей выявления образа *творческого человека* нельзя ограничиться традиционным образом «лишнего человека», нам нужно идти дальше.

Характерными чертами «лишнего человека» обычно считаются его интеллектуальное превосходство над окружающими и пассивное противостояние мещанской среде. Среди «лишних людей» называли, помимо тургеневского Чулкатурина, также Чацкого, Онегина, Печорина, Бельтова, Лаврецкого, Рудина и ряд других образов. В то же время Т. С. Злотникова отмечает характерность этого явления, так что «граничащее с безумием умение человека поддаваться воздействию “снов золотых” и впадать в мрачное разочарование при погружении в реальность стало признаком российского менталитета, когда сетования по поводу несбывшегося превращаются в способ самореализации и творцов культуры, и вымышленных персонажей» [8, с. 131]. Отсюда предложенное литературой «представление о национальном характере, когда абсурдной представляется деятельность, а естественным – отсутствие таковой» [8, с. 131].

В качестве второго члена оппозиции к мещанству мы можем поставить образ «творческой личности», следуя при этом традиционному интересу к концепту творческой личности со стороны Ярославской культурологической школы. Методологические основы изучения феномена творческой личности заложены в цитированной выше монографии Т. С. Злотниковой «Философия творческой личности [8]. Остроумно упомянув К. Г. Юнга, назвавшего творческую личность вечной и неразрешимой загадкой, автор в дальнейшем подробно анализирует различные подходы и методы, проявившие себя в истории философии, культурологии, искусствоведения, психологии на пути поисков ответа на вопрос «Что есть творческая личность?», при этом отмечая важность достаточно широкого понимания творческой личности, выводящая ее из сферы лишь художественного творчества. Поставлен также вопрос о правомерности понимания личности как «творческой» – если она творит *массовую* культуру.

Рассматривая культурные коды идентификации творческой личности, Злотникова выделяет соответственно архетип (мужской, женский, детский...); игру (в т. ч. понимаемую по Й. Хейзингу как инвариант свободы) и пограничность. Творчество представляется как граница между мирами, имея виду границы между глобальным и локальным (личностным), между контекстом и текстом; между массовыми потребностями и личными интенциями [8, с. 125-126]. Так пограничность бытия Пушкина может быть описана как состояние «между детством и вечностью, между жизнью и смертью» [8, с. 393].

Специфика нашего исследования состоит в том, что внимание направлено не только к автору-литератору в поисках творческого начала, но к созданным им героям как носителям некоей потенции в преобразовании *социальной действительности*. В конечном итоге творческая личность проявляет себя границей «между неповторимой личностью и унифицированной массой». Перейдя границу, человек массы становится личностью [8, с. 127]. Данное мнение можно сопоставить с определением человека «*не* массовой культуры» у Ортеги-и-Гассета: «Обычно говоря об “избранном меньшинстве, – пишет он, – передергивают смысл этого выражения, притворно забывая, что избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если это требование к себе непосильно» [13, с. 21]. Соединение этих двух определений дает образ, противоположный массовой культуре и мещанству – образ творческой личности.

Возвращаясь к Горькому, вспомним, что он, кроме имен Помяловского и Слепцова, не называет ни одного имени литераторов, осудивших мещанство в России XIX в., что с одной стороны вызывает некоторое недоумение (Неужели никто более? вспомним столь ценимого Горьким Чехова...), но с другой, заставляет пристальнее вглядеться в дилогию Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов», а также Слепцова, который «зло и метко» посмеялся над мещанами устами своего героя Рязанова. Фигура Якова Васильевича Рязанова – литератора, одного из главных героев повести Слепцова «Трудное время» (1865 г.), являет собою пример скептика, которого не раз ставили рядом с фигурой тургеневского Базарова [2]. Никакой конструктивной позиции Рязанов не демонстрирует, он лишь указывает на царящий в пореформенной России беспорядок и абсолютную беспомощность либе-

ральных помещиков и разночинства (сам автор по рождению принадлежал к дворянству, но по кругу общения и стилю жизни был разночинцем) в попытках улучшить жизнь народа на разумных началах. Впрочем, такого рода осуждения действительности, вопреки мнению Горького, было достаточно во всей народнической литературе, к которой и принадлежал Слепцов.

Рязанову действительно близок Базаров. Если рассмотреть образ этого тургеневского героя с позиции творческой личности, то окажется, что ему присущ набор таких качеств, как максимальная требовательность к себе, установка на самоограничение в стремлении к безмерному улучшению жизненного комфорта (самообуздание), открытость прогрессивным веяниям эпохи (использование новых средств медицины и нигилистические убеждения). Однако сам Базаров – не созидатель в широком смысле этого слова. На замечание Николая Петровича Кирсанова, что «вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить», Базаров отвечает «Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить» [18, с. 49]. Этот эпизод перекликается со словами Писарева, сказанными в те же годы по поводу подрыва господствовавшего религиозного мировоззрения в пользу материалистического: «Дело разрушения сделано, дело созидания будет впереди и займет собою не одно поколение» [14, с. 282]. При этом в герое Тургенева нет черт «духовного герметизма», он не считает себя духовно завершенным и не навязывает свое мировидение остальным. Таким образом, Базаров, отрываясь от мещанской культуры своего времени, не дорастает вполне до нашего представления о творческой личности, что и позволило считать его не более чем образом «лишнего человека».

Однако Горький, увлеченный осуждением мещанства, не отметил весьма важный образ в повести Слепцова «Трудное время», который вполне может претендовать на искомый образ творческой личности в русской литературе этого периода. Речь идет о жене помещика Щетинина Марье Николаевне, с которой Рязанов ведет бесконечные диалоги. Задыхаясь в беспросветной жизни русской провинции и (что важно для нас) от неутоленной тяги по настоящему *делу*, она пытается найти в Рязанове ответы на свои вопросы, никак не желая убедиться в том, что ничего конструктивного от него услышать нельзя. В ее диалогах с Рязановым, а также с мужем, звучит важное для нашей темы и знаковое для анализируемого периода 1860-80-х гг. понятие «дело». Необходимо принять во внимание, что Слепцов находился под влиянием идей Н. Г. Чернышевского и его романа «Что делать?». Слово «дело» в культурном коде ищущей пути улучшения народной жизни молодежи имело тогда совершенно определенный смысл, будучи ключевым элементом тайного языка, значение которого и сводилось к объединенному действию по улучшению социального положения в России. В повести «Трудное время» Марья Николаевна, вспоминая начало совместного с мужем пути, обвиняет его, либерального провинциального помещика, неспособного воплотить замыслы молодости: «Ты мне сказал: мы будем вместе работать, мы будем *делать* великое *дело*, которое, может быть, погубит нас, и не только нас, но и всех наших; но я не боюсь этого. Если Вы чувствуете в себе силы, пойдемте вместе. Я и пошла /.../ И чем же все это кончилось? Тем, что ты ругаешься с мужиками из-за каждой копейки, а я огурцы солю, да слушаю, как мужики бьют своих жен» [17, с. 49 – курсив наш – *А. С. и М. В.*]. Убегая от мужа, она пишет ему в прощальном письме: «я уже давно все обдумала, на все решилась и знаю теперь, что мне нужно *делать*...» [17, с. 138 – курсив наш *А. С. и М. В.*]. Объясняя свой поступок, Марья говорит, что хочет быть полезной. Стало быть, польза понимается ею не в рамках узкого семейного круга, но в более широком общественном смысле – дела.

Появление положительного женского образа, который можно определить как творческий тип русской женщины XIX века, к тому же звучащий упреком мужчинам ее круга, у Слепцова не случайно – в свете его внимания к «женскому вопросу». Не без влияния идей Чернышевского в Петербурге в 1863 г. им была основана т. н. «Знаменская коммуна» – место, в котором были созданы условия для совместного проживания нескольких энтузиастов обоего пола в большой квартире, где они пытались внедрить новые формы свободного равного трудового общежития. Просуществовав без малого год, коммуна распалась в силу внешних причин: Слепцова и его единомышленников обвинили в промискуитете, ибо страх государственных властей перед женской эмансипацией был велик. Однако в критике XIX века прозвучало также мнение о внутренних нестроениях в коммуне, ускоривших ее конец (что нашло отражение в сатирическом романе Н. С. Лескова «Некуда»). Фигурой Слепцова и историей коммуны позднее заинтересовался К. И. Чуковский, посвятивший ей специальную статью и попытавшийся отвергнуть целый ряд обвинений в адрес коммуны и ее организатора [21].

Показательно, что Слепцов следует роману Чернышевского «Что делать?» даже в том, что делает главной героиней повести женщину. У Чернышевского именно Вера Павловна Розальская в сюжетном аспекте является главной, хотя повествователь в кратком комментарии в главе XXXI «Беседа с проницательным читателем и изгнание его» отказывает ей и «людям нового поколения» Лопухову и

Кирсанову в праве называться «высшей натурой» (это право достается Рахметову). Однако совершенно очевидно, что Вера Павловна является *примером творческой личности*, стремящейся посвятить себя благу народа, а не замкнуться в семье. «На той высоте, на которой они [«люди нового поколения» – *А. С. и М. В.*] стоят, должны стоять, могут стоять все люди», – считает Чернышевский [19, с. 228].

В критике встречалось небезосновательное мнение о том, что высказываемые Рязановым взгляды – это взгляды самого Слепцова, разочарованного в попытках переустроить российскую действительность на более справедливый манер. В то же время К. И. Чуковский в упомянутых работах (и некоторые другие авторы [9]) протестовали против оправдания этих «внутренних» причин распада коммуны, считая их выдумкой недоброжелателей. Причины же эти связывались с неспособностью и неготовностью самих энтузиастов к новой форме общежития в силу тех самых особенностей, которые Горький ненавидел в мещанстве, прежде всего – непреодолимого эгоизма. Однако если исходить из текста романа, то невозможность осуществления некоего гражданского делания объясняется самим Рязановым в заключительном диалоге с Марьей Николаевной. Героиня верит, что где-то «там», в Петербурге, откуда и явился необычный человек Рязанов, есть хорошие люди, которые помогут ей обрести искомое. На это Рязанов отвечает, цитируем:

Да, – в раздумье говорил Рязанов, – хорошие, хорошие люди... Да были люди. Это правда.

А теперь?

И теперь, пожалуй, еще с пяток наберется.

Как? Отчего так мало? Где же они?

Гм! Странно как вы спрашиваете! Да разве они не люди разве они не подвержены разным человеческим слабостям?...» [17, с. 150].

Возвращаясь к сопоставлению образов Базарова и Рязанова, отметим заметную разницу в типологическом отношении: тургеневский образ создан умозрительно и базаровский нигилизм не произрастает из разочарования в успехе общего «дела», поскольку Базаров ни в каких «делах» не участвовал. За Рязановым же стоит сам автор повести Слепцов, участвовавший в общественном движении молодежи и даже отсидевший срок как подозреваемый по «Каракозовскому делу». Упомянутый диалог с Марьей Николаевной полон недомолвок: то Рязанов говорит, что время ушло, то напротив, намекает на продолжение борьбы. Чуковский [22] вполне логично увидел в произведениях Слепцова следы тайнописи, ухода от цензуры. Но все же, если ориентироваться на советские издания, выправленные по первоначальной рукописи, Рязанов предстоит перед читателем не активным борцом с властью или хотя бы проводником новых идей, а разочаровавшимся человеком с горьким опытом прошлого.

В поисках образа творческой личности у Помяловского, необходимо обратиться к такому герою как Егор Иванович Молотов. Его своеобразие заключается в том, что, во-первых, он выходец из рабочей среды, во-вторых, всю жизнь трудится, и даже «сам себя сделал» как успешную личность. Претерпев лишения, перепробовав себя в разных родах деятельности – от учительской до чиновничьей, убедившись в неблагополучии российской действительности, но оставшись честным человеком, он – как никто, казалось бы, претендует на роль идеальной творческой личности, даже с точки зрения Горького. Однако в рамках парадигмы представлений отечественных мыслителей-демократов о деятелях социального прогресса этого не получается. «Героем», по Горькому, Молотов не стал по причине индивидуалистического характера, превращающего бывшего работника в наслаждающегося материальным благополучием мещанина. Внешне счастливый конец повести, когда герой, обретает все блага, завершается курьезной, на первый взгляд, фразой рассказчика: «Эх, господа, что-то скучно» [15, с. 406]. Молотову как будто противостоит разочарованный в идеалах молодости и проводящий время среди кутящей богемы его приятель Череванин со своей идее «кладбищенства», то есть бренной обреченности всего. Образ Череванина тоже может быть сопоставлен с тургеневским Базаровым, ибо работая (Череванин художник) и даже творя добро ближнему, он проповедует обреченность и, надев маску циника, не хочет видеть перспектив улучшения жизни в масштабах общества.

Итак, можно прийти к выводу, что галерея мужских и женских образов, представленная в русской прозаической классике XIX века, демонстрирует, условно говоря, несколько возможных типов, к которым может быть отнесено понятие «творческой личности». Во-первых, это творческий человек, демонстрирующий *потенциал* к социальному творчеству, умеющий поставить «верный диагноз» современности, хотя не всегда реализующий себя в гражданском аспекте; личность, выделяющаяся своим иномыслием на фоне представителей протомассового общества с «закупоркой души» и безыскусным мышлением, иногда даже вступающая с этим обществом в открытый конфликт. Таков Чацкий, таковыми являлись бы Базаров, Рязанов и Череванин, имей они положительную программу развития общества.

Во-вторых, это человек, деятельность которого можно назвать творческой, ибо он не живет за счет других, за счет полученного наследства и под., но сам творит свое благополучие, благополучие своей

семьи, свою карьеру, строит и совершенствует свой домашний быт, но при этом ограничивая себя малым, *своим ближним* социальным кругом и кругом *своей* жизни. Таков Егор Иванович Молотов у Помяловского. Однако Молотов сам чувствует себя человеком массовой культуры «Миллионы живут, – говорит он поучительно своей невесте, – с единственным призванием – честно наслаждаться жизнью... Мы простые люди, люди толпы...» [15, с. 406].

Наконец, третий тип, – тип, чуждый мещанства, по Горькому, это творческая личность альтруиста, выходящая за рамки ближнего социального круга и ставящая перед собою задачи широкой общественной пользы, что во II пол. XIX в. и вылилось в представление о «деле», должном привести к переустройству российского общества на более справедливых началах. Таковы герои Чернышевского Кирсанов, Лопухов, Рахметов, Вера Павловна, такова Марья Николаевна Щетинина у Слепцова.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Горе от ума, сочинение Грибоедова [Текст] // Белинский В. Г. Собр. соч. В 3-х тт. Т 1. Статьи и рецензии 1834-1840. – М. : ОГИЗ-ГИХЛ, 1948. – С. 453-517.

2. Брумфилд, У. К. Базаров и Рязанов: романтический архетип в русской литературе [Текст] // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 286-298.

3. Вяземский, П. А. кн. Заметки о комедии «Горе от ума» [Текст] / публ., предисл. и комм. Д. П. Ивинского // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 38. – С. 230-250.

4. Горький, М. Доклад о советской литературе [Текст] // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. – М. : Гослитиздат, 1934. – С. 5-19.

5. Горький, М. Заметки о мещанстве [Текст] // Горький М. Собр. соч. В 30 тт. Т. 23. – М. : ГИХЛ, 1953. – С. 341-367.

6. Григорьев, А. А. По поводу нового издания старой вещи. «Горе от ума». СПб, 1862. [Текст] // Григорьев Аполлон. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. Статьи. Письма. – М. : «Худож. литература», 1990. – С. 327-343.

7. Захаров, А. В. Массовое общество в России (история, реальность, перспективы) [Текст] // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М. : Гуманитарий, 2003. – С. 86-101.

8. Злотникова, Т. С. Философия творческой личности [Текст] : монография / Т. С. Злотникова. – М. : ООО «Изд-во „Согласие”«, 2017. – 918 с.

9. Знаменская коммуна [Текст] // Литературное наследство Т. 71. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 439-460.

10. Из воспоминаний В. И. Танеева. Публикация Л. А. Евстигнеевой [Текст] // Литературное наследство Т. 71. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 513-526.

11. Л. Ф. Нелидова о В. А. Слепцове: Публикация М. Л. Семановой [Текст] // Литературное наследство Т. 71. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 488-494.

12. Мирский, Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год [Текст] / пер. с англ. Р. Зерновой. – 5е изд. испр. и доп. – Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2014. – 876 с.

13. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] // Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. – М. : АСТ: СТ МОСКВА, 2008. – С. 13-198.

14. Писарев, Д. И. Полн. собр. соч. В 6-ти тт. 2-е изд., Т. 1 [Текст] / Д. И. Писарев. – СПб., 1897. – 608 с.

15. Помяловский, Н. Г. Молотов [Текст] // полн. собр. соч. В 2-х тт. Т. I. – СПб. : Изд-во Тов-ва А. Ф. Маркс, 1912. – С. 406.

16. А. С. Пушкин – А. А. Бестужеву [Текст] // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти тт. Т. 10. Письма. – Л. : «Наука», 1979. – С. 96-97.

17. Слепцов, В. А. «Трудное время» [Текст] // Слепцов В. А. Сочинения. В 2-х тт. / Вступ. статья, подг. текста и комм. Корнея Чуковского. Т. 2. – М. : ГИХЛ, 1957. – С. 3-162.

18. Тургенев, И. С. Отцы и дети [Текст] // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти тт. Т. 7. – М. : Наука, 1981. – С. 5-190.

19. Чернышевский, Н. Г. «Что делать?» [Текст] // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15 тт. Т. 11. – М. : ГИХЛ, 1939. – С. 228.

20. Чуковский, К. И. Литературная судьба Василия Слепцова [Текст] // Литературное наследство Т. 71. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 7-14.

21. Чуковский, К. И. История Слепцовской коммуны // Чуковский К. И. Люди и книги. – М. : Гослитиздат, 1957. – С. 272-304.

22. Чуковский, К. И. Тайнопись «Трудного времени» [Текст] // Чуковский К. И. Люди и книги. – М. : Гослитиздат, 1957. – С. 228-271.

Reference List

1. Belinskij, V. G. Gore ot uma, sochinenie Griboedova = Woe from Wit, Griboyedov's composition [Tekst] // Belinskij V. G. Sobr. soch. V 3-h tt. T 1. Stat'i i recenzii 1834-1840 = Belinsky V. G. Collected works in 3 volumes. V 1. Articles and reviews of 1834-1840. – M. : OGIZ-GIHL, 1948. – S. 453-517.

2. Brumfild, U. K. Bazarov i Rjazanov: romanticheskij arhetip v russkoj literature = Bazarov and Ryazanov: a romantic archetype in the Russian literature [Tekst] // Znanie. Ponimanie. Umenie. = Knowledge. Understanding. Ability. – 2015. – № 3. – S. 286-298.

3. Vjazemskij, P. A. Zametki o komedii «Gore ot uma» = Notes about the comedy «Woe from Wit» [Tekst] / publ., predisl. i komm. D. P. Ivinskogo // Novoe literaturnoe obozrenie = Novoye literaturnoe obozrenie. – 1999. – № 38. – S. 230-250.

4. Gor'kij, M. Doklad o sovetskoj literature Report on the Soviet literature [Tekst] // Pervyj Vsesojuznyj s#ezd sovetskih pisatelej. 1934. Stenograficheskij otchet = The

first All-Union congress of the Soviet writers. 1934. Verbatim record – M. : Goslitizdat, 1934. – S. 5-19.

5. Gor'kij, M. Zametki o meshhanstve = Notes about petty bourgeoisie [Tekst] // Gor'kij M. Sobr. soch. V 30 tt. T. 23 = Gorky M. Collected works in 30 vol. V. 23. – M. : GIHL, 1953. – S. 341-367.

6. Grigor'ev, A. A. Po povodu novogo izdanija staroj veshhi. «Gore ot uma». SPb, 1862 = Concerning the new edition of an old thing. «Woe from Wit». SPb, 1862 [Tekst] // Grigor'ev Apollon. Sochinenija. V 2-h tt. T. 2. Stat'i. Pis'ma = Grigoriev Apollon. Compositions. In 2 volumes. V. 2. Articles. Letters. – M. : «Hudozh. literatura», 1990. – S. 327-343.

7. Zaharov, A. V. Massovoe obshhestvo v Rossii (istorija, real'nost', perspektivy) = Mass society in Russia (history, reality, prospects) [Tekst] // Massovaja kul'tura i massovoe iskusstvo. «Za» i «protiv» = Mass culture and mass art. Pros and cons. – M. : Gumanitarij, 2003. – S. 86-101.

8. Zlotnikova, T. S. Filosofija tvorcheskoj lichnosti = Philosophy of the creative person [Tekst] : monografija / T. S. Zlotnikova. – M. : OOO «Izd-vo „Soglasie"«, 2017. – 918 s.

9. Znamenskaja kommuna = Znamensk commune [Tekst] // Literaturnoe nasledstvo T. 71 = Literary inheritance V. 71. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. – S. 439-460.

10. Iz vospominanij V. I. Taneeva. Publikacija L. A. Evstigneevoj = From V. I. Taneev's memoirs. L. A. Evstigneeva's publication [Tekst] // Literaturnoe nasledstvo T. 71 = Literary inheritance V. 71. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. – S. 513 526.

11. L. F. Nelidova o V. A. Slepcove: Publikacija M. L. Semanovoj = L. F. Nelidova about V. A. Sleptsov: M. L. Semanova's publication [Tekst] // Literaturnoe nasledstvo T. 71 = Literary inheritance V. 71. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. – S. 488 494.

12. Mirskij, D. P. Istorija russkoj literatury s drevnejshih vremen po 1925 god = History of Russian literature from the most ancient times to 1925 [Tekst] / per. s angl. R. Zernovoj. – 5e izd. ispr. i dop. – Novosibirsk : Svin'in i synov'ja, 2014. – 876 s.

13. Ortega-i-Gasset, H. Vosstanie mass = Revolt of masses [Tekst] // Ortega-i-Gasset Hose. Vosstanie mass. Degumanizacija iskusstva. Beshrebetnaja Ispanija = Ortega-and-Gasset José. Revolt of masses. Art dehumanization. Spineless Spain. – M. : AST: ST MOSKVA, 2008. – S. 13-198.

14. Pisarev, D. I. Poln. sobr. soch. V 6-ti tt. 2-e izd., T. 1 = Complete set of works In 6 volumes. The 2nd edition., V. 1 [Tekst] / D. I. Pisarev. – SPb., 1897. – 608 s.

15. Pomjalovskij, N. G. Molotov = Molotov[Tekst] // Poln. sobr. soch. V 2-h tt. T. I = Complete set of works In 2 volumes. V. 2 – SPb. : Izd-vo Tov-va A. F. Marks, 1912. – S. 406.

16. A. S. Pushkin – A. A. Bestuzhevu = A. S. Pushkin to A. A. Bestuzhev [Tekst] // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. V 10-ti tt. T. 10. Pis'ma = Pushkin A. S. Complete set of works. In 10 volumes. V. 10. Letters. 10. Letters. – L. : «Nauka», 1979. – S. 96-97.

17. Slepcov, V. A. Trudnoe vremja = Hard time [Tekst] // Slepcov V. A. Sochinenija. V 2-h tt. = Sleptsov V. A. Compositions. In 2 volumes./ Vstup. stat'ja, podg. teksta i komm. Korneja Chukovskogo. T. 2. – M. : GIHL, 1957. – S. 3-162.

18. Turgenev, I. S. Otcy i deti = Fathers and children [Tekst] // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem. V 30-ti tt. T. 7 = Turgenev I. S. Complete set of works and letters. In 30 volumes. V. 7. – M. : Nauka, 1981. – S. 5-190.

19. Chernyshevskij, N. G. Chto delat'? = What Is To Be Done? [Tekst] // Chernyshevskij N. G. Poln. sobr. soch. V 15 tt. T. 11 = Chernyshevsky N. G. Complete set of works. In 15 volumes. V. 11. – M. : GIHL, 1939. – S. 228.

20. Chukovskij, K. I. Literaturnaja sud'ba Vasilija Slepcova = Literary fate of Vasily Sleptsov [Tekst] // Literaturnoe nasledstvo T. 71 = Literary inheritance V. 71. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. – S. 7-14.

21. Chukovskij, K. I. Istorija Slepcovskoj kommuny = History of Sleptsov commune // Chukovskij K. I. Ljudi i knigi = Chukovsky K. I. People and books. – M. : Goslitizdat, 1957. – S. 272-304.

22. Chukovskij, K. I. Tajnopis' «Trudnogo vremeni» = Hidden writing of «Hard times» [Tekst] // Chukovskij K. I. Ljudi i knigi = Chukovsky K. I. People and books. – M. : Goslitizdat, 1957. – S. 228-271.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.12.2018
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10307

УДК 821.161.1

В. И. Мельник http://orcid.org/0000-0001-9684-8943

И. А. Гончаров и его духовники

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект «Научная биография И. А. Гончарова» № 17-04-50064

В статье впервые поднят вопрос о руководителях духовной жизни И. А. Гончарова, начиная с детских лет – и до кончины в 1891 г. Характерной особенностью, объединявшей четверых духовников писателя, было то, что все они отличались высокой образованностью и подлинной интеллигентностью, что сообщило духовной жизни, а следовательно, и творчеству романиста соответствующее направление. Первым духовным наставником будущего писателя был симбирский протоиерей Федор Троицкий, окончивший Казанскую семинарию в то время, когда семинаристы слушали лекции в Казанском университете. Отец Федор, первый преподаватель Гончарова в его детские годы, направил духовность Гончарова в русло «культурного христианства» и надолго ему запомнился. Это подтверждается тем, что отец Федор послужил прототипом заволжского священника в романе «Обрыв» (1869). Волею случая, во время обучения в Московском коммерческом училище духовником писателя оказался также нерядовой священник, а именно: отец историка С. М. Соловьева и дед философа В. С. Соловьева – протоиерей Михаил Соловьев. Если первые руководители духовной жизни Гончарова были посланы ему судьбой, то в последующем он сам избирал себе духовных руководителей: ими стали кандидат богословия, известный в Петербурге священник, настоятель храма св. Пантелеимона Гавриил Васильевич Крылов, а после его ранней кончины священник того же храма Василий Перетерский. Это были священники, близкие не только к высоким кругам дворянского и чиновничьего Петербурга, но отчасти и к придворному окружению. Ставится вопрос о сочетании «культурного христианства» и «младенческой веры» в личности Гончарова.

Ключевые слова: Гончаров, священники Ф. Троицкий, М. Соловьев, Г. Крылов, В. Перетерский, «культурное христианство», «младенческая вера».

V. I. Melnik

I. A. Goncharov and His Confessors

In the article for the first time the question is raised on supervisors of I. A. Goncharov's spiritual life, since childhood and up to the death in 1891. The characteristic feature uniting four confessors of the writer was the fact that all of them had high education and original intelligence that gave to the spiritual life and consequently, to works of the novelist the corresponding direction. The Simbirsk archpriest Fiodor Troitsky, who graduated from Kazan seminary when seminarists listened to lectures at Kazan University, was the first spiritual mentor of the future writer. The father Fiodor, the first teacher of Goncharov in his childhood, sent Goncharov's spirituality to the course of «cultural Christianity» and was remembered by him for a long time. It is confirmed by the fact that the father Fiodor was as a prototype of the Volga priest in the novel «Break» (1869). Also by chance during training in Moscow commercial school the confessor of the writer was not an ordinary priest but the father of the historian S. M. Soloviov and the grandfather of the philosopher V. S. Soloviov – Archpriest Mikhail Soloviov. If the first supervisors of Goncharov's spiritual life were sent to him by destiny, later he elected his spiritual supervisors by himself: they were the Candidate of Divinity, priest, famous in St. Petersburg, prior of the Church of St. Panteleimon Gavriil Vasilievich Krylov, and after his early death the priest of the same church Vasily Peretersky was. These were priests, who were close not only to high circles of noble and official St. Petersburg, but partly to the court environment. The question is raised on the combination of «cultural Christianity» and «infantile belief» in Goncharov's personality.

Keywords: Goncharov, priests F. Troitsky, M. Soloviov, G. Krylov, V. Peretersky, «cultural Christianity», «infantile belief».

Произведения и переписка И. А. Гончарова показывают, что он был воцерковленным человеком и, более того, духовно зрелой личностью, хотя свою веру хранил целомудренно, предпочитая не выказывать своих религиозных взглядов. Первый биограф писателя М. Ф. Суперанский в 1913 году писал: «Что касается внутренней религиозности, то о ней мы знаем очень мало. В эту святая святых своей души он не пускал любопытных глаз. О религии с людьми, равнодушными к ней, он говорить не любил… или отделывался мало значащими фразами… он не был способен высказывать свои задушевные мысли в этой области, и если случайно проговаривался, то сейчас же старался сдержаться, тотчас же посмеяться над собой» [10, с. 619-620]. Есть основания полагать, что Гончаров читал Творения Святых Отцов, в текстах его произведений явно и скрыто содержатся рассуждения на богословские темы и пр. Он наизусть знает евангельские тексты и беспрестанно цитирует их.

© Мельник В. И., 2019

Разумеется, Гончаров получал богословские знания прежде всего из прочитанных книг. К сожалению, пока что невозможно представить полный список христианских книг, с которыми он был знаком. Он много цитирует Ветхий Завет, Евангелие, реже – Апостольские послания. Гончаров был, кажется, единственным из русских классиков, который богословствовал на тему действия Святого Духа в скудельном сосуде человеческого естества. Любопытно отметить и другое: его любовь к искусству, литературе, живописи, естественным наукам, астрономии и пр. (в его библиотеке было много книг на эти темы. См.: Описание библиотеки И. А. Гончарова. Ульяновск, 1987) – оживотворена устремленностью осмыслить науку и культуру в свете идеалов Евангелия.

Жизнь Гончарова – от младенческих пелен до гробовой доски – прошла в церковной ограде. Помимо церковной службы, собственных напряженных размышлений и чтения книг, разговоров со знакомыми, он духовно окормлялся у священников, многое постигал, проявляя при этом уважение и послушание. Немного известно о двух духовниках писателя в храме св. великомученика Пантелеимона в Санкт-Петербурге. Это были протоиерей Гавриил Васильевич Крылов и, после его кончины, протоиерей Василий Перетерский. О них будет сказано позже, а теперь обратимся к личностям еще двух священников, которые духовно влияли на Гончарова в детские годы. Первым духовником писателя был священник Федор Степанович Троицкий (1792-1854).

Как известно, Гончаров родился в Симбирске, в июне 1812 года. В двадцати верстах от Симбирска, на левом берегу Волги, в селе Репьевка (оно же Ботьма, оно же Архангельское), существовал пансион «для местных дворян» [16, с. 7], который содержал священник Троицкий. Здесь Гончаров воспитывался три года (в 1820-1822 гг.). Отец Федор был не только богословски образованным, но и по-настоящему культурным человеком, знакомым с философией, искусством и пр. Его роль в жизни Гончарова явно недооценена: как правило, биографы Гончарова лишь вскользь упоминают имя Троицкого. Между тем именно отец Федор своим личным примером мог показать мальчику Гончарову, что традиционное православие не противоречит культурно-цивилизационным запросам человека, что и наложило глубокий отпечаток на весь строй духовной жизни Гончарова на многие десятилетия вперед.

Первым о священнике Троицком в связи с Гончаровым написал М. Ф. Суперанский [20, с. 163]. В настоящее время существует развернутая биографическая справка, написанная Е. Б. Клевогиной и размещенная в «Обломовской энциклопедии» [13]. Известно, что Троицкий был сыном дьякона и воспитанником Казанской духовной академии, которую окончил в 1817 году. В апреле 1817 года он был рукоположен в сан иерея в Вознесенском соборе, прихожанами которого были Гончаровы. Здесь, в Вознесенском соборе, он служил вторым священником в 1817-1818 гг. Одновременно преподавал богословские дисциплины в Симбирском духовном училище. В 1818 году княгиня Е. А. Хованская, вдова симбирского гражданского губернатора князя С. Н. Хованского (1767-1817), владелица усадьбы в Архангельском, пригласила образованного священника в Архангельское, с тем, чтобы он был не только настоятелем храма во имя Св. Михаила Архангела, но и нес обязанности наставника ее детей [19, с. 171]. Это было тем более целесообразно, что отец Федор был уроженцем Архангельского. С образованием Симбирской епархии в 1832 году первый Симбирский архиерей архиепископ Анатолий (Максимович), который управлял епархией с 1832 по 1842 гг., назначил священника Троицкого в декабре 1833 года благочинным, а в марте 1834 года произвел его в чин протоиерея.

Троицкий был талантливым человеком. Известно, что архиерей приглашал его на праздничные службы в кафедральный собор для произнесения проповедей. Проповеди его нравились не только архиерею и горожанам, но и крестьянскому населению его прихода. Крестьяне рассказывали, что они «от воскресенья до воскресенья», во время работ, размышляли о том, что составляло предмет последней проповеди отца Федора [20, с. 172].

Е. Ляцкий отмечал, что Троицкий был «человек просвещенный и, можно думать, широко образованный» [11, с. 64]. Сам же Гончаров в своей первой автобиографии называет Троицкого «сельским священником, весьма умным и ученым человеком» [3, с. 221].

Теперь более подробно о духовном настрое, который передал отец Федор будущему писателю. Их тесное общение приходилось на восприимчивый «нежный возраст» мальчика Гончарова: с восьми до десяти лет. Это было время в том числе и первых исповедей Ивана Александровича, выросшего под строгим руководством религиозной матери, которая хорошо знала отца Федора, приглашала его в свой дом и отдала своего сына в пансион Троицкого.

Принято считать, что Гончаров еще в детстве увидел в родном Симбирске многообразные лики «обломовщины» и духовной лени, что нашло впоследствии яркое выражение в романе «Обломов». Но в Симбирске он должен был встретить немало людей совершенно иного духовного и культурного настроя. Одним из них был священник Троицкий, которому доверили воспитание своих детей, вслед за

княгиней Хованской лучшие дворянские семьи Симбирска.

Отец Федор был «прогрессивным» священником. Он изящно одевался, читал светских философов и писателей. В его пансионе Гончаров впервые увидел большое собрание книг, настоящую библиотеку. В этой библиотеке были книги о путешествиях, книги по истории (Милота, Н. М. Карамзина, Голикова), книги Г. Р. Державина, М. В. Ломоносова, В. А. Жуковского, Нахимова, Тассо, пьесы Д. И. Фонвизина, Ж. Расина и др.

Помимо немецкого и французского языков, в пансионе маленький Гончаров изучал, между прочим, Закон Божий и Священную историю, которые преподавал Троицкий. И очевидно, преподавал талантливо, так что многое из его уроков врезалось в память впечатлительного мальчика. В романе «Обрыв» рассказывается, что маленький Райский учился в школе, вроде пансиона, откуда иногда приезжал домой. В этой школе «священник толковал историю Иова, всеми оставленного на куче навоза, страждущего». Образ св. Иова пройдет через все творчество Гончарова. Во многом он сам уже в старости сознавал прожитую жизнь в свете этого библейского образа [12, с. 41-42]. Кроме отца Федора, в пансионе были и другие учителя, в частности, его жена, Варвара Антоновна. Ученикам преподавались такие предметы, как российская и мировая история, арифметика, география, словесность. Занятия строились по рекомендациям европейских педагогических светил, в частности Ж. Ж. Руссо, чьи книги были в библиотеке священника Троицкого: теоретические предметы дополнялись гимнастикой, прогулками, во время которых детей учили наблюдать природу, играми на свежем воздухе.

Не вполне привычная для провинциального священника духовность подчеркивалась еще и тем, что женат отец Федор был на лютеранке, перешедшей в Православие, и, более того, после заключения брака он принял фамилию супруги. Правда, матушка приняла православие и стала называться Варварой Антоновной. В романе «Обрыв», может быть, неслучайно, священника герои зовут не «отец Николай», а светски: по имени-отчеству (Николай Иванович), да и в круг чтения этого батюшки входят такие мыслители, как Б. Спиноза, Вольтер, Л. Фейербах... Может быть, на этот раз следует поверить сбивчивым и не всегда правдивым воспоминаниям писателя Г. Н. Потанина, который подчеркивает некоторую светскость в образе отца Федора: «Почтенный протоиерей… был весьма замечательный человек; он кончил курс в академии и присватался к местной гувернантке Лицман; та приняла православие и превратилась в попадью, а он после посвящения получил место попа в родное село Архангельское и, точно в знак благодарности, принял от жены фамилию Лицман… В доме Гончаровых я часто видел протоиерея Троицкого, уже стариком, но и тогда он был красавец и щеголь, одевался в бархат, имел приятный голос, живо, увлекательно говорил, а от братии своей попов отличался особенно изящными манерами и умел держать себя корректно… В доме Гончаровых протоиерей Троицкий был такая почетная личность, что его встречали как архиерея» [6, с. 28-29].

Если в доме Гончарова священника Троицкого «встречали как архиерея», то естественно предположить, что первые исповеди мальчика Гончарова принимал именно отец Федор, тем более что в пансионе они тесно общались в течение целых трех лет. В любом случае мы можем утверждать, что Гончаров в детстве, несомненно, ощутил духовное влияние священника Федора Троицкого. Скорее всего, он встречался со своим первым духовным руководителем и во время своих приездов в Симбирск.

Та духовная закваска, которую получил Гончаров от отца Федора Троицкого, объясняет, почему в числе знакомых писателя никогда не было священников «простых», тех, кого Г. Н. Потанин называет «попами». В кругу знакомых Гончарова, по известным сведениям, всегда были священники «культурные»: либо высокопоставленные, из придворного круга или близкого им окружения, либо деятельные миссионеры, переводчики Священного Писания на языки народов Сибири (будущий епископ Якутский, а затем Уфимский Димитрий Хитров), либо просто имевших ученые степени.

Культурно-цивилизующее начало в отце Федоре Троицком объясняется, на наш взгляд, тем, что учащиеся Казанской духовной академии для пополнения образования слушали в Казанском университете лекции по предметам, не преподававшимся в академии, хотя выпускники академии этого периода не считались получившими высшее образование. Университетская закваска дала себя знать во всей деятельности отца Федора: как богослужебной, так и педагогической. Для Гончарова это был «университет до университета». Вот почему он так активно не принял строй педагогической жизни Московского коммерческого училища, куда он поступил после пансиона Троицкого. В письме к брату Н. А. Гончарову от 29 декабря 1867 года романист писал: «Об училище я тоже не упомянул ничего в биографии, потому что мне тяжело вспоминать о нем, и, если б пришлось вспомянуть, то надо бы было помянуть лихом, а я этого не могу, и потому о нем ни слова. По милости тупого и официального рутинера, Тита Алексеевича, мы кисли там 8 лет, 8 лучших лет без дела!..» [7, с. 47-48]. В цитируемом письме Гончаров «помянул лихом» почти всех преподавателей. Историк

С. М. Соловьев приходил в училище к отцу, служившему там в те годы, когда там обучались Гончаров и его брат Николай. Он отмечал: «Учили плохо, а учителя были допотопные» [16, с. 72].

Известно, что в училище велось преподавание Закона Божьего. Этот предмет по бумагам Коммерческого училища значится как «Закон веры». Так вот, в «Законе веры» Иван Гончаров «оказал успехи… очень хорошие» [1, с. 17]. Знания его действительно были крепкие. Даже позже, уже в старости, Гончаров гордился своими познаниями в этом предмете и преподавал его сам своей воспитаннице Сане Трейгут. В письме к графине А. А. Толстой он писал в 1878 году: «Самоотвержение мое заключается… в… ежедневном труде обучения их (детей покойного слуги – В. М.) грамоте русской, арифметике, письму и закону Божию, да и закону Божию, который я тоже немного понимаю, и полагаю, что меня не собьет с пути и не опровергнет не только моя воспитанница Саня…но даже… и Вы, Графиня!» [10, с. 423].

В опубликованном Н. М. Егоровой списке всех служащих Коммерческого училища за 1826 год числится и священник, преподаватель Закона Божьего Михаил Васильевич [7, с. 55]. К сожалению, не названа его фамилия, т. к. она отсутствует в публикуемых документах. Кто же этот Михаил Васильевич? Из «Записок» его сына, знаменитого историка Сергея Михайловича Соловьева, следует, что законоучителем и настоятелем в Московском коммерческом училище был протоиерей Михаил Васильевич Соловьев (ум. в 1861 г.) [17, с. 240]. Имя его никогда не значилось в списке знакомых Гончарова. Это был весьма просвещенный человек, к тому же снисходительный и добрый, он пользовался расположением московского митрополита Филарета (Дроздова) и всего московского общества [15, с. 581]. Он был очень ласков с детьми. Михаил Васильевич всю жизнь (сорок три года) прожил в стенах Московского коммерческого училища, где в 1820 году родился историк С. М. Соловьёв. В 1860 году М. В. Соловьёв перевелся на священническое место при церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Левшине. Там он очень тосковал о Коммерческом училище. О нем сохранилась память, как о пламенно-верующем служителе алтаря.

Отец Михаил проживал при училище и, вероятно, не только преподавал свой предмет, но и вел службы в храме св. Марии Магдалины, который был устроен после пожара 1812 года в помещении бывшей спальни, на верхнем этаже, и освящен 13 февраля 1816 года. По необходимости он должен был быть духовным руководителем многих учеников, в особенности приезжих из провинции. Гончаров провел в училище свои детские и, отчасти, юношеские годы: с десяти до восемнадцати лет. Отец Михаил не один раз исповедовал и причащал Гончарова, вероятно, отвечал на вопросы юноши о духовной жизни. Естественно предположить, что именно отец историка С. М. Соловьева и дед философа В. С. Соловьева был духовником юного Гончарова в эти годы (впрочем, нельзя не упомянуть, что, став постарше, Гончаров по воскресным дням посещал Никитский женский монастырь, посещая, вероятно, церковные службы). Нет никаких указаний на то, что Гончаров поддерживал после выхода из училища какие-либо отношения с отцом Михаилом, однако он был знаком и с Сергеем Михайловичем и Владимиром Сергеевичем Соловьевыми.

Был ли духовный руководитель у писателя в университетский период в Москве и в 1830-1850-е годы в Петербурге, неизвестно. Однако кругосветное плавание 1852-1854 гг., видимо, сильно повлияло на Гончарова, его религиозность усилилась и окрепла, чему было причиной, в частности, сближение с адмиралом Е. В. Путятиным и с судовым священником архимандритом Аввакумом (Честным). Современники так отзывались об отце Аввакуме: «Кто знал его близко, не мог не любить. Это был светильник, который не для себя существовал, но от которого заимствовало свет и теплоту все, что окружало его» [14, с. 5]. Вторит им и Гончаров: «Как он сам лично не имел врагов, всеми любимый и сам всех любивший, то и не предполагал их нигде и ни в ком: ни на море, ни на суше, ни в людях, ни в кораблях... Он жил в своем особом мире идей, знаний, добрых чувств – и в сношениях со всеми нами был одинаково дружелюбен, приветлив. Мудреная наука жить со всеми в мире и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвещенной религии. Это давалось ему легко: ему не нужно было уменья – он иным быть не мог. Он не вмешивался никогда не в свои дела, никому ни в чем не навязывался, был скромен, не старался выставить себя и не претендовал на право даже собственных, неотъемлемых заслуг, а оказывал их молча и много – и своими познаниями, и нравственным влиянием на весь кружок плавателей, не поучениями и проповедями, на которые не был щедр, а просто примером ровного, покойного характера и кроткой, почти младенческой души» [2, с. 728-729].

Сразу после возвращения из кругосветного плавания в Санкт-Петербург Гончаров поселяется на Невском проспекте в доме Кожевникова, близ Владимирской улицы (ныне Невский проспект, дом № 51). Живя в этом доме и работая над «Обломовым», Гончаров мог ходить на службы во Владимирский собор, либо в Коневскую церковь, либо в храм св. Богоприимца Симеона и праведной Анны пророчицы. Все эти храмы располагались примерно на одинаковом расстоянии от дома

Кожевникова. Однако писатель мог захаживать и в храм св. великомученика Пантелеимона.

В 1861 году Гончаров снова переезжает, на этот раз в дом № 3 (дом М. М. Устинова) по Моховой улице [1, с. 119]. В этом доме он прожил тридцать лет до конца своей жизни. Дом относился к приходу храма св. великомученика Пантелеимона, который располагался на улице Пантелеймоновской (ныне ул. Пестеля, дом № 2). Можно предположить, что не позднее 1861 года писатель стал регулярно посещать этот храм. Таким образом, в возрасте около пятидесяти лет Гончаров сблизился с настоятелем храма, протоиереем Гавриилом Васильевичем Крыловым (предп. 1821 – предп. 1871, Санкт-Петербург), избрав его своим духовным отцом.

Известно, что с 1848 по 1854 гг. отец Гавриил служил в церкви св. Архистратига Михаила в доме Опочниных на Гагаринской (Французской) набережной, дом 30. Церковь в 1814 года устроила вдова М. И. Кутузова – Екатерина Ивановна (рожд. Бибикова). После её смерти особняк с церковью перешёл к её дочери Дарье Михайловне Опочниной. Таким образом, возможно что священник был переведен в храм св. Пантелеимона на Моховой в 1854 году.

Отец Гавриил Крылов (предп. 1821 – предп. 1871, Санкт-Петербург) был кандидатом богословия и влиятельным в Петербургской епархии человеком, настоятелем храма св. Пантелеимона в Санкт-Петербурге и духовником Гончарова предположительно с 1861-го и до 1871 года. Дата рождения Крылова устанавливается предположительно, – исходя из Списка духовных лиц Петербургской епархии на 1867 г., где его возраст определён в 46 лет. Этот же Список указывает, что рукоположение Крылова в священники состоялось в 1848 г. [18, с. 393-394]. Николай Иванович Барсов в своих воспоминаниях о Гончарове упоминает о близком знакомстве отца Гавриила с придворным протоиереем Иоанном Васильевичем Рождественским, который обучал Закону Божьему Великого князя Сергея Александровича Романова. По свидетельству Н. И. Барсова, отец Гавриил «был человек хворый, чахоточный…». Иван Александрович любил и уважал своего духовного отца «как человека простого и доброго и прекрасного священника». Публикатором ошибочно указано: Крымов. Крылов Гавриил Васильевич – священник.

Гончаров посещал дом отца Гавриила. Одно из таких посещений в 1867 или 1868 гг. описывает Н. И. Барсов: «Я встретился в первый раз с Иваном Александровичем Гончаровым в 1867 или 1868 году у покойного Гавриила Васильевича Крылова, протоиерея Пантелеймоновской церкви, его духовника и хорошего знакомого, которого Иван Александрович очень любил и уважал, как человека простого и доброго и прекрасного священника. Однажды, в день именин Гавриила Васильевича, у него собрались вечером его родственники и знакомые, в числе их – член синода, придворный протоиерей И. В. Рождественский, протопресвитер М. И. Богословский с семейством, несколько протоиереев и священников и несколько лиц светских, в том числе И. Т. Осинин и я. К Крыловым обыкновенно собирались рано, часов в семь, и долго не засиживались, так как покойный Гавриил Васильевич был человек хворый, чахоточный, и должен был ложиться спать вовремя, не позже часов двенадцати. В этот день все обычные гости уже были налицо, как часов в восемь раздался в прихожей звонок и в гостиную вошел Гончаров... Знаменитого гостя усадили на главном месте на диване; общий говор смолк, большая часть собравшихся гостей, бывших с ним знакомыми, уселись около. После кой-каких спросов и ответов Гончаров один овладел речью и рассказывал, рассказывал, главным образом о своих путешествиях, о виденном и слышанном, о японских и сибирских нравах. Я никогда не слыхал такого прекрасного рассказчика, он рисовал ряд живых картин, то смешных и забавных, то серьезных и важных, пересыпая их то шутками и каламбурами, то совместными с собеседниками рассуждениями...» [6, с. 146-147].

Отношения с духовником у Гончарова были очень доверительные. Впервые своего духовника Гончаров упоминает, кажется, в письме к Софье Александровне Никитенко (которая, кстати сказать, тоже хорошо знала отца Гавриила и, скорее всего, также была его духовным чадом) от 4 июля 1868 года. Речь в письме идет о некоей А. Н., женщине, к которой Гончаров, судя по всему, был неравнодушен, но от которой буквально бегал, подозревая, что она лишь выполняет тайное поручение его личных врагов. Из письма выясняется, что в подобные проблемы своей жизни он посвящал отца Гавриила: «Ведь Вам мое длинное письмо ни в чем не помешает... А пишу по привычке поверять Вам все вообще и, между прочим, об А. Н. , о которой только и могу говорить с Вами да с отцом Гавриилом. Не забудьте прочесть ему это мое письмо: пусть он не поскучает выслушать. Я спешу написать это все Вам затем, чтобы и он, и Вы, услышавши от кого-нибудь, что и А. Н. и я – в Швальбахе, не подумали, что я поехал сюда, знавши о ней что-нибудь, и не обвинили бы меня, как ее покровители, с ее слов и жалоб – и по наружным признакам. Боже меня сохрани! Я бы тогда ни ногой сюда! И теперь ничего: не подходи она ко мне, не останавливай, словом не затрогивай – и я не только не заговорю с ней, даже лишнего взгляда не кину – и мне нисколько не мешает работать то, что она тут близко» [3, с. 390]. Письмо к С. А. Никитенко от 19

июля 1868 года еще более подробно рассказывает об отношениях Гончарова с таинственной «Агр. Ник.» и о ее характере. И здесь снова упоминание отца Гавриила, причем очень характерное: «священник, знающий все обо мне» [8, с. 201]. В более позднем письме к С. А. Никитенко от 4 июня 1869 года писатель снова упоминает своего духовного отца. Судя по контексту письма, отец Гавриил действительно знал о писателе все и был в курсе тяжбы Гончарова с Тургеневым, который, по мнению Гончарова, использовал в своих романах мотивы и образы еще неопубликованного, но уже прочитанного вслух «Обрыва». Духовник Гончарова мог советовать и советовал ему только одно: смириться: «Наш общий знакомый отец Гавриил все твердил и в прошлом и в нынешнем году: „Простите всем, смиритесь, и вам простится"... „Простите, смиритесь!" – говорят мне – и отец Гавриил и собственное мое желание» [3, с. 411-412]. Затянувшийся конфликт с Тургеневым вылился в книге «Необыкновенная история». Гончарову потребовались годы для того, чтобы действительно «смириться». Вся «Необыкновенная история» проникнута христианским, евангельским духом. Сам романист рассматривал эту историю как искушение, посланное Богом для очищения души. Книга писалась в середине 1870-х годов. Но письмо к С. А. Никитенко (1869) пишется, когда Гончаров еще весь в страстях, что и понятно сразу после окончания «Обрыва» и в период публикации его в «Вестнике Европы». Оттого в письме вопрос о смирении обсуждается достаточно бурно: «„Очень рад, от всей души – но кому простить, перед кем и как смириться – скажите только, отвечал я, – и я первый протяну руки, и во мне не останется ничего злого и недоброго, и дайте мне какую-нибудь гарантию, что ничего подобного не повторится!" Он (отец Гавриил – В. М.) на это никакого ответа не давал, и меня окружала прежняя таинственность... Мне кажется, другие больше меня нуждались бы также и в моем прощении, но они о нем не думают и не заботятся, а требуют только от меня. Смирение ведь нужно и для других, меч равно над всеми головами висит – отчего же другие не заботятся о смирении и побуждают к нему меня? Разве они правее меня?... смириться, наконец, успокоиться (на что я, кажется, имею право) можно тогда, когда есть гарантия, что все кончилось, миновалось» [3, с. 411-412].

Гончаров был на восемь-девять лет старше своего духовника, смерть последнего оставила глубокий след в его душе. Г. был на 8 лет старше своего духовника, смерть последнего оставила глубокий след в его душе. Дата смерти протоиерея Гавриила – 1880 год – вызывает некоторые вопросы. Следующий духовник Гончарова – протоиерей Василий Перетерский (1843-1915) – в письме к М. Ф. Сперанскому от 11.10.1912 года вспоминал: «Я служу в приходе Пантелеймоновской церкви с 1869 г., постоянно свыше 40 лет. В этом же приходе, Моховая ул., д. № 3… все в одной квартире свыше 30 лет жил и Иван Александрович Гончаров» [10, с. 633]. Отец Василий Перетерский в письме признаётся, что являлся духовником Гончарова «последние 20 лет», то есть с 1871 года. Значит, либо протоиерей Крылов скончался в 1871 году, либо болезненный батюшка передал свое духовное чадо Перетерскому для духовного руководства.

В 1871 году Гончарову исполнилось пятьдесят девять лет, отцу же Василию – всего двадцать восемь, однако это не помешало их серьезному сближению. Множество фактов говорит о том, что, по мере приближения к смертному порогу, Гончаров все более серьезно относится к своим духовным руководителям. Кроме того, сам отец Василий оказался необыкновенно глубоким и проницательным священником, что видно по его письму к М. Ф. Суперанскому, в котором он оставил самую подробную и замечательную характеристику Гончарова-христианина: «Известие, что он был человек совершенно индифферентный к религии, не исполнял обрядов церкви, не причащался et cet., думаю, кем-то выдумано и совершенно не соответствует действительности. Я могу свидетельствовать, что он был человек верующий, хотя, может быть, по обычаю времени и по светским отношениям не всегда в жизни точно соблюдал обычаи и порядки церкви православной. В храм Божий в воскресные и праздничные дни ходил; ежегодно исполнял христианский долг исповеди и св. причащения в своем приходском храме, что особенно памятно нам потому, что он исповедался и причащался тогда, когда причастников в приходской церкви было уже очень немного, именно в Великую субботу за поздней литургией, которая начинается только в 1-м часу дня и по предположительности кончается уже в 3-м часу дня, почему причастников на ней бывает уже мало, но всегда обязательно И. А. Гончаров. Духовником его сначала был действительно наш протоиерей Гавриил Васильевич Крылов, а по его кончине в январе 1880 года. С того года постоянно, ежегодно и по смерть Гончаров исповедовался у меня и причащался в нашей церкви» [10, с. 634].

Отношения с отцом Василием также сложились близкие и доверительные. Священник вспоминал: «Я подписывал, помню, за год или за два, его духовное завещание, после чего он, гуляя, сам занес мне на дом полное собрание своих сочинений с собственноручною подписью на I томе, про которую при сем сострил, ссылаясь на свое плохое зрение: "извините, что подписал так худо, как лавочник; плохо вижу!" Я, наконец, служил по смерти, над его прахом панихиды, провожал в Лавру и обычным порядком после отпевания в Дуловской церкви предал земле на Никольском лаврском кладбище.

Много лет, как прихожанин, он был членом приходского Благотворительного Общества. Все, выше сказанное, за много лет личного знакомства и духовных отношений дает мне твердое основание свидетельствовать, что покойный Иван Александрович, по крайней мере за последние 20 лет, был и скончался истинно верующим сыном церкви православной. Пантелеймоновской церкви протоиерей Василий Перетерский» [10, с. 634].

25 сентября 1890 года романист делает приписку к духовному завещанию, указывая в ней нового душеприказчика – А. Г. Полотебнова. Полотебнов входил в состав медицинского консилиума, который был собран за день до смерти Гончарова, а также присутствовал на похоронах писателя на Новом Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Он заменил в качестве душеприказчика умершего юриста М. Н. Любощинского. Приписка заверена знаменитым юристом и добрым знакомым писателя Анатолием Федоровичем Кони и священником Василием Перетерским. Нужно сказать, что Гончаров уделял своему духовному завещанию большое внимание. Он стал им заниматься довольно рано – с 1879 года, то есть в шестьдесят семь лет, за двенадцать лет до своей кончины.

Священник Василий Перетерский был одним из немногих, знавших сокрытую духовную жизнь писателя, он свидетельствует об истинном христианском смирении Гончарова: «Я его и напутствовал в последней предсмертной болезни; я тогда получил от него христиански смиренную просьбу, чтобы не хоронили его как литератора, на Волковском кладбище, а чтобы похоронили как простого христианина, скромно, просто, без всяких обычно устрояющихся учащеюся молодежью при погребении литераторов помпы и намеренной пышности и шума, в Невской Лавре». После смерти писателя отец Василий служил над его прахом панихиды, провожал гроб с телом покойного романиста в Лавру и обычным порядком после отпевания в Свято-Духовской церкви предал земле на Никольском лаврском кладбище, которое в 1891 года называлось Новым.

Та духовная закваска, которую получил Гончаров от отца Феодора Троицкого, а затем, видимо, и от протоиерея Михаила Соловьева, объясняет, почему в числе знакомых писателя никогда не было таких священников, которых Г. Н. Потанин называет «попами». В кругу знакомых Гончарова, по известным сведениям, всегда были либо высокопоставленные священнослужители из числа лиц, приближенных ко двору, либо деятельные миссионеры и переводчики Священного Писания – как, например, митрополит Иннокентий (Вениаминов) и его сподвижник (впоследствии епископ Уфимский) священник Димитрий (Хитров), либо пастыри, имевшие ученые степени. С самого начала духовная жизнь Гончарова формировалась, в том числе и под влиянием духовных наставников, в русле «культурного христианства», послужившего идейной платформой гончаровского творчества. Однако как в творчестве, так и, еще более, в личности писателя находит выражение другая духовная тенденция, та «младенческая вера», которую привила ему его мать, Авдотья Матвеевна. Наиболее характерно она выплеснулась в строках письма Гончарова к А. Ф. Кони от 30 июня 1886 года: «Я с умилением смотрю на тех сокрушенных духом и раздавленных жизнью старичков и старушек, которые, гнездясь по стенке в церквах, или в своих каморках перед лампадой, тихо и безропотно несут свое иго – и видят жизнь и над жизнью высоко только крест и Евангелие, одному этому верят и на одно надеются! Отчего мы не такие. „Это глупые, блаженные", – говорят мудрецы мыслители. Нет – это люди, это те, которым открыто то, что скрыто от умных и разумных. Тех есть Царствие Божие и они сынами Божиими нарекутся!» [9, с. 76].

Библиографический список

1. Алексеев, А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова [Текст] / А. Д. Алексеев. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 368 с.

2. Гончаров, И. А. Полн. собр. соч. В 20-ти томах. Т. 2 [Текст] / И. А. Гончаров. – СПб. : Наука, 1997. – 746 с.

3. Гончаров, И. А. Собр. соч.: В 8-ми томах. Т. 8 [Текст] / И. А. Гончаров. – М. : Гослитиздат, 1955. – 576 с.

4. Гончаров, И. А. Письма И. А. Гончарова к А. Ф. Кони [Текст] / Вступительная статья, комментарии и публикация В. И. Мельника, Т. И. Орнатской // Литературное наследство. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – М. : Изд-во ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. – С. 434-534.

5. Гончаров, И. А. Письмо к В. С. Соловьеву. Предисловие В. И. Мельника [Текст] // И. А. Гончаров (Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова). – Ульяновск, 1994. – С. 343-351.

6. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников [Текст]. – Л., 1969. – 320 с.

7. Егорова, Н. М. Новые материалы об учебе И. А. Гончарова в Москве [Текст] // Симбирский вестник. Вып. II. – Ульяновск : «Симбирская книга», 1994. – 220 с.

8. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 г. [Текст]. – Л. : Наука, 1978. – 296 с.

9. Кони, А. Ф. Воспоминания о писателях [Текст] / А. Ф. Кони. – М., 1989.

10. Лит. наследство. Т. 102 [Текст]. – М. : «Наследие», 2000. – С. 619-620.

11. Ляцкий, Е. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. Изд. 3-е. [Текст] / Е. Ляцкий. – Стокгольм : Северные огни,

1920. – 378 с.

12. Мельник, В. И. Книга Иова в упоминаниях И. А. Гончарова [Текст] // Тезисы докладов XXXI научно-технической конференции. Ч. 4. – Ульяновск, 1997. – С. 41-42.

13. Обломовская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www. pushkinskijdom.ru

14. Отчет Императорского Русского географического общества за 1866 г., составленный секретарем общества бароном Ф. Р. Остен-Сакеном [Текст]. – Спб., 1867. – 134 с.

15. Рыбасов, А. И. А. Гончаров [Текст] / А. Рыбасов. – М. : Гос. издат. худ. лит., 1962. – 244 с.

16. Записки С. М. Соловьева [Текст] // Вестник Европы. – 1907. – Т. III. – С. 72.

17. Соловьёв, С. М. Избранные труды. Записки [Текст] / С. М. Соловьёв. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 440 с.

18. Список духовных лиц Петербургской епархии на 1867 год; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 7 [Текст]. – СПб., 1883.

19. Суперанский, М. Ф. Материалы для биографии И. А. Гончарова [Текст] // Огни. История. Литература. Кн. 1. – Пг., 1916. – 316 с.

20. Суперанский, М. Ф. Один из учителей И. А. Гончарова [Текст] // Огни. История. Литература. Кн. 1. – Пг., 1916. – 316 с.

Reference List

1. Alekseev, A. D. Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Goncharova = Chronicle of I. A. Goncharov's life and creativity [Tekst] / A. D. Alekseev. – M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1960. – 368 s.

2. Goncharov, I. A. Poln. sobr. soch. V 20-ti tomah. T. 2 = Complete set of works. In 20 volumes. V. 2 [Tekst] / I. A. Goncharov. – SPb. : Nauka, 1997. – 746 s.

3. Goncharov, I. A. Sobr. soch.: V 8-mi tomah. T. 8 = Complete set of works. In 8 volumes. V. 8 [Tekst] / I. A. Goncharov. – M. : Goslitizdat, 1955. – 576 s.

4. Goncharov, I. A. Pis'ma I. A. Goncharova k A. F. Koni = I. A. Goncharov's letters to A. F. Koni [Tekst] / Vstupitel'naja stat'ja, kommentarii i publikacija V. I. Mel'nika, T. I. Ornatskoj // Literaturnoe nasledstvo. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovanija = Literary inheritance. V. 102. I. A. Goncharov. New materials and researches. – M. : Izd-vo IMLI RAN «Nasledie», 2000. – S. 434-534.

5. Goncharov, I. A. Pis'mo k V. S. Solov'evu. Predislovie V. I. Mel'nika = The letter to V. S. Soloviov. V. I. Melnik's preface [Tekst] // I. A. Goncharov (Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 180-letiju so dnja rozhdenija I. A. Goncharova) = I. A. Goncharov (Materials of the international conference devoted to the 180 anniversary since the birth of I. A. Goncharov). – Ul'janovsk, 1994. – S. 343-351.

6. I. A. Goncharov v vospominanijah sovremennikov = I. A. Goncharov in memoirs of contemporaries [Tekst]. – L., 1969. – 320 s.

7. Egorova, N. M. Novye materialy ob uchebe I. A. Goncharova v Moskve = New materials about I. A. Goncharov's study in Moscow [Tekst] // Simbirskij vestnik. Vyp. II. = Simbirsk bulletin. Issue II. – Ul'janovsk : «Simbirskaja kniga», 1994. – 220 s.

8. Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 g. = The year-book of Hand-written department of the Pushkin House for 1976 [Tekst]. – L. : Nauka, 1978. – 296 s.

9. Koni, A. F. Vospominanija o pisateljah = Memories on writers [Tekst] / A. F. Koni. – M., 1989.

10. Lit. nasledstvo. T. 102 = Literary inheritance. V. 102 [Tekst]. – M. : «Nasledie», 2000. – S. 619-620.

11. Ljackij, E. Goncharov. Zhizn', lichnost', tvorchestvo. Kritiko-biograficheskie ocherki. Izd. 3-e. = Goncharov. Life, personality, creativity. Critical-biographical essays. The 3rd edition. [Tekst] / E. Ljackij. – Stokgol'm : Severnye ogni, 1920. – 378 s.

12. Mel'nik, V. I. Kniga Iova v upominanijah I. A. Goncharova = Book by Job in I. A. Goncharov's mentions [Tekst] // Tezisy dokladov HHHI nauchno-tehnicheskoj konferencii. Ch. 4 = Theses of reports of the XXXI scientific and technical conference. Part 4. – Ul'janovsk, 1997. – S. 41-42.

13. Oblomovskaja jenciklopedija = Oblomov encyclopedia [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www. pushkinskijdom.ru

14. Otchet Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva za 1866 g., sostavlennyj sekretarem obshhestva baronom F. R. Osten-Sakenom = The report of the Imperial Russian Geographical Society for 1866 made by the secretary of society Baron F. R. Osten-Saken [Tekst]. – Spb., 1867. – 134 s.

15. Rybasov, A. I. A. Goncharov = I. A. Goncharov [Tekst] / A. Rybasov. – M. : Gos. izdat. hud. lit., 1962. – 244 s.

16. Zapiski S. M. Solov'eva = S. M. Soloviov's notes [Tekst] // Vestnik Evropy = Bulletin of Europe, 1907. – T. III. – S. 72.

17. Solov'jov, S. M. Izbrannye trudy. Zapiski = Selected works. Notes [Tekst] / S. M. Solov'jov. – M. : Izd-vo MGU, 1983. – 440 s.

18. Spisok duhovnyh lic Peterburgskoj eparhii na 1867 god; Istoriko-statisticheskie svedenija o Sankt-Peterburgskoj eparhii. Vyp. 7 = The list of ecclesiastics of the St. Petersburg diocese for 1867; Historical and statistical data on the St. Petersburg diocese. Issue 7 [Tekst]. – SPb., 1883.

19. Superanskij, M. F. Materialy dlja biografii I. A. Goncharova = Materials for I. A. Goncharov's biography [Tekst] // Ogni. Istorija. Literatura. Kn. 1. = Lights. History. Literature. Book 1. – Pg., 1916. – 316 s.

20. Superanskij, M. F. Odin iz uchitelej I. A. Goncharova One of I. A. Goncharov's teachers [Tekst] // Ogni. Istorija. Literatura. Kn. 1. = Lights. History. Literature. Book 1. – Pg., 1916. – 316 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.12.2018
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10308

УДК 821.161.1

А. П. Дмитриев https://orcid.org/0000-0002-8460-4578

И. С. Тургенев и Н. П. Гиляров-Платонов: к истории взаимоотношений

В статье впервые вводятся в научный оборот и обобщаются уже имеющиеся сведения о взаимоотношениях И. С. Тургенева и Н. П. Гилярова-Платонова – философа, литературного критика, публициста славянофильского направления. Уделяется особое внимание периодам рубежа 1850-1860-х гг., когда Н. П. Гиляров-Платонов был цензором произведений писателя, и конца 1870-х – начала 1880-х гг., когда он в своих изданиях (газете «Современные известия» и журнале «Радуга») опубликовал ряд статей о творчестве и общественном значении И. С. Тургенева. Новизна исследования видится в том, что впервые анализируется литературно-критическая рецепция творчества И. С. Тургенева публицистом славянофильского направления, позиция которого отличается от основных установок его единомышленников-славянофилов. Актуальность работы обусловлена тем, что анализ материалов, извлеченных из редких газет и архивохранилищ, позволил скорректировать устоявшиеся в науке суждения о существовавшем в пореформенный период непреодолимом идейном противостоянии между представителями консервативной и славянофильской мысли и великим писателем. Установлено авторство Н. П. Гилярова-Платонова и его соредактора Ф. А. Гилярова для ряда литературно-критических материалов газеты «Современные известия», опубликованных анонимно либо под криптонимами. Исследованы аналитические выкладки и афористические формулировки Н. П. Гилярова-Платонова в его передовых статьях и публичных речах об И. С. Тургеневе, выявлено их отличие от критических оценок его современников. Доказано, что рецепция Н. П. Гиляровым-Платоновым творческого пути и общественной значимости И. С. Тургенева вносит немаловажные коррективы в понимание общей картины освоения литературной критикой творчества писателя и может стимулировать современную исследовательскую мысль.

Ключевые слова: взаимоотношения И. С. Тургенева и Н. П. Гилярова-Платонова, славянофильская критика, история журналистики, текстологический комментарий, эпистолярный жанр.

A. P. Dmitriev

I. S. Turgenev and N. P. Gilyarov-Platonov: about History of Mutual Relations

The article for the first time introduces into the scientific circulation and summarizes the already existing information about the relationship of I. S. Turgenev and N. P. Gilyarov-Platonov – philosopher, literary critic, journalist of the Slavophil direction. Particular attention is paid to the periods of the turn of the 1850-1860s, when N. P. Gilyarov-Platonov was a censor of the writer's works, as well as the end of the 1870s – the beginning of the 1880s, when in his editions (the newspaper «Sovremennye Izvestiya» and the magazine «Raduga») he published a series of articles on I. S. Turgenev's fiction and social significance. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the literary criticism of I. S. Turgenev's works is analyzed by a journalist of the Slavophil direction, whose position differs from the basic views of his like-minded Slavophiles. The relevance of the work is due to the fact that the analysis of materials extracted from rare newspapers and archives made it possible to correct the ideas that have been established in science about the irresistible ideological confrontation between the representatives of the conservative and Slavophil thought and the great writer during the post-reform period. Here is established authorship of N. P. Gilyarov-Platonov and his co-editor F. A. Gilyarov for a number of literary and critical materials of the newspaper «Sovremennye Izvestiya», published anonymously or under cryptonyms. N. P. Gilyarov-Platonov's analytical inferences and aphoristic formulations in his leading articles and public speeches about I. S. Turgenev are investigated, their difference from the critical assessments of his contemporaries is revealed. It is proved that N. P. Gilyarov-Platonov's reception of I. S. Turgenev's creative path and social significance makes important corrections in the understanding of the overall picture of the mastery of the writer's work by literary criticism and can stimulate modern research thought.

Keywords: the relationship of I. S. Turgenev and N. P. Gilyarov-Platonov, Slavophile criticism, history of journalism, textual commentary, epistolary genre.

Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824-1887) – философ, литературный критик, публицист славянофильского направления и мемуарист, имя которого ныне знакомо, пожалуй, только узким специалистам. В наши дни наследие Н. П. Гилярова-Платонова ввел в научный оборот известный литературовед Б. Ф. Егоров – в своем труде «Очерки по истории русской культуры XIX века» [9, с. 128-130, 137, 196-198] и статье «Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик», впервые опубликованной на английском языке (в переводе Питера Роллберга) в сборнике в честь 60-летия профессора Вашингтонского университета им. Дж. Вашингтона Чарльза Мозера [17]. За прошедшие два десятилетия увидел свет ряд работ, посвященных полузабытому

© Дмитриев А. П., 2019

русскому литератору, ученому и общественному деятелю, но пока исследовательская мысль находится только на дальних подступах к адекватному постижению его обширного наследия.

О «взаимоотношениях» великого писателя с его младшим современником можно говорить с известной долей условности. Тургеневедам сегодня неведомо, было ли между ними живое общение, хотя Н. П. Гиляров-Платонов и И. С. Тургенев (когда находился в России) начиная с января 1859 г. [3, с. 17] бывали на заседаниях Общества любителей российской словесности и на различных литературно-общественных мероприятиях (когда И. С. Тургенев находился в России) вплоть до Пушкинского праздника 1880 г. Вместе с тем на рубеже 1850-1860-х гг. и в 1879 г. происходили заочные «встречи» И. С. Тургенева и Н. П. Гилярова-Платонова сугубо делового характера – в связи со служебной деятельностью последнего сначала как члена Московского цензурного комитета, а затем редактора-издателя московской ежедневной газеты «Современные известия» (1867-1887) и иллюстрированного еженедельника «Радуга» (1883).

Выпускник и преподаватель Московской духовной академии, Н. П. Гиляров-Платонов начиная с 1852 г. сближается с московским славянофильским кружком, прежде всего с С. Т. Аксаковым и его сыновьями Константином и Иваном, а также с А. С. Хомяковым и Ю. Ф. Самариным; благодаря их протекции переходит в светское звание и с мая 1856 г. по август 1862 г. служит цензором Московского цензурного комитета. Здесь он снискал себе славу либерального чиновника-просветителя, находившегося в оппозиции к карательно-запретительной политике своего ведомства и руководствовавшегося интересами общественной пользы.

В его ведении состояла вся славянофильская журналистика: «Русская беседа» и «Сельское благоустройство» А. И. Кошелева, «Молва» К. С. Аксакова, «День» И. С. Аксакова, «Акционер» Ф. В. Чижова, а также такие, например, значимые издания, как «Русский вестник» М. Н. Каткова и «Ясная Поляна» Л. Н. Толстого. О многогранной цензорской деятельности Н. П. Гилярова-Платонова в последние годы опубликовано несколько исследований: [8, с. 53-105], [11, с. 96-130, 267-323], [14].

Без живого участия Н. П. Гилярова-Платонова проблематичным стало бы осуществление ряда важных издательских проектов. К примеру, в начале 1857 г. он добивался, чтобы увидели свет тексты «Горя от ума» и других произведений А. С. Грибоедова, не искаженные цензурными вмешательствами. Из цензора увлекающийся Гиляров порой превращался в редактора и даже соавтора. Летом 1857 г., цензуруя 6-томные «Сочинения и письма» Н. В. Гоголя, Н. П. Гиляров-Платонов предлагал их издателю П. А. Кулишу текстологически проанализировать разрозненные заметки писателя, сохранившиеся в его посмертных бумагах, чтобы воссоздать «нечто гармоническое, исполненное глубокого смысла» и «обставить замечаниями» эти реконструированные произведения [6, с. 195-198].

Позднее Н. П. Гиляров-Платонов столь же заинтересованно цензуровал 4-томное собрание сочинений И. С. Тургенева в издании Н. А. Основского, вышедшее в 1860-1861 гг. Несомненно, что именно благодаря Н. П. Гилярову-Платонову удалось провести через цензурные рогатки явно «непроходной» дополнительный эпилог романа «Рудин», в котором герой погибает на парижских баррикадах. Н. П. Генералова, главный редактор второго издания академического Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, в недавней статье отметила: «Высокообразованный и талантливый философ, публицист и издатель Н. П. Гиляров-Платонов <…> конечно, рисковал, пропуская дописанный Тургеневым “революционный” эпилог романа “Рудин”, напечатанный впервые в этом издании» [4, с. 26] (в 4-м томе, вышедшем в декабре 1860 г.; цензурное разрешение: 30 сентября). Исследовательница имела все основания предположить, что, поскольку вскоре Н. П. Гиляров-Платонов был уволен из комитета за «цензурные провинности», то одной из них «мог быть в том числе четвертый том собрания Сочинений Тургенева в издании Основского» [4, с. 26].

Кроме того, именно через Н. П. Гилярова-Платонова, как цензора журнала «Русский вестник», проходили первые публикации других знаменитых романов И. С. Тургенева – «Накануне» (цензурное разрешение: 18 января 1860 г.) и «Отцы и дети» (28 февраля 1861 г.; совместно с цензором А. Г. Петровым), которые своим содержанием давали широкий простор, чтоб разгуляться красному карандашу цензора старой закалки. В том, что читатель получил неискаженные тексты этих произведений, также очевидна заслуга Н. П. Гилярова-Платонова. Не случайно в марте 1862 г. его позвали заведовать редакцией «Русского вестника» М. Н. Катков и П. М. Леонтьев [8, с. 63]. Они видели в Гилярове не «человека партии», а ценного сотрудника и помощника, обладающего широтой воззрений и самостоятельностью мышления.

Помимо заочных цензурных встреч, Н. П. Гиляров-Платонов принял участие в качестве третейского судьи в шумном скандале,

сопровождавшем издание Н. А. Основским четырехтомника сочинений И. С. Тургенева: надеясь на коммерческий успех, Н. А. Основский превысил обговоренный тираж, недоплатил автору условленный гонорар, но из-за недобросовестности своих финансовых компаньонов обанкротился. Обстоятельства этого дела, в которое оказались втянуты П. В. Анненков, Н. Х. Кетчер, И. В. Павлов, А. Н. Плещеев, А. А. Фет, детально изучены тургеноведением (см. литературу вопроса: [1, с. 455-456]).

Новые материалы – письма Н. А. Основского к И. С. Тургеневу, лишь недавно увидевшие свет в томе «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1859-1862)», позволяют говорить о благотворной роли Н. П. Гилярова-Платонова: он явно стремился выяснить подноготную конфликта и справедливо его разрешить. Вместе с А. Н. Островским и Ф. В. Чижовым он стал посредником в третейском суде над обвинявшимся в жульничестве Н. А. Основским, который в итоге был оправдан. Последний в объяснительном письме к писателю в Париж от 3 января 1861 г. сокрушался: «Жаль, что я не послушал Гилярова, который уже давно принуждал меня написать Вам обо всем» [3, с. 391]. Там же он упомянул о заслуге Н. П. Гилярова-Платонова как цензора: «Кстати, все Ваши дополнения я протащил сквозь цензуру: не вымарано ни единого слова. – Я обязан этим Гилярову, который тоже в Вас души не слышит» [3, с. 390].

Это свидетельство Н. А. Основского чрезвычайно важно. Оно объясняет, почему Н. П. Гиляров-Платонов никогда не давал И. С. Тургеневу негативных оценок в отличие от своих друзей-славянофилов (это притом, что идейно-психологическое расхождение писателя со славянофилами, как известно, было непреодолимым, а относящиеся к 1850-м гг. попытки «взаимного сближения, предпринимавшиеся Тургеневым и семейством Аксаковых» [2, с. 416], как показал Анджей Валицкий, оказались изначально обречены на неудачу). В пореформенную эпоху, с присущей ей резкой поляризацией общественных сил, в ближайшем окружении Н. П. Гилярова-Платонова И. С. Тургенев зачастую воспринимался как большой художник, отрекшийся от национальных корней и не только уехавший жить на Запад, но и духовно туда эмигрировавший. Приведем непубликовавшиеся эпистолярные свидетельства. Петербургский славист В. И. Ламанский в письме к И. С. Аксакову от 25 сентября 1867 г. негодовал по поводу известной фразы из романа «Дым»: «И. С. Тургенев совершенно отрекается от России и договаривается уже до того, что если бы хоть завтра все пространство, занимаемое Россиею, провалилось, то от этого бы человечество ничего не утратило» [10, л. 80 об.–81]. Князь В. А. Черкасский сообщал тому же адресату 3 декабря (21 ноября) 1867 г. из Баден-Бадена: «Хотел я здесь привлечь к подписке в пользу хорватов нашего друга И. С. Тургенева, более ради его имени, да и потому, что как-то совестно казалось не предупредить его об этом. Но, кажется, мало можно ожидать от него толка <…>« [15, л. 11 об.–12].

Н. П. Гиляров-Платонов всегда уважал идейных оппонентов, искренних в своих убеждениях, к тому же либерал И. С. Тургенев был для него прежде всего «предтечей 19 февраля» [7, с. 505] – выдающимся национальным деятелем, своими «Записками охотника» приблизившим эру духовного возрождения Отечества. Не удивительно поэтому, что, когда в 1879 г. писатель в связи со смертью старшего брата приехал на родину, именно в «Современных известиях», издававшихся Н. П. Гиляровым-Платоновым, согласно подсчетам В. А. Сергеева, было помещено «более всего материалов» об И. С. Тургеневе [12, с. 89]. Воспроизведя многие из них, исследователь, однако, парадоксальным образом упустил из виду все статьи и речи, принадлежащие перу издателя-редактора газеты, а также соредактора (в 1878-1883 гг.), его племянника Федора Александровича Гилярова (1841-1895) – филолога, педагога, журналиста, а эти материалы представляют несомненный интерес. Впервые они были научно републикованы и откомментированы нами [11, с. 636-639].

В обширной вступительной статье Н. П. Генераловой и В. А. Лукиной к примечаниям и в самих примечаниях к последнему из увидевших свет томов академического Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, включившего письма писателя первой половины 1879 г., все материалы, принадлежащие перу соредакторов «Современных известий», тщательно проанализированы и частично процитированы [13, с. 256-258, 389, 392-393, 559-562]. (Отметим только, что одна из передовых статей, авторство которой, по предположению исследовательниц, принадлежало Н. П. Гилярову-Платонову [13, с. 255], на деле написана Ф. А. Гиляровым, о чем свидетельствует идентификационная помета («+») в начале статьи. Впрочем, известно, что все передовицы «Современных известий» обычно придирчиво редактировались самим Н. П. Гиляровым-Платоновым.) Поэтому укажем лишь на наиболее существенные моменты рецепции творчества и личности писателя в этой московской газете в 1879 г.

Н. П. Гиляров-Платонов посвятил посещению И. С. Тургеневым Москвы две передовые статьи. В первой, в № 50 газеты от 20 февраля, он описал чествование писателя в публичном заседании

Общества любителей российской словесности. Говоря о необычайном восторге московской публики, Н. П. Гиляров-Платонов не скрывает и своего восхищения, выражая его афористически: «…имя его так же чисто, как бела его голова» [11, с. 636]. Оценка общенационального значения писателя представлена критиком в формулировке, не новой по мысли, но также отточенной и изящной, выделяющей и сводящей воедино познавательные, этические и художественные достоинства тургеневской прозы: «Длинный ряд его крупных вещей стал поэтической летописью, в которой тонким чутьем художника угаданы и воспроизведены с глубокой обдуманностью самые сокровенные движения в нашей общественной и нравственной жизни за последние 30-40 лет. <…> Будущий историк <…> схватится прежде всего за произведения И. С. Тургенева и не только узнает из них многое, может быть большее, чем из какого-либо другого источника, но и отдохнет на них нравственно и эстетически» [11, с. 636].

Вторая передовая статья Н. П. Гиляров-Платонов, в № 65 «Современных известий» от 7 марта, вышла в виде отчета о прощальном обеде в ресторане «Эрмитаж», данном в честь писателя перед его отъездом из Москвы. Гвоздем номера стала речь самого И. С. Тургенева, помещенная в составе передовицы ранее всех изданий. Впрочем, с этой публикацией связан неприятный для журналиста инцидент, получивший подробное освещение в выше упомянутых примечаниях Н. П. Генераловой и В. А. Лукиной [13, с. 389, 561-562].

Номер готовился в спешке ночью, и в результате метранпажем и наборщиками не были адекватно разобраны в рукописи некоторые места (наиболее существенные разночтения: «о положительной науке» вместо «о политической жизни»; «в деятельной помощи» вместо «в решительной помощи»). Получив газету, И. С. Тургенев частично исправил ошибки в письме к Н. П. Гилярову-Платонову от 7 марта 1879 г. и в приложенной к этому письму газетной вырезке речи из «Современных известий» (эта вырезка с правкой воспроизведена фототипически [13, с. 73]). Отношение И. С. Тургенева к адресату в этом кратком письме (единственном адресованном Н. П. Гилярову-Платонову), отличающемся безукоризненной вежливостью, выразилось в намеренно-бесстрастном тоне и в том, что адресат назван не по имени, а только «милостивым государем» [13, 72].

По требованию писателя Н. П. Гиляров-Платонов на следующий же день поместил в своей газете перечень опечаток, оправдываясь: «Вследствие поспешности набора и корректуры в текст речи И. С. Тургенева, вчера напечатанной, вкрались ошибки, и некоторые из них довольно важные <…>« [13, 389]; этот перечень воспроизведен фототипически: [13, с. 75]. Любопытно, что, как установила Н. П. Генералова, исправляя газетный текст речи, писатель внес две дополнительные поправки стилистического характера, улучшающих его первоначальный вариант, «что позволяет квалифицировать правленную рукой Тургенева газетную вырезку как последнюю редакцию речи» [13, с. 561].

Не в оправдание издателя «Современных известий», а истины ради отметим, что опубликовавшая ту же речь И. С. Тургенева на день позже (8 марта) либеральная газета «Русские ведомости» допустила «не менее грубые опечатки и искажения» [13, с. 561]; впервые аутентичный текст этой речи подготовлен и откомментирован Н. П. Генераловой: [13, с. 559-568].

Вернемся к самой передовой статье Н. П. Гилярова-Платонова, увидевшей свет 7 марта. Поскольку он присутствовал на обеде в «Эрмитаже», то мог передать содержание ряда приветственных речей в адрес писателя по живым впечатлениям. В конце обеда он тоже сказал несколько слов, которые воспроизвел в составе передовицы (при этом удержав разговорную интонацию и синтаксическую шероховатость текста). Принимая в расчет ресторанную обстановку, в которой происходило чествование писателя, Н. П. Гиляров-Платонов начал с бонмо: «Иван Сергеевич, – сказал он, – вам все до сих пор говорили *приветствие*, а я хочу вам сказать *напутствие*» [11, с. 637]. И далее отметил, что переживаемое Россией время – после всеобщего подъема, связанного с Русско-турецкой войной, завершившейся позорным Берлинским договором, – кризисное и депрессивное, и И. С. Тургенев, уже не раз своим творчеством содействовавший общественному развитию, может и сейчас, находясь за границей, создать произведение, которое осветило бы всем современный период жизни: «Вы приехали к нам как раз после того, когда после великого народного движения, обхватившего всех, обещавшего многое, мы стукнулись все лбом об стену. Мы все после этого обратились в один вопросительный знак. И тут-то явились вы, общий наш руководитель-художник. Вы теперь от нас уезжаете. <…> Вы можете издали смотреть на нас всех свысока, беспристрастно, оценивать каждого лично и каждый кружок с его особыми стремлениями беспристрастно; поезжайте же и присылайте нам оттуда, из вашего далека, новое произведение, в котором изобразите настоящий момент нашей общественной жизни и представите нас всех с той же художественной истиною, сколько изображали прежние моменты в прежних своих творениях» [11, с. 637]. Надо сказать, это

«напутствие» оказалось и оригинальным, и выражавшим действительные ожидания почитателей писателя.

Затем, вплоть до кончины И. С. Тургенева, в «Современных известиях», как и в других больших газетах, регулярно публиковались сообщения о писателе по материалам иностранной прессы, историко-литературные очерки о нем, рецензии на театральные постановки его пьес. Одно лишь известие об И. С. Тургеневе вызвало критический отклик в передовой статье, но и он принадлежал не Н. П. Гилярову-Платонову, а Ф. А. Гилярову. Речь идет о призыве писателя жертвовать на памятник Г. Флоберу в Руане (в открытом письме к П. Д. Боборыкину от 27 ноября 1880 г., опубликованном в «Русских ведомостях»). Ф. А. Гиляров, вспомнив о русской галломании прежних времен, восклицал: «…не прискорбно ли это рабство духа в Тургеневе!» [5, с. 2]. Он же указал, что из-за «голодного года» в России не решаются объявить подписку на памятник Н. В. Гоголю, а средства, собранные на памятники Богдану Хмельницкому в Киеве и героям Плевны в Болгарии, недостаточны [5, с. 2]. Впрочем, не было русской газеты, которая бы восприняла инициативу И. С. Тургенева благожелательно.

На вопрос, читал ли писатель издание Н. П. Гилярова-Платонова, пока приходится отвечать отрицательно: в его сочинениях и письмах, как и в обширной литературе о нем, упоминаний об этом обнаружить не удалось.

Поминальная статья об И. С. Тургеневе, опубликованная в «Современных известиях» на третий день по его кончине, 25 августа 1883 г. (и тут же перепечатанная в № 32 еженедельника «Радуга»), необычна для Н. П. Гилярова-Платонова. Обыкновенно он, отказываясь от традиционных восхвалений, давал умершему современнику нелицеприятные характеристики, никак не укладывавшиеся в жанровые рамки некролога: он считал делом принципа представить на суд читателей сразу максимально точный «реестр» реальных заслуг и недостатков покойного. Исключения редки – это статьи по кончине митрополита Филарета (Дроздова), Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова. Некролог И. С. Тургеневу также принадлежит к этому ряду.

Осмысляя творческий путь И. С. Тургенева, критик выделяет четыре основных момента. Начинает он с парадоксального, казалось бы, утверждения о редкой для русского литератора полноте и завершенности совершенного писателем жизненного поприща: «Печальное событие не поразит неожиданностию; оно предвидено. Не ощутится и горечь сиротства <…> он совершил свой полный цикл. Он оставил наследство, но не унес в могилу ничего» [7, с. 505].

Вторым моментом, отмеченным публицистом-философом, была общеизвестная «историческая заслуга» писателя в деле народной эмансипации: «Он был первым пионером, проложившим образу крестьянина путь к русскому, нет, мало того – к барскому сердцу» [7, с. 505] (имеются в виду «Записки охотника»).

Далее – опять-таки неожиданно – Н. П. Гиляров-Платонов говорит о »дорогой черте творений» И. С. Тургенева, устанавливающей его существенное родство с Ч. Диккенсом: «Нет ничего разнороднее этих двух талантов, но в Тургеневе-авторе, как в Диккенсе-авторе, о чем бы они ни писали, вы слышите доброго человека, гуманную, теплую, сочувствующую натуру» [7, с. 505]. Только этой «мягкостью натуры», считает Н. П. Гиляров-Платонов, и можно объяснить необычность в обрисовке тургеневских героев, к вероятным прототипам которых в жизни невозможно испытывать симпатию: «Ему тяжело было положить резкие черты на типы, несомненно антипатические его характеру и убеждениям; он желал отыскать разумность и оправдание для явлений, возбуждавших в нем отвращение, и искал своими творениями внести примирение в общественный разлад, которым огорчался» [7, с. 505-506].

Наконец, Н. П. Гиляров-Платонов, и по возрасту и по своим эстетическим предпочтениям принадлежавший к «людям сороковых годов», не мог не оценить в писателе главное – огромный дар безупречной художественности. Тут он категоричен: «В лице И. С. Тургенева нами потерян не только великий писатель, но писатель чистого вкуса, каких уже почти не осталось» [7, с. 506] (под словом «почти» подразумевается, конечно, «колоссальная величина Льва Толстого»). Продолжателей же и последователей И. С. Тургенева критик называет «подчас отвратительным балаганом» и «пародией на Тургенева», подчеркивая: «И как высоко взлетает он над всеми ними с своей безукоризненно-художественной музой!» [7, с. 506].

Как видим, затерявшиеся на столбцах старых газет оригинальные и беспристрастные литературно-критические оценки великого писателя, принадлежащие его проницательному современнику, могут и сегодня стимулировать исследовательскую мысль. В целом же изучение такого рода историко-литературных сюжетов, ранее не привлекавших внимания исследователей, способствует не только уточнению недостаточно проясненных биографических деталей и эпизодов из творческой истории писателей-классиков, каков И. С. Тургенев, но и содействует важной для филологической науки задаче – более объемному и детализированному

видению литературного движения XIX столетия, представляя его объективную, многоуровневую и многоаспектную картину, связанную с уяснением роли и значения фигур, по разным причинам забытых или затененных их знаменитыми современниками, однако вместе с классиками образующих массив живого литературного процесса.

Библиографический список

1. Бокова, В. М. Основский Нил Андреевич [Текст] / В. М. Бокова, М. М. Одесская // Русские писатели, 1800-1917 : биографический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия : Фианит, 1999. – Т. 4. – С. 455-456.

2. Валицкий, А. В плену консервативной утопии : структура и метаморфозы русского славянофильства [Текст] / А. Валицкий, перевод с польского К. Душенко. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с.

3. Генералова, Н. П. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859-1862) [Текст] / Н. П. Генералова, В. А. Лукина, С. А. Ипатова. – СПб. : Росток, 2018. – 680 с.

4. Генералова, Н. П. «Неизвестный» ответ Тургенева Чернышевскому: (О втором эпилоге романа «Рудин») [Текст] / Н. П. Генералова // И. С. Тургенев : Новые исследования и материалы. – М. : Альянс-Архео, 2016. – Т. IV. – С. 19-57.

5. + [Гиляров, Ф. А.]. Москва, 28 ноября [Текст] / Ф. А. Гиляров // Современные известия. – 1880. – 29 нояб., № 330. – С. 2.

6. Гиляров-Платонов, Н. П. Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» [Текст] / Н. П. Гиляров-Платонов // Русское обозрение. – 1896. – № 11. – С. 454-456.

7. Гиляров-Платонов, Н. П. И. С. Тургенев [Текст] / Н. П. Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов, Н. П. Сборник сочинений : в 2 т. – М. : Издание К. П. Победоносцева, 1900. – Т. 2. – С. 505-510.

8. Дмитриев, А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850-1880-х годов [Текст] / А. П. Дмитриев. – СПб. : Родник, 2018. – 912 с.

9. Егоров, Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века [Текст] / Б. Ф. Егоров // Из истории русской культуры. – М. : Языки русской культуры, 1996. – Т. V. – С. 13-389.

10. Ламанский, В. И. Письма (100) к И. С. Аксакову [Текст] / В. И. Ламанский // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 35. – Оп. 1. – № 1. – 210 л.

11. Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования, материалы, библиография, рецензии [Текст] / под общей редакцией А. П. Дмитриева. – СПб. : Росток, 2013. – 944 с.

12. Сергеев, В. А. Тургенев в Москве : (по материалам московских газет 1879-1908 годов) [Текст] / В. А. Сергеев // Тургеневский сборник. – М. : Русский путь, 1998. – Вып. 1. – С. 89-127.

13. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. – Т. 16, кн. 2 / под общей редакцией Н. П. Генераловой и В. А. Лукиной. – 2-е изд. – СПб. : Наука, 2018. –715 с.

14. Федотова, М. А. Новый тип цензурного чиновника [Текст] / М. А. Федотова // Вопросы отечественной истории: межвузовский сборник научных работ молодых ученых. – М. : МГОПУ, 1999. – Вып. 2. – С. 67-83.

15. Черкасский, В. А. Письма (16) к И. С. Аксакову [Текст] / В. И. Ламанский // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. – Ф. 3. – Оп. 4. – № 672. – 43 л.

16. Шаховской, Н. В. Памяти П. А. Кулиша [Текст] / Н. В. Шаховской // Русское обозрение, 1897. – № 3. – С. 192-227.

17. Egorov, B. N. P. Giliarov-Platonov and His Work as a Literary Critic [Text] / B. Egorov // And Meaning for a Life Entire: Festschrift for Charles A. Moser on the occasion of his sixtieth birthday. – Columbus (Ohio) : Slavica Publishers, 1997. – P. 259-267.

Reference List

1. Bokova, V. M. Osnovskij Nil Andreevich = Osnovsky Nil Andreevich [Tekst] / V. M. Bokova, M. M. Odesskaja // Russkie pisateli, 1800-1917 : biograficheskij slovar' = Russian writers, 1800-1917: biographic dictionary. – M. : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija : Fianit, 1999. – T. 4. – S. 455-456.

2. Valickij, A. V plenu konservativnoj utopii : struktura i metamorfozy russkogo slavjanofil'stva = In captivity of conservative utopia: structure and metamorphoses of the Russian Slavophilism [Tekst] / A. Valickij, perevod s pol'skogo K. Dushenko. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. – 704 s.

3. Generalova, N. P. Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva (1859-1862) = Chronicle of I. S. Turgenev's life and creativity (1859-1862) [Tekst] / N. P. Generalova, V. A. Lukina, S. A. Ipatova. – SPb. : Rostok, 2018. – 680 s.

4. Generalova, N. P. «Neizvestnyj» otvet Turgeneva Chernyshevskomu: (O vtorom jepiloge romana «Rudin») = «Unknown» answer of Turgenev to Chernyshevsky: (About the second epilogue of the novel «Rudin») [Tekst] / N. P. Generalova // I. S. Turgenev : Novye issledovanija i materialy = I. S. Turgenev: New researches and materials. – M. : Al'jans-Arheo, 2016. – T. IV. – S. 19-57.

5. Giljarov, F. A. Moskva, 28 nojabrja = Moscow, on November 28 [Tekst] / F. A. Giljarov // Sovremennye izvestija = Sovremennye izvestiya, 1880. – 29 nojab., № 330. – S. 2.

6. Giljarov-Platonov, N. P. Doklad Giljarova Moskovskomu cenzurnomu komitetu o razreshenii k pechati «Polnogo sobranija sochinenij Griboedova» = Gilyarov's report to the Moscow acceptable committee about permission to publish «Complete set of works of Griboyedov»

[Tekst] / N. P. Giljarov-Platonov // Russkoe obozrenie = Russkoe obozrenie, 1896. – № 11. – S. 454-456.

7. Giljarov-Platonov, N. P. I. S. Turgenev = I. S. Turgenev [Tekst] / N. P. Giljarov-Platonov // Giljarov-Platonov, N. P. Sbornik sochinenij : v 2 t. = Gilyarov-Platonov, N. P. Collection of compositions: in 2 volumes. – M. : Izdanie K. P. Pobedonosceva, 1900. – T. 2. – S. 505-510.

8. Dmitriev, A. P. N. P. Giljarov-Platonov i russkaja literatura 1850-1880-h godov = N. P. Gilyarov-Platonov and Russian literature of 1850-1880-s years [Tekst] / A. P. Dmitriev. – SPb. : Rodnik, 2018. – 912 s.

9. Egorov, B. F. Ocherki po istorii russkoj kul'tury XIX veka = Essays on history of the Russian culture of the XIX century [Tekst] / B. F. Egorov // Iz istorii russkoj kul'tury = From history of the Russian culture. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. – T. V. – S. 13-389.

10. Lamanskij, V. I. Pis'ma (100) k I. S. Aksakovu = Letters (100) to I. S. Aksakov [Tekst] / V. I. Lamanskij // Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN = St. Petersburg branch of RAS Archive. – F. 35. – Op. 1. – № 1. – 210 l.

11. Nikita Petrovich Giljarov-Platonov: issledovanija, materialy, bibliografija, recenzii = Nikita Petrovich Gilyarov-Platonov: researches, materials, bibliography, reviews [Tekst] / pod obshhej redakciej A. P. Dmitrieva. – SPb. : Rostok, 2013. – 944 s.

12. Sergeev, V. A. Turgenev v Moskve : (po materialam moskovskih gazet 1879-1908 godov) = Turgenev in Moscow: (on materials of Moscow newspapers of 1879-1908) [Tekst] / V. A. Sergeev // Turgenevskij sbornik = Turgenev collection – M. : Russkij put', 1998. – Vyp. 1. – S. 89-127.

13. Turgenev, I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t. Pis'ma : v 18 t. – T. 16, kn. 2 = Complete set of works and letters: in 30 volumes. Letters: in 18 volumes. – V. 16, Book 2 [Tekst] / pod obshhej redakciej N. P. Generalovoj i V. A. Lukinoj. –2-e izd. – SPb. : Nauka, 2018. – 715 s.

14. Fedotova, M. A. Novyj tip cenzurnogo chinovnika = New type of the censorial official [Tekst] / M. A. Fedotova // Voprosy otechestvennoj istorii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh rabot molodyh uchenyh = Questions of national history: interuniversity collection of young scientists' scientific works. – M. : MGOPU, 1999. – Vyp. 2. – S. 67-83.

15. Cherkasskij, V. A. Pis'ma (16) k I. S. Aksakovu = Letters (16) to I. S. Aksakov [Tekst] / V. I. Lamanskij // Rukopisnyj otdel Instituta russkoj literatury RAN = The hand-written department of the Institute of the Russian literature of RAS – F. 3. – Op. 4. – № 672. – 43 l.

16. Shahovskoj, N. V. Pamjati P. A. Kulisha = To P. A. Kulish's memories [Tekst] / N. V. Shahovskoj // Russkoe obozrenie = Russkoe obozrenie, 1897. – № 3. – S. 192-227.

17. Egorov, B. N. P. Giliarov-Platonov and His Work as a Literary Critic / B. Egorov // And Meaning for a Life Entire: Festschrift for Charles A. Moser on the occasion of his sixtieth birthday. – Columbus (Ohio) : Slavica Publishers, 1997. – P. 259-267.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10309

УДК 82.091

Я. О. Глембоцкая https://orcid.org/0000-0001-8190-2038

Сравнительный анализ системы персонажей в пьесах «На дне» М. Горького и «Унтиловск» Л. Леонова: *новые, особенные* и *бывшие* люди

И Горький и Леонов предлагают вниманию читателя и зрителя групповой портрет сословий и характеров, но каждый персонаж здесь лишен дома, семьи, деморализован и растерян. Однако это положение вещей объясняется не только личными обстоятельствами жизни каждого из героев, неблагополучие каждого здесь можно рассматривать как симптом системного общественно-политического кризиса. Советская власть в экономической политике очень скоро начнет воспроизводить худшие стороны экономической модели феодализма: колхозы с изъятием продукции и лишением крестьянства паспортов (по сути – реставрацией крепостного права), бюрократию и коррупцию – те «токсичные» черты общественных институтов, которые мешают стране развиваться, несмотря на огромные сырьевые ресурсы и территории. Если литературная утопия Чернышевского была предсказанием русской революции, «На дне» Горького – прологом, то «Унтиловск» – печальный эпилог, оптимистический финал которого выглядит достаточно искусственно. Леонов в своей пьесе выносит вердикт: революция потерпела поражение, не осталось в России ни *новых*, ни *особенных* людей, ни революционеров, ни подпольщиков, все они теперь – «бывшие» люди, которые очень скоро будут объявлены «конрреволюционерами» и попадут под каток большого террора. Уцелеть удастся только тем, кто догадался сбежать в глухую провинцию или спрятался во «внутренней эмиграции». Десятилетия спустя Александр Аузан назовет этот экономический феномен «эффектом колеи». Таким образом, «щель», в которую забились «бывшие люди», обитатели Унтиловска, оказывается не просто удачно найденной метафорой, а диагнозом общественно-политической системы российского государства, мешающим ему совершить экономический рывок, и не преодоленным до сих пор.

Ключевые слова: Горький, Леонов, «На дне», «Унтиловск», сравнительный анализ, «новые», «особенные», «бывшие» люди.

Ya. O. Glembotskaya

New, Special and Former in Plays «The Lower Depth» by M. Gorky and «Untilovsk» by L. Leonov

The article is devoted to the analysis of the personages system in two plays of Soviet playwrights, Maxim Gorky and Leonid Leonov. Gorky's «In the Lower Depths» is a world famous masterpiece, while «Untilovsk» by Leonov has been forgotten for decades after being stigmatized by the Soviet censorship as «ultra-reactionary». Both Gorky and Leonov make a group portrait of Russian Society depicting different social backgrounds of the personages. Despite the difference in social experience and tracks every hero in the both plays is lost, marginalized and homeless. But the personal situation of everyone can be the token of the systematic social and political crisis. In its social and economic policy the Soviets would reconstruct the feudal principals of using people: «kolkhoz» being as a matter of fact the version of serfdom. Chernyshevsky in his socialist utopia «What is to be done» proposed names for the agents of the future: new people and special people. In Leonov's play we see that there are none of them in late 1920s – all of them have become 'former» people, the stigmatizing category invented for those whose parents were not workers or peasants. Bureaucracy and corruption in Russia as toxic social institutes are still the main obstacles for dynamic economical growth, so Leonov's Untilovsk and Gorky's «lower depth» remain up-to-date in nowadays Russia.

Keywords: Gorky, Leonov, «The Lower Depth», «Untilovsk», «new», «special», «former» people, comparative analysis.

В год празднования юбилея со дня рождения А. М. Горького в России проведены конференции, напечатаны сборники научных трудов, в том числе опубликованы научные работы о драматургии Горького и об истории постановок его пьес на Западе. Статьи западных специалистов свидетельствуют о сохраняющемся интересе к творчеству Горького не только историков литературы, но также и практикующих театральных деятелей – Горький остается актуальным драматургом, несмотря на миновавшее после Русской революции столетие и дважды сменившийся в России общественный строй [15, 16, 17, 18, 20, 24, 25].

Приведем несколько названий новейших исследований западных специалистов, помещающих творчество Горького в контекст европейской истории театра, русской истории 20 века и в поле культурологических размышлений о российской ценностной матрице, названной в статье Леонида Геллера «универсальной русскостью»: «Как французы открыли *На дне*» Сержа Роле [21] (доктор наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы, Университет Лилль, факультет иностранных языков), «Горький и Московский художественный театр: избирательное сродство» Мари-Кристин Отан-Матье [13] (Главный научный сотрудник,

© Глембоцкая Я. О., 2019

Национальный центр научных исследований Франции, Париж), «Универсальная русскость, или Горький глазами Замятина и Ренуара» Леонида Геллера [19] (почетный профессор, Лозаннский университет, Швейцария). В статье французского исследователя М.-К. Отан-Матье «Горький и Московский художественный театр: избирательное сродство», говоря о параллельном сотрудничестве МХТ с Чеховым и Горьким, автор указывает на сложный характер взаимоотношений Станиславского и Немировича-Данченко с Горьким. Картина этих отношений была в значительной степени дополнена и исправлена в воспоминаниях Константина Сергеевича и Владимира Ивановича в благодарность за заступничество Горького и его усилия по превращению МХТ в образцовый советский театр. Канонизация МХТ, состоявшаяся при деятельном участии Горького, помогла также и канонизации его самого как драматурга, поставив пролетарского писателя как равного в один ряд с Чеховым [13].

Произведения Горького, без сомнения, помогают восстановить картину общественной жизни в России на рубеже 19 и 20 веков. Особенно убедительной эта картина получилась и в пьесе «На дне», входящей в виртуальную библиотеку «универсальной русскости». Предполагаем, что в каталог пьес о русской идентичности, отвечающих на вопрос «Что значит быть русским?» вошли бы также «Горе от ума», «Ревизор» и «Гроза», но каков бы ни был список пьес, написанных русскими драматургами о России, «На дне» попадает в ряд классических пьес о российской жизни и, в то же время, предвосхищает появление пьес о советском человеке. Именно пьеса «На дне», а не роман «Мать» оказалась провозвестником советской литературы, хотя «Мать» подробно проанализирован в обширном историко-литературном контексте от Тургенева до Пастернака в содержательной и аналитически безупречной монографии Ричарда Фриборна «Русский революционный роман» [17].

Менее известная пьеса Леонова «Унтиловск», созданная Леонидом Максимовичем на основе одноименной повести, имеет общие черты с поэтикой горьковского шедевра: в организации сюжета, в системе персонажей в авторской интенции создать групповой портрет русского общества, собрав на условный ковчег (ночлежка или поселок ссыльных Унтиловск) «бывших людей», выходцев из разных сословий. Разрыв со своим прошлым, маргинальное положение в современной им России и отсутствие будущего – вот общие черты обывателей Унтиловска при уже одержавшей победу Советской власти и обитателей ночлежки в эпоху расцвета русского капитализма. В горьковском мире часть оказавшихся на дне жизни – из необразованной бедноты, превращение их в маргиналов было предсказуемым итогом жизненных обстоятельств, а их судьбы, что называется, не расходятся со статистикой. Но есть и другие, те, кто именно «опустился» на дно, чья судьба могла сложиться иначе – разночинцы, посвятившие себя революции по призыву русской литературы.

Н. Г. Чернышевский в утопическом романе «Что делать?» предложил два наименования для людей, которых можно было бы условно назвать *агентами будущего – новые* и *особенные* люди. Они вошли в хрестоматийный реестр русских литературных героев наряду с *лишними* людьми, а также с фамилиями, ставшим нарицательными: с чацкими, базаровыми и обломовыми. Если *лишние* люди – это не находящие в себе места и дела в обществе дворяне, то *новые* люди это честные и порядочные люди из разночинцев, живущие своим трудом, идеалы которых – просвещение и сохранение человеческого достоинства в любых самых плачевных обстоятельствах. По мысли Чернышевского, самим своим образом жизни они работают на приближение революции. В отличие от *новых* людей *особенные* люди – это профессиональные революционеры, названные так Чернышевским, наверное, не только из соображений цензуры, как учила советская школа, но и потому что он писал роман, а не партийную программу, и амбиции художника в нем, несомненно, тоже были. Переводя терминологию Чернышевского на язык современности, легко увидеть, что *новые* люди это образованный средний класс, выходцы из городской среды, из купцов, духовенства и обедневшего дворянства. Чернышевский верно угадал, что простой количественный рост *новых* людей рано или поздно приведет к тому, что в обществе сформируется запрос на либерально-демократические преобразования, с которым властям придется работать. Этот процесс шел в России в ходе модернизации Витте и Столыпина, однако был прерван революцией [8]. Отношение Горького к «бывшим людям» в ночлежке сочувственное, но это взгляд, если можно так выразиться, «с более высокой точки обзора», с позиции образованного сословия, которое способно к историческому прогнозу и оправдывает средства грядущей революции ее целями. Леонов, скорее, видит себя одним из «бывших людей», не вписавшихся в революцию, разочарованных ее последствиями – он до самой смерти Сталина опасался ареста, и даже его высокий статус в советской литературной номенклатуре не позволил ему стать настоящим ястребом на службе у советской пропаганды [14].

Монография историка М. А. Давыдова «Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина» [7], выполненная с привлечением обширного круга источников, дает совершенно иной взгляд на Россию до 1917 года,

очищенный от «негативистской историографии» советского школьного учебника. В частности, автор монографии опровергает постулаты об обнищании народных масс, непосильных платежах и «голодном» экспорте зерна из России. Соответственно, выводы о провале столыпинской аграрной реформы М. А. Давыдов считает прямо противоречащими фактам. Делая принципиальный вывод об успешном течении модернизации Витте-Столыпина, М. А. Давыдов приводит цифры в подтверждение того, что представление о голоде, нужде, насилии и произволе в России до 1917 года были совершенно иными. Программа государственной продовольственной помощи, рост сбережений, в том числе крестьянских, развитие железнодорожных перевозок, а также рост кооперативного движения – все эти факты заставляют посмотреть на Россию иными глазами, глазами Леонова, а не Горького.

Надо отдать должное советской цензуре – формально оптимистический финал пьесы Леонова «Унтиловск» не помешал цензорам разглядеть ее антисоветского пафоса. Честная «попытка оптимизма» Леонида Леонова провалилась, а пьеса была предана забвению на долгие годы, о чем пишет Оксана Кушляева в рецензии на спектакль Новосибирского городского театра п/р Сергея Афанасьева: «„Унтиловск” в репертуаре отечественных театров название не рядовое. Пьеса Леонида Леонова была написана в 1928 году, вернее, переработана из одноименной повести специально для Московского Художественного. Правда, история сотрудничества Леонова с МХАТом оказалась не менее драматичной, чем у Булгакова. Сценическую версию текста Леонов по просьбе Станиславского не раз перерабатывал, а когда пьеса была наконец поставлена, ее быстро запретили с пометкой „ультрареакционная”. И в отличие от репертуарных сейчас романа „Белая гвардия” и пьесы „Дни Турбиных”, „Унтиловск” так и не закрепился в репертуаре, сгинул, остался там, в 1928 году» [10]. В пьесе Леонова мы видим, что и *новые* и *особенные* люди оказались в ссылке в Унтиловске, снова попав в списки «неблагонадежных». Пьеса разделила участь своих персонажей, оказавшись в литературной ссылке, полностью исключенной из театрального процесса.

Скорее всего, пьеса Леонова написана под влиянием Горького, однако при всем сходстве между двумя писателями есть огромная идейная разница, и две пьесы спорят друг с другом по главному для русской истории 20-го века вопросу: о значении и последствиях Русской революции. Если Горький выступает идеологом государственного переворота, его «буревестником» и адвокатом, то Леонов, конечно, если не прокурор, то скептик, отщепенец, вынужденный «попутчик» советской власти. Сравнение пьесы, написанной в эпоху русской революции 1905 года и пьесы, переработанной из повести еще до наступления большого террора, создает своеобразную историческую раму, в которой коллективный портрет русского общества до революции и после государственного переворота и установления советской власти приобретает дополнительный объем и сложность. Для Леонова, писателя более молодого поколения, Горький уже был классиком советской драматургии, так что обращение к его пьесе «На дне» как к источнику вдохновения и прямого заимствования идеи кажется закономерным и даже неизбежным.

Кроме влияния пьесы Горького, можно отметить также отголоски чеховской драматургии, где в центре любой коллизии – мотив потери, утраты, тоски о несостоявшейся жизни, а главный источник драматизма сам несчастливый герой, его внутренний разлад. В статье «Современная теория драмы и поэтика режиссерского театра» Ю. В. Шатин вслед за Г. Г. Шпетом отмечает, «недостаточную разработку традиционных понятий и категорий литературоведения применительно к драме» [12, с. 16]. Однако, сравнивая героев Горького и героев Чехова, мы можем обнаружить существенную разницу в источниках конфликта, обратившись к понятию хронотопа. Герои Чехова живут в большом времени, они несчастны потому, что каждый из них «больше своей судьбы», поэтому чеховские истории, рассказанные в пьесах, легко переносятся в другое время – экзистенциальный конфликт не имеет привязки к месту и времени. Герои Горького, напротив, погружены в ту историческую эпоху, которую воссоздал драматург в мире пьесы, на них лежит отпечаток социального происхождения и рода занятий. Возникает вопрос, у кого же больше учился Леонов, у Чехова или у Горького? Завязка «Дяди Вани», когда в имение Войницких, с его устоявшимся укладом, приезжает профессор Серебряков и его красавица-жена, повторяется в Унтиловске, когда в начале пьесы в поселок приезжает неверная жена Буслова Раиса. Исходное событие пьесы – возвращение Раисы с ее новым мужем, репрессированным новой властью интеллигентом Гугой. Красота и очарование Раисы ломают жизненный уклад Унтиловска, заражают всех горячечным возбуждением, а Буслова соблазняют новой надеждой на возвращение любви. Так же как дядя Ваня, Буслов бросает все свои дела, – мысли его заняты только Раисой. Есть и старая добрая няня, живущая в доме, есть и Червяков, подобно Вафле исполняющий роль шута при Буслове. Мы не станем здесь развивать тему влияния Чехова на Леонова, поскольку влияние Чехова так или иначе испытали на себе все драматурги, писавшие на русском языке в 20-м веке, отметим общую особенность «На дне» и «Унтиловска» – их нельзя назвать пьесами без главного героя, где дей-

ствует «группа лиц без центра», как у драматурга Чехова. В «Унтиловске» главный герой это Буслов, в мире горьковской ночлежки дело обстоит сложнее, но ответ на вопрос, кто здесь главный герой, имеет решающее значение для интерпретации пьесы и, что еще важнее, для режиссерской концепции спектакля, его постановочной идеи. Лука как оппонент скептика Сатина проповедует смирение и веру в загробное воздаяние – в мире ночлежки Лука делает то же, к чему было призвано духовенство, – призывать народ к долготерпению, к вере в высшую справедливость и спасение после смерти. В «Унтиловске» профессиональный служитель церкви тоже есть, это отец Иона, но его социальный статус в пьесе столь невысок, что он остается эпизодическим лицом, скорее ряженым попом, чем представителем духовного сословия.

Герой, имеющий «положительную жизненную программу», в пьесе Горького один – это Лука. Все остальные могут быть названы стихийными анархистами, и главный анархист, конечно, Сатин. Персонаж, который сознательно разрушает волю Буслова, в «Унтиловске» тоже есть, это Черваков. Однако присутствие Червакова в жизни Буслова не просто деморализует его, но уничтожает физически, Черваков спаивает своего соперника, и Буслов прекрасно понимает это. В пьесе Горького Барон представительствует за русское дворянство, разоренное реформами, собственным легкомыслием и страстью к порокам, художественная интеллигенция представлена в образе Актера, спившегося, но не растерявшего красноречия, и Сатина, в прошлом служившего на телеграфе. Позерство Сатина, прославление «гордого человека» и склонность к красноречию делает его почти пародией на образованного человека. Озлобленный и отчаявшийся рабочий класс мы видим в образе Клеща, есть также и женские образы – почтенная мать семейства и частная торговка Квашня, проститутка Настя и женщина-предприниматель Василиса Карповна – неприглядный портрет мелкой буржуазии. Есть в мире ночлежки и свои святые. Анна, умирающая от чахотки и Наталья, возлюбленная Васьки Пепла, которую Василиса пытается продать Ваське, предложив взамен деньги и свободу от ее, Василисы, притязаний на его любовь. Присутствует также и безмолвствующий народ – «несколько босяков без имен и речей». Интересно, что ремесленная среда представлена Бубновым, который занят довольно квалифицированным трудом, – он изготавливает картузы вручную. Есть еще двое рабочих, представляющих тяжелый неквалифицированный труд, это крючники Кривой Зоб и Татарин. Иерархия в ночлежке и в пьесе устанавливается в полном соответствии с социальной иерархией. Чернорабочим в пьесе автор слова не предоставил, а вот «деклассированная интеллигенция» в лице Сатина и Актера говорит много, – это главное их занятие. В списке действующих лиц профессия не указана ни для того, ни для другого, объединяет их только возраст, «лет под 40».

Групповой портрет персонажей у Горького наилучшим образом приводится в систему, если описать каждого из жителей ночлежки по его отношению к труду и принадлежности к сословию, то же верно и в отношении пьесы Леонова. Приведем список действующих лиц полностью, поскольку характеристики персонажей уже несут в себе авторский взгляд, оценку, стиль и признаки жанра:

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Витор Григорьевич Буслов – расстрига.

Раиса Сергеевна – его жена.

Павел Сергеевич Черваков – унтиловский человечек.

О. Иона Радофиникин – то же самое, но только поп.

Илья Петрович Редкозубов – из мечтателей и, кроме того, заведует потребиловкой в Унтиловске.

Васка – солдатка.

Сергей Аммоныч Манюкин – бывшая личность.

Пелагея Лукьяновна – старушка нянька, свидетельница бусловских лет.

Матушка – жена Ионы.

Две Агнии – Ионин приплод.

Александр Гугович (в обиходе Гуга) – опальный интеллигент в очках.

Семен – сослужащий Ионе во храме.

Аполлос – земноводная личность, всегда жует.

Два мужика.

Уничижительные определения «человечек», «земноводное», «приплод» сочетаются с характеристиками, актуализирующими потерянный социальный статус персонажей: «бывшая личность», «расстрига», «опальный интеллигент». Уже в момент представления «унтиловских человечков» автор дает понять, что все надежды и деятельная жизнь остались в прошлом. Здесь все «бывшие люди» – и те, кто были «новыми» людьми, и те, кто могли стать «особенными». Персонажи самоопределяются по отношению к своему прошлому и к труду. Здесь есть Буслов, ставший учителем, работающий ради будущего, и есть Васка, продающая самогон, по сходству драматургической функции тяготеющая к Василисе Карповне, живущей доходами от ночлежки. Умение взять власть над мужчиной и оставить его при себе есть и у Василисы Карповны и у Васки. Властность сопрягается с предпринимательской жилкой, с волей и отсутствием жалости к нищим и слабым, ревность толкает и ту и другую на подкуп. Пеплу Василиса предлагает

деньги за убийство мужа, Васка платит Раисе сумму в качестве отступного за то, чтобы она уехала из Унтиловска, отказалась от Виктора Буслова. Покидая Унтиловск, Раиса терпит моральное поражение, признавая своим бегством, что ее порыв в сторону бывшего мужа не был ответственным поступком любящей женщины, но лишь капризом или жестом отчаяния.

Обращает на себя внимание Илья Петрович Редкозубов, заведующий потребиловкой в Унтиловске, охарактеризованный как «мечтатель». Как ясно из пьесы, Редкозубов считается в Унтиловске завидным женихом, его сватовство к одной из дочек попа Ионы, Агнии была поводом для первой попойки у Буслова, куда Черваков привел солдатку Ваську и где завязываются все узлы будущей интриги. Возникает вопрос, почему именно заведующий «потребиловкой» наделен статусом «мечтателя» и имеет серьезные планы на счастливое будущее. Мы предполагаем, что для современников Леонида Леонова упоминание о потребительской кооперации было одним из способов напомнить об экономическом подъеме в России в ходе успешной модернизации Витте-Столыпина. Несмотря на единообразие трактовки периода до 1917 года в России в советской историографии, Леонов имел собственные воспоминания и опыт жизни в дореволюционной России, и этот опыт расходился с той картиной, которую рисует Горький в пьесе «На дне». Обратимся за комментарием к специалисту-историку, доктору исторических наук Михаилу Давыдову:

«Помимо кредитных были потребительские кооперативы, сельскохозяйственные общества, которые в годы реформы даже начали торговать крестьянским хлебом, кооперативы маслодельные, молочные, картофелетерочные, крахмальные и так далее. В 1913 году в стране было свыше 30 тысяч кооперативов разных типов. Причем в войну процесс нарастал. Только за 1914-1915 годы рост кредитных кооперативов и их участников составил 20 процентов, а ведь за полтора военных года десять миллионов мужиков выгребли из деревни. Россия стала мировым лидером по темпам кооперативного движения, и в 1917 году, как считается, больше половины населения страны состояло в тех или иных кооперативах» [8].

В интервью журналу «Эксперт» [8] профессор Давыдов цитирует интересные образцы народного частушечного фольклора, обнаруженные им в заметке Короленко 1914 года и подтверждающего его выводы о состоянии экономики, ходе модернизации и социально-экономическом самочувствии населения.

Нету, нету, мово милки,
Нету, не покажется.
Чай, сидит у потребилки,
Леший, кочевряжится.

Надоели девки нам,
Надоели барыни.
Пойдем ссуду открывать
Со стариками старыми.

Милые родители,
Люблю я потребителя.
Хорошо на счетах щелка(е)т,
Хорошо песни игра(е)т.
Пойду выпрошу кредиту,
Стану богатеем;
Погуляем, попоем,
Отдадим – успеем.
Гдей-то, гдей-то заиграли,
Гдей-то затальянили.
Знать, пошли ребята наши,
Деньги в банке заняли.

Такая картина народной жизни разительно отличается от ночлежки, в пьесе «На дне». За пределами ночлежки есть иная жизнь, в которой существует продуктивный труд ремесленников, рабочих и предпринимателей, потребительские кооперативы, банковские займы и предпринимательская инициатива. Конечно, Горький живописует быт городской бедноты еще до реформы Столыпина-Витте. Но экономический подъем, вероятно, произошел не на пустом месте, и имел предпосылки в виде частной инициативы мелкого предпринимателя. Однако в обеих пьесах, которые мы рассматриваем, все персонажи предаются праздности, плоды трудов – это только еда, которую готовят Квашня в «На дне» и нянька в «Унтиловске», а также самогон, который гонит и продает жителям Унтиловска солдатка Васка. Правда, Квашня продает свои пельмени, а стряпня няньки не выходит на рынок, она остается в статусе домашней работницы Буслова, но Васка производит самогон на продажу, так что один предприниматель в Унтиловске точно есть.

Жители Унтиловска избегают разговоров о своем прошлом, только невзначай Манюкин проговаривается, что был когда-то барином: «А табачку, если позволите, я щепоточку и с собой прихвачу. Люблю перед сном закурить. С барских времен укоренилась роскошеская привычка». Буслов о себе говорит: «Поп был, поп, а теперь просто Буслов». Черваков резюмирует это всеобщее состояние безвременья: «Все прошло. Все проходит. Все пройдет, Пелагея Лукьянна. И ничего не будет, На всякий предмет есть своя дырка, незримо, но есть. Рождается предмет, рождается и дырка, жаждущая его поглотить». Констатации утерянного статуса в пьесе «Унтиловск» безоценочны, даже, можно сказать, бесстрастны. Здесь никто ни о чем не жалеет и ничем из прошлого не гордится. Совершенно другая

ситуация наблюдается в горьковской ночлежке: герои «На дне» склонны гордиться своим утраченным социальным статусом, приукрашивать его, и ни в коем случае не отрекаться от своего прошлого. Ночлежники, опустившиеся «на дно» с более высоких позиций по-детски гордятся прошлой жизнью, их социальный инфантилизм и экономическая несостоятельность делают их не только жалкими, но и трогательными существами, с простодушной непосредственностью хвастающими тем социальным капиталом, которого давно уже нет.

Заметим, что никаких высказываний в отношении государственного устройства, власти, революции, ее последствий нет ни у кого из персонажей обеих пьес. Герои самоопределяются по отношению к вере, к своему прошлому, к труду и к будущему. Революция как возможная очистительная гроза, способная смести с лица земли ночлежку, вероятно, есть в кругозоре автора пьесы «На дне», но ее нет в кругозоре героев. Что касается героев Леонида Леонова, то мы застаем их в послереволюционную эпоху, когда буря миновала, испепелив старый строй и старые порядки, но трясина захолустного городка Унтиловска осталась на месте. Русская провинция «не заметила» революционных потрясений, ее уклад остался прежним, а качество человеческого материала не поменялось и не могло поменяться в столь короткий срок.

Ночлежка при всей своей неприглядности все-таки становится убежищем для ее обитателей, заменяет им дом. Унтиловск, скорее, напоминает промежуточную станцию на пути в преисподнюю. Не зря Черваков, спаивающей Буслова, имеет все черты «адвоката дьявола», но его неоднократные провокации и «саморазоблачения» не побуждают Буслова вступать со своим оппонентом в диалог. Черваков и Буслов здесь давно, все разговоры между ними уже в прошлом, и ничего нового они друг другу сказать не способны. Червакова с его повадками трикстера и глумливым речевым поведением наследует феномену подпольного человека Достоевского. Этот чисто русский бунт *маленького человека* был оценен Горьким: «Вот Ванечка у меня – обыкновенный, и очень обижен этим, и все хочет сделать что-нибудь... потрясающее! Миллион выиграть на скачках или в карты, царя убить. Думу взорвать, все равно – что. И все очень хотят необыкновенного» [6, с. 183]. Гуга когда-то вполне мог быть «новым человеком» из романа Чернышевского, а Буслов по масштабу своей личности, конечно, был бы человеком «особенным». Если литературная утопия Чернышевского была предсказанием русской революции, «На дне» Горького – прологом, то «Унтиловск» – печальный эпилог, оптимистический финал которого выглядит достаточно искусственно.

Подводя итог нашему анализу, можно утверждать, что Леонов в своей пьесе выносит вердикт: революция потерпела поражение, не осталось в России ни *новых*, ни *особенных* людей, ни революционеров, ни подпольщиков, все они теперь – «бывшие» люди, которые очень скоро будут объявлены «конрреволюционерами» и попадут под каток большого террора [15, 16]. Уцелеть удастся только тем, кто догадался сбежать в глухую провинцию или спрятался во «внутренней эмиграции» [14, 26].

И Горький и Леонов предлагают вниманию читателя и зрителя групповой портрет сословий и характеров, но каждый персонаж здесь лишен дома, семьи, деморализован и растерян. Однако это положение вещей объясняется не только личными обстоятельствами жизни каждого из героев, неблагополучие каждого здесь можно рассматривать как симптом системного общественно-политического кризиса. Советская власть в экономической политике очень скоро начнет воспроизводить худшие стороны экономической модели феодализма: колхозы с изъятием продукции и лишением крестьянства паспортов (по сути – реставрацией крепостного права), бюрократию и коррупцию – те «токсичные» черты общественных институтов, которые мешают стране развиваться, несмотря на огромные сырьевые ресурсы и территории [1]. Романтика революционного обновления закончилась скатыванием в прошлое [2]. Десятилетия спустя Александр Аузан назовет этот экономический феномен «эффектом колеи». Таким образом, «щель», в которую забились «бывшие люди», обитатели Унтиловска, оказывается не просто удачно найденной метафорой, а диагнозом общественно-политической системы российского государства, мешающим ему совершить экономический рывок [3], и не преодоленным до сих пор.

Библиографический список

1. Аджемоглу, Д., Робинсон, Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты [Текст] / Д. Аджемоглу, Дж. А. Робинсон. – М. : АСТ, 2016. – 693 с.

2. Аузан, А. А. Рано или поздно все устроится более или менее плохо [Электронный ресурс] // Эксперт онлайн. 2.11.2018. – Режим доступа: http://expert.ru/ural/2018/44/vse-rano-ili-pozdno-ustroitsya-bolee-ili-menee-plohox/?fbclid=IwAR02WaMTHcF9DLJRoEWDuFyLsK6_CR6kWmyLW11MFZDyQlYJaYwMgWl1zEU

3. Аузан, А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь [Текст] / А. А. Аузан. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 147 с.

4. Гершензон, М. Предисловие к работе Г. Лансона «Метод в истории литературы» [Текст] / М. Гершензон // Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: феномен самосознания в ас-

пекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика). – Новосибирск, 1999. – 300 с.

5. Глембоцкая, Я. О. Хозяйственный мужик в русской литературе: от Островского до наших дней [Текст] // Феномен труда в художественном истолковании: сб. науч. статей / под. ред. Л. Ю. Фуксона. – Кемерово, 2013. – С. 18-28.

6. Горький, М. Собр. соч.: В 30 т. : Т. 22 [Текст] / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1954.

7. Давыдов, М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина [Текст] : монография / М. А. Давыдов. – СПб. : Алетейя, 2014. – 780 с.

8. Давыдов, М. А. Столыпин vs царский «социализм» [Электронный ресурс] // Эксперт-онлайн. 20.12.2018. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2018/44/stolyipin-vs-tsarskij-sotsializm

9. Кузнецов, И. В. Идея труда в русской литературе, старой и новейшей [Текст] // Феномен труда и его художественное истолкование : сб. науч. статей / под. ред. Л. Ю. Фуксона. – Кемерово, 2013. – 130 с.

10. Кушляева, О. Дело было в Унтиловске [Текст] // Петербургский театральный журнал № 1(75) 2014. – Режим доступа: http://ptj.spb.ru/archive/75/process/delo-bylo-v-untilovske

11. Фишер-Лихте, Э. Эстетика перформативности [Текст] / Э. Фишер-Лихте / под общ. ред. Д. В. Трубочкина. – М. : Play&Play : Канон-плюс, 2015. – 375 с.

12. Шатин, Ю. В. Современная теория драмы и поэтика режиссерского театра [Текст] // Театр и драма: эстетический опыт эпохи: Материалы Всероссийской научной конференции. – Новосибирск, 2017. – Вып. № 4. – С. 16-24.

13. Autant-Mathieu M.-Ch. Gorki et le theatre d'art de Moscou: des affinities selective. – Режим доступа: http://studlit.ru/images/2018-3-1/Autant-Mathieu.pdf

14. Brown D. Soviet Russian literature since Stalin. – Cambridge University Press, 1979. – 396 p.

15. Brown E. Russian literature since the Revolution. – New York, 1963.

16. Chamberlin, W. The Russian Revolution, 1917-1921. – New York, 1965.

17. Freeborn R. The Russian Revolutionary Novel. – Cambridge University Press, 1982. – 302 p.

18. Hare R. Maxim Gorky: Romantic Realist and Conservative Revolutionary. – Oxford University Press.

19. Heller L. Universelle Russite: Les Bas-Fonds ou Gorki revu par Zamiatine revu par Renoir. Universelle russité: Les Bas-fonds, ou Gorki revu par Zamiatine revu par Renoir // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 1. – С. 196-211. – Режим доступа: http://studlit.ru/images/2018-3-1/Heller.pdf

20. Mathewson R. the Positive Hero in Russian Literature. – Stanford University Press, 1975.

21. Rolet S. Comment les Français ont découvert Na dne // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 1. – С. 154-177. – Режим доступа: http://studlit.ru/images/2018-3-1/Rolet.pdf

22. Ruehle, J. Literature and Revolution: A Critical Study of the Writer and Communism in the Twentieth Century. – London, 1969.

23. Slonim M. Modern Russian Literature. – New York, 1953. – 467 p.

24. Struve, G. Russian Literature under Lenin and Stalin 1917-1953. – London, 1972.

25. Winegarten R. Writers and Revolution: the fatal lure of action. – New York, 1974.

26. Wortman R. The Crisis of Russian Populism. – Cambridge University Press, 1982.

Reference List

1. Adzhemoglu, D., Robinson, Dzh. A. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proishozhdenie vlasti, procvetanija i nishhety = Why some countries are rich, and others are poor. Origin of power, prosperity and poverty [Tekst] / D. Adzhemoglu, Dzh. A. Robinson. – M. : AST, 2016. – 693 s.

2. Auzan, A. A. Rano ili pozdno vse ustroitsja bolee ili menee ploho = Sooner or later everything will be arranged more or less badly [Jelektronnyj resurs] // Jekspert onlajn. 2.11.2018. – Rezhim dostupa: http://expert.ru/ural/2018/44/vse-rano-ili-pozdno-ustroitsya-bolee-ili-menee-plohox/?fbclid=IwAR02WaMTHcF9DLJRoEWDuFyLsK6_CR6kWmyLW11MFZDyQlYJaYwMgWl1zEU

3. Auzan, A. A. Jekonomika vsego. Kak instituty opredeljajut nashu zhizn' = Economy of everything. As institutes define our life [Tekst] / A. A. Auzan. – M. : Mann, Ivanov i Ferber, 2017. – 147 s.

4. Gershenzon, M. Predislovie k rabote G. Lansona «Metod v istorii literatury» = The preface to G. Lanson's work «A method in the history of literature» [Tekst] / M. Gershenzon // Pecherskaja T. I. Raznochincy shestidesjatyh godov XIX veka: fenomen samosoznanija v aspekte filologicheskoj germenevtiki (memuary, dnevniki, pis'ma, belletristika) = Pecherskaya T. I. Commoners of the sixtieth years of the XIX century: a consciousness phenomenon in aspect of philological hermeneutics (memoirs, diaries, letters, fiction). – Novosibirsk, 1999. – 300 s.

5. Glembockaja, Ja. O. Hozjajstvennyj muzhik v russkoj literature: ot Ostrovskogo do nashih dnej = The economic man in the Russian literature: from Ostrovsky up to present [Tekst] // Fenomen truda v hudozhestvennom istolkovanii: sb. nauch. statej = Work phenomenon in art interpretation: collection of articles / pod. red. L. Ju. Fuksona. – Kemerovo, 2013. – S. 18-28.

6. Gor'kij, M. Sobr. soch.: V 30 t. : T. 22 = Collected works: in 30 volumes. : V 22.[Tekst] / M. Gor'kij. – M. : Hudozh. lit., 1954.

7. Davydov, M. A. Dvadcat' let do Velikoj vojny: rossijskaja modernizacija Vitte-Stolypina = Twenty years before the Great war: Russian modernization by Witte-

Stolypin [Tekst] : monografija / M. A. Davydov. – SPb. : Aletejja, 2014. – 780 s.

8. Davydov, M. A. Stolypin vs carskij «socializm» = Stolypin vs imperial «socialism» [Jelektronnyj resurs] // Jekspert-onlajn = Expert-online. 20.12.2018. – Rezhim dostupa: http://expert.ru/expert/2018/44/stolyipin-vs-tsarskij-sotsializm

9. Kuznecov, I. V. Ideja truda v russkoj literature, staroj i novejshej = The idea of work in the Russian literature, old and the latest [Tekst] // Fenomen truda i ego hudozhestvennoe istolkovanie : sb. nauch. statej = Phenomenon of work and its art interpretation: collection of articles / pod. red. L. Ju. Fuksona. – Kemerovo, 2013. – 130 s.

10. Kushljaeva, O. Delo bylo v Untilovske = It was in Untilovsk [Tekst] // Peterburgskij teatral'nyj zhurnal № 1(75) 2014 = Peterburgski teatralnyi zhurnal № 1(75) 2014. – Rezhim dostupa: http://ptj.spb.ru/archive/75/process/delo-bylo-v-untilovske

11. Fisher-Lihte, Je. Jestetika performativnosti = Performativity esthetics [Tekst] / Je. Fisher-Lihte / pod obshh. red. D. V. Trubochkina. – M. : Play&Play : Kanon-pljus, 2015. – 375 s.

12. Shatin, Ju. V. Sovremennaja teorija dramy i pojetika rezhisserskogo teatra = Modern theory of drama and poetics of the director's theater [Tekst] // Teatr i drama: jesteticheskij opyt jepohi: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii = Theater and drama: esthetic experience of the era: Materials of the All-Russian scientific conference. – Novosibirsk, 2017. – Vyp. № 4. – S. 16-24.

13. Autant-Mathieu M.-Ch. Gorki et le theatre d'art de Moscou: des affinities selective. – Режим доступа: http://studlit.ru/images/2018-3-1/Autant-Mathieu.pdf

14. Brown D. Soviet Russian literature since Stalin. – Cambridge University Press, 1979. – 396 p.

15. Brown E. Russian literature since the Revolution. – New York, 1963.

16. Chamberlin, W. The Russian Revolution, 1917-1921. – New York, 1965.

17. Freeborn R. The Russian Revolutionary Novel. – Cambridge University Press, 1982. – 302 p.

18. Hare R. Maxim Gorky: Romantic Realist and Conservative Revolutionary. – Oxford University Press.

19. Heller L. Universelle Russite: Les Bas-Fonds ou Gorki revu par Zamiatine revu par Renoir. Universelle russité: Les Bas-fonds, ou Gorki revu par Zamiatine revu par Renoir // Studia Litterarum. 2018. T. 3, № 1. – C. 196-211. – Режим доступа: http://studlit.ru/images/2018-3-1/Heller.pdf

20. Mathewson R. the Positive Hero in Russian Literature. – Stanford University Press, 1975.

21. Rolet S. Comment les Français ont découvert Na dne // Studia Litterarum. 2018. T. 3, № 1. – C. 154-177. – Режим доступа: http://studlit.ru/images/2018-3-1/Rolet.pdf

22. Ruehle, J. Literature and Revolution: A Critical Study of the Writer and Communism in the Twentieth Century. – London, 1969.

23. Slonim M. Modern Russian Literature. – New York, 1953. – 467 p.

24. Struve, G. Russian Literature under Lenin and Stalin 1917-1953. – London, 1972.

25. Winegarten R. Writers and Revolution: the fatal lure of action. – New York, 1974.

26. Wortman R. The Crisis of Russian Populism. – Cambridge University Press, 1982.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10310

УДК 821.161.1-93/930.253

Н. Н. Иванов https://orcid.org/0000-0002-6292-2903

Трансформация богородичного мифа в прозе М. Горького

Целью работы является изучение способов трансформации т. н. богородичного мифа в художественных произведениях М. Горького. При этом решались задачи рассмотрения богородичного мифа как в контексте мариологии, так и установления функциональных аспектов мифа в мироощущении, эстетике, принципах повествования и художественной выразительности прозы Горького.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Рассмотрена рецепция богородичного мифа Горьким в контексте развития русского неореализма начала XX века, его художественно-онтологических и эстетических характеристик. Обнаружено многообразное воплощение мифа в виде мотивов и архетипов в творчестве Горького. Предпочтение отдано православной версии богородичного мифа, но учтены и общехристианские его трактовки, понятийно-терминологическая неоднозначность. Творчески воспринятый писателем комплекс представлений о Богородице определил многие важные характеристики женских образов в Автобиографической трилогии, Окуровской дилогии, цикле рассказов «По Руси». Означенная тенденция, не часто исследуемая в научных литературоведческих трудах, трактуется как общее свойство русской прозы начала XX века, но в индивидуальных авторских проявлениях. Функциональные аспекты богородичного мифа в творчестве Горького уточнены и конкретизированы с учетом русского литературного контекста. Обоснован тип художественного мышления Горького с точки зрения поставленной проблемы; обновлен взгляд на известные произведения Горького. Раскрытые в данной работе тесные и плодотворные связи мироощущения и творчества Горького с мифопоэтической традицией позволили увидеть новые мировоззренческие и эстетические ориентиры.

Работа адресована филологам, литературоведам, специалистам в области русской литературы, культуры.

Ключевые слова: русский неореализм, М. Горький, христианская мифология, богородичный миф, мариология, поэтика прозы.

N. N. Ivanov

Transformation of the Virgin Myth in M. Gorky's Prose

The aim of the work is to study the ways of transformation of the so-called virgin myth in the works of M. Gorky. At the same time, the tasks of considering the Theotokos myth both in the context of mariology and establishing the functional aspects of the myth in the attitude, aesthetics, principles of narration and artistic expressiveness of Gorky's prose were solved.

The most significant results were the following ones. The reception of the God-born myth by Gorky in the context of the development of Russian neorealism of the early XX century, its artistic-ontological and aesthetic characteristics is considered. The diverse embodiment of the myth in the form of motifs and archetypes in Gorky's work is revealed. Preference is given to the Orthodox version of the Theotokos myth, but also is taken into account its Christian interpretations, conceptual and terminological ambiguity. The complex of ideas about the Virgin Mary creatively perceived by the writer defined many important characteristics of women's images in the Autobiographical trilogy, The Okurov dilogy, the cycle of stories «In Russia». This tendency, which is not often studied in scientific literary works, is interpreted as a General property of Russian prose of the early XX century, but in the individual author's manifestations. The functional aspects of the Theotokos myth in Gorky's work are refined and concretized taking into account the Russian literary context. The type of Gorky's artistic thinking is substantiated from the point of view of the problem posed; the view of Gorky's famous works is updated. The close and fruitful connections of Gorky's attitude and creativity with the mythopoetic tradition revealed in this work allowed us to see new worldview and aesthetic reference points.

The work is addressed to philologists, literary critics, specialists in the field of Russian literature and culture.

Keywords: Russian neorealism, M. Gorky, Christian mythology, the virgin myth, mariology, poetics of prose.

Относительно недавнее рассмотрение творчества М. Горького в контексте христианской ценностной парадигмы сегодня выглядит если и не привычным, то объяснимым, понятным. Сложнее изучать творческие интерпретации Горьким, его современниками те культурные ценности, которые были переосмыслены на рубеже XIX–XX вв. Русский неореализм был в этом смысле как плодотворен, так и противоречив. Еще сложнее говорить о т. н. христианском мифе применительно именно к Горькому, потому что данная лексема, данный концепт не является каноническим и с позиций догматического богословия выглядит дискуссионным. Но искусства и веры разные основания, и одни и те же события они трактуют методологически поразному.

Активное обращение к мифу, мифологизму увеличило повествовательные, экспрессивные возможности русской литературы начала XX века [8; 9]. Ныне проявившееся острое внимание к пробле-

© Иванов Н. Н., 2019

мам духовной культуры России выдвинуло на ведущие позиции изучение религиозного чувства человека, особенно художника. Постараемся прояснить отдельные стороны этой проблемы применительно к М. Горькому, творчество которого в очерченном контексте исследуется спонтанно [12; 23]. Литературоведение советского периода трактовало наследие Горького принципиально по-другому. Отход от идеологических запретов в постсоветский период позволил сконцентрироваться, в первую очередь, на художественных поисках и открытиях писателя [7; 10; 14; 24]. Представляется, что избранноое в настоящей работе направление продуктивно по целому ряду направлений. Прежде всего, разрушается порочный узкосоциологический подход к наследию М. Горького, которое часто нередко и грубо отделяют от завоеваний духовной культуры, от достижений русского словесного искусства.

Горький по-своему варьировал и трансформировал Богородичный миф. Последний находится в парадигме представлений о Богородице, но это не мариология в строго терминологическом смысле. Мариология (от имени «Мария» и греч. □□□□□ – учение) – учение о Деве Марии, родившей Иисуса Христа в результате непорочного зачатия во исполнение высшего замысла – спасения человечества [2; 6; 29]. Учение о Богоматери сформировалось в IV в.; в 431 г. на Эфесском соборе Деву Марию признали Богородицей официально. Ее культ, в католицизме культ мадонны, более популярен, чем в православии и протестантизме. Католицизм разработал и провозгласил догматы о непорочном зачатии Марии ее матерью Анной (1854 г.), о телесном вознесении Богородицы на небо (1950 г.) [27; 29; 34]. М. Горький умер в 1936 г. и последнего не знал. В 1964 г. Папа Павел VI провозгласил Деву Марию Матерью Церкви. Культ Марии понятнее абстрактной Троицы, поэтому широко распространен среди верующих, и католиков, и православных, и всех тех, кто идентифицирует себя как христианина. В католицизме Мария наделена ролью попечительницы семей, в православии – покровительницы земледельцев. Более широкое и отвлеченное толкование и применение культа Марии – помощь христианским народам в беспрестанной борьбе добра и зла.

Связь мариологии и нравственного богословия опосредованная, но в искусстве она выходит на первый план. Горький сосредоточен на нравственных аспектах богородичного мифа, менее всего – догматических, богословских. Мария свободна от греха, она образец целомудрия, добродетели, любви ко всему живому. Нравственное богословие подразумевает и мистицизм, харизму Девы Марии. Горьковскую версию богородичного мифа следует считать апокрифической, она создана по законам фольклорной, мифопоэтической типизации.

Горьковская версия богородичного мифа строится в соответствии с правилами т. н. детской религиозности [2]. «Книга большого писателя и большого человека», – отозвалась З. Н. Гиппиус о повести «Детство» [4]. «Это одна из лучших, одна из вечных русских книг»; «наиболее правдивое, сильное, вечное из всего, что написано Горьким, – наиболее религиозное», – оценил повесть «Детство» Д. С. Мережковский [16, с. 306]. В автобиографической трилогии [5, Т. 13] детские воображение, память Алексея Пешкова мифологизируют бабушку, мать, отца, отождествив их с персонажами сказок и преданий, наполнив их отношения легендарным смыслом. Бабушка «рассказывала мне интересные сказки, истории, говорила про отца моего» [5, Т. 13, с. 93]. Бабушка, чья душа была «ослеплена сказками» [5, Т. 13, с. 438], «сказывала» «стихи о том, как Богородица ходила по мукам земным <…> про Алексея божия человека» [5, Т. 13, с. 54]. Сюжет апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» повествует о том, как Богородица посетила ад и молила Бога облегчить муки грешников.

Устремленность Горького к символизируемому Богородицей идеалу позволила раскрыть суть вечной и современной ему жизни, сопоставить состояния душ своих современников с энергиями т. н. *живой жизни*, уходящей в докультурные эпохи.

Горький внимательно изучал фольклор, миф, апокриф [1; 13]. В этой сфере он искал богатые возможности творческой жизни, воплощение метафизической близости человека и мира, всеединого Бога для всех форм бытия. Он интересовался трудами представителей русской мифологической школы, книгами о т. н. народном православии. В июле 1910 г. запрашивал профессора Н. Ф. Сумцова о книге А. А. Потебни «О доле и сродных с нею существах», а в феврале 1912 г. (письмо этнографу З. И. Харциеву) конкретизировал свой интерес: «Я искал эту книгу четыре года <…> Статью Потебни «О доле и сродных и т. д.» искал два года и нашел лишь у Н. Ф. Сумцова! <…> Нет ли у Потебни статей, аналогичных статье «О доле», не знаете ли Вы других авторов, писавших о доле, судьбе, подсудьбинках? Очень прошу ответить» [5, Т. 29, с. 226]. В январе 1912 г. обращался к Д. Н. Овсянико-Куликовскому: «Три Ваши книги получил <…> Очень просил бы прислать и Ваши работы по мифологии» [5, Т. 29, с. 214]. Акценты расставлены в письме Харциеву (конец мая 1912): «Странное дело: века народ русский поет и плачет о Доле, века тщится одолеть Судьбу и подчиняется ей, побежденный, а наши фольклористы по сей день не дали сборника «Песен о Доле» <…> Надобно бы нам заняться изучением корней психики и мироощуще-

ния народа-то нашего!» [5, Т. 29, с. 241].

Богородичный миф Горький проецировал на сущностные начала бытия, тайные силы природы и возможности человека, воплотил его в системе лейтмотивов. В цикле рассказов «По Руси» – это стремление обнаружить «скрытую гармонию нетленных сил земли». В цикле «По Руси», окуровской дилогии, автобиографической трилогии дом, реже храм как сакральные центры мироздания не пребывают под защитой Матери-Земли. Горьковская Богородица живет не в городе, не в доме и даже не в храме, но в лесу.

«В людях». «Бабушка крестится.

Пресвятая матерь божия ! Как подумаешь про людей-то, так станет жалко всех. <…> И, кланяясь черной земле, пышно одетой в узорчатую ризу трав, она говорит о том, как однажды Бог, во гневе на людей, залил землю водою и потопил все живое.

А премилая мать его собрала заране все семена в лукошко и спрятала, а после просит солнышко: осуши землю из конца в конец, за то люди тебе славу споют ! <…> Я удивлен <…>

Разве так было? Божья-то матерь родилась долго спустя после потопа. <…> врут они, книжки-то! Бог был, а матери у него не было <…> От кого же он родился? <…> Поп говорил, что божья матерь родилась от Иоакима и Анны.

Марья Якимовна, значит? <…> Богородица всегда была, раньше всего! От нее родился бог, а потом <…> – А Христос – как же?» [5, Т. 13, с. 243-245].

На протяжении многих лет Горький связывал религиозное чувство России с идеями преображения самих людей и обновления всей жизни, «втягивающей» в созидательную деятельность творческие силы Земли. «Я, видишь ли, религиозное чувство, страсть в искании божества – понимаю, ценю, силу этой страсти – знаю. Творчеству ее – обновлением жизни мы будем обязаны, да, это так!» – писал он В. С. Миролюбову в 1902 году [5, Т. 28, с. 222]. И через двадцать четыре года, сравнивая в письме к О. Форш (сентябрь 1926) В. Соловьева и Н. Федорова, заявил о давней своей мечте – открытии «творческих сил, еще не опознаваемых нашим дневным сознанием» [19, Т. 2, с. 230]. «В чувстве и слове Вашем слышу я нечто древнее, вещее и язычески прекрасное, сиречь – подлинно человеческое, идущее от сердца Сына Земли – Великой Матери, боготворимой Вами» [5, Т. 29, с. 476].

Горький часто персонифицировал силы природы в женских образах. Поэтизируя воду и землю как символы материнского начала жизни, женскую сущность Бытия, он конкретизировал ее в переживаниях женщины. Так, в облике бабушки из повестей «Детство», «В людях» отразились и фольклорный культ Матери-Сырой Земли, и народное восприятие Богородицы. Вариации такого мотива (женщина – стихия земли – женское начало жизни) находим в образах Пелагеи Ниловны и Софьи («Мать»), Надежды, Фелицаты, Татьяны («По Руси»). Все эти произведения предстают в новом свете при учете влияния на них мифов о земле и ее работниках. Любовь к земле, от кого бы она ни исходила, развивается по аналогии с чувством к женщине. Горьковская версия богородичного мифа подразумевает познание резервов и скрытых потенций жизни, тайн Бытия, близости к Матери-Земле, стихиям природы; люди совершенствуют себя. Потому для столь высокой миссии важны душевное богатство и мистический опыт личности, интуиция, прозрения, откровения религий, молитвенные практики и знания. Возможности личности преобразить жизнь по художественным законам Горький связал с освобождением внутренних резервов людей, с усилиями мысли и души.

Устанавливая формы общности людей и Земли, Горький думал о тесной, почти фатальной зависимости стихий природы и путей страны, народа, человека. «Щедрая земля» «любит работников своих», она рождает людей, которые преображают ее своим трудом. Отсюда выросли надежды писателя на «духовные силы» Родины, однако Русь, по его мнению, так же «чудовищно талантлива, как несчастна». Характеризуя отношение к Земле, Горький нашел формулы: «геофилия», «геооптимизм»; Мать-Земля возвращает вложенные в нее человеком усилия. Земля – «Великая Матерь наша», а человек должен стремиться к тому, чтобы стать «Мужем Земли», творцом «чудес и радостей» ее. Дети земли преображают ее своим деянием и чувством, человек несет ей восхищение красотой, а благодарная Мать-Земля, отвечая, раскрывает перед ним свои богатства, наделяет творческой энергией. Люди вовлекают в «разум свой» все «тайные силы» Мира. Общую линию таких устремлений Горького удачно выразить его же словами из очерка «О М. М. Пришвине» (1926) о людях, которые достигли «ощущения Земли как своей плоти» [5, Т. 24, с. 266].

Восприятие христианства на Руси привело к осмыслению взаимодействия двух основных религиозных миросозерцании народа. Изучение Горьким древности, истоков христианства, сказочных и былинных типов – это развитие одной концепции: духовных сил человека.

Мечтая о «веке духовного обновления», Горький думает о людях, которые, подобно былинным героям, рождаются Землей, и преображают ее своим подвигом: «Множество погибнет людей, но еще больше родит их земля /…/ одолеет красота, справедливости победят лучшие стремления человека» [19, Т. 1, с. 164. – М. Горький – К. Пятницкому, 1901]. Развернет писатель эти идеи в романе

«Мать» и ее настойчивее в повести «Лето» : «Новых сил требует земля наша» [5, Т. 8, с. 451], – в финале которой появляется фольклорный образ «сказки о неведомой <…> щедрой земле, которая любит работников своих» [5, Т. 8, с. 497].

Трагическую разъединенность человека с прошлым, Землей, Богородицей Горький воплотил последовательно: от сочинений конца 1890-х, начала 1900-х годов к повестям об Окурове и циклу «По Руси».

Есть и другая координата горьковских построений, вселяющих надежды на обновление, преображение земли, человека. «Люблю страну и верю в ее духовные силы» [19, Т. 1, с. 375], «столько зреет новых сил» [19, Т. 1, с. 392]. «Вы найдете в жизни законное, прочное место и славянству, я России, и всякой единице, и себе самой /…/ свободные, новорожденные люди <…> Они, люди эти, самое ценное земли, они наша посылка в будущее. Кто они? Не знаю», – поделился художник сокровенным с Л. А. Никифоровой [19, Т. 1, с. 403]. Надеясь на «историческую молодость» [19, Т. 1, с. 416] народа, он жаждет часа, когда раскроются во всю мощь дарования русского человека и родной земли. В 1915 г. М. Горький сообщил В. Г. Короленко о своем желании соединить все лучшие силы «замученной и печальной земли нашей» [19, Т. 2, с. 108]. В 1924 г. – М. Ф. Андреевой: «Жутко становится, когда видишь, как русские люди одичали, озверели, поглупели, будучи оторваны от своей земли <…> Все-таки Русь талантлива. Так же чудовищно талантлива, как несчастна» [19, Т. 2, с. 177].

«В заговоре из Нижегородской губернии З. представляется всеобщей матерью – и всего человечества в целом, и каждого человека в отдельности»; (думаем, что Горький знал этот заговор); «В фольклоре и древнерусской литературе постоянно подчеркивается страдание З. и одновременно сострадание ее к человеку <…> В духовных стихах З. содрогается, скорбит, плачет, обращается с мольбами к Богу и Богородице. В годины народных бедствий или перед кровопролитными битвами она, как мать или вдова, рыдает о погибших и о тех, кому еще суждено погибнуть. В других сюжетах З., наоборот, молит Бога наказать людей за грехи, а Бог в ответ просит ее потерпеть еще немного в надежде на то, что люди опомнятся и покаются перед ним» [22, с. 192, 193].

С землей и силами ее через семантику архетипов связаны многие героини М. Горького. Пелагея Ниловна и Софья («Мать»), Фелицата («Нилушка»), Татьяна («Женщина»). Корень имени Пелагея в греческой традиции несет семантику земли; София (премудрость) – ее специфику в античной и библейской традиции «составляет женственная пассивность, сопряженная с материнской многоплодностью, ее «веселие», а также глубинная связь не только с космосом, но и человечеством <…> за которое она заступается»; София – «художница», «строительница, созидающая мир» [19]. В ипостаси мироустроительницы известна и Татьяна.

Любопытно и другое: исследователи автобиографической трилогии не сочли нужным прокомментировать одну художественную особенность всего сочинения, для нас – принципиальную: бабушка там явно «больше» матери, то есть, образ бабушки заслоняет образ матери. Так произошло, потому что в первом сошлись и культ Матери-Сырой-Земли, и связь язычества с христианством (почитание Богородицы), и поэтизация женского начала бытия вообще.

Тесные и плодотворные связи мироощущения и творчества Горького с апокрифической традицией позволяет увидеть совсем другие мировоззренческие и эстетические ориентиры писателя, понять главное его устремление – ответить на вечные, всечеловеческие вопросы бытия, мироздания.

Библиографический список

1. А. М. Горький нижегородских лет [Текст] : Воспоминания : [Сборник / сост. А. И. Елисеев; Подгот. текстов и коммент. Р. Г. Бейслехем и др.]. – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. – 335 с.

2. Булгаков, С. Н. Мариология в Четвертом Евангелии [Текст] // Вестник РСХД. – Париж – Нью-Йорк, 1971. – № 101-102. – С. 109-114.

3. Власов, В. Г. Мадонна [Текст] // Он же. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. Т. 4. – СПб., 2001.

4. Гиппиус, З. Н. Утро России [Текст] / З. Н. Гиппиус. – 1916, 17 сентября.

5. Горький, М. Собрание сочинений в 30 т. [Текст] / М. Горький. – М. : ГИХЛ, 1949-1955.

6. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание св. чудотворных её икон, чтимых православной церковью [Текст] / на основании Священного Писания и церковных преданий / сост. С. Снессорева. – СПб. : Изд. И. Л. Тузова, 1898. – 648 с.

7. Иванов, Н. Н. Мифопоэтика в художественном сознании М. Горького [Текст] // Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – № 2. – С. 40-47.

8. Иванов, Н. Н. Языческая культура в прозе М. Горького [Текст] // Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin: научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – № 3. – С. 16-19.

9. Кисин, Б. Богородица в русской литературе [Текст] / Б. Кисин. – М., 1929.

10. Леднева, Т. П. Проблема поэтики раннего М. Горького в критическом и историко-литературном осмыслении 1920-2000-х гг. (статья вторая) [Текст] / Т. П. Леднева // Вестник Удмуртского университета.

История и филология. – Ижевск : РИО УДГУ, 2008. – Вып. 3.

11. Личная библиотека А. М. Горького в Москве [Текст] / Описание в двух книгах. – М. : Наука, 1981.

12. Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения: Горьковские чтения – 2000: Материалы международной конференции [Текст] / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН и др. – Н. Новгород : РИО ННГУ, 2002.

13. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М. : РАН, 2000. – 407 с.

14. Мережковский, Д. С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи [Текст] / Д. С. Мережковский. – М. : Книжная палата, 1991. – 352 с.

15. М. Горький: уроки истории. Горьковские чтения 2014 г.: Материалы XXXVI Международной научной конференции [Текст]. – Н. Новгород : ООО «БегемотНН», 2016. – 395 с.

16. Мировое значение М. Горького [Текст] // Международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения писателя. – Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва. 28-30 марта 2018 г.

17. Переписка М. Горького. В 2-х т. Т. 1, 2 [Текст]. – М. : Художественная литература, 1986.

18. Пиксанов, Н. К. Горький и фольклор [Текст] / Н. К. Пиксанов. – Л., 1935.

19. Поселянин, Е. Богоматерь. Полное иллюстрированное описание её земной жизни и посвящение имени чудотворных икон. Кн. 1-4. [Текст] / Е. Поселянин. – СПб., 1909.

20. Славянская мифология [Текст] / Энц. Словарь (Институт Славяноведения РАН). – М. : Эллис Лак,1995. – 416 с.

21. Спиридонова, Л. А. Горьковедение на рубеже веков [Электронный ресурс] / Л. А. Спиридонова. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/document/533633.html.

22. Спиридонова, Л. А. Горьковедение на современном этапе развития [Текст] / Л. А. Спиридонова // Studia Litterarum. 2016. Том 1, № 3-4 Научная жизнь. – С. 419-433.

23. Трубецкой, Е. Иное царство и его искатели в русской народной сказке [Текст] / Е. Трубецкой. – М. : Лепта, 2000. – 320 с.

24. Филипповский, Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы [Текст] / Г. Ю. Филипповский. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 420 с.

25. Academia Mariana Salesiana, 1950, Centro Mariano Monfortano to Rome, 1950, Pontifical University Marianum, 1950, and Collegiamento Mariano Nationale, 1958.

26. Encyclopedia of Theology: A Concise Sacramentum Mundi by Karl Rahner (Dec 28, 2004). – P. 901-902.

27. Joseph Ratzinger. Introduction to Christianity. – Electronic book, 1968. – 300 s.

28. Kasack,Wolfgang. Die Russische Literatur des 20. Jahrhunderts in deutscher Sprache : Band 2. 450 Kurzrezensionen von Uebersetzungen 1984-1990 / Wolfgang Kasack . – Muenchen : Otto Sagner, 1991. – 283 s.

29. Kasack, Wolfgang. Lexikon der russischen Literatur ab 1917. – London : Overseas Publications Interchange, 1988. – 922 s.

30. Lauer, Reinhard : Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. – München : Auflage. C. H. Beck, 2008.

31. «Mariologie», in Bäumer // Lexikon der Marienkunde.

32. Maria und die Kirche, Tyrolia-Verlag, 1961 (English Translation: Our Lady and the Church). – Zaccheus Press, 2004.

Reference List

1. A. M. Gor'kij nizhegorodskih let = Gorky of Nizhny Novgorod years [Tekst] : Vospominanija : [Sbornik / sost. A. I. Eliseev; Podgot. tekstov i komment. R. G. Bejslehem i dr.]. – Gor'kij : Volgo-Vjat. kn. izd-vo, 1978. – 335 s.

2. Bulgakov, S. N. Mariologija v Chetvertom Evangelii = Mariology in the Fourth Gospel [Tekst] // Vestnik RSHD = Bulletin of RSChM. – Parizh – N'ju-Jork, 1971. – № 101-102. – S. 109-114.

3. Vlasov, V. G. Madonna = Madonna [Tekst] // Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' izobrazitel'nogo iskusstva. T. 4 = Big encyclopedic dictionary of the fine arts. V. 4. – SPb., 2001.

4. Gippius, Z. N. Utro Rossii = Morning of Russia [Tekst] / Z. N. Gippius. – 1916, 17 sentjabrja.

5. Gor'kij, M. Sobranie sochinenij v 30 t. = Collected works in 30 volumes [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : GIHL, 1949-1955.

6. Zemnaja zhizn' Presvjatoj Bogorodicy i opisanie sv. chudotvornyh ejo ikon, chtimyh pravoslavnoj cerkov'ju = Mortal life of Blessed Virgin Mary and the description of her St. wonder-working icons honored by the Orthodox church [Tekst] / na osnovanii Svjashhennogo Pisanija i cerkovnyh predanij / sost. S. Snessoreva. – SPb. : Izd. I. L. Tuzova, 1898. – 648 s.

7. Ivanov, N. N. Mifopojetika v hudozhestvennom soznanii M. Gor'kogo = Mythopoetics in M. Gorky's art consciousness [Tekst] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verhnevolzhski Philological Bulletin : nauchnyj zhurnal. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – № 2. – S. 40-47.

8. Ivanov, N. N. Jazycheskaja kul'tura v proze M. Gor'kogo = Pagan culture in M. Gorky's prose [Tekst] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verhnevolzhski Philological Bulletin: nauchnyj zhurnal. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. – № 3. – S. 16-19.

9. Kisin, B. Bogorodica v russkoj literature = The virgin in the Russian literature [Tekst] / B. Kisin. – M., 1929.

10. Ledneva, T. P. Problema pojetiki rannego M. Gor'kogo v kriticheskom i istoriko-literaturnom osmyslenii 1920-2000-h gg. (stat'ja vtoraja) = Problem of early M. Gorky's poetics in critical and historical-literary

judgment in 1920-2000 (the second article) [Tekst] / T. P. Ledneva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologija = Bulletin of Udmurt university. History and philology. – Izhevsk : RIO UDGU, 2008. – Vyp. 3.

11. Lichnaja biblioteka A. M. Gor'kogo v Moskve = A. M. Gorky's private library in Moscow [Tekst] // Opisanie v dvuh knigah = Description in two books. – M. : Nauka, 1981.

12. Maksim Gor'kij – hudozhnik: problemy, itogi i perspektivy izuchenija: Gor'kovskie chtenija – 2000: Materialy mezhdunarodnoj konferencii = Maxim Gorky is an artist: problems, results and prospects of studying: Gorky readings – 2000: Materials of the international conference [Tekst] // In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN i dr. = Institute of the world literature named after A. M. Gorky of RAS and etc. – N. Novgorod : RIO NNGU, 2002.

13. Meletinskij, E. M. Pojetika mifa = Myth poetics [Tekst] / E. M. Meletinskij. – M. : RAN, 2000. – 407 s.

14. Merezhkovskij, D. S. Akropol': Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i = Acropolis: Selected literary critiques [Tekst] / D. S. Merezhkovskij. – M. : Knizhnaja palata, 1991. – 352 s.

15. M. Gor'kij: uroki istorii. Gor'kovskie chtenija 2014 g.: Materialy XXXVI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii = M. Gorky: history lessons. Gorky readings 2014: Materials of the XXXVI International scientific conference [Tekst]. – N. Novgorod : OOO «BegemotNN», 2016. – 395 s.

16. Mirovoe znachenie M. Gor'kogo = World value of M. Gorky [Tekst] // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, priurochennaja k 150-letiju so dnja rozhdenija pisatelja = The International scientific conference devoted to the 150 anniversary since the birth of the writer. – Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. Moskva. 28-30 marta 2018 g.

17. Perepiska M. Gor'kogo. V 2-h t. T. 1, 2 = M. Gorky's correspondence. In 2 volumes. V. 1, 2 [Tekst]. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1986.

18. Piksanov, N. K. Gor'kij i fol'klor = Gorky and folklore [Tekst] / N. K. Piksanov. – L., 1935.

19. Poseljanin, E. Bogomater'. Polnoe illjustrirovannoe opisanie ejo zemnoj zhizni i posvjashhenie imeni chudotvornyh ikon. Kn. 1-4 = Mother of God. The complete illustrated description of her mortal life and dedication in the name of wonder-working icons. Books 1-4. [Tekst] / E. Poseljanin. – SPb., 1909.

20. Slavjanskaja mifologija = Slavic mythology [Tekst] // Jenc. Slovar' (Institut Slavjanovedenija RAN) = Encyclopedic Dictionary (Institute of Slavic studies of RAS). – M. : Jellis Lak,1995. – 416 s.

21. Spiridonova, L. A. Gor'kovedenie na rubezhe vekov = Study on Gorky at the turn of the century [Jelektronnyj resurs] / L. A. Spiridonova. – Rezhim dostupa: http://www.ruthenia.ru/document/533633.html.

22. Spiridonova, L. A. Gor'kovedenie na sovremennom jetape razvitija = Study on Gorky at the present stage of development [Tekst] / L. A. Spiridonova // Studia Litterarum. 2016. Tom 1, № 3-4 Nauchnaja zhizn'. – S. 419-433.

23. Trubeckoj, E. Inoe carstvo i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke = Other kingdom and its seekers in the Russian national fairy tale [Tekst] / E. Trubeckoj. – M. : Lepta, 2000. – 320 s.

24. Filippovskij, G. Ju. Dinamicheskaja pojetika russkoj literatury = Dynamic poetics of the Russian literature [Tekst] / G. Ju. Filippovskij. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 2008. – 420 s.

25. Academia Mariana Salesiana, 1950, Centro Mariano Monfortano to Rome, 1950, Pontifical University Marianum, 1950, and Collegiamento Mariano Nationale, 1958.

26. Encyclopedia of Theology: A Concise Sacramentum Mundi by Karl Rahner (Dec 28, 2004). – P. 901-902.

27. Joseph Ratzinger. Introduction to Christianity. – Electronic book, 1968. – 300 s.

28. Kasack,Wolfgang. Die Russische Literatur des 20. Jahrhunderts in deutscher Sprache : Band 2. 450 Kurzrezensionen von Uebersetzungen 1984-1990 / Wolfgang Kasack . – Muenchen : Otto Sagner, 1991. – 283 s.

29. Kasack, Wolfgang. Lexikon der russischen Literatur ab 1917. – London : Overseas Publications Interchange, 1988. – 922 s.

30. Lauer, Reinhard : Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. – München : Auflage. C. H. Beck, 2008.

31. «Mariologie», in Bäumer // Lexikon der Marienkunde.

32. Maria und die Kirche, Tyrolia-Verlag, 1961 (English Translation: Our Lady and the Church). – Zaccheus Press, 2004.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10311

УДК 008:316.42

Е. М. Болдырева https://orcid.org/0000-0003-2977-7262

«Уральский текст» в романе О. Славниковой «2017»

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

В статье рассматривается роман О. Славниковой «2017» в аспекте культурологической концепции «сверхтекста», моделирующего и воплощающего философские, историко-культурные, эстетические установки автора. «Уральский текст» является важной инстанцией в формировании территориальной идентичности, поскольку «Урал» – это структурно-семантическое образование, одна из категорий русской культуры, осмысливающая и города, и землю. «Уральский текст» как литературный феномен представляет собой совокупность произведений различных жанров, связанных отношениями проблемно-тематического единства. Анализ структуры и семантики «уральского текста» позволяет выявить особенности хронотопа (разделение мира на реальный и потусторонний, размывание границы между мирами и способность героя пересекать эту границу; противопоставленность городскому миру симулякров подлинного, но порой губительного мира горных духов и рифейских камней), особый тип персонажа (мастер по камню, органически чувствующий связь с землей и воспринимающий минералы как стихию, наделенный хтоническими способностями), фольклорную образность, связанную с традицией П. Бажова. Подробно рассматривается специфика «минералогического дискурса» романа, поскольку земля и мир минералов становятся в тексте О. Славниковой интегральной основой мира, метаконструкцией, лежащей в основе многих событий, смыслопорождающей моделью, по аналогии с которой выстраиваются многие описания: отношение к камням как критерий ценности личности героя, «минералогическая биография» персонажей», минералогический детерминизм, сакрализация и эстетизация минералов, амбивалентность роли минералов в судьбе человека. В статье делается вывод о том, что О. Славникова переосмысляет семантику горной мифологии П. Бажова, и роман «2017» оказывается горько-иронической инверсией уральского мифа.

Ключевые слова: «сверхтекст», «уральский текст», О. Славникова, минералогический дискурс, уральский топос, хтонический персонаж, интертекстуальность, фольклорная образность, минералогический детерминизм.

E. M. Boldyreva

«The Ural text» in the novel by O. Slavnikova «2017»

In article the novel by O. Slavnikova «2017» in aspect of the culturological concept of the «supertext» modeling and embodying philosophical, historical and cultural, esthetic installations of the author is considered. «The Ural text» is important instance in formation of territorial identity as Ural is structural-semantic education, one of categories of the Russian culture comprehending both the city, and the earth. «The Ural text» is the literary phenomenon representing set of works of various genres connected by the relations of problem and thematic unity. The analysis of structure and semantics of «the Ural text» allows to reveal features of a chronotope (division of the world on real and otherworldly, washing out of border between the worlds and ability of the hero to cross this border; a protivopostavlennost to the city world of simulacra original, but time of the pernicious world of mountain spirits and rifeysky stones), special type of the character (the master in a stone who is integrally feeling communication with the earth and perceiving minerals as elements, allocated with htonichesky abilities), the folklore figurativeness connected with P. Bazhov's tradition. In detail the specifics of «a mineralogical discourse» of the novel as the earth and the world of minerals become in O. Slavnikova's text an integrated basis of the world, the certain metadesign which is the cornerstone of many events, smysloporozhdayushchy model by analogy with which many descriptions are built are considered: the relation to stones as criterion of value of the identity of the hero, «the mineralogical biography» of characters», mineralogical determinism, a sacralization and aestheticization of minerals, ambivalence of a role of minerals in the fate of the person. In article the conclusion that O. Slavnikova pereosmyslyat semantics of mountain mythology of P. Bazhov is drawn, and the novel «2017» appears bitterly – ironical inversion of the Ural myth.

Keywords: «supertext», «Ural text», O. Slavnikova, mineralogical discourse, Ural top wasps, htonichesky character, intertekstualnost, folklore figurativeness, mineralogical determinism.

В настоящее время произведения, испытывающие влияние того или иного топоса или антропонима, рассматриваются литературоведами как сверхтекстовые единства. Термин «сверхтекст» ввел в научный обиход В. Н. Топоров. Он подразумевал под ним «текст – модель, слагающийся из констант, входящих во вневременное множество текстов, то есть идеальный, абстрактный текст, надстраивающийся над отдельными текстами и представляющий их свойства в обобщенном виде» [9, с. 75]. Отметим, что изучение сверхтекстовых образований, складывающихся вокруг топонимов

© Болдырева Е. М., 2019

или антропонимов высокой культурной значимости (петербургский, московский, лондонский, парижский, шекспировский, стендалевский и др. тексты) в настоящее время представляет большой интерес для гуманитарных наук и, в частности, для литературоведения.

Н. Е. Меднис предлагает следующее определение этого явления: «сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное языковой и смысловой целостностью» [7, с. 25]. Говоря именно о топосах, она отмечает, что «города всегда обладали некой ослабевающей или усиливающейся со временем метафизической аурой. Степенью выраженности этой ауры <…> во многом определяется способность или неспособность городов порождать связанные с ними сверхтексты. Именно наличие метафизического обеспечивает возможность перевода материальной данности в сферу семиотическую, в сферу символического означивания, и, следовательно, формирование особого языка описания, без чего немыслимо рождение текста» [7, с. 26]. В современном литературоведении более распространена концепция изучения сверхтекстов, восходящая к трудам Ю. М. Лотмана («Структура художественного текста», «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [5]) и В. Н. Топорова («Петербургский текст русской литературы» [10]). Ю. М. Лотман выделяет две конститутивные сферы городской семиотики: город как пространство и город как имя. Термин «городской текст» возникает на стыке таких взаимосвязанных понятий, как текст и пространство. Таким образом, вычленение локального городского текста, имеющего определенную семантическую маркированность в сознании нации, позволяет выявить через анализ особенностей рецепции этого текста своеобразие национального менталитета, определить сущность ментального концепта, порожденного локусом. В. Н. Топоров в своей работе о «петербургском тексте» [10] выделяет составляющие «городского текста»: ориентация на миф и символическое, наличие особого языка (связанного с особенностями конкретного топоса), взаимодействие с географическими реалиями, сходство в описании города у разных авторов, наличие общей идеи в сочинениях ряда писателей, общие лейтмотивы и сходная эмоциональная наполненность.

К настоящему времени можно говорить о научной проработке ряда «городских текстов», сформированных в русской литературе. Санкт-Петербург и Москва как города, особо значимые для представителей русской нации, породили «петербургский текст» и «московский текст» русской литературы. Обращение исследователей к данной теме стало своего рода литературоведческой модой. Наряду с такими «городскими текстами», как архангельский, пермский, ярославский, вологодский, ташкентский и т. д., одной из устойчивых моделей периферийного городского текста является складывающийся на протяжении многих столетий «уральский текст». Конечно, использование данного термина весьма условно. В своем исследовании под категорией «уральский текст» мы будем понимать один из вариантов проявления «сверхтекста», связанного с топосом Урала, одну из локальных структурно-семантических категорий русской культуры. «Уральский текст» является важной инстанцией в формировании территориальной идентичности, поскольку «Урал» – это структурно-семантическое образование, одна из категорий русской культуры, осмысливающая и города, и землю. Когда человек осваивает новое место своего проживания, он преобразует его не только утилитарно, но и символически, исходя из своего языка и культуры. Осмысляя и перестраивая пространство, человек выстраивает его структуру и сообщает ей смысл. В 1908 году В. Хлебников в эссе «Курган Святогора» [11] сформулировал идею о влиянии географического пространства на духовную жизнь нации, о необходимости осмыслить ландшафт в поэтических образах. В современном литературоведении данное видение литературы стали называть геопоэтикой. Когда бытие ландшафта становится объектом эстетической и философской рефлексии поэта, территория концептуализируется и приобретает символическое значение. Американский культуролог С. Шама писал в своем исследовании «Ландшафт и память»: «ландшафты – это скорее явления культуры, чем природы. Модели нашего воображения проецируются на лес, и воду, и камень … [и] как только какая-либо идея ландшафта, миф или образ воплотится в месте сем, они сразу становятся способом конструирования новых категорий, создания метафор более реальных, чем их референты, и превращающихся в часть пейзажа» [12, с. 61]. Творческая личность силой своего воображения может вносить в пространство новые символические значения, тем самым преобразуя его. Так Урал соединяет в себе две полярные мысли: идею об избранности уральской земли и идею об отверженности и проклятости этого места. По мнению одного из известных исследователей «пермского» и «уральского» текстов русской культуры В. Абашева, пространство Урала оказывается противопоставленным русской равнине, «на Урале русскому человеку едва ли не впервые открылись земные недра, их мощь и тайна, и с Уралом в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а темная и неистощимая подземная глубина»

[1, с. 146]. Устремленность в земную глубину – это и есть преобладающий вектор формирования региональной, уральской, геопоэтики, которая носит ярко выраженный теллурический характер». «Уральский текст» русской литературы, таким образом, является феноменом, представляющим собой совокупность произведений различных жанров, связанных отношениями проблемно-тематического единства. Художественное пространство «уральского текста» не ограничивается одноименным топонимом, включая в себя все имплицитные «географические» и «культурные» сигнатуры горного рубежа Европы и Азии. Феномен «уральского текста» представлен следующими уровнями: рецептивным (создание образа Урала в русской литературе); интертекстуальным (присутствие в «уральских» произведениях маркированных отголосков «чужого слова» в форме цитат, аллюзий и реминисценций); архетипическим (наличие в «уральской» литературе мифологических образов, сюжетов и мотивов). «Уральский текст» последовательно формируется в фольклоре и в русской литературе в творчестве таких писателей, как Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. П. Бажов, Б. Пастернак, Б. Ручьев, Л. Татьяничева, А. Куницын, В. Богданов, М. Гроссман, А. Иванов, С. Алексеев и т. д. Ключевыми его особенностями становятся особая структура хронотопа (двоемирие, противопоставление гармоничной природы и разрушающей цивилизации) интерес к глубинам земли, взаимовлияние христианских и языческих мотивов, влияние мифов, особый тип героя (суровый, сильный мастер, добровольно подчиняющийся внешним силам), использование сказовой манеры уральских говоров. В нашей статье мы рассмотрим роман О. Славниковой «2017» сквозь призму «уральского текста», моделирующего и воплощающего философские, историко-культурные, эстетические установки автора.

Действие романа О. Славниковой «2017» разворачивается в крупном уральском городе и на территории самого Уральского хребта, обозначенного писательницей как Рифейский край: «Рифейские горы на рельефном глобусе похожи на старый растянутый шрам» [8, с. 42]. Рифейские горы – легендарные горы, являющиеся центром мира. Их образ был характерен для античной, скифской и древнеиндийской мифологий. Филологи и историки XX века в своих исследованиях выдвинули несколько предположений о том, какие же горы по праву следует называть Рифейскими. Одной из самых достоверных является версия отождествления Рифеев с Уральскими горами. Согласно уральской мифологии, в этих горах находится вход в подземный мир, это граница между двумя мирами [3, с. 430].

В тексте явно или имплицитно оказываются представлены реалии Уральского края: «грязное стекло, испещренное… следами челябинского либо пермского дождя» [8, с. 49], часто маркером присутствия Урала в тексте становятся образы гор, подземных туннелей, ущелий, Урал всегда связан с мотивом земных глубин: «…городской реке с глубоким, как желудок, парковым прудом, где скапливалось и переваривалось все попавшее в реку добро, включая утопленников» [8, с. 56]. Однако реальный уральский топос в романе О. Славниковой мифологизируется, аккумулируя в себе все мифопоэтические черты Урала фольклорного и литературного.

Мир горных духов, рифейских камней у Славниковой – это воплощение настоящего, подлинного, пускай и губительного, и опасного. «Он противопоставлен городскому миру симулякров, миру копий реальности, где все серо и предсказуемо» [6, с. 19]. Этот мир отвратителен: «город-чудовище», «кариесные особняки», дешевые гостиницы и кафе, в которых встречаются герои. Мир природы – естественный, органический, мир человеческий – искусственный, «синтетический», «резиновый» и «пластилиновый»: синтетические скатерти, пластмассовые столики, резиновые сосиски, плоские заготовки пиццы [8, с. 8], кислые салаты, приторная кола [8, с. 32], пруд похож на резиновую грелку [8, с. 20], рот Тамары напоминает «перемятый пластилин» [8, с. 132], а Анфилогов с напарником Коляном, оказавшиеся в завораживающе-страшном мире корундовых месторождений, испытывают приступы отвращения к интенсивным цветам человеческих вещей (сыр оказывается слишком желтым, а ветчина слишком розовой). В мире камней герои слышат хрустальные звуки тишины в корундовом ущелье, в мире людей – «хриплое сипение аккордеона». В мире людей минералы становятся мертвыми («тупой кристалл хрусталя на полке» [8, с. 12]), в мире камней и минералов мертвыми становятся люди, посмевшие вторгнуться в недра земли.

Самым распространенным знаком присутствия Урала в произведении является описание камней, минералов и руд как части обыденной жизни персонажей: «Оправы у вещиц были недорогие, напоминавшие изогнутые и переплетенные канцелярские скрепки, но уж камни Крылов подбирал со вкусом. Здесь были моховые агаты, являющие глазу мягкий, с отсырелым снегом, мартовский лес; агаты с жеодами, где голубоватую миндалину обрамляли похожие на крупную соль кристаллики кварца; пейзажные яшмы с картинами извержений древних вулканов и яшмы парчовые, напоминающие таинственную жизнь под микроскопом. Здесь были кабошоны тигрового глаза, в которых на свету словно бы сужались кошачьи вертикальные зрачки; короч-

ки уваровита химически-зеленого насыщенного цвета; персиковые, с мякотью, сердолики; немного настоящего шелкового малахита, отличного даже на взгляд профана от скучных, как линолеум, заирских камней. Все это, добываемое прямо из окружающей бетонный город старой земли, стоило сущие копейки и закупалось Крыловым еще на стадии сырья – после чего он сам распиливал и шлифовал отобранные камни» [8, с. 141].

Именно отношение к камням становится у Славниковой своего рода **критерием ценности личности**: есть герои, органично чувствующие подлинную завораживающую красоту минерала («кристалл гематита – единственный соприродный Анфилогову каменный цветок» [8, с. 228]), а есть те, для которых камень не воспринимается как нечто исключительное и ценное: «Тамара любила сниматься в изумрудном ожерелье, где Крылов совсем недавно ремонтировал сколотые камни, пострадавшие в результате одного из ее бессмысленных, ни к чему не относившихся праздников, когда с танцующих уже лилось и сыпалось и на упавшую под ноги грузную нитку наступил, виляя носом, крокодиловый башмак»; «заказчики, желавшие выяснить, когда же будут изготовлены агатовые вставки для их дурацкой штампованной продукции» [8, с. 129]. Крылов, наоборот, испытывает непреодолимую тягу к камням, напоминая в этой магнетической завороженности Данилу-мастера, героя сказов П. Бажова: «Его воображение притягивали кристаллы»; «По существу, он видел в них предметы магические» [8, с. 40]. Крылов, как и другие персонажи «уральского текста», обладает хтоническими способностями, энергией, которая связана с производительными силами земли, с миром глубин и земных разломов. Главный герой произведения выделяется из окружающего его реального мира тем, что он чувствует камни: «Она давала мужу полную возможность быть самим собой – то есть в понимании общества простым мастеровым; она догадывалась, что присущее Крылову чувство камня делает его представителем сил, подспудно управляющих самоцветной Рифейской землей, – то есть представителем власти в каком-то смысле более законной, нежели губернаторская» [8, с. 132]. Камни наделяются особой характеристикой в восприятии Крылова – прозрачностью: «Конические хрустали, обрубленные под корень и перенесенные на постаменты бурого музейного сукна, в полной мере обладали качеством, которое завораживало юного Крылова с самых первых проблесков его сознания. Качество это было прозрачность» [8, с. 43]. Прозрачность рассматривается в произведении как особая стихия, подобная стихиям водной и небесной. Она как бы является составляющей потустороннего мира: «Прозрачность воспринималась юным Крыловым как высшее, просветленное состояние вещества. Прозрачное было волшебством»; «Прозрачное относилось к миру иного порядка, вскрыть его, попасть вовнутрь было невозможно» [8, с. 44]. Стремясь проникнуть в потусторонний мир, Крылов однажды в детстве разбил тетину вазу, в надежде добыть прозрачность, скрытую в камнях: «Однако осколки, какие не улетели в фыркнувшую чинару и под старые тазы, были так же замкнуты в себе, как и целая вещь. Выбрав самый лучший, донный, с наибольшей густотою цвета, юный Крылов продолжал его мозжить на лохмотьях засеребрившейся и зашершавевшей газеты, пока не получился абсолютно белый жесткий порошок. Цветной в порошке была только его, Крылова, нечаянная кровь, похожая на разжеванный изюм. Прозрачности, ради которой затевался опыт, в порошке не осталось ни капли» [8, с. 44]. Именно минералы для Крылова несут в себе подлинное знание, абсолютную истину. Главный герой романа даже в своей профессиональной деятельности связан с камнями: «где он работал, камнерезки». Камнерезка наделяется человеческими чертами, она воспринимается героем как «усталая камнерезка». Камни, являясь частью иного, подземного, мира, обладают волшебными свойствами, поэтому они оживляют камнерезку.

Урал в произведениях, составляющих корпус «уральского текста», всегда является пространством активным, способным влиять на персонажей: «Должно быть, тяга к прозрачному, к тайне самоцвета, впоследствии вписавшая Крылова в коренную рифейскую ментальность, изначально была порождением сухого и плотного азиатского мира» [8, с. 65]. Главный герой Крылов в полной мере испытывает на себе влияние Урала. Даже его поведение обусловлено пространством: «Как всякий рифейский человек, он принципиально не доверял никому и ничему»; «чтобы сделаться истинным рифейцем, надо рисковать – много и бессмысленно»; «душа исконного рифейца обладает свойством прозрачности: все в ней как будто видно насквозь, а внутрь проникнуть нельзя» [8, с. 71]. Пространство может влиять на душевное состояние персонажа даже с помощью цветового воздействия: «холодное пространство с железным озером, засыпанными рыжей хвоей горбатыми валунами, синими горами до горизонта <…> на лице Анфилогова…проступил такой же синеватый холод» [8, с. 243].

Земля и мир минералов становятся в романе О. Славниковой интегральной основой мира, некой метаконструкцией, лежащей в основе многих событий смыслопорождающей моделью, по аналогии с которой выстраиваются многие описания. Крылов чувствует, что «рудные самоцветные жилы есть каменные корни его сознания» [8, с. 68]. Описание

его жизни порой превращается в своего рода минералогическую биографию, эволюция отношения к камням оказывается духовной эволюцией героя. Деятельность персонажей может наделяться особенностями стихии земли: «сейсмические сдвиги анфилоговского бизнеса». Многие второстепенные персонажи вводятся в текст романа только в качестве части пространства. Они буквально сливаются с землей, по которой ходят: «их желтоватые стесанные подошвы совпадали по цвету с характерной для окраин глинистой землей» [8, с. 73]. Портретные черты некоторых персонажей сближаются с характеристикой камней: «цельнокроенный череп». Именно камни становятся для Крылова проводниками в иное измерение, когда он дарит Тане драгоценные камни, а она вручает ему ключи от своей квартиры, которая, как впоследствии выясняется, является волшебным миром профессора Анфилогова, где тот создает своего двойника. Одним из ключевых в минералогическом дискурсе романа становится мотив магнита: камни примагничиваются к Тане, сердце человека намагничивается при виде Каменной Девы, невероятное магнетическое притяжение места с корундами ощущает Анфилогов. Камни становятся в романе способом преодоления смерти: человек не умирает, он превращается в камень, его уста окаменевают, а рот становится тем каменным цветком, влечение к которому оказалось губительным для героев уральских мифов Бажова. Камни не просто притягивают человека, они требуют смерти, чтобы старатель остался с ними в их мире и «мертвым зрением видел страшную красоту» [8, с. 123]. Камни обладают свойствами маячков: «Крылову представлялось, будто камни указывают ему местоположение Татьяны, испускают тонкие радиоволны, которые пеленгует его до крайности напряженный мозг. Иногда Иван буквально слышал их прерывистый писк – и словно бы видел показанный скрытой телекамерой угол прихожей, маслянистую темноту большого зеркала, панораму спальни с обширной, на рояльных ножках, супружеской кроватью и частью окна, по которому дождь, как бы наскоро отчеркивая по линейке водяным карандашом, проводит косые следы» [8, с. 34]. Еще одна составляющая минералогического дискурса – мотив скелета, остова, костной структуры, являющейся и основой тела человека (Танин скелет напоминает Крылову окаменелость) и «каркасом земли», интегральной первоосновой мира. Не случайно мир камней постоянно уподобляется человеческому телу: корундовая жила сравнивается Анфилоговым с веной, лужа в корундовой яме «затянута тонкой катарактой» [8, с. 244], Крылов воспринимает горнозаводские подземелья как «аппендиксы пространства» [8, с. 68], его внимание привлекают «четыре поразительных рубина, похожих на грубые пробирки с жирной каменной кровью», а в коллекции камней в квартире Анфилогова его завораживают «распухшие суставы» [8, с. 69] минералов, и он ощущает это как «геммологический вариант садизма». Постоянная эстетизация и сакрализация камней есть своего рода основа метафорики Славниковой: «звезды каменной крошки» [8, с. 167]. Герои, чувствующие камни, счастливы «в собрании минералов» и несчастны в собрании людей. Они, подобно Анфилогову, воспринимают окружающих как «кучу булыжников и крошечных стекляшек» [8, с. 128]. Они находят себе подобных не рационально, а на каком-то телесно-органическом уровне: когда Анфилогов, пожимая Крылову руку, нащупывает «болезненную жилку» [8, с. 81], он сразу же отводит его в свою камнерезную мастерскую. Кристаллы являются полноценными персонажами, способными действовать наравне с людьми: «Великий Могол», «Эксельсиор», «Флорентиец», «Шах» – имена мировых алмазов звучали для него такой же музыкой, какой для романтиков иного склада звучат названия мировых столиц. Знаменитые камни были героями приключений наравне с д'Артаньяном, капитаном Немо и Кожаным Чулком»; «Само присутствие этих каменьев возводило мать и тетушку из обыкновенных трудениц с плохо пахнувшими кухонными руками в ранг титулованных дам. Некоторое счастливое время юный Крылов прожил в уверенности, что если вдруг стрясется беда, то камни, проданные каким-нибудь сказочным купцам в пышных, как белые розы, тюрбанах выручат и спасут» [8, с. 68].

Но роль мира минералов в человеческой судьбе амбивалентна: камни притягивают человека и завораживают его своей первозданной красотой, но они и жестоко мстят тем, кто вырывает из природы живые камни и несет в мир людей, где они становятся мертвыми. Эту месть камней особенно остро ощущают Анфилогов и Колян, набивающие мешки драгоценными корундами: время для хитников остановилось, воля их была парализована, «корундовая местность неизвестным способом присоединила их к себе, превратила в свой биологический, природный элемент» [8, с. 248], а умерший Колян превращается в минерал: «скоро под усами образовался колоколец сон-травы из волокнистого чароита, сквозь который железные зубы поблескивали, будто спайные трещины материнского кристалла» [8, с. 250]. В романе О. Славниковой присутствует своего рода минералогический детерминизм: именно отношение к камням определяет судьбу человека, поэтому Анфилогов, похищающий камни из их естественной среды и делающий их мертвыми, умирает сам, а Крылов, работающий с мертвыми камнями, чтобы вернуть им живую душу, в конце романа отправляется в то же злополучное корундо-

вое ущелье, но его судьба остается неизвестной (во всяком случае в пределах текста жизнь герою сохраняется): «Если нельзя находить артефакты, путешествуя налегке по экзотическому миру, их следует подделать и запустить в будущее. Самому выточить тело Кохинора, Рубина Эдуарда» [8, с. 338].

В романе О. Славниковой, как во многих произведениях «уральского текста», одно из ключевых мест занимают мифологические и фольклорные образы. Привычные явления природы трансформируются в персонажей легенд и мифов: «на шее у женщины солнечное пятно, трепеща, присосалось к жилке, будто мультипликационный сказочный вампир» [8, с. 73]. Большинство мифологических аллюзий связаны с камнями и минералами: «Женщина-экскурсовод, от которой Крылову запомнились черная юбка и грузные ноги, вбитые в тупые туфли, рассказывала школьникам, что горщик, умерев под землей, иногда каменеет и превращается в собственную статую. После Крылов не поленился выяснить, так ли это. Оказалось, что при определенных условиях органические останки действительно замещаются минеральной серноколчеданной массой. Между миром минералов и живой природой не существовало непроницаемой границы» [8, с. 87].

Художественный мир романа отчетливо детерминирован бажовской мифологией. В героях просвечивают мифологические и сказовые персонажи: Великий Полоз, Огневушка, Серебряное копытце, Хозяйка Медной Горы, она же – Каменная Девка. У Славниковой даже встречается традиционное, почти цитирующее соответствующий фрагмент сказа описание Огневушки: «…ему, как и многим, приходилось видеть слабые феномены в кострах, когда огонь, раскрошив, как вафли, пышущие хрупкие уголья, вдруг словно привставал на цыпочки и принимался танцевать, превращая лица артельщиков в дрожащее кино» [8, с. 90]. Особенно важен в структуре романа образ Хозяйки Медной Горы: «это узколокальный образ, атрибутивными свойствами которого являются владение подземными богатствами, в поведении – установка на связь с неженатыми мужчинами» [3, с. 251]. Каменная Девка, которую мы встречаем у Бажова, – это сказочная царевна, знающая секрет красоты. Она ищет себе женихов, устраивает для них испытания, заставляет страдать мужчин («Худому с ней встретиться – горе, и доброму – радости мало» [5, с. 65]), но и сама тоже обречена страдать. В романе Славниковой Каменная Девка является герою-мастеру, одаренному видением души камня, в лице Татьяны-Екатерины – Славникова объединяет имена бажовских героинь из сказов «Малахитовая шкатулка», «Каменный цветок» и «Горный мастер». Эта женщина с ее «жгучими пятнами» на теле, моментально заживающими ранками и царапинами напоминает ящерицу или змею. «Ее маленькие ручки с перепонками, очень похожие на лапки коронованной рифейской ящерки» [8, с. 512]. Внешне она ничем не примечательна. Таня совершенно отличается от всех остальных персонажей своим отношением к камням: она «спокойно и с достоинством принимала украшения»; «Что же касается Татьяны, то камни словно примагничивались к ней и смотрелись уместно, теплея и тяжелея на ее холодноватой коже. Татьяна явно не скрывала украшений и носила их постоянно, являясь на свидание разубранная, будто Хозяйка Горы» [8, с. 39]. Татьяна близка миру мастеров-камнерезов, когда она занимается рукоделием: «подбирала с земли какую-нибудь яркую бумажку, пробку, мастерила плиссированную куколку» [8, с. 36]. При этом материалы для поделки она берет именно с земли. Крылов наделяет Таню потенциальным бессмертием, тем самым еще раз подчеркивая ее приверженность потустороннему миру: «Сколько лет Татьяне? Этого он не знал. Она была как будто молода – но при этом совершенно без возраста, блеклость ее создавала дымку, седина, если и пробивалась уже в ее грубоватых, как бы заледенелых волосах, совершенно терялась в их естественном седом отливе. Тане могло быть и тридцать, и пятьдесят, и страшно подумать сколько. Минутами Крылову казалось, что Таня в каком-то – вовсе не в христианском – смысле бессмертна. Этим могло объясняться ее бесстрашие в городе» [8, с. 36]. Главный герой тоже оказывается своего рода «двойником» Данилы-мастера. Оба они пытаются обрести некую универсальную идею красоты мира в идеальном образе: бажовский Даниламастер ищет каменный цветок, а герой Славниковой камнерез Крылов пытается обрести прозрачность, которая есть в камнях, в небе, в душах хитников, он чувствует, что душа исконного рифейца обладает свойством прозрачности: все в ней как будто видно насквозь, а внутрь проникнуть нельзя. Крылов «охотится» за камнями не для обогащения, а чтобы познать тайну прозрачности, то есть обрести для себя истину. Ваня-Крылов после встречи с Таней, подобно Данило-мастеру, познакомившемуся с Хозяйкой Медной горы, теряет здоровье и покой: «глаза его <…> теперь кровавились живчиками лопнувших сосудов, а рыжеватая щетина, сколько Иван ее ни брил, вылезала, как занозы из полена, через несколько часов» [8, с. 48]. Таня обладает полной властью над Крыловым, очаровывает его, Крылов глядит на нее и не может очнуться, но сам он не в силах присвоить какую-то часть ее существа. Крылова и Данилу сближает и особое восприятие реальности, и роковая роль в их жизни встречи с Хозяйкой Медной Горы, и неизвестность их дальнейшей судьбы.

В романе Урал в традициях «уральского текста»

выступает как пограничное состояние. Порой привычные стороны повседневной жизни могут быть средством перехода персонажа из мира реального в потусторонний: «большие деньги <…> помещая обладателя в своего рода обеспеченную вечность» [8, с. 113]. Порой вообще становится непонятно, где заканчивается реальный мир и начинается потусторонний: «мерзлый кристаллище хрусталя на письменном столе, размером с поллитровую банку, словно читал под лупой придавленную им газету. Декоративные рыбки не видели больше в стеклянной стене аквариума твердого препятствия и свободно плавали по комнате, их крошечные пасти теребили требуху разбросанной одежды, их внутренности темнели клубочками, выделяя время от времени зависавшую в воздухе жирную нитку» [8, с. 241].

Некоторых персонажей Урал может вообще исключать из своих границ, проявляя тем самым свою замкнутость: «Тамара ловит на него, как на живца, проявления жизни – собственно жизнь, которая ускользает от этой радикально омоложенной женщины, имеющей в с е, но соединенной с этим «всем» единственно правом собственности. Где-то тут лежала причина того, что Тамара не заводила ни кошек, ни собак, ни лошадей – не владела живым, понимая, должно быть, что по-настоящему овладеть не получится. Между Тамарой и реальностью образовался тонкий слой пустоты, одевавший ее, будто прекрасное платье» [8, с. 167]. Таким образом, Тамара вынуждена существовать в своем собственном пространстве: «Тамарин финансовый успех создавал абсурдный мирок» [8, с. 168].

Двоемирие, свойственное уральскому хронотопу, проявляется и в двойственном статусе ключевых персонажей: Крылов – это одновременно реальный мастер по камню и сказочный Даниламастер, завороженный Хозяйкой Медной Горы, Таня тоже представлена в двух ипостасях: Каменная Девка и приземленно-бытовая Екатерина Анфилогова, жена профессора, которая радуется полученному после смерти мужа наследству. Многие события романа также имеют «две версии»: реалистическую и мифологическую. Так, смерть профессора Анфилогова в корундовом ущелье объясняется отравлением неправильно захороненными цианидами – и одновременно она представлена как результат мести природы за насильственное вторжение в ее недра, за стремление превратить органичную живую стихию минералов в мертвые камни, приносящие огромные деньги в человеческом мире. Главный герой Крылов одновременно существует в двух мирах, не пересекающихся друг с другом: «Таня в этом мире по определению отсутствовала. Поэтому мир, которому Тамара была законным центром, с появлением Тани ничуть не изменился: оставался все тем же вызовом Крылову и одновременно наглядным свидетельством, что в жизни, помимо повседневности, куда большинство населения погружено с головой, существует и что-то еще» [8, с. 71]. Таня тоже может переходить из своего мира в мир реальный к Крылову. Для этого ей необходимо изменить свое физическое состояние, например, проснуться: «Обычно Ивану не удавалось таиться до конца: длинный Татьянин глаз его обнаруживал, и лицо у нее становилось точно такое, как в момент пробуждения от недолгой гостиничной дремы. Потянувшись, она вылезала к нему в тесноту» [8, с. 73].

Таким образом, для «уральского текста» О. Славниковой характерно сосуществование двух диаметрально противоположных миров (реального и фанастического), способность главного героя ощущать присутствие второго, скрытого мира, чувствовать свою связь с землей, воспринимать минералы как стихию. «Уральский текст» О. Славниковой воспроизводит бажовский тип персонажа – мастера по камню как исключительного человека, способного видеть в окружающем мире скрытое от глаз обычного человека, а мир, в котором находится Крылов, населяется фольклорными образами. Но О. Славникова творит свой миф, она актуализирует глубинную семантику горной мифологии Бажова, «обнажая хтоническую первооснову бажовских горных духов» [2, с. 152]. У Бажова фантастические персонажи благосклонны к добрым, честным и смелым труженикам, «у Славниковой горные духи чудовищны и стихийны, они существуют вне человеческих измерений добра и зла. Они по-прежнему находятся в общении с человеческим миром, но потребность горных духов в людях имеет, в сущности, вампирическую природу. Мир горных недр по каким-то непостижимым причинам нуждается в дополнительной энергии, в особенной степени свойственной тем из рифейцев, кто испытывает внутреннее сродство с энергиями минерального мира» [2, с. 152]. В романе Славниковой земля не является самой могущественной силой, она тоже может испытывать урон, за который затем жестоко мстит. Роман Славниковой оказывается горько-иронической инверсией уральского мифа. Житейская, бытовая, приземленная ипостась – Екатерина – одерживает верх над ипостасью мифологической (Таней): в фарсовом пространстве антиутопии Хозяйка Медной Горы превращается в вульгарную меркантильную вдову, которая испытывает восторженный экстаз не от первозданной красоты камня, а от суммы денег, доставшихся ей в наследство от Анфилогова, прежний Танин запах – запах аптечной горечи вытесняется «густой и тяжкой сладостью» ее новых духов, а «маленькое северное сияние бриллиантов», которые профессор хранил в

прозрачной воде аквариума, превращается в «горку мокрой сверкающей крупы» [8, с. 446] на «опухшем от воды» расквашенном бумажном листе.

Библиографический список

1. Абашеев, В. В., Абашева, М. П. Литература и география. Урал в геопоэтике России [Текст] / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. История. Вып. 2 (19), 2012. – С. 143-151.

2. Абашеев, В. В. Интермедиальные трансформации горной мифологии П. П. Бажова в романе Ольги Славниковой «2017» [Текст] / В. В. Абашев // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 1(25), 2014. – С. 145-158.

3. Бажовская энциклопедия [Текст]. – Екатеринбург : Издательский дом «Сократ», 2007. – 640 с.

4. Бажов, П. П. Малахитовая шкату лка [Текст] / П. П. Бажов. – М. : АСТ, Астрель, 2007. – 224 с.

5. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города [Текст] / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. – Тарту : Тартуский госуниверситет, 1984. – С. 32-44.

6. Ляшенко, О. И. Уральские мотивы в романе Ольги Славниковой «2017» [Текст] / О. И. Ляшенко // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). – Казань : Бук, 2016. – С. 19-21.

7. Меднис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе [Текст] / Н. Е. Меднис. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2003. – 170 с.

8. Славникова, О. А. 2017 [Текст] : роман / О. А. Славникова. – М. : ВАГРИУС, 2006. – 544 с.

9. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) [Текст] / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – С. 259-367.

10. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды [Текст] / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство, 2003. – 612 с.

11. Хлебников, В. В. Курган Святогора [Электронный ресурс] / В. В. Хлебников. – Санкт-Петербург : Лань, 2013. – 3 с. – Режим доступа: https://e.lanbook.com/book/16364.

12. Shama S. Landscape and Memory / S. Shama. – New York : Vintage, 1996. – 672 p.

Reference List

1. Abasheev, V. V., Abasheva, M. P. Literatura i geografija. Ural v geopojetike Rossii = Literature and geography. The Urals in geopoetics of Russia [Tekst] / V. V. Abashev, M. P. Abasheva // Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. Vyp. 2 (19), 2012. – S. 143-151.

2. Abasheev, V. V. Intermedial'nye transformacii gornoj mifologii P. P. Bazhova v romane Ol'gi Slavnikovoj «2017» = Intermedia transformations of P. P. Bazhov's mountain mythology in Olga Slavnikova's novel «2017» [Tekst] / V. V. Abashev // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija = Bulletin of Perm university. Russian and foreign philology. Vyp. 1(25), 2014. – S. 145-158.

3. Bazhovskaja jenciklopedija = Bazhov encyclopedia [Tekst]. – Ekaterinburg : Izdatel'skij dom «Sokrat», 2007. – 640 s.

4. Bazhov, P. P. Malahitovaja shkatulka Malachite jewelry-box [Tekst] / P. P. Bazhov. – M. : AST, Astrel', 2007. – 224 s.

5. Lotman, Ju. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda = Symbolics of St. Petersburg and problem of the city semiotics [Tekst] / Ju. M. Lotman // Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 18. Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Peterburg = Works on sign systems. Issue 18. Semiotics of the city and city culture. St. Petersburg. – Tartu : Tartuskij gosuniversitet, 1984. – S. 32-44.

6. Ljashenko, O. I. Ural'skie motivy v romane Ol'gi Slavnikovoj «2017» = The Ural motives in Olga Slavnikova's novel «2017» [Tekst] / O. I. Ljashenko // Aktual'nye voprosy filologicheskih nauk: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', oktjabr' 2016 g.) = Topical issues of philological sciences: materials of the IV International scientific conference (Kazan, October, 2016). – Kazan' : Buk, 2016. – S. 19-21.

7. Mednis, N. E. Sverhteksty v russkoj literature = Supertexts in the Russian literature [Tekst] / N. E. Mednis. – Novosibirsk : Izd. NGPU, 2003. – 170 s.

8. Slavnikova, O. A. 2017 = 2017 [Tekst] : roman / O. A. Slavnikova. – M. : VAGRIUS, 2006. – 544 s.

9. Toporov, V. N. Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury» (vvedenie v temu) = St. Petersburg and «St. Petersburg text of the Russian literature» (introduction to the subject) [Tekst] / V. N. Toporov // Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe = Toporov V. N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Researches in the field of mythopoetic: Selected writings. – M. : Progress-Kul'tura, 1995. – S. 259-367.

10. Toporov, V. N. Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy = St. Petersburg text of the Russian literature: Selected works [Tekst] / V. N. Toporov. – SPb. : Iskusstvo, 2003. – 612 s.

11. Hlebnikov, V. V. Kurgan Svjatogora = Burial mound of Svyatogor [Jelektronnyj resurs] / V. V. Hlebnikov. – Sankt-Peterburg : Lan', 2013. – 3 s. – Rezhim dostupa: https://e.lanbook.com/book/16364.

12. Shama S. Landscape and Memory / S. Shama. – New York : Vintage, 1996. – 672 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.12.2018
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

Журналистика

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10312
УДК 81,2

Л. Е. Малыгина https://orcid.org/0000-0002-0056-8160

Виртуальная и дополненная реальность как перспектива развития телевизионного промодискурса

В статье рассматриваются различные направления использования виртуальной и дополненной реальности в телевизионном промодискурсе, анализируются ситуации, в которых использование VR/AR-технологий оказывается эффективным, выявляются задачи, которые технологии виртуальной и дополненной реальности решить не в состоянии.

Автор разграничивает понятия виртуальной, дополненной и смешанной реальности; выявляет и описывает свойства виртуальной реальности; приводит классификацию типов VR-устройств; а также анализирует риски и возможности использования виртуальной и дополненной реальности в образовании (на примере обучения телевизионных журналистов), в средствах массовой информации и в бизнесе.

Для достижения поставленных целей автор применяет методы дедуктивного и индуктивного логического анализа, описательный метод, метод стилистического анализа, метод сравнительного анализа, метод опроса информантов и метод глубинного интервью.

Исследование носит междисциплинарный характер, поскольку, анализируя использование виртуальной и дополненной реальности в телевизионном промодискурсе, автор затрагивает актуальные проблемы медиапсихологии, психологии восприятия, коммуникативной стилистики и медиастилистики.

Теоретические выводы, сделанные в ходе исследования проблемы использования виртуальной и дополненной реальности в телевизионном промодискурсе, могут найти широкое применение в курсах преподавания таких дисциплин, как телевизионная журналистика, язык телевидения, медиастилистика и др.

Представленные автором результаты исследования будут также полезны практикующим телевизионным журналистам.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, телевизионный промодискурс, адресант, адресат.

Journalism

L. E. Malygina

Virtual and Augmented Reality as Prospects in Television Promodiscourse Development

The article discusses various areas of use of virtual and augmented reality in television promo-discourse, analyzes situations in which the use of VR / AR-technologies turns out to be effective, identifies tasks that virtual and augmented reality technologies cannot solve.

The author distinguishes the concepts of virtual reality, augmented and mixed reality; he reveals and describes the properties of virtual reality; makes the classification of types of VR-devices; he also analyzes the risks and possibilities of using virtual and augmented reality in education (using the example of training television journalists), in the media and in business.

To achieve these goals, the author uses the methods of a deductive and inductive logical analysis, a descriptive method, a method of the stylistic analysis, a method of the comparative analysis, a method of interviewing informants and a method of in-depth interviews.

The theoretical conclusions made during the study of the problem of using virtual and augmented reality in television promo-discourse can be widely used in the courses of teaching such disciplines as television journalism, television language, mediastylistics, etc.

The research results presented by the author will also be useful for practicing television journalists.

Keywords: television promodiscourse, television promotion, virtual reality/VR, augmented reality/AR, addressee, addressee.

Введение. Современный телевизионный медиабизнес в России готовится работать в принципиально новых технологических условиях. Это во многом связано с ориентацией медиаменеджеров на нового адресата телевизионного промодискурса – «цифровую молодежь» как перспективную целевую аудиторию российских телевизионных каналов [9, 10, 11]. Данная аудитория интуитивно ориентируется в современных цифровых технологиях, в отличие от представителей «поколения адаптации», которые вынуждены специально осваивать, например, VR-технологии, примеры использования которых рассматриваются в настоящей статье.

Методы. В работе применяются такие методы исследования, как описательный метод (наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация);

© Малыгина Л. Е., 2019

метод дедуктивного и индуктивного анализа; сравнительный анализ, метод опроса информантов (пользователей VR) и метод глубинного интервью с разработчиками VR и руководителями отделов промоушна телевизионных каналов.

Обзор литературы. Фактор массовости в направленности текстов ТВ-промодискурса способствует реализации не только информационной, рекламной, творческой, но и семиотической, оценочной, интертекстуальной и других функций дискурса СМИ, а также пропагандистской и суггестивной функций, доминирующих в настоящее время в коммуникативном пространстве [17, 23-25]. При рассмотрении ТВ-промодискурса как разновидности дискурса СМИ и частного случая телевизионного дискурса существенным оказывается *фактор адресанта* (непрямое, разделенное в пространстве и во времени воздействие адресанта на адресата; однонаправленность воздействия от адресанта к адресату); и *фактор адресата (*публичность – неограниченный, надперсональный круг потребителей; массовая разнородная и анонимная аудитория; непостоянный характер аудитории телевизионного канала; немедленное восприятие информации аудиторией; быстрая реакция на воспринятый креолизованный текст) [3].

Анализу проблем коммуникации, вопросам эффективного взаимодействия адресанта и адресата посвящено большое количество лингвистических исследований [1-5; 7-16; 18-22 и др.]. В таких специфических характеристиках телевизионного промодискурса, как диалогичность, оценочность, агональность, инсценированность, заложены основания для осуществления сильного воздействия на адресата [25], проявления суггестивности [3; 7], причем методы речевого воздействия [6], которые были эффективными для традиционной аудитории телевизионных каналов в возрастной группе 45 + , оказываются неэффективными для «цифровой молодежи», не испытывающей стресса от общения в виртуальной реальности в процессе решения бизнес-задач, обучения и потребления медиапродукта.

Результаты и дискуссия. История возникновения и развития VR. В 1962 году была запатентована первая в мире система VR (виртуальной реальности). Прототип мультисенсорного симулятора «Сенсорама» был представлен общественности Мортоном Хейлигом. Затем в 1967 году появился первый шлем виртуальной реальности. Его подробно описал, а затем сконструировал Айвен Сазерленд. Изображение для шлема VR генерировалось при помощи компьютера. Долгое время в симуляторах использовалась видеосъемка, но в 1970-х гг. на смену ей пришла компьютерная графика. Первая реализация VR появилась в 1977 г. в США в Массачусетском технологическом институте (Massachusetts Institute of Technology (MIT). Эта компьютерная программа – симуляция пешей прогулки по городу Аспену штата Колорадо (США) – получила название «Кинокарта Аспена». Следующим шагом развития VR стало появление и стремительное совершенствование в 1980-е гг. систем, позволяющих пользователю перемещать на экране трехмерные объекты, благодаря отклику на движения его рук.

Сам термин виртуальная реальность ввел в научный оборот Джарон Ланьер в 1989 г., термин быстро стал популярным. В 1990-е гг. коммерческие компании почувствовали явный коммерческий интерес к технологии VR (компания Sega в 1991 г. выпустила на рынок приставку Sega VR для аркадных игр, а также консоль Mega Drive). Настоящим прорывом стало появление в 1992 г. первой проекционной системы CAVE. Она давала возможность в специальной VR-комнате отслеживать все движения человека: изменение положения его головы, рук, ног, а также глаз.

На данном этапе развития технологии важнейшей задачей становится разработка программного обеспечения для виртуальной реальности. С этой целью в 1999 г. бизнесмен Филип Роуздейл учредил компанию Linden Lab. Далее, в 2007 г., компания Google вывела на рынок продукт Street View. Этот программный продукт позволял смотреть панорамные виды улиц различных городов мира с высоты более 2 метров.

Начало же новейшей истории VR было положено в 2009 г., когда компания Oculus представила очки Oculus Rift Development Kit 1, а в 2015 г. HTC and Valve Corporation выпускают на рынок систему VR Vive.

Примечательно, что именно HTC в 2016 г. запускает массовое производство устройств HTC VIVE SteamVR. На тот момент это было единственное на рынке созданное в коммерческих целях устройство, позволяющее пользователям совершенно свободно передвигаться в пределах ограниченного виртуального пространства.

Виртуальная реальность, дополненная реальность, смешанная реальность: разграничение понятий. В настоящий момент VR (virtual reality, виртуальная реальность) – это мир, созданный техническими средствами, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и др. Виртуальная реальность способна имитировать не только воздействие, но и реакции человека на воздействие.

Принципиальное отличие виртуальной реальности от дополненной реальности (AR, augmented reality) заключается в том, что виртуальная реальность создает совершенно новый искусственный мир, а дополненная реальность только вносит неко-

торые искусственные элементы в восприятие реального окружающего мира.

В каких случаях речь идет о виртуальной реальности, а в каких – о смешанной (MR, mixed reality)? Представим два полюса: на одном из них находится материальная реальность, на другом – виртуальная (VR), подразумевающая полное погружение. Все, что расположено между ними, называется смешанной реальностью (mixed reality, MR): дополненная реальность, дополненная виртуальность и так далее. Некоторые эксперты полагают, что у смешанной реальности в телевизионном промодискурсе существует больший потенциал, чем у виртуальной реальности. Пока этот вопрос остается открытым.

Свойства виртуальной реальности. К основным свойствам виртуальной реальности относятся *порожденность* (VR производится внешней по отношению к ней реальностью); *автономность* (VR подчиняется собственным законам пространства и времени); *интерактивность* (VR способна вступать во взаимодействие с другими реальностями, не теряя независимости); *актуальность* (VR существует «здесь и сейчас» в момент наблюдения).

Классификация типов VR-устройств. Существуют два типа виртуальной реальности: ***Interactive VR*** (виртуальная реальность, с которой пользователь может взаимодействовать) и ***Video VR*** (без возможности взаимодействия). Использование Interactive VR предполагает применение персональных компьютеров (ПК) или мобильных устройств.

К весомым преимуществам применения ПК относятся: возможность не только наблюдать, но и управлять виртуальным миром, качественная компьютерная графика, возможность видеть собственные руки. К недостаткам ПК относится массивность персонального компьютера и связанный с этим дискомфорт при использовании. Mobile VR (мобильный телефон без труда вставляется в шлем VR) не имеет описанных выше недостатков, но телефоны быстро нагреваются, имеют сравнительно низкую производительность и ограниченные возможности взаимодействия с виртуальным миром. Кроме того, аккумуляторы мобильных устройств быстро разряжаются.

Альтернативным и значительно более дешевым и простым решением для производителей телевизионных программ является использование видео в формате 360 градусов. Оно не дает зрителю возможности взаимодействовать с виртуальной реальностью, но производит на него сильный эмоциональный эффект: через минуту просмотра человек уже забывает о том, что смотрит телевизионное шоу, спортивную трансляцию, научно-популярный фильм или сериал, он чувствует себя «полностью погруженным в изображение на экране».

Активное внедрение телевизионными каналами VR-технологий относится к экстралингвистическим факторам, оказывающим существенное влияние на трансформацию телевизионного промодискурса.

Перспективы использования VR на телевидении. Телевизионный VR-контент представляет особый интерес, в первую очередь, для специализированных телеканалов: например, спортивных («Спорт»), travel-каналов («Моя планета»), телеканалов исторической тематики («История»), детских анимационным телеканалов («Мульт»), телеканалов, посвященных российскому и зарубежному кино («Дом кино» и др.), науке и технологиям («Наука 2.0»). Например, зритель научно-популярного телеканала может увидеть биотехнологии «изнутри»: погрузиться в человеческое тело и почувствовать себя лекарственным препаратом, вступить во взаимодействие с виртуальной молекулой. С помощью очков Oculus Rift зрители оказываются внутри человеческого организма. Их задача – пролететь через кровеносные сосуды, при этом уничтожив максимальное количество вирусов за одну минуту. Виртуальная реальность позволяет провести экскурсии по закрытым исследовательским центрам и лабораториям. Например, увидеть помещения, которые находятся в »чистой» зоне заводов, производящих фармацевтические препараты. В VR-очках телезритель можно попасть куда угодно.

Визуализация процессов, происходящих на молекулярном уровне; реконструкции важных событий, VR-съемки в музеях; VR-трансляция спортивных мероприятий и VR-путешествия в отдаленные уголки земного шара позволяют телевизионным каналам привлечь молодежную аудиторию.

Преимущества и недостатки применения VR на телевидении. VR-технологии уже доказала высокую эффективность в добывающей промышленности, в индустрии здравоохранения и образовании, наступает очередь телевидения.

Иммерсивность (создание эффекта погружения) является важным преимуществом использования VR-технологий на телевидении.

К другим преимуществам использования технологий виртуальной и дополненной реальности в телевизионном промодискурсе в целях привлечения внимания телезрителей к новым продуктам телеканала и самим новым телеканалам, а также в целях обучения и повышения квалификации телевизионных журналистов относятся: вовлеченность, интерактивность, безопасность (безрисковость), эффект полного погружения, максимальная фокусировка внимания.

Мера условности в виртуальной реальности на телевидении минимальна. Телезритель оказывается в трехмерном пространстве и взаимодействует не с

привычным плоским изображением на экране, а с реалистичными объектами и аватарами. Высокий уровень погружения обеспечивает полную изоляцию от внешних раздражителей, а также возможность управлять фокусом внимания телезрителя. Технологии виртуальной реальности создают у телезрителей эффект присутствия. Это трансформирует сам процесс телесмотрения, делает его значительно более увлекательным. Интерактивные VR-тренажеры с различными сценариями в 3D позволяют телевизионным журналистам отработать новые способы взаимодействия тележуралистов и героев журналистских материалов.

Телезрителей привлекает острота ощущений при отсутствии риска использования VR. Они получают возможность безопасным образом понять, каким образом будут себя вести в экстремальных ситуациях.

К недостаткам использования VR на телевидении относятся высокие инвестиции в технические средства и программное обеспечение, поэтому основной принцип применения виртуальной реальности в телевизионном промодискурсе – уместность использования. Инструменты виртуальной и дополненной реальности на телевидении обязательно должны создавать дополнительную ценность для зрителей и рекламодателей, которую не способны обеспечить традиционные средства привлечения внимания аудитории.

Возможности применения VR в корпоративном обучении телевизионных журналистов. Начиная с 2016 г. технология виртуальной реальности начинает активно использоваться в России, в том числе в целях корпоративного обучения телевизионных журналистов. Например, корпоративный университет Сбербанка, открывший в 2016 г. собственную лабораторию виртуальной реальности, оснащенную оборудованием, аналогичным тому, что использует Стэнфордский университет, представил симуляцию SberSpeak для отработки навыков публичных выступлений. С помощью VR–технологии тележурналисты получают возможность репетировать прямые включения в любой локации («новая студия», «шахта», «горячая точка», «место чрезвычайного происшествия» и т. д.).

Телевизионные журналисты, направленные на курсы повышение квалификации в КУ Сбербанка, могут работать с симуляциями «Пожилой человек» и «Человек с ограниченными возможностями». Цель использования технологии VR в данном случае – развить у сотрудников телекомпаний эмпатию по отношению к героям журналистских материалов.

В 2017 г. лаборатория виртуальной реальности КУ Сбербанка представила общественности VR-платформу виртуального кампуса Skill Hub. Технология, в частности, позволяет телевизионным журналистам организовывать виртуальные совещания, деловые переговоры с сотрудниками телекомпании в разных точках земного шара и вместе проходить VR-симуляции.

Преимущества технологии виртуальной реальности могут найти широкое применение в сфере образования и повышении квалификации телевизионных журналистов:

1. В первую очередь, VR-технологии могут использоваться в процессе формирования и закрепления эффективных моделей поведения телевизионных журналистов в условиях непредвиденных, чрезвычайных ситуаций (съемки боевых действий, спецопераций, взрывов, пожаров, терактов, стихийных бедствий).

2. Кроме того, технологии виртуальной и дополненной реальности целесообразно использовать для формирования и закрепления профессиональных навыков работников телевидения, в сферах профессиональной деятельности которых применение реальных устройств и механизмов связано с повышенным риском для жизни и здоровья или со значительными финансовыми вложениями (ведущий прямого эфира, режиссер массовых мероприятий, оператор, снимающий спортивные мероприятия, репортер, звукорежиссер, водитель спецтехники, каскадер и т. д.).

3. Самостоятельная тренировка телевивизионных журналистов на VR- тренажерах способствует снятию психологических барьеров, а также выработке важных социальных навыков (преодоление страха прямого эфира, формирование и закрепление навыка «прямых включений»).

4. Технологии виртуальной реальности используются для поддержания коллаборации телевизионных журналистов из разных уголков земного шара, участвующих в повышении квалификации, путем совместного выполнения заданий в виртуальной реальности («виртуальные переговоры»).

5. Технологии виртуальной и дополненной реальности эффективны для развития эмоционального интеллекта телевизионных журналистов, навыков эмпатии по отношению к героям журналистских материалов, навыков контроля сильных негативных эмоций при работе в команде (примеры VR-тренажеров: «проход» над пропастью, конфликтная ситуация в коллективе).

Выводы. Технологии виртуальной и дополненной реальности уже прошли этап начальной разработки, в настоящий момент наступает период активного внедрения и применения VR на телевидении.

Основные тенденции в области применения виртуальной и дополненной реальности в телевизионном промодискурсе – это соединение в одном устройстве VR- и AR-технологий и появление «слитой» реальности (merged reality); добавление

функций дополненной реальности в смартфоны и другие нативные устройства; упрощение и удешевление устройств виртуальной реальности при усилении интерактивности; внедрение материальной реальности в VR; постепенный переход от «пассивной» виртуальной реальности, позволяющей пользователю только наблюдать за происходящим, к «активной» виртуальной реальности, дающей возможность и смотреть, и делать.

На «цифровую» молодежь как формирующую аудиторию телевизионного промодискурса активное воздействие оказывает проникновение виртуальной и дополненной реальности в повседневную жизнь (возникновение нового типа шоппинга (появление первого в мире VR-универмага Ebay, а также сервиса AR-тестирования покупок), развитие smart-технологий, сглаживающих бытовые неудобства и улучшающих качество жизни, появление новых способов и средств визуализации (например, ODG – очки VR+AR реальности; панорамная видеокамера Insta 360 Nano; устройство для трекинга рук Noitom Glover; приложение для 3D-рисования в виртуальной реальности).

По количеству технических решений в настоящий момент технология виртуальной реальности опережает технологию дополненной реальности, однако, по мнению экспертов телевизионной индустрии, потенциал последней выше.

Если предыдущее поколение телевизионных зрителей («поколение адаптации») воспринимало креолизованный текст на ТВ как текст, объединяющий знаки разных семиотических систем (видео, звук, текст, компьютерную графику), то для новой «формирующей аудитории» креолизованность как ведущая черта телевизионного промодискурса не может рассматриваться без учета технологий виртуальной и дополненной реальности. Если для старшего поколения трансляции спортивных мероприятий, музыкальных шоу, демонстрация научно-популярных фильмов, кинофильмов, мультипликационных сериалов и различных форматов телевизионного «магазина на диване» в технологии VR воспринимались как шокирующий аттракцион, то для «формирующей аудитории» как нового адресата телевизионного промодискурса – это привычная реальность, не вызывающая стресса, но убивающая воображение [4, 5].

Библиографический список

1. Бессер-Зигмунд, К. Магические слова [Текст] / К. Бессер-Зигмунд. – СПб. : Питер Пресс, 1997. – 224 с.

2. Буянова, Л. Ю., Зеленская, В. В. Эмоция, коммуникация, текст: Линии взаимокорреляции [Текст] // Вербальные аспекты семантических архитектоник языка. – Краснодар : КубГУ, 1998. – С. 69-91.

3. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ [Текст] / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкоз. РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

4. Зинченко Ю. П., Меньшикова, Г. Я., Баяковский, Ю. М., Черноризов А. М., Войскунский, А. Е. Технологии виртуальной реальности: методологический аспекты, достижения и перспективы (начало) [Текст] // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1(3). – С. 54-62.

5. Зинченко Ю. П., Меньшикова, Г. Я., Баяковский, Ю. М., Черноризов А. М., Войскунский, А. Е. Технологии виртуальной реальности: методологический аспекты, достижения и перспективы (окончание) [Текст] // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 2(4). – С. 64-71.

6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.

7. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2015. – 432 с.

8. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы порождения речевого высказывания [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1969. – 307 с.

9. Малыгина, Л. Е. «Виртуальные собеседники»: перспективы развития телевизионного промодискурса [Текст] // Верхневолжский филологический вестник : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – № 4 (15). – С. 63-70.

10. Малыгина, Л. Е. Виртуальная реальность в образовании: риски и возможности [Текст] // EduTech. – 2010. – № 4(7). – С. 19.

11. Малыгина, Л. Е. Чат-боты и искусственный интеллект: перспективы развития телевизионного промодискурса [Текст] // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: научный журнал; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2018. – № 4 (32). – С. 47-55.

12. Меньшикова, Г. Я., Зинченко, Ю. П., Ковалева, А. И., Шайгерова, Л. А. Новые информационные технологии в социальных исследованиях: постнеклассическая парадигма [Текст] // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3 (19). – С. 25-34.

13. Поберезникова, Е. В. Телевидение взаимодействия: интерактивное поле общения [Текст] / Е. В. Поберезникова. – М. : Аспект-пресс, 2004. – 224 с.

14. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики [Текст] / Г. Г. Почепцов. – Киев : Вища школа, 1987. – 131 с.

15. Почепцов, Г. Г. О коммуникативной типологии адресата [Текст] / Г. Г. Почепцов // Речевые акты в лингвистике и методике. Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск : Изд-во ПГПИИЯ, 1986. – С. 10-17.

16. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления [Текст] / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания, 2005. – № 6. – С. 115-123.

17. Сорокин, Ю. А. Зоны риска в средствах массовой коммуникации [Текст] / Ю. А. Сорокин // Реальность, язык и сознание: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 1. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 51-58.

18. Эко, У. К семиотическому анализу телевизионного сообщения [Текст] / У. Эко. – М. : Прогресс, 1988. – С. 103-121.

19. Grieswelle, D. Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien. – München : Minerva, 1978. – 155 p.

20. Hudson, K. The Language of Modern Politics. – L.; Basingstoke : Macmillan, 1978. – 167 p.

21. Keyes, D. Flowers for Algernon. – London : Gollancz, 2006. – 238 p.

22. Kress, G., Hodge, R. Language as Ideology. – L. etc. : Routledge a. Kegan Paul., 1979. – 163 p.

23. Repina, E. A., Zheltukhina, M. R., Kovaleva, N. A., Popova, T. G., Garcia Caselles C. International media image of Russia: trends and patterns of perception // XLinguae, 2018. – Vol. 11, no. 2. – Pp. 557-565.

24. Zheltukhina, M. R., Busygina, M. V., Merkulova, M. G., Zyubina, I. A., Buzinova, L. M. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // XLinguae, 2018. – Vol. 11, no. 2. – Pp. 639-654.

25. Zheltukhina, M. R., Klushina, N. I., Ponomarenko, E. B., Vasilkova, N. N., Dzyubenko, A. I. Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication // XLinguae Journal. 2017. – Vol. 10. Issue 4. – Pp. 96-105.

Reference List

1. Besser-Zigmund, K. Magicheskie slova = Magic words [Tekst] / K. Besser-Zigmund. – SPb. : Piter Press, 1997. – 224 s.

2. Bujanova, L. Ju., Zelenskaja, V. V. Jemocija, kommunikacija, tekst: Linii vzaimokorreljacii = Emotion, communication, text: Lines of mutual correlation [Tekst] // Verbal'nye aspekty semanticheskih arhitektonik jazyka = Verbal aspects of language semantic architectonics. – Krasnodar : KubGU, 1998. – S. 69-91.

3. Zheltuhina, M. R. Tropologicheskaja suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI = Tropological suggestiveness of mass media discourse: about a problem of speech influence of tropes in media language [Tekst] / M. R. Zheltuhina. – M. : In-t jazykoz. RAN; Volgograd : Izd-vo VF MUPK, 2003. – 656 s.

4. Zinchenko Ju. P., Men'shikova, G. Ja., Bajakovskij, Ju. M., Chernorizov A. M., Vojskunskij, A. E. Tehnologii virtual'noj real'nosti: metodologicheskij aspekty, dostizhenija i perspektivy (nachalo) = Technologies of virtual reality: methodological aspects, achievements and prospects (beginning) [Tekst] // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal = Nacionalnyi psihologicheski zhurnal, 2010. – № 1(3). – S. 54-62.

5. Zinchenko Ju. P., Men'shikova, G. Ja., Bajakovskij, Ju. M., Chernorizov A. M., Vojskunskij, A. E. Tehnologii virtual'noj real'nosti: metodologicheskij aspekty, dostizhenija i perspektivy (okonchanie) = Technologies of virtual reality: methodological aspects, achievements and prospects (end) [Tekst] // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal = Nacionalnyi psihologicheski zhurnal, 2010. – № 2(4). – S. 64-71.

6. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communicative strategy and tactics of the Russian speech [Tekst] / O. S. Issers. – M. : Editorial URSS, 2002. – 284 s.

7. Karasik, V. I. Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy = Language spiral: values, signs, motives [Tekst] / V. I. Karasik. – Volgograd : Paradigma, 2015. – 432 s.

8. Leont'ev, A. A. Psiholingvisticheskie edinicy porozhdenija rechevogo vyskazyvanija = Psycholinguistic units to generate a speech statement [Tekst] / A. A. Leont'ev. – M. : Nauka, 1969. – 307 s.

9. Malygina, L. E. «Virtual'nye sobesedniki»: perspektivy razvitija televizionnogo promodiskursa = «Virtual interlocutors»: prospects of development of television promodiscourse [Tekst] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik : nauchnyj zhurnal = Verkhnevolzhsly philological bulletin: scientific magazine. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – № 4 (15). – S. 63-70.

10. Malygina, L. E. Virtual'naja real'nost' v obrazovanii: riski i vozmozhnosti = Virtual reality in education: risks and opportunities [Tekst] // EduTech. – 2010. – № 4(7). – S. 19.

11. Malygina, L. E. Chat-boty i iskusstvennyj intellekt: perspektivy razvitija televizionnogo promodiskursa = Chat bots and artificial intelligence: prospects of television promodiscourse development [Tekst] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki: nauchnyj zhurnal; Sev.-Oset. gos. un-t im. K. L. Hetagurova = Current problems of philology and pedagogical linguistics: scientific magazine; North Ossetian state university named after K. L. Khetagurov. – Vladikavkaz : Izd-vo SOGU, 2018. – № 4 (32). – S. 47-55.

12. Men'shikova, G. Ja., Zinchenko, Ju. P., Kovaleva, A. I., Shajgerova, L. A. Novye informacionnye tehnologii v social'nyh issledovanijah: postneklassicheskaja paradigma = New information technologies in social researches: post-nonclassical paradigm [Tekst] // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal = Nacionalnyi psihologicheski zhurnal – 2015. – № 3 (19). – S. 25-34.

13. Pobereznikova, E. V. Televidenie vzaimodejstvija: interaktivnoe pole obshhenija = Television interaction: an interactive communication field [Tekst] / E. V. Pobereznikova. – M. : Aspekt-press, 2004. – 224 s.

14. Pochepcov, G. G. Kommunikativnye aspekty semantiki = Communicative aspects of semantics [Tekst] / G. G. Pochepcov. – Kiev : Vishha shkola, 1987. – 131 s.

15. Pochepcov, G. G. O kommunikativnoj tipologii adresata = About the addressee's communicative typology

[Tekst] / G. G. Pochepcov // Rechevye akty v lingvistike i metodike = Speech acts in linguistics and methodology. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. – Pjatigorsk : Izd-vo PGPIIJa, 1986. – S. 10-17.

16. Sonin, A. G. Jeksperimental'noe issledovanie polikodovyh tekstov: osnovnye napravlenija = Experimental study of polycode texts: main directions [Tekst] / A. G. Sonin // Voprosy jazykoznanija = Questions of linguistics, 2005. – № 6. – S. 115-123.

17. Sorokin, Ju. A. Zony riska v sredstvah massovoj kommunikacii = Zones of risk in the media [Tekst] / Ju. A. Sorokin // Real'nost', jazyk i soznanie = Reality, language and consciousness : Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. – Vyp. 1. – Tambov : Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 1999. – S. 51-58.

18. Jeko, U. K semioticheskomu analizu televizionnogo soobshhenija = To the semiotic analysis of a television message [Tekst] / U. Jeko. – M. : Progress, 1988. – S. 103-121.

19. Grieswelle, D. Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien. – München : Minerva, 1978. – 155 p.

20. Hudson, K. The Language of Modern Politics. – L.; Basingstoke : Macmillan, 1978. – 167 p.

21. Keyes, D. Flowers for Algernon. – London : Gollancz, 2006. – 238 p.

22. Kress, G., Hodge, R. Language as Ideology. – L. etc. : Routledge a. Kegan Paul., 1979. – 163 p.

23. Repina, E. A., Zheltukhina, M. R., Kovaleva, N. A., Popova, T. G., Garcia Caselles C. International media image of Russia: trends and patterns of perception // XLinguae, 2018. – Vol. 11, no. 2. – Pp. 557-565.

24. Zheltukhina, M. R., Busygina, M. V., Merkulova, M. G., Zyubina, I. A., Buzinova, L. M. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // XLinguae, 2018. – Vol. 11, no. 2. – Pp. 639-654.

25. Zheltukhina, M. R., Klushina, N. I., Ponomarenko, E. B., Vasilkova, N. N., Dzyubenko, A. I. Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication // XLinguae Journal. 2017. – Vol. 10. Issue 4. – Pp. 96-105.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.12.2018
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10313

УДК 811.81–373

Е. И. Беглова https://orcid.org/0000-0002-3208-0549

Особенности функционирования экзотизмов в текстах современных печатных СМИ

Целью данной статьи является выявление роли экзотизмов в современном журнальном тексте и выделение их лексико-тематических групп. Предметом исследования избраны экзотизмы, которые служат фактором текстообразования в современных журнальных текстах. Принято определение экзотизмов, которые рассматриваются как вид слов-агнонимов. Отмечено, что в настоящее время отсутствуют исследования роли экзотизмов в журнальных текстах, демонстрирующих особенности языка печатных СМИ. На основе собранного автором текстового и лексического материала из современных журналов произведен анализ особенностей использования адресантом текста экзотизмов. Выявлено и описано семь лексико-тематических групп экзотизмов, отражающих особенности национальных культур, в частности, явления природы и животного мира, танцев, праздников, профессий, типа людей по какой-либо черте. Особое внимание уделено экзотизмам, составляющим смысловое ядро журнального текста, служащими фактором текстообразования. В заключении сформулированы основные особенности использования экзотизмов в текстах печатных СМИ, в частности, в журнальных: 1) часто экзотизмы выступают как факторы текстообразования, выполняя основную смысловую функцию; 2) текст, созданный адресантом на объяснении значения экзотизма, расширяется до описания этимологии этого явления, перерастая в историю о явлении культуры некоторых народов; 3) тексты, построенные на использовании экзотизмов в качестве смыслового ядра, принадлежат к когнитивной сфере. В такого рода когнитивных текстах реализуется ряд коммуникативно-прагматических задач СМИ: 1) просвещать адресата, 2) побуждать его к получению новых знаний, 3) способствовать поднятию общего уровня культуры адресата. Особая задача адресанта – получить своего адресата, проявляющего интерес к непонятному, сделать из него единомышленника.

Ключевые слова: экзотизмы, агнонимы, язык СМИ, журнальный текст, коммуникативно-прагматические задачи, лексико-тематическая группа.

E. I. Beglova

Features of Functioning of Exoticisms in Modern Print Media Texts

The purpose of this article is to identify the role of exoticisms in the modern journal text and to determine their lexical-thematic groups. The subject of the study is exoticisms, which serve as a factor of text formation in modern journal texts. The definition of exoticisms is accepted, which are considered as a kind of word-agnonyms. It is noted that today there are no studies on the role of exoticisms in journal texts that demonstrate the features of the language of print media.

On the basis of the text and lexical material collected by the author from the modern magazines, the analysis of the peculiarities of the use of exoticisms by the addresser of the text has been made. Seven lexical-thematic groups of exoticisms reflecting the peculiarities of national cultures, in particular, phenomena of nature and fauna, dances, holidays, professions, type of people by any trait, are revealed and described. Particular attention is paid to the exoticisms that make up the semantic core of the journal text and serve as a factor in text formation.

In conclusion, the main features of the use of exoticisms in the printed media texts, in particular, in journal ones are formulated: 1) exoticisms act often as factors of text formation, fulfilling the basic semantic function; 2) the text created by the addresser on the base of explanation of the meaning of exoticism expands to description of the etymology of this phenomenon, turning into a story about the phenomenon of the culture of some nations; 3) texts based on the use of exoticisms as a semantic core belong to the cognitive sphere. In this kind of cognitive texts, a number of communicative and pragmatic tasks of the media are implemented: 1) educate the addressee; 2) encourage him to acquire new knowledge; 3) contribute to raising the general level of the addressee's culture. The special task of the addresser is to get his addressee who shows interest in the incomprehensible, to make him a like-minded person.

Keywords: exoticisms, agnonyms, language of the media, journal text, communicative-pragmatic tasks, lexical-thematic group.

Тексты современных журналов содержат лексику, непонятную адресату по причине чуждости формы (графической и звуковой), а также по смыслу. Непонятные слова называются агнонимами. Агнонимы – это слова и выражения, непонятные большинству носителей языка [7, 8]. В. В. Морковкин определяет агнонимы следующим образом: агнонимы – это совмещенная единица лексического синтаксиса, которая представляет собой совокупность единиц родного языка, неизвестных, непонятных или малопонятных многим его носителям. Прежде всего, он относит к агнонимам диалектизмы и жаргонизмы [8]. По названной в определении причине адресант текста должен употреблять их с пояснениями или избегать. Однако в текстах со-

© Беглова Е. И., 2019

временных печатных СМИ, в частности в журнальных текстах, агнонимы часто служат фактором текстообразования. К одному из видов агнонимов мы относим экзотизмы. Цель данной статьи – продемонстрировать роль экзотизмов в современном журнальном тексте и выявить их лексико-тематические группы. Экзотизмы как часть лексики изучались в работах Р. П. Абдиной [1, с. 3-5], Н. А. Гусейновой [4, с. 24-29] , О. Г. Твердохлеб [12, с. 64-71]. Особенности некоторых типов экзотизмов и их роль в художественном тексте изучались Н. Б. Воробьевой [2, с. 44-49] Г. А. Гусейновым [3, с. 8-18], Л. Г. Самотик [10, с. 12-20]. Однако до настоящего времени практически отсутствуют исследования роли экзотизмов в журнальных текстах, демонстрирующих особенности языка печатных СМИ. Отмечаются исследования сравнительного характера, например, С. А. Тимина рассматривает тематический состав экзотической лексики в современной англоязычной прессе [13]. Имеются исследования языка отечественных СМИ в целом, в том числе и печатных СМИ, например работа Н. Б. Серпиковой [11, с. 45-104], языка иностранных СМИ – Х. Бюргера [14] и др.

Предметом нашего внимания являются экзотизмы, которые служат смысловым элементом создания современных журнальных текстов.

Под *экзотизмами* мы понимаем тип агнонимов, являющихся словами или устойчивыми словосочетаниями, заимствованными из других языков, используемыми для придания речи особого (местного) колорита [9, с. 391-392]. Такого рода слова являются названиями обычаев, праздников, одежды, танцев, предметов быта и др. Они не имеют аналогичных названий в русском языке, так как отсутствуют в действительности сами явления. Е. И. Диброва выделяет особые признаки экзотизмов: 1) отнесенность к национальной реалии, 2) отсутствие синонимов в языке-преемнике, 3) высокая степень обусловленности культурой нации [5, с. 236]. Эти признаки мы кладем в основу определения экзотизмов.

Как показал собранный нами текстовой и лексический материал, для адресанта журнального текста экзотизмы являются средством порождения текста, так как часто составляют его смысловое ядро, то есть служат фактором текстообразования.

Собранный нами лексический материал показывает, что в журнальных текстах используются разные по значению экзотизмы. Можно выделить следующе лексико-тематические группы экзотизмов.

1. Слова, обозначающие явления природы. Например, экзотизм ***дросулетис*** – греческое, «капли воды». Текст: *Слово **«дросулетис»** в переводе с греческого языка означает **«капельки воды».** Так называется явление, которое регулярно наблюдается на **побережье острова Крит** в **середине лета**, обычно в **предутренние часы**, когда в воздухе конденсируются капельки тумана. Очевидцы описывают, как на их глазах над морем **возле замка Франко-Кастелло** возникает сцена грандиозной битвы. Слышны крики, и звон оружия. Мираж медленно надвигается со стороны моря и исчезает в стенах замка. Историки говорят, что на этом месте примерно 150 лет назад произошла битва между греками и турками. Именно ее изображение, заблудившееся во времени, наблюдается теперь **на берегу возле замка Франко-Кастелло*** (Тайны XX века. 2017. № 43. С. 16). В данном тексте слово *дросулетис* является смысловым ядром, это явление описывается подробно, ориентируя адресата текста во времени (*в середине лета, в предутренние часы*) и географическом пространстве (*побережье острова Крит, возле замка Франко-Кастелло*). Адресат текста получает новую информацию, расширяет свой кругозор, что призвано вызвать его интерес к этому явлению природы.

2. Слова, называющие животных. Например, экзотизм ***иркуйем*** – гигантский медведь, обитающий в России на Камчатке. На языке чукчей, *иркуйем* означает «волочащий штаны», коряки называют такого медведя «медведем-богом», «кайнын-кутх». Текст: «*По описанию камчадалов, **иркуйем** весит почти тонну, а шкура его более светлого оттенка, чем у бурого медведя. Лапы гиганта искривлены под тяжестью тела. Ходит он медленно и неуклюже, подволакивая зад, так как задние лапы у него гораздо короче передних. Такая походка делает **иркуйема** похожим на человека со спущенными штанами, ходящего на четвереньках. За это **чукчи** прозвали его **иркуйем – «волочащий штаны».** Частые встречи с **«кайнын-кутхом», «медведем-богом»**, как называют гиганта **коряки**, происходили в районе озера Эльгыгытгын, что на чукотском языке означает «плоскогорье». Именно из тех мест пошла весть о гигантском медведе, захлестнувшая СССР в конце 1980-х годов, но потом начались интересные события, а потому об **иркуйеме** на время забыли* (Федоров К. Плоды безграничной фантазии. Иркуйем без штанов // Тайны XX века. № 47. С. 38-39). Описание медведя, не похожего внешне на обычных медведей, содержит экзотизмы из речи чукчей (*иркуйем*) и коряков (*кайнын-кутх, медведь-бог*). Эти названия отражают признаки медведя, особенности его поведения и внешнего вида, наблюдаемые чукчами и коряками, по этой причине наделившими его своими именами.

3. Слова, именующие тип людей по характеру, поведению и пр. Например*:* ***кафеновиос*** – *греческое,* частый посетитель кафе, пренебрегающий делами после рабочего дня. *В*

греческом языке даже присутствует специальное слово ***«кафеновиос»****, обозначающего частого гостя подобных заведений, пренебрегающего всеми остальными делами* (Кравцова Е. Новый год – новые радости // Тайны XX века. 2018. № 4).

4. Слова, служащие названием профессии, рода занятий. Например, экзотизм ***торседоры –*** на Кубе мастера, изготавливающие сигары. Текст: «*Возможно, фестиваль зародился на Кубе потому, что курильщики сигар всего мира предпочитают именно табачные изделия местного производства. Возможно, соотношение особой островной почвы, жарких солнечных лучей и определенной влажности воздуха, да к тому же еще мастерство* ***торседоров (мастеров, изготавливающих сигары)****, и немного легенд о том, что сигары обворожительные мулатки скручивают на своих смуглых бедрах. На самом деле, кстати, сигары крутят только мужчины – женские руки для такой работы слишком слабы. ...* (Кравцова Е. Накануне весны // Тайны XX века. 2018. № 6.). В тексте дано значение слова и описание особенностей изготовления именно кубинских сигар. Или: ***джали*** *(гриоты)* – сказители в странах африканского континента. Например, заголовок ***«Гриоты –*** *путешественики во времени»*. В лиде дается объяснение значения слова, а содержание текста полностью строится на описании данного явления. *Лид:* «Если вы думаете, что эпоха менестрелей безнадежно миновала, то ошибаетесь: в западной части «желтой, жаркой Африки» от Марокко до Нигерии до сих пор бродят по дорогам удивительные люди, будто попавшие в наше время из прошлого, – загадочные сказители – ***гриоты***». Текст: *«В разных странах африканского континента их именовали по-разному. А сами они до сих пор называют себя* ***«джали».*** *Среди европейцев закрепилось название* ***«гриоты».*** *Они имели право заниматься творчеством. ...Бродячие сказители ходили между деревнями, от племени к племени и радовали народ сказками, песнями, притчами, реальными историями из прошлого. Гриоты не только развлекали публику, но и с успехом заменяли радио и телевидение: пересказывали в отдаленных районах указы правителей, переносили из одной общины в другую свежие новости – иначе говоря, осуществляли связь народа с внешним миром* (Кравцова Е. Гриоты – путешественники во времени // Тайны XX века. 2018. № 17. С. 26-27). Текст строится на экзотизме ***джали,*** предоставляя адресату когнитивную информацию.

5. Слова, называющие музыкальные инструменты. Например, ***кора*** – африканский музыкальный инструмент, похожий на лютню или арфу. *…музыкант Тумани Дьябате, хорошо известный любителям африканской музыки. Он вырос в семье, насчитывающей более 70 поколений музыкантов, специально его обучением никто не занимался. Отец, Сидики, признанный* ***«королем коры» (инструмент гриотов, похожий на лютню или арфу****), дал мальчику в руки собственную* ***кору****, когда ему исполнилось 5 лет, предоставив его самому себе. В 13 лет юный музыкант впервые вышел на сцену и с тех пор делает все, чтобы музыка Африки заняла достойное место в ряду ритмов планеты.* (Кравцова Е. Гриоты – путешественники во времени // Тайны XX века. 2018. № 17. С. 26-27.).Экзотизм объясняется в скобках сразу после слова.

6. Слова, называющие танцы. Так, экзотизм *бию* имеет два значения: 1) национальный танец узбеков, таджиков, киргизов, туркменов, казахов; танец как мужской, так и женский, как одиночный, так и коллективный; 2) мохнатый паук, которых было очень много в итальянском городе Таранто. Заголовок *«****Кто такой бию?»*** Текст: *В* ***Таранто*** *водилось очень много больших мохнатых пауков, их все боялись и прозвали* ***тарантулами.*** *При встрече с тарантулом среднестатистический итальянец якобы начинал бешено приплясывать на месте, стараясь одновременно не наступить на чудовище, удрать от него как можно дальше и при этом не поворачиваться к нему спиной – вдруг тот прыгнет и укусит? Так на свет появился веселый танец* ***тарантелла****. Логично?В любом случае* ***тарантул*** *и танцы связаны между собой. И тому есть еще оно подтверждение. Дело в том, что с давних времен казахи, киргизы, узбеки, туркмены и таджики, тогда еще понятия не имевшие о существовании города Таранто, танца тарантелла, да и самой Италии, называли огромного, мохнатого паука* ***«бию».*** *А* ***бию*** *–* ***как раз общее название национальных танцев у этих южных народов, как мужских, так и женских, как одиночных, так и коллективных.*** *В общем, все, кто не встретит тарантула, тут же начинают танцевать. Поодиночке или все скопом. Сам паук в этих плясках участия не принимает. И вообще тарантул (особенно самка) предпочитает оседлый образ жизни.* (Тайны XX века. 2018. № 8. С. 38-39). В тексте дана информация из сферы народной культуры некоторых народов и одновременно описывается история происхождения и названия танца в шутливом тоне.

7. Слова, служащие названиями праздников. Например, ***Гинайкратия –*** название женского праздника в Греции, который отмечается 8 января. Текст раскрывает особенности значения экзотизма *гинайкратия,* превращаясь в реальную историю о жизни греческих женщин. Текст: *Греческие женщины отмечают свой праздник под названием*

«Гинайкратия» *именно* ***в январе****, и отмечают его с большим размахом, ни в чем себе не отказывая в этот день. ...* ***Гинайкратия*** *освобождает* ***дам*** *от любых домашних хлопот: в этот день и уборка, и приготовление пищи, и воспитание детей, и стирка, и прочие занятия становятся обязанностью мужей. А* ***женщины*** *с легким сердцем бросают все свои дела и отправляются веселиться. Они занимают все места в кафенио, поют, пускаются в пляс, устраивают конкурсы и заодно обсуждают перспективы развития женских движений. О направлении этих движений красноречиво говорят их названия, например, «Лисистрата», «Амазонки». Центр торжеств традиционно находится во* ***Фракии, в городах Моноклисия и Неа Петра,*** *куда съезжаются гречанки со всей страны. Непременная часть тамошних мероприятий – избрание старшей (и старейшей) дамы, оказание ей всяческих почестей и поднесение подарков.*

Мужчинам в день праздника вход в их любимые кофейни закрыт, исключение делается лишь для музыкантов, развлекающих ***слабый пол*** *залихватской музыкой. А вот смельчака, который будет без дела бродить по улице или рискнет все же посетить кафенио, могут облить холодной водой (шутка особенно неприятная, когда на дворе январь). Нужно ли говорить, что* ***Гинайкратия*** *вызывает у мужского населения страны не слишком большой энтузиазм: они насмешливо именуют ее* ***фестивалем матриархата*** (Кравцова Е. Новый год – новые радости. Тайны XX века. 2018. № 4). Повествуя о женском празднике, адресант текста именует женщин рядом слов-синонимов, которые создают положительную оценку не только женщин, но и их действий: *женщины, дамы, слабый пол, гречанки.* В оценке мужчин действия женщин оцениваются иронично как *матриархат,* отражая гендерное противостояние по поводу первенства в правах.

Или: ***Тамборрада –*** фестиваль барабанщиков в Испании. Текст: *Туристам, посетившим 20 января испанский городок Сан-Себастьян, следует подготовиться к большой нагрузке на органы слуха. В этот день весь мир вокруг поглощает оглушительная* ***Тамборрада – фестиваль барабанщиков с двухвековой историей, посвященный покровителю города святому Себастьяну.*** *В наши дни праздник начинается ночью с 19 на 20 января: ровно в полночь на площади Конституции торжественно вздымается городской флаг, а это значит, что Тамборрада началась. Музыканты играют марши, и под их звуки по городу начинает двигаться красочная процессия из «солдат Бонапарта», «пекарей» и «водовозов», изо всех сил стучащих по барабанам или бочкам. Кроме основных участников к шествию присоединяются «знаменосцы», «маркитантки» и другие персонажи, наряженные в меру своей фантазии* (Кравцова Е. Новый год – новые радости // Тайны XX века. 2018. № 4).

Апхеллио – праздник огня в Европе. Текст: *В память о норвежском наследии в наши дни в столице Шетландских островов Леруике в последний вторник января разворачивается огненный фестиваль* ***Апхеллио*** *–* ***самый большой праздник огня в Европе.*** *Подготовка к торжеству длится несколько месяцев – энтузиасты строят модель драккара, украшают его резьбой и помещают на носу судна традиционного дракона – повелителя морской пучины.* ***Хирд*** *(дружина) из 40 воинов готовит доспехи и оружие и упражняется в ратном искусстве, а около девяти сотен «сочувствующих» шьют скандинавские костюмы и репетируют воинственные вопли. В день Апхеллио абсолютное большинство обитателей Леруика с удовольствием отправляется в далекое прошлое. Улицы заполняют веселые викинги в боевой раскраске и знаменитых рогатых шлемах, их подруги в старинных нарядах и ребятишки, наряженные как взрослые. Мужчины распевают воинственные песни, состязаются во владении оружием, а женщины и дети поддерживают их криками и аплодисментами.* (Кравцова Е. Новый год – новые радости // Тайны XX века. 2018. № 4).

Ханами – национальный праздник, посвященный цветущей сакуре. Текст*: В конце марта 2014 г. Японские города Фукуока, Нагоя, Токио, Осака, Киото один за другим отмечают* ***ханами –*** *красивый национальный праздник, посвященный любованию прекрасной цветущей сакурой* (Саквояж. 2014. № 3. С. 7).

Марди Гра – французское; *«жирный вторник»;* праздник проходит в Новом Орлеане, США. Текст: ***Марди Гра*** *– название переводится с французского как «жирный вторник» – это католический праздник накануне Великого поста, аналог Масленицы – встреча весны с шумными гуляниями и многочисленными развлечениями (*Саквояж. 2014. № 3. С. 7.).

Заключение. Таким образом, экзотизмы в текстах современных журналов являются, прежде всего, фактором текстообразования. Они выполняют смысловую функцию. Текст, созданный адресантом на основе значения экзотизма, расширяется до описания этимологии этого явления, перерастая в историю о явлении культуры некоторых народов, природы, животного мира, знаменательных национальных праздников и др., что приводит к обогащению знания адресата в разных сферах: культуры, языка, истории, природы, животного мира. Нами выделено семь лексико-тематических групп экзотизмов, называющих, явления природы, животного мира, профессии, музыкальные инструменты,

национальные праздники, танцы, тип людей по какой-либо черте.

Тексты, построенные на использовании экзотизмов в качестве смыслового ядра, принадлежат к когнитивной сфере. В такого рода когнитивных текстах реализуется ряд коммуникативно-прагматических задач печатных СМИ: 1) просвещать адресата, 2) побуждать его к получению новых знаний, 3) способствовать поднятию общего уровня культуры адресата. Особая задача адресанта: получить своего адресата, проявляющего интерес к непонятному, сделать из него единомышленника.

Библиографический список

1. Абдина, Р. П. Экзотизмы, номинирующие реалии, связанные с духовным миром человека, в хакасском героическом эпосе [Текст] / Р. П. Абдина // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6 (37). – С. 3-5.

2. Воробьева, Н. Ю. Экзотическая лексика «В африканском дневнике» Николая Гумилёва как отражение сферы интересов поэта-путешественника [Текст] / Н. Ю. Воробьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2014. – № 1. – С. 44-49.

3. Гусейнов, Г. А. Экзотические ориентализмы произведений А. С. Пушкина и роль поэта в заимствовании восточной лексики в русский литературный язык XIX–XX вв. [Текст] / Г. А. Гусейнов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. – № 2. – С. 8-18.

4. Гусейнова, Н. А. О функционировании экзотизмов в современной российской эргономии [Текст] / Н. А. Гусейнова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2012. – № 2. – С. 24-29.

5. Диброва, Е. И., Касаткин, Л. Л, Щеболева, И. И. Современный русский язык: теория, анализ языковых единиц [Текст] / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, И. И. Щеболева / под ред. Е. И. Дибровой. В 3 частях. – Ч. 1. 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. – 416 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

7. Липнина, Е. М. Антропоцентрическая сущность агнонимов [Электронный ресурс] / Е. М. Липнина // Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 11. – Режим доступа: http://psychology.snauka.ru/2012/11/1227

8. Морковкин, В. В., Морковкина, А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) [Текст] / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1997. – 414 с.

9. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

10. Самотик, Л. Г. Экзотизмы в художественном тексте [Текст] / Л. Г. Самотик // Вестник Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2006. – № 3. – С. 12-20.

11. Серпикова, М. Б. Язык и стиль СМИ: курс лекций [Электронный ресурс] / М. Б. Серпикова. – М. : РУТ (МИИТ), 2017. – 333 с. – Режим доступа: http://library.miit.ru/methodics/111217

12. Твердохлеб, О. Г. Историзмы-экзотизмы О. Г. Твердохлеб [Электронный ресурс] // Филологический аспект. – 2016. – № 10 (18). – С. 64-71. – Режим доступа: http://scipress.ru/philology/articles/istorizmy-ekzotizmy.html

13. Тимина, С. А. Экзотизмы в современной англоязычной прессе [Текст] / С. А. Тимина. – Киров : Вятский государственный гуманитарный университет, 2003. – 161 с.

14. Burger H., Luginbühl M. Mediensprache: Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. – Berlin : Walter de Gruyter GmbH, 2014. – 544 pages.

References

1. Abdina, R. P. Jekzotizmy, nominirujushhie realii, svjazannye s duhovnym mirom cheloveka, v hakasskom geroicheskom jepose = Exoticisms, nominating realities connected with the inner world of the person in the Khakass heroic epos [Tekst] / R. P. Abdina // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija = Mir nauki, kultury, obrazovaniya. – 2012. – № 6 (37). – S. 3-5.

2. Vorob'eva, N. Ju. Jekzoticheskaja leksika «V afrikanskom dnevnike» Nikolaja Gumiljova kak otrazhenie sfery interesov pojeta-puteshestvennika = Exotic lexicon «In the African diary» by Nikolay Gumilyov as reflection of the sphere of interest of the poet-traveler [Tekst] / N. Ju. Vorob'eva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija = Bulletin of Moscow state regional university. Series: Russian philology, 2014. – № 1. – S. 44-49.

3. Gusejnov, G. A. Jekzoticheskie orientalizmy proizvedenij A. S. Pushkina i rol' pojeta v zaimstvovanii vostochnoj leksiki v russkij literaturnyj jazyk HIH–HH vv. = Exotic orientalism of A. S. Pushkin's works and the role of the poet in borrowing of the east lexicon in the Russian literary language of the XIX-XX centuries. [Tekst] / G. A. Gusejnov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija = Bulletin of Moscow state regional university. Series: Russian philology. – 2018. – № 2. – S. 8-18.

4. Gusejnova, N. A. O funkcionirovanii jekzotizmov v sovremennoj rossijskoj jergonomii = About functioning of exoticisms in modern Russian ergonomy [Tekst] / N. A. Gusejnova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija = Bulletin of Moscow state regional university. Series: Russian philology. – 2012. – № 2. – S. 24-29.

5. Dibrova, E. I., Kasatkin, L. L, Shheboleva, I. I. Sovremennyj russkij jazyk: teorija, analiz jazykovyh edinic = Modern Russian: theory, analysis of language units [Tekst] / E. I. Dibrova, L. L. Kasatkin, I. I. Shheboleva / pod red. E. I. Dibrovoj. V 3 chastjah. – Ch.1. 2-e izd., dop. i pererab. – Rostov-na-Donu : Feniks, 1997. – 416 s.

6. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary [Tekst] / gl. red. V. N. Jarceva. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. – 685 s.

7. Lipnina, E. M. Antropocentricheskaja sushhnost' agnonimov = Anthropocentric essence of agnonyms [Jelektronnyj resurs] / E. M. Lipnina // Psihologija, sociologija i pedagogika = Psikhologiya, sociologiya i pedagogika. – 2012. – № 11. – Rezhim dostupa: http://psychology.snauka.ru/2012/11/1227

8. Morkovkin, V. V., Morkovkina, A. V. Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem) = Russian agnonyms (words which we do not know) [Tekst] / V. V. Morkovkin, A. V. Morkovkina. – M. : Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova, 1997. – 414 s.

9. Rozental', D. Je., Telenkova, M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskih terminov = Dictionary reference of linguistic terms [Tekst] / D. Je. Rozental', M. A. Telenkova. 3-e izd., ispr. i dop. – M. : Prosveshhenie, 1985. – 399 s.

10. Samotik, L. G. Jekzotizmy v hudozhestvennom tekste = Exoticisms in the art text [Tekst] / L. G. Samotik // Vestnik Krasnojarskogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk pedagogical university named after V. P. Astafiev. – 2006. – № 3. – S. 12-20.

11. Serpikova, M. B. Jazyk i stil' SMI: kurs lekcij = Language and style of media: course of lectures [Jelektronnyj resurs] / M. B. Serpikova. – M. : RUT (MIIT), 2017. – 333 s. – Rezhim dostupa: http://library.miit.ru/methodics/111217

12. Tverdohleb, O. G. Istorizmy-jekzotizmy O. G. Tverdohleb = O. G. Tverdokhleb's historicisms-exoticisms [Jelektronnyj resurs] // Filologicheskij aspekt = Filologicheski aspect, 2016. – № 10 (18). – S. 64-71. – Rezhim dostupa: http://scipress.ru/philology/articles/istorizmy-ekzotizmy.html

13. Timina, S. A. Jekzotizmy v sovremennoj anglojazychnoj presse = Exoticisms in the modern English-language press [Tekst] / S. A. Timina. – Kirov : Vjatskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2003. – 161 s.

14. Burger N., Luginbühl M. Mediensprache: Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. – Berlin : Walter de Gruyter GmbH, 2014. – 544 pages.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.12.2018
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10314
УДК 811.161.1 ‘373

Г. В. Судаков https://orcid.org/0000-0003-1678-4631

История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительно-сопоставительных исследований

Типология лексических групп – актуальная и перспективная задача теоретической лексикологии. В статье формулируются задачи сравнительно-сопоставительной типологии лексических групп применительно к славянским языкам, указываются конкретные направления таких исследований и приводятся примеры из исторической лексикологии русского языка. В ней оцениваются работы по лексической стилистике, исторической лексикологии и этимологии. Слово представлено как существенный элемент предложения, и значение слова зависит от места в предложении и в целом – от контекста. Учтены семантические закономерности развития слова, впервые обнаруженные ученым и получившие продолжение. Исследование посвящено выявлению разных типов лексико-семантических групп: прослеживается их эволюция на разных временных срезах (с XV1 по XX век). Анализ впервые выполняется в рамках диахронной лингвистики путем сопоставления разных групп, а также одной и той же группы в разных сферах употребления языка: литературно-письменной и диалектно-разговорной. В качестве материала избрана предметно-бытовая лексика, предварительно проанализированная в семантическом аспекте. Оценивается употребительность разных именований, их лексико-семантические свойства и территория бытования. Исследование этикетных формул ведется методами контекстного лексико-семантического анализа, речевое взаимодействие описано с опорой на теорию речевых тактик, а характер памятников обусловил использование сравнительно-сопоставительного метода. Установлено, что выполняя коммуникативную функцию, единицы речевого этикета позволяют устанавливать контакт, идентифицировать адресата и апеллировать к собеседнику. Типологическое изучение разных групп лексики позволяет выявить способы пополнения словарного состава языка, тенденции развития лексико-фразеологических средств, особенности функционирования лексических групп в разных территориальных и функциональных разновидностях языка

Ключевые слова: лексикология славянских языков, типы лексических групп, сравнительные исследования, функциональный стиль, национальная ментальность.

LINGUISTICS

Russian language

G. V. Sudakov

History of Lexical Groups in Slavic Languages: Prospects for Comparative Studies

The typology of lexical groups is a relevant and promising problem of theoretical lexicology. The paper discusses the problems of comparative typology of lexical groups in Slavic languages, identifies specific areas of that research, and provides examples from the historical lexicology of the Russian language. It evaluates the work on lexical style, historical lexicology and etymology. The word is presented as an essential element of the sentence, and the meaning of the word depends on the place in the sentence and the whole context. The semantic regularities of the word development, first discovered by the scientist and continued. The work carries out a study to identify different types of lexical-semantic groups in one language and traced their evolution at different time slices, from the XVI to the XX centuries. The analysis for the first time is run as a part of diachronic linguistics, by comparing different groups, as well as the same groups in different fields of language use: the literary and written dialect and the colloquial one. There is estimated the use of different names, the territory of existence and lexical-semantic properties. In the study, the etiquette formulae mainly include phraseological units of different types of fusion. The study of etiquette formulae is based on the methods of the contextual lexical-semantic analysis, the study of verbal interaction is relied on the theory of communicative tactics, and the comparative method is used to describe the ancient phrasebooks. According to the research results, in the process of communication, speech etiquette formulae are used to establish the verbal contact, to identify the addressee and to appeal to the interlocutor. The typological study of various groups of language allows ways to replenish the vocabulary of the language structure, trends in the development of lexical and phraseological means, especially the functioning of lexical groups in different territorial and functional varieties of the language.

© Судаков Г. В., 2019

Keywords: lexicology of Slavic languages, types of lexical groups, comparative studies, functional style, national mentality.

Введение

Системная организация лексики обусловлена функциональными свойствами языка. Признание системных начал в организации лексико-семантического уровня языка обусловило выбор основного объекта синхронной и диахронной лексикологии: таковым является лексико-семантическая или тематическая группа в ее эволюции. Исходной единицей анализа, конечно, остается слово и набор словосочетаний с этим словом. Семантический объем слова, особенно исторического, выявляется только в сочетаемости. Сравнение российского опыта с практикой историко-лексикологических исследований других славянских языков, особенно в отношении роли текста, было бы чрезвычайно полезно.

Задачи исторической лексикологии в трудах отечественных ученых постепенно усложнялись. Оценим следующие мнения: 1) «…только в предложении получают свое значения отдельные слова …каждое отдельное слово суть не что иное, как живые члены целого живого состава, именуемого предложением» [1, с. 21] – Буслаев прав: сочетаемость слова в контексте – надежный прием для выявления значений слова; 2) «Далекая цель исторической лексикологии – выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории их развития эволюционируют единым фронтом, то есть обнаруживают прочные, устойчивые связи… Когда такие устойчивые группы будут намечены, следующая задача исторической лексикологии – установить их взаимодействие…» [4, с. 12-13]. Этим высказыванием Б. А. Ларин наметил перспективы системного исследования истории словарного состава, что стало принципиально новым явлением в теории исторической лексикологии славянских языков.

В исторической лексикологии слово изучается во многих аспектах. Длительное время преобладал динамический аспект, то есть регистрация количественных изменений в лексике и констатация наличия или отсутствия известных слов на нескольких синхронных срезах. Сейчас утверждается ономасиологическое и семасиологическое изучение исторической лексики, что влечет за собою закрепление системного подхода. Больше внимания уделяется внутрисловным связям значений, внутригрупповым семантическим связям слов, формальному и семантическому варьированию лексем. Укрепляющийся функциональный аспект направлен на законы исторической жизни слова, на особенности его бытования в языке разных эпох, на выявление основных тенденций и закономерностей в длительном и непрерывном развитии словарного состава языка.

Учет функциональных свойств лексики позволяет определить основные тенденции развития лексических групп и причины, которые привели к формированию современной системы номинации, как наиболее оптимальной, соответствующей коммуникативно-прагматическим требованиям, контексту речи и характеру общения. При описании исторической лексики требуется разграничение социальных функций отдельных групп, семантических и референциальных функций, а также системно-языковых функций, связанных с отношениями и зависимостями лексических единиц разных множеств.

Критерии сравнительного изучения лексических групп

Семантико-функциональные исследования позволяют определить характер и направление лексико-семантических и стилистических изменений. Далее будут использованы результаты лексико-семантического описания лексики, представленные нами в работах: [7-8] .

Оценим количественный состав словаря в разные исторические эпохи. Сравнивая словарный состав языка в соседствующие исторические периоды, например, древнерусский XI–XIV и старорусский XV–XVII вв., исследователи фиксируют резкое увеличение количества и объема тематических групп.

Каковы же на самом деле изменения в словаре языка Московской Руси? Прежде всего учтем разный объем и неодинаковые информативные качества текстов, написанных до XV в., с одной стороны, и источников XVI–XVII вв., с другой. Так, преобладающее число уменьшительных образований отмечено в актах XVI–XVII вв. Особая развитость уменьшительных образований в старорусской письменности (*волосничишко* ‘женский головной убор’, *каптурик* ‘головной убор, тип шапки’, *лохонишко* ‘одежда, чаще рабочая’, *ногавичишка* ‘тип чулок’ и др.) – это не просто реализация потенциальных возможностей русского словообразования, но прежде всего характерная особенность устного и письменного общения, специфика старорусского речевого этикета, для которого было свойственно варьирование языковых средств в зависимости от отношения содержания речи к ее адресату или адресанту, то есть одна и та же реалия, не меняясь в своих признаках, могла получать характеристику, далекую от объективной оценки свойств предмета. Привносимые в таких случаях в семантику слова дополнительные оттенки имеют повторяющийся, этикетный характер.

Но и в этом случае количественное увеличение словаря – реальное явление истории языка. В изучаемый период появляются абсолютно новые группы названий: это именования передников, посуды для специй, небольших бондарных сосудов и др.; увели-

чивается группа названий короткополой одежды, число названий карманов; начинает сокращаться список названий «питных медов» в связи с сокращением добычи бортного меда, но постепенно, начиная с XVI века, развиваются названия зерновой водки. Как видим, динамика лексики зависит от смены форм цивилизации, развития технологий. Лексика предельно антропоцентрична по сравнению с другими уровнями языка, что в равной мере проявляется в развитии любого славянского языка.

Издание специально подготовленной к XVI Международному съезду славистов коллективной монографии, где есть разделы «Историческая лексикология славянских языков» и «Историческая лексикология русского языка» [5], является хорошей базой для сравнительно-сопоставительных исследований лексики славянских языков.

В связи с развитием устного речевого этикета в русской речи появляются формулы, которых не было в письменном этикете: *бью челом* (выражала не только просьбу, но приветствие и благодарность); *здравствуй* (приветствие и пожелание здоровья, как установка на гармоничный диалог, фиксируется с 1586 г.); с*паси бо* (из *Спаси, Богъ); С Богомъ!* (напутствие в дорогу); *Хлеб да соль* (пожелание доброй трапезы, с 1618 г); *Богъ помочь* (благопожелание, зафиксировано в «Грамматике» Лудольфа)*; пожалуи* (просьба о чем-либо напоминает древнерусское челобитие о пожаловании, 1618 г), *прости* (извинение, начало XVII в.). См. подробнее в нашей работе: [10].

2. Следующее свойство старорусской лексики – это своеобразные отношения между видовыми и родовыми словами. Тенденцию к увеличению своего числа испытывали главным образом видовые названия. Инновации старорусского периода – это в основном видовые слова, они имеют прозрачную внутреннюю форму и образованы с помощью продуктивных словообразовательных моделей. В ряде случаев наблюдается закрепленность номинативных признаков и словообразовательных средств за определенной группой названий: – общие названия одежды сформировались главным образом за счет суффиксального способа от глагольных основ (*покров, одежа*); – названия, образованные по материалу или цвету ткани, обозначают чаще всего несколько типов одежды, имеющих один общий признак (*сукня* 1) ‘суконная свитка’, 2) ‘суконный кафтан’, 3) ‘шуба, крытая сукном’; – названия футляров образованы от глаголов, указывающих на укрытие чего-либо (*влагалище*), и от существительных, обозначающих укрываемые предметы (*игольник*); – модель на *-ник-/-ниц-* свойственна названиям сосудов для умывания и вместилищ для косметических средств (*рукомойник, белильница*).

Что же касается родовых слов, то наблюдается даже некоторое их сокращение за счет утраты архаичных лексем, перехода в пассивный словарь книжных обозначений, а также происходит универсализация стилистически нейтральных наименований. Новые родовые обозначения появляются лишь в тех группах, где они ранее отсутствовали, так в конце XVIII в. появляется название *головной убор* (вместо прежнего универсального *шапка)*, в XVII в. появляется слово *посуда* (вместо *посудье)* и т. п. Иногда на первом этапе формирования однословного родового наименования оно функционирует как собирательное существительное (*посудье* – с XVI в.), но затем отпадает необходимость в специальном форманте, подчеркивающем идею обобщенности, множественности, и слово в обычном виде (*посуда)* начинает выражать родовое значение.

3. Следующее, что следует сравнить, – это хронология и содержание процессов заимствования иноязычных слов. В язык Московской Руси, продолжая ранее обозначившуюся тенденцию, вливаются в основном тюркские названия. В XVI в. начинают появляться западноевропейские слова, в основном через польское посредство. Со второй половины XVII в. наблюдается приток прямых заимствований из немецкого, итальянского и других западноевропейских языков (*юбка* и др.). Заимствования из тюркских, тунгусо-маньчжурских языков в соседние русские говоры были, по-видимому, значительными, так как здесь связи соседних народов носили не случайный, а сознательный и возрастающий характер, а слова, усваиваемые в результате контактов, часто обозначали предметы, характерные для быта всех сословий.

Давление европейской цивилизации и трех западноевропейских гегемонов: немецкого, французского и английского языков – на разные славянские языки не было одинаковым: играли свою роль и количество носителей языка, и территориальная удаленность от европейских столиц, и степень сопротивляемости этноса иноземному воздействию, и другие факторы. Германизмы Россия лучше усваивала через польское посредство. А не напрямую, играла свою роль возможность общения рядом проживающих народов.

4. Полагаем, что представляет интерес проблема соотношения корневых и производных слов и процессе их усвоения русским языком. . Так, в русском обычный путь включения в язык слова и его производных восстанавливается в следующем виде: после непродолжительного одиночного функционирования у слова возникает диминутив, отличающийся оттенком значения. Но при значительной близости языков, совпадения в них словообразовательных моделей возможно было одновременное усвоение основного слова и диминутива, так перешли в русский язык из польского *фляга* (с 1547 г.) и *фляжка* (с 1507 г). На следующем этапе происходит десемантизация диминутива с утратой оттенка

уменьшительности и приобретением способности обозначать модифицированный вариант или новый тип реалии, при этом начальная форма может перейти в разряд архаично-книжных слов, утратить в значительной степени конкретное значение и приблизиться по характеру семантики к общему именованию. Одновременно происходит развитие вторичного диминутива по соответствующей модели, ср. историю слов *чаша – чашка – чашечка, чара – чарка – чарочка* и др. Нередким было и такое развитие процесса, как утрата первичного диминутива и увеличение престижности вторичного диминутива. Иногда основное слово имело локальное распространение, зато его производные с уменьшительным значением были склонны к общерусскому употреблению. Так, слово *ларь* представлено лишь на севернорусской территории, а *ларчик* ‘небольшое по размеру вместилище для ценностей’ имел общерусскую известность, последнее обстоятельство могло сыграть известную роль в приобретении общерусского характера словом *ларь*. Таким образом, диминутивы вели более или менее самостоятельную жизнь в языке, не всегда зависимую от характера основного слова. Это явление замечено и в других славянских языках.

5. Семантическое развитие исследуемой лексики осуществлялось по следующим основным направлениям: специализация наименований, преодоление семантической перегрузки слов; отбор средств, сочетающих семантическую определенность с широкой сферой употребления и территориальной неограниченностью; расширение в употреблении слов, денотат которых получил общественное признание, и архаизация слов, утративших денотативную опору; жанрово-стилевая дифференциация лексем. Специализация значения сокращала функциональные возможности слова, сферу его употребления. Кроме того, каждая тенденция лексико-семантического развития имела свою антитенденцию, действующую с неравной силой, что обеспечивало непрерывность развития разных участков лексики, например, тенденция к специализации (семантической определенности) наименований сталкивалась с метафорическим способом номинации, благодаря чему создавался избыток лексических средств, ср.: общее *ковш* и конкретные названия ковшей *наливка, питушка* и т. п.

Чем выше семантическая организация лексико-семантической группы, тем больше у нее шансов для длительного существования. Например, группа старорусских названий денежных мешочков *мошна, калита, зепь, карман, хамьян, чпаг* имела родовидовую иерархию, синонимические связи, дифференцированные значения, четкие словообразовательные связи между составными и однословными наименованиями. Многие слова этой группы были усвоены языком национального периода. Определенное влияние на степень семантической связанности лексем оказывал генетический фактор: названия рукавиц, передников, футляров и др., возникшие в основном на русской почве, отличались значительной семантической организованностью.

6. Целесообразно было бы сравнить и жанрово-стилевые различия в лексических группах: это, как уже сказано, соотношение родовых и видовых названий, это жанрово-стилевая дифференциация слов, в том числе однокоренных, внутри лексико-семантических групп, это закрепленность отдельных слов или отдельных значений полисемантичных слов за тем или иным типом контекста. Синонимичность в книжно-церковных и художественных текстах была развита в большей степени, чем, например, в деловой письменности. Уже в XVII в. литературно-художественные тексты начинают выступать в качестве лаборатории семантико-стилистических опытов в сфере общих наименований, а в деловой речи происходил отбор конкретных названий из устного разговорного фонда. Конечно, этот процесс характерен и для других славянских языках, хотя установление национальной литературной нормы эти народы переживали в разное время, как и становление нации.

7. Полагаем, что проведение сравнительных исследований позволило бы также сблизить и упорядочить терминологию, используемую в национальных славянских лексикологиях.

Добавим, что представляется перспективным сравнительно-сопоставительное изучение разных групп предметно-бытовой лексики и по таким критериям, как модели семантической деривации или типы полисемии, уровень диффузности семантики слов и т. п. Далее следует провести типологическое сопоставление фреймов в разных функциональных разновидностях русского языка: письменной литературной речи и диалектах, исследовать эволюцию лексического состава с учетом его деривационного потенциала и территориальной дифференциации. В результате может быть создана типология лексических групп русского языка, установлена степень их изменчивости, определены факторы и причины этой изменчивости. Подобные исследования проводились на материале разных славянских языков, когда сравнивались лексиконы нескольких современных языков [2-3, 6]. Наши наблюдения связаны с диахронной лексикологией, см. примеры использования описанной методики в работе: [9].

Выводы

Проведение сравнительного исследования состоит в сопоставлении предварительно исследованных лексико-семантических групп или фреймов по сформулированному перечню критериев, выявление сходств и различий и составление типологии лексических групп. Интерес представляет и анализ типологических качеств одной и той группы в раз-

ные исторические периоды и выявление таким образом исторических тенденций и направлений развития лексической системы русского языка.

Основополагающим для лексической типологии является принцип выявления лексико-семантических и структурных сходств и различий. На основе анализа опытов по описанию отдельных тематических и лексико-семантических групп составляется перечень критериев (параметров), предлагаемых для типологических классификаций лексики. Апробированные нами списки критериев включают следующие (список не является конечным): 1) соотношение родовых и видовых слов в каждой группе; 2) типы полисемии или модели семантической деривации; 3) число мотивированных и немотивированных слов; 4) степень синонимичности и антонимичности (отдельно – для родовых и видовых слов) в каждой группе; 5) степень конктекстуальной закрепленности значений для отдельных слов группы; 6) уровень диффузности значений лексем для каждой группы; 7) количественная характеристика группы; 8) соотношение нейтральной и стилистически маркированной лексики в составе группы; 9) учет продуктивности различных морфем и словообразовательных моделей в разных группах; 10) способность различных слов и групп к фразеообразованию и т. д.

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М. : Гос. уч-пед. изд-во Минпроса РСФСР, 1959. – 624 с.

2. Кретов, А. А., Меркулова, И. А., Титов, В. Т. Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков [Текст] // Вопросы языкознания. – М. : РАН, 2011. – № 1. – С. 52-65.

3. Круглякова, В. А., Рахилина, Е. В. Глаголы вращения: лексическая типология [Текст] // Труды международной конференции «Диалог 2010». – М., 2010. – С. 241-247.

4. Ларин, Б. А. Историческая лексикология [Текст] / Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. – М. : Высшая школа, 1977. – С. 12-13.

5. Лексикография и лексикология славянских языков. Международный коллективный труд [Текст] / отв. ред. М. И. Чернышева. – М. : ЛЕКСРУС, 2017. – 879 с.

6. Рахилина, Е. В., Резникова, Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии [Текст] // Вопросы языкознания, 2013. – № 2. – С. 3-31.

7. Судаков, Г. В. История русского слова [Текст] / Г. В. Судаков. – Вологда : ВГПУ, 2010. – 336 с.

8. Судаков, Г. В. История русского слова [Текст] / Г. В. Судаков. – Вологда : Вологодский гос. университет. – 2 изд., доп. – Вологда, 2015. – 360 с.

9. Судаков, Г. В. Типология лексических групп русского языка [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета. – № 2. – Рязань, 2017. – С. 76-89

10. Судаков, Г. В. Эволюция устного речевого этикета в Московской Руси XIV–XVII вв. [Текст] // Вестник Томского государственного университета, 2018. – № 429. – С. 51-57.

Reference List

1. Buslaev, F. I. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka = Historical grammar of Russian [Tekst] / F. I. Buslaev. – M. : Gos. uch-ped. izd-vo Minprosa RSFSR, 1959. – 624 s.

2. Kretov, A. A., Merkulova, I. A., Titov, V. T. Problemy kvantitativnoj leksikologii slavjanskih jazykov = Problems of quantitative lexicology of Slavic languages [Tekst] // Voprosy jazykoznanija = Voprosy yazykoznaniya. – M. : RAN, 2011. – № 1. – S. 52-65.

3. Krugljakova, V. A., Rahilina, E. V. Glagoly vrashhenija: leksicheskaja tipologija = Rotation verbs: lexical typology [Tekst] // Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2010» = Works of the international conference «Dialogue of 2010». – M., 2010. – S. 241-247.

4. Larin, B. A. Istoricheskaja leksikologija Historical lexicology = [Tekst] / B. A. Larin. Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie. – M. : Vysshaja shkola, 1977. – S. 12-13.

5. Leksikografija i leksikologija slavjanskih jazykov. Mezhdunarodnyj kollektivnyj trud = Lexicography and lexicology of Slavic languages. International collective work [Tekst] / otv. red. M. I. Chernysheva. – M. : LEKSRUS, 2017. – 879 s.

6. Rahilina, E. V., Reznikova, T. I. Frejmovyj podhod k leksicheskoj tipologii = Frame approach to lexical typology [Tekst] // Voprosy jazykoznanija = Voprosy yazykoznaniya, 2013. – № 2. – S. 3-31.

7. Sudakov, G. V. Istorija russkogo slova = History of the Russian word [Tekst] / G. V. Sudakov. – Vologda : VGPU, 2010. – 336 s.

8. Sudakov, G. V. Istorija russkogo slova = History of the Russian word [Tekst] / G. V. Sudakov. – Vologda : Vologodskij gos. universitet. – 2 izd., dop. – Vologda, 2015. – 360 s.

9. Sudakov, G. V. Tipologija leksicheskih grupp russkogo jazyka = Typology of lexical groups in Russian [Tekst] // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Ryazan state university – № 2. – Rjazan', 2017. – S. 76-89

10. Sudakov, G. V. Jevoljucija ustnogo rechevogo jetiketa v Moskovskoj Rusi = HIV–XVII vv. Evolution of oral speech etiquette in Moscow Russia of the XIV–XVII centuries [Tekst] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk state university 2018. – № 429. – S. 51-57.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.12.2018
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10315

УДК 8-80-808

Ся Линь https://orcid.org/0000-0001-8377-7963

Термин *словесность* в дореволюционной русской филологической традиции (на материале учебника «Теория словесности» П. В. Смирновского 1913 года)

Целью работы является выявление термина *словесность* в дореволюционной русской филологической традиции на материале учебника «Теория словесности» П. В. Смирновского 1913 года. При этом решались задачи объяснения термина *словесность* в других учебниках по словесности и описания содержания словесности в учебнике «Теория словесности» П. В. Смирновского 1913 года. Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Термин *словесность* как русское традиционное слово был популярен в XIX в. Во второй половине XIX в. теория словесности стала учебной дисциплиной в русской школе и появились многочисленные учебные руководства по словесности, в которых главным содержанием являлась классификация родов и видов словесности. Кажый автор учебника, например, И. И. Давыдов и П. З. Тимошенко, по- своему составляет классификацию и объясняет термин *словесность*. А принцип классификации видов прозы определен Смирновским не вполне точно и ясно, классификации относятся в основном к литературной прозе. И основное внимание в учебнике П. В. Смирновского уделено видам поэзии. В соответствии с такой классификацией система правил искусств речи окончательно заменена понятиями художественной стилистики, поэтики и эстетики. Содержание словесности у П. В. Смирновского по сравнению с трудами ученых до середины XIX в. показывает совсем другую тенденцию развития словесности в русской филологической науке. А в настоящее время необходимо дать объективную оценку современным направлениям в преподавании русской словесности и выяснить ее культурологическое содержание.

Ключевые слова: словесность, термин, теория, классификация, учебник, принцип, проза, поэзия, литература.

Xia Lin

The Term *Literature* in a Pre-Revolutionary Russian Philological Tradition (on the material of P. V. Smirnovsky's textbook «Theory of Literature», 1913)

The aim of the work is to identify the term *literature* in the pre-revolutionary Russian philological tradition on the material of the textbook «theory of literature» by P. V. Smirnovsky in 1913. This solved the problem of explaining the term literature in other scientists' textbooks on literature and described the content of literature in P. V. Smirnovsky's textbook «theory of literature», 1913. The most significant results were the following. The term *literature*, as the Russian traditional way, was popular in the XIX century. In the second half of the XIX century the theory of literature has become an academic discipline in the Russian school and there were numerous manuals on literature, where the main content was the classification of kinds and types of literature. Each author of the textbook, for example, I. I. Davydov and P. Z. Tymoshenko, on his principle makes classification and explains the term literature. But the principle of classification of prose types defined by Smirnoff is not quite accurate and clear, classifications relate mainly to literary prose. And the main attention in P. Smirnovsky's textbook is paid to the types of poetry. In accordance with this classification, the system of rules of the arts of speech is finally replaced by the concepts of the artistic style, poetics and aesthetics. The content of P. V. Smirnovsky's literature in comparison with the works of scientists until the middle of the XIX century shows a completely different trend in the development of literature in the Russian philological science. And now, it is necessary to give an objective assessment of modern trends in the teaching of Russian literature and find out its cultural content.

Keywords: literature, term, theory, classification, textbook, principle, prose, poetry, literature.

По мере того, как термин *словесность* все чаще встречается в научной литературе и используется в практике вузовского и школьного преподавания, чрезвычайно важно ответить на вопрос: что же такое словесность? Ответить на такой вопрос непросто, так как краткий очерк теории словесности не может описать всю ее проблематику. Во второй половине XIX в. теория словесности была учебной дисциплиной, поэтому очень полезно знакомство с опытом преподавания словесности в дореволюционной русской школе. В настоящее время одной из отличительных характеристик современной русской школы является возвращение таких забытых предметов, как словесность и риторика. Необходимо дать объективную оценку современным направлениям в преподавании русской словесности и выяснить ее культурологическое содержание, поэтому требуется осмыслить историческое содержание термина *русская словесность*.

Рождение и утверждение термина *словесность* как одного из основополагающих в русской филологии заложены уже в Словаре Академии Российской 1789-1794 гг.. Именно в нем впервые дается толкование этого термина, где оно означает: 1) »знание, касающееся до словесных наук» и 2) »способность говорить, выражать» [20, с. 536]. Здесь дается определение этого термина, но сама словесность еще не наука. Только в начале XIX в. некоторые ученые не только осмыслят словесность как некий способ выражать мысли словами, но и

© Ся Линь, 2019

будут считать ее совокупностью наук. По-видимому, первым сделал это А. С. Никольский в 1807 г. в «Основаниях словесности», где ученый пишет, что словесность содержит в себе две науки: грамматику, научающую правильному употреблению слов, и риторику, показывающую способ, как располагать и изъяснять мысли [15]. Кроме того, в учебнике Л. К. Якоба 1805 г. словесностью называется «умозрение словесных наук» [1, с. 263]. Курс теории словесности утверждается в русской школе в 1820-1830 гг. после исключения всеобщей грамматики из состава учебных дисциплин. Предмет словесности формируется вместе с ее научной теорией в учебниках Я. В. Толмачева, А. Ф. Мерзлякова, Н. И. Греча, Н. Ф. Кошанского, И. И. Давыдова, В. Т. Пласина, К. П. Зеленцкого, П. В. Смирновского и некоторых других. В этих учебниках понимание словесности уже расширяется до совокупности всех текстов речевой культуры.

В настоящее время очень важно описать термин *словесность* и классификации речевых сфер общения (видов, жанров и форм) в теориях словесности различных авторов. Как Н. И. Греч и особенно Н. Ф. Кошанский, большинство авторов того времени считали, что риторика получает свой собственный предмет. Ее главным содержанием становится «классификация родов и прозаической словесности с подробным делениӗием на разновидности, с указанием правил применения в них искусств речи, характера содержания и типа использования» [7, с. 15-16]. Мы попытаемся кратко объяснить содержание словесности на материале учебника «Теория словесности» П. В. Смирновского 1913 г., который был написан в поздний период развития теории словесности, но это была кульминация творческого развития данного научного предмета.

В 1804 г. после утверждения нового Университетского Устава с изменением планов учебных занятий появляются новые учебные руководства. Примером таких руководств могут служить учебники А. С. Никольского, И. Борна, И. М. Левитского, Л. Г. Якоба и А. Ф. Мерзлякова. Содержание курса словесности в это время становится предельно широким, то есть в словесность входят всеобщая грамматика и общие и частные искусства речи: логика, русская грамматика и риторика [22]. Затем, особенно после утверждения курса теории словесности в русской школе к 40-м гг. XIX в., появляются другие фундаментальные учебники, например учебники Н. И. Греча, Н. Ф. Кошанского, К. П. Зеленецкого и В. Т. Плаксина, в которых были развиты специальные категории универсального характера: категории родов, видов и форм словесности. В то время данные ученые-словесники осмысляли содержание теоретико-словесного курса как общую основу воспитания культуры личности и построения культуры литературно-письменного языка. Главной целью теоретико-словесного курса стала систематизация сведений, полученных при разборе произведений родной словесности. В. Т. Плаксин в предисловии к своему курсу указывал, что теория словесности «формирует личность и не допускает ложного или одностороннего толкования» [7, с. 29].

Однако в середине XIX в. предмет словесности изменился, то есть он стал ограничен художественной литературой и основное внимание было уделено текстам художественной литературы. В дискуссии 1860-х гг. Ф. И. Буслаев выразил свое понимание известной оппозиции мнений, которую он называл оппозицией схоластиков и беллетристов. Такие термины точно отражали сущность главных противоречий в понимании содержания теоретико-словесного курса: схоласты отстаивали традиционные воззрения на учебный предмет словесности, куда входили грамматика и риторика, а беллетристы предлагали отказаться от риторики и сосредоточиться на изучении жанров поэтики художественной литературы.

Итак, учебник «Теория словесности для средних учебных заведений» П. В. Смирновского 1913 г. мог служить примером таких «беллетристических» руководств. В его учебнике есть такие пассажи, которые могут стать основанием классификации видов словесности: «Литература (письменность) и словесность имеют много общего между собой и обозначают всю совокупность словесных произведений, или произведений слова, созданных человечеством. Произведения эти создаются с древнейших времен, частью записываются, частью сохраняются в устной передаче от одного поколения к другому» [2, с. 7].

По-видимому, ученые, писавшие о словесности в первой половине XIX в., не согласились бы с П. А. Смирновским, поскольку словесность и литература—два разных понятия, которые в классической русской школе четко различались в своем толковании. Предшественники П. А. Смирновского писали, что *словесность* значительно шире *литературы*, поскольку отражает «все произведения слова», в то время как литература—лишь то, что «выражено литерами». И хотя «выраженное литерами», то есть литература, есть высшее достижение слова, употреблять термин *словесность* лишь применительно к художественной литературе – значит существенно ограничивать одно из главных понятий филологической науки. В понятие *словесность* входили лучшие отечественные произведения всех видов слова: и фольклор, и письма, и документы, и разные виды прозы (не только художественная литература, но и научная по разным специальностям, и публицистическая), а сегодня входят также разнообразные устно-письменные тексты массовой коммуникации и Интернета. Художественная литература в таком перечне является всего лишь одним из видов словесности, хотя именно она стала «для

русской словесной культуры основным и наиболее ценимым видом речи» [2, с. 1]. Поэтому «народы дикие имеют язык, но не имеют литературы; а просвещенные по успехам литературы заключают о степени образования народа» [9, с. 4].

Тем не менее фундаментальность учебника П. А. Смирновского невозможно отрицать. В первой части «Теории словесности» П. В. Смирновский дает ясное представление о том, что такое литературный стиль и различные способы выражения мысли: 1) образные средства речи; 2) ритмические строи речи; 3) синтаксические строи речи; 4) словарный состав речи; 5) общие условия слога; 6) формы изложения. Во второй части автор описывает литературные формы и представляет разные виды литературно-художественных произведений с указаниями на литературные образцы. Как написал сам автор во Введении к учебнику, предметом теории словесности будет изучение образцовых сочинений, а это значит, в свою очередь, что теория словесности – это учение о сочинениях. Учебник, в сущности, и построен как книга о литературоведении в современном понимании, только применительно к изучению правил искусств речи, применительно к художественной литературе.

Классификация видов словесных произведений по сравнению с трудами ученых до середины XIX века показывает совсем другую тенденцию. Основное внимание в учебнике П. В. Смирновского уделено видам поэзии. В соответствии с такой классификацией система правил искусств речи окончательно заменена понятиями художественной стилистики, поэтики и эстетики. Из содержания этого учебника можно понять, что к тому времени «теория словесности как курс, обучающий искусствам речи, оказалась разрушенной. Задачей курса стало формирование массового читателя художественной литературы» [7, с. 46].

Поэзия, по определению П. В. Смирновского, – это художественное творчество, которое воспроизводит картину природы или впечатлений от описываемого предмета. В поэзии отражается действительность, но самое главное ее свойство – вымысел, что и является особенностью художественной литературы. Поэзия как часть словесности как раз и классифицируется автором учебника. В учебнике автор последовательно описал разные виды поэтических произведений, то есть под произведениями словесности стали понимать прежде всего произведения художественной литературы, и предмет словесности ограничивался одним ее видом – художественной литературой. Под влияние такой тенденции «занятия словесностью были сведены к чтению и разбору образцов: все характерные особенности литературных стилей, родов и жанров разбирались на конкретном примере. Разбор текста стал, как правило, сводиться к анализу сюжетно-событийной стороны произведения и оценке его идейного содержания. Литературно-художественные тексты стали рассматриваться как средство формирования мировоззрения учащихся, их нравственного и гражданского воспитания» [7, с. 31]. Из этой схемы можно понять, что поэтические тексты бывают трех родов: 1) эпические; 2) лирические; 3) драматические. И в следующем Смирновский перечисляет все формы поэзии с объяснением и образцами, что легко понять школьникам в гимназии.

Принцип классификации видов прозы определен Смирновским не вполне точно и ясно, классификации относятся в основном к литературной прозе. Так, в учебнике перечисляются только три вида прозы: 1) путешествие; 2) повествование; 3) наука. И такая класификация не точна. Автор в своем учебнике пишет, что словесное выражение результатов одной только умственной деятельности называется прозой. Здесь мы будем более подробно анализировать классификацию видов прозы, так как проза является главной частью содержания словесности, а в составе содержания прозы не просто эти формы выражения, о которых пишет Смирновский в учебнике, но есть еще и другие. По мнению Н. И. Греча, «человек, употребляя дар слова, может иметь одну из следующих целей: 1) сообщать другим свои мысли; 2) управлять их волею или деяниями; 3) действовать на чувство или воображение. В первых двух случаях язык его есть проза, в последнем – поэзия» [5, с. 3], так что в состав прозы входят разные виды выражения языка, и содержание прозы не может ограничиться вышесказанными видами.

В XIX в. существовали другие работы, в которых описывались роды и виды словесности, например, «Частная реторика» Н. Ф. Кошанского и «Общая риторика» К. П. Зеленецкого. В учебнике Н. Ф Кошанского описаны пять родов прозы: письма, разговоры (имеется в виду философский диалог как литературный жанр), повествования, ораторство и ученость. В трудах К. П. Зеленецкого дается описание основных родов прозаических сочинений: истории, философии, ораторства – дополнено специальным разделом о деловых бумагах [8]. Таким образом, недостатки существующей у П. А. Смирновского классификации видов словесности состоят в следующем.

Учение о словесности у Смирновского касается только изящной речи (изящной литературы), а никак не касается речи простой. А как мы понимаем, словесность – это словесное творчество в самом широком смысле слова и человек с помощью языка описывает предметы и картины, повествует о человеческих поступках и событиях, выражает мысли и чувства устно и письменно, имея в виду самые разные фактуры текстов словесных произведений. Иначе говоря, содержание родов и видов словесности должно включать в себя все виды слова. Имен-

но такой образ всестороннего научного предмета представал как конечная цель описания всех имеющихся в культуре видов словесности.

Уже у М. В. Ломоносова можно увидеть тенденцию к такому всестороннему описанию разных видов и жанров словесности, хотя «словесностью» он эти классификации еще не называл, полагая, видимо, что это область «оратории»: «...первым образом (прозой) сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим (поэмою) составляются гимны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи» [13, с. 96-97]. Обратим внимание на то, что выдающийся ученый – основатель русской филологической науки разделял прозу и поэзию как раз по критерию реальности / вымышленности содержания текста.

А. Ф. Мерзляков в «Краткой риторике» 1804 г. развернул виды словесности более широким образом – и это был существенный прогресс именно в попытке обозреть словесность целиком: 1) письма; 2) разговоры, или диалоги (письменные, литературные); 3) исторические сочинения (биографии, повествования, описания, истинная и вымышленная история – «романы»); 4) учебные сочинения, включавшие научные руссуждения и учебники; 5) ораторское красноречие (речи политические, судебные, торжественные, духовные, академические).

Получается, что в более позднем учебнике «Теория словесности» 1913 г. не получили всестороннего описания те виды текстов, которые их предшественниками как раз описывались, а именно: 1) письма; 2) тексты политические, судебные, духовные, военные, философские, естественные и математические; 3) периодические издания (календари, альманахи, газеты и журналы); 4) деловые бумаги; 5) энциклопедии и учебники. И это связано с принципиально иной философией словесности, которая с середины XIX в. стала главенствовать в России, когда основным видом словесности стала считаться художественная литература, а главным творцом языка стал поэт-писатель – создатель изящной словесности. Эта тенденция впервые была описана акад. В. В. Виноградовым в книге «О языке художественной литературы» (Виноградов 1930) [4] и подтверждена Ю. В. Рождественским (Рождественский 1978) [19].

2. Принцип классификации видов прозы определен П. В. Смирновским не вполне ясно. Смирновский указывает на различие родов сочинений по цели, предмету и выражению, а также по каким-то иным, не названым им, отношениям. Видно, что количество и содержание видов прозы намного сокращается по сравнению с его предшественниками. Содержание прозы как главная часть словесности, единого принципа разделения видов в то время не было. Так что, по нашему мнению, можно дать классификацию родов прозы в учебнике следующим образом: 1) описание; 2) повествование; 3) рассуждение; 4) ораторская речь. В учебнике «Учебная книга русской словесности» Н. И. Греча насчитывается семь родов прозаических сочинений: 1) письма; 2) разговоры; 3) описания; 4) исторические сочинения; 5) деловые бумаги; 6) учебные сочинения; 7) речи. Он подробно описывает виды писем и исторических сочинений.

П. З. Тимошенко в своем учебнике выделяет два классификационных принципа словесности. Первый из них: «по сущности, то есть содержанию, вызывающему деятельность преимущественно той или другой из душевных способностей». Итак, по этому принципу видов словесности четыре: 1) описание; 2) повествование; 3) рассуждение; 4) текст, непосредственно выражающий чувство и желание (близкий к ораторский речи) [21].

Второй принцип: «по внешней форме, на основании установившегося употребления, вызванного теми или другими условиями и отношениями общественной жизни». И по этому принципу видов словесности пять: 1) монолог; 2) диалог; 3) письмо; 4) деловая бумага (вид письма); 5) речь ораторская.

И. И. Давыдов в «Чтениях о словесности» (1837-1843) дает достаточно сложную классификацию словесности:

1. Словесность как наука («достижение законов изящного в слове») и как искусство («творчество, или произведение творчества, выражающее идею изящного»).

2. Словесность как наука имеет свою философию («творящий дух в его производимости»), историю («явления изящного в творческих созданиях словесных»), критику («способность наблюдать степень приближения образцовых словесных творений к своим идеалам, развитие и облагородствование чувства изящного»).

3. К «науке» относится объективная словесность, которая включает три больших раздела: теория языка; теория изящной речи; теория слога. К области объективной словесности принадлежат грамматика и риторика, рассматриваемые применительно к конкретному языку или народу. К «творчеству человеческого духа» относится субъективная словесность—ее воплощением являются тексты словесности (это уже не «науке»): поэзия и красноречие. Разделение последних базируется на дихотомии «словесные произведения мира действительного» и «мира идеально-возможного, гармонии и идеалов с чувственными образами, мира духовного с подражанием природе в слове» [1, с. 338-347]. Родами красноречия являются история, философия, ораторская речь. Родами поэзии—эпос, лирика, драма .

Учебная грамматика русского языка развивается, и хрестоматийные тексты постепенно станут канонизацией. В русской школе отберут хрестоматийные тесты прежде всего по категориям частной риторики. И часто система видов и жанров словесности является главным принципом отбора хрестоматийных текстов.

Надо отметить, что в категорию частной риторики входит межъязыковой характер и эти категории выступают как сопоставительный эталон. Именно поэтому эти категории формируют не только русскую, но и классическую иностранную хрестоматию, которая восполнит отсутствующие в русской словесности литературные виды и жанры. А это значит, что с помощью теории словесности объединяются разноязычные хрестоматии с грамматикой русского языка и в таком процессе иноязычная культура тоже способствует нормированию русского национального литературного языка.

В содержании теории словесности фактически можно еще отметить этико-философское учение о языковой деятельности. И теория словесности показывает главные правила языковой деятельности, именно на основе этих правил строится отношение между человеком и текстом. Поэтому нужно исследовать содержание словесности, чтобы выяснить смысловые границы тескстов и установить правила и нормы обращения человека с текстами. Теория словесности играет очень важную роль в понимании принципов языковой дидактики руссской школы, потому что с этим курсом связана не только история развития русского литературного языка, но и формирование школьного круга наук. Все это является основой русской национальной культуры и образования. Кроме того, на основе теории словесности можно сформировать «картину всех средств духовной культуры и создать общую этико-философскую систему школьного знания, в котором каждый предмет – а не только художественная литература – будет давать образцы прекрасного поведения: практического и интеллектуального. Поэтому изучение теории словесности важно как для понимания истории культуры, так и для развития современной культуры через совершенствование системы языковой дидактики, школьной и специальной» [7, с. 6].

Библографический список

1. Аннушкин, В. И. История русской риторики. Хрестоматия [Текст] : учебное пособие / В. И. Аннушкин. – 3-е изд., стереотип. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 416 с.

2. Аннушкин, В. И., Костомаров, В. Г. Словесность как научная теория и педагогическая дисциплина [Текст] // Смирновский П. Г. История русской словесности. Теория словесности. СПб., 1913. Репринтное издание. – М. : Информедиа Паблишерз, 2009. – 157 с.

3. Борн, И. Краткое руководство к российской словесности [Текст] / И. Борн. – СПб. : Печатано в типографии Ф. Дрехслера, 1808. – 162 с.

4. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1959. – 656 с.

5. Греч, Н. И. Учебная книга русской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. 2-е изд., испр. Ч. 1-4 [Текст] / Н. И. Греч. – СПб. : тип. Имп. Воспитат. дома, 1830. – 4 т. – 376 с.

6. Давыдов, И. И. Чтения о словесности [Текст] / И. И. Давыдов. – М. : Унив. тип., 1837. – С. XIII-XXV, 1-8, 14-15, 86-92, 96-98.

7. Зарифьян, И. А. Теория словесности: Библиография и комментарий [Текст] / И. А. Зарифьян. – М. : Знание, 1990. – 64 с.

8. Зеленецкий, К. П. Курс русской словесности для учащихся. Части 1, 2, 3. Часть 1-я: Общая риторика [Текст] / К. П. Зеленецкий. – Одесса : тип. Л. Нитче, 1849. – 138 с.

9. Кошанский, Н. Ф. Риторика [Текст] / В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. – М. : Издательский дом «Русская панорама»; Издательство «Кафедра», 2013. – 320 с.

10. Кузин, М. В. Справочные сведения по теории словесности [Текст] / сост. М. В. Кузин, штат. смотритель Харьк. уезд. уч-ща. – Харьков : тип. Губ. правл., 1893. – 20 с.

11. Левитский, И. М. Курс российской словесности для девиц, содержащий в себе Риторику, основания стихотворного искусства, историю российской словесности с биографиею писателей, в оной прославившихся, и славянскую мифологию, сравненную с греческою [Текст] / И. М. Левитский. – Спб., 1812.

12. Ливанов, Н. М. Учебный курс теории словесности [Текст] / Н. М. Ливанов. – Симбирск : типо-лит. А. Т. Токарева, 1897. – 235 с.

13. Ломоносов, М. В. Краткое руководство к риторике – ПСС [Текст] / М. В. Ломоносов. – М.; Л., АН СССР, 1952. – Т. 7. – С. 89-318.

14. Мерзляков, А. Ф. Краткая риторика, или Правила, относящияся ко всем родам сочинений прозаических. В пользу благородных воспитанников Университетскаго пансиона [Текст] / А. Ф. Мерзляков. – М. : В Университетской типографии, 1809. – 100 с.

15. Николъский, А. С. Основания российской словесности. Ч. 1-2 [Текст] / А. С. Николъский. – СПб., 1807.

16. Плаксин, В. Т. Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям [Текст] / соч. Василия Плаксина. – СПб. : тип. Х. Гинце, 1832. – 197 с.

17. Плотникова, О. А. Рождение русской словесности [Текст] / О. А. Плотникова. – М. : Вече, 2015. – 285 с.

18. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности [Текст] / А. А. Потебня. – Харьков : изд. М. В. Потебни, 1905. – 652 с.

19. Рождественский, Ю. В. Общая филология [Текст] / Ю. В. Рождественский. – М. : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 325 с.

20. Словарь Академии Российской [Текст]. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1789-1794.

21. Тимошенко, П. З. Опыт систематического изложения теории словесности [Текст] / соч. П. Тимошенко. – СПб. : А. В. Заленский, 1870. – 219 с.

22. Якоб, Л. Г. Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Генрихом Якобом, изданный от Главного правления училищ [Текст] / Л. Г. Якоб. – Спб., 1811-1817. – Ч. 1-8. – Ч. 6-я, содержащая умозрение словесных наук. 1813. – 105 с.

Reference list

1. Annushkin, V. I. Istorija russkoj ritoriki. Hrestomatija = History of Russian rhetoric. Anthology [Tekst] : uchebnoe posobie / V. I. Annushkin. – 3-e izd., stereotip. – M. : Flinta, Nauka, 2011. – 416 s.

2. Annushkin, V. I., Kostomarov, V. G. Slovesnost' kak nauchnaja teorija i pedagogicheskaja disciplina = Literature as a scientific theory and pedagogical discipline [Tekst] // Smirnovskij P. G. Istorija russkoj slovesnosti. Teorija slovesnosti. SPb., 1913. Reprintnoe izdanie. – M. : Informedia Pablisherz, 2009. – 157 s.

3. Born, I. Kratkoe rukovodstvo k rossijskoj slovesnosti = The brief guide to the Russian literature [Tekst] / I. Born. – SPb. : Pechatano v tipografii F. Drehslera, 1808. – 162 c.

4. Vinogradov, V. V. O jazyke hudozhestvennoj literatury = About fiction language [Tekst] / V. V. Vinogradov. – M. : Goslitizdat, 1959. – 656 s.

5. Grech, N. I. Uchebnaja kniga russkoj slovesnosti ili Izbrannye mesta iz russkih sochinenij i perevodov v stihah i proze, s prisovokupleniem kratkih pravil ritoriki i piitiki i istorii russkoj literatury, izdannye Nikolaem Grechem = The educational book of the Russian literature or the Chosen places from Russian compositions and translations in verses and prose, with adding of short rules of rhetoric and poetry and history of the Russian literature, published by Nikolay Grechem. 2-e izd., ispr. Ch. 1-4 [Tekst] / N. I. Grech. – SPb. : tip. Imp. Vospitat. doma, 1830. – 4 t. – 376 s.

6. Davydov, I. I. Chtenija o slovesnosti = Readings about literature [Tekst] / I. I. Davydov. – M. : Univ. tip., 1837. – S. XIII XXV, 1-8, 14-15, 86-92, 96-98.

7. Zarif'jan, I. A. Teorija slovesnosti: Bibliografija i kommentarij = Theory of literature: Bibliography and comment [Tekst] / I. A. Zarif'jan. – M. : Znanie, 1990. – 64 s.

8. Zeleneckij, K. P. Kurs russkoj slovesnosti dlja uchashhihsja. Chasti 1, 2, 3. Chast' 1-ja: Obshhaja ritorika = Course of the Russian literature for pupils. Parts 1, 2, 3. Part 1st: General rhetoric [Tekst] / K. P. Zeleneckij. – Odessa : tip. L. Nitche, 1849. – 138 s.

9. Koshanskij, N. F. Ritorika = Rhetoric [Tekst] / V. I. Annushkin, A. A. Volkov, L. E. Makarova. – M. : Izdatel'skij dom «Russkaja panorama»; Izdatel'stvo «Kafedra», 2013. – 320 s.

10. Kuzin, M. V. Spravochnye svedenija po teorii slovesnosti = Background according to the theory of literature [Tekst] / sost. M. V. Kuzin, shtat. smotritel' Har'k. uezd. uch-shha. – Har'kov : tip. Gub. pravl., 1893. – 20 s.

11. Levitskij, I. M. Kurs rossijskoj slovesnosti dlja devic, soderzhashhij v sebe Ritoriku, osnovanija stihotvornogo iskusstva, istoriju rossijskoj slovesnosti s biografieju pisatelej, v onoj proslavivshihsja, i slavjanskuju mifologiju, sravnennuju s grecheskoju = The course of Russian literature for maidens comprising Rhetoric, the bases of poetic art, history of the Russian literature with writers' biographies, become famous in it, and the Slavic mythology which is compared to the Greek [Tekst] / I. M. Levitskij. – Spb., 1812.

12. Livanov, N. M. Uchebnyj kurs teorii slovesnosti = Training course of the theory of literature [Tekst] / N. M. Livanov. – Simbirsk : tipo-lit. A. T. Tokareva, 1897. – 235 s.

13. Lomonosov, M. V. Kratkoe rukovodstvo k ritorike – PSS = A brief guide to rhetoric – PSS [Tekst] / M. V. Lomonosov. – M.; L., AN SSSR, 1952. – T. 7. – S. 89-318.

14. Merzljakov, A. F. Kratkaja ritorika, ili Pravila, otnosjashhijasja ko vsem rodam sochinenij prozaicheskih. V pol'zu blagorodnyh vospitannikov Universitetskago pansiona = Brief rhetoric, or rules, regarding all types of prosaic compositions. In favor of noble pupils of University board [Tekst] / A. F. Merzljakov. – M. : V Universitetskoj tipografii, 1809. – 100 s.

15. Nikol#skij, A. S. Osnovanija rossijskoj slovesnosti. Ch. 1-2 = Bases of Russian literature. Part 1-2 [Tekst] / A. S. Nikol#skij. – SPb., 1807.

16. Plaksin, V. T. Kratkij kurs slovesnosti, prisposoblennyj k prozaicheskim sochinenijam = A brief course of literature adapted for prosaic compositions [Tekst] / soch. Vasilija Plaksina. – SPb. : tip. H. Gince, 1832. – 197 s.

17. Plotnikova, O. A. Rozhdenie russkoj slovesnosti = Birth of Russian literature [Tekst] / O. A. Plotnikova. – M. : Veche, 2015. – 285 s.

18. Potebnja, A. A. Iz zapisok po teorii slovesnosti = From notes according to the theory of literature [Tekst] / A. A. Potebnja. – Har'kov : izd. M. V. Potebni, 1905. – 652 s.

19. Rozhdestvenskij, Ju. V. Obshhaja filologija = General philology [Tekst] / Ju. V. Rozhdestvenskij. – M. : Fond «Novoe tysjacheletie», 1996. – 325 s.

20. Slovar' Akademii Rossijskoj = Dictionary of Russian Academy [Tekst]. – SPb. : Pri Imp. Akad. nauk, 1789-1794.

21. Timoshenko, P. Z. Opyt sistematicheskogo izlozhenija teorii slovesnosti = Experience of systematic presentation of the theory of literature [Tekst] / soch. P. Timoshenko. – SPb. : A. V. Zalenskij, 1870. – 219 s.

22. Jakob, L. G. Kurs filosofii dlja gimnazij Rossijskoj imperii, sochinennyj doktorom Ludvigom Genrihom Jakobom, izdannyj ot Glavnogo pravlenija uchilishh = Philosophy course for gymnasiums of the Russian Empire composed by Doctor Ludwig Heinrich von Jakob, published from the Main board of schools [Tekst] / L. G. Jakob. – Spb., 1811-1817. – Ch. 1-8. – Ch. 6-ja, soderzhashhaja umozrenie slovesnyh nauk. 1813. – 105 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10316

УДК 81:39

Ж. К. Гапонова https://orcid.org/0000-0001-9248-226X

Слова с корнем *правд-* в русском языке

Статья базируется на том положении, что языковая семантика служит средством постижения и понимания культуры. Корень *правд-* обладает достаточно большим деривационным и семантическим потенциалом в русском языке, поэтому дает возможность проследить, каким образом менялось смысловое пространство членов корневого гнезда. Многочисленные словообразовательные дериваты с корнем *правд-*, представленные на разных этапах развития языка, рассматриваются как факт значимости лексико-словообразовательного гнезда с доминантой *правда* в языковой картине мира русского человека. Значимость концепта-понятия-лексемы *правда* и его особенности в различные исторические эпохи подтверждается многочисленными фразеологизмами, пословицами, поговорками, цитатами из различных произведений. Историко-лексикологический анализ слова *правда* и его производных, предпринятый в данной статье, показал специфику развития корневого гнезда с вершиной *правд-*. Развитие данного корневого гнезда связано с увеличением количества производных лексем, с одной стороны, с сокращением некоторого количества производных и их полным исчезновением из языка – с другой. На современном этапе развития языка зафиксировано меньше производных слов с корнем *правд-*, чем в Древней Руси, однако жизнеспособность лексем с рассматриваемым корнем доказывается тем, что на каждом этапе образовывались и продолжают образовываться новые слова, при этом некоторые лексемы с рассматриваемым корнем становились знаковыми для соответствующей эпохи. Особое внимание уделяется дериватам, появившимся в 2000 годах, и их оценочному компоненту в семантике – *правдочка, правдоруб*, а также выражениям *правдивая правда*, *фэндомная правда*. Примеры употребления рассматриваемых дериватов приводятся из национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: семантика, словообразовательные дериваты, словообразовательное гнездо, языковая картина мира, корень правд-.

Zh. K. Gaponova

Words with a Root *Pravd-* in the Russian Language

The article is based on that situation that language semantics is a means to comprehend and understand culture. The root *pravd-* (true) has rather high derivational and semantic potential in Russian, therefore gives the chance to track how the semantic space of root nest members changed. Numerous word-formation derivatives with a root *pravd-* presented at different stages of the language development, are considered as the fact of the importance of a lexical-family of words with a dominant *pravda* (truth) in the language picture of the world of the Russian person. The importance of a concept-notion-lexeme p*ravda* (truth) and its features during various historical eras is confirmed by numerous phraseological units, proverbs, sayings, quotes from various works. The historical and lexicological analysis of the word p*ravda* (truth) and its derivatives undertaken in this article showed specifics of development of a root nest with the top *pravd-*. Development of this root nest is connected with increase in quantity of derivative lexemes, on the one hand, and with reduction of quantity of derivatives and their total disappearance from the language – on the other hand. At the present stage of the language development there are recorded less derivative words with the root *pravd-* than in Ancient Russia, however the viability of lexemes with the considered root is proved that at each stage there were formed and are being formed new words, at the same time some lexemes with the considered root became significant for the corresponding era. Special attention is paid to the derivatives which appeared in 2000 and their estimated component in semantics – *pravdochka*, *pravdorub* and also expressions *the truthful truth, fandom truth*. Examples of the use of the considered derivatives are given from the Russian National Corpus.

Keywords: semantics, word-formation derivatives, a family of words, a language picture of the world, a root *pravd-*.

Языковая семантика служит средством постижения и понимания культуры. Вслед за лингвистами, занимающимися изучением исторических корневых гнезд как комплексных единиц языка, мы неоднократно отмечали, что с точки зрения диахронии особенно показательны словообразовательные гнезда, имеющие достаточно большое количество производных единиц и известные уже на ранних стадиях развития языка.

«Диахроническое и синхронное состояния языка неразрывно связаны между собой, и эта связь отражает соотношение процесса и результата, воспринимаемого на определенном этапе дальнейшего развития процесса» [6, с. 42]. Историческое словообразовательное гнездо является «сложной системой, состоящей из диахронных ярусов, по которым распределяются лексемы в соответствии с определенными периодами истории» [20, с. 98]. Корень *правд-* обладает достаточно большим деривационным и семантическим потенциалом в русском языке, поэтому дает возможность проследить, каким

© Гапонова Ж. К., 2019

образом менялось смысловое пространство членов корневого гнезда.

К лексеме *правда* неоднократно обращались лингвисты, ставя, как правило, перед собой задачу проследить, «с чем в древнем сознании ассоциировалось понятие правды, с какими значениями связаны современные значения лексемы правда» [11, с. 356], определить когнитивные признаки концепта. Дискурсивный анализ слова *правда* осуществил А. Н. Баранов, который выделил пять значений лексемы правда: 1) «правда как отождествление»; 2) »правда как закон»; 3) «как важно быть серьезным»; 4) «подтверждение предположений»; 5) »другая правда» [2, с. 68]. В данной статье нами предпринят историко-лексикологический анализ слова *правда* и его производных.

Сама лексема *правда* приобретает для русского человека концептуальное значение, поскольку тесно связана с верой в Бога, с взаимоотношениями в обществе: «практически все сферы человеческой жизнедеятельности в большей или меньшей степени сопряжены с феноменом правды» [11, с. 355]. Кроме того, слово фиксируется в ранних памятниках письменности, что свидетельствует о ее древнейшем происхождении.

О концептуальной значимости полисеманта *правда* свидетельствуют многочисленные фразеологизмы и устойчивые словосочетания, показывающие употребление слова в разных сферах жизни человека и появившиеся еще в древнерусском языке: *въ правдѣ, въ правду* – ‘по закону, справедливости, в соответствии с законами’; *на всеи правдѣ своеи* – ‘на своих условиях’; *правда дати* – ‘поклясться’; *по правдѣ, по божьеи правдѣ* – ‘справедливо, подобающим образом’ и другие. В современном языке данные выражения или не сохранились, или остались, частично видоизменившись.

Кратко обозначим развитие корневого гнезда с вершиной *правд-* на разных хронологических срезах. При этом сразу отметим, что развитие данного корневого гнезда связано с увеличением количества производных лексем, с одной стороны, с сокращением некоторого количества производных и их полным исчезновением из языка – с другой. Следует отметить, что рассматриваемое словообразовательное гнездо активно развивается.

Есть две точки зрения на происхождение лексемы *правда*. Большинство этимологов склоняются к мысли, что *правда* – производное с суффиксом *-ьда* от основы **правъ*, которая восходит к индоевропейскому диалектному **prōwos* и родственно латинскому *pravus* ‘кривой, неловкий, испорченный, неправильный’ (ср. лит. *prõ* ‘мимо’) [18]. Однако О. Н. Трубачев пишет: «Вообще о слове *правда* написано немало умозрительного, причем не было сделано попытки приблизиться к пониманию такого важного его реального значения, как «судебные действия, юридическая процедура», которые явствуют из деривации **pravьda*←**praviti*, как, впрочем, и из древних контекстов» [18].

Слово *правда (правьда)* в значении ‘правда, истина’ уже было представлено в памятниках старославянской письменности XI века [12, т. 18, с. 96]. Существительное *правьда* в древнерусском языке являлось многозначным (в данной статье перечислим только основные значения), при этом смысловой потенциал лексемы был более широк по сравнению со старославянским языком (ср. в старославянском языке *правда* определялась как этическая категория справедливости): 1) ‘истина’, 2) ‘справедливость как свойство праведника; праведность, благочестивость’; 3) ‘справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали и права; праведные деяния; исполнение божественных заповедей’ (*Подобьно есть намъ исплънити вьсаку правьду*. Остр. Ев. 1057 г.) 4) ‘правдивые, справедливые слова, речи’, 5) ‘правота, отсутствие вины’ (*Они же рѣша: Господине княже! Богъ съ тобою и правда твоя, нѣсть бо вины твоеа предь ними, что убо у тебя хотять ростовци*. Ник. лет. X); 6) ‘установление, правило закон’ (*И аще кто въ той седми вселенскими соборы утвержденой правдѣ пребудетъ, спасенъ будетъ… а кто отступитъ… погибнет во вѣки*. Суб. Мат. IV, 203. 1666 г. 7) ‘договор, условие договора’ (*А того же лѣта, на зиму, князь Василеи Васильевичь, скопилъ силу велику, и поиде ратью на князя Гюргя дядю своего, а чрѣз мирную руку и правду*. Псков. лет., 1558г.); 8) ‘суд, судебное испытание’ (*Искавше ли послуха не налѣзуть, а истьця начнеть головою клепати, то <да>ти имъ правду желѣзо*. Правда Рус. (пр.), ~ XII в.); 9) ‘дела, важные обстоятельства’ [12, т. 18, с. 96-99].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» насчитывается около 25 слов с основой *правд-*. Среди них преобладают существительные: *правдивость, правдивствие, правдивье, правдодѣльник, правдодѣльство, правдолюбецъ, правдолюбитель, правдолюбство, правдоначальникъ, правдословие, правдьство* и др. [12, т. 18, с. 96-101]. Как видно, с точки зрения словообразования преобладали слова, образованные путем сложения: *правдотворение, правдодеяние, правдодаяние, правдознание* и другие.

Большинство из перечисленных лексем имеют прямое значение, в котором содержится сема ‘честный, относящийся к истине’. Однако, кроме основной семы, выделяются в некоторых лексемах и дополнительные компоненты значения: ‘отсутствие вины’ (*правда, правдословие*), ‘закон’ (*правдоначальникъ, правдознатнѣ*), ‘судебное дело’ (*правдати, правдословие*), ‘добрые, благочестивые дела’

(*правдодѣльство, правдодѣяние*), ‘любовь к правде’ (*правдолюбецъ, правдолюбство*), часто обусловленные вторым корнем в сложных словах или аффиксом.

В Древней Руси слово *правда*, по мысли Т. И. Вендиной, «начинает постепенно закрепляться в мире правовых отношений, ассоциируясь с человеческим судом и мирскими делами» [4, с. 135]. Можно обнаружить, что некоторые производные слова с анализируемым корнем связаны прежде всего с религиозными представлениями человека (*правдиво* – ‘праведно, благочестиво’; *правдивствие* – ‘праведность’; *правдодаяние* в значении ‘благодение, милостыня Христа ради’; *праведный* в значении существительного ‘праведник’; *правдивье* в значении ‘праведность’: *Егда отвратити праведнаго от правдивья его и створити неправду, вся правдивья его, яже створи, не въспомянутьс<я>* (Хрон. Г. Амарт., 152. XIII-XIV вв. ~ XI вв.) [12, т. 18, с. 100]. Другую группу дериватов включают слова, в значении которых актуализируется сема ‘относящийся к суду, закону, свидетельствованию’ (*правдати* – ‘свидетельствовать’, *правдоначальникъ* – ‘основоположник, создатель права, законности’; *правдословие* – ‘мотив, основание, оправдывающее возбуждение иска’).

В XVIII–XIX вв. «Правда по-прежнему трактуется как этическая, регулятивная категория <…> на ее былую связь с юридической сферой указывает лишь значение с пометой ист. ‘название средневековых сводов законов: Русская Правда’» [4, с. 137-138]. Некоторые значения слова *правда* утратились, остались наиболее популярные: ‘справедливость’ (*Европа увидит, на чьей стороне правда и месть великодушная, на чьей лютость и стыд.* Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 9 (1816-1820), ‘истина’ (*Я ей сказывал, что на нашей стороне скучно; она же мне в ответ: «Да, это правда, поповой Аннушки нет».* И. И. Лапин. Дневник (1819) [10]. Очевидно, что правовое поле *правды* становится значительно уже морального [4, с. 138]. Возможно, истинное правосудие, а следовательно, и настоящая правда, была за Божьим судом, то есть относилась к религиозной, духовной области, а не к правовой.

Категория правды по-прежнему продолжает играть значительную роль в жизни общества, этим объясняется большое количество генерируемых народом фразеологических оборотов и выражений. В. И. Даль приводит такие поговорки, фразеологизмы, присказки и т. д., содержащие лексему *правда*: *Без правды жить легче, да помирать тяжело. Он на правду черт. Над правдой не мудруй. Не в силе Бог, а в правде. Дело знай, а правду помни* и другие.

Многие выражения продолжают тенденцию Древней Руси связывать правду с Божьим законом (с упоминанием Бога): *У Бога правда одна. Не в силе Бог, а в правде. Бог тому дает, кто правдой живет* (ср. «Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своею сохой, и как бы он ни дурманил себя водкой, все же, приглядываясь к нему поближе, чувствуешь, что в нем есть то нужное и очень важное, …он верит, что главное на земле – правда, и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость» А. П. Чехов). Есть выражение, косвенно постулирующее связь с сакральным, божественным (без упоминания, но с отсылкой, что на Божьем суде все неправедные поступки припомнятся): *Без правды жить легче, да помирать тяжело. Он на правду черт.* В обществе религия играла по-прежнему важную роль, в том числе и как нравственный регулятор, то есть честный человек, живший *по правде*, приравнивался в определенной степени к праведнику. С темой религии связаны и выражения, содержащие упоминания об апостолах Петре и Павле: *Была правда у Петра и Павла. Пришла правда не от Петра и Павла, а от Воскресения в Кадашах. Правда к Петру и Павлу ушла, кривда по земле пошла.* Интересны факты противопоставления правды и кривды (оба слова в данном случае актуализируют свое исконное словообразовательное значение – связь с прилагательными *правый* и *кривой*): *по правде тужим, а кривдой живем*. Уже на вербальном уровне озвучивается нежелание некоторых людей следовать Божьему закону, иметь свою правду, что в Древней Руси не было отчетливо выражено в слове. Кроме того, многие выражения постулируют избранность только некоторых: истину знают лишь посвященные, неправды на земле больше. Правда перестает соотноситься лишь с сакральными ценностями, приближается к дольнему противопоставлению: есть правда и неправда (кривда). В некоторых выражениях появляется фигура царя (*Царю пуще правда нужна. Царю правда лучший слуга*). Авторитет царя был велик в народе; царь воспринимался как наместник Бога на земле, он и отождествлялся долгое время в народе с носителем истинной правды.

В XIX веке активно начинают развиваться товарно-денежные отношения, появляются мелкие и крупные торговцы (предприниматели). В сфере торговли активно употребляются выражения со словом *правда*, при этом в языке известно несколько таких сочетаний: *Дело помни, а правды не забывай. Кто правдой живет, тот добро наживет. Торгуй правдою, больше барыша будет*. Как видим, восприятие правды по сравнению с предыдущим периодом развития языка смещается с религиозно-

го аспекта в сторону межличностных отношений, в том числе в товарно-денежную сферу.

Многочисленную группу выражений представляют фразы, репрезентирующие представления народа о том, что правда спасает в любых ситуациях: *Правда со дна моря выносит; Правда из воды, из огня спасает*. Категория правды по-прежнему мыслится как основополагающая для жизни человека, ибо без нее невозможно существовать.

Некоторые выражения, зафиксированные В. И. Далем, свидетельствуют о том, что говорить честно подчас сложно: *Велика святорусская земля, а правде нигде нет места! За правду плати, и за неправду плати. Правду говорить – себе досадить.* Данные примеры показывают, что отчетливо выраженной в межличностных отношениях становится оппозиция *правда/ложь*.

Обилие народных выражений, по мысли Т. И. Вендиной, говорит о том, что «человек ощущал ее [правды] отсутствие в реальной жизни» и воспринимал ее как что-то родственное и дорогое [4, с. 139].

В современном языке некоторые из вышеприведенных выражений сохранились, например: *Правду, что шило в мешке, – не утаишь.* В измененном виде функционирует в языке выражение *Правды в тебе нет* (ср. у В. Даля: *В нем правды нет, совести*).

Как отмечает Т. И. Вендина, «язык настойчиво призывает человека любить правду» [Вендина 2007: 136]. Категория правды отделяется от правовой сферы, однако в религии продолжает играть ведущую роль.

Закрепляется употребление слова *правды* (истинно) как наречия и как уступительного союза в значении ‘хотя’.

Можно выделить такие семы среди производных слов с корнем *правд-*: ‘любовь к правде’ (*правдолюбие, правдолюб*), ‘говорящий честно, соответствующе истине’ (*правдоречивый, правдивый*), ‘сходство с действительностью’ (*правдоподобие, правдоподобный*).

В языке появляются новые слова, не зафиксированные словарями ранее: *правдоподобный*, *правдоподобие*, *правдоречивый, правдосудие* и *правдосудство* в значении ‘церк. правосудие’.

В постреволюционное время в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова фиксируется около десятка слов с основой *правд-*: *правда, правдивость, правдист, правдистка, правдолюбие, правдоподобие, правдивый, правдистский, правдолюбивый.*

Правда воспринимается как абстрактное понятие. Само же слово *правда* продолжает быть многозначным: 1) ‘то, что соответствует действительности, истина’; 2) ‘правдивость, правильность’; 3) ‘идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга’; 4) ‘правота’ (разг.); 5) ‘название кодексов средневекового права (истор.) (*Русская Правда*)’; 6) в знач. сказуемого; 7) в знач. вводного слова.

В советское время страна находилась в тяжелом положении: политическая нестабильность, духовный кризис общества, смена ценностей и их навязывание властью. Т. И. Вендина считает, что в переломные моменты человек стремится к правде, так как ощущает в ней что-то постоянное, стабильное, поэтому актуализируются созданные ранее выражения, например, *Правда-матка, матушка.* [4, с. 139]. Правда для человека остается духовно-нравственным ориентиром, поэтому в моменты сомнений, неизвестности он стремится к постоянству, о чем свидетельствуют активно употребляющиеся выражения: *правду резать; смотреть правде в глаза; что правда, то правда; жить правдой; истинная правда* и другие.

Правда как идеал и образ жизни нашла свое отражение в выражениях *искать правды, стоять за правду, жить правдой.* Актуализируется стремление людей к любой правде, в том числе к неприятной: *правда глаза колет*. Популярным становится выражение *пострадать за правду*, так как в связи со сменой авторитетов и идеологии правда во многом не принималась властью. Отсюда появляется тесная связь правды со страданием, лишением, что актуально для советской эпохи.

Особый феномен этого времени – газета «Правда», с помощью которой распространялись декреты, идеологические догмы. Название имеет символический смысл: авторитет царя и Бога перешел правительству, правда, соответственно, тоже. Теперь источником правды служила эта газета. О значимости данного издания свидетельствует то, что в языке появилось три производных слова: *правдист, правдистка, правдистский*. Все они содержат сему ‘относящийся к газете «Правда»’. Газета имела огромное влияние на сознание человека, была простым средством манипуляции и навязывания новых идеалов, поэтому на какое-то время действительно информация из газеты воспринималась как единственно истинная. Ю. Жуков, бывший одним из редакторов газеты «Правда», отмечал, что в советский период существовало слово *правдизм*, употреблявшееся в качестве синонима к «преданности революции и идейной стойкости» [8, с. 84]. По словам Жукова, распространение информации из данной газеты было обязательным, об этом свидетельствует следующий факт: было предусмотрено прочтение газеты рабкором, если неграмотные люди не могли сделать этого сами. *Правдистом* называли не только человека, относящегося к редакции газеты, а также сторонника политического курса РСДРП(б) в

1912-1914 гг., то есть якобы несущего правду (*Живет под Одессой правдист всем известный Матрос Железнов – Айзенштадт.* Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1932-1942) [10].

Религиозная семантика словообразовательного гнезда с вершиной *правда* становится формальной, правду как базовую ценность используют в качестве инструмента управления народными массами.

В «Большом академическом словаре русского языка» фиксируются следующие производные (около 20) от основы *правд-*: *правдоподобность, правдочка, правдоподобие, правдоборец, правдоборчество, правдоискатель, правдоискательство, правдолюб, правдолюбец, правдолюбица, правдист, правдистка, правдоподобный, правдашний (разг), правдивый, правдоборческий, правдоискательский, правдолюбимый, правдистский, правдоподобно, правдиво* [БАСРЯ 19, с. 417-424].

Новыми образованиями являются слова с семой ‘поиск правды’ (*правдоискатель, правдоискательский*), а также ‘борьба за правду’ (*правдоборец, правдоборчество)*. Закрепление и актуализация этих слов в языке говорят о том, что в обозначенный период люди особенно нуждались в правде. Как видим, процесс поиска правды цикличен: это случалось и на ранних этапах развития языка. Теперь, если исходить из языковых данных, за правду стали бороться.

Среди производных слов можно выделить и другие значимые семы: ‘любовь к правде’ (*правдолюб, правдолюбица*), ‘подобный правде’ (*правдоподобность, правдоподобие*), ‘относящийся к газете «Правда»’ (*правдист, правдистский*). Очевидно, что отношение человека к нравственно-этической категории правды обостряется: он находится в ее поисках, активно за нее борется, а также любит правду, то есть всячески к ней стремится. «Настойчивое повторение во многих дериватах с корнем *правд-* мотива справедливости говорит о том, что нравственным императивом русской культуры является требование справедливости как Божьей Правды» [4, с. 144].

В настоящее время в языке выделяется слово с неодобрительной коннотацией, что раньше словарями не фиксировалось: *правдочка* – ‘о точке зрения, взгляде на что-либо, ограниченных личным опытом и соответствующим личным интересом’ (*Да кто же правды боится? – рассуждал Шапов. – Страшна не правда, а правдочка.* Левакоская. Сент. *Правда распалась на правдочки. Так что, решил Костя, все эти бытовые правдочки и есть правда жизни.* Кассирова Е. Л. Пирожок с человечинкой) [10]. В языковом сознании человека отчетливо фиксируется мысль о том, что правда у каждого своя, каждый имеет право на свое мнение, особенно в ситуации обилия разных мнений, некоторые из которых абсурдны. Структура самого слова (уменьшительный суффикс *-очк-*) фиксируется взгляд людей на. Правдочка есть правда, но бытовая, основанная лишь на чьем-то единичном мнении, соответственно, *правдочка* не претендует на абсолютную достоверность. При таком восприятии правды не случайно появление в разговорной речи парадоксальных с точки зрения смысла выражения *правдивая правда* (https://twitter.com/Pravdiva_pravda), которое дает понять, что в обществе есть «другая» правда и словосочетания *фэндомная правда*, отражающего «языковой вкус эпохи».

В переломные моменты истории человек начинает мыслить масштабнее, часто сравнивая и анализируя прошлые исторические периоды, то есть становится характерно мышление эпохами, так появляется выражение *правда эпохи.* Правда приобретает качественные характеристики, она становится мерилом человеческих поступков (*святая правда, горькая правда)*: хорошим человеком считается тот, кто говорит правду, и наоборот. Когда существует много преходящих авторитетов, народ нуждается в ком-то одном, поэтому человек вновь возвращается к религиозным догмам: правда одна и она от Бога – *святая правда*. Познав крах былых ценностей и идеалов, человек формирует емкое выражение, фиксирующее мнение, что правду говорить и сложно, и быть она может жестокой, неприятной и т. д. – *горькая правда* (ср. *лучше горька правда, чем сладкая ложь*).

Сема ‘относящийся к правде, истине’ в слове *правда* перестала восприниматься как связанная с божественным началом (*Политик может говорить, что «народ» должен знать правду, а журналист заявлять, что его долг – всем предоставлять слово.* Александр Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата» // «Отечественные записки», 2003. *Без фокусов остаться с собою наедине – и спросить себя кое о чем, не боясь огорчить правдивым ответом.* И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999).

С начала 2000-х годов стало популярно разговорное слово *правдоруб* ‘говорящий правду прямо, безапелляционно’, активно употребляющееся в печатных и интернет-изданиях. Достаточно часто слово *правдоруб* представлено в прямом значении (*Даже блокировки сайтов не помогут: можно закрыть один сайт или посадить одного «правдоруба», но тут же появится множество других «интернет-зеркал» и новых борцов за правду.* Сергей Уваров. Голливуд провозгласил «Пятую власть» // Известия, 2013.10.14. *Напарник Андрея – Максим – в прошлом оперуполномоченный, ушедший из «органов» из-за конфликтов с начальством. Жесткий практик и принципиальный правдоруб. Он, в отличие от Андрея, очень хорошо ориентируется в ре-*

альной жизни. Ангелина Русских. Ради любимой поджигал автомобили по названию марок, чтобы получилось «I love you» // Комсомольская правда, 2010.06.22.).

В Интернете появился сайт «ПравдоРУБ» (а также группа с соответствующим названием в социальных сетях), на котором представлены правдивые новости России, Украины, Беларуси и мира. Благодаря графической актуализации части слова (*РУБ*) лексема получает двойное смысловое наполнение: правда о том, что происходит в указанных странах – острые политические, экономические вопросы и противоречия, к которым приковано внимание всего мира.

Об актуальности слова в настоящее время говорит и его появление в названиях компаний, например: *Юридическая компания «ПРАВДОРУБ» занимается оказанием юридических и консалтинговых услуг в г. Москва физическим и юридическим лицам и готова взять на себя решение задач любой сложности.* [http://pravdoryb.ru]. В таком контексте лексема актуализирует свое прямое значение – ‘тот, кто говорит правду’. Аналогичное употребление можно наблюдать в названии новостного портала «*Правдинформ*» (http://trueinform.ru/News.html), приложения вКонтакте «*Правдоруб*» (http://www.vkontakte-x.ru/prilojeniya/pravdorub.php), в употреблении псевдонима Иван *Правдоруб* (блог неравнодушного человека: http://ipravdorub.ru): «*Конечно, Иван Правдоруб – это всего лишь псевдоним. Однако он в полной мере соответствует моему жизненному кредо. Ведь помимо сочинительства я еще и журналист, и популярный блогер*».

Однако современные контексты употребления лексемы *правдоруб* показывают, что слово довольно часто употребляется с отрицательной коннотацией. Так, в рассуждениях Петра Ковалева можно найти этому подтверждение: «Истоки *правдорубства* в конфликтности, бестактности, эгоизме и отсутствии доброты к человеку. *Правдорубство* – танковый метод доведения собственной “правды” <…> *Правдорубство* находится вне разумности, практичности и доброты, поэтому является проявлением глупости, эгоизма, бездушия и невоспитанности» [Ковалев].

Часто с помощью лексемы *правдоруб* выражается пренебрежительная оценка, например: *Не то, что наши кондовые правдорубы с кристально чистыми руками и честными сердцами оппозиции, точь-в-точь, как КГБ эпохи СССР* (Сергей Роганов. Квартирный вопрос или пиар: что портит Москву и страну? // Известия, 2014.06.10); *Полиция задержала «милиционера-правдоруба» Михаила Евсеева и двух его сообщников…* (Владимир Баринов. Экс-милиционер Евсеев задержан за подкуп офицеров ФСИН // Известия, 2012.04.17) [10]. В последнем контексте слово получает отрицательную коннотацию, оказываясь рядом с лексемой *сообщники*.

По аналогии с лексемой *правдоруб* лексема *правдолюб* в некоторых контекстах оказывается рядом со словами, девальвирующими исконное значение последней: *Правдолюб – известная скандальная личность в православном рунете* (коллективный. Форум: Мир, в котором девушки не хотят замуж. Обсуждение статьи (2012) [10].

Правдорубом называют человека, который выдает ложные сведения за абсолютную истину или который борется с какой-то пустяковой проблемой, когда есть более важные (*Вы, правдорубы, все с коричневой или красной чумой боретесь, но, может быть, если быть правдивым до конца, стоит начать не то что борьбу, а крестовый поход против заокеанской звездно-полосатой чумы?!* Сергей Роганов. Бездомная «правда» российских критиков Победы // Известия, 2014.05.10) [10].

Таким образом, на современном этапе развития языка зафиксировано меньше производных слов с корнем *правд-*, чем в древней Руси, однако жизнеспособность слов с рассматриваемым корнем доказывается тем, что на каждом этапе образовывались новые слова.

Библиографический список

1. Абакумова, О. Б. Пословичный концепт правда и деонтические нормы русскоязычной языковой личности [Текст] / О. Б. Абакумова // Русская речь в современном вузе: Материалы Седьмой международной научно-практической интернет-конференции / отв. ред. д. п.н., проф. Б. Г. Бобылев. 20 ноября 2010 – 10 января 2011 г., ОрелГТУ. – Орел : ОрелГТУ, 2011. – С. 3-7.

2. Баранов, А. Н. Множественность «правд» как фактор формирования структуры значения лексемы правда [Текст] / А. Н. Баранов // Русистика сегодня. – М. : Институт русского языка РАН, 1994. – № 1. – С. 67-73.

3. БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка: В 30 т. [Текст] / под ред. К. С. Горбачевича. – СПб. : Изд-во «Наука», 2004-2018.

4. Вендина, Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры [Текст] / Т. И. Вендина. – М. : Институт славяноведения РАН, 2007. – 336 с.

5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978-1980.

6. Дмитриева, О. И. Диахрония, синхрония, динамика: проблема синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем [Электронный ресурс] / О. И. Дмитриева // Вестник Волгоградского

государственного университета. – 2012. – № 2 (16). – С. 42-46. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/diahroniya-sinhroniya-dinamika-problema-sinhronno-diahronnogo-issledovaniya-slovoobrazovatelnyh-podsistem

7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразоват. [Текст] : В 2 т. Т. 1. – М. : Русский язык, 2000. – 1209 с.

8. Жуков, Ю. Улица «Правды», 24 [Текст] / Ю. Жуков // Юность, 1972. – № 5. – С. 83-86.

9. Ковалев, П. Правдорубство [Электронный ресурс] / П. Ковалев. – Режим доступа: https://podskazki.info/pravdorubstvo/.

10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html.

11. Смирнова, Е. Е. Концепт «правда» в русском языковом сознании (на материале фольклорных текстов, толковых и фразеологических словарей современного русского языка) [Текст] / Е. Е. Смирнова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2010. – № 5 (1). – С. 355-361.

12. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст] / гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1975-2000. – Вып. 1-25.

13. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: «Терра», 1996.

14. Улуханов, И. С. О языке древней Руси [Текст] / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1972. – С. 71.

15. Улуханов, И. С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка [Текст] / И. С. Улуханов // Исследования по историческому словообразованию. – М. : Изд-во РАН, 1994. – 200 с.

16. Черников, М. В. Концепты «правда» и «истина» в русской культурной традиции [Текст] / М. В. Черников // Общественные науки и современность, 1999. – № 2. – С. 164-175.

17. Чуньюй, МА, Цзяцзюнь, Чжан Концепт «правда» (по данным национального корпуса русского языка) [Текст] / МА Чуньюй, Чжан Цзяцзюнь // Историческая и социально-образовательная мысль, 2015. – Том 7. – № 2. – С. 51-54.

18. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд [Текст] / под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1985. – Вып. 12.

19. Юридическая компания Правдоруб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravdoryb.ru.

20. Яцкевич, Л. Г. «Словарь исторических корневых гнезд»: опыт составления [Электронный ресурс] / Л. Г. Яцкевич, И. Е. Колесова // Вестник Череповецкого государственного университета, 2015. – № 3. – С. 97-101. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/slovar-istoricheskih-kornevyh-gnezd-opyt-sostavleniya

Reference list

1. Abakumova, O. B. Poslovichnyj koncept pravda i deonticheskie normy russkojazychnoj jazykovoj lichnosti = Proverbial concept truth and deontic norms of the Russian-speaking language personality [Tekst] / O. B. Abakumova // Russkaja rech' v sovremennom vuze: Materialy Sed'moj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii = The Russian speech in modern higher education institution: Materials of the Seventh international scientific and practical Internet conference / otv. red. d.p.n., prof. B. G. Bobylev. 20 nojabrja 2010 – 10 janvarja 2011 g., OrelGTU. – Orel : OrelGTU, 2011. – S. 3-7.

2. Baranov, A. N. Mnozhestvennost' «pravd» kak faktor formirovanija struktury znachenija leksemy pravda = Plurality of «truths» as a factor for forming the structure of value of a lexeme truth [Tekst] / A. N. Baranov // Rusistika segodnja. Rusistika segodnya – M. : Institut russkogo jazyka RAN, 1994. – № 1. – S. 67-73.

3. BASRJa – Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka: V 30 t. = BADR – Big Academy dictionary of Russian: In 30 v. [Tekst] / pod red. K. S. Gorbachevicha. – SPb. : Izd-vo «Nauka», 2004-2018.

4. Vendina, T. I. Iz kirillo-mefodievskogo nasledija v jazyke russkoj kul'tury = From Kirill-Mefodii's heritage in the Russian culture language [Tekst] / T. I. Vendina. – M. : Institut slavjanovedenija RAN, 2007. – 336 s.

5. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: T. 1-4 = Explanatory dictionary of the living great Russian language: V. 1-4. [Tekst] / V. I. Dal'. – M. : Russkij jazyk, 1978-1980.

6. Dmitrieva, O. I. Diahronija, sinhronija, dinamika: problema sinhronno-diahronnogo issledovanija slovoobrazovatel'nyh podsistem = Diachrony, synchronism, dynamics: a problem of synchronous and diachronic researches of word-formation subsystems [Jelektronnyj resurs] / O. I. Dmitrieva // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Volgograd state university, 2012. – № 2 (16). – S. 42-46. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/v/diahroniya-sinhroniya-dinamika-problema-sinhronno-diahronnogo-issledovaniya-slovoobrazovatelnyh-podsistem

7. Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka: Tolkovo-slovoobrazovat. = New dictionary of Russian: Sensible and word-formation [Tekst] : V 2 t. T. 1. – M. : Russkij jazyk, 2000. – 1209 s.

8. Zhukov, Ju. Ulica «Pravdy», 24 = Street «Pravda», 24 [Tekst] / Ju. Zhukov // Junost' = Yunost, 1972. – № 5. – S. 83-86.

9. Kovalev, P. Pravdorubstvo = Pravdorubstvo (truth telling) [Jelektronnyj resurs] / P. Kovalev. – Rezhim dostupa: https://podskazki.info/pravdorubstvo/.

10. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = Russian National Corpus [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html.

11. Smirnova, E. E. Koncept «pravda» v russkom jazykovom soznanii (na materiale fol'klornyh tekstov, tolkovyh i frazeologicheskih slovarej sovremennogo russkogo jazyka) = Concept «Pravda» in the Russian language consciousness (on the material of folklore of folk

texts, explanatory and phraseological dictionaries of modern Russian) [Tekst] / E. E. Smirnova // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2010. = Bulletin of Nizhny Novgorod university named after N. I. Lobachevsky, 2010. – № 5 (1). – S. 355-361.

12. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of Russian of the XI-XVII centuries. [Tekst] / gl. red. S. G. Barhudarov. – M. : Nauka, 1975-2000. – Vyp. 1-25.

13. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. = Explanatory dictionary of Russian: In 4 v. [Tekst] / pod red. D. N. Ushakova. – M.: «Terra», 1996.

14. Uluhanov, I. S. O jazyke drevnej Rusi = About language of ancient Russia [Tekst] / I. S. Uluhanov. – M. : Nauka, 1972. – S. 71.

15. Uluhanov, I. S. Sostojanie i perspektivy izuchenija istoricheskogo slovoobrazovanija russkogo jazyka = State and prospects of studying historical word formation in the Russian language [Tekst] / I. S. Uluhanov // Issledovanija po istoricheskomu slovoobrazovaniju = Researches on historical word formation. – M. : Izd-vo RAN, 1994. – 200 s.

16. Chernikov, M. V. Koncepty «pravda» i «istina» v russkoj kul'turnoj tradicii = Concepts «truth» and «realness» in the Russian cultural tradition [Tekst] / M. V. Chernikov // Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Obschestvennye nauki i sovremennost 1999. – № 2. – S. 164-175.

17. Chun'juj, MA, Czjaczjun', Chzhan Koncept «pravda» (po dannym nacional'nogo korpusa russkogo jazyka) = Concept «truth» (according to the Russian National Corpus) [Tekst] / MA Chun'juj, Chzhan Czjaczjun' // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' = Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl 2015. – Tom 7. – № 2. – S. 51-54.

18. Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov: Praslav. leks. Fond = Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund [Tekst] / pod red. O. N. Trubachjova. – M. : Nauka, 1985. – Vyp. 12.

19. Juridicheskaja kompanija Pravdorub = Pravdorub law firm [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://pravdoryb.ru.

20. Jackevich, L. G. «Slovar' istoricheskih kornevyh gnezd»: opyt sostavlenija = «Dictionary of historical root nests»: experience of drawing up [Jelektronnyj resurs] / L. G. Jackevich, I. E. Kolesova // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets state university, 2015. – № 3. – S. 97-101. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/v/slovar-istoricheskih-kornevyh-gnezd-opyt-sostavleniya

Дата поступления статьи в редакцию: 18.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10317

УДК 81’42

И. А. Суханова https://orcid.org/0000-0003-4000-0112

Интертекстуальные связи романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»

Настоящая статья – третья из серии работ, посвященных анализу текстовых перекличек романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». Рассматриваются мотивы, связанные с образами Ростанева в повести Достоевского и Живаго в романе Пастернака. Персонажи не похожи друг на друга, однако выполняют аналогичные роли в проекции на архетипический сюжет о змее и змееборце. Этого сходства, разумеется, недостаточно для того, чтобы считать младший текст зависимым от старшего, однако сходными оказываются трансформации архетипического сюжета в двух текстах. Так, в обоих произведениях «в плену у змея» (то есть в зависимости соответственно от Фомы Опискина и Комаровского) оказывается не только героиня, но и герой. В старшем тексте отыскивается «зерно» «разделенного» между ними «змееборчества», ярко выраженного в младшем тексте: в повести Достоевского Сашенька заявляет, что Фому Фомича надо застрелить из двух пистолетов, в романе Пастернака Лара действительно стреляет в Комаровского. При этом в другом отношении Лара соответствует не Сашеньке, а Насте. В обоих произведениях обнаруживается ряд «ложных змееборцев» (Обноскин, Мизинчиков, Коровкин, Сергей у Достоевского; Стрельников, Ливерий, Гинц у Пастернака), причем на «змееборчество» претендует и сам «змей». Так, Фома Опискин якобы призван спасти Ростанева от его мнимых пороков, Настю от Ростанева, обитателей Степанчикова от невежества и т. п., а Комаровский претендует на роль спасителя не только Лары и ее дочери, но и Стрельникова, и доктора. Сопоставление фрагментов текста выявляется и общий для Ростанева и Живаго мотив, уже не так тесно связанный с архетипической ситуацией: оба персонажа в повседневной жизни не похожи на героев, производят впечатление людей безвольных, кроме того, подвергаются от окружающих незаслуженному порицанию за несуществующие грехи. При этом наблюдается характерное для структурной организации текста «Доктора Живаго» дробление мотива, передача элементов претекста от одного персонажа к другому; при этом несходство ситуаций и персонажей представляется принципиальным.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, роман «Доктор Живаго», стихотворение «Сказка», Ф. М. Достоевский, повесть «Село Степанчиково и его обитатели», интертекст, интратекст, архетипический сюжет, трансформации мотивов.

I. A. Sukhanova

Intertextual Relations of B. L. Pasternak’s Novel «Doctor Zhivago» with F. M. Dostoyevski’s Story «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants»

This article is the third of the series of articles concerning the intertextual relations of B. L. Pasternak’s novel «Doctor Zhivago» and F. M. Dostoyevski’s story «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants» («Selo Stepanchikovo i yego obitateli»). We examine the motifs connected with the characters of Rostanev in Dostoyevski’s story and Zhivago in Pasternak’s novel. The characters have nothing in common but carry out parallel roles in the projection of both texts on the archetypical plot of the Knight and the Dragon. Certainly it is not enough to believe that there is intertext between two texts but we see the same transformations of the archetypical plot in them. So in the both texts we find the motif of the «shared captivity» between the hero and the heroin (the dependence accordingly of Foma Opiskin and Komarovski) in the elder text appears the «grain» of the «shared dragon-fighting» – a motif strongly developed in the younger one. In Dostoyevski’s story Sashenka declares that Foma Fomich is worth *killing with two pistols*, in Pasternak’s novel Lara really tries to *shoot* Komarovski. But in other respects Lara corresponds not with Sashenka but with Nastya. In each work we see several false «dragon-fighters» (Obnoskin, Mizinchikov, Korovkin, Sergei in Dostoyevski’s story; Strelnikov, Liveri, Hinz in Pasternak’s novel). Even «the dragon» himself claims to be a «dragon-fighter». So Foma Opiskin claims to save Rostanev of his imaginary sins, to save Nastya of Rostanev and also the inhabitants of Stepanchikovo of their own ignorance; Komarovski pretends to be a savior not only of Lara and her daughter but also of Strelnikov and Zhivago. A comparison of texts fragments reveals a motif common to two characters but not strongly connected with the archetypical plot: in everyday life they do not look like heroes, seem to be passive and suffer wrong blame for non-existent sins. We can observe the common for the text structure of «Doctor Zhivago» motif subdivision, a transfer of the pretext elements from one character to another, and unlikeness of the characters in this case appears to be of principle.

Keywords: B. L. Pasternak, the novel «Doctor Zhivago», the poem «A Tale» («Skazka»), F. M. Dostoyevski, the story «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants» («Selo Stepanchikovo i yego obitateli»), intertext, intratext, archetypical plot, transformations of the motifs.

Мы продолжаем рассматривать текстовые переклички романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». Отсылки к повести Достоевского разбросаны по всему тексту романа по принципу варьирования группы мотивов. (Данное явление, характерное для романа Пастернака, мы подробно рассматривали в монографии [8] на примерах свя-

© Суханова И. А., 2019

зей с рядом других произведений русской классической литературы и в статье [5], где анализировались переклички романа с эпопеей Л. Н. Толстого «Война и мир»).

В настоящей работе мы обратимся к интертекстам, связанным с образами Юрия Андреевича Живаго и Егора Ильича Ростанева.

Как уже отмечалось в двух предыдущих статьях [6, 7], независимо от несходства персонажей двух произведений сходными оказываются связанные с ними ситуации: так, Комаровский у Пастернака и Фома Опискин у Достоевского, по сути дела, распоряжаются жизнью посторонних для них людей, тем или иным путем оказавшихся у них в зависимости; поэтому, проецируя тексты на архетипический сюжет змееборчества, того и другого можно рассматривать как аналог *змея, чудища, дракона* архетипической ситуации. Соответственно аналогом змееборца (*всадника, конного)* оказываются в одном случае – полковник Ростанев, в другом – доктор Живаго, «змееборчество» которого подчеркивается параллелью в стихотворении «Сказка» из стихотворной части романа.

Герои двух произведений носят, практически, одно имя (*Георгий=Егорий=Егор=Юрий*). Однако различий между героями больше, чем сходства. Живаго – врач, поэт и философ, интеллектуал; он прекрасно понимает, что представляет собой его противник Комаровский, и старается, пока возможно, избегать контактов с ним. Ростанев – гусарский офицер, «*никогда и ничему не учился*», «*ничего не знал*», при этом всегда благоговел перед наукой и литературой. Вследствие сочетания этих особенностей Ростанев и принимает Фому Опискина, невежественного болтуна и демагога, одержимого манией величия, за интеллектуала и великого человека и попадает к нему в зависимость, несмотря на изредка проявляемые, все-таки, попытки сопротивления.

Подобно герою стихотворения «Сказка», и Живаго, и Ростанев в определенный момент вступают в открытую схватку со своими противниками: в повести Достоевского подробно описывается, как полковник выбрасывает Фому из дома и тот скатывается по ступеням во двор; в романе Пастернака вскользь сообщается о том, что доктор спустил Комаровского с лестницы. В двух предыдущих статьях [6, 7] мы подробно рассматривали переклички, связанные с этим эпизодами.

«Трансформации сюжета» (см. [1]) о змееборце, то есть отклонения от архетипической схемы, сходны в двух произведениях. Так, и Живаго, и Ростанев оказываются змееборцами не особенно успешными: Фома Опискин не только возвращается в дом полковника, но и укрепляет свое положение домашнего тирана; Комаровский приезжает в Варыкино и увозит Лару от доктора навсегда.

В обоих произведениях имеет место, по выражению Б. М. Гаспарова [2, с. 73], «разделенное «невольничество» героя и героини.

Отметим, что в «Докторе Живаго» «змееборчество» также разделено между героем и девицей. Лара-пленница сама берет на себя «подвиг змееборчества» – стреляет в Комаровского. (В [6] мы рассматривали эпизод с выстрелом в этом плане.) Таким образом, имеет место еще одна вариация мотива, и выстрел Лары (при всех других ассоциациях), может быть, еще одним вариантом той же попытки избавиться от «змея», что и в дальнейшем – попытка доктора, спустившего Комаровского с лестницы.

В интертекстуальном плане эпизод ее выстрела в Комаровского соотносят, в первую очередь, с эпизодом из другого произведения Достоевского – выстрелом Дуни в Свидригайлова в «Преступлении и наказании» [9]; с точки зрения варьирования мотивов мы рассматривали эту перекличку в монографии [8]. Однако, по нашим наблюдениям, проекция на один претекст, как правило, не противоречит в «Докторе Живаго» проекциям на другие претексты. На наш взгляд, в плане проекции на «Село Степанчиково…» выстрел Лары перекликается с «*открытым восстанием*» дочери Ростанева Сашеньки, девочки-подростка, которая говорит, что Фому надо вызвать на дуэль и убить: «*На дуэль бы его вызвала да тут бы и убила из двух пистолетов…*» [3, с. 72]. Лара в Дуплянке, учась стрелять, видимо, неосознанно готовится к чему-то подобному: «*…предпочитала легкий Родин револьвер. Она пристрелялась из него до большой меткости и в шутку жалела, что она женщина и ей закрыт путь дуэлянта-бретера*» [4, с. 87]. Сослагательное наклонение в реплике Сашеньки, возможно, отзывается в сожалениях Лары. Сашенька – главная защитница отца: «*Я папочку защищаю, потому что он сам себя защитить не умеет*» [3, с. 72]. Здесь, возможно, находится «зерно» «разделенного невольничества и змееборчества» в «Докторе Живаго», с характерной вариацией: Лара может соответствовать и Насте, и Сашеньке, потому что обе они «разделяют невольничество» «змееборца» Ростанева.

Общей для двух произведений оказывается ситуация, когда на роль змееборца претендует сам «змей» (см.нашу работу [6]), при этом истинный змееборец оказывается либо якобы объектом спасения, либо ему приписываются свойства «змея». Комаровский избавляет Лару от судебного преследования после выстрела, в Юрятине и в Варыкине он является к Ларе и доктору, также претендуя на роль «спасителя»: «*Подумайте о вашем спасении, а то будет поздно*» [4, с. 472]. Собирается он спасать и Стрельникова («змееборца» по определению): «*Он уверяет, что все мы втроем, то есть ты, Патуля и я, в смертельной опасности и что только он*

может спасти нас, если мы его послушаемся» [4, с. 469]. Приехав в Варыкино, Комаровский уже делает акцент на заботу о судьбе Катеньки: «*Надо спасать жизнь ребенка …*» [4, с. 502].

Сравним с претензиями Фомы на роль «спасителя»: «*Убедили дядю и в том, что Фома ниспослан ему самим Богом для спасения души его и для усмирения его необузданных страстей…* « [3, с. 18-19]; свое стремление изгнать из дома Настю Фома объясняет так: «*Оттого-то и видели вы мое тогдашнее желание удалить ее из этого дома: я хотел спасти ее …* « [3, с. 181]; «*… я слишком убивался о судьбе и счастье этого дитяти…*» [3, с. 181]. То есть «змей» претендует на роль «спасителя» и «змееборца», причем в двух последних примерах роль «змея» он пытается приписать истинному «змееборцу».

Заметим, что в обоих сравниваемых произведениях есть и другие претенденты на роль «спасителя». Персонажи «Села Степанчикова» постоянно порываются кого-то *спасать*. Так, чтобы «*наделать разных чудес и подвигов*», едет в Степанчиково племянник Ростанева: «*Я решился ехать в Степанчиково, желая не только вразумить и утешить дядю, но даже спасти его по возможности <…>*« [3, с. 25]; «*Во что бы то ни стало дядю надо было спасти!*» [3, с. 136]. Мизинчиков, излагая Сергею свой план похищения Татьяны Ивановны, заявляет: «*Да я, напротив, делаю вашему дядюшке величайшее одолжение: спасаю его …* « [3, с. 123]. И Настя «*надеется его спасти своим отъездом от брака с Татьяной Ивановной*» [3, с. 133]. То есть объектом защиты и спасения оказывается сам реальный «змееборец», причем на это есть основания: он сам находится в плену у «змея». Татьяна Ивановна в последнем примере отождествляется с той силой, которая угрожает Ростаневу, хотя чаще сама выступает в роли объекта пленения и спасения.

Мать Обноскина приписывает роль спасителя Татьяны Ивановны своему сыну: «*Татьяна Ивановна, видя, что против нее у вас замышляют, что ее губят, сама вверилась Павлуше. Она сама просила его, так сказать, спасти ее от ваших сетей …*» [3, с. 153]. То есть Обноскин, как и Фома, претендует на роль «змееборца» (приписывая при этом роль «змея» Ростаневу), в то время как в реальности оказывается аналогом «змея», хотя несостоятелен в обеих ролях. (Отметим и то, что имя Обноскина – *Павел*, так же зовут и Антипова-Стрельникова в «Докторе Живаго»).

Однако действительно «*спасать*» – Татьяну Ивановну от Обноскина – бросается, не раздумывая, Егор Ильич: «*Нельзя же, брат, оставить ее так, на произвол судьбы, в жертву; это, так сказать, долг…*» [3, с. 147] **,** – говорит полковник. (Ср.: «*Получив на муку / В жертву эту дань*» – [4, с.594]). Соратниками героя-»змееборца» оказываются, приобщаясь таким образом к «змееборчеству», Мизинчиков, который собирался сделать именно то, что сделал Обноскин, укравший у него идею; племянник Сергей, комплексующий из-за того, что ему «*проклятые двадцать два года*», и, наконец, неуклюжий Бахчеев. Снижена до откровенной комичности и вся ситуация: похититель ничтожен, похищенная полубезумна, взывает же она о защите к толстому и неповоротливому Бахчееву: «*Татьяна Ивановна, заплаканная и как будто испуганная, вскрикнула и протянула к господину Бахчееву руки, как бы умоляя его о защите …*» [3, с. 145]. Ситуация мольбы о защите и отклика на нее героя повторяется в доме, куда Обноскин привез похищенную: «*Татьяна Ивановна робко приподняла голову, посмотрела на него сквозь пальцы и вдруг, заливши слезами, бросилась к нему на шею.//- Ах, увезите, увезите меня отсюда скорее!- говорила она рыдая, – скорее, как можно скорее!//<…>//- Значит, все кончено,- сказал дядя, сухо обращаясь к Обноскину и почти не глядя на него. – Татьяна Ивановна, пожалуйте вашу руку. Едем!*» [3, с. 151].

У Пастернака сходная ситуация не несет ни малейшего снижения: *«… сила <…> жалующаяся и зовущая на помощь…*» [4, с. 71] в сцене в гостинице, когда Юра в первый раз видит Лару; в Юрятине перед визитом Комаровского «*Лара расплакалась, попыталась упасть перед доктором на колени…*» [4, с. 469]; реакция доктора: «*Я с тобою. Если нужно, если ты мне прикажешь, я убью его*» [4, с. 469].

Отметим еще одну перевернутую – по сравнению со старшим текстом – ситуацию: полковник *увозит* Татьяну Ивановну из убогой деревни Мишино, куда временно поместил ее Обноскин, а Комаровский является «спасителем» в Варыкино, в лесную глушь, где надеялись скрыться Лара и доктор, и *увозит* Лару от доктора. «Спаситель» в «Докторе Живаго», оказываясь ложным, при этом меняется местами с истинным «змееборцем». Обратим внимание и на мотив *увоза* в повести Достоевского: «*хочу увезти Татьяну Ивановну…*» [3, с. 117]; «*… а если предложить ей увоз …* « [3, с. 118]; «*Похитив ее <…> вы увезете ее …*» [3, с. 122]; «*А ведь когда я увезу ее ночью…*» [3, с. 123]; «*Татьяна Ивановна была очень довольна, что мы ее увезли, но все еще плакала*» [3, с. 154].

Надо заметить, что в повести Достоевского *бунт* против Фомы назревает с первых страниц. Сначала бунтует Бахчеев – сосед Ростанева, персонаж комический; он уезжает из гостей, возмущенный некорректными замечаниями «*Фомки треклятого*» о его комплекции. Крестьяне, перепуганные слухом о том, что их якобы отдают Фоме Фомичу, обращаются к полковнику с просьбой не делать этого. Сам полковник пытается объяснить, что Фома «*ей-богу, несправедлив в этом случае*» [3, с. 69] – когда тот обижается на Ростанева, пригласившего в гости

своего бывшего начальника-генерала. Бунтует старый камердинер Гаврила, который осмеливается заявить в глаза Фоме, что тот «*…такой злющий, как, то есть, должен быть настоящий фурий*» [3, с. 92]; «*Да это бунт!*» [3, с. 93] – заключает Фома. Бунтует Сашенька: «*Да я б его разорвала в куски, вашего Фому Фомича! На дуэль бы его вызвала да тут бы и убила из двух пистолетов…* « [3, с. 72]. Даже благоразумный и хитрый Мизинчиков предлагает «*пожалуй, в крайнем случае, поколотить Фому Фомича …*» [3, с. 123]. Сергей (рассказчик), увидев обстановку в доме дяди, «*горел желанием как-нибудь связаться с Фомой, сразиться с ним, как-нибудь нагрубить ему поазартнее <…> Я искал случая …*» [3, с. 87]. Действительно, он высказывает согласие «*с мнением Гаврилы*» и заявляет, что Фома *пьян*. «*...надо восстать и пойти против всех…*» [3, с. 141], «*…плюнуть на их резоны и стереть Фому в порошок …*» [3, с. 140], «*А если Фома заговорит – немедленно его выгнать из дому и стереть его в порошок*» [3, с. 141], – призывает он дядю. Свое столкновение с Фомой Сергей называет «*побоищем*»: «*…в той же комнате, где произошло мое побоище с Фомой Фомичом …*» [3, с. 99]. Заметим, что и полковник воспринимает племянника (очередного претендента на «змееборчество») как избавителя: «*Точно как будто я своим приездом избавил и его самого от какой-то смертельной опасности…*» [3, с. 40].

Впрочем, те же надежды полковник питает и относительно некоего Коровкина, своего случайного знакомого: «*...ты один у меня… ты и Коровкин*» [3, с. 46]; «*-Да чем же тут поможет Коровкин, дядюшка? // – Поможет, друг мой, поможет <…> Я на него как на каменную гору надеюсь: побеждающий человек!»* [3, с. 49]. «*Побеждающий человек*» является уже после всех событий, связанных с изгнанием и возвращением Фомы, и оказывается «*совершенно пьяным*» господином в «*необыкновенно истасканном*» фраке «*в пуху и сене*» [3, с. 191], которого остается только отправить спать.

Однако в повести Достоевского, при всем снижении ситуации, Ростанев оказывается единственным реальным «змееборцем» среди обитателей Степанчикова. Он возвращает в дом похищенную Обноскиным Татьяну Ивановну; он готов и впредь не давать ее в обиду охотникам до приданого («*Но если кто осмелится теперь обидеть Татьяну Ивановну, о! тогда…*» [3, с. 196]), а затем выбрасывает зарвавшегося «*приживальщика*» Фому, когда тот задевает честь Насти.

В «Докторе Живаго» на роль «змееборца» наиболее активно претендует Стрельников. Лара еще в юности возлагает на него задачу ее освобождения от власти Комаровского: «*Я всегда в опасности. Если ты меня любишь и хочешь удержать меня от гибели, не надо откладывать, давай обвенчаемся скорее. – Но это мое постоянное желание, – перебил он ее*» [4, с. 90]. Однако суть дела Лара ему не открывает, и он узнает подробности только после венчания: «*Утром он встал другим человеком, почти удивляясь, что его зовут по-прежнему»* [4, с. 111] – отныне роли змееборца подчинена вся его жизнь. Он считает своим долгом «*после трех лет брака снова завоевать ее* [Лару]», и в конце концов «*… весь ушел в революцию, чтобы полностью отплатить за все, что она выстрадала …*» [4, с. 518]. «*Но мне казалось, – еще не вся свобода завоевана. Вот я ее сначала добуду, и тогда я весь принадлежу им* [Ларе и дочери]*, мои руки развязаны. И вот мои построения пошли прахом*» [4, с. 519]. «Змееборец» и «избавитель» оказывается ложным – он не только оставляет без поддержки Лару и дочь – под предлогом их же защиты, но готов пожертвовать ими и именно из-за него они подвергаются особой опасности. Лара так объясняет нежелание Стрельникова встречаться с ней: «*Мировой пролетариат, переделка вселенной, это другой разговор, это я понимаю. А отдельное двуногое вроде жены там какой-то, это так, тьфу, последняя блоха или вошь*» [4, с. 339]. Парадоксально возникает ассоциация с психически ненормальным партизаном в отряде Ливерия, Памфилом Палых, убившем *из жалости* свою семью. Памфил – также ложный змееборец: «*Одолевает нас белопогонная гадина. <…> Достанутся они в лапы поганому*» [4, с. 394]; «*Чтобы избавить их от будущих страданий и сократить свои собственные, он в неистовстве тоски сам их прикончил*» [4, с. 415]. Ложным змееборцем оказывается и Ливерий. Доктор говорит ему: «*Властители ваших дум <…> укоренились в привычке освобождать и осчастливливать особенно тех, кто об этом не просит. <…> Наверное я еще должен благословлять вас и спасибо вам говорить за свою неволю …*» [4, с. 380-381]. В этом же ряду и комиссар Гинц: «*В то время как родина, истекая кровью, последним усилием старается сбросить с себя гидрою обвившегося вокруг нее врага…*» [4, с. 156] – характерный пример его риторики.

Таким образом, отступление от инварианта (см. нашу статью [7]) в обоих произведениях не только в неполной победе «змееборца» над «змеем», в необходимости пересмотреть результаты этой победы, но и в том, что и сам герой находится в плену у «змея», и в наличии нескольких «змееборцев» помимо основного и истинного, и в попытках «змея» поменяться с ним местами. У Достоевского эти отступления выражены больше: и претендентов на «змееборчество» оказывается множество, и герой остается в плену, хотя благодаря своему «подвигу» освобождает от гонений девицу и соединяется с ней. У Пастернака герой теряет женщину (с которой он разделяет «невольничество», а она с ним – «змееборчество»), но не в результате попытки освобождения – стычка с Комаровским ничего не изменила, потому и не описана – события

идут так, как идут, повлиять на их ход невозможно. Однако в Эпилоге, в мыслях Лары над гробом доктора, утверждается все же истинное «змееборчество» героя: именно «*при мысли о Юрии и в недолгие промежутки жизни вблизи его*» ей удавалось испытывать «*счастье освобождения*» [4, с. 560], то есть свою задачу «змееборца» (поставленную еще перед подростком: «*И что теперь Юре делать?*» [4, с. 71], сцена в гостинице) доктор все-таки выполнил.

Но есть переклички между образами рассматриваемых персонажей и за пределами архетипического сюжета: в повседневной жизни и Ростанев, и Живаго отнюдь не напоминают героев, более того, производят впечатление людей слабых и бесхарактерных.

Тоня в своем прощальном письме к доктору, перечисляя все, что дорого ей в нем, «*все выгодное и невыгодное*», упоминает «*талант и ум, как бы занявшие место начисто отсутствующей воли*» [4, с. 467]. В чем же выражается знаменитое безволие доктора? «*– Я никогда никого в жизни не убеждал и не неволил. В особенности близких*» [4, с. 471], – говорит доктор в ответ на предложение Комаровского убедить Лару согласиться на отъезд. Сам же он согласен на ее отъезд потому, что действительность такова, что вместе им не остаться: «*Кого-то из нас наверняка лишат свободы и, следовательно, так или иначе все равно разлучат. Тогда, правда, лучше разлучите вы нас и увезите их куда-нибудь подальше, на край света. Сейчас, когда я говорю вам это, все равно дела идут уже по-вашему*» [4, с. 503]. В ситуации Живаго волевые действия бессмысленны, это подчеркнуто тем фактом, что стычка с Комаровским оказывается «за кадром», действительно: спустил врага с лестницы – и ничего не изменилось. Дело не в том, что доктор непрактичен, не может взять себя в руки, подчинить, наконец, кого-то, заставить себе служить – для последнего он слишком по-человечески относится к другим людям. Дело в том, что его мир разрушен (он «не от мира сего») и время против таких людей, как он и Лара – для них нет выхода (судьба Лары аналогична: она уезжает с Комаровским, с ним она несчастна, теряет дочь; возвращается в Москву – и пропадает без следа, как множество людей в России). В дальнейшем – эмигрировать Живаго не хочет (то есть и это для него не выход), не хочет, видимо, и того, чтобы его семья попала в тот же ставший чужим мир на родине, поэтому хлопоты его о возвращении семьи или собственном выезде не активны, за что его упрекает Вася Брыкин: «*Доктор ходил по разным ведомствам. <…>/Вася удивлялся тому, как холодны и вялы эти хлопоты. <…>/Вася все чаще осуждал доктора. Тот не обижался на его справедливые порицания*» [4, с. 533].

Друзья, подверженные «*политическому мистицизму советской интеллигенции*» [4, с. 540], читают ему мораль: «*Согласен ли ты, что тебе надо перемениться, исправиться? Что ты собираешься сделать в этом отношении? <…> Кроме того, стыдно, чтобы без пользы пропадал такой человек, как ты. Тебе надо пробудиться от сна и лени, воспрянуть, разобраться без неоправданного высокомерия, да, да, без этой непозволительной надменности, в окружающем, поступить на службу, заняться практикой*» [4, с. 541]. (Заметим, что в *высокомерии* ранее обвинял доктора и *партизанский начальник* Ливерий [4, с. 379]). Суть его реакции на критику друзей, когда он думает про себя: «*…о, как безнадежно ординарны вы и круг, который вы представляете <…> Единственно живое и яркое в вас это то, что вы жили в одно время со мной и меня знали*» [4, с. 539], отнюдь не в *высокомерии* и *надменности*, а в том, что он понимает: друзья не считали бы его опустившимся, если бы он был «как все», а их «личное» мнение о нем на самом деле – с чужого голоса.

Насмехается над бывшим барином «*пошедший в гору*» при новой власти бывший дворник Маркел, который теперь ему покровительствует. Доктор для него и «*ворона*», и «*раззява*», и «*курицыно отродье*». «*Сколько на тебя денег извели! Учился, учился, а какой толк? <…> А нешто я тебе повинен, что ты не выдался. <…> Сам на себя пеняй*» [4, с. 535].

Ситуация незаслуженного порицания присутствует, и даже сильнее выражена, в повести Достоевского – здесь, с подачи Фомы Опискина, активно ругают Егора Ильича Ростанева. Полковника порицают за такие грехи, каких у него никогда не было, приписывают свойства, в том числе и прямо противоположные его натуре (в частности, *высокомерие* и *надменность*). Фома «*укорял и стыдил непокорного «бесчеловечным» его поведением, довел его до искренних слез, почти до отчаяния.*» [3, с. 12]; «*…тотчас же доказали дяде, что он груб, нетерпелив, невежествен и, главное, эгоист в высочайшей степени. <…> Убедили дядю и в том, <…> что он горд, тщеславится своим богатством*» [3, с. 18-19].

Впрочем, мать Ростанева, генеральша Крахоткина, всегда была им недовольна: «*Маменька <…> укоряла его в эгоизме, в неблагодарности, в непочтительности …*» [3, с. 8]. Теперь же, активно поддержанная Фомой, она обрушивает на сына обвинения одно нелепей другого: «*… ты растерзал мои внутренности!*» [3, с. 13]; «*Оттого, что ты мрачный эгоист, Егорушка…*» [3, с. 67]; «*– А за то, что ты завистлив, Егорушка…*» [3, с. 70]. Крахоткина повторяет формулировки, изобретенные Фомой, который без конца упрекает Егора Ильича: «*Вы слишком надменны со мной, полковник*» [3,

с. 90]; «*…вы феноменально завистливы!*» [3, с. 91]; «*Но вы так постоянно чванились передо мною своим чином полковника …*» [3, с. 107]; «*Вы самолюбивы, необъятно самолюбивы!*» [3, с. 109]; «*Вы эгоист и даже мрачный эгоист…*» [3, с. 109]; «*… я знал ваш эгоизм, ваше неограниченное самолюбие, ваше феноменальное сластолюбие …*» [3, с. 180]; «*Зная необузданное стремление страстей ваших…*» [3, с. 180]. Позволяет себе отчитать хозяина дома и наиболее бесцеремонная из приживалок его матери: «*Случалось, что девица Перепелицына <…> считала своей обязанностью прочесть наставление полковнику://– Это оттого, что вы непочтительны-с. Это оттого, что вы эгоисты-с, оттого вы и оскорбляете маменьку-с …*» [3, с. 14].

Эти обвинения ничего общего с действительностью не имеют. «*Карету, лакеев и кресла содержал непочтительный сын, посылая матери последнее, закладывая и перезакладывая свое имение, отказывая себе в необходимейшем, войдя в долги, почти неоплатные по тогдашнему его состоянию, и все-таки название эгоиста и неблагодарного сына осталось при нем неотъемлемо*» [3, с. 9]. Племянник Ростанева (рассказчик) дает ему такую характеристику: «*Трудно было себе представить человека смирнее и на все согласнее*» [3, с. 7] (сравним с пресловутым безволием Живаго); «*Мало того, что дядя был добр до крайности – это был человек утонченной деликатности, несмотря на несколько грубую наружность, высочайшего благородства, мужества испытанного. Я смело говорю «мужества»: он не остановился бы перед обязанностью, перед долгом и в этом случае не побоялся бы никаких преград. Душою он был чист как ребенок*» [3, с. 17]; «*Иной бы назвал его и малодушным, и бесхарактерным, и слабым. Конечно, он был слаб и даже уж слишком мягок характером, но не от недостатка твердости, а из боязни оскорбить, поступить жестоко, из излишнего уважения к другим и к человеку вообще*» [3, с. 18]. То есть в реальности это человек почти идеальный, если бы не тот существенный недостаток его характера, что он «*…чрезвычайно легко вверялся другим и в этом случае был далеко не без ошибок*» [3, с. 18]. Поэтому полковник легко верит и всем возводимым на него обвинениям: «*Бедный дядя очень скоро уверовал в глубину своего падения, готов был рвать на себе волосы, просить прощения… //- Я, братец, сам виноват,- говорил он бывало, кому-нибудь из своих собеседников, во всем виноват!*» [3, с. 19]; «*… все это от испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоист и без удержу отдаюсь страстям моим. Так и Фома говорит*» [3, с. 196].

Юрий Живаго, в отличие от полковника Ростанева, отнюдь не простодушен и не наивен, он понимает, что окружающие далеко не во всем правы, когда порицают его. Доктор остается независимым и, несмотря на обличения, знает себе цену. В ч. 6, гл. 5 дается формула, объясняющая все последующее «безволие» доктора: «*Но доктор видел жизнь неприкрашенной. От него не могла укрыться ее приговоренность. Он считал себя и свою среду обреченными»* [4, с. 206]. И далее: «*Он понимал, что он пигмей перед чудовищной махиной будущего…*» [4, с. 207].

Однако самобичеванию предается другой персонаж романа Пастернака – Стрельников: «*Это была болезнь века, революционное помешательство эпохи. <…> Каждый с основанием мог чувствовать себя во всем виноватым, тайным преступником, неизобличенным обманщиком. Едва являлся повод, разгул самобичующего воображения разыгрывался до последних пределов. <…>//<…> Теперь сам он* [Стрельников] *был одержим сходным припадком саморазоблачения, всего себя переоценивал, всему подводил итог, все видел в жаровом, изуродованном, бредовом извращении*» [4, с. 513]. То есть Стрельников, это «*воплощение воли*», человек отнюдь не простодушный, но прямолинейный, поддался чужим представлениям, в какой-то мере подобно наивному Ростаневу. (Сравним: «*Дядя <…> уже сознавал себя полным преступником*» [3, с. 182]). Заметим, впрочем, что происходит это под давлением объективно действующей и куда более страшной силы, чем невежественный и самовлюбленный *приживальщик* Фома Опискин.

И Живаго, и Ростанев покорны судьбе, но до определенного предела. О «безволии» Живаго уже шла речь. Достаточно вспомнить эпизод с изгнанием Комаровского, с чего и начиналось наше рассмотрение перекличек двух произведений, и то, как Живаго не допускает, чтобы тот «*устраивал его судьбу*». Да и тот факт, что доктор так и не подчиняется всеобщему «*политическому мистицизму*», не впадает ни в конформизм, как его друзья, ни в самобичевание, как волевой Стрельников, никак не говорит о каком-то безволии. Да и способен ли человек без воли пройти пешком путь от Урала до Москвы? Способен ли попытаться поменять все-таки жизнь, когда на это нет никаких сил – ведь умирает он по дороге на работу, куда все-таки устроился?

Рассказчик в повести Достоевского замечает: «*Я знал и слепо верил, что дядя ни за что не отступит от того, что раз признал своею обязанностью; но мне как-то не верилось, чтоб у него достало силы восстать против своих домашних*» [4, с. 140]. Однако аналогом полковника в романе Пастернака может выступать не столько сам доктор – человек все осознающий, рефлексирующий, мыслящий независимо, а его отец, «*известный богач, добряк и шелапут, уже наполовину невменяемый*» [4, с. 21]. В плане же полной подчиненности чужо-

му влиянию отец доктора может напоминать не только полковника (который никак не *шелапут* – мотивы варьируются), но его мать, полностью подчинившуюся влиянию Фомы. То, что Живаго (косвенно) и Ростанев оказываются в зависимости от недостойных людей – происходит по формуле, выведенной Ларой в начале отношений с Комаровским: «*И над сильным властвует подлый и слабый*» [4, с. 56].

Подчеркнем однако, что если противник Ростанева – в первую очередь – Фома, то для Живаго все зло сосредоточено не в Комаровском. Противник доктора – по определению непобедимый, это сама историческая действительность, доктор живет не в свое время («*Но сейчас идет другая драма*» – стихотворение «Гамлет»), и против этого сделать ничего нельзя, только перестать быть самим собой, а это для него невозможно, или не быть вообще.

Таким образом, мы снова наблюдаем варьирование мотивов претекста в романе Пастернака, повторение этих мотивов в связи с непохожими друг на друга персонажами.

Библиографический список

1. Власов, А. С. «Стихотворения Юрия Живаго». Значение поэтического цикла в общем контексте романа Б. Л. Пастернака [Текст] / А. С. Власов // Литература в школе, 2001 – № 8. – С. 2-8.

2. Гаспаров, Б. М. Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт) [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 272 с.

3. Достоевский, Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 635 с.

4. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго [Текст] : роман / Б. Л. Пастернак. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 702 с.

5. Суханова, И. А. Об одном литературном прообразе Памфила Палых [Текст] / И. А. Суханова // Пастернаковский сборник: статьи, публикации и воспоминания. Вып. 2 / редкол. А. Л. Оборина, Е. В. Пастернак. – М. : РГГУ, 2013. – С. 192-202.

6. Суханова, И. А. Общие мотивы и языковые средства создания образов персонажей Пастернака и Достоевского [Текст] / И. А. Суханова // Верхневолжский филологический вестник, 2018 –№ 4. – С. 120-127.

7. Суханова, И. А. Своеобразие текстовых перекличек романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» [Текст] / И. А. Суханова // Верхневолжский филологический вестник, 2018. – № 3. – С. 107-113.

8. Суханова, И. А. Структура текста романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» [Текст] : монография / И. А. Суханова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2005. – 147 с.

9. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов [Текст] / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.

Reference list

1. Vlasov, A. S. «Stihotvorenija Jurija Zhivago». Znachenie pojeticheskogo cikla v obshhem kontekste romana B. L. Pasternaka = «Poems by Yury Zhivago». Value of a poetic cycle in the general context of B. L. Pasternak's novel [Tekst] / A. S. Vlasov // Literatura v shkole = Literatura v shkole 2001. – № 8. – S. 2-8.

2. Gasparov, B. M. Boris Pasternak: po tu storonu pojetiki (Filosofija. Muzyka. Byt) = Boris Pasternak: on that side of poetics (Philosophy. Music. Life) [Tekst] / B. M. Gasparov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 272 s.

3. Dostoevskij, F. M. Selo Stepanchikovo i ego obitateli = Village of Stepanchikovo and its inhabitants [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – M. : OOO «Izdatel'stvo AST», 2004. – 635 s.

4. Pasternak, B. L. Doktor Zhivago = Doctor Zhivago [Tekst] : roman / B. L. Pasternak. – M. : OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. – 702 s.

5. Suhanova, I. A. Ob odnom literaturnom proobraze Pamfila Palyh = About one literary prototype of Pamfil Palykh [Tekst] / I. A. Suhanova // Pasternakovskij sbornik: stat'i, publikacii i vospominanija. Vyp. 2 = Pasternak collection: articles, publications and memoirs. Issue 2 / redkol. A. L. Oborina, E. V. Pasternak. – M. : RGGU, 2013. – S. 192-202.

6. Suhanova, I. A. Obshhie motivy i jazykovye sredstva sozdanija obrazov personazhej Pasternaka i Dostoevskogo = General motives and language means for images of Pasternak and Dostoyevsky's characters [Tekst] / I. A. Suhanova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik =Verkhnevolzhsky philological bulletin, 2018. – № 4. – S. 120-127.

7. Suhanova, I. A. Svoeobrazie tekstovyh pereklichek romana B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago» s povest'ju F. M. Dostoevskogo «Selo Stepanchikovo i ego obitateli» = Originality of text musters in B. L. Pasternak's novel «Doctor Zhivago» with F. M. Dostoyevsky's story «The village of Stepanchikovo and its inhabitants» [Tekst] / I. A. Suhanova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik, Verkhnevolzhsky philological bulletin 2018. – № 3. – S. 107-113.

8. Suhanova, I. A. Struktura teksta romana B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago» = Structure of the text in B. L. Pasternak's novel «Doctor Zhivago» [Tekst] : monografija / I. A. Suhanova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2005. – 147 s.

9. Fateeva, N. A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov = Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts [Tekst] / N. A. Fateeva. – M. : Agar, 2000. – 280 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.12.2018
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10318

УДК 81

М. Н. Кулаковский https://orcid.org/0000-0001-8826-0883

Роль вставных конструкций в пространственной организации художественного текста

В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций как средства пространственной организации художественного текста. Материалом исследования послужили произведения русской художественной прозы первой половины XX века (романы и рассказы М. Агеева, А. Белого, М. А. Булгакова, В. В. Набокова, М. И. Цветаевой) и тексты современной русской литературы последних десятилетий (произведения П. М. Алешковского, Е. Г. Водолазкина, А. А. Матвеевой, Ю. М. Полякова, И. Ф. Сахновского, Л. Е. Улицкой, В. А. Шарова). В работе определяются наиболее характерные функции вставок в плане формирования пространственно-временной организации текста, их связь с различными информативными уровнями (в рамках предложения и текста в целом), роль в общей структуре художественного текста. Отмечается, что вставки могут содержать информацию дополнительного характера о месте действия и актуализировать различные пространственные образы, важные для информативного развертывания текста. Автор статьи обращает внимание на соотношение пространственных планов вставной конструкции и основного предложения, изменение направленности восприятия, актуализирующее новые реалии предметного мира или новых персонажей, укрупнение пространственного плана, взаимодействие различных образов в рамках единого пространства, взаимодействие пространственных характеристик с ментальным планом повествователя, оформление заполненности пространства, взаимодействие информативного и метафорического планов восприятия (с различной направленностью), метафорическую пространственную организацию внутреннего мира персонажа, актуализацию с помощью вставных конструкций комического эффекта. Проведенный анализ показывает функциональное многообразие вставок, формирующих хронотоп, и позволяет говорить о важной роли вставных конструкций в пространственной организации художественного текста.

Ключевые слова: вставные конструкции, художественный текст, пространственно-временная организация текста, хронотоп, укрупнение пространственного плана, переключение пространственного плана текста, детализация, временной план, ментальный план, метафорический план, заполненность пространства, комический эффект.

M. N. Kulakovsky

Role of Parentheses in the Art Text Spatial Organization

In the article features of use of parentheses as a means of the art text spatial organization are considered. The material of the research is Russian art prose works of the first half of the XX century (M. Ageev, A. Bely, M. A. Bulgakov, V. V. Nabokov, M. I. Tsvetaeva's novels and stories) and modern Russian literature texts of the last decades (P. M. Aleshkovsky, E. G. Vodolazkin, A. A. Matveeva, Yu. M. Polyakov, I. F. Sakhnovsky, L. E. Ulitskaya, V. A. Sharov's works). In the work the most characteristic functions of parentheses are defined in respect of formation of the space-time organization of the text, their connection with various informative levels (within the sentence and the text in general), the role in the general structure of the art text. It is noted that parentheses may contain information of additional character on the scene of action and to update various spatial images important for informative expansion of the text. The author of the article pays attention to the ratio of spatial plans of parentheses and the main sentence, the change of perception direction updating new realities of the objective world or new characters, integration of the spatial plan, interaction of various images within uniform space, interaction of spatial characteristics with the mental plan of the storyteller, realisation of space fullness, interaction of informative and metaphorical plans of perception (of various directions), the metaphorical spatial organization of the inner world of the character, updating of the comic effect by means of parentheses. The carried-out analysis shows functional variety of the parentheses forming a chronotope and allows us to speak about an important role of parentheses in the art text spatial organization.

Keywords: parentheses, art text, space-time organization of the text, chronotope, integration of the spatial plan, turning of the text spatial plan, specification, time plan, mental plan, metaphorical plan, space fullness, comic effect.

Вставные конструкции активно участвуют в организации повествовательной структуры художественного произведения, взаимодействуя с различными текстовыми уровнями и выступая в качестве важного текстообразующего средства. Одна из главных функций вставок в структурном аспекте – их участие в пространственно-временной организации текста, которая объединяет два взаимосвязанных понятия – художественное пространство и художественное время.

При определении особенностей художественного пространства текста необходимо учитывать формальные признаки окружающего мира героя и изменение этого предметного мира как следствие пространственного перемещения героев или повествователя. Важными характеристиками текстового пространства являются его «закрытость» или «открытость» (в том числе – расширение или сужение пространства), «степень заполненности» пространства. Именно эти характеристики в значи-

© Кулаковский М. Н., 2019

тельной степени определяют образный мир автора и отражают особенности его восприятия действительности. Кроме того, реальный пространственный мир текста может быть расширен через «пространство воображаемое», которое формирует особый план произведения. Необходимо также учитывать, что в некоторых случаях пространственные образы в художественных текстах могут приобретать символический характер [19].

Характерной особенностью пространственной организации текста является ее динамизм, что во многом сближает литературное произведение с кинематографическим: и тому, и другому присуще активное переключение планов. «Сопоставление отдельных «кадров»-сегментов активизирует многочисленность элементов плана содержания, придавая им значение дифференциальных признаков и тем самым суггестируя смысловое содержание…» [12, с. 319]. Таким образом, важной характеристикой пространственной организации текста выступает соотношение «крупный – мелкий план», которое позволяет передать общее восприятие изображаемого или актуализировать его отдельные детали.

Особое место в структуре художественного текста занимает «пространственное моделирование» понятий, которые формально не связаны с пространственными категориями. Некоторые символические образы произведения приобретают определенные пространственные характеристики, что позволяет зрительно выстроить и упорядочить важнейшие абстрактные понятия. Создание подобной модели становится одним из важных средств восприятия и осмысления действительности, поскольку «пространственная структура того или иного текста, реализуя пространственные модели более общего типа (творчества определенного писателя, того или иного литературного направления, той или иной национальной или религиозной культуры), представляет всегда не только вариант общей системы, но и определенным образом конфликтует с ней, деавтоматизируя ее язык» [12, с. 277].

В текстах современной литературы важную роль может играть и формируемое автором виртуальное пространство, функции которого, как отмечает Ю. Г. Пыхтина, достаточно многообразны – «от создания особой фантастической ауры, передающей искаженное, деформированное мировосприятие автора, и характеристики персонажей, сознательно или бессознательно уходящих в «инобытие» (например, игровое), до организации сюжета, жанра и идейной основы художественного текста» [21, с. 118].

Объектом современных лингвистических исследований является и концепт «пространство» (например, в романе А. Белого «Котик Летаев»), поскольку «категория пространства, несомненно, значима в моделировании языковой личности главного героя» [22, с. 54].

Следует отметить, что в тексте достаточно часто наблюдается метафоризация пространства. Так, О. В. Кублицкая отмечает, что «метафоризация пространства – это естественный когнитивный механизм, транслируемый культурой в различных формах» [11, с. 273].

С понятием художественного пространства неразрывно связано и понятие художественного времени. Такую «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [4, с. 234], М. М. Бахтин определил как хронотоп. Анализ современной прозы также показывает важную роль хронотопа в структуре художественного текста. «Включая в свою систему помимо привычных элементов «время» и «пространство» компонент «субъект», образ времени-пространства у автора обретает ярко выраженную эмотивно-экспрессивную репрезентацию. Благодаря особому набору языковых средств выражения и структурации художественного времени и пространства он образно обобщает сложные психологические процессы внутреннего мира персонажей, которые символизируют их духовное перерождение и материализуют в образах основные идеи и задумки автора» [18, с. 58]. Таким образом, многоплановость пространственно-временной организации текста предполагает и соответствующее разнообразие аспектов ее анализа.

Вставные конструкции как элемент экспрессивного синтаксиса играют важную роль в структуре художественного текста. Формально они часто выступают в качестве показателя расчленения текста. О. В. Марьина отмечает, что «степень расчленения основного предложения вставной конструкцией может быть различной и зависит от следующих показателей:

− наличия / отсутствия формальных средств связи между вставным компонентом и предложением, его содержащим;

− их смысловой и структурной полноты / неполноты;

− совпадения / несовпадения по типу повествования, эмоциональной и стилистической окраске;

− единичности / множественности вставных конструкций в составе основного предложения;

− структуры вставной конструкции» [13, с. 67].

Е. И. Гаврилова подчеркивает, что «нарушение линейности речи является определяющим существенным признаком вставки» [9, с. 108].

С другой стороны, во вставных конструкциях «тенденция к синтаксическому слиянию проявляется наряду с тенденцией к синтаксическому расчленению. Это находит отражение в активизации ассоциативных связей между компонентами предложения, а также в возрастании значимости такого способа связи, как соположение (в целом аналогичном замене сильной связи на слабую)» [7, с. 43-44].

Таким образом, «вставка как интеграционный синтаксический процесс имеет следующие основания для своего выделения: специфика повествования (повествование во включающем и вставном компонентах ведется либо от 1-го лица, либо от 3-го лица); единство видо-временных связей включающего и вставного компонентов; структурно-композиционное единство включающего и вставного компонентов; наличие формальных показателей связи между включающим и вставным компонентами конструкции. Вставка как дезинтеграционный процесс имеет следующие основания для своего выделения: специфика повествования (повествование во включающем и вставном компонентах разное: от 1-го лица, от 3-го, несобственно-прямая речь); нарушение видо-временных связей между включающим и вставным компонентами; нарушение структурно-композиционного единства между включающим и вставным компонентами; наличие нескольких самостоятельных предложений в составе вставной конструкции; отсутствие формальных показателей связи между включающим и вставным компонентами конструкции» [14, с. 122-123].

Вставки в художественном тексте характеризуются функциональным разнообразием. При этом «общие функции возникают в процессе реализации частных функций. Последние могут возникать как независимо друг от друга, так и накладываясь одна на другую» [3, с. 8].

Выявляются и новые функции вставок. Так, А. А. Элатик отмечает, что в прозе Б. Акунина «с помощью вставных конструкций писателем создается общее коммуникативное пространство, в котором повествование приобретает черты диалога рассказчика с самим собой или с читателем» [27, с. 182]. В рассказах Д. Рубиной «проявляются такие функции вставок, как создание второго сюжета, развивающегося параллельно динамике основного действия, как в рассказе «Мастер-тарабука», и детальное раскрытие двух пересекающихся образов, наиболее важных с точки зрения автора-повествователя [10, с. 131]. О. В. Янковская рассматривает вставные конструкции в аспекте организации хронотопа, отмечая, что «во вставных конструкциях содержатся указания на пространственные характеристики, значения которых раскрываются опосредованно, через соотнесение с понятийными категориями (нематериальные формы пространства)» [28, с. 71].

Рассмотрим основные особенности участия вставных конструкций в формировании пространственного плана текста. Проведенный функциональный анализ показал, что вставки могут содержать информацию дополнительного характера о месте действия и актуализировать различные пространственные образы, важные для информативного развертывания текста.

*Через несколько дней **(уже в Латвии)** Мартын нашел в русской газете новую бубновскую «новеллу»…* (В. Набоков. Подвиг) [17].

Автор определенным образом выстраивает в произведении систему пространственных координат.

*Мы с Севой делим комнату на башенке. У нее круговой обзор **(сзади лес, впереди море)**, что для опытных авиаторов немаловажно* (Е. Водолазкин. Авиатор) [8].

Подобные пространственные характеристики могут быть достаточно детализированными.

*...Вокруг немало дорог **(в трех километрах от нас развилка старого тракта на Арал и на Мангышлак, довольно близко проходит и недостроенная, заброшенная железная дорога на Аркалык)**, южнее кальдеры железку пересекает дорога на Челябинск* (В. Шаров. Возвращение в Египет) [26].

При этом следует обратить внимание на соотношение пространственных планов вставной конструкции и основного предложения. Наиболее характерной является ситуация, когда один и тот же пространственный план объединяет и вставку, и основной контекст.

*На что Хирге **(он как раз опирался руками о стол и от усилия подняться так перекосил лицо, словно смертельно ранен в спину)** с ленивым отвращением мотнул головой* (М. Агеев. Роман с кокаином) [1].

Однако в этом общем пространственном плане автор периодически изменяет направленность восприятия, актуализируя новые реалии предметного мира или новых персонажей (подобное, как уже отмечалось, наблюдается и в кинематографе, когда камера изменяет направленность обзора с сохранением общего плана).

*Сначала Магда излила весь свой гнев на него [Кречмара], потом обрушилась на режиссера **(заодно попало совершенно непричастному Гроссману, толстяку с ячменем)*** (В. Набоков. Камера обскура) [16].

В других случаях автор с помощью вставки подчеркивает определенное изменение пространственных характеристик.

Елка, хоровод. Мои руки липки от чьего-то по-

та, мне противно, но рук не разжать и из хоровода не вырваться. Кто-то говорит, что из присутствующих я самый маленький ***(это мы уже сидим на стульях вокруг елки)****. Он откуда-то знает, что я умею читать стихи, просит прочесть* (Е. Водолазкин. Авиатор) [8].

Характерным для вставных конструкций является укрупнение пространственного плана. В этом случае можно говорить о формальном приближении к рассматриваемому объекту с целью обратить внимание на его детали.

Мамочка свои руки разведет ***(с полотенцем – одна и с флаконом – другая)****; и – кланяется головою в колени…* (А. Белый. Крещеный китаец) [5].

В качестве такого объекта для детализации может выступать не только персонаж, но и конкретный зрительный образ.

Кречмар мельком взглянул на афишу ***(пожарный, несущий желтоволосую женщину)*** *и взял билет* (В. Набоков. Камера обскура) [16].

Вставные конструкции могут использоваться в качестве своеобразного показателя переключения пространственного плана текста. В одних случаях это происходит в рамках единого временного плана.

Это, кажется, единственный человек за все мое младенчество, который над моими стихами не смеялся ***(мать – сердилась)****, меня ими, как красной тряпкой быка, не вводил в соблазн гнева…* (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена) [25].

Вошел неизвестный в белом халате. Стоял, положив руку на губы, смотрел на меня ***(в дверной щели еще чья-то голова)****. Я же, в свою очередь, смотрел на него – не открываясь как бы* (Е. Водолазкин. Авиатор) [8].

В других случаях (и это наблюдается значительно чаще) одновременно меняется и временной план.

Турбин думал о том, что бы это означало ***(полуденный визит Болботуна Турбин проспал)****, и, вертя головой, всматривался в тротуары* (М. Булгаков. Белая гвардия) [6].

Определенная модификация временного плана (при формальной статичности плана пространственного) отмечается в том случае, когда во вставке представлена динамика изменения топонима.

Он обогнул старое здание драмтеатра, перестроенное под Федеральный центр духовного роста, пересек улицу Безопасности ***(бывшую 8 Марта, бывшую Троцкого, бывшую Метельную)*** *и углубился в безлюдные дворы* (И. Сахновский. Свобода по умолчанию) [23].

В некоторых случаях вставки могут актуализировать неожиданность появления определенной пространственной характеристики.

Но поначалу Турбанов долго не мог отыскать ту брошюру из серии «Стань полезен для страны!», а потом, когда она все же нашлась ***(почему-то на обувной полке, под старыми сандалиями)****, там вдруг не оказалось того объявления о «престижной работе в новой медицинской отрасли»* (И. Сахновский. Свобода по умолчанию) [23].

Кроме того, важным для автора может оказаться и взаимодействие различных (иногда даже контрастных) образов в рамках единого пространственного плана.

С каждой строкой воскресало все, что сопровождало ее в моем ушедшем времени, – кашель бабушки, звон упавшего на кухне ножа и ***(оттуда же)*** *запах жареного, дым отцовской папиросы* (Е. Водолазкин. Авиатор) [8].

В других случаях пространственные понятия оказываются тесно связанными с ментальным планом повествователя.

Мостов здесь видимо-невидимо и много грандиозных: погоди – увидишь. ***(Часто бывает – думаешь, что ты на широчайшей улице, ан – это Троицкий или Литейный мост.)*** (Л. Улицкая. Лестница Якова) [24].

Таким образом, вставные конструкции отражают динамику изменения (в большей или меньшей степени) пространства текста, которая может быть связана:

1) с переключением пространственного плана,

2) изменением направленности восприятия,

3) укрупнением зрительного плана.

Вставные конструкции в тексте художественного произведения могут выступать в качестве конкретизаторов, характеризующих степень заполненности пространства. При этом одновременно наблюдается изменение направленности восприятия, укрупнение зрительного плана и переход в «воображаемое пространство».

Закусается после надолго квартира ***(и здесь муравейчик, и там муравейчик)****…* (А. Белый. Крещеный китаец) [5].

При этом пространственную организацию метафорически оформляет и внутренний мир персонажа.

Глубоко внутри себя ***(а там было и вправду глубоко – летучая мышь прокладывала новые маршруты каждый день)*** *Вера считала, что делает Юльке одолжение* (А. Матвеева. Завидное чувство Веры Стениной) [15].

Активную роль играют вставные конструкции и в организации образной системы произведения, развивающей пространственные мотивы. Соотнося отдельные образы с пространственными категориями, они не только актуализируют данную информацию, подчеркивая ее метафоричность, но и вы-

страивают в зрительном плане особый художественный (а часто и символический) мир.

Дети, действительно, жили под родителями, как под спудом: то, по чему родители, со всеми их тяжестями, всей своей тяжестью, ступали, было для детей – верхом, то есть попросту лежало у них на головах. Вроде Атлантов, держащих небосвод с небожителями. ***(Недаром их «низ» был со сводами!)*** (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена) [25].

При этом взаимодействие информативного и метафорического планов может иметь различную направленность (в следующих примерах в первом случае наблюдается переход от информативного плана в основном предложении к метафорическому во вставке, а во втором – представлена обратная тенденция).

И вот так я парю себе в церкви, проплываю над священником, машущим кадилом, – сквозь ароматный дым. Над хором – сквозь его песнопения (замедленные взмахи регента и его же гримасы на высоких нотах). Над старухой свечницею и заполнившим храм ***(обтекая столпы)*** *народом, вдоль окон, за которыми заснеженная страна* (Е. Водолазкин. Авиатор) [8].

Но игра продолжалась, и, как всегда бывает, рядом с высоким примостилось низкое: ореховая угловая витринка с рюмками и стаканами мутно-зеленого стекла, по которым пробегали разноцветные отсветы от гирлянды, с толстыми бедрами и узкой талией ***(в ней хранились тарелки)*** *и приметно выдвинутой вперед грудью* ***(отделением для ножей и вилок)*** *смахивала на удалую девку из трактира* (П. Алешковский. Крепость) [2].

Образное восприятие пространства может тесно взаимодействовать с образным восприятием времени. Такое соотнесение не только формально объединяет две взаимосвязанные категории, но и включает их в единую систему отсчета: пространство и время начинают восприниматься образно в одних единицах измерения.

Гнет был не от их присутствия, а от всеприсутствия, всюдусущия: в самом воздухе дома и на тридцать верст вокруг ***(на тридцать лет вперед!)*** (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена) [25].

Пространственная конкретизация, представленная во вставке, может актуализировать возникающий в рамках текста комический эффект.

В начале 90-х Гена раскопал дикие цифры: каждый третий депутат нового демократического Моссовета состоял на психучете. Шабельский пробежал печальными глазами убойный фельетон «Палата № 13» ***(Моссовет заседал тогда на улице Горького, 13)****, посмотрел на смельчака с левантийской тоской и молвил: – Да, революцию делают сумасшедшие. Но об этом ты напишешь лет через двадцать. Договорились? – и спрятал статью в сейф* (Ю. Поляков. Любовь в эпоху перемен) [20].

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о важной роли вставных конструкций в пространственной организации художественного текста.

Библиографический список

1. Агеев, М. Роман с кокаином [Текст] / М. Агеев // Роман с кокаином; Паршивый народ. – М. : Художественная литература, 1990. – С. 3-186.

2. Алешковский, П. М. Крепость [Текст] / П. М. Алешковский. – М. : Редакция Елены Шубиной, 2015. – 592 с.

3. Афанасьева, Е. А. Структура и функции вставных конструкций в поэзии Н. М. Карамзина [Текст] / Е. А. Афанасьева // Вестник Оренбургского государственного университета, 2016. – № 11. – С. 3-12.

4. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.

5. Белый, А. Крещеный китаец [Текст] / А. Белый // Серебряный голубь. – М. : Современник, 1990. – С. 461-604.

6. Булгаков, М. А. Белая гвардия [Текст] / М. А. Булгаков // Белая гвардия; Мастер и Маргарита. – Минск : Ураджай, 1988. – С. 16-270.

7. Вердеш, А. А., Покровская Е. А. Вставные конструкции в контексте тенденций к синтаксическому расчленению и слиянию [Текст] / А. А. Вердеш, Е. А. Покровская // Lingua mobilis, 2014. – № 2. – С. 37-45.

8. Водолазкин, Е. Г. Авиатор [Текст] / Е. Г. Водолазкин. – М. : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 416 с.

9. Гаврилова, Е. И. Вставка и линейность речи [Текст] / Е. И. Гаврилова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2016. – № 1. – С. 104-109.

10. Клепикова, В. И. Функционирование вставных конструкций в рассказах Д. Рубиной [Текст] / В. И. Клепикова // Linguistica juvenis, 2017. – № 19. – С. 120-132.

11. Кублицкая, О. В. Дестинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства [Текст] / О. В. Кублицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. – № 9-2. – С. 271-275.

12. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.

13. Марьина, О. В. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-2000-х годов) [Текст] / О. В. Марьина // Филология и человек, 2009. – № 4. – С. 61-67.

14. Марьина, О. В., Будникова Н. Н. Вставка как интеграционный и дезинтеграционный синтаксиче-

ский процесс [Текст] / О. В. Марьина, Н. Н. Будникова // Филология и человек, 2018. – № 3. – С. 117-124.

15. Матвеева, А. А. Завидное чувство Веры Стениной [Текст] / А. А. Матвеева. – М. : АСТ, 2015. – 544 с.

16. Набоков, В. В. Камера обскура [Текст] / В. В. Набоков // Романы. – М. : Современник, 1990. – С. 257-392.

17. Набоков, В. В. Подвиг [Текст] / В. В. Набоков // Другие берега. – М. : Книжная палата, 1989. – С. 150-258.

18. Николаева, О. О. Текстовая реализация художественного топохроноса в малых повествовательных формах прозы Б. Шлинка [Текст] / О. О. Николаева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2016. – № 1. – С. 53-59.

19. Николина, Н. А. Филологический анализ текста [Текст] / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2008. – 268 с.

20. Поляков, Ю. М. Любовь в эпоху перемен [Текст] / Ю. М. Поляков. – М. : АСТ, 2015. – 512 с.

21. Пыхтина, Ю. Г. Виртуальное пространство в литературе: типология, структура, функции [Текст] / Ю. Г. Пыхтина // Вестник Оренбургского государственного университета, 2017. – № 1. – С. 114-118.

22. Родина, Ю. Д. Средства репрезентации концепта «пространство» в автобиографическом романе А. Белого «Котик Летаев» [Текст] / Ю. Д. Родина // Филologos, 2018. – № 1. – С. 52-59.

23. Сахновский, И. Ф. Свобода по умолчанию [Текст] / И. Ф. Сахновский. – М. : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 352 с.

24. Улицкая, Л. Е. Лестница Якова [Текст] / Л. Е. Улицкая. – М. : Редакция Елены Шубиной, 2015. – 736 с.

25. Цветаева, М. И. Дом у Старого Пимена [Текст] / М. И. Цветаева // Проза. – М. : Современник, 1989. – С. 122-163.

26. Шаров, В. А. Возвращение в Египет [Текст] / В. А. Шаров. – М. : Редакция Елены Шубиной, 2015. – 768 с.

27. Элатик, А. А. Структурно-семантические особенности вводных и вставных конструкций в прозе Б. Акунина [Текст] / А. А. Элатик // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. – № 6-1. – С. 173-183.

28. Янковская, О. В. Вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа [Текст] / О. В. Янковская // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2009. – № 3. – С. 68-71.

Reference list

1. Ageev, M. Roman s kokainom = Flirtation with cocaine [Tekst] / M. Ageev // Roman s kokainom; Parshivyj narod = Flirtation with cocaine. Nasty people. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1990. – S. 3-186.

2. Aleshkovskij, P. M. Krepost' = Fortress [Tekst] / P. M. Aleshkovskij. – M. : Redakcija Eleny Shubinoj, 2015. – 592 s.

3. Afanas'eva, E. A. Struktura i funkcii vstavnyh konstrukcij v pojezii N. M. Karamzina = Structure and functions of parentheses in N. M. Karamzin's poetry [Tekst] / E. A. Afanas'eva // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg state university 2016. – № 11. – S. 3-12.

4. Bahtin, M. M. Voprosy literatury i jestetiki = Questions of literature and esthetics [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – 504 s.

5. Belyj, A. Kreshhenyj kitaec = Baptized Chinese [Tekst] / A. Belyj // Serebrjanyj golub' = Silver pigeon. – M. : Sovremennik, 1990. – S. 461-604.

6. Bulgakov, M. A. Belaja gvardija = White Guard [Tekst] / M. A. Bulgakov // Belaja gvardija; Master i Margarita = White Guard; Master and Margarita. – Minsk : Uradzhaj, 1988. – S. 16-270.

7. Verdesh, A. A., Pokrovskaja E. A. Vstavnye konstrukcii v kontekste tendencij k sintaksicheskomu raschleneniju i slijaniju = Parentheses in the context of tendencies to syntactic partition and fusion [Tekst] / A. A. Verdesh, E. A. Pokrovskaja // Lingua mobilis, 2014. – № 2. – S. 37-45.

8. Vodolazkin, E. G. Aviator =Aviator [Tekst] / E. G. Vodolazkin. – M. : Redakcija Eleny Shubinoj, 2016. – 416 s.

9. Gavrilova, E. I. Vstavka i linejnost' rechi = Insertion and linearity of the speech [Tekst] / E. I. Gavrilova // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = News of Volgograd state pedagogical university,2016. – № 1. – S. 104-109.

10. Klepikova, V. I. Funkcionirovanie vstavnyh konstrukcij v rasskazah D. Rubinoj = Functioning of parentheses in D. Rubina's stories [Tekst] / V. I. Klepikova // Linguistica juvenis, 2017. – № 19. – S. 120-132.

11. Kublickaja, O. V. Destinacija kak jelement travelogemy: sposoby metaforizacii i osvoenija prostranstva = Destination as an element of travelogeme: ways of metaphorization and development of space [Tekst] / O. V. Kublickaja // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Filologicheskie nauki. Voprosyi teorii i praktiki 2018. – № 9-2. – S. 271-275.

12. Lotman, Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = Structure of the art text [Tekst] / Ju. M. Lotman. – M. : Iskusstvo, 1970. – 384 s.

13. Mar'ina, O. V. Vstavnye konstrukcii kak pokazatel' raschlenenija teksta (na materiale russkih prozaicheskih tekstov 1980-2000-h godov) = Parentheses as an indicator of the text partition (on the material of the Russian prosaic texts of the 1980-2000 years) [Tekst] / O. V. Mar'ina // Filologija i chelovek= Filologiya i chelovek, 2009. – № 4. – S. 61-67.

14. Mar'ina, O. V., Budnikova, N. N. Vstavka kak integracionnyj i dezintegracionnyj sintaksicheskij process = Insertion as integration and disintegration syntactic process [Tekst] / O. V. Mar'ina, N. N. Budnikova // Filologija

i chelovek = Filologiya i chelovek, 2018. – № 3. – S. 117-124.

15. Matveeva, A. A. Zavidnoe chuvstvo Very Steninoj = Enviable feeling of Vera Stenina [Tekst] / A. A. Matveeva. – M. : AST, 2015. – 544 s.

16. Nabokov, V. V. Kamera obskura = Room of obscure [Tekst] / V. V. Nabokov // Romany = Novels. – M. : Sovremennik, 1990. – S. 257-392.

17. Nabokov, V. V. Podvig = Feat [Tekst] / V. V. Nabokov // Drugie berega = Other coasts. – M. : Knizhnaja palata, 1989. – S. 150-258.

18. Nikolaeva, O. O. Tekstovaja realizacija hudozhestvennogo topohronosa v malyh povestvovatel'nyh formah prozy B. Shlinka = Text realization of art topochronos in small narrative forms in B. Shlink's prose [Tekst] / O. O. Nikolaeva // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Petrozavodsk state university 2016. – № 1. – S. 53-59.

19. Nikolina, N. A. Filologicheskij analiz teksta = Philological analysis of the text [Tekst] / N. A. Nikolina. – M. : Akademija, 2008. – 268 s.

20. Poljakov, Ju. M. Ljubov' v jepohu peremen = Love during the era of change [Tekst] / Ju. M. Poljakov. – M. : AST, 2015. – 512 s.

21. Pyhtina, Ju. G. Virtual'noe prostranstvo v literature: tipologija, struktura, funkcii = Virtual space in literature: typology, structure, functions [Tekst] / Ju. G. Pyhtina // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg state university, 2017. – № 1. – S. 114-118.

22. Rodina, Ju. D. Sredstva reprezentacii koncepta «prostranstvo» v avtobiograficheskom romane A. Belogo «Kotik Letaev» = Means of representation of the concept «space» in the autobiographical novel by A. Bely «Cat Letaev» [Tekst] / Ju. D. Rodina // Filologos, 2018. – № 1. – S. 52-59.

23. Sahnovskij, I. F. Svoboda po umolchaniju = Freedom as a default [Tekst] / I. F. Sahnovskij. – M. : Redakcija Eleny Shubinoj, 2016. – 352 s.

24. Ulickaja, L. E. Lestnica Jakova = Jacob's ladder [Tekst] / L. E. Ulickaja. – M. : Redakcija Eleny Shubinoj, 2015. – 736 s.

25. Cvetaeva, M. I. Dom u Starogo Pimena = The house at Old Pimen [Tekst] / M. I. Cvetaeva // Proza = Prose – M. : Sovremennik, 1989. – S. 122-163.

26. Sharov, V. A. Vozvrashhenie v Egipet = Return to Egypt [Tekst] / V. A. Sharov. – M. : Redakcija Eleny Shubinoj, 2015. – 768 s.

27. Jelatik, A. A. Strukturno-semanticheskie osobennosti vvodnyh i vstavnyh konstrukcij v proze B. Akunina = Structural-semantic features of introductory and parenthetical constructions in B. Akunin's prose [Tekst] / A. A. Jelatik // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Filologicheskie nauki. Voprosyi teorii i praktiki, 2017. – № 6-1. – S. 173-183.

28. Jankovskaja, O. V. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo realizacii kategorii hronotopa = Parentheses as a means for implementing the category of chronotope [Tekst] / O. V. Jankovskaja // Vesnik BDU. Ser. 4. – 2009. – № 3. – S. 68-71.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.12.2018
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

Германские языки

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10319

УДК 811.11-112

В. А. Бондарь https://orcid.org/0000-0001-7636-0326

Перфект в древнеанглийском языке: критерии выделения

В статье рассматривается семантика древнеанглийской конструкции habban+причастие II на примерах из корпуса прозаических текстов. Основное внимание уделяется применению семантических и синтаксических критериев, направленных на разграничение между статально-результативной семантикой конструкции и перфектом. Детально рассматривается статус посессивного глагола в рамках habban+причастие II, который определяется на основании семантических особенностей употребления глагола с определенными подлежащими и дополнениями. Результаты исследования указывают на неполную десемантизацию посессивного глагола, который выступает в качестве копулы для указания связи агентивного подлежащего и объекта и/или завершенного действия. Данный статус посессивного глагола говорит в пользу статально-результативной природы конструкции habban+причастие II. Об этом же свидетельствуют результаты синтаксического анализа употребления с конструкцией различных видов дополнений. Отдельные примеры, которые проявляют перфектную семантику, трактуются как импликатуры в соответствии с принципами теории грамматикализации. Предлагается трактовать такие примеры как перфект в тех случаях, когда налицо совпадения ряда критериев. Было установлено, что контексты, в которых habban+пмричастие II можно рассматривать как перфект, превалируют в позднедревнеанглийских текстах, когда в конструкции происходили значимые семантические сдвиги.

Ключевые слова: перфект, результатив, грамматикализация, грамматическая семантика, синтаксис, посессивность, древнеанглийский язык.

Germanic languages

V. A. Bondar

The Perfect in Old English: on Identification Criteria

The paper deals with a much disputed topic of defining the grammatical status of habban+participle II in Old English and the rise of the perfect. The main focus is paid on the application of semantic and syntactic criteria aimed at teasing apart the state-resultant properties of the construction from the perfect ones. Such diagnostics as the types of subjects and objects used with habban within the construction under question are employed. This allowed for a better definition of the status of the possessive verb which is argued to function as a copula showing relations between the subject and either object or a completed action. Not all examples can succumb to a state-resultant interpretation. It was shown that such instances, though they are few, are encountered mostly in later Old English when the semantics of the construction was undergoing changes. Moreover, the application of such a syntactic criterion as the use of objects, viz. cases where no objects are found, reinforces our conclusion drawn from the use of subjects. It is argued that an overlap of several diagnostics in one context in the use of the construction can be a reliable means for identification of the perfect. Sporadic usage of the perfect in Old English is interpreted in terms of the grammaticalization theory and considered to be implicatures that are not fixed in the grammatical system of the language and that later will become conventionalized to give rise to a new category of the perfect.

Keywords: perfect, resultative, grammaticalization, grammatical semantics, syntax, possession, Old English.

Введение

Исследователи, изучающие возникновение и развитие перфекта в английском языке, занимают две противоположные позиции: одни утверждают, что уже в ранних древнеанглийских рукописях можно с уверенностью говорить о наличии перфекта с его современными семантическими характеристиками [13, 15, 12); другие полагают, что вплоть до среднеанглийского периода речь должна идти о результативно-статальном значении конструкции habban+причастие II [5, 8].

Чтобы понять, являлась ли данная конструкция в древнеанглийском уже перфектом или оставалась еще результативом, важно определиться с критериями анализа. Выбору и применению таких критериев и посвящена данная статья. В качестве материала исследования используется выборка примеров конструкции habban (hæfdon)+причастие II из синтаксически размеченного корпуса древнеанглийской прозы (York-Toronto-Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose – YCOE). Произведения, включенные в данный корпус, относятся к периоду с VIII по XII в. и условно подразделяются на следующие временные отрезки: O1 – до 850 г., O2 – 850-950 гг., O3 – 950-1050 гг., O4 – 1050-1150 гг. Обозначения O23, O14, O24 и O34 указывают на то,

© Бондарь В. А., 2019

что текст был написан в более ранний период (О1, О2 и О3 соответственно), но дошел до нас в рукописи, относящейся к более позднему периоду (О3 и О4 соответственно).

Результатив и перфект: критерии разграничения

Результатив определяется как категория, указывающая на состояние, вытекающее из предшествующего действия, в то время как перфект фокусирует внимание на действии, результаты которого так или иначе важны и/или ощущаются к моменту речи [2, с. 7, 12]. Отсюда вытекает непосредственная связь результата действия с его участниками в рамках результативной конструкции, с одной стороны, и с другой, существование более широкого результата, который в рамках перфекта становится значимым не только для участников, но и для всего контекста, всей ситуации [6, p. 135].

В целом, на образование результатива существует целый ряд ограничений, которые выводятся на основании типологического материала: лексические (образование только от предельных глаголов), диатезные (преобладание одного из видов результатива, например, объектного), видо-временные (ограничение на образование форм будущего времени), ограничения на употребление с отрицаниями, ограничения на 1-е и 2-е л. подлежащего [2, с. 25-26].

Для определения семантики древнеанглийской конструкции также приводится ряд критериев: 1) позиционная близость посессивного и лексического глагола (причастной формы); 2) отсутствие адъективной флексии у причастия; 3) наличие примеров в нестатальных контекстах; 4) наличие примеров, в которых подлежащее не может быть посессором; 5) наличие примеров, в которых объектом, используемым в качестве дополнения, нельзя обладать; 6) наличие примеров, в которых глагол, стоящий в причастной форме не используется с прямым дополнением в винительном падеже [7, p. 342 et passim]. В данной классификации пункт 1 и 6 пересекаются и относятся к критерию порядка слов. Относительно пункта 6 следует сделать оговорку: вопрос употребления непрямого дополнения можно свести к глагольному управлению, что, в принципе, не отменяет наличие лексического значения у глагола habban. На материале древневерхненемецкого материала М. М. Гухман отмечает, что «…отсутствие согласования причастия с дополнением отнюдь не свидетельствует о том, что это причастие оторвалось от дополнения и не осознается больше как определение к нему», а вот отсутствие дополнения является важным показателем изменений, происходящих в семантике конструкции [1, с. 355]. Несомненно, древнеанглийский и древневерхненемецкий в плане морфологии и морфосинтактики не были идентичными языками. Тем не менее, мы считаем, что критерии согласования дополнения с причастной формой конструкции едва ли могут являться надежным способом выделения перфекта.

Детальный анализ порядка слов с анализируемой конструкцией, представлен в работе Б. Митчелла. Главным выводом исследования является утверждение, что у конструкции не было одной фиксированной формы или одной фиксированной функции [17, p. 291]. Кроме того, формальное синтаксическое разграничение *have something done* и *have done something*, то есть перфектной и результативной форм, возникает только лишь в ранненовоанглийский период [21, p. 2190].

В данной работе мы сосредоточимся на анализе и применении формальных критериев для определения степени десемантизированности посессивного глагола (пункты 4 и 5 критериев Денисона). Для этого мы рассмотрим детально типы подлежащих в соответствии со шкалой одушевленности Хоппера-Траугott, а также виды дополнений, используемых с конструкцией. Полученные данные позволят определить статус посессивного глагола в рамках конструкции и сделать вывод относительно ее семантики.

Подлежащие и дополнения: шкала одушевленности

Согласно П. Хопперу и Э. Траугott иерархия одушевленности, выраженная существительными, выглядит следующим образом:

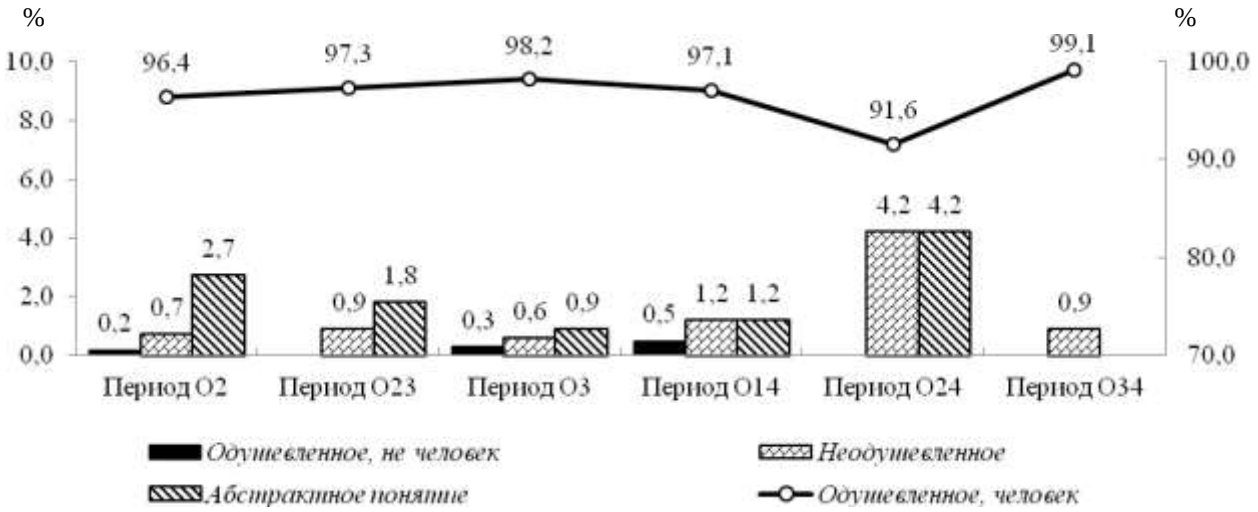
одушевленное (человек) > одушевленное > неодушевленное > абстрактное [11, p. 165].

Данная шкала идеально подходит для определения статуса посессивного глагола. Предполагается, что типичная результативная конструкция не допускает использования неодушевленных существительных в качестве подлежащих, а в некоторых языках, например, болгарском, ограничивается подлежащими, выраженными исключительно одушевленными существительными (человек) [9, p. 84-87]. Рассмотрим, каким образом обстоят дела с данным критерием на примере наших данных.

Как видно из графика 1, на протяжении всего периода конструкция практически последовательно без каких-либо серьезных изменений употребляется с подлежащими, выраженными одушевленными (человек) существительными: количество таких примеров не падает ниже 96 % за исключением периода О24 с 91,6 %. Одушевленные (не человек) ограничены минимальным количеством примеров в рамках всего периода и не превышают 0,5 % – по одному примеру в О2 и О3 и два примера в период О14.

График 1

Типы существительных подлежащих с habban+причастие II



Использование существительных, обозначающих разных животных, в качестве подлежащих не вызывает трудностей в трактовке посессивных отношений в рамках конструкции. В древнеанглийском фиксируются случаи употребления посессивного глагола habban с существительными, обозначающими животных:

(1) Swelce snoda hæfde þæt deor, seono-wealt heafod swelce mona…Такое одеяние на голове было у этого зверя, круглая голова, как луна… [18, p. 242]

Несомненно, что в таком случае ничто не мешает воспринимать habban, как глагол, указывающий на нахождение у животного определенных предметов, качеств или отношения к другим предметам, что мы и наблюдаем в наших примерах:

(2) [ÆLS [Edmund]:154.7051-7052] Þa læg se *grægа wulf* þe bewiste þæt heafod, and mid his twam fotum **hæfde** þæt heafod **beclypped**… – Там лежал *серый волк*, который сторожил голову и двумя своими лапами **держал в объятьях** эту голову… (досл. **имел** эту голову **обнятой**) [20].

В лапах волка был предмет, который на тот момент находился в его владении, то есть habban здесь выражает отчуждаемую принадлежность. О неотчуждаемой принадлежности качества, то есть о врожденной черте, которой обладает определенный класс животных, говорится в следующем примере:

(3) [CP:46.349.24.2366] …đonne he on gesceadwislicum ingeđonce forliesđ đæt đa *dumban nietenu* **gehealden habbađ** on hiera gecynde. – …когда он в разумном мышлении теряет то, чем *глупый скот* **владеет** по природе (досл. **имеет хранимой** по своей природе) [20].

Более того, в примере с существительным, обозначающим насекомое, а именно, пауки, не используется прямое дополнение, выраженное существительным:

(4) [ScraggVerc_15]:17.1864] & þa weofodu beođ to þan swiđe forlætene þæt *đa attorcoppan* **habbađ** innan **awefene**. – и были алтари неимоверно запущены, так что внутри *пауки* **соткали** паутину (досл. у **пауков было соткано**) [20].

В данном примере innan ‘внутри’ следует трактовать как семантико-синтаксическую отсылку к существительному weofodu ‘алтари’, которые и были все в паутине.

Неоднозначным для нашей трактовки как результатива является пример употребления конструкции с подлежащим cancer ‘краб’:

(5) [VSal 1 [Cross]:9.1.65] hym þa of þam andwlytan nyđer afeoll se *cancer*, þe hyne ær swyđe **amyrred hæfde**… – из его лица тогда вниз упал *краб*, который ранее сильно его **испортил**… [20]

Данный контекст, в котором конструкцию можно трактовать как перфект, фиксируется в рукописи, датируемой третьей четвертью XI в.

Дальнейший анализ графика 1 показывает номинальное увеличение неодушевленных и абстрактных понятий (с 0,7 % и 2,7 % соответственно до 4,2 %). Однако это изменение едва ли способно служить доказательством развития перфекта. Во-первых, увеличение количества таких примеров в рукописях XI в. и X–XI вв. не наблюдается: наоборот, мы видим снижение примеров с 0,7 % и 2,7 % в период O2 до 0,6 % и 0,9 % в период O3. Резкое увеличение прослеживается в период O24 до 4,2 %, что связано с резким уменьшением общего количества одушевленных существительных в рамках данной конструкции – 44 примера, в то время как на неодушевленные существительные и абстракт-

ные понятия приходится по 2 примера. В период O14 на данные типы подлежащих приходится по 5 примеров, что составляет 1,2 % от общего числа существительных. Во-вторых, неодушевленные существительные употреблены в тех контекстах, где описывается расположение определенных предметов:

(6) [Bo:18.42.4.759] Do nu of đam feorđan dæle an þinum mode eall þæt *seo sæ* his **ofseten hæfđ**, & eal þa sceard þe *hio* him on **genumen hæfđ**, & eall þæt *his fennas & moras* **genumen habbađ**… – возьми теперь из четвертой части, в своем уме, все, что *сие море* от него **имеет скрытым** и все осколки, которые *оно* **имеет** от него **взятыми** и все, что *топи и болота* от него **отнятыми имеют**… [20].

Такая интерпретация возможна на основании того, что посессивный глагол не полностью десемантизирован и выражает так называемое неодушевленное обладание (inanimate possession), например, My study has three windows ‘В моем кабинете есть три окна’ (досл. Мой кабинет имеет три окна) (цитируется по [10, p. 34, 87 et passim]). Посессивный глагол имел достаточно развитую сферу употребления уже в древнеанглийском языке и допускал коллокации, в которых выражалось неодушевленное обладание:

(7) Đæt **gear hæfþ** twelf niwe monan – **Год имеет** двенадцать новых месяцев [4].

Отсюда вытекает возможность интерпретировать посессивные отношения между неодушевленным существительным-подлежащим и существительным-дополнением, которые выражают местонахождение объекта:

(8) [HomS [BlHom_7]:95.218.1236] & awecceaþ ealle þa lichoman of deaþe, þeah þe hie ær *eorþe* **bewrigen hæfde –** и пробудятся все тела после смерти, хотя земля их ранее **хранила спрятанными** [20].

Тем не менее, в поздних текстах, мы находим примеры неодушевленных существительных, которые едва ли поддаются такой интерпретации.

(9) [Plummer]:1070.58.2629] & dydan Cristes þeudom in þære *cyrce*. þæt ær **hæfde standen** fulle seofeniht forutan ælces cynnes riht. – и провели службу Христу в той *церкви*, которая ранее **простояла** целых семь ночей без подобного рода ритуалов [20].

Данный пример показателен, так как в нем присутствует целый ряд критериев, которые с большей вероятностью могут свидетельствовать о том, что перед нами перфект: неодушевленное существительное, дуративный глагол (standan), отсутствие у глагола перфективирующей приставки *ge-*. И в данном случае немаловажным является тот факт, что рукопись текста Англо-саксонской хроники, в котором фиксируется данный пример, относится к периоду O34, а в YCOE датируется серединой XII в., то есть опять же к концу древнеанглийского периода.

И, наконец, употребление абстрактных существительных в качестве подлежащих с конструкцией habban+причастие II также не может служить прямым доказательством ее перфектной семантики.

Как и с вышеперечисленными существительными, абстрактные понятия в древнеанглийских текстах используются с посессивным глаголом для выражения посессивных отношений:

(10) [ÆLS [Memory_of_Saints]:341.3510] Se heofonlica wisdom cwæð, þæt þæt *yrre* **hæfð** wununge on ðæs dysegan bosme… – эта небесная мудрость сказала, что *гнев* **обитает** (досл. имеет жилище) в груди глупца… [4].

Каковы особенности использования абстрактных понятий в качестве подлежащих с анализируемой конструкцией? Во-первых, в раннем периоде O2, который по большинству представлен переводными текстами канцелярии короля Альфреда, абстрактные существительные часто используются в тексте перевода Боэция «Утешение философией» как персонификация определенных понятий, с которыми автор беседует как с людьми. В частности, мы встречаем следующие существительные: wisdom ‘мудрость’, gesceadwisnes ‘разум’, tweo ‘сомнение’ и т. д., которые выполняют все те же самые действия, что и человек:

(11) [BoHead:22.27] Hu se *Wisdom* & seo *Gesceadwisnes* **hæfdon** þæt Mod **aret** ægþer ge mid smealicre spræce ge mid wynsuman sange. – Как *мудрость* и *разум* **утешили** дух проникновенной речью и приятным пением [20].

Вторая категория абстрактных существительных включает понятия, так или иначе связанные с Богом и его проявлениями. Такие существительные также наделяются агентивностью и волитивностью для выражения божественной силы. Так, пример о чудодейственной силе веры показывает не просто веру во что-то (и тогда мы были бы вправе говорить о низкой агентивности существительного и перфектной семантике конструкции), но является проявлением Бога:

(12) [ÆCHom I, 10:258.19.1823] *þin geleafa* **hæfđ** þe **gehæled**. – *твоя вера* тебя **вылечила** (досл. имеет тебя вылеченными) [20]

Таким же образом о мощи и важности явлений, выраженных в абстрактных религиозных понятиях, говорится в контекстах, где мы встречаем следующие слова и словосочетания: sio godcunde foretiohhung ‘божественное предопределение’ (период O2), đin wyrd ‘твоя судьба, доля’ (период O23), Godes ælmihtiges mycelnys ‘величие Господа всемогущего’, heofonan rices myrhđe ‘радость небесного царства’ (период O3), halgæn mægene ‘святая сила’ (период O14), þæs godan weres wundor ‘чудо того божьего человека’ и seo ece beorhtnes þæs heofonli-

can wuldres ‘извечный блеск небесной славы’ (период O24).

С дополнениями, находящимися в посессивных отношениях в рамках конструкции habban+причастие II, дело обстоит таким же образом, как и с подлежащими. В целом, в древнеанглийском habban встречается в контекстах, где указывается не на непосредственное владение, но на субъектно-объектные отношения, связь субъекта и его причастность к данному предмету:

(13) **Twa mila hæfde** Martinus fram his mynstre to turonian byrig þær se bisceopstol wæs… **Две мили было** от монастыря Мартина до города Турин, где располагалась резиденция епископа… (досл. Мартин имел две мили) (ÆLS [Martin]:1198.6764) [4].

Отсюда возможность рассматривать субъектно-объектные отношения через посессивный глагол в рамках результативной конструкции:

(14) [Bede 4:26.352.17.3549] Þa heo þa **hæfdon** *heora siđfæt* **geferedne**, þa hwurfon heo eft to ham. – Когда они **проехали** *свой путь*, тогда повернули они домой [20].

Речь идет не столько о прямом обладании или владении «дорогой, путем», но, как и в предыдущем примере подразумевается количественный отрезок пути, который у путников был пройден.

Наконец, рассмотрим критерий использования местоименных подлежащих с данной конструкцией в двух периодах: O2 и O3. В период O2 на анафорические местоимения приходится в повествовании 171, местоимения 1 л. ед. и мн. ч. – 20 и 7 местоимений 2 л. ед. и мн. ч., в диалогах – 37 местоимений 1 л. ед., мн. и дв. ч., 38 местоимений 2 л. ед. и мн. ч. и 13 анафорических местоимений. В период O3 в повествовании анафорических местоимений 85, местоимений 1 л. ед. и мн. ч. 52 и 16 местоимений 2 л. ед. и мн. ч., в диалогах – 13 анафорических местоимений, 28 местоимений 1 л. ед. и мн. ч. и 24 местоимений 2 л. ед. и мн. ч. В целом, в период O2 использование анафорических местоимений с конструкцией зафиксировано в 41 % случаев, остальных местоимений – 23 %. В период O3 данное соотношение меняется: 29 % приходится на анафорики и 36 % на все стальные местоимения. Как видим, в плане употребления местоименных подлежащих очевидна тенденция к изменению, хотя около половины местоимений на раннем этапе (XI в.) и треть в X-XI вв. говорят в пользу результативной трактовки.

Семантика и статус глагола habban

Исходя из того, что было представлено в предыдущем разделе, можно сделать основной вывод: посессивный глагол в рамках конструкции habban+причастие II во многих случаях представляет собой своего рода копулу, выражающей причастность субъекта к завершенности выполненного над объектом действия. Такой статус посессивного глагола позволяет интерпретировать конструкцию как результатив.

Habban в древнеанглийском имел широкий коллокационный потенциал. Из множества коллокаций с habban, многие употребляются также в рамках конструкции habban+причастие II: in mod habban – ece *in mode* ic **hefde** “извечно было у меня на уме ” (Mercian) Vespasian Psalter (1965) lxxvi. 5 (6) vs [Bede 5:17.452.13.4539] þe he *on his mode* **gelufad hæfde** “что у него *на уме* **было взлелеяно**”; для выражения семейных отношений: West Saxon Gospels: Matt. (Corpus Cambr.) iii. 9 We **habbað** abraham *us to fæder* “Авраам нам отец” (досл. Мы имеем Авраама нам в отцы) vs [Bede 3:5.168.4.1620] **Hæfde** he *his dohtor him to wife* **beweddad**. “*Дочь его* **была** *ему женой*” (досл. **Имел** *дочь свою себе в жены* **отданной**) [19]. При этом нет необходимости приписывать динамичный характер глаголу habban в ряде примеров, в частности, с выражением семейных отношений, как это делается в [13, p. 3]: перед нами указание на положение вещей, отношение между субъектом, который находился в определенных связях с объектом.

Каким образом результативная конструкция habban+причастие II использовалась с глаголами, указывающими на отсутствие и потерю предмета? Именно в нашей трактовке семантики глагола habban такое становится возможным, поскольку наряду с примерами, где посессивный глагол сохраняет значение обладания, он используется как копула для обозначения связи и принадлежности или отношения субъекта к событию и результатам действия. В современном английском есть примеры, где результатив используется с такими глаголами: they **have** *their things* **stolen** or **lost** “у них *вещи* **украдены** или **потеряны**”, *He* **had** *the key* **hidden** just in time to prevent Henry from seeing it “*У него* **был** *ключ* **спрятан** вовремя, как раз чтобы не дать Генри его увидеть” [3, p. 117]. При чем даже в современном английском в рамках результатива не всегда субъект и выполненное действия являются разными:

(15)…nor sheep can afford to expend a greater amount of energy in the pursuit and acquisition of our food than we are going to get from the food once *we* **have** *it* **consumed**. – и овцы не могут позволить себе затрачивать большее количество энергии в поисках и поглощении еды, чем мы будем извлекать ее из еды, как только *мы ее (еду)* **потребим** (долс. **имеем** *ее* **потребленной**).

Синтаксические характеристики конструкции

Принимая во внимание, что habban в анализируемой конструкции можно трактовать как копулу, выражающую отношение между субъектом и объектом, рассмотрим, какими синтаксическими характеристиками обладает habban+причастие II, в

частности, какие типы дополнений встречаются в рамках данной конструкции. Для анализа мы возьмем несколько текстов из периода O2 (IX в.) и периода O3 (XI в.), в которых выделяются следующие виды дополнений: прямое или косвенное, двойное (прямое и косвенное), сентенциальное (дополнение выражено придаточным предложение с референциальным союзом) и, наконец, отсутствие дополнения.

Таблица 1

Дистрибуция дополнений с habban+причастие II

Произведение	Общее количество	Ø Дополнение	Двойное дополнение	Прямое или косвенное дополнение	Сентенциальное дополнение
ТЕКСТЫ IX ВЕКА					
«Церковная история народа англов»	38	4 (10,5 %)	9 (23,7 %)	17 (44,7 %)	8 (21,1 %)
«Утешение философией»	187	2 (1,06 %)	25 (13,4 %)	130 (69,5 %)	30 (16,04 %)
«Пастырское попечение»	83	5 (6 %)	7 (8,4 %)	61 (73,5 %)	10 (12,1 %)
«Мировая история»	139	3 (2,2 %)	32 (23 %)	76 (54,7 %)	28 (20,1 %)
ТЕКСТЫ XI ВЕКА					
Гомилии Эльфрика и Жития святых	90	7 (7,8 %)	16 (17,8 %)	42 (46,7 %)	25 (27,7 %)
Католические гомилии I и II Эльфрика	94	8 (8,5 %)	18 (19,2 %)	44 (46,8 %)	24 (25,5 %)
Семикнижие	58	14 (24,1 %)	7 (12,1 %)	27 (46,6 %)	10 (17,2 %)

Таблица 1 наглядно демонстрирует, что доминирующим типом дополнений, используемых с конструкцией, являются прямые или косвенные дополнения (косвенные в количественном отношении представлены в незначительном количестве и связаны с глагольным управлением). Это вполне ожидаемо, так как в большинстве случаев, как было показано выше, конструкцию следует рассматривать как результатив, который указывает на то, что субъект обладает либо самим объектом либо связан с ним через отношение принадлежности. При этом в текстах XI в. наблюдается тенденция к незначительному снижению частотности употребления прямых дополнений. В основном увеличение происходит за счет примеров с сентенциальным дополнением, которые также можно трактовать как транзитивные [ср., например, 14, p. 120]:

(16) [Bede 5:21.476.24.4784] Ond he wolde & **gedemed hæfde** *þætte* Ceolwulf æfter him cyning wære… – И он хотел и **приказал**, *чтобы* Кеолвульф после него стал королем… [20].

Если, как мы показали, habban обладает функцией копулы, статально-результативная интерпретация становится возможной и для дитранзитивных глаголов, таких как глагол ‘давать’ – субъект находится в отношении сопричастности к ситуации, в которой объект отдан кому-либо:

(17) [ÆLS [Thomas]:166.7647] Þa cwæð Thomas him to, Crist min Drihten **hæfð** micel **getiþod** þurh his mildheortnysse eow… – Тогда сказал Фома ему: «Христос, мой Господь, даровал вам многое через свое милосердие»… [20].

Ну и наконец, главной синтаксической характеристикой, которая может свидетельствовать в пользу перфектной трактовки конструкции является отсутствие дополнения. Из таблицы 1 мы видим, что в текстах периода O2 таких примеров незначительное количество. Ситуация меняется, хотя и не кардинально, в текстах XI в., в которых подобного рода случаи достигают четверти от общего числа дополнений. Следует отметить, что в ранних текстах, в частности, в «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного четыре примера включают глаголы *findan* ‘решать, постановлять’, *sprecan* ‘говорить’, *gewifian* ‘жениться’, don ‘делать’, из которых два являются глаголами говорения и ментальной деятельности. Количество безобъектных примеров в текстах Эльфрика увеличивается именно за счет глаголов говорения и ментальной деятельности: *secgan* ‘говорить’, *gehyran* ‘слышать’, *gemyntan* ‘иметь ввиду, помыслить’, *gecweþan* ‘говорить’, *ge-tíþian* ‘разрешать’. К ним примыкают такие глаголы, которые, как мы полагаем, близки по семантике к глаголам ментальной деятельности тем, что их действие направлено на сам субъект – *gesyngian* ‘грешить’, *agyltan* ‘грешить’. И, наконец, растет количество предельных безобъектных глаголов, которые в ранних текстах использовались с прямым дополнением: *don* ‘делать’, *gefremian* ‘творить, совершать’, *settan* ‘уста-

навливать', *gewyrcan* 'делать, создавать, творить'.

Обсуждение результатов и выводы

Как было показано выше, у нас нет достаточных количественных данных, исходя из постулируемых в настоящей работе критериев выделения перфекта, чтобы утверждать, что в древнеанглийском был широко развит перфект. Попутно мы выделяли некоторые случаи, в которых в соответствии с принятыми нами критериями habban+причастие II могло бы претендовать на роль перфекта: особенно неопровержимыми выглядят те примеры, в которых сошлось несколько критериев, например, неодушевленное подлежащее, отсутствие дополнения, непредельный глагол, отсутствие приставки *ge-*. В количественном плане частотность таких примеров ничтожно мала. В рамках теории грамматикализации как только лексическая единица (в нашем случае часть конструкции) достигла определенной степени десемантизации, она освобождается от присущих ей до этого дискурсных контекстов и распространяется на максимальное количество других ранее невозможных контекстов [11, p. 126-130]. Если бы у нас был перфект, хотя бы только в результативном значении, то частотность его употребления в тех контекстах, которые однозначно указывают на результативный перфект, была бы гораздо выше.

Мы полагаем, что сдвиги в семантике конструкции можно объяснить в рамках гипотезы, выдвинутой Э. Бенвенистом и примененной на древнеанглийском материале К. Кэри. Суть данного подхода заключается в том, что динамичность, направленность действия на субъект, выполняемая самим субъектом, наблюдается в конструкции с глаголами ментальной деятельности (понимать, знать, видеть, слышать), а также с глаголами говорения в итеративных контекстах. Конструкцию в таких контекстах, К. Кэри называет Resultant State-Process (результативно-статальная процесссная конструкция), в которой субъект агентивен, а референциальная точка (точка отсчета) посессивного глагола – субъект, направленность посессивного глагола – завершенный процесс [5, p. 150]. Такие примеры, как þa he **hæfde ongieten** 'тогда он **узрел**', автор рассматривает как промежуточную конструкцию между объектным результативом (Resultant State-Object, 'результативно-статальная объектная') и собственно перфектом. Таким образом, возникает возможность спорадической трактовки данных примеров как перфект, причем их количество резко возрастает в позднедревнеанглийский период (XI–XII вв.).

Поскольку семантическое изменение конструкции происходит уже в ранних текстах, а количество пограничных случаев (между результативом и перфектом) увеличивается в поздних текстах, в ряде случаев семантика пограничной конструкции реинтерпретируется. Отсюда спорадические примеры с глаголами говорения при отсутствии дополнения в раннем тексте перевода «Церковной истории народа англов». Естественно, что при усилении трансформационных процессов в результативно-статальной процессной конструкции к концу древнеанглийского периода, увеличивается число контекстов, в которых ряд критериев указывают на перфект. Незначительное количество случаев употребления перфекта свидетельствует о том, что перед нами импликатуры, которые еще не конвенциализированы: для того, чтобы инференции играли значимую роль в процессе грамматикализации, их частотность должна быть высокой [11, p. 82]. Рост таких импликатур наблюдается на стыке позднедревнеанглийского и раннесреднеанглийского периодов, когда и начинается конвенциализация употреблений habban+причастие II как перфекта.

Библиографический список

1. Гухман, М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый вид сочетаний частичного и полного слова (На материале истории немецкого языка) [Текст] // Вопросы грамматического строя. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1955. – С. 322-361.

2. Недялков, В. П., Яхонтов, С. Е. 1983: Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) [Текст] / В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. – Л. : Наука.

3. Acosta, D. A. 2006. <HAVE + PERFECT PARTICIPLE> in Romance and English: Synchrony and Diachrony. PhD diss., Cornell University.

4. Bosworth J., Toller T. N. Anglo-Saxon Dictionary. – Режим доступа: http://www.bosworthtoller.com/

5. Carey, K. 1994. Pragmatics, Subjectivity and the Grammaticalization of the English Perfect. PhD Dissertation. – University of California at San Diego.

6. Dahl, Ö. 1985. Tense and aspect systems. – Oxford : Blackwell.

7. Denison, D. 1993. English Historical Syntax: Verbal Constructions. – London: Longman.

8. Detges U., 2000. Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification // Studies in Language. Vol. 24, № 2. – P. 345-377.

9. Elliot, E. M. 2001. The SUM ('BE') and IMAM ('HAVE') Resultative Constructions in Macedonian and Bulgarian within a Typology of Resultative Constructions in Slavic. PhD diss. – University of Toronto.

10. Heine, B. 1997. Possession: Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. – Cambridge : Cambridge University Press.

11. Hopper P. J., Traugott E. C. 2003. Grammaticalization. – Cambridge : Cambridge University Press.

12. Johannsen, B. 2016. From possessive-resultative to perfect? Re-assessing the meaning of [hæbb- + past participle] constructions in Old English prose. In: Re-assessing the Present Perfect. Werner, V., Seoane, E., Suárez-Gómez C. (eds.). Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston. – pp. 23-41.

13. Kilpiö, M. 2006 How possessive is HAVE in Old English and Middle English? Observations on the uses and meanings of this verb. A handout presented at the 14th International Conference on English Historical Linguistics. Bergamo, 21-25 August 2006.

14. Larsson, I. 2009. Participles in Time. The Development of the Perfect Tense in Swedish. A Dissertation. Göteborgs Universitet. Acta Universitatis Gothoburgensis. Göteborg.

15. Łęcki, A. 2010. Grammaticalisation Paths of Have in English. Series: Studies in English Medieval Language and Literature, 24, Frankfurt am Main: Peter Lang.

16. Lee, J.-H. 2004. Periphrastic Perfect Tense in English: A Historical Perspective. Dissertation. The University of Texas at Austin.

17. Mitchell, B. 1985. Old English Syntax, I-II. – Oxford : Clarendon Press.

18. Orchard, Andy (2003) Pride and Prodigies: Studies in the Monsters of the Beowulf-manuscript. – University of Toronto Press: University of Toronto Press. – Text on pp. 204-253.

19. Oxford English Dictionary Online 2018. – Oxford University Press. – Режим доступа: http://www.oed.com

20. Taylor A., Warner A. R., Pintzuk S., Beths F. 2003: The York-Toronto-Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose (YCOE). Department of Linguistics, University of York.

21. Visser, F. Th. 1973. An Historical Syntax of the English Language. – Leiden, The Netherlands: E J . Brill.

Reference List

1. Guhman, M. M. Glagol'nye analiticheskie konstrukcii kak osobyj vid sochetanij chastichnogo i polnogo slova (Na materiale istorii nemeckogo jazyka) = Verbal analytical constructions as a special type of combinations of a partial and full word (on the material of German history) [Tekst] // Voprosy grammaticheskogo stroja = Questions of the grammatical system – M. : Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1955. – S. 322-361.

2. Nedjalkov, V. P., Jahontov, S. E. 1983: Tipologija rezul'tativnyh konstrukcij (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt) = 1983: Typology of productive constructions (statal perfect, rack, passive, perfect) [Tekst] / V. P. Nedjalkov, S. E. Jahontov. – L. : Nauka.

3. Acosta, D. A. 2006. <HAVE + PERFECT PARTICIPLE> in Romance and English: Synchrony and Diachrony. PhD diss., Cornell University.

4. Bosworth J., Toller T. N. Anglo-Saxon Dictionary. – Режим доступа: http://www.bosworthtoller.com/

5. Carey, K. 1994. Pragmatics, Subjectivity and the Grammaticalization of the English Perfect. PhD Dissertation. – University of California at San Diego.

6. Dahl, Ö. 1985. Tense and aspect systems. – Oxford : Blackwell.

7. Denison, D. 1993. English Historical Syntax: Verbal Constructions. – London: Longman.

8. Detges U., 2000. Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification // Studies in Language. Vol. 24, № 2. – P. 345-377.

9. Elliot, E. M. 2001. The SUM ('BE') and IMAM ('HAVE') Resultative Constructions in Macedonian and Bulgarian within a Typology of Resultative Constructions in Slavic. PhD diss. – University of Toronto.

10. Heine, B. 1997. Possession: Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. – Cambridge : Cambridge University Press.

11. Hopper P. J., Traugott E. C. 2003. Grammaticalization. – Cambridge : Cambridge University Press.

12. Johannsen, B. 2016. From possessive-resultative to perfect? Re-assessing the meaning of [hæbb- + past participle] constructions in Old English prose. In: Reassessing the Present Perfect. Werner, V., Seoane, E., Suárez-Gómez C. (eds.). Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston. – pp. 23-41.

13. Kilpiö, M. 2006 How possessive is HAVE in Old English and Middle English? Observations on the uses and meanings of this verb. A handout presented at the 14th International Conference on English Historical Linguistics. Bergamo, 21-25 August 2006.

14. Larsson, I. 2009. Participles in Time. The Development of the Perfect Tense in Swedish. A Dissertation. Göteborgs Universitet. Acta Universitatis Gothoburgensis. Göteborg.

15. Łęcki, A. 2010. Grammaticalisation Paths of Have in English. Series: Studies in English Medieval Language and Literature, 24, Frankfurt am Main: Peter Lang.

16. Lee, J.-H. 2004. Periphrastic Perfect Tense in English: A Historical Perspective. Dissertation. The University of Texas at Austin.

17. Mitchell, B. 1985. Old English Syntax, I-II. – Oxford : Clarendon Press.

18. Orchard, Andy (2003) Pride and Prodigies: Studies in the Monsters of the Beowulf-manuscript. – University of Toronto Press: University of Toronto Press. – Text on pp. 204-253.

19. Oxford English Dictionary Online 2018. – Oxford University Press. – Режим доступа: http://www.oed.com

20. Taylor A., Warner A. R., Pintzuk S., Beths F. 2003: The York-Toronto-Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose (YCOE). Department of Linguistics, University of York.

21. Visser, F. Th. 1973. An Historical Syntax of the English Language. – Leiden, The Netherlands: E J . Brill.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.12.2018
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10320

УДК 811.112.2:81'37

Ю. Г. Горпенникова https://orcid.org/0000-0003-2975-0174

Семиотический аспект речевого акта извинения в немецком деловом дискурсе (на материале электронных писем)

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ 18-012-00226 А

Извинение культурно маркировано и процесс его осуществления типичен для повседневной коммуникации. Деловая коммуникация не является исключением. Цель статьи – анализ использования извинения в немецком языке с точки зрения семиотического аспекта.

Материалом исследования послужили примеры из немецкоязычной деловой E-mail-коммуникации, которые были собраны из личных деловых писем немецких фирм. Деловые E-mail-письма, которые содержат извинения, рассматриваются с позиции прагмалингвистики и трактуются как социативные речевые акты. Всего было проанализировано 500 деловых E-mail-писем на немецком языке.

Извинение является важным неотъемлемым условием коммуникации. Извинение используется для регулирования межличностных отношений в немецкоязычной коммуникативной практике в случае осознания намеренных/ ненамеренных правил этикета, норм этики в межличностных деловых отношениях. В основе извинения в немецкой деловой коммуникации лежит саморефлексия, активизирующая мотив восстановления имиджа фирмы посредством обращения к коммуникативным средствам извинения.

Речевой акт «извинение» в немецких деловых E-mail-писем рассматривается в семиотическом аспекте с трех позиций: прагматического, семантического и синтаксического. Результаты исследования показали, что речевой акт «извинение» в немецких письмах можно отнести к взаимным речевым актам, который служит для сглаживания конфликта. Были выделены тактики, помогающие прийти к положительному исходу коммуникации – тактика примирения, тактика комментирования, тактика признания вины. В данных тактиках анализировалась частота употребления лексем

Ключевые слова: речевой акт; извинение; семтотический аспект; семантика; прагматика; синтактика; тактика.

Yu. G. Gorpennikova

A Semiotics Aspect of the Speech Act of Apology in the German Business Discourse (on the material of e-mails)

The apology is cultured and the process of its statement is typical for the daily communication. The business communication is not counterexample. The aim of the article is the analysis of using apology in the German language from the point of the semiotic aspect view.

The examples from German business E-mail-communication serve as data for study. These E-mails have been collected from private business letters of German firms. The business E-mails, which have apology, are taken into consideration from the point of pragmalinguistics and are named sociative speech act. The total amount of analyzed material is 500 business E-mails in the German language.

The apology is often used in the German communication. Considering the speech act «apology» in the German business E-mails we take into consideration the semiotic aspect from three points: pragmatic, semantic and syntactic. The speech act apology is the method of mitigation in the business communication, which regulates the relation, influences other people. The results of the present research have shown that speech act «apology» in the German letters are referred to the reciprocal speech act, which people need for the mitigation of conflict. The tactic was pointed, which helps to go to positive conclusion of the problem: the tactic of accommodation, the tactic of commentation, the tactic of confession. The use of the exams «Entschuldigung / sich entschuldigen, Verzeihung / verzeihen» was researched in these tactics. The lexeme «Verzeihung / verzeihen» is used in the tactic of accomodation, the lexeme «Entschuldigung sich/ entschuldigen» is used more in the tactics of commentation and confession.

Keywords: speech act, apology, semiotic aspect, semantic, pragmatic, syntactic, tactic.

Введение

В немецкой культуре извинение детерминируется как важное неотъемлемое условие коммуникации. В немецкоязычной коммуникативной практике извинение используется для регулирования межличностных отношений в случае осознания намеренных/ ненамеренных правил этикета, норм этики в межличностных деловых отношениях. В основе извинения в немецкой деловой коммуникации лежит саморефлексия, активизирующая мотив восстановления имиджа фирмы посредством обращения к коммуникативным средствам извинения.

Извинение востребовано в немецкоязычной коммуникации, так как его используют в различных

© Горпенникова Ю. Г., 2019

целях по разнообразным причинам и мотивам. Извинение – сигнал осознания конвенциональных норм вежливости и их нарушения, а также сигнал желания восстановления отношений. Данная категория вежливости инициирует этикетный диалог, которому характерно стереотипность и ситуативность. С коммуникативной точки зрения извинение – это такая коммуникативная модель, в которой принимают участие два человека, один из которых должен осознавать, что нанес ущерб своими вербальными или невербальными действиями второму, также признает свою вину полностью или частично и при помощи речевого акта извинения хочет снять с себя вину. Второй коммуникант в соответствии с этикетными ожиданиями должен отреагировать в вербальной форме и принять извинение [5, ст. 124].

Методы и материал исследования

Большое количество текстов оформлены в виде речевых актов, которые отображают взаимодействие между членами языкового сообщества. Единицей исследования является деловое E-mail-письмо или социативный речевой акт «извинение», под которым понимается вид речевого действия, при совершении которого отправителем сглаживается ожидаемый получателем и отправителем конфликт. Извинение проявляет себя в текстах как коммуникативный феномен, который возможно проанализировать. План проведения данного исследования включал следующие этапы:

- поиск немецких деловых E-mail-писем;
- составление собственной картотеки писем;
- проведение анализа: поиск и подсчет лексических маркеров высказываний с извинениями (частотность употребления маркеров);
- интерпретация полученных данных.

Поиск деловых E-mail-писем осуществлялся нами в соответствии со следующими требованиями: наличие прямой коммуникации, указание на совершение социативного речевого акта «извинение». Наиболее иллюстративными для нашего исследования было отобрано 500 примеров. Для первоначального поиска мы искали существительные Entschuldigung и Verzeihung. Далее мы искали письма с глаголами sich entschuldigen и verzeihen. Для подробного понимания ситуации передачи речевого акта извинения использовался метод семантико-стилистического анализа и контекстологического метода. В основе первого используемого метода лежит изучение смысловых нюансов лексемы в деловых письмах. Второй метод применялся для исследования языковой единицы.

Результаты и их обсуждение

В процессе исследования извинения в немецкой культуре, можно обратить внимание на разные стороны извинения, а именно – культурную, социальную, психологическую составляющие. Мы решили обратить внимание на семиотическую сторону изучения влияния речевого акта извинения. Речевой акт извинение в качестве объекта семиотики можно рассматривать, так как имеется сигнификат и возможно его осуществление.

Речевые приемы принесения извинения целесообразно свести к трем основным аспектам семиотики:

- семантическому;
- синтаксическому;
- прагматическому.

Прагматика извинения является разделом семиотики, изучающим логическое построение делового письма с целью успешного речевого воздействия на получателя.

Впервые теорию речевых актов [ТРА] предложили Д. Остин и Дж. Серль. Д. Остин речевой акт рассматривал как единство из трех актов – локутивнный, иллокутивный и перлокутивный. Следующую классификацию речевых актов предложил Дж. Серль: экспрессивные, ассертивные, промиссовые, директивные и декларативные. Дж. Серль к экспрессивным речевым актам отнес приветствие, поздравления, благодарность, соболезнования, извинения, сожаление [6, с. 152]. В круг наших интересов входят экспрессивные речевые акты.

Класс экспрессивных речевых актов разнообразен. В экспрессивном речевом акте объединяются как перлокутивный эффект, так и интенции. Под перлокутивном эффектом понимается оказание эмоционального воздействия, а под интенцией – выражение чувства говорящего по отношению к адресату. Экспрессивные речевые акты можно подразделить на группы социативов и инфлуктивов. Данные группы характеризуются различной степенью социальной «ритуальности», которая определяет специфические особенности формирования их смысла. К социативам относятся извинение, поздравление, пожелание, тесно связанные с регламентированными обществом формами взаимодействия – в том числе и речевого. Пропозиция в социативах – выражение уважительного отношения к адресату, оценка является фоном для реализации интенции, а эмоциональный компонент, как правило, совсем нейтрализован в соответствии со строгими правилами ритуального общения.

В социативных речевых актах содержится элемент почтения, с помощью которого адресату регулярно сообщается об уважительном отношении к нему [3, с. 133]. Оказание знаков внимания партнеру Дж. Лич назвал принципом [7, с. 82],

который в речевой коммуникации определяется как специальная стратегия речевого поведения, обращенная на предотвращение возможных конфликтных ситуаций и реализуемая с помощью различных тактических приемов и правил.

Ритуальные речевые акты делятся на две группы: взаимные и невзаимные. Взаимными ритуальными речевыми актами являются приветствие, благодарность и извинение. При этом благодарность и извинение являются ассиметричными, так как одна сторона выступает как доминирующая, а другая как подчиненная. Вторая группа ритуальных речевых актов – выражение соболезнования и поздравления. Она функционирует в рамках одностороннего фокуса. Лицо, которое поздравляют, ничем не обязано лицу, которое поздравляет. То же самое можно сказать и о выражении соболезнования. Ритуальные речевые акты функционируют в семантико-прагматическом пространстве вежливости. Вежливость является формой выражения ритуальных речевых актов, когда их параметр искренности оказывается нерелевантным или почти нерелевантен. Вежливое поведение является ритуализованным, так как в нем партнер при помощи символических вербальных и невербальных действий показывает, насколько он сам достоин уважения и насколько он уважает другого [3, с. 134].

Речевой акт извинения как социатив в деловом общении является «мягким» методом регулирования отношений, средством «сглаживания» социального механизма, оказания влияния, воздействия на партнера. Извинение является реакцией на нанесение адресату ущерба. Реакция на извинение, то есть принятие извинения ожидаема, их отсутствие нарушает конвенции речевого общения и порицается. Речевой акт извинение подчинен правилам и повторяется с незначительными модификациями, поэтому можно сказать, что извинение протекает шаблонно.

Р. Ратмайр отмечает, что иллокутивная функция извинения неоднозначна и культурно релятивна. С помощью извинения виновный в причинении ущерба, вследствие которого произошло изменение внеязыкового мира, в частности, ухудшение имиджа виновного в глазах того, кто потерпел ущерб, стремится «аннулировать сложившуюся негативную оценку» [8, с. 62-63]. При этом именно в силу названной иллокутивной функции извинений они оказываются различными, будучи высказанными по мелким поводам и при причинении значительного ущерба. Соответственно дифференцированными оказываются и ожидания в отношении ответа на принесенное извинение: в первом случае положительный ответ является, чуть ли ни ритуально предопределенным; во втором – ответ действительно зависит от существа дела.

Речевой акт извинения, с точки зрения прагматики, можно представить как категорию с двумя оппозициями – внутренняя категориальная форма и внешняя. Внутренняя категориальная форма может быть представлена постоянными и переменными признаками. Постоянными признаками могут выступать намерение и искренность. Переменные признаки внутренней формы – отправитель-получатель-пресуппозиция.

Понятие пресуппозиции играет большую роль в речевой ситуации извинения. Получатель должен обладать такими пресуппозитивными свойствами, которые будут для отправителя сами собой разумеющимися или известными. В качестве пресуппозиции в ситуации извинения отправитель использует выражения, которые считаются истинными.

№ 1. Sehr geehrte Frau Beispiel,

vielen Dank für die Einladung *zur Konferenz. Das Thema interessiert mich sehr und ich hätte gern teilgenommen. Zum 14.7 bin ich allerdings beschäftigt im Ausland unterwegs.*

Bitte entschuldigen Sie kurzfristige Absage.

В данном примере начинается разъяснением причины, не позволяющих принять участие в конференции, завершается произнесением просьбы о прощении.

В качестве создания высказывания отправитель использует языковые средства для внедрения двоякого смысла. Коммуникативные «упаковки» смысла вносят неоднородность в план содержания высказывания, что приводит к возникновению в нем различных компонентов или слоев, которые неодинаковы по эксплицитности содержания [1, с. 217]. Создание двоякости смысла позволяет отправителю извинения успешно манипулировать сознанием получателя, то есть оказывать воздействие на него. Посредством передачи информации, содержащей извинение коммуниканты воздействуют друг на друга. Можно сделать вывод, что речевой акт извинения связан с изучением манипуляции, управлением сознания получателя, то есть с воздействием на процесс принятия решений получателем, сглаживанием конфликтной ситуации.

№ 2. *Zu seiner Ehre sei es gesagt, er hat mich gewarnt. An ihm liegt es also nicht, ich, ich bin schuld, ich habe seinen erregten Rat einfach sündhaft vergessen und füge jetzt, bloß um mich zu entschuldigen, hinzu: wer ins Kanabuh geht, der hat gehandelt, sobald er sich auf eine Kiste oder einen Hocker gesetzt hat. Danach handelt der gar nicht mehr, das ist doch die Schwierigkeit, Herr Professor*.

При анализе деловых писем с точки зрения семантического аспекта извинения были обнаружены

такие качества как искренность / неискренность принесенного извинения. Значение принесенного извинения должно соответствовать значению, которое понял получатель. Такое соответствие связано с понятиями – интенсионал и экстенсионал. Интенсионал – характеристика концепта или понятия, которая выражается всеми общими свойствами всех денотатов и их отношений. Экстенсионал, в свою очередь, определяется как класс возможных денотатов, к которым отправляет знак [4, с. 95].

В настоящее время многие лингвисты занимаются вопросами экстенсиональной синонимии, в рамках которой они исследуют приемы воздействия на получателей [Блакар, 1987; Болинджер, 1987; Gloy, 1979]. Принятие извинения получателем осуществляется за счет двусмысленности высказывания. Получатель в процессе коммуникации выбирает только одно значение. Чтобы в процессе коммуникации получатель выбрал именно то значение, которое необходимо для отправителя, помогают языковые выражения, которые иногда засоряют канал общения.

Выбор определенного слова, выражения содержит в себе оценочный акт, который предполагает воздействие на получателя. Язык в этом случае выступает инструментом сохранения имиджа. Таким инструментом в деловых письмах можно назвать употребление коммуникантами слов и выражений, в коннотации которых присутствует установка на позитивную реакцию получателя. Правильно подобранные слова, конкретные слова, освобождают от возможных негативных ассоциаций с каким-либо явлением*: sich entschuldigen für mein Benehmen, verzeihen Sie für die Verspätung*. При употреблении конкретных слов-извинений в деловой E-mail-коммуникации они действуют как сигнальные слова, которые в каждом случае отмечают свою фирму, отстаивают свои собственные интересы, критикуют свои ошибки, поступки, поведение.

№ 3. *Ich bitte um Entschuldigung für mein gestriges Benehmen während der Underhaltung....*

№ 4. *Verzeihen Sie mich für die Verspätung. Ich kann früher nicht antworten, ich war krank.*

Общим значением речевого акта извинения является сожаление о чем-либо, то есть он используется для того, чтобы показать сожаление об обстоятельствах. В процессе исследования нами было установлено, что речевой акт извинение передается при помощи тактик. Речевая тактика – это конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие (речевой акт или совокупность нескольких речевых актов) соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Были выделены следующие тактики: тактика признания вины, комментирования, примирения. *Тактика признания вины*, в которой отправитель осознает свою ошибку, свое неверное поведение в процессе коммуникации. *Тактика комментирования* предполагает в себе личностное переживание отправителя, выражаемое сожалением по поводу сложившейся ситуации, и в то же время содержит ссылку на объективные причины, которые послужили причиной конфликтной ситуации. *Тактика примирения* способствует налаживанию контакта с получателем в дальнейшем. В немецком языке существуют два основных слова с семантикой извинения – *sich entschuldigen/Entschuldigung* и *verzeihen/Verzeihung*. В немецком языке Entschuldigung – оправдание за проступок, а Verzeihung – просьба о прощении за какое-то грубое некорректное поведение. Entschuldigung содержит в себе вину, а Verzeihung – грех. В проанализированных письмах и выделенных в них тактиках наиболее употребительным является слово с семантикой вины – *Entschuldigung/sich entschuldigen*. Это связано с тем, что в деловых письмах больше признают свою вину, чем грех. В приведенной ниже таблице представлено употребление данных лексем по тактикам речевого акта извинения.

Таблица 1

Использование лексем Entschuldigung/sich entschuldigen и Verzeihung/verzeihen в тактиках

	Тактика признания вины		Тактика комментирования		Тактика примирения	
Entschuldigung/sich entschuldigen	219	43,88 %	151	30,21 %	30	25,91 %
Verzeihung/Verzeihen	34	34,43 %	31	29,51 %	35	36,06 %

Лексема Entschuldigung/ sich entschuldigen употребляется в тактики признания вины больше, чем в тактиках комментирования и примирения, что составляет 43,88 %. Это связано с тем, что отправитель полностью признает свою вину о случившемся.

Лексема Verzeihung/verzeihen встречается чаще в тактике примирения, что составляет 36,06 %. В тактиках примирения чаще просят о прощении о произошедшем.

Семантические правила описания речевого акта извинения в немецкой деловой E-mail-коммуникации не являются автономными, они дополняются и переплетаются с синтаксическими и прагматическими правилами.

В рамках синтаксического анализа речевого акта извинения устанавливаются структуры и преобразования предложения, которые позволяют незаметно для получателя воздействовать на него. Под

структурами предложения понимаются длина предложения; использование пассивных конструкций, опущение элементов предложения, именной стиль. Остановимся на некоторых способах использования синтаксиса при принесении извинения.

Степень развернутости/свернутости письма, содержащего извинение, выражается в использовании сложных и простых предложений, с помощью которых отправитель стремится максимально повысить уровень принятия извинения. Чем проще построено предложение, тем легче для получателя понять смысл письма и принять извинение.

№ 5. *Entschuldigen Sie mir für Fehler in der Zugabfahrt.*

Противоположный простым предложениям выступают сложные предложения. При помощи сложных предложений отправитель приносит извинения, скрывая при этом действительность произошедшего.

№ 6. *Unsere Firma bringt Entschuldigungen vor, dass unser Vertrag zur Zeit nicht erfüllt ist, weil die Werkzeugmaschinen kaputtgegangen sind.*

Адресат приносит извинения о невыполненном контракте в связи с выходом из строя машин на заводе, а в действительности сотрудники завода не справляются со своими обязанностями.

В деловом дискурсе роли субъекта и объекта определены. В качестве субъекта в деловом дискурсе выступает директор фирмы, а в качестве объекта можно выделить партнеров по бизнесу, клиентов, сотрудников фирмы.

Пассивные конструкции, деепричастные обороты, безличные местоимения позволяют отправителю письма переключить внимание отправителя с его личности, исключить участников из языкового описания ситуации.

№ 7. *Der Bus war gestern abgestoppt, Entschuldigung.*

Ответственность отправителя за искренность извинения может быть снята с помощью смены «коммуникативного веса» семантических ролей, которые присутствуют в падежной рамке предиката [2, с. 349]. Данный вес определяется иерархией ролей, которая имеет вид – агенс (субъект) – экспериенцер (объект) – пациенс (сущность, которая подвергается действию). Экспериенцер опускается в предложениях с глаголами *vorstellen, scheinen.*

№ 8. *Es scheint richtig, Entschuldigungen vorbringen...*

Исключение одного из составляющего представленной иерархии дает возможность снять с себя ответственность за ошибки, проступки.

Именной, номинальный стиль – стиль с преобладанием именных групп, позволяющий управлять процессом понимания, принятия извинения, так как отправитель выводит таким образом из обсуждения важных актантов.

№ 9. In unserer Entschuldigung liegt die Antwort auf die Frage nach dem Grund für die Tatsache der Entstehung der unvorhergesehene Landung.

В настоящем предложении использовано семь существительных и только один глагол (liegt).

Выводы

Осуществление речевого акта извинения в семиотическом осмыслении есть любая межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определено семантическими, синтаксическими и прагматическим правилами. Извинение, в которой существует особая грамматика, особое использование лексики, особые правила словоупотребления и синтаксиса, определяется как своеобразный код в языке.

Представленные аспекты анализа речевого акта извинения в немецком деловом дискурсе позволяют различать несколько уровней рассмотрения: уровень семантики, уровень синтактики и уровень прагматики. Анализ языковых предпочтений при осуществлении извинения в деловой коммуникации позволил выявить характерные структуры, употребляемые в немецкой E-mail-коммуникации. Рассмотренные аспекты анализа речевого акта извинения можно подвергнуть анализу на материале любого типа дискурса.

Библиографический список

1. Баранов А. Н., Крейдлин, Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога [Текст] / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – № 2. – 1992. – С. 84-99.

2. Бергельсон, М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы [Текст] / М. Б. Бергельсон. – М. : Университетсая книга, 2007. – 320 с.

3. Бут, Н. А. Категориальный аппарат теории речевых актов в аспекте актуальных теорий [Текст] // Вестник ТГТУ, 2003. – Том 9. – С. 130-136.

4. Вежбицкая, А. Речевые акты [Текст] / А. Вежбицкая / пер. с англ. С. А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Е. В. Падучевой; общ. ред. Н. Н. Попов. Вып. 16. – М. : Прогресс, 1985. – С. 251-276.

5. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.

6. Газизов, Р. А. Коммуникативные стратегии реализации максим одобрения и симпатии в немецкой культуре [Текст] / Р. А. Газизов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – № 3. – Том 1. – 2010. – С. 21-30.

7. Газизов, Р. А. Коммуникативный этикет в аспекте лингвистической вежливости (на материале немец-

кой лингвокультуры) [Текст] : монография / Р. А. Газизов. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – 196 с.

8. Газизов Р. А. Способы функционирования имплицитной вежливости в экспрессивных речевых актах (на материале немецкой лингвокультуры) [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. – № 29 (320). – Филология. Искусствоведение. Вып. 83. – С. 24-26.

9. Деловые письма немецких фирм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.de/search?q=E-mail-Gesch%C3%A4ftsbriefe+mit+Entschuldigung&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwi29qeZuJvUAhXBkCwKHeK5AAQQ_AUIBigB&biw=1366&bih=613&dpr=1.

10. Деловые письма немецкого университета «Die Hochschule in Osnabrück» [Текст].

11. Деловые письма немецкой нотариальной конторы «Österreichische Notariatskammer» [Текст].

12. Ленец А. В. Стратегии и тактики лингвистики лжи [Текст] / А. В. Ленец // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2009. № 1. – С. 126-129.

13. Литвинова, В. А. Прагматика искренних извинений в английской коммуникативной культуре [Текст] / В. А. Литвинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Изд-во Грамота, 2014. – № 4 (34). – С. 124-127.

14. Сёрль, Дж. Р. Что такое речевой акт? [Текст] Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986 – Выпуск XVII. Теория речевых актов. – С. 151-169.

15. Borisov V. Kommunikationsstrategien und Selbstdarstellung im politischen Fernsehinterview. – Berlin, 2012. – 255 s.

16. Charles Boris Diyani Bingan. Begrüßung, Verabschiedung und Entschuldigung in Kamerun und Deutschland: Zur linguistischen und kulturkontrastiven Beschreibung von Sprechakten in der ... (Im Medium fremder Sprachen und Kulturen). Peter Lang Edition. – Berlin, 2010. – 102 s.

17. Clocke G. Entschuldigung und Entschuldigungsannahme im Täter-Opfer-Ausgleich: Eine soziolinguistische Untersuchung zu Gesprächsstrukturen und Spracheinstellungen (Wissen – Kompetenz – Text). Peter Lang Edition. – Berlin, 2010. – 128 s.

18. Der Deutsch-Knigge. Sicher formulieren, sicher kommunizieren, sicher auftreten. – Mannheim, 2008. – 478 s.

19. Dittmann Jü. Konzeptionelle Mündlichkeit in E-Mail und SMS. Bari_Druck_Text&Lit.doc Fassung. 10.08.2015. – 27 S.

20. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London and New York : Longman, 1983. – 250 pp.

21. Majovsky K. Die Bedeutung von (Un-) Höflichkeit für das translatorische Handeln. Wien, 2010. – 107 s.

22. Menzel W. Fragen, bitten, fordern. Eine Einfuhrung ins höfliche Sprechen // Praxis Deutsch. Zeitschrift für den Deutschunterricht 178, 2003. – H. 1182. 30. Jhg. – S. 17-21.

23. Meyer K. Interkulturelle Pragmatik: Aufforderungen, Entschuldigungen und Beschwerden. Dissertation zur Erlangung ....Dr. Philos. Hamburg, 2007. – 321 s.

24. Olstain E. The Language of Apologies in German / E. Olstain, H. J. Vollmer // Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (Hg.) Cross-Cultural Pragmatics: Request and Apologies. – Norwood, New Jersey, 1990. – Pp. 197-218.

25. Pansegrau P. Dialogizität und Degrammatikalisierung in E-Mails. – Weingarten, 1997. – S. 86-104.

26. Rathmayr R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literatuten und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. – Innsbruck, 1996. – S. 174-185.

27. Reutner U. E-Mail-Kulturen im Vergleich. Romanistik in Geschichte und Gegenwart 16,2 (2010) © Helmut Buske. – Verlag, Hamburg, 2010. – S. 1-26.

28. Runkehl J. Sprache und Kommunikation im Internet. – Berlin, 1998. – S. 97-109

29. Schendels E. I. Deutsche Grammatik. – M., 1982. – 401 s.

30. Schiffrin D. Discourse Markers / D. Schiffrin. – New York: Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 278 pp.

31. Schlobinski P. Mündlichkeit/ Schriftlichkeit in den Neuen Medien. – Berlin, 2005. – S. 126-142.

Reference List

1. Baranov A. N., Krejdlin, G. E. Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga = Illocutive forcing in structure of dialogue [Tekst] / A. N. Baranov, G. E. Krejdlin // Voprosy jazykoznanija = Voprosyi yazykoznaniya. – № 2. – 1992. – S. 84-99.

2. Bergel'son, M. B. Pragmaticheskaja i sociokul'turnaja motivirovannost' jazykovoj formy = Pragmatical and sociocultural motivation of a language form [Tekst] / M. B. Bergel'son. – M. : Universitetsaja kniga, 2007. – 320 s.

3. But, N. A. Kategorial'nyj apparat teorii rechevyh aktov v aspekte aktual'nyh teorij = The categorial apparatus of the theory of speech acts in aspect of relevant theories [Tekst] // Vestnik TGTU = Bulletin of TSTU, 2003. – Tom 9. – S. 130-136.

4. Vezhbickaja, A. Rechevye akty = Speech acts [Tekst] / A. Vezhbickaja / per. s angl. S. A. Krylova // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvisticheskaja pragmatika = New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics / sost. i vstup. st. E. V. Paduchevoj; obshh. red. N. N. Popov. Vyp. 16. – M. : Progress, 1985. – S. 251-276.

5. Vezhbickaja, A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Knowledge [Tekst] / A. Vezhbickaja. – M. : Russkie slovari, 1997. – 416 s.

6. Gazizov, R. A. Kommunikativnye strategii realiza-

cii maksim odobrenija i simpatii v nemeckoj kul'ture = The communicative strategy of realization of maxims of approval and sympathy in the German culture [Tekst] / R. A. Gazizov // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of Leningrad state university named after A. S. Pushkin. – № 3. – Tom 1. – 2010. – S. 21-30.

7. Gazizov, R. A. Kommunikativnyj jetiket v aspekte lingvisticheskoj vezhlivosti (na materiale nemeckoj lingvokul'tury) = Communicative etiquette in aspect of linguistic politeness (on the material of the German linguo-culture) [Tekst] : monografija / R. A. Gazizov. – Ufa : RIC BashGU, 2017. – 196 s.

8. Gazizov R. A. Sposoby funkcionirovanija implicitnoj vezhlivosti v jekspressivnyh rechevyh aktah (na materiale nemeckoj lingvokul'tury) = Ways of functioning of implicit politeness in expressional speech acts (on the material of the German linguo-culture) [Tekst] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk state university, 2013. – № 29 (320). – Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 83. – S. 24-26.

9. Delovye pis'ma nemeckih firm = Business letters of German firms [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.google.de/search?q=E-mail-Gesch%C3%A4ftsbriefe+mit+Entschuldigung&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwi29qeZuJvUAhXBkCwKHeK5AAQQ_AUIBigB&biw=1366&bih=613&dpr=1.

10. Delovye pis'ma nemeckogo universiteta «Die Hochschule in Osnabrück» = Business letters of the German university «Die Hochschule in Osnabrück» [Tekst].

11. Delovye pis'ma nemeckoj notarial'noj kontory «Österreichische Notariatskammer» = Business letters of the German notary office «Österreichische Notariatskammer» [Tekst].

12. Lenec, A. V. Strategii i taktiki lingvistiki lzhi = Strategy and tactics of linguistics of a lie [Tekst] / A. V. Lenec // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki = News of higher educational institutions. North Caucasus Region. Series: Social sciences. – Rostov-na-Donu, 2009. № 1. – S. 126-129.

13. Litvinova, V. A. Pragmatika iskrennih izvinenij v anglijskoj kommunikativnoj kul'ture = Pragmatics of sincere apologies in the English communicative culture [Tekst] / V. A. Litvinova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Filologicheskie nauki. Voprosyi teorii i praktiki. – Tambov : Izd-vo Gramota, 2014. – № 4 (34). – S. 124-127.

14. Sjorl', Dzh. R. Chto takoe rechevoj akt? = What is the speech act? [Tekst] Dzh. R. Sjorl' // Novoe v zarubezhnoj lingvistike = New in foreign linguistics. – M. : Progress, 1986 – Vypusk XVII. Teorija rechevyh aktov. – S. 151-169.

15. Borisov V. Kommunikationsstrategien und Selbstdarstellung im politischen Fernsehinterview. – Berlin, 2012. – 255 s.

16. Charles Boris Diyani Bingan. Begrüßung, Verabschiedung und Entschuldigung in Kamerun und Deutschland: Zur linguistischen und kulturkontrastiven Beschreibung von Sprechakten in der ... (Im Medium fremder Sprachen und Kulturen). Peter Lang Edition. – Berlin, 2010. – 102 s.

17. Clocke G. Entschuldigung und Entschuldigungsannahme im Täter-Opfer-Ausgleich: Eine soziolinguistische Untersuchung zu Gesprächsstrukturen und Spracheinstellungen (Wissen – Kompetenz – Text). Peter Lang Edition. – Berlin, 2010. – 128 s.

18. Der Deutsch-Knigge. Sicher formulieren, sicher kommunizieren, sicher auftreten. – Mannheim, 2008. – 478 s.

19. Dittmann Jü. Konzeptionelle Mündlichkeit in E-Mail und SMS. Bari_Druck_Text&Lit.doc Fassung. 10.08.2015. – 27 S.

20. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London and New York : Longman, 1983. – 250 pp.

21. Majovsky K. Die Bedeutung von (Un-) Höflichkeit für das translatorische Handeln. Wien, 2010. – 107 s.

22. Menzel W. Fragen, bitten, fordern. Eine Einfuhrung ins höfliche Sprechen // Praxis Deutsch. Zeitschrift für den Deutschunterricht 178, 2003. – H. 1182. 30. Jhg. – S. 17-21.

23. Meyer K. Interkulturelle Pragmatik: Aufforderungen, Entschuldigungen und Beschwerden. Dissertation zur Erlangung ....Dr. Philos. Hamburg, 2007. – 321 s.

24. Olstain E. The Language of Apologies in German / E. Olstain, H. J. Vollmer // Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (Hg.) Cross-Cultural Pragmatics: Request and Apologies. – Norwood, New Jersey, 1990. – Pp. 197-218.

25. Pansegrau P. Dialogizität und Degrammatikalisierung in E-Mails. – Weingarten, 1997. – S. 86-104.

26. Rathmayr R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literatuten und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. – Innsbruck, 1996. – S. 174-185.

27. Reutner U. E-Mail-Kulturen im Vergleich. Romanistik in Geschichte und Gegenwart 16,2 (2010) © Helmut Buske. – Verlag, Hamburg, 2010. – S. 1-26.

28. Runkehl J. Sprache und Kommunikation im Internet. – Berlin, 1998. – S. 97-109

29. Schendels E. I. Deutsche Grammatik. – M., 1982. – 401 s.

30. Schiffrin D. Discourse Markers / D. Schiffrin. – New York: Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 278 pp.

31. Schlobinski P. Mündlichkeit/ Schriftlichkeit in den Neuen Medien. – Berlin, 2005. – S. 126-142.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10321

УДК 811.11-112

Н. А. Синеокая https://orcid.org/0000-0002-6286-1952

Маскулинные коммуникативные стратегии и тактики (на материале интервью женщин-политиков в Германии)

Статья публикуется при поддержке Гранта РГНФ 16-34-00014а1 «Коммуникативное взаимодействие в современном медийном пространстве как способ конструирования имиджа»

В статье рассматриваются особенности женского политического дискурса на материале интервью женщин-политиков Германии, играющих ключевые роли в политике современной Германии. Политическая арена требует от женщин-политиков мужского стиля поведения, что проявляется в использовании маскулинных комуникативных стратегий и тактик. В статье рассматривается маскулинность в политическом дискурсе. Определяется понятие маскулинности. Анализируются тексты интервью с целью установления коммуникативных стратегий и тактик маскулинности. Для анализа берутся тексты семи известных женщин-политиков Германии, информацию о которых можно найти в открытом доступе в сети интернет, на официальных страницах и в социальных сетях. Тексты интервью особенно интересны для анализа, так как в них наиболее ярко проявляется личность интервьюируемого, его политические взгляды и позиция. В ходе исследования применяются метод контекстологического анализа и семантико-стилистического анализа, сочетание которых позволяет выявить актуальный смысл высказывания и установить их различные стилистические функции в политическом дискурсе. Для подтверждения достоверности полученных результатов применялся также метод количественного подсчета. Закрытость сферы политики для женщин вплоть до успехов феминистского движения в XX в. делает актуальным рассмотрение характерных черт дискурса женщин-политиков. Раньше такие политические лидеры тяготели к мужскому стандарту поведения. На основе анализа литературы по теме маскулинных коммуникативных стратегий и тактик, в статье представлена их классификация. Проведенный анализ текстов показал, что женщинами-политиками используется чаще стратегия противопоставления, а также тактики поляризации, критики оппонента, отрицания, побуждения, что указывает на желание женщин-политиков удерживать свои лидерские позиции, отстаивать свою точку зрения.

Ключевые слова: политический дискурс, Интернет-дискурс, жанр интервью, политическое интервью, маскулинность, коммуникативные стратегии и тактики, конфронтация, конфронтационная коммуникация, стратегия противопоставления, стратегия утверждения.

N. A. Sineokaya

Masculine Communication Strategies and Tactics in the Female Political Discourse (on the example of Women Politicians' Interviews in Germany)

The features of women's political discourse are studied on the basis of the interviews with women politicians of Germany. The political arena makes female politicians adopt a male style of behavior, which is manifested in the use of masculine communication strategies and tactics. The article deals with masculinity in political discourse. The concept of masculinity is defined. The interview texts are analyzed with the aim of establishing communicative strategies and tactics of masculinity. The analysis is based on the texts of seven well-known women politicians in Germany, information about them can be found in the public domain on the Internet, on the official pages and on social networks. The interview texts are particularly interesting for the analysis, as they most clearly show the personality of the interviewee, his political views and position. The research employs the method of the contextual analysis and semantic-stylistic analysis, the combination of which allows us to identify the real meaning of the statement and to establish their various stylistic functions in the political discourse. The quantitative calculation method was used as well as to confirm the validity of the results. The closeness of the politics sphere for women up to the success of the feminist movement in the XX century makes it up-to-datw to consider the characteristic features of the discourse of women politicians. Previously, such political leaders have been gravitating to the male standard of conduct, since the political sphere requires masculine behavior from women. Based on the analysis of literature on the topic of masculine communication strategies and tactics, the article presents their classification. The analysis of the texts demonstrate that women politicians often use the strategy of opposition, as well as the tactics of polarization, criticism of the opponent, denial, motivation, which displays the desire of women politicians to maintain their leadership positions and to defend their point of view.

Keywords: political discourse, Internet discourse, genre of interview, political interview, masculinity, communicative strategies and tactics, confrontation, confrontational communication, opposition strategy, approval strategy.

© Синеокая Н. А., 2019

Постановка проблемы

Сфера политики является пространством, в котором реализуются социальные стандарты маскулинности. Они являются механизмом воздействия на политическое поведение избирателей. Равноправными участниками политического дискурса являются как мужчины, так и женщины. Сфера большой политики требует от женщин-политиков мужского стиля поведения, что проявляется, в первую очередь, в использовании коммуникативных стратегий и тактик.

Маскулинные коммуникативные стратегии иначе называются нами «конфронтационные». Прежде чем описать маскулинные, или конфронтационные, стратегии, стоит дать определение понятию «конфронтация».

Конфронтация – (от франц. *confrontation*) противоборство, противопоставление, столкновение социальных систем, классовых интересов, убеждений (напр., политика конфронтации, военная конфронтация, конфронтация взглядов). Синонимами термина «конфронтация» являются «противоборство», «противопоставление», «противостояние», «столкновение» [14].

Целью данной статьи является выявление и описание маскулинных коммуникативных стратегий и тактик.

Материалы и методы исследования

Материалом послужили тексты интервью женщин-политиков Германии (Merkel, A. (CDU), von der Leyen, U. (CDU), Kipping, K. (die Linke), Wagenknecht, S. (die Linke), Nales, A. (SPD), Storch, B. (AfD), Petry, F. (AfD)), которые находятся в открытом Интернет-пространстве. Методом сплошной выборки было отобрано всего 387 примеров, которые иллюстрируют значимые с точки зрения демонстрации маскулинности коммуникативные стратегии и тактики.

Выбранные нами женщины-политики являются лидерами современных политических партий Германии. Каждая политическая партия имеет свой сайт (https://www.cdu.de, www.alternativefuer.de, www.die-linke.de, www.spd.de), на котором в свободном доступе находятся политические выступления и интервью всех политиков. Каждая женщина-политик имеет также официальную личную страницу, на которой представлены тексты ее политических выступлений и интервью. Тексты семи интервью, которые были взяты для анализа, охватывают временной период с 2017 по 2018 гг. За единицу исследования принималось одно высказывание.

В ходе исследования применяются методы контекстологического и семантического анализа, сочетание которых позволяет выявить актуальный смысл высказывания в политическом дискурсе. Для достоверности полученных результатов применялся также метод количественного подсчета.

Результаты исследования

Жанр интервью приобретает все большую популярность в современном политическом дискурсе. Именно в интервью проявляется процесс межличностного общения. Коммуникация происходит между журналистом, интервьюируемым и аудиторией. Жанр интервью предполагает беседу в вопросно-ответной форме, которая дает возможность достаточно детально проследить выбор соответствующих стратегий и тактик. Интервью характеризуется ориентацией на собеседника и установкой на позитивную самопрезентацию [7, с. 53]. В процессе коммуникации проявляются личностные характеристики участников разговора, их внутренний мир, жизненная позиция, моральные установки. Важным является и гендерная принадлежность интервьюируемого [10]. Имеются свои особенности в политическом интервью женщин-политиков и мужчин-политиков. Чтобы не уступать в своей политической деятельности мужчинам-политикам, женщина-политик вынуждена вести себя более жестко на политической арене.

В настоящее время все больше внимания ученые уделяют изучению коммуникации в ситуации конфликта, или конфронтации [3; 4; 9; 15; 16; 17].

Конфронтация включает в себя выяснение сложных отношений между коммуникантами с целью захвата ведущих позиций, навязывание своих взглядов, вербальную агрессию, подавление личности языкового партнера, отказ от коммуникации, дискредитацию, подчинение, разоблачение, претензию, угрозу, захват инициативы, подавление авторитета противника, контроль над ситуацией, принуждение, прерывание, соперничество, конфликт [18, с. 404].

Стоит подчеркнуть, что, несмотря на возрастающий интерес исследователей к вопросу конфликтных ситуаций общения и конфронтационных стратегий и тактик, единой классификации упомянутых стратегий не существует.

К особенностям конфронтационной коммуникации относятся: стремление к речевой доминантности, эмоциональность общения, повышенная оценочность, любовь к спорным обсуждениям (склонность к конфронтационным стратегиям в целом) [13, с. 30].

Проанализировав литературу по вопросу коммуникативных стратегий и тактик в ситуации конфронтации, к маскулинным коммуникативным стратегиям, на наш взгляд, относятся: *стратегия противопоставления* и *стратегия убеждения*.

Стратегию противопоставления мы видем в более общем плане в стратегиях соперничества, кон-

фликта, дискредитации, речевой агрессии. Все перечисленные коммуникативные стратегии представляют собой определенное противопоставление говорящим оппоненту своих идей, взглядов, мнений, принципов, фактов. Противопоставление выражается в критике собеседника, опровержении его высказываний с целью дискредитации, оскорбления, унижения, упрека, обвинения, насмешки, конфронтации, а в итоге – создания конфликта.

Стратегия противопоставления реализуется тактиками:

− *Поляризация или, проще говоря, критика оппонента.* В политической коммуникации положительная самопрезентация тесно связана с критикой оппонента, которая выражается в повышенной оценочности [13, с. 30]. Улучшение собственного имиджа и ухудшение имиджа противника реализуются в рамках данной тактики. Критика оппонента актуализируется через лексические единицы с отрицательной оценочной характеристикой [9, с. 149]. Основными маркерами этой тактики являются *антитеза и сравнение.* Данная тактика помогает автору выражать свою точку зрения, давать описание предметов. В сравнении одно явление показывается и оценивается путем сопоставления его с другим явлением. Сравнение обычно выражается союзами *als, wie, genau wie, als ob,* противительными союзами, употреблением антонимов, антитезы, прилагательными в сравнительной форме, в употреблении риторических вопросов и т. д. Тактика поляризации предполагает подчеркивание положительных и отрицательных оценок, действий, свойств путем противопоставления wir / ich и Sie / ihr / du. Политик таким образом противопоставляет свое мнение мнению оппонента, сравнивает их. Цель – доказать свою правоту, показать лучшее владение информацией в отличие от собеседника.

Так, Б. Шторх противопоставляет себя и свою партию представителям движения байкота в парламенте, используя при этом тактику поляризации:

(1) **Storch:** *Zum Teil sind das dieselben Abgeordneten, die den politischen Islam hofieren und den Beitritt von Erdogans Türkei forciert haben, die Israel politisch ausgrenzen wollen. Konservative, nationalliberale und euroskeptische Politiker tragen diese verlogene Political Correctness nicht mit. Wir wollten demonstrieren, dass diese nicht für «Europa» sprechen* [23].

Контраст. Для большего эффекта противопоставления часто используется контраст. Тактика контраста реализуется в использовании *противительных союзов aber, und,* отрицательного слова *nicht*, риторических вопросов. Политик с помощью контраста противопоставляет две различающиеся оценки, два или более мнения, суждения, направляя истину в свою сторону. Контраст является эффективным инструментом формирования желаемого имиджа, а так же манипулятивной тактикой навязывания собеседнику желаемого образа [2, с. 125]. Данная тактика связана с выражением позиции несогласия / неодобрения действия оппонента.

А. Меркель в своем высказывании противопоставляет профессию канцлера другим профессиям с помощью контраста, выражая мнение, что будь то канцлер, журналист или священник, человек любой профессии имеет возможность знакомиться и общаться с большим количеством людей:

(2) ***Merkel:*** *Es gibt ja auch andere Berufe, Journalist und Pfarrer zum Beispiel, in denen man sehr viele Menschen kennenlernen kann. Ich bin in einem Pfarrhaushalt aufgewachsen. Meine Eltern hatten dort immer viele Menschen zu Gast* [21] .

− *Отрицание.* Данная тактика дает возможность оратору, используя отрицание, противопоставить свое мнение мнению соперника, с помощью отрицания сделать акцент на том, что является важным для оратора. Цель – осуждение, упрек, критика действий оппонента. Тактика отрицания характеризуется использованием отрицательных местоимений kein, отрицаний nein, nicht nur, kaum, auf keinen Fall, nie, отрицательных союзов nicht nur...sondern auch, weder...noch и других. Отрицая мнение оппонента, политик показывает ситуацию в выгодном для себя свете, противопоставляет ситуации.

К. Киппинг часто в беседе с журналистом отрицает вопрос оппонента, не соглашается с его мнением, суждением, что указывает на стремление женщины-политика опровергнуть высказывание оппонента с целью упрека, улучшения своего имиджа, представления себя в качестве политика, который имеет свою личную, четкую позицию по каждому вопросу:

(3) **Magazine**: *... also keine Gemeinsamkeiten?*

Kipping: *Nein, in inhaltlicher Hinsicht auf keinen Fall.(...)*

Magazine: *Sie gelten neben Sahra Wagenknecht als zentrale Figur in der Auseinandersetzung um Macht und Deutungshoheiten in der Linkspartei. Im Leitantrag ist die Forderung «offene Grenzen für alle» auf «offene Grenzen» geschrumpft. Ein Klauselkompromiss, in dem sich jeder wieder finden kann?*

Kipping: *Nein. Das ist der Versuch, die klare Aussage des Leitantrages umzuinterpretieren* [20].

Что касается другой маскулинной коммуникативной стратегии – ***стратегии убеждения,*** то, прежде чем описать данную стратегию, стоит дать определение понятию «убеждение».

Убедить – значит заставить поверить чему-нибудь, склонить к какому-либо поступку [12, с. 820].

Убеждение – интеллектуальное воздействие, имеющее целью с помощью логического обоснова-

ния добиться принятия личностью самостоятельного решения на основе полученной информации [14]. В ходе процесса убеждения часто используются формы доказательства в рамках аргументации. В таком случае убеждение представляется как способ вербального воздействия, которое включает в себя систему доводов, выстроенных по законам формальной логики и обьясняющих выдвигаемое пропонентом утверждение. Результат убеждения может быть представлен как осознанная потребность индивида, побуждающая его мыслить и действовать согласно новым ценностным ориентациям.

В лингвистических работах на тему стратегии убеждения нам встречаются и другие определения этого понятия.

Убеждать – значит побуждать, изменять решение, мнение других. В связи с этим, убеждение можно трактовать как инструмент власти, инструмент управления. Управлять сознанием других в собственных интересах, изменять позицию других для достижения своих целей и задач – вот что подразумевает убеждение в политической коммуникации [6, с. 42].

Стратегия убеждения, на наш взгляд, обьединяет в себе стратегии аргументирования, подчинения, захвата инициативы, контроля над ситуацией, потому что целью стратегии убеждения является критика собеседника, отказ понимать какую-либо позицию, несогласие с мнением оппонента, аргументированное обоснование несостоятельности его доводов в пользу высказываемого убеждения. Подобное речевое поведение в условиях политической коммуникации направлено на привлечение внимания слушателя и создание возможности манипулировать им, осуществляя воздействие в скрытой форме [8, с. 24].

При убеждении воздействие направлено на изменение отношения реципиента к окружающей действительности. Реципиенту не сообщается ничего нового, а та информация, которой он уже обладает, представляется в ином свете [5, с. 155].

Анализ лингвистической литературы по данному вопросу демонстрирует, что единой классификации стратегий и тактик убеждения не существует. К тактикам убеждения, по мнению разных ученых, относятся: тактика контроля над сменой тем, тактика контроля над инициативой, тактика драматизации, актуализации проблемы, тактика дискредитации, подчинения, запугивания, объяснения, обоснования, интерпретации, поддержки созданного в начале дискуссии имиджа [8, с. 25], тактика презентации, призыва, самопрезентации, дискредитации оппонента, создания положительной оценки, создания отрицательной оценки [5, с. 156], тактика создания прочной основы (база фактов, примеров), тактика аргументации, тактика апеллирования к общечеловеческим ценностям [6, с. 43], тактика фактической аргументации, тактика логической аргументации, тактика ссылки на авторитет, тактика обоснованных оценок, контрастивного анализа, иллюстрирования, обещания, призыва [11; 19] и многие другие.

Опираясь на определение термина «убеждение» и на выделенные разными лингвистами тактики стратегии убеждения, на наш взгляд, данная стратегия реализуется следующими тактиками:

– *Аргументация.* Убеждение трудно себе представить без аргументации. В процессе аргументации адресант преследует такие цели как изменение убеждений адресата, убеждение его в достоверности каких-то положений, контроль за сознанием адресата с целью внесения возможных изменений в его взгляды. Все перечисленные цели соответствуют главной задаче тактики аргументации – осуществлению убеждающего воздействия. Умение объяснить, найти доводы, представить факты, весомые доказательства, аргументировать свое мнение обеспечивает успешность убеждения. Воздействие таких аргументов и фактов часто подкрепляется апелляцией к эмоциональной сфере адресата. Тактика аргументации реализуется в использовании ссылок на авторитет, лексические единицы с положительной семантикой и/или высокой стилистической окраской, обращении к примерам, цифрам, статистике, фактам, что делает аргументацию более убедительной. Использование цитат также усиливает аргументацию.

Так, Б. Шторх в своем интервью использует конкретные цифры и факты с целью представления убедительной аргументации, опирающейся на известные данные:

(4) **Storch:** *Schauen wir uns einfach die Lage bei unseren westlichen Nachbarn an. Seit 2006 haben 40.000 Juden Frankreich verlassen. Eines der Hauptmotive ist die Angst vor Muslimen und islamischem Terror. Ich will nicht, dass wir in Deutschland auch dahin kommen* [22].

– *Обещание.* Политик обязуется осуществить что-либо. Отмечается, что идеальным способом для реализации данной тактики является использование формы будущего времени глагола совершенного вида. Само значение, заложенное в видовой характеристике глагола, выражает уверенность в осуществлении обещанного. Говорящий использует глаголы совершенного вида, чтобы подчеркнуть свою уверенность в успехе его партии, убедить тем самым слушателя в реализации обещанного [1, с. 408].

– *Побуждение*. Говорящий стремится побудить аудиторию к совершению того или иного действия, стараясь убедить в правильности своей точки

зрения. Данная тактика может сочетаться с тактикой самопрезентации. Для побуждения кого-либо к действию политику необходимо представить себя в максимально выгодном свете, внушить доверие аудитории, чтобы ее представители проголосовали за него (реализуется с помощью побудительных предложений с глаголом в императиве, модальных глаголов müssen и sollen, прилагательных с модальным значением (erforderlich, notwendig и т. д.). Местоимение «wir» выполняет важную функцию: политик обращается к народу, говорит о себе как о человеке из этого народа, а значит, побуждает к единению, к действию, к поддержке [11, с. 322].

Так, С. Вагенкнехьт в интервью с t-online.de побуждает к действию путем использования глагола müssen, что указывает на желание политика дать совет, помочь:

(5) **Wagenknecht:** *Wenn jemandem in der Türkei unter Erdogan zehn Jahre oder mehr Gefängnis drohen, weil er seine politische Meinung gesagt hat, dann müssen solche Menschen Anspruch auf Asyl haben. Das gilt auch für andere Länder: Menschen, die vor Folter oder vor Verfolgung fliehen, müssen Anspruch auf Asyl haben* [23].

Стоит отметить, что тактика трансформации ситуации (акцент на эмотивной составляющей при игнорировании фактов, ложные аналогии, попытка выдать единичное за типичное и частное за общее и т. д.) свойственна также стратегии манипуляции. Тактика побуждения относится к манипулятивным тактикам, так как говорящий акцентирует внимание на противнике и его ошибках, отождествляя себя с аудиторией, а не выделяясь из нее.

Рассмотрим результаты проведенного нами анализа текстов интервью женщин-политиков Германии (Таблица 1).

Таблица № 1

Использование лексических маркеров маскулинности в политическом интервью женщин-политиков Германии (%)

	Merkel A.	Wagen-knecht S.	Nahles A.	Kipping K.	Petry F.	Storch B.	Von d. Leyen U.
1.**стратегия противопоставления**	71	74.4	59	74	75	59	79
1.1. тактика поляризации, критики оппонента	1.4	18	14	13	12.5	32	29
1.2. тактика контраста	8	4.5	9	2.2	3.1	4.5	–
1.3. тактика отрицания	61	52	36	59	59	22.7	50
2. стратегия утверждения	29	25.5	41.4	26	25	41	21
2.1. тактика аргументации	4.2	10	15.5	13	9.4	27	12.5
2.2. тактика обещания	–	–	–	–	–	–	–
2.3. тактика побуждения	25	16	24	13	15.6	13.6	8.3

Проведенный нами анализ текстов интервью показал, что женщинами-политиками используется чаще всего стратегия противопоставления. Среди выделенных нами тактик женщины-политики чаще прибегают к использованию тактики отрицания, побуждения, тактики поляризации и критики оппонента.

Помимо наиболее часто используемой тактики отрицания А. Меркель чаще остальных прибегает к тактике побуждения, что говорит о ее стремлении не просто высказать свое мнение, а побудить слушающий и читающий электорат к действию. Б. Шторх и У. фон дер Ляйен используют наиболее часто тактику поляризации и критики оппонента, А. Налес тактику контраста, аргументации и побуждения, С. Вагенкнехьт, К. Киппинг, Ф. Петри предпочитают тактики поляризации и критики оппонета, побуждения.

Выводы

Женский политический дискурс имеет специфические особенности. Анализ политического интервью женщин-политиков позволяет нам выделить маскулинные (конфронтационные) коммуникативные стратегии, к которым женщины-политики прибегают ввиду своего политическогог статуса. Проведенный нами анализ текстов политических интервью женщин-политиков подтвердил тот факт, что женщинам-политикам действительно свойственно употребление выделенных маскулинных коммуникативных стратегий и тактик, так как сфера политики требует от женщин маскулинного поведения.

Анализ маскулинных коммуникативных стратегий и тактик на примере текстов политического интервью женщин-политиков показал, что исследуемые стратегии маскулинности женщины-политики

Германии реализуют через следующие тактики:

Стратегия противопоставления реализуется тактиками:

- Поляризация или, критика оппонента.
- Контраст.
- Отрицание.

Стратегия убеждения реализуется тактиками:

- Аргументация.
- Обещание.
- Побуждение.

Наиболее используемой женщинами-политиками маскулинной стратегией является стратегия противопоставления, в частности женщины-политики охотно прибегают к критике оппонента и противопоставлению журналисту себя и своей позиции посредством отрицания. Данный факт говорит о стремлении женщин-политиков к соперничеству в коммуникации. Стратегия утверждения представлена в текстах интервью женщин-политиков частым использованием тактики аргументации посредством ссылок на авторитет, обращений к примерам, цифрам, фактам, использованию цитат, а также охотно женщины-политики побуждают оппонета и электорат к действию (тактика побуждения).

Библиографический список

1. Акопова, Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса [Текст] / Д. Р. Акопова // Филология. Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2013. – № 6 (1). – С. 403-409.

2. Ашурбекова, Т. И. Виды и функции контраста в институциональной (имиджевой) рекламе [Текст] / Т. И. Ашурбекова, Т. И. Рагимханова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Издательство: Дагестанский гос.ун-т (Махачкала), 2009. – № 3. – С. 113-119.

3. Букин, А. С. Проблема некооперативного диалога [Текст] / А. С. Букин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2014. – Т. 1. № 2. – С. 226-232.

4. Гаталова, М. А. Специфика невежливого невербального поведения американского делового мужчины [Текст] / М. А. Гаталова, Ф. И. Карташкова // Вестник Костромского государственного университета, 2018. – Т. 24. № 2. – С. 225-230.

5. Дмитриева, М. И. Коммуникативные стратегии убеждения на материале англоязычной прессы [Текст] / М. И. Дмитриева, В. А. Калмыков // Современный учёный, 2017. – С. 155-159.

6. Ехлакова, Н. Ф. Убедить «своих» и запутать «чужих»: стратегия убеждения в американском политическом дискурсе [Текст] / Н. Ф. Ехлакова // Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 1-3 дек.2016 г.). – Екатеринбург, 2016. – С. 42-44.

7. Каракулова, С. Ш. Реализация митигативной стратегии смягчения оценки в интервью с немецкими политиками [Текст] / С. Ш. Каракулова // Научный диалог, 2016. – № 2 (50). – С. 52-62.

8. Климинская, С. Л. Лингвостилистические особенности стратегий и тактик убеждения в аргументативном дискурсе (на примере англоязычных телевизионных дискуссий) [Текст] / С. Л. Климинская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. Издательство: Московский государственный лингвистический университет. – М., 2011. – № 614. – С. 24-42.

9. Кошкарова, Н. Н. Политическое интервью межкультурного уровня: реализация конфронтационной и кооперативной стратегий [Текст] / Н. Н. Кошкаровв // Вестник Томского Государственного Педагогического Университета. Издательство: Томский государственный педагогический университет (Томск), 2015. – № 4 (157). – С. 148-152.

10. Лукина, М. М. Технология интервью [Текст] / М. М. Лукина. Учебное пособие для вузов. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 191 с.

11. Милованова, М. В. Реализация стратегии убеждения при формировании положительного образа коллективного прошлого в современных российских СМИ [Текст] / М. В. Милованова, Е. В. Терентьева // Экология языка и коммуникативная практика, 2017. – № 3. – С. 106-113.

12. Новикова, А. М. Коммуникативные стратегии убеждения в американском политическом интервью: слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах [Текст] / А. М. Новикова // Материалы VIII Международной научной конференции, 2016. – С. 320-322.

13. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.

14. Певнева, И. В. Особенности реализации коммуникативных стратегий в конфронтационных ситуациях общения [Текст] / И. В. Певнева // Вестник Томского государственного университета, 2008. – С. 30-31.

15. Санжаревский, И. И. Политическая наука: Словарь-справочник.сост. проф. пол. наук [Электронный ресурс]. – М. : Политология, РГУ, 2010. – 745 с. – Режим доступа: http://glos.virmk.ru/ю

16. Стахнова, О. В. Об оценке средств вежливости в испанском языке [Текст] / О. В. Стахнова // Древняя и Новая Романия. Издательство: Санкт-Петербургский государственый университет, 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 308-315.

17. Хазиева, Р. Р. Дискурсивные стратегии и тактики, реализующие интенцию речевой агрессии в политическом дискурсе СМИ [Текст] / Р. Р. Хазиева // Вестник ВЭГУ, 2014. – № 2 (70). – С. 192-199.

18. Якубова, Н. М. Тактика экспликации сомнения в кооперативных и некооперативных речевых стратегиях (на материале английского языка) [Текст] /

Н. М. Якубова // Вестник ТГПУ, 2014. – № 10 (151). – С. 39-45.

19. Ячкова, О. В. Языковые средства, реализующие кооперативную стратегию в реалити-шоу (на материале русского языка) [Текст] / О. В. Ячкова // Вестник Вятского государственного университета. Издательство: Вятский государственный университет (Киров), 2008. – Т. 2. – № 3. – С. 32-38.

20. Katja Kipping: Die Linken-Chefin im Exklusiv-Interview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.de/magazine/politik/fluechtlingskrise-in-europa/katja-kipping-interview-linken-chefin-33021234

21. Angela Merkel im Interview: Wir brauchen Mut – FAZ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.faz.net/aktuell/politik/bundestagswahl/angela-merkel-im-interview-wir-brauchen-mut-15191126.html?printPagedArticle=true#pageIndex_0

22. Exklusiv-Interview mit Beatrix von Storch: «Antisemitismus hat in der AfD keinen Platz!» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.journalistenwatch.com/2017/10/11/exklusiv-interview-mit-beatrix-von-storch-ist-die-afd-antisemitisch/

23. Sahra Wagenknecht verteidigt im Interview Kritik an Asylpolitik – T-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/bundestagswahl/id_81516044/sahra-wagenknecht-verteidigt-im-interview-kritik-an-asylpolitik-.html

Reference List

1. Akopova, D. R. Strategii i taktiki politicheskogo diskursa = Strategy and tactics of political discourse [Tekst] / D. R. Akopova // Filologija. Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo = Philology. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky,2013. – № 6 (1). – S. 403-409.

2. Ashurbekova, T. I. Vidy i funkcii kontrasta v institucional'noj (imidzhevoj) reklame = Types and functions of contrast in institutional (image) advertizing [Tekst] / T. I. Ashurbekova, T. I. Ragimhanova // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki. Izdatel'stvo: Dagestanskij gos.un-t (Mahachkala) = Bulletin of Dagestan state university. Series 2: Humanities. Publishing house: Dagestan state University (Makhachkala), 2009. – № 3. – S. 113-119.

3. Bukin, A. S. Problema nekooperativnogo dialoga = Problem of noncooperative dialogue [Tekst] / A. S. Bukin // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of Leningrad state university named after A. S. Pushkin, 2014. – T. 1. № 2. – S. 226-232.

4. Gatalova, M. A. Specifika nevezhlivogo neverbal'nogo povedenija amerikanskogo delovogo muzhchiny = Specifics of impolite nonverbal behavior of the American business man [Tekst] / M. A. Gatalova, F. I. Kartashkova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma state university, 2018. – T. 24. № 2. – S. 225-230.

5. Dmitrieva, M. I. Kommunikativnye strategii ubezhdenija na materiale anglojazychnoj pressy = The communicative strategy of belief on the material of the English-language press [Tekst] / M. I. Dmitrieva, V. A. Kalmykov // Sovremennyj uchjonyj = Modern scientist, 2017. – S. 155-159.

6. Ehlakova, N. F. Ubedit' «svoih» i zaputat' «chuzhih»: strategija ubezhdenija v amerikanskom politicheskom diskurse = To convince «own» and to confuse «strangers»: the strategy of belief in the American political discourse [Tekst] / N. F. Ehlakova // Rechevoe vozdejstvie v politicheskom diskurse: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Ekaterinburg, 1-3 dek.2016 g.) = Speech influence in political discourse: materials of the International scientific conference (Ekaterinburg, December 1-3, 2016). – Ekaterinburg, 2016. – S. 42-44.

7. Karakulova, S. Sh. Realizacija mitigativnoj strategii smjagchenija ocenki v interv'ju s nemeckimi politikami = Realization of mitigative strategy of assessment mitigation in the interview with German politicians [Tekst] / S. Sh. Karakulova // Nauchnyj dialog = Nauchnyi dialog, 2016. – № 2 (50). – S. 52-62.

8. Kliminskaja, S. L. Lingvostilisticheskie osobennosti strategij i taktik ubezhdenija v argumentativnom diskurse (na primere anglojazychnyh televizionnyh diskussij) = Linguostylistic features of strategy and tactics of belief in argumentative discourse (on the example of English-speaking television discussions) [Tekst] / S. L. Kliminskaja // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. Izdatel'stvo: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet = Bulletin of Moscow state linguistic university. Education and pedagogical sciences. Publishing house: Moscow state linguistic university – M., 2011. – № 614. – S. 24-42.

9. Koshkarova, N. N. Politicheskoe interv'ju mezhkul'turnogo urovnja: realizacija konfrontacionnoj i kooperativnoj strategij = Political interview of a cross-cultural level: realization of confrontational and cooperative strategy [Tekst] / N. N. Koshkarovv // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Izdatel'stvo: Tomskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet (Tomsk) = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Publishing house: Tomsk state pedagogical university (Tomsk) 2015. – № 4 (157). – S. 148-152.

10. Lukina, M. M. Tehnologija interv'ju = Technology of interview [Tekst] / M. M. Lukina. Uchebnoe posobie dlja vuzov. – M. : Aspekt Press, 2003. – 191 s.

11. Milovanova, M. V. Realizacija strategii ubezhdenija pri formirovanii polozhitel'nogo obraza kollektivnogo proshlogo v sovremennyh rossijskih SMI = Realization of strategy of belief when forming a positive image of the collective past in modern Russian media [Tekst] / M. V. Milovanova, E. V. Terent'eva // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika = Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika, 2017. – № 3. – S. 106-113.

12. Novikova, A. M. Kommunikativnye strategii ubezhdenija v amerikanskom politicheskom interv'ju: slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah = The communicative strategy of belief in the American political interview: a word, a statement, a text in cognitive, pragmatical and culturological aspects [Tekst] / A. M. Novikova // Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii = Materials of the VIII International scientific conference,2016. – S. 320-322.

13. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of Russian [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M. : ITI Tehnologii, 2006. – 944 s.

14. Pevneva, I. V. Osobennosti realizacii kommunikativnyh strategij v konfrontacionnyh situacijah obshhenija = Features of communicative strategy realization in confrontational situations of communication [Tekst] / I. V. Pevneva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk state university, 2008. – S. 30-31.

15. Sanzharevskij, I. I. Politicheskaja nauka: Slovar'-spravochnik = Political science: Dictionary reference [Jelektronnyj resurs]. – M. : Politologija, RGU, 2010. – 745 s. – Rezhim dostupa: http://glos.virmk.ru/ju

16. Stahnova, O. V. Ob ocenke sredstv vezhlivosti v ispanskom jazyke = About assessment of politeness means in Spanish [Tekst] / O. V. Stahnova // Drevnjaja i Novaja Romanija = Ancient and New Romaniya.Izdatel'stvo: Sankt-Peterburgskij gosudarstvenyj universitet, 2015. – T. 15. – № 1. – S. 308-315.

17. Hazieva, R. R. Diskursivnye strategii i taktiki, realizujushhie intenciju rechevoj agressii v politicheskom diskurse SMI = Discoursive strategies and tactics realizing intension of speech aggression in political discourse of media [Tekst] / R. R. Hazieva // Vestnik VJeGU, 2014. – № 2 (70). – S. 192-199.

18. Jakubova, N. M. Taktika jeksplikacii somnenija v kooperativnyh i nekooperativnyh rechevyh strategijah (na materiale anglijskogo jazyka) = Tactics of doubt explication in cooperative and noncooperative speech strategy (on the material of English) [Tekst] / N. M. Jakubova // Vestnik TGPU = Bulletin of TSTU, 2014. – № 10 (151). – S. 39-45.

19. Jachkova, O. V. Jazykovye sredstva, realizujushhie kooperativnuju strategiju v realiti-shou (na materiale russkogo jazyka) = The language means realizing cooperative strategy in a reality show (on the material of Russian) [Tekst] / O. V. Jachkova // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Izdatel'stvo: Vjatskij gosudarstvennyj universitet (Kirov) = Bulletin of Vyatka state university. Publishing house: Vyatka state university (Kirov),2008. – T. 2. – № 3. – S. 32-38.

20. Katja Kipping: Die Linken-Chefin im Exklusiv-Interview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.de/magazine/politik/fluechtlingskrise-in-europa/katja-kipping-interview-linken-chefin-33021234

21. Angela Merkel im Interview: Wir brauchen Mut – FAZ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.faz.net/aktuell/politik/bundestagswahl/angela-merkel-im-interview-wir-brauchen-mut-15191126.html?printPagedArticle=true#pageIndex_0

22. Exklusiv-Interview mit Beatrix von Storch: «Antisemitismus hat in der AfD keinen Platz!» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.journalistenwatch.com/2017/10/11/exklusiv-interview-mit-beatrix-von-storch-ist-die-afd-antisemitisch/

23. Sahra Wagenknecht verteidigt im Interview Kritik an Asylpolitik – T-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/bundestagswahl/id_81516044/sahra-wagenknecht-verteidigt-im-interview-kritik-an-asylpolitik-.html

Дата поступления статьи в редакцию: 17.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

Романские языки

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10322

УДК 821.133.1.05

Е. И. Бойчук https://orcid.org/0000- 0001-6600-2971

Количественные наречия как средство авторизации художественных текстов (на материале французской прозы XIX в.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19- 07- 00243

В статье представлен анализ употребления французских количественных наречий *beaucoup, très, trop, assez, peu, un peu, combien* в прозаических текстах французской художественной литературы 19 в., а именно в произведениях писателей-романистов и натуралистов Стендаля, О. де Бальзака, Г. Флобера, Э Золя, Г. де Мопассана. Основной целью исследования явилось определение возможности рассматривать количественные наречия в качестве одного из параметров атрибуции текстов неизвестных авторов. Причиной выбора данной части речи для анализа является ее участие в качестве компонента таких стилистических средств, как градационный повтор, эпаналепсис, редупликация. Данные средства участвуют в процессе ритмизации, который направлен на выявление особенностей индивидуального авторского стиля. Кроме того, количественные наречия отражают определенную степень эмоциональности автора, что также может служить показателем идиостиля. В ходе исследования был проведен количественный анализ употребления перечисленных выше наречий количества и степени, представлены таблицы данных, наглядно отражающие содержание наречий в исследуемых текстах. В результате был определен ряд специфических характеристик употребления наречий в текстах различных авторов 19 века. При этом было выявлено активное употребление наречия слабой степени интенсивности *peu*, характерное для всех рассматриваемых произведений. Перспективой данного исследования является дальнейшее изучение способности количественных наречий отражать индивидуальный стиль автора, в частности исследование их дистрибуции, лексико-семантических связей и прагмалингвистических особенностей во французских художественных текстах.

Ключевые слова: количественные наречия, атрибуция, авторизация, Стендаль, О. де Бальзак, Г. де Мопассан, Г. Флобер, Э. Золя, количественный метод, идиостиль.

Romance languages

E. I. Boichuk

Quantitative Adverbs as a Means of Authorizing Artistic Texts (on the material of the 19th century French prose)

The article presents the analysis of the use of the French quantitative adverbs *beaucoup, très, trop, assez, peu, un peu,* and *combien* in the prosaic texts of the 19th-century French literature, namely, in the works of Stendhal, O. de Balzac, G. Flaubert, E Zola, G. de Maupassant. The main purpose of the study was to determine the possibility to consider quantitative adverbs as one of the parameters for the attribution of unknown authors' texts. The reason for choosing this part of speech for analysis is its participation as a component of such stylistic means as gradation repetition, epanalepsis, and reduplication. These funds are involved in the process of rhythmization, which is aimed at identifying features of the individual author's style. In addition, quantitative adverbs reflect a certain degree of emotionality of the author, which can also serve as an indicator of idiostyle. In the course of the study, a quantitative analysis of the use of the adverbs of quantity and degree was carried out, data tables and diagrams were presented that graphically reflect the content of adverbs in the texts under study. As a result, a number of specific characteristics of the use of adverbs in the texts of various authors of the 19th century were determined. At the same time, the active use of adverb of a low degree of intensity *peu*, characteristic of all considered works, was revealed. The prospect of this study is the further study of the ability of quantitative adverbs to reflect the author's individual style, in particular the study of their distribution, lexical-semantic links and pragmalinguistic features in French prose.

Keywords: quantitative adverbs, attribution, authorization, Stendal, O. de Balzac, G. de Maupassant, G. Flaubert, E. Zola, quantitative method, individual author's style.

Количественные наречия во французском языке представляют собой отдельный самостоятельный класс в общей системе наречий, внутри которого различаются собственно количественные наречия и наречия интенсивности действия, качества, признака. Для анализа в рамках данного исследования были отобраны те наречия, которые характеризуются самой широкой сферой распространения и представляют наибольший интерес по своим семантическим, функциональным и дистрибутивным при-

© Бойчук Е. И., 2019

знакам. Это французские наречия *beaucoup, très, trop, assez, peu, un peu, combien*. В основу типологии данных наречий был положен семантический принцип – степень количества и интенсивности. Среди наречий высокой степени количества и интенсивности рассматривались наречия *beaucoup, très, trop*. Наречие *assez* классифицируется как наречие средней степени количества и интенсивности. Наречие *peu (un peu)* имеет слабую степень количества и интенсивности. Наречие *combien*, хотя и не входит ни в один из трех типов, но также способно указывать на количество и интенсивность. При этом, данное наречие, выполняя функцию вопросительного слова в прямом или косвенном вопросе, обозначает неопределенную степень количества или интенсивности, тогда как в восклицательном предложении в качестве восклицательного слова оно может имплицитно указывать на высокую степень количества или интенсивности.

В связи с тем, что указанные наречия отражают определенную степень эмоциональности, усиливая или ослабляя некоторые признаки предмета или действия в зависимости от их сочетаемости с различными частями речи, они могут оказаться индикаторами эмоционального состояния персонажа или автора, а также определенным ориентиром для реципиента с точки зрения восприятия сюжета, идеи, авторского замысла, индивидуального стиля автора. Распознавание индивидуального авторского стиля возможно только при помощи современных методов компьютерной лингвистики, их интеграции и постоянного совершенствования.

Создание новых методов для автоматизированной обработки текстов представляет собой одну из наиболее актуальных задач современной прикладной лингвистики. Данная задача интегрирует науку о языке и информационные технологии с такими областями филологического знания, как лингвистика текста, текстология, стилистика текста (в рамках текстоведения), риторика, психолингвистика, культура речи (в рамках речеведения), а также с квантитативной лингвистикой, суггестивной лингвистикой, лингвокультурологией.

В настоящее время с анализом текста работает большое количество программных приложений, позволяющих обрабатывать большие объемы текстов на естественных языках с различными целями и при использовании различных средств, например:

1. программное приложение Voyant анализирует лексико-грамматическую структуру англоязычного текста, с последующим осуществлением количественного анализа этих структур [https://www.voyant– tools.org];

2. Text Analyzer осуществляет подсчет наиболее частотных слов и фраз в англоязычном тексте [https://www.capterra.com/p/151928/Text– Analyzer/];

3. Sketch Engine позволяет выявить в текстах различных объемов ключевые слова и коллокации, создавая контекстный словарь для данного текста [https://www.sketchengine.co.uk];

4. приложения TAPoR [https://www.tapor.ca], Word2vec [http://code.google.com/p/word2vec/] представляют собой инструменты для вычисления векторных представлений слов и формирование лексико– семантических полей текста. Все эти приложения ориентированы в большинстве случаев на работу с текстами на английском языке.

Среди основных задач, на которые ориентированы данные исследования, одной из наиболее важных является задача определения авторства текста. Авторизация относится к числу классических проблем филологического исследования. Основы данного вопроса были заложены В. В. Виноградовым [4, с. 306]. В своем труде «О языке художественной литературы» он отмечал, что большинство исследователей рассматривают в качестве параметра определения авторского стиля лишь единство и близость идей «без семантико-стилистического сопоставления и анализа форм их выражения». В. В. Виноградов предлагал в качестве метода атрибуции исследование словаря «любимых, специфически свойственных автору слов» [4, с. 304].

В настоящее время развитие данного направления работы с текстом проходит в рамках «количественной стилистики» – стилеметрии. В этой области можно выделить работы таких отечественных исследователей, как А. Н. Баранов [1], Т. В. Батура [2], К. И. Белоусов [3], Г. А. Доброзракова [7], Г. Ф. Дусакова [3], И. М. Гилилов [5], О. В. Кукушкина [9], Д. В. Леонов [3], М. Б. Малютов [10], М. А. Марусенко [11], Ю. Н. Орлов [13], А. В. Пигарева [14], А. А. Поликарпов, Е. С. Родионова [15, 16], Д. М. Хмелев [18,19], Т. Х. Черкасова [14].

Среди зарубежных исследователей, работающих в данной области, R. Cilibrasi [20], M. Eder [21], D. Foster [22], A. Kaltchenko [23], M. Kestermont [21], J. Rybicki [21], O. de Vel [25]

Авторизация включает как литературную, так и лингвистическую составляющую. При этом использование количественных методов, как наиболее распространенных, оказывается неизбежным. Одним из перспективных направлений в этой области является развитие теории образов. В этом случае стиль описывается как количество определенных параметров – средняя длина предложения, количество вложенных синтаксических структур количество слов в предложении, количество предложении в абзаце и т. д. [11]. Разработаны подходы, основанные на изучении количественных особенностей формальной структуры текста, связанных с выражением типов чужой и авторской речи. Соотноше-

ние чужой речи с авторской также является стилеобразующим фактором («формально-пунктуационный метод») [6].

А. Н. Баранов предложил метод экспертизы текста, основанный на методике анализа квазисинонимичных лексем. Данный метод включает три направления: множественная неопределенность, сравнение по образцу и конкуренция образов. В процессе обработки текстов осуществлялся поиск и подсчет наречий степени, частиц, вводных слов и выражений, фразеологизмов, глаголов речи, союзов и союзных слов [1].

Исследование К. И. Белоусова, Г. Ф. Дусаковой, Д. В. Леонова, осуществленное в рамках авторизации текста имеет целью разработку метода определения авторства посредством выявления размера предложения на основе ритмических паттернов. Метод реализован в программном средстве АРСТ (Анализатор ритмической структуры текста). Материалом послужили более 300 рассказов 20 русских прозаиков. Абсолютные значения размеров предложений переводятся в значения порядковой шкалы в рамках двух моделей: квартилей и децилей. На основе полученной цепочки размеров предложений, относящихся к тем или иным квартилям/децилям, генерируются соответствующие матрицы переходов для данного текста.

Полученные матрицы переходов с помощью метода ранговой корреляции сопоставляются с эталонными матрицами писателей и получают коэффициент корреляции с каждой из «писательских» матриц. Затем создается таблица N*M, где N – количество отобранных для анализа произведений, M – количество анализируемых авторов; в ячейках располагаются коэффициенты ранговой корреляции для пары: Текст – Автор. В итоге анализируется полученная таблица; делаются выводы о вероятностной атрибуции текстов с помощью параметра ритма размеров предложений текстов [3].

В рамках стилеметрии в 2015 г. исследователями M. Eder, M. Kestemont, J. Rybicki было создано приложение Stylo, направленное на определение авторства текстов в рамках компьютерной стилистики, то есть использующее такие средства авторизации, как распознавание жанров, развитие стиля («стилохронометрия»). Инструмент включает в себя многомерное масштабирование, кластерный анализ, бутстрап-консенсусные деревья. Приложение выявляет наиболее частотные сочетания слов для того или иного автора и проводит анализ n-грамм [21].

С нашей точки зрения, наиболее эффективным способом приблизиться к решению вопроса авторизации является объединение и синхронизация работы всех выявленных в ходе пока немногочисленных исследований в этой области параметров оценки авторства текстов.

Одним из таких параметров, помимо перечисленных выше, предположительно является употребление количественных наречий в художественном тексте. Этот аспект является довольно показательным для индивидуального стиля автора. Безусловно, употребление наречий характеризуется в первую очередь спецификой языка, в частности особенностями их позиции, дистрибуции, употребления в предложениях различных коммуникативных типов, частотности употребления тех или иных наречий в языке в целом и т. д. Однако исследования показывают, что частотность и набор наречий в произведениях разных авторов не одинаков, следовательно, данный аспект может служить показателем авторской специфики. Целью данного исследования является выяснение возможности влияния количественных наречий на специфику индивидуального стиля автора, возможности их участия в анализе ритмики произведения в качестве одного из средств ритмизации для определения авторского стиля.

С целью определения частотности употребления количественных наречий в художественном тексте был проведен анализ следующих произведений французских авторов:

− **Stendhal (1783-1842)** : «Le rouge et le noir» (SRN), « La Chartreuse de Parme» (SCP);

− **H. de Balzac (1799-1850)**: «La Peau de chagrin« (BPC), «Le Colonel Chabert« (BCC), «Eugénie Grandet« (BEG), «Le Père Goriot« (BPG);

− **G. Flaubert (1821-1880)**: «Madame Bovary» (FMB), «Education sentimentale» (FES), «Bouvard et Pécuchet» (FBP), «Salammbô»

− **G. de Maupassant (1850-1893)**: «Bel ami» (MBA), «Mont– Oriol» (MMO), «Pierre et Jean» (MPJ), «Fort comme la mort», (MFCM);

− **E. Zola (1840-1902)**: «Au Bonheur des dames» (ZBD), «Germinal» (ZG).

Напомним, что для анализа были выбраны количественные наречия высокой, средней и слабой степени интенсивности (*beaucoup, très, trop, assez, peu, un peu*) и вопросительное наречие *combien*. Их выбор обусловлен тем, что количественные наречия обладают комплексом своеобразных функционально– семантических признаков, а также характеризуются самой широкой сферой распространения и представляют наибольший интерес по своим семантическим, функциональным и дистрибутивным признакам.

Французские количественные наречия характеризуются очень широкой сочетаемостью по сравнению с другими типами наречий: они употребляются в сочетании со всеми знаменательными частями речи. Наиболее частыми

для количественных наречий являются конструкции с глаголом и прилагательным, однако каждое наречие имеет свою специфику: *beaucoup* и *peu* опережают другие наречия по сочетаниям с существительными, *très* – по сочетаниям с прилагательными.

В ходе данного исследования был высчитан средний процент употребления данных наречий в совокупности произведений перечисленных выше авторов. При этом для анализа были отобраны произведения каждого из авторов, которые в совокупности имеют приблизительно одинаковое общее количество слов (≈300000). Результаты данного исследования отражены в таблицах 1-5, представляющих количественное употребление наречий по авторам:

Таблица 1

Употребление количественных наречий в текстах Г. де Мопассана (GM)

нар.	beaucoup		très		trop		assez		peu		un peu		combien		общ. к–во слов
частота	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	
MFCM	49	0,067	98	0,135	67	0,092	14	0,019	306	0,421	128	0,175	14	0,019	72745
MPJ	33	0,067	72	0,146	35	0,071	23	0,047	185	0,0376	68	0,138	9	0,018	49259
MMO	50	0,059	145	0,170	62	0,073	25	0,029	285	0,335	95	0,112	6	0,007	85161
MBA	54	0,054	147	0,147	77	0,077	47	0,047	343	0.343	141	0,141	7	0,007	99950
ср. к–во	46,5	0,06175	115,5	0,1495	60,25	0,07825	27,25	0,0355	279,75	0,28415	108	0,1415	9	0,01275	307115

Таблица 2

Употребление количественных наречий в текстах О. де Бальзака (OB)

нар.	beaucoup		très		trop		assez		peu		un peu		combien		общ. к– во слов
частота	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	
BEG	24	0,037	34	0,522	41	0,063	35	0,054	165	0,253	17	0,026	7	0,012	65123
BPC	17	0,019	21	0,023	53	0,058	71	0,078	256	0,280	15	0,016	25	0,027	91336
BPG	25	0.027	14	0,015	82	0,089	58	0,063	206	0,225	21	0,023	22	0,024	91708
BCC	96	0,355	4	0,015	15	0,056	18	0,067	75	0,278	8	0,030	3	0,011	27013
BG	12	0,058	9	0,043	9	0,043	17	0,082	40	0,193	2	0,010	10	0,048	20762
ср.к–во	34,8	0,0952	16,4	0,1236	40	0,0618	39,8	0,0688	111,2	0,2458	12,6	0,021	13,4	0,0244	295942

Таблица 3

Употребление количественных наречий в текстах Г. Флобера (GF)

нар.	beaucoup		très		trop		assez		peu		un peu		combien		общ. к–во слов
частота	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	
FBP	30	0,033	57	0,062	71	0,078	15	0,016	284	0,311	56	0,061	11	0,012	91402
FMB	52	0,045	34	0,030	90	0.078	35	0,030	325	0,282	93	0,081	6	0,005	115135
FS	27	0,026	18	0,017	66	0,064	16	0,020	241	0,234	30	0,030	6	0,006	103164
ср.к–во	36,3	0,03467	36,3	0,03633	75,67	0,0733	22	0,022	283,333	0,2757	59,667	0,0573	7,667	0,0077	309701

Таблица 4

Употребление количественных наречий в текстах Стендаля (St)

нар.	beaucoup		très		trop		assez		peu		un peu		combien		общ. к–во слов
частота	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	
SRN	109	0,061	68	0,038	156	0,088	122	0,068	705	0,396	125	0,070	37	0,021	177734
SCP	121	0,064	65	0,034	139	0,073	128	0,067	717	0,378	132	0,070	25	0,013	189779
ср. к–во	115	0,0625	66,5	0,036	147,5	0,0805	125	0,0675	711	0,387	128,5	0,07	31	0,017	367513

Таблица 5

Употребление количественных наречий в текстах Э. Золя (EZ)

нар.	beaucoup		très		trop		assez		peu		un peu		combien		общ. к– во слов
частота	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	абс.	относ.	
ZBH	40	0,031	245	0,189	91	0,070	37	0,028	350	0,269	46	0,035	5	0,004	129915
ZG	37	0,022	177	0,105	158	0,094	51	0,030	505	0,299	61	0,036	4	0,002	168576
ср.к–во	38,5	0,0265	211	0,147	124,5	0,082	44	0,029	427,5	0,284	53,5	0,0355	4,5	0,003	298491

Согласно результатам количественного анализа для каждого автора выстраивается своя система употребления количественных наречий. Однако наблюдаются общие тенденции в произведениях всех авторов, а именно редкое употребление наречия *combien* и высокая частотность употребления наречия *peu*. Преобладание количественного наречия *peu* связано со спецификой французского языка и способностью данного наречия сопровождать такие части речи, как прилагательное, причастие, наречие с положительной коннотацией, например, *peu intelligent, peu aimable, peu intéressant, peu difficile, peu doué, peu prudemment, peu souvent* и т. д. При этом наречие *un peu*, напротив, сопровождает прилагательные с негативной коннотацией *un peu maigre, un peu dur, un peu brutal, un peu honteux* и т. д. Возможность обратного употребления данных наречий, безусловно, существует, однако эти случаи рассматриваются как исключительные: *un homme un peu intelligent sait que* <…>.

В основе этой тесной смысловой связи наречия количества и интенсивности *peu (un peu)* с лексемами положительной коннотации находится стремление французов создать положительный образ собеседника, что представляет собой своеобразие ритуалов вежливости, подчеркивающих статус человека в обществе, и предотвращает риск разрыва коммуникативных отношений между собеседниками. Если такой разрыв все же происходит, то невольно возникает стремление возобновить исходное равновесие [17, 8]. Так, сочетание *peu intelligent* приближается по смыслу к отрицанию *pas intelligent*, а отрицание данного качества приводит к разрыву коммуникативных отношений, в связи с этим, выражение *peu intelligent*, представляет собой некоторое смягчение значения, осторожное высказывание [24].

Различное количество исследуемых наречий в совокупности художественных произведений перечисленных выше авторов, свидетельствует о том, что данные лексемы играют особую роль в создании индивидуального авторского стиля. После определения частоты употреблений наречий *beaucoup, très, trop, assez, peu, un peu, combien* в художественных текстах был выявлен диапазон частоты вхождений данных наречий в текстах одного и того же автора. Так, наиболее частотными для Г. де Мопассана являются наречия *peu* (185-343 единиц), *un peu* (68-141 единица), *très* (72-147 единиц); для произведений О. де Бальзака – *beaucoup* (12-96), *trop* (9-82), *peu* (40-256); для романов Г. Флобера – наречия *trop* (66- 90), *peu* (241-325), *un peu* (30-93); для произведений Стендаля – наречия *beaucoup* (109-121), *trop* (139-156), *assez* (122-128), *peu* (705-717), *un peu* (125-132); для романов Э. Золя характерны наречия *très* (177-245), *trop* (91-158), *peu* (350-505).

Если рассмотреть только те наречия, верхняя граница частотности употреблений которых в произведениях данных авторов превосходит сотню, то картина будет следующей:

Стендаль – *beaucoup* (109-121), *trop* (139-156), *assez* (122-128), *peu* (705-717), *un peu* (125-132);

Э. Золя – *très* (177-245), *trop* (91-158), *peu* (350-505)

Г. де Мопассан – *très* (72-147), *peu* (185- 343), *un peu* (68-141);

Г. Флобер – *peu* (241-325);

О. де Бальзак – *peu* (40-256).

В связи с тем, что для определения частоты вхождений данных наречий рассматривались одинаковые по объему фрагменты текстов с точки зрения количества словарного состава, можно сделать вывод о том, что наибольшей частотой их употребления характеризуются произведения **Стендаля**. На второй позиции находятся произведения **Э. Золя**, затем романы **Г. де Мопассана**, **Г. Флобера** и **О. де Бальзака**. Простой подсчет общего количества наречий и каждого наречия в отдельности в текстах данных авторов подтверждает наибольшую частоту употребления количественных наречий в произведениях Стендаля, однако выстраивает остальных авторов несколько иным образом:

Таблица 6

Сводная информация по количеству употребления наречий в произведениях французских авторов

автор/ наречие	beaucoup	très	trop	assez	peu	un peu	combien	сумма
Stendhal	230	133	295	250	1422	257	62	2649
G. de Maupassant	186	462	241	109	1119	432	29	2578
E. Zola	77	422	249	88	855	107	9	1807
G. Flaubert	109	109	227	66	850	179	23	1563
O. de Balzac	174	82	200	199	742	63	69	1529
Общее количество наречий	776	1208	1212	712	4988	1038	192	10126

За счет наречий с меньшей частотой употребления (*beaucoup, assez, combien*) произведения Э. Золя оказываются в третьей позиции после романов Г. де Мопассана. Данные таблицы отчетливо показывают различную степень частотности употребления наречий в произведениях французских писателей-романистов. В результате мы можем выделить следующие характеристики употребления количественных наречий в текстах французских авторов:

− наибольшее количество употреблений исследуемых наречий в работах Стендаля;

− разрыв в употреблении наречий *très* (максимальное количество у Г. де Мопассана и Э. Золя), *assez* (у О. де Бальзака и Стендаля), *un peu* (у Г. де Мопассана);

− приблизительно равное количество употребления наречий *très, trop, assez* у Г. де Мопассана и Э. Золя;

− приблизительно равное количество наречий *trop, assez, peu* у Э. Золя и Г. Флобера;

− разрыв в употреблении наречий *beaucoup* у Стендаля и Э. Золя, *très* у Г. де Мопассана и О. де Бальзака; *assez* у Стендаля и Г. Флобера; *peu* у Стендаля и О. де Бальзака; *un peu* у Г. де Мопассана и О. де Бальзака;

− наибольшее количество употреблений наречия *combien* у О. де Бальзака.

Данное исследование открывает перспективы дальнейшего выстраивания теории авторизации на основе такого показателя, как частота и характер употребления наречий количества и интенсивности. В данной статье на материале прозаических произведений французских писателей-романистов и натуралистов 19 в. Стендаля, Г. Флобера, О. де Бальзака, Г. де Мопассана и Э. Золя было проведено исследование частоты употребления данных наречий в текстах. Такой метод авторизации работает также в совокупности с ритмикой текста, которая на уровне употребления количественных наречий проявляется в форме градационного повтора. Как было упомянуто выше, данные наречия имеют свою специфику употребления со стилистической, семантической, дистрибутивной и прагмалингвистической точек зрения, в связи с этим актуальной остается проблема выявления их специфики для произведений представленных выше авторов с точки зрения данных параметров. Анализ дистрибуции количественных наречий может оказать существенное влияние на определение особенностей индивидуального стиля писателя.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А. Н. Баранов. – М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. – 368 с.

2. Батура, Т. В. Формальные методы установления авторства текстов и их реализация в программных продуктах [Текст] / Т. В. Батура // Программные продукты и системы, 2013. – № 4. – С. 286-295.

3. Белоусов, К. И. Анализатор ритмической структуры ритмической структуры текста: атрибуция текстов на основе ритмических паттернов [Текст] / К. И. Белоусов, Г. Ф. Дусакова, Д. В. Леонов // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования. Материалы Международной научной конференции. Часть 1. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2017. – С. 49-52.

4. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 656 с.

5. Гилилов, И. М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса [Электронный ресурс] / И. М. Гилилов. – М. : Международные отношения, 2000. – Режим доступа: http://svr– lit.ru/svr–lit/gililov/index.htm

6. Гринбаум, О. Н. Строфа как мера гармонии: продолжение разговора [Электронный ресурс] / О. Н. Гринбаум // Вестник СПбГУ. – СПб. : СПбГУ, 2014. – Режим доступа: vestnikphil.spbu.ru/sites/default/files/ГринбаумОН.pdf.

7. Доброзракова, Г. А. Псевдонимные юморески и фельетоны Сергея Довлатова. К вопросу атрибуции [Текст] / Г. А. Доброзракова // Вопросы литературы. Вып. 4. 2014. – С. 21-54.

8. Карасик, В. И. Язык социального статуса: монография [Текст] / В. И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – С. 71-98.

9. Кукушкина, О. В. Определение авторства текста с использованием буквенной и грамматической информации [Текст] / О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов, Д. В. Хмелев // Проблемы передачи информации, 2001. – Т. 37, вып. 2. – С. 96-108.

10. Малютов, М. Б. Обзор методов и примеров атрибуции текстов [Текст] / М. Б. Малютов // Обозрение прикладной и промышленной математики, 2005. – № 1. – С. 41-78.

11. Марусенко, М. А. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами теории распознавания образов [Текст] / М. А. Марусенко. – Л. : Изд.-во Ленингр. ун-та, 1990. – 164 с.

12. Марусенко, М. А. В поисках потерянного автора. Этюды атрибуции [Текст] / М. А. Марусенко, Б. Л. Бессонов, Л. М. Богданова, М. А. Аникин, Н. Е. Мясоедова. – СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. – 209 с.

13. Орлов, Ю. Н. Определение жанра и автора литературного произведения статистическими методами [Текст] / Ю. Н. Орлов, К. П. Осминин // Прикладная информатика, 2010. – № 2. – С. 95-108.

14. Пигарева, А. В. Определение авторства текста статистическими методами [Текст] / А. В. Пигарева, Т. Х. Черкасова // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы X международной научно-практической конференции (26– 27 декабря 2016 г.). – Т. 3. – Норт-Чарлстон, 2016. – С. 157-160.

15. Родионова, Е. С. Методы атрибуции художественных текстов [Текст] / Е. С. Родионова // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. № 7: Межвуз. сб. / под. ред. А. С. Герда. – СПб. : Изд-во С-Петер. ун-та, 2008. – С. 118-127.

16. Родионова, Е. С. Параметризация стилей: отбор информативных параметров при атрибуции пьес Мольера [Текст] / Е. С. Родионова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 2 – Ч. 2. – 2007. – С. 61-67.

17. Токмачева, М. А. «Savoir – vivre» как один из основных концептов вежливости во французском языке [Текст] / М. А. Токмачева, Е. А. Медяник // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, № 4(27), 2017. – С. 76-82.

18. Хмелев, Д. В. Распознавание автора текста с использованием цепей А. А. Маркова [Текст] / Д. В. Хмелев // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова, сер. 9, серия Филология, № 2, 2000. – С. 115-126.

19. Хмелев, Д. В. Сложностной подход к задаче определения авторства [Текст] / Д. В. Хмелев // Тезисы конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М. : МГУ, 2001. – С. 426-427.

20. Cilibrasi R. Clustering by compression / R. Cilibrasi, P. Vitanyi. CWI manuscript, 2003. – Режим доступа: http://homepages.cwi.nl/cilibrar/

21. Eder M., (2016) Stylometry with R: a package for computational text analysis / J. Rybicki, M. Kestemont // R Journal, № 8 (1), 2016. – P. 107-121. – Режим доступа: https://journal.r– project.org/archive/2016/RJ–2016– 007/index.html https://sites.google.com/site/computationalstylistics/stylo

22. Foster D. Author unknown: on the trail of anonymous / D. Foster. H. Holt. – N. Y., 2000.

23. Kaltchenko A. Algorithms for estimating Information Distance with appl. to Bioinformatics and Linguistics / A. Kalitchenko, 2004. – Режим доступа: http://arxiv.org./abs/cs.CC/0404039/.

24. Martin R. Analyse sémantique du mot «peu» / R. Martin // Langue française, n°4, 1969. La sémantique, sous la direction de Alain Rey. – P. 75-87. – Режим доступа: www.persee.fr/doc/lfr_0023–8368_1969_num_4_1_5460

25. O. de Vel Multi-Topic E-mail Authorship Attribution Forensics / O. de Vel, A. Anderson, M. Corney, G. Mohay // Workshop on Data Mining for Security Applications, 8th ACM Conference on Computer Security (CCS'2001), 2001. – Режим доступа: https://eprints.qut.edu.au/8019/1/8019.pd

Reference List

1. Baranov, A. N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku = Introduction to applied linguistics [Tekst] / A. N. Baranov. – M. : Knizhnyj dom «LIBRIKOM», 2012. – 368 s.

2. Batura, T. V. Formal'nye metody ustanovlenija avtorstva tekstov i ih realizacija v programmnyh produktah = Formal methods of establishing authorship of texts and their realization in software products [Tekst] / T. V. Batura // Programmnye produkty i sistemy = Programmnye produkty i sistemy, 2013. – № 4. – S. 286-295.

3. Belousov, K. I. Analizator ritmicheskoj struktury ritmicheskoj struktury teksta: atribucija tekstov na osnove ritmicheskih patternov = Analyzer of a rhythmic structure of the text: attribution of texts on the basis of rhythmic patterns [Tekst] / K. I. Belousov, G. F. Dusakova, D. V. Leonov // Cifrovaja gumanitaristika: resursy, metody, issledovanija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Chast' 1 = Digital humanitaristics: resources, methods, researches. Materials of the International scientific conference. Part 1. – Perm' : Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2017. – C. 49-52.

4. Vinogradov, V. V. O jazyke hudozhestvennoj literatury = About fiction language [Tekst] / V. V. Vinogradov. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959. – 656 s.

5. Gililov, I. M. Igra ob Uil'jame Shekspire, ili Tajna Velikogo Feniksa = Game about William Shakespeare, or the Mystery of Great Phoenix [Jelektronnyj resurs] / I. M. Gililov. – M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2000. – Rezhim dostupa: http://svr– lit.ru/svr–lit/gililov/index.htm

6. Grinbaum, O. N. Strofa kak mera garmonii: prodolzhenie razgovora = Strophe as harmony measure: continuation of a conversation [Jelektronnyj resurs] / O. N. Grinbaum // Vestnik SPbGU. – SPb. : SPbGU, 2014. – Rezhim dostupa: vestnikphil.spbu.ru/sites/default/files/GrinbaumON.pdf.

7. Dobrozrakova, G. A. Psevdonimnye jumoreski i fel'etony Sergeja Dovlatova. K voprosu atribucii = Pseudonym humoresques and feuilletons by Sergei Dovlatov. To the question of attribution [Tekst] / G. A. Dobrozrakova // Voprosy literatury = Voprosy literatury. – Vyp. 4. 2014. – S. 21-54.

8. Karasik, V. I. Jazyk social'nogo statusa: monografija = Language of the social status: monograph [Tekst] / V. I. Karasik. – M. : ITDGK «Gnozis», 2002. – S. 71-98.

9. Kukushkina, O. V. Opredelenie avtorstva teksta s ispol'zovaniem bukvennoj i grammaticheskoj informacii = Definition of authorship of the text with use of alphabetic and grammatical information [Tekst] / O. V. Kukushkina, A. A. Polikarpov, D. V. Hmelev // Problemy peredachi informacii = Information transfer problems, 2001. – T. 37, vyp. 2. – S. 96-108.

10. Maljutov, M. B. Obzor metodov i primerov atribucii tekstov = Review of methods and examples of texts attribution [Tekst] / M. B. Maljutov // Obozrenie

prikladnoj i promyshlennoj matematiki = Obozrenie prikladnoy i promyishlennoi matematiki, 2005. – № 1. – S. 41-78.

11. Marusenko, M. A. Atribucija anonimnyh i psevdonimnyh literaturnyh proizvedenij metodami teorii raspoznavanija obrazov = Attribution anonymous and type-alias of literary works with methods of the theory of images recognition [Tekst] / M. A. Marusenko. – L. : Izd.-vo Leningr. un-ta, 1990. – 164 s.

12. Marusenko, M. A. V poiskah poterjannogo avtora. Jetjudy atribucii = In search of the lost author. Etudes of attribution [Tekst] / M. A. Marusenko, B. L. Bessonov, L. M. Bogdanova, M. A. Anikin, N. E. Mjasoedova. – SPb. : Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, 2001. – 209 s.

13. Orlov, Ju. N. Opredelenie zhanra i avtora literaturnogo proizvedenija statisticheskimi metodami = Definition of a genre and author of the literary work with statistical methods [Tekst] / Ju. N. Orlov, K. P. Osminin // Prikladnaja informatika = Prikladnaya informatika, 2010. – № 2. – S. 95-108.

14. Pigareva, A. V. Opredelenie avtorstva teksta statisticheskimi metodami = Definition of authorship of the text with statistical methods [Tekst] / A. V. Pigareva, T. H. Cherkasova // Fundamental'nye i prikladnye nauki segodnja: materialy X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (26-27 dekabrja 2016 g.) = Fundamental and applied sciences today: materials of the X international scientific and practical conference (December 26-27, 2016). – T. 3. – Nort-Charlston, 2016. – S. 157-160.

15. Rodionova, E. S. Metody atribucii hudozhestvennyh tekstov = Methods of attribution of art texts [Tekst] / E. S. Rodionova // Strukturnaja i prikladnaja lingvistika = Structural and applied linguistics, Vyp. № 7: Mezhvuz. sb. / pod. red. A. S. Gerda. – SPb. : Izd-vo S-Peter. un-ta, 2008. – S. 118-127.

16. Rodionova, E. S. Parametrizacija stilej: otbor informativnyh parametrov pri atribucii p'es Mol'era = Parametrization of styles: selection of informative parameters at attribution of Molière's plays [Tekst] / E. S. Rodionova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika. Vyp. 2. = Bulletin of St. Petersburg university. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism. Issue 2. – Ch. 2. – 2007. – S. 61-67.

17. Tokmacheva, M. A. «Savoir – vivre» kak odin iz osnovnyh konceptov vezhlivosti vo francuzskom jazyke = «Savoir – vivre» as one of the main concepts of politeness in French [Tekst] / M. A. Tokmacheva, E. A. Medjanik // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki = Aktualnye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki, № 4(27), 2017. – S. 76-82.

18. Hmelev, D. V. Raspoznavanie avtora teksta s ispol'zovaniem cepej A. A. Markova = Recognition of the author of the text with use of A. A. Markov's chains [Tekst] / D. V. Hmelev // Vestnik MGU im. M. V. Lomonosova, ser. 9, serija Filologija, № 2, 2000 = Bulletin of Lomonosov Moscow State University, Series 9, Philology series, No. 2. – S. 115-126.

19. Hmelev, D. V. Slozhnostnoj podhod k zadache opredelenija avtorstva = Complex approach to the problem of defining authorship [Tekst] / D. V. Hmelev // Tezisy kongressa «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'« = Theses of the congress «Russian: historical destinies and present». – M. : MGU, 2001. – S. 426-427.

20. Cilibrasi R. Clustering by compression / R. Cilibrasi, P. Vitanyi. CWI manuscript, 2003. – Режим доступа: http://homepages.cwi.nl/cilibrar/

21. Eder M., (2016) Stylometry with R: a package for computational text analysis / J. Rybicki, M. Kestemont // R Journal, № 8 (1), 2016. – P. 107-121. – Режим доступа: https://journal.r– project.org/archive/2016/RJ–2016– 007/index.html https://sites.google.com/site/computationalstylistics/stylo

22. Foster D. Author unknown: on the trail of anonymous / D. Foster. H. Holt. – N. Y., 2000.

23. Kaltchenko A. Algorithms for estimating Information Distance with appl. to Bioinformatics and Linguistics / A. Kalitchenko, 2004. – Режим доступа: http://arxiv.org./abs/cs.CC/0404039/.

24. Martin R. Analyse sémantique du mot «peu» / R. Martin // Langue française, n°4, 1969. La sémantique, sous la direction de Alain Rey. – P. 75-87. – Режим доступа: www.persee.fr/doc/lfr_0023–8368_1969_num_4_1_5460

25. O. de Vel Multi-Topic E-mail Authorship Attribution Forensics / O. de Vel, A. Anderson, M. Corney, G. Mohay // Workshop on Data Mining for Security Applications, 8th ACM Conference on Computer Security (CCS'2001), 2001. – Режим доступа: https://eprints.qut.edu.au/8019/1/8019.pd

Дата поступления статьи в редакцию: 22.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10323

УДК 811

О. С. Егорова https://orcid.org/0000-0002-9185-5391

Артикль как средство актуализации коммуникативной структуры предложения

Статья посвящена изучению проблемы артикля, являющейся одной из самых актуальных и сложных проблем языкознания, всегда привлекавшей внимание многих исследователей, но не получившей до сих пор однозначного толкования в научной литературе. Проблема артикля рассматривается автором статьи в русле перспективного и активно развивающегося в последнее время направления – коммуникативного синтаксиса, в частности теории актуального членения предложения, составляющей основу коммуникативного синтаксиса. Согласно теории коммуникативного синтаксиса, актуальное членение (коммуникативная структура) представляет собой важнейший аспект любого предложения-высказывания, предопределяющий не только его основное содержание (смысл), но и его формальное построение. В процессе речи говорящий (пишущий) всегда выстраивает свое высказывание в соответствии с актуальным (тема-рематическим) членением, отражающим его коммуникативно-прагматические интенции, и выбирает такие языковые средства, которые были бы способны наиболее точно передать цель сообщения. В этой связи приобретает особую значимость, как с теоретической, так и с практической точки зрения, изучение системы коммуникативно ориентированных средств, специально предназначенных в том или ином языке для адекватного выражения актуального членения предложения, а следовательно, для построения коммуникативно однозначного высказывания. Целью статьи является исследование коммуникативной функции артикля во французском языке, а именно выявление особенностей его функционирования как одного из эффективных способов актуализации коммуникативной (тема-рематической) структуры предложения. На основании анализа фактического материала в статье делается вывод о том, что во французском предложении именная тема имеет тенденцию оформляться определенным артиклем, а именная рема – неопределенным артиклем. В то же время автором статьи подчеркивается, что, как свидетельствует проанализированный материал, определенный артикль может оформлять не только тему, но и рему, а неопределенный артикль может использоваться и при именной реме, и при именной теме. В статье подробно рассматриваются закономерности употребления определенного артикля перед именной ремой и неопределенного артикля перед именной темой.

Ключевые слова: коммуникативная структура предложения, актуальное членение, тема, рема, определенный артикль, неопределенный артикль.

O. S. Egorova

The Article as a Means for Actualizing the Communicative Sentence Structure

The article is devoted to the study of the problem of the article, which is one of the most pressing and complex problems in linguistics, which has always attracted the attention of many researchers, but has not yet received an unequivocal interpretation in the scientific literature. The author considers the problem in question within the frame of the promising and actively developing research direction – communicative syntax, in particular, the theory of actual division of the sentence, which forms the basis of communicative syntax. According to the theory of communicative syntax, the actual segmentation (communicative structure) is the most important aspect of any sentence-statement, predetermining not only its main content (meaning), but also its formal construction. In the process of speech, the speaker (writer) always makes his statement in accordance with the actual (subject-rhemeatic) articulation, reflecting his communicative-pragmatic intentions, and chooses such language means that would be able to convey most accurately the purpose of the message. In this regard, studying the system of communicatively oriented means acquires special significance, both from the theoretical and practical point of view, being specifically designed in a given language for the adequate expression of the actual sentence segmentation, and therefore for constructing a communicatively unambiguous utterance. The purpose of the article is to study the communicative function of the article in the French language, namely the identification of its functioning features as one of the effective ways to update the communicative (theme-rhematic) structure of the sentence. Based on the analysis of the actual material in the article, it is concluded that in French sentences the nominal theme tends to be formed by means of the definite article, and the nominal rheme – with the indefinite article. At the same time, the author of the article emphasizes that, being evidenced from the analyzed material, the definite article can form the theme as well as the rheme, and the indefinite article can be used for the nominal rheme and for the nominal theme. Thus, the article discusses in detail the patterns of using the definite article with the nominal rheme and the indefinite article with the nominal theme.

Keywords: communicative structure of the sentence, actual division, theme, rheme, definite article, indefinite article.

Современная лингвистика признает, что коммуникативная структура (актуальное членение) является важнейшим аспектом любого предложения-высказывания, предопределяющим в конечном итоге не только его основное содержание (смысл), но и его формальное построение (Н. Д. Арутюнова, М. Я. Блох, А. К. Васильева, В. Г. Гак, К. А. Долинин, Г. А. Золотова, И. И. Ковтунова, О. И. Крылова,

© Егорова О. С., 2019

В. Матезиус, М. В. Никитин, Т. М. Николаева, И. П. Распопов, Е. В. Реферовская, Н. А. Слюсарева, В. Е. Шевякова, B. Cornulier, F. Daneš, J. Firbas, H. Weinrich и др.).

Если семантическая структура лишь называет элементы отражаемой в предложении экстралингвистической ситуации, то актуальное членение, выражающее коммуникативно-прагматические интенции говорящего (пишущего), его субъективное отношение к связям и явлениям реального мира, коммуникативно организует данную ситуацию, приписывая тому или иному компоненту семантической структуры функцию темы (данное, известное) или функцию ремы (новое, неизвестное). Устанавливая тема-рематические отношения между составными компонентами семантической структуры, актуальное членение оказывается, таким образом, в центре содержательной стороны предложения [5, с. 117].

Определяя в конечном итоге основное содержание высказывания, актуальное членение оказывает влияние и на его формальное построение. Формально-синтаксическая организация предложения подчинена прежде всего необходимости адекватного выражения его тема-рематического членения. Говорящий (пишущий) строит свое высказывание в соответствии с тема-рематическим движением, отражающим естественный ход человеческой мысли от данного (известного) к новому (неизвестному), выбирает такие лексико-грамматические формы организации предложения и такие языковые средства, которые были бы способны наиболее точно передать замысел сообщения [5].

Вполне очевидно, что знание закономерностей построения высказывания в соответствии с его коммуникативным членением, и в частности знание системы коммуникативно ориентированных средств, специально предназначенных для выражения актуального членения, является одним из важнейших и необходимых условий эффективности любой речевой коммуникации, так как позволяет, с одной стороны, правильно распознавать состав темы и состав ремы «чужого» высказывания, а следовательно, адекватно понимать его смысл, и, с другой стороны, осуществлять, в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией, правильный выбор языковых средств, адекватно отражающих заключенную в высказывании новую, актуальную информацию, его коммуникативное задание.

Вопрос о формальных средствах выражения коммуникативной структуры предложения является одним из кардинальных вопросов перспективного и активно развивающегося направления – коммуникативного синтаксиса, исследующего языковые механизмы, обеспечивающие функционирование предложения в процессе речи. Как известно, изучением языковых средств выражения коммуникативного членения предложения лингвистика занималась уже начиная с середины XIX века, когда впервые были высказаны идеи, которые в дальнейшем стали основой современного учения об актуальном членении предложения (см., например, работы Ш. Балли, А. Вейля, Е. Лерха, В. Матезиуса, Г. Пауля, А. М. Пешковского, А. Сешэ, Ф. Ф. Фортунатова и др.).

В настоящее время вопрос о средствах языковой объективации актуального членения предложения затрагивается во многих работах по синтаксису, морфологии, стилистике, когнитивной лингвистике, дискурсу, теории и практике перевода, методике преподавания, лингводидактике. Однако, несмотря на значительный интерес к данной проблеме, она остается не решенной до конца из-за сложности и многоплановости соотношения между различными уровнями предложения – коммуникативной структуры, семантической структуры и синтаксической структуры.

Известно, что как языковая универсалия, актуальное членение имеет общие для многих языков способы своего формального выражения, которые, однако, отличаются в разных языках по своим функциональным характеристикам, обусловленными особенностями грамматического строя того или иного языка. Так, в русском языке как языке синтетического строя с его свободным словорасположением основными средствами выражения коммуникативного членения являются порядок слов, ударение и интонация. Во французском языке, для которого свойственны устойчивость синтаксических схем и связанность фразового ударения, возможности порядка слов как средства выражения коммуникативного членения представляются более ограниченными по сравнению с русским языком, а наиболее продуктивными средствами вербализации актуального членения являются синтаксические конструкции с выделительными оборотами, сегментированные предложения с репризой и антиципацией, различного рода коммуникативно-синтаксические трансформации, выделительно-ограничительные слова и частицы [3; 4: 7; 10; 12]. В систему коммуникативно ориентированных средств во французском языке, участвующих в актуализации тема-рематической структуры предложения, входит, несомненно, и артикль.

Отметим, что проблематика артикля, занимающая одно из центральных мест в современном языкознании, всегда привлекала внимание многих ученых как в зарубежной, так и в

отечественной романистике (см., например, работы Ш. Балли, Ф. Брюно, Г. Гийома, Ж. Дамурета и Э. Пишона, А. Г. Басмановой, О. И. Богомоловой, Л. И. Илии, Р. Г. Пиотровского, Е. В. Фибер и др.). Несмотря, однако, на значительное число исследований, вопрос о содержании артикля не получил до сих пор в лингвистической литературе однозначного толкования ввиду многоаспектного и противоречивого характера данного языкового явления. Среди всевозможных подходов к решению этой сложнейшей проблемы несомненный интерес, на наш взгляд, представляет попытка раскрыть сущность артикля с позиции теории коммуникативного (актуального) членения предложения.

Как известно, о роли артикля как эффективного средства выражении актуального членения предложения указывалось еще в работах В. Матезиуса, считавшего, что употребление той или иной формы артикля зависит от коммуникативной нагрузки, которую существительное как член предложения получает в процессе речи [8].

В отечественной лингвистике проблема артикля, рассматриваемого в свете теории актуального членения предложения, получила разработку прежде всего на материале немецкого языка в трудах О. И. Москальской [9] и К. Г. Крушельницкой [6], четко определивших взаимосвязь употребления артикля и членения предложения на «данное» и «новое»: существительное, выражающее предмет определенный, известный для участников речи, является «данным» и оформляется определенным артиклем, а существительное, выражающее неопределенный, неизвестный предмет, выступает как «новое» и оформляется соответственно неопределённым артиклем.

Вопрос о коммуникативной функции артикля во французском языке затрагивался в большей или меньшей степени в целом ряде работ (Е. А. Бокий [2], В. Г. Гак [3], К. А. Долинин [4], Е. А. Реферовская и А. К. Васильева [10], М. К. Сабанеева и Г. М. Щерба [11] и др.). Однако специального, подробного исследования французского артикля как средства выражения актуального членения не проводилось, за исключением работы Д. Чебялиса «Именная синтагма и ее функциональные особенности во французском языке IX-XVI веков» (1974), рассматривающего данную проблему в диахроническом плане. В результате своего исследования Д. Чебялис приходит к важному выводу о том, что за весь период своего развития именная синтагма во французском языке была теснейшим образом связана с коммуникативным членением информационного потока и с развитием строя старого языка. Если в латинском языке средством выражения актуального членения служил порядок слов, то в дальнейшем, по мере застывания порядка слов, функция выражения актуального членения переходит на артикль: «Тема высказывания стала все чаще сопровождаться артиклем *le*, а рема – артиклем *un*». При исследовании проблемы формирования артикля во французском языке к подобным же выводам о коммуникативной функции артикля приходят также М. К Сабанеева и Г. М. Щерба в своей работе «Историческая грамматика французского языка» [11, с. 31].

В современной лингвистике артикль признается одним из важнейших для аналитических языков средств выражения коммуникативного членения предложения. Достаточно распространенным является мнение о том, что существительное, выполняющее функцию темы, оформляется определённым артиклем, а существительное, входящее в состав ремы, − неопределенным артиклем. Действительно, как свидетельствуют наблюдения над конкретным языковым материалом, именная тема имеет тенденцию оформляться определённым артиклем, а именная рема – неопределенным артиклем. В то же время наблюдаются случаи, когда соотношение «тема − определенный артикль» и «рема − неопределенный артикль» может нарушаться: определенный артикль может оформлять не только тему, но и рему, а неопределённый артикль может использоваться и при именной реме, и при именной теме.

Тема-рематический анализ произведений современной художественной литературы позволил прийти к следующим выводам.

1. Именная тема почти всегда оформлена определенным артиклем. Ср.:

Et Meaulnes les suivit. ***La vieille dame****, cassée, tremblante, ne cessait de causer gaiement et de rire.* ***La jeune fille*** *répondait doucement* (Fournier).

2. Неопределенный артикль оформляет именную тему исключительно редко и выступает в этих случаях не в своей обычной, конкретно-выделительной или квалифицирующей функции, а в обобщенном значении (генерализирующий неопределенный артикль). Ср.:

Nous vivons dans le ventre aveugle d'une administration. ***Une administration*** *est une machine. Plus* ***une administration*** *est perfectionnée, plus elle élimine l'arbitraire humain. Dans* ***une administration*** *parfaite, où l'homme joue un rôle d'endreainage, la paresse, la malhonnêteté, l'injustice n'ont plus d'occasion de sévir* (Saint-Exupéry)

3. Именная рема может в одинаковой степени оформляться как неопределенным, так и определенным артиклем. Ср.:

Elle disparut, et l'instnt d'aprés ***un nouveau personage*** *parut* (Simenon). *Soudain, ils eurent tous les*

deux un brusque sursaut: ***une clochette*** *avait tinté,* ***des eris*** *retentissaient* (Dabit). *J'avais remarqué, dès mon entrée dans ce restaurant de New-York dont j'étais un habitué,* ***le petit vieillard*** *qui, assistant à la première table, mangeait un steaks épais et saignant* (Maurois).

Таким образом, если неопределенный артикль может служить более или менее точным сигнализатором именной ремы, то для однозначного установления коммуникативной нагрузки существительного с определенным артиклем необходим анализ ряда других дополнительных факторов (позиция существительного в предложении, его синтаксическая функция, логико-семантические связи предложения с другими предложениями и т. д.).

Так, существительное с определенным артиклем, выполняющее функцию подлежащего и занимающее в предложении начальную позицию, является всегда темой высказывания. В конечной же позиции существительное с определенным артиклем в функции синтаксического подлежащего почти всегда входит в состав ремы. Таким образом, порядок слов оказывается в этом случае единственным показателем рематичности подлежащего. Ср.:

Le maire de Chardeuil était ***l'instituteur du village*** (Maurois). *Huit jours plus tard, à la tombée de la nuit, sonnait à notre porte* ***le docteur Flormontin*** (Bazin). *Sur le chemin se montraient* ***les premiers promeneurs*** (Dabit).

Что касается коммуникативной функции второстепенных синтаксических компонентов, оформленных определенным артиклем, в начальной позиции они, как правило, выступают в качестве темы, а в конечной позиции могут быть и темой, и ремой. В последнем случае точное выявление их коммуникативной нагрузки становится возможным лишь на основе контекстуального анализа.

На конкретном языковом материале мы попытались выявить некоторые закономерности в нарушении соотношения «тема – определенный артикль» и «рема – неопределенный артикль». Объектом нашего исследования явились предложения, в которых именная тема была оформлена неопределенным артиклем, а именная рема – определенным артиклем.

Чтобы исключить субъективизм при определении тематических и рематических компонентов, для анализа использовались такие предложения, коммуникативная структура которых не вызывает сомнения, а именно сегментированные предложения с репризой и антиципацией и предложения с выделительными оборотами ce qui (que) … c'est … ; c'est … qui (que). Как отмечается целым рядом исследователей, данные предложения представляют собой устоявшиеся во французском языке синтаксические конструкции с однозначной коммуникативной структурой: в сегментированных предложениях темой является выделенный сегмент, а остальная, глагольная, часть выступает в качестве ремы; в предложениях с выделительными оборотами глагольная часть является темой высказывания, а выделенный с помощью оборота член предложения представляет собой рему [3; 4; 10].

Привлечение широкого контекста позволило выявить следующие закономерности в употреблении определенного артикля перед именной ремой и неопределенного артикля перед именной темой.

Так, очень часто именная рема, оформленная определенным артиклем, не является в предложении чем-то новым, неизвестным, а обозначает предмет, или известный из предшествующего контекста, или связанный с определенной ситуацией и мыслимый как единственный в данной ситуации. Ср.:

C'était du reste par ***le docteur Percepied*** *que j'avais le plus entendu parler de Mme Guermantes* (Proust). *Actuellement c'était* ***le Joueur d'échecs*** *qui se trouvait au centre de leurs préoccupattions. Ce Joueur d'échecs dont on parlait dans tous ces livres, dont on donnait des images, et qui était là, tout sale, décati, dans les sous-sols de Louigi* (Triolet).

Согласно теории референции рема этих предложений представляет собой так называемую определенную дескрипцию, которая называет вполне определенный, известный предмет и предполагает единичность референта (референтное употребление определенных дескрипций). К тому же в данном случае сами предложения с выделительным оборотом являются предложениями тождества, в которых, согласно Н. Д. Арутюновой, в коммуникативный фокус попадает всегда референтное существительное, обозначающее совершенно известное лицо или предмет [1, с. 292].

Факт употребления именной ремы в предложениях тождества подтверждает мысль о сложном характере явления актуального членения. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «в предложениях тождества оба основных члена – и тема, и рема – построены по сходному семантическому канону: ни та, ни другая часть предложения не заключает в себе новой информации, новым в предложении тождества является лишь само это отношение» [Там же].

Определенный артикль достаточно часто оформляет именную рему, представляющую собой конструкцию «существительное + de + существительное». Ср.:

Bien plus que sa photographie, ce qu'elle profanait, ce qu'elle faisait servir à ses plaisirs mais qui restait entre eux et elle et l'empêchait de les goûter directement, c'était ***la ressemblance de son visage, les yeux bleus de sa mère à lui*** *qu'il lui avait transmis comme un bijou de famille* (Proust). *«Ôtez votre veston, commanda Praileau, je vous verrai mieux». Lui-même se*

débarrassa de ce vêtement qu'il jeta à ses pieds. La rage au coeur, Joseph obéit. C'était ***la voix de Praileau*** *qui le mettait hors de lui à cause des intonations qui semblaient vouloir dire: «Je vaux mieux que toi»* (Green).

Как видим в приведенных выше примерах, определенный артикль оформляет именные синтагмы, которые являются определенными дескрипциями, соотносимыми с вполне определенными предметами и явлениями (la resemblance de son visage, les yeux bleus de sa mère, la voix de Praileau). Употребление определенного артикля основано здесь на некоторых общепрагматических пресуппозициях: если некто или нечто есть определенная дескрипция, то и его атрибуты также представляют собой определенные дескрипции.

3. Наряду с вышеназванными случаями употребления определенного артикля перед референтными существительными встречаются случаи, когда определенная дескрипция-рема лишена единичной референции. Имя существительное означает целиком взятый класс предметов и употребляется в отвлеченном, обобщающем значении, то есть как знак понятия об объеме класса сущностей, называемых данным существительным. Ср.:

«L'homme vivant, c'est mieux, dit Christo, en répétant ce qu'il avait dit un long moment avant, c'est lui qui invente le bras artificiel et toutes les machines. Ce n'est pas ***la machine*** *qui a inventé l'homme»* (Triolet). *C'est tout de même pas mal que cette saleté de guerre soit terminée. Le contingent là-bas n'est pas absolument à l'abri, ça tiraille encore ici et là. … Ce sont* ***les mamans*** *qui souffrent,* ***les fils*** *ne sont pas mécontents du tout* (Triolet).

Именная рема данных предложений оформлена так называемым генерализирующим артиклем, обозначающим общее понятие. Что касается самих предложений, то с точки зрения характера отношений, участвующих в их логико-синтаксической организации, они могут быть интерпретированы как предложения тождества, с той лишь разницей, что здесь идентифицирующим элементом является имя существительное, относящееся к целиком взятому классу объектов [1, с. 204]. В соотношении этого выраженного в имени понятия, выступающего здесь ремой, с темой предложения и состоит собственно коммуникативная задача сообщения.

Как показывает анализ фактического материала, довольно часто в подобного рода предложениях именная рема выражена существительным с абстрактным значением. Характер их отождествления, однако, намного сложнее, так как взятые как таковые они не соотносимы с каким-либо объектом (референтом). Но интересным представляется тот факт, что, попадая в контекст, абстрактные имена как бы конкретизируются, получая предметную референцию. Подобная двойственность семантики абстрактного существительного отмечается и Н. Д. Арутюновой, исследующей многочисленные случаи «конкретного прочтения абстрактного имени» [1, с. 132].

В нижеприведенных отрывках из художественных произведений достаточно ясно прослеживается соотнесенность абстрактного имени с конкретным объектом (референтом) или с конкретным фактом, один из элементов которого выступает как вполне определенный объект (референт). Ср.:

Il l'a regardée, lui. Blanche; vos yeux, ces yeux dont je connais maintenant la couleur, à ne plus l'oublier. Il faut croire que c'est un secret, cette couleur. Un peu plus tard, il dira: Ah, Blanche, est-ce ***au gris du ciel*** *que vous avez pris la couleur de vos yeux?* (Aragon). *Et Pygmalion aima cette statue qu'il appelait Galatée. Il l'aimait, et il ne pouvait ni parler avec elle ni se promener avec elle, bref c'était un amour malheureux. … On est loin des automates, de la cybernétique: le seul mécanisme de Galatée, c'est* ***l'amour****, c'est* ***l'amour*** *qui a vaincu l 'indifférence de la matière* (Triolet).

4. Что касается употребления (исключительно редкого) неопределенного артикля перед именной темой, это почти всегда генерализирующий неопределенный артикль, оформляющий существительное с отвлеченным значением. Но в отличие от генерализирующего определенного артикля он указывает на одного из представителей данного класса, наделенного всеми чертами, присущими данному классу предметов, и поэтому имеет более конкретный характер. Как тип референции – это отнесение неопределенной дескрипции к классу предметов или любому представителю класса, то есть так называемая родовая референция [1, с. 199]. При этом достаточно часто помимо обобщающего (генерализирующего) неопределенного артикля в предложении присутствуют другие показатели обобщения, например, настоящее время глагола, которое вместе с обобщающим артиклем придает высказыванию характер общих суждений. Ср.:

Un procès*, ça irrite et ça tourmente, et j 'aurais concédé à Geneviève n'importe quoi pour m'en débarrasser* (Triolet). ***Un livre*** *ou* ***un homme****, c'est pour le temps perdu* (Aragon). *Qu'est-ce qu'il y avait dedans? C'est pire qu'****un*** *homme et pire qu'****un*** *livre,* ***un cahier****, tu sais* (Aragon).

Итак, выбор артикля во французском языке не всегда непосредственно связан с коммуникативным членением предложения. Если мы можем утверждать, что именная тема оформляется, как

правило, определенным артиклем, то обратное представляется неверным: определенный артикль не может рассматриваться как абсолютный показатель тематической функции существительного, так как он широко используется и перед именной ремой. Если неопределенный артикль в огромном большинстве случаев оформляет именные группы, выполняющие функцию ремы, то обратное также оказывается неверным, так как именная рема может оформляться и определенным артиклем.

Как показывает анализ фактического материала, выбор артикля во французском языке обусловлен не только необходимостью выражения актуального членения, но и другими факторами, в частности – логико-семантическими отношениями, устанавливающимися в высказывании. Так, именная рема, оформленная определенным артиклем, оказывается всегда связанной с чем-то данным, чем-то вполне определенным и известным в данном контексте. Что касается употребления неопределенного артикля при именной теме, он выступает достаточно часто не в своей конкретно-выделительной или квалифицирующей функции, а в своем обобщенном значении (так называемый генерализирующий неопределенный артикль) и употребляется в высказываниях, обобщающих или комментирующих какой-либо конкретный факт.

В заключение отметим, что, не всегда являясь коммуникативно однозначным показателем тема-рематического членения предложения, артикль во французском языке реализует свою коммуникативную функцию с помощью других языковых средств, совместно с которыми он участвует в актуализации коммуникативной структуры, что позволяет с наибольшей степенью достоверности определять тематичность и рематичность именных компонентов предложения (ср.: порядок слов, синтаксические конструкции с выделительными оборотами, сегментированные конструкции с репризой и антиципацией, коммуникативно-синтаксическое трансформации, специальные выделительные слова и частицы). Кроме того, наличие во французском языке двух форм артикля – определенного и неопределенного – предоставляет участникам речи возможность более точно передать содержание коммуникативного центра, то есть ремы, предложения: неопределенный артикль используется для оформления именной темы, представляющей собой «новое», а определенный артикль – для оформления именной ремы, представляющей собой «данное».

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Высшая школа, 1976. – 380 с.

2. Бокий, Е. А. Артикль как показатель грамматического значения «определенности» или «неопределенности» существительного (на материале французского языка) [Текст] / Е. А. Бокий // Вопросы истории грамматики романо-германских языков: Уч. Зап. ЛГУ. Серия филол. наук. – Вып. 50. – Л., 1958. – С. 17-23.

3. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Либроком, 2013. – 288 с.

4. Долинин, К. А. Коммуникативные варианты французского простого предложения [Текст] / К. А. Долинин. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. – 46 с.

5. Егорова, О. С. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса [Текст] / О. С. Егорова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Том 1. – № 4. – С. 116-119.

6. Крушельницкая, К. Г. Смысловая функция артикля в современном немецком языке [Текст] / К. Г. Крушельницкая // Труды Военного института иностранных языков. – 1955. – Т. 7. – С. 38-52.

7. Кузнецова, Т. Я. Вопросительное предложение в бытовом дискурсе [Текст] / Т. Я. Кузнецова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 734-736.

8. Матезиус, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Матезиус. – М. : URSS, 2010. – 232 с.

9. Москальская, О. И. Грамматика текста [Текст] / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.

10. Реферовская, Е. А., Васильева, А. К. Теоретическая грамматика современного французского языка. Синтаксис простого и сложного предложений (на франц. яз.) [Текст] / Е. А. Реферовская, А. К. Васильева. – М. : Просвещение, 1983. – 334 с.

11. Сабанеева, М. К., Щерба, Г. М. Историческая грамматика французского языка [Текст] / М. К. Сабанеева, Г. М. Щерба. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 272 с.

12. Egorova, O. S. L'organisation communicative et syntaxique de la proposition en Russe et en Français / O. S. Egorova // Языки и культуры в современном мире: Материалы XI международной конференции. – М. : Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ); Российский центр науки и культуры в Париже; Постоянное представительство России при ЮНЕСКО; Посольство Российской Федерации во Франции (г. Париж), 2014. – С. 101-105.

Reference List

1. Arutjunova, N. D. Predlozhenie i ego smysl = Sentence and its sense [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M. : Vysshaja shkola, 1976. – 380 s.

2. Bokij, E. A. Artikl' kak pokazatel' grammaticheskogo znachenija «opredelennosti» = ili «neopredelennosti» sushhestvitel'nogo (na materiale francuzskogo jazyka) The article as an indicator of a grammatical meaning «definiteness» or «uncertainty» of a noun (on the material of French) [Tekst] / E. A. Bokij // Voprosy istorii

grammatiki romano-germanskih jazykov: Uch. Zap. LGU. Serija filol. nauk. = Questions of grammar history of the Roman-German languages: Scientific Notes of LSU. Series philological sciences. – Vyp. 50. – L., 1958. – S. 17-23.

3. Gak, V. G. Sravnitel'naja tipologija francuzskogo i russkogo jazykov = Comparative typology of the French and Russian languages [Tekst] / V. G. Gak. – M. : Librokom, 2013. – 288 s.

4. Dolinin, K. A. Kommunikativnye varianty francuzskogo prostogo predlozhenija = Communicative versions of the French simple sentence [Tekst] / K. A. Dolinin. – L. : LGPI im. A. I. Gercena, 1975. – 46 s.

5. Egorova, O. S. Aktual'nye problemy kommunikativnogo sintaksisa = Current problems of communicative syntax [Tekst] / O. S. Egorova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2014. – Tom 1. – № 4. – S. 116-119.

6. Krushel'nickaja, K. G. Smyslovaja funkcija artiklja v sovremennom nemeckom jazyke = Semantic function of the article in modern German [Tekst] / K. G. Krushel'nickaja // Trudy Voennogo instituta inostrannyh jazykov = Works of the Military institute of foreign languages 1955. – T. 7. – S. 38-52.

7. Kuznecova, T. Ja. Voprositel'noe predlozhenie v bytovom diskurse = Question in household discourse [Tekst] / T. Ja. Kuznecova // Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive researches of language, 2015. – № 22. – S. 734-736.

8. Matezius, V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju = Cognitive researches on language [Tekst] / V. Matezius. – M. : URSS, 2010. – 232 s.

9. Moskal'skaja, O. I. Grammatika teksta = Text grammar [Tekst] / O. I. Moskal'skaja. – M. : Vysshaja shkola, 1981. – 183 s.

10. Referovskaja, E. A., Vasil'eva, A. K. Teoreticheskaja grammatika sovremennogo francuzskogo jazyka. Sintaksis prostogo i slozhnogo predlozhenij (na franc. jaz.) = Theoretical grammar of modern French. Syntax of simple and compound sentences (in French) [Tekst] / E. A. Referovskaja, A. K. Vasil'eva. – M. : Prosveshhenie, 1983. – 334 s.

11. Sabaneeva, M. K., Shherba, G. M. Istoricheskaja grammatika francuzskogo jazyka = Historical grammar of French [Tekst] / M. K. Sabaneeva, G. M. Shherba. – L. : Izd-vo LGU, 1990. – 272 s.

12. Egorova, O. S. L'organisation communicative et syntaxique de la proposition en Russe et en Français / O. S. Egorova // Jazyki i kul'tury v sovremennom mire: Materialy XI mezhdunarodnoj konferencii = Languages and cultures in the modern world: Materials of the XI international conference. – M. : Nacional'noe obshhestvo prikladnoj lingvistiki (NOPriL); Rossijskij centr nauki i kul'tury v Parizhe; Postojannoe predstavitel'stvo Rossii pri JuNESKO; Posol'stvo Rossijskoj Federacii vo Francii (g. Parizh), 2014. – S. 101-105.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теоретические аспекты культурных процессов

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10324

УДК 008

Н. А. Барабаш https://orcid.org/0000-0001-7551-7504

Хаос как система смыслов

В статье рассматривается такой сложный, ставший частью междисциплинарного творчества феномена явление хаоса, который участвует почти во всех процессах творческого акта. Как при создании какого-либо произведения, так и отыскивается его ниша в том, что впоследствии становится истолковываемым, интерпретируемым событием. К анализу привлекаются как произведения писателей- классиков абсурдистской литературы, так и отечественные классики, как, например, Чехов, в творчестве которого уже присутствуют черты того явления, которое впоследствии будет обозначено как постмодерн. Хаос рассматривается как процесс, как событие, как констатация во времени и пространстве творческого акта. Полнее и глубже удается понять , что есть хаос как категория и как явление через экзистенциальные понятия жизни-смерти. Хаос предшествует порядку и на этом пути забирает в свой арсенал такие составляющие, как парадокс, пародию, абсурд – те знаки и символы времени, без которых явление постмодерна не могло бы прозвучать полноценно. И потому хаосу отведена роль того знакового смысла, который наиболее метафорически и отстраненно вместе с тем оценивает постмодерн. К рассмотрению привлекаются пьесы и романы абсурдистов, а также пьесы Чехова. Романность и всеобщность такой категории, как хаос обеспечивает полную ясность картины в которой преобладающими носителями хаоса становится абсурд и произрастание его из недр всякого ирреального начала. Непонятость и стихийность хаоса обеспечивает ему всемерную поддержку мировой художественной культуры, поскольку именно в ней он растворяется, существует, диссипирует как актуальное начало процесса творчества.

Ключевые слова: парадокс, стихия, явления диссипации, абсурд, смерть или энтропия как процесс, реминисценции хаоса и абсурда,двойственный характер хаоса, порядок и несмешение границ хаоса.

CULTURAL SCIENCE

Theoretical aspects of cultural processes

N. A. Barabash

Chaos as a System of Meanings

In the article is considered such a difficult, which became a part of cross-disciplinary creativity of the phenomenon, thing of chaos, which participates almost in all processes of the creative act. As during creation of any work, and its niche in what becomes subsequently the understood, interpreted event is found. Here are analysed as well as works by classic writers' absurdist literature, and national classics as, for example, Chekhov in whose creativity there are already lines of that phenomenon which will be designated as postmodern subsequently. Chaos is considered as a process, as event, as ascertaining in time and space of the creative act. It is possible to understand more fully and more deeply that there is chaos as a category and as a phenomenon through existential concepts of life death. Chaos precedes order and on this way it takes the arsenal such components as paradox, parody, absurdity – those signs and symbols of time without which the phenomenon of postmodern could not sound fully. And therefore the part of that sign sense most of which metaphorically and detached at the same time estimates postmodern is assigned to chaos. Plays and novels of absurdist and also plays by Chekhov are involved into consideration. Romanity and generality of this category of chaos provides full clarity of the picture, where absurdity and its growth from subsoil of any irreal beginning becomes prevailing carriers of chaos. Incomprehensibility and spontaneity of chaos provide its full support of world art culture as there it is dissolved, exists, dissipates as a relevant beginning of the process of creativity.

Keywords: paradox, elements, dissipation phenomena, absurdity, death or entropy as process, reminiscences of chaos and absurdity, dual nature of chaos, order and not mixture of borders of chaos.

© Барабаш Н. А., 2019

Миф и сказка – по пути к абсурду, а затем далее, далее... Герой сказок, как непременный носитель добра, побеждает. А после чего, собственно? И что надо победить? Он проходит много испытаний: испытания злом, долгом, временем и любовью (у М. Бахтина испытания временем, любовью). Его частенько провоцируют на новую любовь, на измену, но он, даже поддавшись страсти, все же уходит. Стало быть, сама философская идея ВОЗВРАЩЕНИЯ (к чему-либо, от чего-либо) работает. Герой возвращается с подарком («Аленький цветочек»), побеждает в большинстве сказок демона, злодея, Змея-Горыныча, но всегда сражается и всегда одерживает победу. Он никогда не поддается смятению, он выстаивает все и проходит сквозь трудности. И непременно возвращается с победой. А как иначе?! Как иначе, если он – герой, он – носитель добра и он – предъявляет миру созидательную идею жизни. С ним и за него все: читатели, автор, тот, кто его ожидает, кто верит в него, несмотря на оговоры, сплетни и просто долгое отсутствие (Пенелопа, скажем).

И вот проходит огромное время, ему несть числа и периодов, оно идет и идет, и все тревожит и тревожит своей настойчивой неповторимостью и стремлением к возвращению. И наступает такое время, когда просто строгое следование классическому сюжету, в котором герой-добро побеждает, все становится на свои места, – не срабатывает. Она, такая идея и такое развитие сюжета, перестают удовлетворять читателя, автора, то есть общество. Зреет нечто такое, что вообще никак не вписывается в привычное русло развития: любовь, испытание, встреча, хеппи-энд. Все почему-то начинает выстраиваться вверх дном. Можно начать со смерти, или через страницу заявить о ней (Камю, Беккет. Ионеску), можно дать ясно понять, что смерть неостановима, и герой вот-вот окажется с нею рядом. Она станет и избавлением, и основой движения мысли, и тем остовом, на котором и покоится фундамент происходящего.

Словом, возникает некий перевертыш привычного хода вещей, подвергающий сомнению: а) саму статистику прежних решений за двадцать и более веков; и б) человек как развивающаяся система, которая «дышит», требует другого вида конфликта, его разрешения и другой окраски события.

Абсурд, прекрасное и стремительно заполонившее литературное пространство явление, завоевывает не только приверженцев нового слова в литературе, но и открывает новые, совсем непривычные способы размышления о человеке и взгляде на него. На его судьбу, на возможную любовь (например, герой «Одиночества» Ионеску, который часто выпивает, но в разного рода ситуациях, встречах с кем-то все более докапывается до сути истины, жизни, любви). Тема одиночества, так ярко и отчетливо прозвучавшая в этом романе, разовьется и позже, и оставит заметный след в том, что будет позднее называться постмодерном. Вот он, новый нюанс: не с красавицей начинаются, как принято в сказках, как рассказывается сюжет в 18-19 и частично в 20 веке, а совсем наоборот: все плохие любят (или просто имеют недлительные отношения) с некрасивыми людьми. Это заметил и сам Ионеску, и до него Камю, пародией на которого вместе с Сартром и написан был этот роман.

Таким образом вплетается мысль о том, что абсурд – это не всегда и не только про то, что не к месту и вообще наоборот, а ставится новая непривычная задача: через не красоту и предельную анатомическую искренность рассказать о поисках места героя, о его душевных страданиях, а точнее, о его попытке либо выжить, либо (что чаще) не жить и сознательно идти к этому, готовиться к этому событию – не жить. Так комфортнее и рациональнее. Жить – это что-то очень обременительное: то тюрьма, то убийство («Посторонний» Камю, где герой получает телеграмму о смерти матери), то такая усталость, что не жизнь и становится единственно возможным и справедливым по мысли автора выходом, который принесет покой и даже радость.

Вплетение абсурдных намерений и абсурдных выходов из жизненных перипетий становится постепенно знаком времени, символом вообще сколько-нибудь серьезной литературы. И все чаще начинает охватывать мысль: а так ли уж бесспорны и не имеющие к абсурду отношения те известные, такие знакомые, классически выверенные сюжеты, произведения, к которым мы так привыкли? Не абсурдно ли поведение Онегина, много времени спустя после письма Татьяны, начинающего претендовать на ее любовь? Так ли уж безупречен и отстоит от абсурдного проявления поступок Треплева в пьесе Чехова? То он – писатель, то он – стоик, то просто ощутивший собственную никчемность герой, посчитавший за лучшее застрелиться?! Абсурд усиливается обозначением автором жанра – комедия, пишет Чехов. В том и прелесть этого подзаголовка: и впрямь комедия, а как иначе назвать то, да еще в 19 веке, когда не было такого литературного направления и обозначения вообще?! А то непременно названо было бы творение писателя именно абсурдом. Не абсурдным, а литературой абсурда. Стреляется герой, уходит его невеста, становится актрисой, но плохой, возвращается в свои края (снова этот мотив возвращения!), встречается с писателем, любовью юности, жалуется на судьбу, уходит. Герой, не выдержав еще и женской драмы, стреляется. Да он, кстати, уже и делал такую попытку. Вот и снова взялся за пистолет. На этот раз –

до конца. Абсурдная жизнь, доведенная до крайности, завершилась. Такое ощущение, что на реальное изложение событий в произведениях накладывается еще нечто такое, что вроде бы и отстоит от реальности, но подчас мощнее и ярче проступает ее самой, о чем Жиль Делез пишет в своей «Логике смысла»: «Копия – это образ, наделенный сходством, тогда как симулякр – образ, лишенный сходства» [1, с. 334]. Его роман сам становится своего рода симулякром, не просто имитируя действительность, но ей противостоя, да плюс к тому же определив свой роман еще и как пародию. И роман также можно рассматривать как знак, где нет противостояния Камю и Сартру, а есть намеренная, возведенная в абсолют мысль о мире стихии, о хаосе мыслей, о помещении себя (имеется в виду герой «Одиночества») в ирреальное пространство, снабженное между тем всеми приметами реального мира, в котором выпивают, чего-то ждут и анализируют время. Делез говорит о смысле, выраженном как событие и которое «обладает совершенно иной природой: он- эманация нонсенса, этой всегда смещенной парадоксальной инстанции, вечно децентрированного экс-центрического центра. Это чистый знак, чья связность исключает только лишь – зато категорически –связность Я, мира и Бога [1, с. 231].

Откуда черпает художник, преступивший сам одиночество, то, что впоследствии поймется и оценится с позиций нового витка в искусстве, литературе, но никак не претендуя на направление, а только заимствуя у классики все то, что та на протяжении нескольких веков успела подрастерять.

Классицизм – направление в искусстве, характеризующееся наличием трех единств, то есть единством времени, места и действия. Понятное дело, что ни мифы, ни подступающий за ними абсурд не вписываются в классику этого направления. Какое уж единство трех начал, когда произведение может начаться с прямой провокации и завершиться ею же?! Какое, скажем, движение по классицистским канонам, если судьбу героя определяет, прежде всего, смерть? Первое. Желаемая им, учитываемая автором при развитии сюжета. Второе – именно она, смерть (неважно, чья) – то главное условие, при котором вообще что-либо развивается в произведении. Любое произведение абсурдистского толка непременно содержит смерть. Можно возразить: а как же греки, как Шекспир, у которых тоже в основе сюжета есть стремление к смерти. Ею в сюжете управляет автор, ей подчинены основные события произведения. Она – тот главный, тот основной оселок, который скрепляет малые и большие, основное и второстепенные события пьесы, романа. Причем, самое удивительное в том, что происходит сообщение о смерти, ожидание ее, констатация весьма буднично. В том-то и дело, что у греков, скажем, ничего будничного в самой смерти нет и быть не может. Это всегда катастрофа, ведущая к катарсису. Это всегда непреодолимое, гибельное событие, предотвратить которое невозможно. Она становится условием существования написанного. Через нее обвиняют, соперничают, мстят, прелюбодействуют, через нее и благодаря ей осуществляется наиважнейшее авторское высказывание. И оно отнюдь не буднично.

Что же у того же Камю, Беккета. Ионеско? Как ведет себя смерть там? Да никаким особенным образом. Ее особенность в этой вот неособенности, в обыденности, в ожидаемости. Словом, будет она, нет ли – да какая разница?!

Но вот проходит время, долгое и называющееся сначала модерном, затем постмодернизмом, и постепенно начинаешь проникаться абсурдной по сути мыслью: а что там-то выражает смерть, что несет за собой? И тогда следом еще одна мысль: а без нее и вовсе не построишь никакое произведение по канонам и принципам абсурда.

А оно непременно содержит три условия:

− движущей силой становится не нечто созидательное, имеющее прямое отношение к продолжению жизни, а напротив – смерть;

− ее будничное, почти жанровое изображение и обыденность. И в отношении к ней, и в восприятии ее;

− инверсия смыслов.

Поясним последнее. Это такая перестановка мест по времени исполнения, по событийному ряду, по осознанию происшедшего героем, когда ничтожность повода и поступка становятся решающим условием написания и существования героя и произведения.

Что мы хотим извлечь из написанного? Цепь событий, их последовательность и исполняемость? Мужание, развитие главного героя, лица? Подробности такой эволюции? Скорее, все вместе, но с поправкой на это «спотыкание» сюжета: он то стремится вперед, то останавливается, то бежит впереди всего возможного, если иметь в виду цикличность развития как такового. А то и вовсе замедляет свой ход и становится тягучим, скучным, уязвимым. Как не вспомнить в этой связи Хайдеггера, сказавшего, что «сегодняшний человек к формированию и взятию на себя управления над Землей не готов» [8, с. 40].

Так и хочется внести ясность, но такую вызывающую, можно сказать. Абсурд, по сути, является выражением хаоса. Когда наблюдается нарушение общепринятого хода вещей. Искажение причинно-следственных связей ведет к хаосу. Что мы имеем в виду? Это не чехарда и неразбериха. Это сознательное запутывание ситуации; это подвергание

здравого смысла чудачеством, издевкой, насмешкой, остротой. И поверх всего – какая-то дремучая угрюмость и унылость. Ну, скажите, что это за образ мыслей, образ жизни героя Камю, который не томится в тюрьме, а безразлично (почти безразлично) дожидается своей участи? Он как среагировал на телеграмму о кончине матери? Примерно так же, как и потом воспримет и приговор, и тюрьму. Нет, вовсе не с мудростью старца, покорно принимающего удары судьбы! В том-то и дело, что здесь герой не протестует, никакого бунта, как пишут многие исследователи «Постороннего» нет и в помине. Он просто существует, выжидает, ни к чему не готовится и ничего особенного не желает. Он равнодушен к жизни! И это, пожалуй, самое страшное! Не смирение, не мудрость, а осознанное угасание. Не уход в себя, не понимание ценности собственной судьбы и предназначения и отказ от сопротивления в связи с этим. Это смерть при жизни.

А в «Чужом» Камю, «служащим, кстати, объектом семиотики, момент убийства связан с безумным блеском солнца, то есть здесь смерть символизируется образом света и энергии. Интересно, что в современной культуре подобного рода ассоциации проводятся довольно последовательно» [4, с. 165].

И вот хаос. По определению ученых, рассматривающих хаос в виде системы, его относят более всего и главным образом к математике и физике, считают его чем-то универсальным (Уильям Брок), имеющим прямое отношение ко многим явлениям. Его называют управляемым (В. Е. Лепский), из него извлекают порядок (Илья Пригожин), в нем видят структуру (А. Ф. Лосев), и из его теории строят стратегическую мысль (Стивен Манн). Однако все перечисленные авторы относили хаос к точным наукам. Мы же пытаемся определиться с этим явлением, относя его не только к естественным наукам, но и к искусству, литературе, театру. Прежде всего, хаос стоит рассматривать в качестве философской категории. И можно сказать, что он являет собой действительно структуру, но напоенную определенным смыслом. Смыслом, поддающимся анализу, деконструкции, поиску аналогов и, стало быть, готовому быть исследованным полно, всесторонне и не формально. По нашему мнению, он существует как нечто связующее между точным расчетом и стремлением обесценить таковой. Это когда процессы энтропии внедряются в животрепещущую систему и разрушающе действуют на нее.

Явление хаоса столь многосторонне и разнообразно, что легко экстраполируется на самые непредсказуемые области знания. Оно сочетает в себе упругую динамику движения, саморазвитие, отсутствие догматических наслоений, проникает в суть таких полярных начал, как конструкция и деконструкция смысла. Оно не разрушает границы, как это делает, к примеру, постмодернизм, не нарушает привычные общепринятые представления о конце и начале, о конфликте и событии. Оно вообще не вторгается в границы, оставаясь самостоятельным и малоизученным феноменом.

УКЛАДЫВАЕТСЯ ЛИ ХАОС В СИСТЕМУ?

«Само понятие стихии представляется скорее как результат видения жизни внутри знания, видение сущностей внутри знаковой системы…» [4, с. 196]. Мамардашвили. И этот философ говорит о возможной системе.

Если явление есть, оно может и должно быть проанализировано. Оно может и должно быть систематизировано. И нужно это для а) точной оценки и понимания явления; б) для возможности и способности перенести его на самые разные плоскости философского, искусствоведческого порядка.

Так привычно слышать в быту, в обыденной жизни: хаотические решения; хаотически бьющееся сердце; хаотические поиски; хаотическое нагромождение чего-либо. Во всех случаях мы имеем дело с отсутствием порядка, с деконструкцией явления, с его не нормой, что ли. Употребляя в таком сочетании слова и в такой связи, мы словно сетуем на то, что вот теперь не так и неправильно, а хотелось бы большего порядка! Вот и Пригожин пишет о порядке как замещении, как возможности выхода из хаоса. Но оговоримся – применима его теория, его построения к естественным наукам. Мы же имеем дело с иной палитрой и иным пространством. Оно не имеет, как правило, точных координат и параметров; оно отступает уже изначально от чего-то конкретно означенного; и оно, наконец, не стремится к завершению, а, напротив, все более и более к повторяющемуся возвращению.

Хаос в искусстве, как ни странно, даже предпочтителен. Его так научились читать и истолковывать, что становится страшно, если он не сразу обнаруживается. Он повсюду: на страницах произведения, на театральных подмостках, он часто та мера истины, которой можно измерить какое-либо творение.

Написанная пьеса мнится писателю как вполне себе гармоничное, законченное произведение. И только с момента перенесения, то есть, по интерпретации, а, значит, и искажения текста, намерений автора возникает этот сложный, долго длящийся процесс смятения всего того, что было задумано автором. Это он лично полагал, что под его пером все внятно и прозрачно, что мера и гармония – вот те вершители правды и истины, которыми можно охватить и измерить текст. Но возникает другой автор – истолкователь, и он заново, уже на свой лад, на свой взгляд сочиняет новую данность, ориенти-

руясь на текст. Текст, написанный кем-то. Но поскольку это, как правило, две не смыкаемые истории, приходится всерьез говорить о двух произведениях с одним и тем же текстом (правда, и он нынче бывает нарушен, от него легко отказываются и отступают). Главное же – это два разных, поразному видящих мир человека-творца. И еще неизвестно, чей мир интереснее и неповторимее.

Много раз на протяжении ряда лет автору этих строк приходилось общаться с Алексеем Николаевичем Арбузовым. И драматург рассказывал, как сочиняет, называя этот процесс по-разному, не сильно, однако, теоретизируя. Понятна была главная его идея – одиночество замысла. Она присуща и характерна не только для этого писателя; одиночество вообще-то органическое свойство и даже потребность человека созидающего что-либо.

В последние годы совсем не творческие профессии, не одни только художники и артисты испытывают и само одиночество, и потребность в нем. Эта необходимость у художника была всегда, будь то настоящее время или совсем иные времена. Но только такой мощный разрыв, который наблюдается сегодня в социуме, между отдельно творящей личностью, индивидуумом и самим обществом, привел к тому, что люди стали нуждаться в одиночестве. Стали появляться статьи, так или иначе взыскующие в одиночеству. И замысла, и идеи, и их воплощения. Одна из работ, относящихся к геологии, так и называлась: «Одиночество геологии» (авторы В. Низовцев и В. Кривицкий) Нам еще предстоит рассмотреть, что есть одиночество в творчестве, в жизни, как, каким образом оно возникает, из чего произрастает и куда ведут его пути. Одно можно утверждать наверняка: следствием хаоса и его осознанием является именно одиночество.

Из неразберихи и темпа, который опережает человеческие возможности, из непоспевания человека за техническим развитием в науке, других областей знания рождается постепенно хаос. То есть то, что преодолеть человек в веке двадцать первом и в конце двадцатого просто не в состоянии. Он интеллектуально не успевает, устает. Энергия его поисков ослабевает, становится уязвимой. Разрыв имеет тенденцию и к ускорению одного (науки, техники) и к непоспеванию мысли усвоить происходящие перемены, которые сам же человек и осуществил.

Этот разрыв со временем становится все более угрожающим и невозможность охватить его и заполнить грозит человеку нравственной, моральной, психологической катастрофой. Это древнее: быть не в ладу с собой – все острее и тревожнее наполняет жизнь. В современный хаос и его многочисленные прочтения можно попытаться вставить и рынок, как своего рода определитель умонастроений публики, граждан, тех слоев общества, которые претендуют на многое, причем, в равной степени изношенное и массовое. Вот Т. С. Злотникова, размышляя о проблеме рынка, задается двумя вопросами. « …Пришел ли рынок как синоним массовой культуры, в т. ч. китча, в нашу культуру как нечто чужеродное, а потому временное и несущественное? Или приобрел иное качество по сравнению с тем, что было в культуре тоталитарной» [2, с. 337]. Можно расширительно отнестись к явлению рынка как таковому, уподобив его, в том числе и хаосу. Тому стихийно возникающему беспределу, который нуждается как в упорядоченности, так и в оценках. Однако не перестает быть величиной стихийной в силу того хотя бы, что смена ориентаций, отношений товар-деньги-товар становится такой подвижной и такой сминаемой энергетически конструкцией, что уловить, что есть рынок и стихия как величины, понять почти невозможно с точки зрения философского и научного, теоретического анализа и подхода. Равновесное, гармоническое состояние в пределах данной конструкции поддерживать нереально: рынок чуть ли не ежедневно предлагает себя в новых и неизученных параметрах. Сравнение с ним и привлечение его в качестве стихийного примера понадобилось лишь для того, чтобы еще раз прочертить цепочку от хаоса, имманентно присущего вообще какой-то неуправляемой системе (массе народа, массе товара, массе прибыли или убытка). Вообще масса – странное понятие, очень точно характеризующая движение без ориентиров и координат нравственности. Это такой хаотический вброс в сознание граждан, народа, та стихия, которая неуправляема и в этой своей неуправляемости осуществляет неравновесные и негармоничные процессы, которые возможны только для категории «массовость». И в этой отсоединенности от системы нравственных посылок видится отличие от того, что в науке об искусстве способно как раз стать и системой, и восходить к порядку, как одному из условий средоточения системы.

Вся шекспировская длинная трагедия отсылает нас к поиску главной мысли: как удержать то равновесие, ту гармонию, которую он, драматург, предлагает человеку, раскрывает ее, но уж о том, чтобы удержать… нет, не врач, не лекарь Шекспир. Он только ставит вопросы, только разбрасывает карты, только указывает на те лабиринты сознания, по которым движется, блуждает зачастую мысль человека. Он водит, но хитроумно и не как ребенка по саду: молниеносно меняет планы, уходит от только что подсказанного решения, вообще запутывает нас, героев, критиков. Еще мгновение назад почти должны были объединиться герои его трагедии, Ромео и Джульетта, уже и повенчались тайно. И снова – поворот: рок, неразрешимые обстоятельства мешают этому, противостоят любви. И –

смерть. Снова она, однако, решенная, поданная как единственно возможный выход, единственный способ разрешения, катарсис судьбы и целой жизни. Как единственно возможное условие, очищающее душу и дающее право на абсолютную чистоту.

Но Шекспир не так прост: он не ведет угадываемыми путями; он так легко и искренне обретает свободу от пут обязательств, ложных устоев и устремлений, что веришь безоговорочно: есть только любовь, отмытая и закрепленная в смерти.

ПРОЦЕСС ИЛИ КОНСТАТАЦИЯ?

Постмодернизм более всего тяготеет к двум вещам. Первое. Его занимает не процесс, а констатация. Его все больше интересуют не смысловые связи, а логика оборванности. Клочковатость, фрагментарность смыкаются с клиповостью самого мышления. Реклама на ТВ – прямое тому подтверждение. И то, как складывается общение телевидения с обществом, все больше и больше тяготеет к сдвигам смысла, жанра, логики, стиля. Фиксация отдельного – вот что занимает постмодернизм и современное состояние того же ТВ. Не текучесть процессуальных связей, самого поступательного движения чего либо, а только декларативное уточнение, не подробность, а некое общее, не развитие идеи, образа, характера, а незыблемость и нетронутость изначально данного (образа, характера, идеи). Все, что во все времена отличало художественную литературу – развитие, длительность, изменяемость (опять-таки, характера, судьбы), процесс, – оказывается в системе постмодернизма не только утраченным, но игнорируется, отметается и не является актуальным. И даже становится одним из ключевых понятий.

Собственно, почему не процесс? Что мешает, что становится на пути к развитию и движению смысла, идеи? В самом скором ответе – это скорости, стратификация городов и личностных коммуникаций, нашествие стремительное средств связи, рушащих привычные способы общения. Ушли в небытие письма, звонки по стационарному телефону, телеграммы.

Превращается ли хаос в систему смыслов или он – нечто бессмысленное и не способное к перерождению? Что он есть как конфигурация и стоический обман? Какова его природа, если говорить не о вселенском явлении хаоса, но применительно к искусству, к театру, например? И тогда движение и развитие хаоса становится ясно понимаемым и даже прогнозируемым. И. Пригожин много размышляет о природе хаоса применительно к естественным наукам. Он говорит и о «притягивающем хаосе» [5, с. 146] и о «хаотической динамике» [5, с. 147]. Можно экстраполировать его высказывания отчасти и к театральным процессам, к тому, что имеется в авторском тексте. И если мы допускаем, что театр есть вообще подвижная система, наполненная хаосом, что, кстати, и обеспечивает ему энергетическую живучесть, то поняв, что хаос стремится все равно к порядку как к единственно возможной уравновешивающей его структуре и противоположности, то понять, что это за адаптационные такие причины можно, 1) исходя из природной взвешенности и равновесности самой природы, безусловно тяготеющей к порядку; и б) «хаос открывает нам целый мир новых форм и картин» [5, с. 156]; в) он находит такие «самобытные пути развития», которые и являются залогом его адаптационных возможностей [5, с. 280]. Пригожин учитывает и такой факт: «Если в какой-то момент времени в систему вводится новый вид деятельности, то в дальнейшем он будет расширяться и стабилизироваться» [5, с. 280].

Театр, который сам по себе уже есть нечто трудно оформляемое в систему, сам по себе несет черты и зависимости от хаоса, сам располагается на пространственном поле хаоса, уже есть не что иное, как глобальный хаос. Но и он подвержен изменениям в: а) структуре смыслов; б) в новообразованиях; в) воссоздании нового через забытое старое; г) инициировании повторяющихся идей, замыслов, намерений; д) разрушении и регенерации все обновляющегося контекста; е) подверженности саморазрушению посредством расщепляющегося континуума.

Хаос провоцирует возрождение; в хаосе заключен обратимый смысл; хаосом можно управлять и развивать гармонию. Таким образом, в хаосе закреплена и помещена та энергетическая подвижность, с помощью которой реализуются множественные замыслы и символы, объемнее и множественнее раскрывающие смысл и назначение произведений, явлений, событий. Хаос определяет некую общую величину порядка, маскирующуюся под стихией смысла и разорванности его. И символ выступает неким общим мерилом оценки животворящей силы хаоса. «Сама материя символа обязательно в каком-то трансформированном, странно непохожем на свою конкретность…виде еще содержится и в сознании. Это ни в коем случае не значит, что материя символа и сознательная его содержательность – одно и то же. Скорее это означает вот что: когда мы знаем, что какая-то вещь есть символ, то это значит, что что-то есть в сознании…» [4, с. 139]. Словом, управляемость хаоса и его неистребимое движение к порядку все более и более подталкивают нас к мысли: хаос не только есть первопричина порядка, но именно он рождает систему, в которой порядок выступает как законченная и востребованная сущность.

Театр – столь подвижное и вместе с тем зыбкое

устройство, где придуманная история, ассоциация, действующие лица, все герои, персонажи замыкают странное шествие не по замкнутой параболе, а по циклоиде, никогда не возвращаясь к первоначальной точке и никогда ее не достигая, а совершая новый, все тот же овал-круг, который и являет собой истинное движение, соотнесенное с эволюцией. Эта недостижимость изначальной точки, точки возврата и есть особое, присущее искусству и театру, в том числе, условие его существования. Невозможность достижения при этом изначальной задачи – создание новой востребованной реальности, – где сам театр становится заложником чего-то хрупкого, уязвимого и смятенного. И только редкостные образцы театральных деяний оказываются способными на замещение, возвращение (как философской идеи), на восстановление забытого и энтропию вместе с тем.

Категория гармонии не способна сколько-нибудь обновить и воскресить смысл жизнедеятельности театра как такового, ибо сама по себе содержит черты хаотического перевоссоздания, стремящегося к энтропии, с одной стороны; и неразрушенности, целостности – с другой. Такая противоречивая, двойственная, стремящаяся к саморазвитию система есть не что иное как опровержение здравого смысла, полагающего, что театр есть сама реальность. Ошибочная эта посылка относит нас к противоречию снова: театр не может быть сопоставим ни с чем, кроме самого себя и не может быть ни чем иным, кроме ассоциативного наблюдения и исчерпанности изначальной.

Хаос покрывает как бытование человека, так и то, что отстоит от реальности на расстояние выдумки, метафоры, мечты и гротеска, то есть самого искусства. Трудно сказать, что более всего определяет хаос. Может, это любовь и гармония? Может, только стремление к бесконечности, а, значит, к порядку и поиску смыслов? Но то, что сама любовь, как вчувствование являет собой уже указанное противоречие, а именно: хаос и гармонию, – несомненно. Любовь не возникает стихийно и спонтанно. Это только очередное заблуждение человека на этот счет. Она всегда подготовлена. То отрицанием, то неверием, то отступничеством, то поиском справедливости и правды. Но ей всегда предшествует смятение. Иначе говоря, хаос. Это потом любовь спотыкается о гармонию, как метафизическую основу смысла, уравновешенности, порядка и чистоты. Но сначала она претерпевает а) борения с чем-то неизъяснимым и странным, чему не сразу отыскивается название; и б) она всегда соткана из противоречия и парадокса: с одной стороны, это счастье, то пресловутое чувство опять-таки несвободы и зависимости, конечно, а с другой – намеренное, осознаваемое разрушение и своей самости, своего Я, своей структуры личности. Противоречивость любви объясняется еще и тем, что она не ищет стабильности. В ней превалирует мятежность и неудовлетворенность. Привычка – вещь совершенно иного свойства. Но если мы говорим именно о любви, как о чувстве, к которому движется любой человек, и надеется на встречу с ним тоже каждый, то в ней и заключена та сложность, которая опровергает ее легкость, безмятежность и способность к перевоплощению. В ней всегда таится тайна, нечто невнятное, тот лабиринт, который отчасти и сопровождает ее и по которому она движется.

Любовь бытийная, то есть вполне себе реальная, человеческая, – есть не что иное, как искушение выпотрошить свою изнанку до последней, до тайной основы, до истоков, а точнее, до полного опустошения. Искусство или нечто невразумительное, грешное, к чему и тяготеет, прежде всего, душа человека, поскольку вряд ли за все века находит ответ, что это такое, – так вот искусство в силу своей ненужности, иррациональности сопровождает любовь, определяет ее, гордится ею. И – не умеет ответить, что это такое. Страсть, потребность в самоистязании, горечь и горе, печаль и боль? Что? На самом деле, – это, всего-навсего, никогда не могущая осуществиться потребность в страдании. Именно так, как бы это горько и неоптимистично ни звучало!

Подтверждением тому служат многочисленные примеры из разных видов искусства. Классическая ситуация признания в любви и ее отвержения – Татьяна и Онегин. Сначала признается она, затем, по прошествии лет, влюбляется Онегин. Когда-то М. Бахтин заметил, что только пройдя испытания, в том числе, любовью и разлукой, влюбленные достигают полной слиянности души и счастья. Он говорил именно об испытании временем, разлукой. Так вот, пушкинские персонажи – как раз из этого круга. Потребность в письме – само собой, подспудное понимание того, что не откликнутся, не отзовутся на мольбу о любви. И в этом – особенная прелесть. Разве всерьез Татьяна рассчитывает на ответное чувство? Вряд ли! Она, скорее, наслаждается самой возможностью отдать себя на растерзание успешному и привлекательному соседу. А уж потом настает его очередь мучиться отказом, страдать от неразделенности, от невозможности соединиться. Самые сложные и недолговечные отношения влюбленных, когда истекает череда испытаний и настает время соединиться, быть вместе. Как правило, писатели дальше этого не идут: некуда! Там провал, пути нет, одни испытания. Поэтому – со всем тщанием и подробностями об этих самых испытаниях, но никогда о спокойной идиллии семьи. Только противоречие, нахождение на краю

опасности и возможного произойти срыва встречи, обретения друг друга – вот что по-настоящему становится важнейшей стороной исследования любви.

Самое беспристрастное и потому более, чем любые другие виды искусства, претендующее на гармонию, как ни покажется странным, – это архитектура. Именно там отсутствует конкретный, физический контакт человека с человеком. И потому особенность этой сферы искусства остается незамутненной чьими-то страстями. Есть объект, памятник, древний или архисовременный – не суть. Другое привлекает внимание –это наиболее объективный и потому очищенный от наслоений оценок, взглядов, перипетий вид человеческого творчества. Да, объекты создает человек, но остаются они уже вне его провоцирующего контакта. Его исследуют, анализируют, выстраивают иерархию ценностей, но он остается неприкасаемым в плане все возобновляющегося вмешательства человеческих рук.

Парфенон в нынешнем его состоянии представляет развалины, производящие впечатление хаоса. Однако именно в этих разбросанных камнях, нагромождении слоев земли, тронутых вечностью изъянах и присутствует обожествляемая идея стремления к красоте и гармонии этой же вечности. Только соединение двух начал и ведет к истинному порядку: поиск гармонии, поиск пропорций и истребление их же столетиями. Только соединение того и другого способно оплодотворить мир ценностей печалью и восторгом одновременно.

В картине В. Иванова «Явление Христа народу» именно образ самого Христа разрушает хаос ожидания и нагромождение разных настроений. Но и в этом целом разве представлена гармония в своем абсолюте? Все равно идет понимание того, что было что-то, что имеет в основе хаос и только природа поступка, заключающаяся в самом простом и бесхитростном приходе к людям – изменяет смысл на прямо противоположный. И снова можно утверждать, что ни одно произведение не обходится без этой смены, без череды несовпадений и меняющихся настроений, а, значит, смыслов.

«Возвращение блудного сына» Рембрандта символизирует не только одно лишь приятие покаяния, но еще и другой, может быть, даже множественный смысл: человек возвращается из хаоса жизни в такой же хаос. Ибо он не знает и не может еще предположить, что его ждет, кто, и, собственно, правильно ли то, что он вообще вернулся. Это есть авторская концепция возвращения, как наиболее гармоничного и продуктивного начала: человек всегда возвращается. То к истокам, то к душе, то к памяти, то к будущему.

«Сына» такого принимает другой человек. Это свидетельствует и из его позы, рук, покрывающих голову, самого ритма полотна, в котором не обнаруживается ни страх, ни отчаяние, ни осуждение. Напротив, это приятие хаоса, который осознается и принимается вторым героем картины. Покаяние и мольба, стремление к равновесности и надежда – вот что опровергают изначальный хаос, заложенный в прошлом человека возвратившегося. Но разве не хаосом пронизано его будущность? Она, прежде всего, произрастает из неясного смысла: что дальше? Что ждет? И только сама поза и взгляд принявшего есть и утешение, и указание на то, что будущее есть и что оно не трагично. Хотя и в этом нашем утверждении есть определенная натяжка. Как в школе разбирают, анализируют полотно, так и мы сейчас на пути предельного упрощения. Если же вдуматься в экзистенциальный смысл произведения, принять его, то очевидным выступит простая и лежащая на поверхности мысль: нет беззаботного, облегченного, свободного от страданий будущего у героя картины, как и у всякого иного героя, человека. Оно уже не может быть таковым в силу страшных бывших мук, пережитого им. Нельзя потому не согласиться, что «литературное творение является тем приключением тела и знаков, которое несет свидетельство аффекта – печали как меты отделения и как зачатка символического измерения»… [3, с. 31]. По нашей логике, в хаос вплетено именно это – стихия неравновесного начала и даже, как пишет Ю. Кристева, аффект. Он не может быть равновесным и подчиненным логике порядка. Да, он проходит, уступая место тишине и прискорбной печали, умиротворенности, что так близко от порядка.

Хаос, таким образом, произрастает из самого себя, собой же управляет и выставляет ту шкалу понимания и стремления изменить такую парадигму, которая была бы способна противоречить, а, стало быть, уравновесить хаос. Можно принять как допущение, как экзистенциальную гипотезу то обстоятельство, что только стремление к равновесию подтверждает вечное борение хаоса с а) идущим вслед за ним порядком; б) тем благим началом, что в нем заключено. Именно хаос – верный росток того светлого, что ведет к продуцированию жизнеспособных идей и векторов пути.

Можно добавить, что в хаосе всегда сосредоточено противоречие и стремление к саморазрушению. В своей необозримости он смыкается с гармонией, не очень-то и настигая ее, и не всегда способствуя тому, чтобы она шла где-то рядом. Он настолько всеобъемлющ, так выразителен и внедряется в память, события, прошлое и настоящее таким запоминающимся образом, что он сильнее и яснее гармонии, в которой всегда угадываются и запечатлены либо следы хаоса, либо его настроение.

Величайшее заблуждение человечества состоит в том, что он разделяет хаос и гармонию, уготавли-

вая последней равное место и значение. Однако хаос повсюду, он являет собой чрезвычайное, вселенское, глубоко проникающее явление, тогда как гармония – лишь остановка, некая передышка, пауза своего рода в том вечном движении и распространении хаоса, который существует, покрывая все сущее, вращаясь или выкристаллизовываясь в кристалл и кристаллические решетки, если говорить о его физической сущности. Остановка в движении и вращении хаоса лишь миг и именно он по своей малой краткости более всего приближается гармонию.

Мы зациклены более всего и главным образом на хаосе еще и потому, что он несет, содержит в себе некое отрицательное начало. А, как известно из психологии явлений, они, отрицательные, дольше и настойчивее удерживаются нашей памятью. Именно в силу своей содержательной отрицательной величины.

И не только отрицательное, но более всего разрушительное. Недаром одно из его определений – это открытый зев, это то, что способно поглотить. Продолжим – смять, уничтожить.

Однако, даже употребляя это слово, мы все же словно держим в памяти, в сознании некое движение дальше: что хаос – не есть что-то навечно и неизменно присутствующее в жизни. Всегда в нашем сознании присутствует эта мысль – а что дальше? Ну, действительно, не всегда и не постоянно же мы окружены хаосом, помещены в него, не вся жизнь являет его совокупную протяженность и неистребимость. И мы не противоречим, когда чуть выше говорили о том, что хаос повсеместен, и он олицетворяет жизнь. Так и есть. Однако именно потребность строить свое знание, опираясь и на будущее, все же дает право оценивать и истолковывать его с позиций перемен, трансформаций и изменения на прямо противоположное, что и следует, если опираться на логику, прямо за ним. То есть, след. След от чего, след, идущий за чем и куда ведущий? И когда Пригожин И. говорит в своей знаменитой книге о порядке из хаоса, о том неизменном, что должно воспоследовать за ним, что рождает этот хаос, соглашаешься и не противоречишь, добавляя, быть может, одно свое наблюдение – хаос действительно тотален и он не частичен и не избирателен. Но он способен к перерождению, замещению и новой форме, новой конфигурации.

Можно, развивая это наблюдение, продолжить в том ключе, что хаосу не безразличен порядок, более того, к нему-то он и стремится, но только усилия эти словно намеренно и противоестественно повернуты вспять. Если совершить некое допущение, что хаосу приданы черты какого-то огромного живого существа, то его способность к материализации повергнуть может в изумление: хаос сопротивляется, он полон упрямства, однако, порядка не избежать. Так и сосуществуют эти две величины, перебарывая друг друга и пытаясь соперничать и одерживать превосходство. Но свою главенствующую сущность он, хаос, знает и потому тот порядок, что произрастает из него, по его логике и согласно его правилам, временный. Такая амбивалентность сосуществования, когда одно полностью перекрывает другое – вполне себе естественная конфигурация и движение, обеспечивающее эволюционные сдвиги, восхождение к тому, что одно и способно развивать и раздвигать жизнь во всей полноте ее странностей и закономерностей.

Хаос словно манифестирует свое превосходство, напоминая о своей всеобщности, неистребимости и громадности. Так и есть: какой бы сферы жизнедеятельности человека ли, природы ли мы ни коснулись, первое, с чем мы столкнемся непременно, – это будет хаос. Он кричит, обескураживая нас своей изумительной щедростью по отношению ко всему сущему и потом отступает на время всего лишь для того, чтобы можно было слегка передохнуть, осмотреться, вспомнить, что есть еще и порядок (но все же тот, который возникает благодаря хаосу), и замереть в счастливом ожидании следующей волны ошеломляющего беспредела страсти.

Так, например, И. Пригожин пишет о том, что часто очень «трудно вообще провести некую границу между такими понятиями, как «хаос» и «порядок» [6]. Действительно, при всем, казалось бы, хаотическом нагромождении разных составляющих в искусстве театра, скажем, все же само огромное главное действие ведет, непрестанно и необратимо, – к порядку. Рождая и результат – спектакль, то произведение, которое родилось как следствие усилий создателей того могущественного беспорядка, что так стремились облечь его в равновесное и гармоническое противостояние хаосу.

Как же хаос осуществляет себя в театре? При чем он вообще? Написана пьеса, указаны действующие лица, распределены роли, которые двигаются по воле еще одного лица – режиссера и затем произносят чьи-то слова, которые тоже, в свою очередь, должны стать на время своими, артистами рожденными, и… начинается представление. Вот оно, одно из ключевых слов – представление! Это новая, невзаправдашняя реальность, которая подчиняется вовсе не порядку, она просто соткана, состоит из хаоса. Это только наше заблуждение способно согласиться с тем, что наконец-то. После читки пьесы, распределения ролей, множества репетиций и, наконец, премьеры, возникает та гармония и тот порядок, который к первоначальной разобранности и непонятности, к чехарде смыслов и самому вымыслу не имеет отношения. Хаос и внутри, и во вне: он в потребности сложить эту

пьесу в качестве выплеска намерения и кредо ее автора, он в искусственном составлении событий, которые, конечно же, становятся в логический причинно-следственный ряд и кажутся вполне себе разумными, правильными, точнее, состоящими из порядка. А на деле всем этим управляет хаос. Но только требуется некоторое пояснение. Хаос чехарды, неуправляемый и стихийный, который, конечно же, приведет к порядку, поскольку это его естественное развитие и свойство.

А есть хаос, внешне вполне спокойный и не бурлящий, не поглощающий ни смыслы, ни события, ни персонажей, – он намного опаснее и длительнее, поскольку припудрен, приодет в красивые одежды порядка и ясности. Эти два вида хаоса непременно соединяются, опять-таки состоя в ситуации борьбы и неприятия, но тот, что «спокойнее» и словно бы «тише», и выдает еще более полный и всеобъемлющий его вид.

Да и сама премьера может ли считаться гармоничным актом, насквозь состоящим из порядка, гармонии и чистых кристаллов, которые и есть суть хаоса, все поднимающегося и настойчиво тянущегося вверх, разрушая на своем пути початки порядка и света.

На самом деле хаос – есть сложное, весьма противоречивое явление, пронизывающее нашу жизнь как извне, так и изнутри, результатом которого является стремление к порядку.

ХАОС: ПОРЯДОК – СИСТЕМА

Хаос становится системой при условии включения в него множества разнонаправленных явлений, проистекающих в природе, бытийном существовании, в сфере искусства и творчества

Это:

Природные явления;

Художественные явления: искусство, творчество;

Трансформация реальности и условное ее перевоссоздание, замещение ее (сублимация);

Сам акт творчества, этапы его;

Нарушение причинно-следственных связей;

Осознание пространства в виде кристаллической решетки;

Объяснение мира посредством образов;

Невозможность достижения миропорядка;

Осуществление жизни, ее трансцендентных связей через образы смерти, распада, энтропии.

Все самое важное, что можно сообщить о хаосе, начинается с земли. Вернее, из ее глубин. Именно там, на самой глубине и залегает хаос, затем он кристаллизуется. В жидком ядре земле и содержится типичный представитель хаоса – вращение, колебания, отсутствие структуры и симметрии. Дальше идет мантия, которая имеет первичные зачатки проявления вещества. То есть, это переход хаоса в порядок, и он формируется в верхней мантии земной коры.

Порядок, на наш взгляд, всегда связан со спокойствием. И вот оно-то так трудно достижимо. Безусловное и абсолютное, оно есть в церкви, в храме. И его олицетворяет икона. Именно в этом главном церковном атрибуте и абсолютизировано спокойствие. Больше в естественной жизни обнаружить его не представляется возможным. Главное различие порядка от беспорядка, или хаоса: в хаосе присутствует вращение и гипервращение материи. Когда система переходит в порядок, она теряет вращение, остаются только колебания. В этом и есть принципиальная разница между порядком и хаосом.

Самое важное для нашего повествования – это отсутствие структуры. Такая потеря сказывается самым непосредственным образом на искусстве и на творческих процессах, на деятельности творца, на самом акте творчества, на личности самого художника-творца. Там, где отсутствует структура, уже невозможно отыскать сколько-нибудь грамотный и логический свод правил и самого вектора пути. Куда и зачем развиваться, в какой последовательности – вот в чем вопрос. Но при отсутствии системы или структуры –это невозможно. Наше же исследование посвящено как раз стремлению уложить понятие хаоса, его содержательное начало, в некую последовательную сущность, причинно-следственную зависимость.

Для нас представляют интерес такие составные ХАОСА, которые связаны как с природными явлениями и проявлениями, так и с теми, которые напрямую связаны с искусством и творчеством, то есть с сотворением новой ирреальной действительности.

Поскольку физика и естественные науки не являются основными векторами, приоритетными в данном исследовании, наш интерес более всего и главным образом сосредоточен именно на искусстве и особенностях творчества применительно к понятию хаоса.

Баламутит мир хаос, и извечное его торжество связано с неистребимостью вращения – одного, главного, кстати, критерия его существования и повсеместности. Его совершеннейшей тотальной власти. Мудрые, трепетные греки, включая Еврипида, создавшего свою версию «Медеи», впервые поведали о том непостижимом зле, непреодолимом желании мести, огромности хаоса, который противостоит логике, добру и свету. И мать, решившаяся на убийство детей, на принесение их в жертву ради доказательства своей любви и своей женской сути, разбивает все возможные привычные представления о том, что может и чего никогда не может человек. Оказывается, есть страшная разверзанность

зла – человек, оказывается, может все! Ну что еще может быть страшнее и безумнее самого намерения устранить детей?! Оказывается, ошибка истории: есть! И греческий автор поправляет эту ошибку, сделав заложниками разборок двух взрослых, когда-то любящих людей, своих отпрысков, потомков. И тогда рушатся все возможные табу: что казалось нереальным, даже запредельным, а что еще как идея, как некая гипотеза могла пролетать в воздухе, насыщенном страстями и горечью непонимания!

Потому принцип – зачем и что такое только удовольствие просто првисает под этой махиной все побеждающей страсти и мстительности, которые вчистую уничтожают этот шаткий принцип. И действительно, как точно замечает В. Франкл, «принятие принципа удовольствия привело бы – в этическом плане – к выравниванию всех потенциальных человеческих целей» [7].

Ах, люди! Ну что еще такое совершить, что еще такое запредельное придумать, чтобы можно было свести счеты за измену, за прошедшую любовь и быть отмщенным?! Оказывается, есть такое средство. И пусть оно страшное, страшнее и придумать трудно, но рассчитаться можно и таким способом. И Медея идет на это, избирая только такой путь, ставя все возможные оценки и осознание истории под огромное сомнение и вопрос.

А потом наступает то, что великий Аристотель назовет катарсисом, и мы поймем, приблизимся, наверное, к пониманию того, что есть и освобождение от страшного, что есть нечто в душе или еще в каких-то ирреальных анналах маленькое вместилище, такая крошечная лагуна, где сила мысли может крепнуть, насыщаясь простой и важной мыслью – надо жить и надо как-то понимать эту жизнь. И извлекать из недр того, что есть тайна души, нечто, что способно соотнести невозможность жизни и ее необходимость. И такое единение очень постепенно становится реальностью, за которую человек снова и снова все платят и платит. И так – во всей громадной истории. И во всей литературе. В театре. Да и просто в судьбе, где бы и как бы она ни развивалась…

Хаос – он всякий и разный, есть одно его главное отличие – это его вращательная способность и отсутствие структуры. Правда, физики утверждают, что имеется еще отсутствие симметрии. И только редкая гармония идет следом за этими отсутствиями и занимает их место. Правда, на очень малое время.

Такие важные, такие ожидаемые, с точки зрения гармонии и незамутненности системы, понятия, как порядок и соразмерность частей целого, говорят о внутреннем тяготении хаоса к этой ясности и стремлении к сохранности самого себя как изнутри, так и вовне.

Библиографический список

1. Жиль, Д. Логика смысла [Текст] / Д. Жиль. – М. : Академический проект, 2011. – 470 с.

2. Злотникова, Т. С. Философия творческой личности [Текст] / Т. С. Злотникова. – «Издательство «Согласие», 2017. – 970 с.

3. Кристева, Ю. Черное солнце [Текст] / Ю. Кристева. – М. : «Когито-Центр», 2010. – 277 с.

4. Мамардашвили, М., Пятигорский, А. Символ и сознание [Текст] / М. Мамардашвили, А. Пятигорский. – М. : Издательство «Прогресс», 2009. – 285 с.

5. Пригожин, И., Николис, Г. Познание сложного [Текст] / И. Пригожин, Г. Николис. – М. : УРСС, 2003. – 342 с.

6. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса [Текст] / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Издательство УРСС, 2003.

7. Франкл, В. Человек в поисках смысла [Текст] / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 366 с.

8. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? [Текст] / М. Хайдеггер. – М. : Академический проект, 2007. – 351 с.

Reference List

1. Zhil', D. Logika smysla = Logic of sense [Tekst] / D. Zhil'. – M. : Akademicheskij proekt, 2011. – 470 s.

2. Zlotnikova, T. S. Filosofija tvorcheskoj lichnosti = Philosophy of the creative person [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – «Izdatel'stvo «Soglasie», 2017. – 970 s.

3. Kristeva, Ju. Chernoe solnce = The black sun [Tekst] / Ju. Kristeva. – M. : «Kogito-Centr», 2010. – 277 s.

4. Mamardashvili, M., Pjatigorskij, A. Simvol i soznanie = Symbol and consciousness [Tekst] / M. Mamardashvili, A. Pjatigorskij. – M. : Izdatel'stvo «Progress», 2009. – 285 s.

5. Prigozhin, I., Nikolis, G. Poznanie slozhnogo = Knowledge of difficult [Tekst] / I. Prigozhin, G. Nikolis. – M. : URSS, 2003. – 342 s.

6. Prigozhin, I., Stengers, I. Porjadok iz haosa = Order from chaos [Tekst] / I. Prigozhin, I. Stengers. – M. : Izdatel'stvo URSS, 2003.

7. Frankl, V. Chelovek v poiskah smysla = The person in search of sense [Tekst] / V. Frankl. – M. : Progress, 1990. – 366 s.

8. Hajdegger, M. Chto zovetsja myshleniem? = What is called thinking? [Tekst] / M. Hajdegger. – M. : Akademicheskij proekt, 2007. – 351 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10325

УДК 008

М. В. Новиков https://orcid.org/0000-0002-2013-1919

Т. Б. Перфилова https://orcid.org/0000-0002-2498-8688

Природный Универсум в картине мира архаических и древних народов: трактовка Ф. И. Буслаева

Данная статья является продолжением серии публикаций [11, 12], посвященных анализу творчества незаслуженно забытого в советский период великого русского ученого Федора Ивановича Буслаева. В статье постулируется, что концепция мифа Буслаева складывалась под влиянием философской антропологии В. Гумбольдта. Как и классик немецкой трансцендтальной философии, Буслаев использовал смысловое пространство слова или текста для описания скрытых от науки механизмов эмоционального переживания человека – источника мифотворчества, считал язык (слово) и миф сущностно и генетически неразделимыми; использовал слово единицей измерения динамики мыслительных процессов; подчеркивал в слово- и мифообразовании непреднамеренный, неотрефлексированный характер; был убежден в совершенстве лексикона первобытного человечества. Отмечается, что на конкретном материале Буслаев дал дополнительную аргументацию концепции языкового мировидения архаических и древних народов: как поклонник органистической теории языка ученый проиллюстрировал способность лексем создавать новый мир образной реальности при помощи антропоморфных идей и форм; доказал, что миф присутствовал при зарождении языка, наполняя его первоначальными воззрениями на природный и социальный Универсум; обосновал неотделимость мифологического мышления от эмоциональной, аффективно-моторной функции мозга; проакцентировал значение художественных тропов при создании мифологических образов, выявив источник их появления – «языковое и мифологическое мышление». В статье подчеркивается, что исследование семантических переносов в ходе словообразования приблизило Буслаева к осознанию своеобразной логики первобытных людей, в основе которой лежали ассоциативные цепи и коды, то есть такое свойство мифологического сознания, которое позже получит название комплексности и диффузности.

Ключевые слова: миф, мифологическое мышление, язык, слово, языковое мировидение, тропы, лингво-психологические процессы и механизмы.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Natural Universum in a Picture of the World of Archaic and Ancient people: F. I. Buslaev's interpretation

This article is continuation of a series of publications [11] devoted to the analysis of creativity unfairly forgotten during the Soviet period the great Russian scientist Fiodor Ivanovich Buslaev. In the article it is postulated that Buslaev's concept of the myth developed under the influence of W. Humboldt's philosophical anthropology. As well as the classic of the German transcendental philosophy, Buslaev used semantic space of a word or a text to describe mechanisms of the person's emotional experience hidden from science – a source of formation of myths, considered a language (word) and a myth appreciably and genetically inseparable; used a word as a unit for measuring dynamics of thought processes; emphasized that a word – and myth making have inadvertent, non-reflective character; he believed in perfection of the primitive mankind's lexicon. It is noted that on certain material Buslaev gave an additional argument of the concept of the language world perception of the archaic and ancient people: being an admirer of the organistic theory of language the scientist illustrated the ability of lexemes to create a new world of figurative reality by means of anthropomorphous ideas and forms; he proved that the myth was present at origin of language, filling it with initial views on a natural and social Universum; he proved inseparability of mythological thinking from emotional, affective and motor function of the brain; and accentuated the value of art tropes during creation of mythological images, having revealed a source of their emergence – «language and mythological thinking». In the article it is emphasized that the research of semantic transfers during word formation brought Buslaev closer to understanding of primitive people's peculiar logic which was based on associative chains and codes, that is such a property of mythological consciousness which will be later called as complexity and diffusion.

Keywords: myth, mythological thinking, language, word, language world perception, tracks, linguo-psychological processes and mechanisms.

Ф. И. Буслаев, великолепный знаток результатов изучения процессов мифотворчества в Западной Европе, разделял представления своих главных ученых наставников – немецких филологов и философов первой половины XIX в. – о психологических факторах зарождения религии и мифологии.

Не делая различий между понятиями «эпос (слово)» [8, с. 112] и «миф» (об этом свидетельствуют синкретичные выражения: «эпический миф» [3,

© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2019

с. 251] и «мифологический эпос [9, с. 417]), которые появились в «мифический период» и были порождены «мифическим сознанием», Ф. И. Буслаев объединял в своей теории мифотворчества психологические механизмы, равнозначно повелевавшие как процессом познания первобытным человечеством мира, так и практиками словообразования.

Можно привести немало высказываний ученого, которые недвусмысленно указывают на совпадение во времени древнейших основ мифотворчества и архаических слоев языка.

В статье «Об эпических выражениях украинской поэзии» отмечено, что «образование языка стоит в связи с зарождением народных мифов и сказаний» [4, с. 210]; в работе «Русский народный эпос» Ф. И. Буслаев обращает внимание на первозданную древность и синхронность возникновения мифологии, языка, эпической поэзии (Ф. И. Буслаев сообщал: «Если первоначальное раскрытие народных верований представляет нам мифология, если первоначальные проявления логических законов должны мы искать в построении языка и из наблюдений над его составом, окрепшим уже в эпоху доисторическую, следует выводить данные о философии самого народа и о законах человеческого мышления вообще, то, без сомнения, и первоначальные, неизменные основы поэтической деятельности надобно искать в древнейшем и самом естественном ее проявлении – в народной эпической поэзии» [9, с. 412]); в «Повести о Горе-Злочастии» автор подчеркивает, что эпическая поэзия, в основе которой лежат мифические сказания, и язык вырастают из «таинственной глубины духа народного», причем их рождение происходит так же естественно, но и так же не менее сокровенно, как «зачинается… всякая жизнь в природе, и духовной, и физической» [6, с. 597].

Важнейшие положения буслаевской теории мифотворчества излагаются в работах «Древнейшие эпические предания славянских племен», «Областные видоизменения русской народности», «Мифические предания о человеке и природе», «Эпическая поэзия».

Начало процессов мифотворчества и «созидания самого языка», по мнению Ф. И. Буслаева, теряется в «темной доисторической глубине», «в самой ранней эпохе бытия» народа [10, с. 1]. «Народ не помнит, чтобы когда-нибудь изобрел он свою мифологию, свой язык, свои законы, обычаи и обряды». Эти важнейшие «национальные основы», «главнейшие нравственные» опоры национальности были естественны, как сама жизнь, и на протяжении «многих доисторических веков» они составляли «священное предание, великую родную старину, святой завет предков потомкам» [10, с. 1].

Слово в те первозданные незапамятные времена не могло быть условным знаком для выражения мысли, но и «случайным стечением звуков» язык не являлся – он представлял собой ту «зиждительную силу, помощью которой» народ вносил в свое умственное достояние «всю природу и жизнь», делал первые попытки самопознания [5, с. 166]. Язык зарождался в неразрывном союзе с мифами, обычаями и обрядами – «одним словом, со всем умственным и нравственным бытом народа, сохранившимся по преданию в народных эпических созданиях» [5, с. 161]. Оттого-то в языке отразилась «целостность духовной жизни», нередко проявляющаяся в множественности значений одного и того же слова. Например, предкам современных славян требовалось одно-единственное слово, чтобы выразить следующие понятия: «говорить и думать, говорить и делать; делать, петь, чародействовать; говорить и судить, рядить; говорить и петь; говорить и заклинать; спорить, драться и клясться; говорить, петь, чародействовать и лечить; говорить, видеть и знать; говорить и ведать, решать, управлять» [10, с. 2].

Эта синкретическая функция слова, или языка, вбиравшего в себя все произведения мыслительной и духовной активности народа, его связанного с верованиями быта, имела многочисленные проявления.

Язык стал «своеобразным мировоззрением человека, третьей реальностью, стоявшей между ним и внешним миром» [14, с. 635]. Это происходило потому, что слово и мысль были в языке тождественны, пояснял Ф. И. Буслаев: «внешняя форма была существенной частью эпической мысли, с которой стояла она в таком неразделенном единстве, что даже возникала и образовывалась в одно и то же время» [10, с. 7].

Полисемантизм слова, создававшего образ мироздания во всей его полноте и цельности, проявлялся в целостности литературного предания, хотя и представленного многочисленными жанрами народной словесности, но по способу восприятия и осмысления мира имевшего один источник – мифологическое сознание первобытных людей.

«Древнейшая словесность народа, – рассуждал в этой связи Ф. И. Буслаев, – была общим и нераздельным выражением» всех его понятий и убеждений, поэтому многочисленные виды «народной поэзии»: миф, сказка, загадка, пословица, поговорка, клятва, наговор, заклятие, примета – являлись «членами одного общего сказочного предания» и, взятые в совокупности, составляли «то целое, которое, хотя и не высказывалось во всей полноте и нераздельности ни в одной народной поэме, однако всеми чувствовалось и осознавалось как родное достояние предков» [10, с. 5].

Смысловая емкость слова превратила язык в выражение всех нравственных интересов и духовных потребностей человека, не отделявшего еще своих

собственных убеждений от коллективных суждений родного этноса, поэтому такие виды интеллектуальной деятельности, как художественная, законодательная, научная, которые позже будут существовать отдельно, в архаических обществах были слиты воедино. «Синтетическая сила мышления», свойственная «маститой первобытности» [5, с. 180], имела своим «важнейшим духовным деятелем» язык, отмечал Ф. И. Буслаев [10, с. 6].

Ф. И. Буслаев – поклонник органистической концепции языка – относился к этому социокультурному феномену как к живому организму, который, обладая собственными законами внутреннего развития, самосовершенствования, еще и был наделен Всевышним [2, с. 481; 5, с. 178; 7, с. 478] огромной созидательной энергией. Она наполняла язык разумом, волей, целеполаганием, провиденциальными способностями, превращая в мощный двигатель человеческого прогресса. В устах Ф. И. Буслаева язык оживает, одухотворяется, обретает способность к креационистской деятельности, облагораживающей сознание человека и усовершенствующей мыслительные процессы первобытных людей.

Трудно удержаться от желания воспроизвести несколько показательных фраз, созданных Ф. И. Буслаевым под впечатлением философской антропологии В. Гумбольдта и в стилистике немецкой трансцендентальной философии.

«Первоначальный организм» народного языка, – сообщает ученый, – «обладает свойствами первоначального, свежего дара слова: свободен в производстве и образовании слов, необыкновенно чувствителен в сочетании звуков для выражения непосредственных впечатлений, прост и ясен в синтаксическом сложении… упорен и неподатлив чужому влиянию, так что всякая мысль, пришедшая в него извне и несогласная с его обычными представлениями, тогда только входит в его живой и свежий организм, когда вполне подчиняется ему, переработавшись и приноровившись к его воззрениям» [5, с. 156, 157].

«Вся задача языка в первобытном его устройстве состояла в том, – далее рассуждает Ф. И. Буслаев, – чтобы облечь звуками понятие обо всем мире, каким он кажется, а не каков он на самом деле. А так как основой всякому взгляду на вещи бывают убеждения, выработанные верованиями, преданиями и обычаями, то впечатления, от которых язык ведет наименования предметов, действий и свойств, должны стоять в прямой зависимости от тех суеверных убеждений, которые сопутствовали образованию языка в период доисторический» [5, с. 159].

Продолжая перечислять результаты «творчества языка» через прием его антропоморфизации, Ф. И. Буслаев с воодушевлением сообщает, что «язык любит от одного и того же корня производить слова для означения и чувства, и предметов, действующих на чувства» [5, с. 158], что язык может переносить значение слова, «довольствоваться намеком», «называть предметы по эпитетам» [5, с. 159-161]. При всех этих манипуляциях со словами язык «стремится по возможности воссоздать полную картину природы и жизни» [5, с. 163].

«При взгляде на мир язык пользуется эпическим настроением, господствующим в первобытной народной поэзии, которая любит живописать природу постоянным эпитетом» [5, с. 161].

«Язык самому уму приписывает по преимуществу способность различать то… что́ представляется рассуждению» [5, с. 179].

Эти выражения, число которых можно было бы и умножить, ярко свидетельствуют о том, что Ф. И. Буслаев растворял язык в мыслительной деятельности людей, отождествлял разнообразные функции мозга и сложные психические реакции с творческими потенциями «духовного деятеля» народа – языка [10, с. 6]. Очевидно, что с языковым мировидением в духе В. Гумбольдта он связывал успехи в культурно-историческом развитии архаических обществ.

Руководствуясь идеей тождества языка и мысли (а также языка и духовной культуры) [10, с. 5] первобытного человечества, Ф. И. Буслаев не считал приемлемым для себя дублировать ошибочный, в его понимании, метод объяснения процесса словообразования в «отвлеченных логических категориях». «Сухой анализ звуков и грамматических форм», к которому прежде прибегали его учителя и предшественники-лингвисты, ему казался непригодным для понимания сложного и загадочного процесса мифотворчества, при котором именно язык в «произвольных увлечениях фантазией», а также неудержимой потребности к «своеобразной игре звуков и представлений» давал слову «все свойства художественного произведения» [5, с. 159, 160].

Пусковым механизмом для проявления «закона творческой фантазии» языка было «непосредственное ощущение от соприкосновения с природой», «живое воззрение» на мир, рождавшее «бесконечно разнообразное сцепление впечатлений». Озарявшая при этом сознание человека мысль зарождалась «за один раз с членораздельными звуками» [5, с. 177], затем начинали проявлять себя «слагающие и разлагающие силы рассудка» [5, с. 172], приводя в движение, в свою очередь, законы первоначальной логики Homo Sapiens´а.

Хотя Ф. И. Буслаев не отрицал полностью наличия законов логики, которые могли присутствовать и в деятельности языка, и в процессе мифотворчества, он все-таки не мог избавиться от соблазна ви-

деть именно в языке силу, стоявшую над рассудком человека, повелевавшую его сознанием, руководившую созданием новой – образной, художественной – реальности. Он не мог побороть в себе желание лишить древнейшие формы языка того совершенства, «правильности и глубины логического смысла», которые были ему дарованы «высшей творческой силой», а следовательно, и содержали в себе сверхъестественные и преобразующие реальность способности.

С сожалением исследователь констатирует «порчу» языка по мере удаления человечества от «наидревнейшего, первоначального периода» [2, с. 472]. «История языка, – комментирует он, – различает логику мысли и логику слова. Мысли совокупляет, разделяет и определяет сам человек; смысл языка, разум слова – дело высшей творческой силы; человечество только искажало этот высший дар; народы в историческом своем движении только портили, забывали, подновляли и вновь забывали первобытные, совершеннейшие формы языка» [2, с. 481].

Ф. И. Буслаев использует всю силу своего убеждения и весь дар красноречия, чтобы обосновать идею совершенства лексикона первобытного человечества, где каждое новое слово было одновременно и «мифическим преданием» [5, с. 159]. Такой эффект неразличимости слова и мифа появлялся оттого, что акт номинации, или наименования, предмета осуществлялся «по впечатлению, им производимому на человека», на его «духовную природу» [5, с. 159]. Восстанавливая, насколько это позволяло его воображение, природу психологических процессов в «первобытную, эпическую эпоху», Ф. И. Буслаев рисует картину потрясения «существа мыслящего» [5, с. 179] при осуществлении первых попыток постижения тайн Вселенной: «подобно сотрясенному металлу, [человек. – *М. Н., Т. П.*] изрекает из себя членораздельные звуки, которыми выражает уже не природу, налагающую на его душу впечатления, но целый мир своих собственных ощущений и представлений» [2, с. 483].

Не имея возможности объяснить шквал свежих и наивных ощущений, а также понять изменения, происходившие в мире природы, человек свои собственные «животрепещущие впечатления», то есть реакцию своих органов чувств, выдавал за качества и свойства окружавшего его пространства. Это свойство первобытного сознания, наделенного творческой фантазией, воплощать в художественные образы свои эмоционально-чувственные реакции и превращало, по утверждению Ф. И. Буслаева, процесс освоения Вселенной в мировидение, мирочувствование, миросозерцание человека.

«Созерцая природу, – писал ученый, – человек приписывает ей качества и действия своих воззрений… по врожденному своему стремлению сблизиться с предметом наблюдения и познания, по свойству самого разума человеческого налагать отпечаток своей деятельности на все то, чего коснется. Язык выражает это действие разума весьма просто, а именно: называет вещи не по тому, что́ они суть на самом деле, а потому, ка́к они кажутся» [5, с. 168]. В процессе словообразования язык руководствуется воззрениями человека, или иначе, его типом мышления, способом воспринимать мир; более того, язык «постоянно имеет в виду человека» [5, с. 187], то есть, создавая новый мир образной реальности, язык творит антропоморфными идеями и формами, сближая продукты своей деятельности с архетипическим инвариантом – человеком.

Поскольку предмет получал свое название не за содержание, а за живописное непосредственное впечатление, произведенное на человека, далее рассуждал Ф. И. Буслаев, то, естественно, могла создаться ситуация, когда одним и тем же словом язык называл абсолютно несхожие по своим истинным свойствам стихии, различные предметы быта и представителей животного царства, к примеру, ветер, стрелу и быструю птицу [10, с. 7]. Так, крылатый образ ветра, довольно часто встречающийся в индоевропейской мифологии, возник не случайно, пояснял он. В основе уподобления друг другу сущностно различных мифологических персонажей (как в случае создания образа крылатого ветра) находилось «первобытное сочетание впечатлений, производимых быстротою ветра и птицы», а также «потребность олицетворять в видимом образе невидимую силу ветра» [10, с. 8].

Позже в риторике подобные слова получат название тропов, напоминает нам исследователь [5, с. 165], но источником их появления являлось «языковое и мифологическое мышление» [1, с. 138].

В эпоху образования мифического предания был шанс возникнуть и противоположной ситуации, когда «суеверное воображение» одному и тому же предмету давало разные наименования, руководствуясь при этом каскадом эмоций, шедших от действий и свойств наблюдавшегося объекта. «Живописуя предметы со многих сторон», язык в творческом порыве «запасался» синонимами и эпитетами [5, с. 163, 164].

«Взаимное действие образующихся поверий и языка» ярко видно и в таких разновидностях тропов, как метафора, метонимия, синекдоха.

Метафора, олицетворявшая душевные силы человека в «образах вещественной природы», стала «необходимой, существенной оболочкой языческих верований»; помогая реализоваться дару слова через ассоциации и подобия, она давала толчок к осмыслению умственных и нравственных понятий,

придавала им легко понятные «народной фантазии… осязательные образы» [5, с. 165, 166].

Метонимия, характеризующая свойство первобытного мышления переносить кажущееся впечатление, производимое предметом, на всю его сущность, «заставляла язычника смешивать» представления об истинных силах природы с их проявлениями: оттого-то Перун был не только божеством, но и молнией, а лихорадка – не только болезнью, но и сверхъестественным существом, вызывавшим хворь, смерть, – страшной Мораной, олицетворявшей кончину [5, с. 169].

Смешение действия с причиной, его вызвавшей, произведения – с производителем, замену абстрактных представлений о пространстве и времени их образными аналогами Ф. И. Буслаев объясняет действиями метонимических приемов слово- и мифообразования, которые позволяли человеку максимально сблизиться с предметами познания, наложить печать своего воззрения на мир на самые яркие, впервые возникавшие ощущения [5, с. 168-170].

«Свободное творчество фантазии» могло способствовать также появлению синекдохи, или переноса индивидуального, иногда и случайного впечатления, выраженного словом, на весь предмет или «общее понятие».

Народная фантазия прибегала к синекдохе, когда употребляла часть вместо целого, единичное вместо множественного, придавала «отвлеченным логическим категориям изобразительные формы». Значение синекдохи было особенно впечатляющим при образовании понятий о множественности, совокупности; в этих случаях «язык берет частный случай – наименование какого-нибудь предмета – и по отношению к целому кругу подобных предметов, или даже по чисто наглядному сближению, иногда случайному, распространяет наименование предмета до понятия о множестве» [5, с. 172].

Рассматривая все разновидности тропов в ключе «взаимного действия» одухотворенной мысли и языка, веры и слова, Ф. И. Буслаев объяснил эту очевидную для него закономерность тем, что формированию «внутреннего организма языка способствовали быт народа и эпический взгляд на мир» первобытных людей [5, с. 173].

Сохраняя первоначальные эмоциональные впечатления народа в виде образов, язык продолжал стимулировать творческую мысль людей к дальнейшей антропоморфизации действительности через присвоение ей человеческих психоэмоциональных свойств. При этом процессе «очеловечивания» природы и Вселенной язык вновь использовал излюбленный прием слово- и мыслеобразования – ассоциации, делился своими наблюдениями Ф. И. Буслаев.

Исследование процессов семантических переносов в ходе словообразования приблизило его к осознанию своеобразной логики первобытных людей, в основе которой лежали ассоциативные цепи и коды. По существу, Ф. И. Буслаев первым охарактеризовал то свойство мифологического сознания, которое в XX в. Э. Кассирер назовет комплексностью, а Н. Я. Марр – диффузностью [13, с. 112].

Закон релевантности внутриязыковых процессов и «народных верований», выводившийся Ф. И. Буслаевым из признания органической природы языка, позволял ему вплотную подойти к осмыслению глубинных пластов человеческого сознания, что в дальнейшем помогло ему переключить свои научные поиски из регистра сравнительно-исторического языкознания в регистр более широких культурно-исторических обобщений. Никогда не разрывая нити преемственности с языковедением и постоянно апеллируя к своим ранним научным разысканиям, во второй половине XIX в. Ф. И. Буслаев все же сосредоточил фокус своей исследовательской активности на выяснении сущности мифологического сознания и его эманациях. Ему важно было понять причины, которые обусловили появление мифа не как жанра словесности, а как особого способа мыслить, присущего человеку архаических и древних обществ, как парадигму первобытного взгляда на мир.

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. Мифические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1 Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 137-150.

2. Буслаев, Ф. И. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / Сост., подг. текста, статья и комент. А. Л. Топоркова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 470-493.

3. Буслаев, Ф. И. О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 250-256.

4. Буслаев, Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 210-230.

5. Буслаев, Ф. И. Областные видоизменения русской народности [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 151-209.

6. Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной

словесности и искусства. – Т. 1. – С. 548-643.

7. Буслаев, Ф. И. Русская поэзия XVII века [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 470-547.

8. Буслаев, Ф. И. Русский быт и пословицы [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 78-136.

9. Буслаев Ф. И. Русский народный эпос [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 401-454.

10. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 1-77.

11. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Концептуально-методологические основания второго этапа творчества Ф. И. Буслаева [Текст] // Ярославский педагогический вестник, 2017. – № 6. – С. 268-275.

12. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Концепция всеобщих законов развития культуры Ф. И. Буслаева [Текст] // Ярославский педагогический вестник, 2018. – № 1. – С. 148-155.

13. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской мифологической науке XIX века [Текст] / А. Л. Топорков. – М. : Индрик, 1997. – 456 с.

14. Топорков, А. Л. Ф. И. Буслаев: филолог и мыслитель [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – С. 634-642.

Reference List

1. Buslaev, F. I. Mificheskie predanija o cheloveke i prirode, sohranivshiesja v jazyke i pojezii = The mythical legends about the person and the nature which remained in language and poetry [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – T. 1 Russkaja narodnaja pojezija = Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 volumes. – V. 1 Russian national poetry. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 137-150.

2. Buslaev, F. I. «Mysli ob istorii russkogo jazyka» I. Sreznevskogo = «Thoughts on Russian history» of I. Sreznevsky [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve = Guesses and dreams about primitive mankind / sost., podg. teksta, stat'ja i koment. A. L. Toporkova. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 470-493.

3. Buslaev, F. I. O srodstve odnogo russkogo zakljatija s nemeckim, otnosjashhimsja k jepohe jazycheskoj = About affinity of one Russian paternoster with the German relating to the pagan era [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva = Historical essays of the Russian national literature and art. – T. 1. – S. 250-256.

4. Buslaev, F. I. Ob jepicheskih vyrazhenijah ukrainskoj pojezii = About epic expressions of the Ukrainian poetry [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva = Historical essays of the Russian national literature and art. – T. 1. – S. 210-230.

5. Buslaev, F. I. Oblastnye vidoizmenenija russkoj narodnosti = Regional modifications of the Russian nationality [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva = Historical essays of the Russian national literature and art. – T. 1. – S. 151-209.

6. Buslaev F. I. Povest' o Gore i Zlochastii, kak Gore-Zlochastie dovelo molodca vo inocheskij chin = The story about Gore and Zlochastie as Gore-Zlochastiye led a good fellow to the monastic rank [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva = Historical essays of the Russian national literature and art. – T. 1. – S. 548-643.

7. Buslaev, F. I. Russkaja pojezija XVII veka = Russian poetry of the XVII century [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva = Historical essays of the Russian national literature and art – T. 1. – S. 470-547.

8. Buslaev, F. I. Russkij byt i poslovicy = Russian life and proverbs [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva = Historical essays of the Russian national literature and art – T. 1. – S. 78-136.

9. Buslaev F. I. Russkij narodnyj jepos = Russian national epos [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva = Historical essays of the Russian national literature and art – T. 1. – S. 401-454.

10 Buslaev, F. I. Jepicheskaja pojezija = Epic poetry [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva = Historical essays of the Russian national literature and art. – T. 1. – S. 1-77.

11. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Konceptual'no-metodologicheskie osnovanija vtorogo jetapa tvorchestva F. I. Buslaeva = Conceptual and methodological bases of the second stage of F. I. Buslaev's creativity [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2017. – № 6. – S. 268-275.

12. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Koncepcija vseobshhih zakonov razvitija kul'tury F. I. Buslaeva = Concept of general laws of cultural development by F. I. Buslaev [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2018. – № 1. – S. 148-155.

13. Toporkov, A. L. Teorija mifa v russkoj mifologicheskoj nauke XIX veka = The theory of the myth in the Russian mythological science of the XIX century [Tekst] / A. L. Toporkov. – M. : Indrik, 1997. – 456 s.

14. Toporkov, A. L. F. I. Buslaev: filolog i myslitel' = F. I. Buslaev: philologist and thinker [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve = Guesses and dreams about primitive mankind. – S. 634-642.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10326

УДК 008 94 (100)

С. С. Поликарпов https://orcid.org/0000-0003-4199-2475

Специфика временны́х ориентиров картины мира древних индийцев

На основе эпических произведений «Махабхарата» и «Рамаяна» исследуется уникальная парадигма временно́й ориентации картины мира древних индийцев. Доказывается, что определяющей характеристикой древнеиндийского образа времени являлась вариабельность. Она выражала органичную взаимосвязь трех планов бытия – прошлого (*para*), будущего (*anagata*) и настоящего (*bhavya*). Целостность и самобытность обозначенных временны́х категорий подчеркивались аксиологическими координатами: образы прошлого (*para*) и будущего (*anagata*) могли принимать очертания то «золотого века» (*kṛ́ta yuga*), то первобытного хаоса (*asat*); тогда как ценностные показатели настоящего (*bhavya*) регулировались религиозно-этическими традициями «Махабхараты» и «Рамаяны». В контексте вариабельности временны́х представлений картины мира древних индийцев выделялась категория историчности. Она противостояла историзму как идее объективно завершенного прошлого и постулировала – посредством религиозно-этических, социально-политических и антропологических мотивов национального эпоса Индии – уникальную для доиндустриальной эпохи ситуацию: народы Древнего Индостана использовали сюжеты мифологической древности ровно в той мере, в какой они отвечали духовным потребностям настоящего (*bhavya*) и конструированию образов будущего (*anagata*). В статье подчеркивается, что неустойчивый, «размытый» характер древнеиндийского образа времени порождал лабильность временно́го потока, которая с наибольшей силой отразилась в мотивах его направленности. С одной стороны, «Махабхарата» и «Рамаяна» координировали время цикличными моделями (*cakra*), соответствовавшими онтологическим и религиозно-этическим концептам индийской древности. С другой стороны, эпическое время могло подчиняться идее поступательного, линейного развития – *kāla*. Данные временны́е направления были открыты для семантического перекодирования. Поэтому они нередко сплетались между собой, выражая одновременно и цикличную (*cakra*), и линейную (*kāla*) перспективы временно́го потока.

Ключевые слова: Древняя Индия, эпос, «Махабхарата», «Рамаяна», уникальность, время, вариабельность, историчность, лабильность.

S. S. Polikarpov

Specifics of Temporary Reference Points in the Ancient Indians' Picture of the World

On the basis of the epic works «Mahabharata» and «Ramayana» the unique paradigm of temporary orientation of the picture of the world of the ancient Indians is investigated. It is proved that the defining characteristic of the Old Indian image of time was variability. It expressed organic interrelation of three plans of life – last (para), future (anagata) and real (bhavya). The integrity and identity of the designated temporary categories were emphasized with axiological coordinates: images of the past (para) and future (anagata) could accept outlines «Golden Age» (kṛ́ta yuga), primitive chaos (asat); whereas valuable indicators of the present (bhavya) were regulated by religious and ethical traditions of «Mahabharata» and Ramayana. In the context of variability of temporary representations of the ancient Indians' picture of the world the category of historicity was distinguished. It resisted to historicism as the idea of objectively complete past and postulated – by means of religious and ethical, socio-political and anthropological motives of the national epos of India – a situation, unique for a preindustrial era: the people of Ancient Hindustan used plots of mythological antiquity exactly in that measure in what they met spiritual needs of the present (bhavya) and designing of images of the future (anagata). In the article it is emphasized that the unstable, «indistinct» nature of the Old Indian image of time generated lability of a temporary stream which with the largest force was reflected in motives of its orientation. On the one hand, «Mahabharata» and Ramayana coordinated time cyclic models (cakra) corresponding to ontologic and religious and ethical concepts of the Indian antiquity. On the other hand, epic time could submit to the idea of forward, linear development – kgla. These temporary directions were open for semantic code conversion. Therefore they were quite often weaved among themselves, expressing at the same time both cyclic (cakra), and linear (kgla) prospects of a temporary stream.

Keywords: Ancient India, epos, «Mahabharata», Ramayana, uniqueness, time, variability, historicity, lability.

Время – фундаментальная категория эмпирической действительности [9, с. 40], определяющая форма человеческого опыта [25, с. 654] и ключевой показатель системы мировосприятия народов Древнего Индостана.

Мы полагаем, что, как и сегодня, каждый представитель древнеиндийской культуры мог воспринимать временно́е основание бытия по-разному [33, p. 12]. Однако необходимость пользоваться преимуществами, которые давала жизнь среди соплеменников, обязывала его сообразовывать свои мысли, чувства и поступки с психологическими и поведенческими нормативами окружающих, а для этого – постоянно считаться с их временны́ми ориентирами; хорошо знать все условности, связанные с коллективными представлениями о времени [28,

© Поликарпов С. С., 2019

с. 124]. Разумеется, время определенным образом согласовывалось с астрономическими и земными физическими явлениями, но на эти общие показатели «коллективная личность» Древнего Индостана накладывала свои, специфические проекции, связанные с особенностями жизни в привычной ей природно-географической и социокультурной среде [34, p. 18].

В связи с этим актуальной становится проблема изучения уникальных показателей времени в картине мира древних индийцев. По справедливому замечанию И. С. Клочкова, «в них воплощались, с ними связывались мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам» [18, с. 14]. Вместе с тем, именно своеобразие временны́х рефлексий смогло породить самобытную и неповторимую цивилизацию Древней Индии, в основе которой лежали нехарактерные для других народов доиндустриальной эпохи принципы созерцательности, квиетизма и конформизма [6, с. 7].

Тематика временны́х ориентиров картины мира древних индийцев получила достаточно широкое освещение в историко-философских и культурологических исследованиях XIX – начала XXI в. Тем не менее, проблема специфического содержания древнеиндийского времени до сих пор остается «белым пятном» на карте исследовательских областей социально-гуманитарного знания.

В частности, в обобщающих работах по истории древнего и раннесредневекового мировосприятия (Ф. Арьес [3], М. Блок [4], И. П. Вейнберг [9], Ж. Дюби [16], И. С. Клочков [18], Г. С. Кнабе [19], Ж. Ле Гофф [20], А. В. Подосинов [25], Л. Февр [27] и др.) своеобразие временны́х представлений древних индийцев манифестировалась опосредованно, через призму универсальных оснований мифологического типа мышления. Вследствие этого, время типологизировалось категориями дискретности, аксиологической неравноценности, аритмичности и цикличности.

Схожая тенденция наблюдается в работах, нацеленных на верификацию ментальных установок народов Древнего Индостана.

Так, представители традиционного ориентализма (В. Лал [32], В. Г. Лысенко [21], С. Д. Серебряный [26] и др.), стремившиеся представить временны́е ориентиры картины мира древних индийцев в категориях «несходства» [31, p. 288], всего лишь реактуализировали характерный гегельянский постулат: сознание древних индийцев не знало времени в его онтологической и исторической проекциях. Сторонники новой культурной истории (А. Бэшем [6], Е. Ю. Ванина [7], И. П. Глушкова [11], У. Мортимер [22] и др.) ограничились констатацией известных с начала XIX в. фактов о том, что время в картине мира народов индийского субконтинента подчинялось категориям цикличности и многослойности. Ученые-марксисты (Г. М. Бонгард-Левин [5], Н. Р. Гусева [13], С. Гхош [14] и др.), сделавшие акцент на анализе сословно-классовой обусловленности онтологических ориентиров обитателей Древней Индии, увидели специфику древнеиндийского образа времени в координатах его аксиологической неравноценности.

Казалось бы, что иную интерпретацию можно было ожидать от авторов работ, ориентированных на осмысление пространственно-временны́х координат «Махабхараты» и «Рамаяны» (Я. В. Васильков [8], Л. Гонсалес-Рейман [30], П. А. Гринцер [12], Р. Н. Дандекар [15], Т. Я. Елизаренкова [17], С. Л. Невелева [23], С. Соренсон [34], Р. Тхпар [35], Д. Шулман [33] и др.). Однако в трудах этих исследователей основной упор делался на изучении типичных показателей времени, а точнее – на исследовании его исторического содержания и архетипического наполнения.

Таким образом, мы можем констатировать, что системный анализ специфических черт времени в картине мира народов Древнего Индостана так и не был представлен. Сведения о них будто бы растворялись в общем массиве информации. Древнеиндийские образы времени репрезентировались частично, без учета историко-культурной и источниковедческой специфики.

Поэтому целью данного исследования является реконструкция уникальной парадигмы временно́й ориентации картины мира народов индийского субконтинента в древности.

Для достижения поставленной цели мы использовали главные литературные памятники древних индийцев – «Махабхарату» [1] и «Рамаяну» [2]. В ранних (середина I тысячелетия до н. э.) и поздних (начало I тысячелетия н. э.) пластах данных произведений были закодированы определяющие импульсы восприятия, осмысления и репрезентации эмпирической действительности, которые были характерны для индоевропейской и автохтонной традиций [7, с. 41].

Сведения, которые предоставляет национальный эпос Индии, позволяют утверждать, что время в картине мира древних индийцев опосредовалось категорией ***вариабельности***. Она постулировала синхронное существование и органичное взаимодействие трех качественно неоднородных временны́х ритмов, зачастую отсутствовавших у остальных народов доиндустриальной эпохи [10, с. 66], – прошлого (*para*), будущего (*anagata*) и настоящего (*bhavya*).

Определяющим временны́м параметром следует считать категорию прошлого (*para*): «Тот же, кто

видит себя растворенным в мире, / А мир – отраженным в себе, / Познает прошлое и поэтому / Видит будущее, понимает настоящее» [1, XII. 15. 19].

Данный фрагмент красноречиво показывает, что прошлое (*para*) являлось фундаментом будущих и настоящих состояний: оно структурировало и моделировало временны́е перспективы и расставляло смысловые акценты в рамках происходящих предметно-событийных цепочек. Соответственно, время было тождественно прошлому (*para*), а точнее, оно являлось самим прошлым (*para*) [28, с. 122]. Любые объекты и предметы бытия единомоментно существовали вместе с различными временны́ми формами в контексте *para* [29, с. 115].

При этом гомогенность времени не являлась абсолютной. «Махабхарата» и «Рамаяна» указывают, что время в картине мира народов Древнего Индостана также классифицировалось категорией будущего (*anagata*), что проявлялось в мотивах вещих сновидений: «Бхарата сказал: / “Я видел во сне царя Дашаратху […] / В этом же сне я видел высохший океан, / Я видел месяц, упавший на землю, / И землю, сплошь покрытую тьмой […] / Такой ужасный сон я видел этой ночью […] / Думаю, что смерть грозит царю» [2, III. 24. 26-30.].

На основе данного фрагмента можно сделать вывод о том, что будущее (*anagata*) имело самостоятельное семантическое значение, выражавшееся в двух полярных состояниях. С одной стороны, оно было расплывчатым и непонятным, его следовало истолковывать и разгадывать. С другой стороны, *anagata* выглядело определенным и устойчивым; оно должно было неотвратимо проявиться в судьбе человека и оказать воздействие на его повседневную жизнь.

Третьим сегментом времени следует считать категорию настоящего (*bhavya*). По мнению историков-традиционалистов (Р. Генон [10], М. Нобель и А. Кумарасвами [24]), народы индийского субконтинента отличались высокой степенью осознания настоящего, что противопоставляло их остальным народам Древнего мира, ориентировавшимся на осмысление временно́й длительности мироздания через категорию прошлого [10, с. 155].

На наш взгляд, сюжеты «Махабхараты» и «Рамаяны» рисуют более сложное восприятие *bhavya*: «В будущем отражается прошлое […] / Настоящая жизнь человека […] / Заключается в прошлых и будущих деяниях» [1, II. 25. 21-35].

Заметно, что настоящее (*bhavya*) всегда образовывалось на стыке прошлого (*para*) и будущего (*anagata*). Оно было лишено целостной реальности: его предметно-событийное наполнение детерминировалось смежными временны́ми формами. Фактически, *bhavya* было внеположено эмпирической действительности, отстранено от повседневных практик. Но, вместе с тем, настоящее (*bhavya*) не исключалось из временно́го потока. Оно являлось неотъемлемым компонентом бытия, некоей осевой точкой, в которой сходились и пересекались прошлые и будущие состояния, что демонстрировало динамику жизни, связь эпох и перспективы дальнейшего развития [23, с. 51].

Вариабельность древнеиндийского восприятия времени акцентировалась аксиологическими показателями. Так, образы прошлого (*para*) и будущего (*anagata*), с одной стороны, координировались мифологическими мотивами «золотого века» (*kṛta yuga*), где «люди были избавлены от нужды и страха […] / Города и деревни были полны зерном и золотом […] / Все жили счастливо […] / В единстве с богам» [2, I. 7. 24-28]; с другой стороны, они опосредовались идеей возрождения первобытного хаоса (*asat*), когда «люди станут торговать дхармой […] / Будут не в силах постичь науку […] / Станут алчными, злобными и глупыми» [1, VIII. 12. 3, 4].

При этом категория настоящего (*bhavya*) имела более сложную ценностную парадигму, так как сама ее природа носила фрагментарный характер. Вследствие этого, в сюжетах, ориентированных на репрезентацию традиционных религиозных воззрений древнеиндийского общества, *bhavya* интерпретировалось «как дождь для томимого жаждой […] / как великий радостный праздник» [2, VI. 55. 104]. В отрывках, эксплицировавших базовые постулаты джайнизма и буддизма, настоящее (*bhavya*) представало в образе бесконечного страдания [1, XVIII. 55. 70].

Структурный характер эпического времени обусловливал его концептуализацию идеей ***историчности***. В отличие от античного историзма, оперировавшего понятием объективно завершенного прошлого [19, с. 144], историчность картины мира древних индийцев проявлялась в избирательности сюжетов мифологической древности, всегда осмыслявшейся как часть настоящего.

В частности, образы национального эпоса Индии демонстрируют, что носители древнеиндийской культуры стремились к выделению наиболее значимых и запоминающихся событий прошлого, одним из которых являлось странствие Рамы: «Брахма сказал: / “Люди помнят о подвигах Рамы, / Следует полностью описать жизнь / Добродетельного, благого, самого мудрого из людей. / Нужно рассказывать о деяниях твердого духом […] / О всем том тайном и явном, что случилось с мудрым Рамой. / О его подвигах, о его борении с ракшасами» [2, I. 2. 31-34].

Данный фрагмент ярко показывает, что авторы «Махабхараты» и «Рамаяны» понимали прошлое в качестве исторического явления. Разумеется, они фиксировали не конкретные исторические события,

а отдельные их напластования, нередко смешанные с мифологическими существами и героями (например, с Рамой). Следовательно, историчность эпоса «была особой: не конкретной, а обобщенной» [7, с. 74]. Она выделяла во времени универсуме «ту типовую, устойчивую историческую ситуацию, которая отражалась в сюжете эпоса и характере его персонажей» [17, с. 85].

Историчность картины мира древних индийцев также была эксплицирована в мотивах социально-политических диспутов, где подлинность высказанных утверждений напрямую зависела от семантических коннотаций событий мифологической древности: «Гаутама сказал: / "Послушайте […] какой возник у нас спор: / Атри сказал, что царь – вершитель судеб, а я сомневаюсь в этом" […] / Санаткумара ответил: "Царь – властелин подданных / Так было в начале мира […] / Как солнце на небесах меж богов светом своим разгоняет мрак, / Так царь стал искоренять беззаконие на земле. / Верховное положение царя подтверждается законом» [1, VII. 183. 1-7].

Мы видим, что этические, религиозные и правовые основы царской власти легитимируются мифологической эпохой, когда бесконечная, аморфная пустота первобытного мрака (*asat*) была разделена, структурирована и систематизирована божественным откровением [15, с. 32]. Таким образом, подчеркивалась связь настоящего (*bhavya*) с главными событиями прошлого (*para*). Они незримо присутствовали во всех структурах мезокосма (например, в царственности), выражая обращенность сознания народов Древнего Индостана на ключевые события древности, постулируя социальную значимость этих событий в каждый конкретный момент существования древнеиндийского общества [10, с. 121].

Конкретизируя историчный характер времени в картине мира древних индийцев, нельзя не отметить их антропологические представления, которые всегда основывались на мифологических метафорах: «Человек – Вишну, человек – Брахма / Огонь – это уста его, земля – его стопы, / Луна и солнце – глаза, / Небосвод, ограниченный горизонтом, – тело, / А воздух – разум» [1, III. 25. 29-32].

Проанализировав шлоку, мы можем констатировать, что народы индийского субконтинента увязывали органы человеческого тела и психоэмоциональные установки личности с образами богов, сакральных предметов и событий, стоявших у истоков мироздания. Вследствие этого, сама фигура индивида считалась слепком событий мифологической древности: она транслировала ключевые моменты теогонического и космогонического процессов, а фактически – служила источником памяти о прошлом (*para*), осмыслявшегося в рамках настоящего (*bhavya*).

На фоне вариабельности и историчности также проявлялась ***лабильность*** древнеиндийского образа времени, которая проявилась в сочетании разнообразных мотивов его направленности.

Так, сведения, которые приводит национальный эпос Индии, позволяют утверждать, что время в картине мира древних индийцев, прежде всего, могло принимать форму цикличной направленности. Данный процесс квалифицировался санскритской лексемой *cakra* («колесо»), чаще всего использовавшейся в качестве метафоры глобальных временны́х ритмов, – юг (*yugas*): «И все существующее, движущееся и неподвижное […] / Все повторяется вновь, когда по истечении юги мир разрушится […] / Как разнообразные признаки обнаруживаются с изменением времен года, / Так и все существа появляются вновь в начале следующей юги. / Так вечно вращается в мире это колесо, / Не имеющее ни начала, ни конца» [1, III. 66. 71-74].

Заметно, что древние индийцы могли понимать время как совокупность четырех качественно неоднородных «формаций», или мировых веков (*yugas*), перманентно сменявших друг друга на протяжении всего развития Вселенной. Это были крита-юга (1 728 000 лет), трета-юга (1 296 000 лет), двапара-юга (864 000 лет) и кали-юга (432 000 лет) [5, с. 144]. Обратная логика данных циклов предполагала, что с каждой последующей югой понимание «истины уменьшалось, а невежество росло» [1, III. 66. 75]. Соответственно, окончание каждого временно́го ритма сопровождалось обновлением мироздания в «нулевой» точке, из которой формировался новый цикл.

Равным образом, «Махабхарата» и «Рамаяна» зафиксировали антропологическое измерение *cakra*. Это выразилось в идее сансары (*saṃsāra*): «Человек […] ввергается он в сансару […] / И, крутясь словно колесо, переходит из одного лона в другое, / Вновь и вновь возрождаясь в различных видах существ, / От Бхагавана до стебля травы, / То на земле, то в воде, то в воздушном пространстве» [Mhb. III. 56. 13-17].

Мы видим, что в глазах древних индийцев жизнь эксплицировалась в образах постоянной смены воплощений, согласно которым душа человека переходила в иные формы существования – животных, растений, минералов или – в порядке повышения – в тела людей и божеств. Таким образом, духовное начало индивида оказывалось ввергнутым в «океан рождений и смертей» [2, I. 68. 6], а сама жизнь превращался в череду бесконечных, цикличных процессов – перерождений [2, I. 68. 7].

Тем не менее, несмотря на все вышесказанное, мотивы национального эпоса Индии позволяют утверждать, что время в картине мира древних индийцев могло принимать линейные формы, которые

квалифицировались санскритским словом *kāla* (буквальный перевод – «смерть»). Оно выражало представление о времени как необратимом, однородном и строго целесообразном процессе, что слепком отложилось в идее «порчи» мироздания: «Древние люди были […] / Правдоречивы, добродетельны и благонамеренны. / Время шло, и […] злоба и вожделение овладели ими, / Поддались они ослеплению алчности, погрязли во лжи и обмане. / Боги тогда отвергли людей […] / Они преступили дхарму» [1, I. 181. 9-14].

Таким образом, можно заключить, что на фоне космогонической и антропологической цикличности проявлялась типично линейная система направленности времени, которая верифицировала развитие мироздания в образе поступательного, целесообразного процесса, сопровождающегося акцентуацией деструктивного процесса изменений – от высших форм существования к низшим.

Вместе с тем, линейная модель времени могла восприниматься основой человеческой жизни, особенно в контексте мифологемы судьбы (*karman*): «Человек над собою не властен / И действует не по своей воле. / Всесильная, властная судьба его направляет куда хочет. / Все накопленное – гибнет, все поднявшееся – падает […] / Так и родившийся человек ничего не боится, кроме смерти. / Так же как рушится со временем дом с крепкими стенами, / Гибнут со временем все люди, подвластные старости и смерти» [2, I. 121. 14-18].

Заметно, что высшим и окончательным вершителем человеческой жизни являлась судьба – *karman*. Она объясняла все события, явления и процессы, связывала воедино противоречивые факты и вводила в свои пределы все «движимые и недвижимые» объекты мироздания [5, с. 211]. При этом судьба (*karman*) имела временные ограничения: она могла охватывать только те сегменты времени, которые ориентировались на координаты рождения, развития и смерти. Тем самым подчеркивалась связь *karman* с однонаправленным и качественно определенным процессом – *kāla*.

Однако нельзя не отметить того факта, что древнеиндийское ощущение времени предполагало активное взаимодействие между *cakra* и *kāla*: «Время уничтожает все существа и создает их вновь, / Время проходит неудержимо, одинаково для всех живых существ» [1, I. 17. 25.].

Налицо двойственная семантика процитированного отрывка: с одной стороны, время с устойчивым постоянством то «уничтожает», то «созидает» окружающую действительность, подчиняя ее цикличным законам; с другой стороны, временно́й поток сохраняет целенаправленность, он лишен дискретности и оторван от предметно-событийной конкретности, что тождественно *kāla*. Это говорит о том, что «время “Махабхараты” и “Рамаяны” циклично в перспективе, но оно воспринимается и нами, и самими героями как поступательное движение, причем в худшую сторону» [33, p. 27].

Обобщим результаты проведенного исследования. Образы и мотивы «Махабхараты» и «Рамаяны» показывают, что определяющим показателем древнеиндийского образа времени являлась его вариабельность. Она предполагала репрезентацию времени в трех качественно неоднородных и семантических определенных формах – прошлом (*para*), будущем (*anagata*) и настоящем (*bhavya*). Оперирование различными формами времени порождало ощущение его историчности, согласно которому народы Древнего Индостана пользовались сюжетами *para* ровно в той мере, в какой они отвечали духовным потребностям настоящего (*bhavya*) и конструированию образов будущего (*anagata*). При этом все перечисленные уникальные характеристики обусловливали лабильность временно́го потока: время в картине мира древних индийцев могло то регулироваться цикличными моделями (*cakra*), то «вытягиваться» по прямому, целесообразному, линейному вектору – *kāla*. При этом данные модели были открыты для семантического перекодирования – в различных повествовательных пластах они органично дополняли и заменяли друг друга.

Библиографический список

1. The Mahäbhärata [Текст] / ed. by V. S. Sukthankara. – Poona, 1933-1936.

2. The Rämäyana of Välmiki [Текст] / publ. by N. Ramaratnam. – Madras, 1958.

3. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти [Текст] / Ф. Арьес. – М. : Прогресс, 1992. – 526 с.

4. Блок, М. Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии [Текст] / М. Блок. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 712 с.

5. Бонгард-Левин, Г. М. Древнеиндийская цивилизация [Текст] / Г. М. Бонагрд-Левин. – М. : Наука, 1980. – 333 с.

6. Бэшем, А. Цивилизация Древней Индии [Текст] / А. Бэшем. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 496 с.

7. Ванина, Е. Ю. Средневековое мышление: индийский вариант [Текст] / Е. Ю. Ванина. – М. : Восточная литература, 2007. – 375 с.

8. Васильков, Я. В. Земледельческий миф в древнеиндийской эпосе (Сказание о Рашьяшринге) [Текст] / Я. В. Васильков // Литература и культура Древней Средневековой Индии. – М. : Восточная литература, 1979. – С. 99-133.

9. Вейнберг, И. П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока [Текст] / И. П. Вейнберг. – М. :

Наука, 1986. – 208 с.

10. Генон, Р. Очерки об индуизме [Текст] / Р. Генон. – М. : Беловодье, 2003. – 320 с.

11. Глушкова, И. П. Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры [Текст] / И. П. Глушкова. – М. : Восточная литература, 2000. – 264 с.

12. Гринцер, П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология [Текст] / П. А. Гринцер. – М. : Наука, 1974. – 418 с.

13. Гусева, Н. Р. Индия: тысячелетия и современность [Текст] / Н. Р. Гусева. – М. : Наука, 1971. – 145 с.

14. Гхош, С. Легенды и предания Древней Индии [Текст] / С. Гхош. – М. : Центрполиграф, 2009. – 250 с.

15. Дандекар, Р. Н. От вед к индуизму. Эволюционирующая мифология [Текст] / Р. Н. Дандекар. – М. : Восточная литература, 2002. – 286 с.

16. Дюби, Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о самом себе [Текст] / Ж. Дюби. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 316 с.

17. Елизаренкова, Т. Я. Грамматика ведийского языка [Текст] / Т. Я. Елизаренкова. – М. : Восточная литература, 1982. – 410 с.

18. Клочков, И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время [Текст] / И. С. Клочков. – М. : Восточная литература, 1983. – 206 с.

19. Кнабе, Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима [Текст] / Г. С. Кнабе // Культура Древнего Рима: в 2 т. – Т. 2. – М. : Наука, 1985. – С. 108-167.

20. Ле Гофф, Ж. Цивилизация Средневекового Запада [Текст] / Ж. Ле Гофф. – М. : Прогресс, 1992. – 376 с.

21. Лысенко, В. Г. Классическая индийская философия в переводах и исследованиях российских ученых (1990-1996) [Текст] / В. Г. Лысенко // Проблемы новейшей историографии философии зарубежного Востока. – М. : Восточная литература, 1998. – С. 46-66.

22. Мортимер, У. Древний Индостан [Текст] / У. Мортимер. – М. : Центрполиграф, 2005. – 206 с.

23. Невелева, С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон) [Текст] / С. Л. Невелева. – М. : Наука, 1975. – 118 с.

24. Нобель, М., Кумарасвами, А. Мифы буддизма и индуизма [Текст] / М. Нобель, А. Кумарасвами. – М. : Центрполиграф, 2010. – 286 с.

25. Подосинов, А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии [Текст] / А. В. Подосинов. – М. : Языки славянской культуры, 1999. – 720 с.

26. Серебряный, С. Д. Многозначное откровение «Бхагавад-гиты» [Текст] / С. Д. Серебряный // Древо индуизма. – М. : Восточная литература, 1999. – С. 152-194.

27. Февр, Л. Бои за историю [Текст] / Л. Февр. – М. : Наука, 1991. – 598 с.

28. Шохин, В. К. Индийская философия. Шраманский период (середина I тысячелетия до н. э.) / В. К. Шохин. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. – 423 с.

29. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 114 с.

30. Gonzalez-Reimann, L. The Mahabharata and the Yugas / L. Gonzalez-Reimann. – New York : Peter Lang, 2002. – 186 p.

31. Inden, R. Imagining India / R. Inden. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 530 p.

32. Lal, V. The History of History. Politics and Scholarship in Modem India / Delhi : Oxford University Press, 2003. – 350 p.

33. Shulman, D. Studies in Tamil, Telugu and Sanskrit / D. Shulman. – Delhi: Oxford University Press, 2004. – 334 p.

34. Sorensen, S. An Index to the Names in the Mahabharata / S. Sorensen. – Delhi : Oxford University Press, 1963. – 210 p.

35. Thapar, R. Asokan Indian and the Gupta Age / R. Thapar. – Dehli : Oxford University Press, 1986. – 245 p.

Reference List

1. The Mahäbhärata [Tekst] / ed. by V. S. Sukthankara. – Poona, 1933-1936.

2. The Rämäyana of Välmiki [Tekst] / publ. by N. Ramaratnam. – Madras, 1958.

3. Ar'es, F. Chelovek pered licom smerti = The person in the face of death [Tekst] / F. Ar'es. – M. : Progress, 1992. – 526 s.

4. Blok, M. Koroli-chudotvorcy: ocherk predstavlenij o sverh#estestvennom haraktere korolevskoj vlasti, rasprostranennyh preimushhestvenno vo Francii i v Anglii = King-wonder-workers: an essay of the ideas of the supernatural nature of the royalty widespread mainly in France and in England [Tekst] / M. Blok. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. – 712 s.

5. Bongard-Levin, G. M. Drevneindijskaja civilizacija = Old Indian civilization [Tekst] / G. M. Bonagrd-Levin. – M. : Nauka, 1980. – 333 s.

6. Bjeshem, A. Civilizacija Drevnej Indii = Civilization of Ancient India [Tekst] / A. Bjeshem. – Ekaterinburg : U-Faktorija, 2006. – 496 s.

7. Vanina, E. Ju. Srednevekovoe myshlenie: indijskij variant = Medieval thinking: Indian option [Tekst] / E. Ju. Vanina. – M. : Vostochnaja literatura, 2007. – 375 s.

8. Vasil'kov, Ja. V. Zemledel'cheskij mif v drevneindijskoj jepose (Skazanie o Rash'jashringe) = The agricultural myth in the Old Indian epos (The legend on Rashyashringe) [Tekst] / Ja. V. Vasil'kov // Literatura i kul'tura Drevnej Srednevekovoj Indii = Literature and culture of Ancient Medieval India. – M. : Vostochnaja literatura, 1979. – S. 99-133.

9. Vejnberg, I. P. Chelovek v kul'ture Drevnego Blizhnego Vostoka = The person in the culture of the Ancient Middle East [Tekst] / I. P. Vejnberg. – M. : Nauka, 1986. – 208 s.

10. Genon, R. Ocherki ob induizme = Essays about Hinduism [Tekst] / R. Genon. – M. : Belovod'e, 2003. – 320 s.

11. Glushkova, I. P. Indijskoe palomnichestvo. Metafora dvizhenija i dvizhenie metafory = Indian pilgrimage. Metaphor of movement and movement of a metaphor [Tekst] / I. P. Glushkova. – M. : Vostochnaja literatura, 2000. – 264 s.

12. Grincer, P. A. Drevneindijskij jepos. Genezis i tipologija = Old Indian epos. Genesis and typology [Tekst] / P. A. Grincer. – M. : Nauka, 1974. – 418 s.

13. Guseva, N. R. Indija: tysjacheletija i sovremennost' = India: millennia and present [Tekst] / N. R. Guseva. – M. : Nauka, 1971. – 145 s.

14. Ghosh, S. Legendy i predanija Drevnej Indii = Legends and bringing to Ancient India [Tekst] / S. Ghosh. – M. : Centrpoligraf, 2009. – 250 s.

15. Dandekar, R. N. Ot ved k induizmu. Jevoljucionirujushhaja mifologija = From the Veda to Hinduism. Evolving mythology [Tekst] / R. N. Dandekar. – M. : Vostochnaja literatura, 2002. – 286 s.

16. Djubi, Zh. Trehchastnaja model', ili predstavlenija srednevekovogo obshhestva o samom sebe = A three-part model, or ideas of medieval society about itself [Tekst] / Zh. Djubi. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. – 316 s.

17. Elizarenkova, T. Ja. Grammatika vedijskogo jazyka = Grammar of the Vedic language [Tekst] / T. Ja. Elizarenkova. – M. : Vostochnaja literatura, 1982. – 410 s.

18. Klochkov, I. S. Duhovnaja kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremja = Spiritual culture of Babylonia: person, destiny, time [Tekst] / I. S. Klochkov. – M. : Vostochnaja literatura, 1983. – 206 s.

19. Knabe, G. S. Istoricheskoe prostranstvo i istoricheskoe vremja v kul'ture Drevnego Rima = Historical space and historical time in the culture of Ancient Rome [Tekst] / G. S. Knabe // Kul'tura Drevnego Rima: v 2 t. = Culture of Ancient Rome: in 2 volumes. – T. 2. – M. : Nauka, 1985. – S. 108-167.

20. Le Goff, Zh. Civilizacija Srednevekovogo Zapada = Civilization of the Medieval West [Tekst] / Zh. Le Goff. – M. : Progress, 1992. – 376 s.

21. Lysenko, V. G. Klassicheskaja indijskaja filosofija v perevodah i issledovanijah rossijskih uchenyh (1990-1996) = Classical Indian philosophy in translations and researches of the Russian scientists (1990-1996) [Tekst] / V. G. Lysenko // Problemy novejshej istoriografii filosofii zarubezhnogo Vostoka = Problems of the latest historiography of philosophy of the foreign East. – M. : Vostochnaja literatura, 1998. – S. 46-66.

22. Mortimer, U. Drevnij Indostan = Ancient Hindustan [Tekst] / U. Mortimer. – M. : Centrpoligraf, 2005. – 206 s.

23. Neveleva, S. L. Mifologija drevneindijskogo jeposa (panteon) = Mythology of the Old Indian epos (pantheon) [Tekst] / S. L. Neveleva. – M. : Nauka, 1975. – 118 s.

24. Nobel', M., Kumarasvami, A. Mify buddizma i induizma = Myths of the Buddhism and Hinduism [Tekst] / M. Nobel', A. Kumarasvami. – M. : Centrpoligraf, 2010. – 286 s.

25. Podosinov, A. V. Ex oriente lux! Orientacija po stranam sveta v arhaicheskih kul'turah Evrazii = Ex oriente lux! Orientation over the countries of the world in the archaic cultures of Eurasia [Tekst] / A. V. Podosinov. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1999. – 720 s.

26. Serebrjanyj, S. D. Mnogoznachnoe otkrovenie «Bhagavad-gity» = Multiple-valued revelation of «Bhagavad Gita» [Tekst] / C. D. Serebrjanyj // Drevo induizma = A Hinduism tree. – M. : Vostochnaja literatura, 1999. – S. 152-194.

27. Fevr, L. Boi za istoriju = Fights for history [Tekst] / L. Fevr. – M. : Nauka, 1991. – 598 s.

28. Shohin, V. K. Indijskaja filosofija. Shramanskij period (seredina I tysjacheletija do n.je.) = Indian philosophy. Sramana period (middle of the I millennium BC) / V. K. Shohin. – SPb. : Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2007. – 423 s.

29. Jeliade, M. Svjashhennoe i mirskoe = Sacred and wordly [Tekst] / M. Jeliade. – M. : Izd-vo MGU, 1994. – 114 s.

30. Gonzalez-Reimann, L. The Mahabharata and the Yugas / L. Gonzalez-Reimann. – New York : Peter Lang, 2002. – 186 p.

31. Inden, R. Imagining India / R. Inden. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 530 r.

32. Lal, V. The History of History. Politics and Scholarship in Modem India / Delhi : Oxford University Press, 2003. – 350 r.

33. Shulman, D. Studies in Tamil, Telugu and Sanskrit / D. Shulman. – Delhi: Oxford University Press, 2004. – 334 r.

34. Sorensen, S. An Index to the Names in the Mahabharata / S. Sorensen. – Delhi : Oxford University Press, 1963. – 210 r.

35. Thapar, R. Asokan Indian and the Gupta Age / R. Thapar. – Dehli : Oxford University Press, 1986. – 245 r.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10327

УДК 008.009

Р. В. Коробко https://orcid.org/0000–0002–1664–9336

Семиотика и синергетика ракурса в контексте творчества кинооператора

Кинематографическая деятельность имеет природную дихотомию в виде художественного творчества и производственного процесса. Производственное начало кинематографии направлено на вынужденную стандартизацию творческого процесса, что противоречит основам кино как искусства. Стандартизация кинематографической деятельности приводит к постепенному вымыванию творческого начала из кинематографии, темпы которого увеличиваются соразмерно темпам индустриализации.

Сделан вывод о необходимости в рамках кинооператорского творчества теоретического и практического органического сочетания кинотвочрества и кинопроизводства в контексте общеизвестной природы искусства: приоритета творчества над производством.

Направленная на консолидацию разделенной художественно-производственной кинооператорской деятельности, в настоящем исследовании выдвинута и обоснована гипотеза ракурса как одного из важнейших кодов кинематографической киноизобразительной коммуникации: ракурс киноизобразительный и ракурс метафорический (образно-смысловой).

Приведены трансдисциплинарные (в том числе синергетические) теоретико-прикладные обоснования гипотезы ракурса, основанные на положениях семиотики (Ч. С. Пирса и У. Эко), искусствоведения (Г. Вельфлина и В. Шмида), идеях кинорежиссеров (С. М. Эйзенштейна и М. И. Ромма) и кинооператоров (А. Д. Головни, В. Стораро, Д. А. Долинина, В. С. Нильсена и В. Н. Железнякова).

В основу статьи положено утверждение, что под термином «ракурс» целесообразно понимать, в зависимости от ситуации, три «иерархических» уровня репрезентации контекстуальных семиотических связей: связь между мизанкадром и мизансценой (уровень киноизобразительной формы кинематографического знака – кинооператорская деятельность); связь между киноизображением, действием и смыслом, образом (уровень кинематографического знака – кинорежиссерская деятельность); связь между субъектом и объектом познания, интерпретации (общесемиотический уровень). Киноизобразительная природа ракурса состоит в единстве линейно-тональной организации художественного киноизобразительного пространства, а также в единстве пространственно-временной организации киноизображения. Метафорическая природа ракурса выражается общехудожественным явлением pars pro toto (С. М. Эйзенштейн) как феноменом асимметрии знака.

Ключевые слова: ракурс, семиотика, синергетика, киноизображение, метафора, композиция, контекст.

R. V. Korobko

Semiotics And Synergetics Of Framing In The Art Of Cinematograhy

Cinema process has a natural dichotomy in the form of artistic creativity and the production process. The production element of cinematography is aimed at the forced standardization of the creative process, which contradicts the fundamentals of cinema as art. Standardization of cinematographic activity leads to a gradual erosion of creativity from cinematography, the pace of which increases in proportion to the pace of industrialization.

The conclusion is drawn that, within the framework of cinematographic creativity, there is a theoretical and practical organic combination of film creativity and film production in the context of the well-known nature of art: the priority of creativity over production.

Directed to consolidate the divisional (artistic-production) cinematography process, this study put forward and substantiated the framing hypothesis as one of the most important codes of cinematographic communication: in the cinematographic (imagery) perspective and the metaphorical perspective.

Transdisciplinary (including synergistic) theoretical and applied substantiations of the framing hypothesis based on the provisions of semiotics (C. S. Pierce and U. Eco), art studies (H. Wölflin and V. Shmid), film direction (S. M. Eisenstein and M. I. Romm), cinematography (A. D. Golovnya, V. Storaro, D. A. Dolinin, V. S. Nielsen and V. N. Zheleznyakov).

The term «framing» is appropriate to understand, depending on the situation, in three «hierarchical» levels of representation of contextual semiotic links: the relationship between the mise-en-cadre and mise-en-scène (the level of the cinematographic form of film sign – cinematography activity); the relationship between cinematographic imagery, action and meaning (the level of the cinema sign – film directorial activities); the relationship between the subject and the object of knowledge, interpretation (the general semiotic level).

The cinematographic nature of framing consists in the unity of the linear-tonal organization of the artistic cinema-pictorial space, as well as in the unity of the space-time organization of the cinema imagery.

The metaphorical nature of framing is expressed by the general artistic phenomenon pars pro toto (S. M. Eisenstein) as a phenomenon of asymmetry of the sign.

Keywords: framing, semiotics, synergetics, moving imagery, metaphor, composition, context.

© Коробко Р. В., 2019

Киноизображение как предмет и результат деятельности кинооператора является средством выражения содержания кинематографического художественного образа, который имеет целостную природу. Однако, в силу особенностей кинопроизводства, наблюдается явная диверсификация единого кинообраза, и его киноизобразительной формы выражения, основанная на социально-экономическом и технико-технологическом разделении и обособлении кинематографического труда сценариста, режиссера, актера, художника, оператора и др., а также, разделении самих профессий на узкие сферы (субкультуры) [14].

Такое разделение имеет собственную природу, определяемую современными социокультурными условиями тотальной индустриализации (стандартизации, механизации, автоматизации, цифровизации и др.) каждой сферы жизни, включая кинематографическое искусство. Такое вынужденное индустриальное разделение проявилось в познавательно-творческой и элитарно-массовой дихотомиях современного кинематографа, которые стали его знаковыми атрибутами. Прямым следствием этого кинематографического двуединства является пограничность технико-технологического и философско-эстетического в профессиональной культуре кинооператора [14].

При этом, большинство теоретиков и практиков кинематографа указывают на необходимость органической консолидации художественно-образных и технологических (киноизобразительных) средств организации кинематографического знака и уменьшения негативного проявление указанных выше дихотомий, прежде всего в кинооператорском творчестве [14 с.]. В настоящей работе сделана скромная попытка решения данной проблемы: представлен и обоснован один из важнейших кодов кинематографической киноизобразительной коммуникации – ракурс, во-первых, связывающий основные технико-технологические киноизобразительные инструменты кинооператорской деятельности между собой; во-вторых, связывающий последние с познавательными философско-эстетическим ориентирами.

Философский концепт настоящей работы был заимствован из монографии «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы» [22], в которой отмечен феномен «производства» «принципиально новых» знаний на основе коммуникативной практики трансдисциплинарности в целях разрешения «экзистенциональных проблем реального мира» [11].

В настоящей работе особенности ракурса рассмотрены в рамках междисциплинарного (синергетического) подхода на основе положений семиотики (Ч. С. Пирса и У. Эко), теории искусства (Г. Вельфлина и В. Шмида), кинорежессуры (С. М. Эйзенштейна и М. И. Ромма), кинооператорства (А. Д. Головни, В. Стораро, Д. А. Долинина, В. С. Нильсена и В. Н. Железнякова).

Прикладной аспект синергетической природы ракурса ярко проявляется в киноизобразительном и метафоричном контекстах, рассмотрение которых составило основное содержание настоящего исследования.

Ракурс в киноизображении

Анализ специальной литературы и практики кинопроизводства позволил выявить некоторые несоответствия между практикой формирования киноизображения и ее теоретическими обоснованиями, а также предложить подходы к их преодолению в рамках гипотезы ракурса:

1. Киноизображение, наследуя теорию живописи (и фотографии), понимается в кинооператорском творчестве, прежде всего, как структура статическая – преимущественно пространственная. О потере кинематографом собственной специфики (как искусства), в рамках теории о «синтетической природе кинематографического образа», писал еще А. А. Тарковский [21].

Практика кинопроизводства предполагает учет, но не участие кинооператора в монтаже – точнее, не распространение монтажа на съемочный и подготовительный периоды кинопроизводств, что при пространственном понимании киноизображения, приводит к исключению кинооператора из процесса формирования временной динамики киноизображения. В такой ситуации, общеприминимые динамические киноизобразительные атрибуты, такие как «внутрикадровый монтаж», «движение камеры», «скорость съемки» понимаются скорее как исключения из общего статического понимания киноизображения или как его технические особенности реализации.

Преодолеть ограниченность пространственного подхода (заимствованного из живописи и фотографии) к организации киноизображения стремились многие известные кинематографисты.

Кинооператор В. С. Нильсен (соавтор С. М. Эйзенштейна и Г. В. Александрова; возглавлял кафедру кинооператорского мастерства ГИК в 1930-е годы), помимо пространственных элементов композиции кинокадра дополнительно выделил «элемент времени» [17, с. 69-70].

Кинооператор А. Д. Головня (соавтор В. И. Пудовкина; возглавлял кафедру кинооператорского мастерства ВГИК в период 1936-1982 гг.), для описания временных характеристик (динамики) «кинокомпозиции» кадра, ввел такие понятия как «кинетические координаты» (темп экранного времени), «динамические координаты» (движение ка-

меры) и «монтажные координаты» элементов кинокомпозиции [6, с. 78-85].

Кинорежиссер С. М. Эйзенштейн, ввел понятие «мизанкадр», понимая под ним не только «размещение внутри кадра, но и взаимное со размещение кадров между собой» (во времени) [25, т. 1]; а организацию мизанкадра, по словам М. И. Ромма, как «перевод действия в систему кадров, в монтаж» [25, т. 4, с. 7-10].

Кинорежиссер А. А. Тарковский, как и С. М. Эйзенштейн, выделил динамику (временную характеристику) как наиважнейшую в кинематографе, считая ритм «доминантой кинематографического образа <…>, выражающей течение времени внутри кадра» [21]. Так, главной функцией киноаппарата (как инструмента кинооператора), согласно А. А. Тарковскому, является «запечатление» времени [16, с. 12].

Таким образом, С. М. Эйзенштейн, М. И. Ромм и А. А. Тарковский «закрепили» за киноискусством, и его доминирующей формой выражения – киноизображением, понимание их динамической природы.

В целях преодоления фрагментации кинооператорского творчества в контексте его творчество-производственной порганичности, представляется целесообразным дополнить временной динамикой преимущественно статическую пространственную модель киноизображения, закрепленную в кинооператорском творчестве наследованием прочной традиции изобразительных искусств (пространственных).

Ракурс как основополагающий код кинооператорского творчества, следовательно, представляет собой пространственно-временное единство: включая в т. ч. дискурс монтажа как средства организации кинематографического времени.

2. Под киноизображением (на основе традиции, связанной с наследованием теоретических представлений об изображении в живописи представлениями об изображении в фотографии), как правило, понимается исключительно результат процесса киноизображения – плоское двухмерное киноизображение [8; 9; 17].

Такое целеориентированное понимание киноизображение, безусловно, актуально и целесообразно (в рамках кинооператорской деятельности), однако, «плоская» двухмерная модель киноизображения является упрощенной, поскольку не предназначена для прямого учета природной взаимосвязи между оптическими (киноизобразительными) свойствами мизансцены и мизанкадра (С. М. Эйзенштейн), а также между объектом киноизображения, источником света и кинокамерой (А. Д. Головня). По сравнению с живописью, где предметная деятельность связана, но не является прямым оптическим отображением действительной точки зрения художника, в фотографии и, тем более, в кинематографии, это обстоятельство оказывается критически важным, т. к. непосредственно связанно со сложным производственным процессом соразмерной организации мизансцены и мизанкадра – необходимости точного установления пространственно-временного отношения между объектом изображения и кинокамерой.

Упрощенная двухмерная модель киноизображения в значительной степени обедняет кинооператорскую творческо-производственную деятельность, переводя учет важнейших киноизобразительных связей (между трехмерным и двухмерным пространствами) в неподготовленную зону импровизации.

Изучение специальной литературы показало, что над решением данной проблемы работали многие известные кинематографисты. Так, кинооператор А. Д. Головня предложил понимать единство кинооператорской деятельности в совокупности двух видов работ: «киноосвещение» и «кинокомпозиция» [6], а С. М. Эйзенштейн – предложил известное понятие «мизанкадр» [25].

Однако, несмотря на устойчивое закрепление указанных положений в массовой теоретической кинематографической культуре, в практике кинопроизводства они практически не используются или используются неточно. Так, понятие «мизанкадр» используется исключительно в теоретическом контексте, на практике упрощаясь до более универсального «кадр», резко сужая (нивелируя) смысловой контекст, введенный С. М. Эйзенштейном. А предложенное кинооператором А. Д. Головней понимание кинооператорской деятельности как совокупности работ по «киноосвещению» и «кинокомпозиции», на практике, как правило, трактуется как разделение кинооператорской работы на два самодостаточных сегмента: организацию киноизображения посредством «киноосвещения» исключительно в пространстве объемной мизансцены; и организацию киноизображения посредством «кинокомпозиции» исключительно в пространстве плоскости кадра.

Представляется необходимым под «киноизображением» понимать не только результат киноизображения (плоскость кадра), но и сам процесс, описанный С. М. Эйзенштейном («мизанкадр») и А. Д. Головней («киноосвещение» и «кинокомпозиция»), понимаемый нами как ракурс – пространственно-временное отношение между камерой и объектом изображения.

3. Описанный выше подход к организации киноизображения (выраженный А. Д. Головней) как совокупности «киноосвещения» и «кинокомпозиции», по всей видимости, проистекает из исследований С. М. Эйзенштейна и М. И. Ромма, посвя-

щенных раскрытию тех особенностей кинематографического процесса, которые в театре объединялись понятием «мизансцена».

А. Д. Головня, хотя и не использует термин «мизанкадр» (С. М. Эйзенштейн) для объяснения «киноосвещения» и «кинокомпозиции», однако, использует его смысл. Так, А. Д. Головня отмечает, что «мизансцена в кино является средством выражения образа перед камерой в предметном пространстве кинокадра и становится доступной зрителю только в оптической форме на экране» [6, с. 201]. Согласно А. Д. Головне, кинематографический художественный образ выражается в форме мизансцены как предметном пространстве кинокадра – то есть мизансцена является предметным пространством кадра (в то время, как проекционная плоскость является изобразительным пространством кадра), что явно отсылает к «мизанкадру».

С. М. Эйзенштейн, вводя понятие «мизанкадр» как «изложение сцены в системе кадров» [19, с. 128-129], решает следующие задачи по адаптации теории театра к кинематографу. «Мизанкадр», во-первых, связывает театральное представление о мизансцене в контексте кино с собственно кинематографическим – с «кадром». Во-вторых, термин «мизанкадр» выражает понимание «кадра» по аналогии «мизансцены» – то есть как пространственно-временное единство, состоящее из композиционных элементов. В отличии от понимания «кадра» как исключительно плоскости в классической теории живописи, С. М. Эйзенштейн под композиционными элементами «кинокадра» (то есть «мизанкадра») понимает объекты мизансцены: актеров, декорацию, а также камеру и источники освещения [25, т. 2, с. 18-92]. То есть, по С. М. Эйзенштейну, композиционными элементами мизанкадра являются объекты в своем двуединстве трехмерно-двухмерного пространственно-временного киноизображения: как объекты реального и объемного мира и, одновременно, как результат изображения на плоскости кадра (экране).

М. И. Ромм, продолжая рассуждения С. М. Эйзенштейна, рассматривает кинематографическую мизансцену как совокупность не только движений актеров, но и «соединяющееся с ними, движение камеры» (киноизобразительным ракурсом). Выделяя два вида киномизансценического движения: актеров и камеры [19, с. 127-128]. Однако, М. И. Ромм замечает, как и С. М. Эйзенштейн, что в контексте кино, термин «мизансцена» не обладает достаточной полнотой и точностью: «для движения камеры, у нас еще нет названия» [19, с. 128-129].

Введенный С. М. Эйзенштейном термин «мизанкадр» как единицы разбивки мизансцены в монтажной структуре кинокадров, по мнению М. И. Ромма, не полон, т. к. не может использоваться для определения всей киномизансцены [19, с. 128-129], а только ее части – отдельного кадра.

Полагаем, что «ракурс» может быть закономерным развитием описанных положений С. М. Эйзенштейна и М. И. Ромма – в контексте киноизображения «ракурс» сохраняет всю полноту значений «мизанкадра» (в т. ч. его монтажно-временных характеристик) и может быть применен, равно как к «мизанкадру» (кадру), так и к сцене.

4. Согласно А. Д. Головне, творческо-производственную кинооператорскую деятельность по съемке художественных (игровых) фильмов составляют в неразрывной связи два вида работ: «киноосвещение» и «кинокомпозиция». Под «киноосвещением» нами понимается деятельность кинооператора по установлению взаимосвязи (организации) между мизансценой и источником освещения, а под «кинокомпозицией» – между мизансценой и кинокамерой как «приемником» света (то есть мизанкадром).

Полагаем, что три элемента процесса киноизображения: источник света, объект изображения и кинокамера – имеют единые киноизобразительные стилистические характеристики (по Г. Вельфлину), образующие в своей взаимосвязи оптическое целое киноизображения.

Расширенное применение результатов исследования «Основные понятия истории искусства» (1915 г.) [4] известного швейцарского теоретика искусства (представителя формальной школы) Г. Вельфлина, позволяет распространить на киноизобразительный ракурс следующие характеристики изобразительного стиля: линейность – живописность; плоскостность – глубинность; закрытость (замкнутость), тектоничность – открытость, атектоничность; множественность (множественное единство) – целостность (целостное единство); ясность – неясность (формы).

Представленные дуальные стилистические оппозиции являются выражениями (в разных контекстах), согласно А. Г. Габричевскому [5, с. 153], общефилософской дихотомии «статика – динамика», применяемой к организации изобразительного пространства – к киноизобразительной форме кинематографического знака.

5. Несмотря на заимствование кинематографом многих положений из теории живописи (через теорию фотографии), фундаментальные представления о линейно-тональной (графическо-живописной) природе организации изобразительного пространства [23, с. 81], достаточно глубоко разработанные о. П. А. Флоренским [23], А. Г. Габричевским [5], Г. Вельфлином [4], А. М. Кантором [12], обобщенные И. В. Смекаловым (в контексте проектной культуры дизайна) [20], к сожалению, используется

в кинооператорском (и фотографическом) дискурсе и практике крайне редко (в основном косвенно), не входя в понятийную основу отечественной кинооператорской школы.

В кинооператорской практике организации и анализа киноизобразительного пространства, в большинстве случаев, его линейные и тональные аспекты рассматриваются не только косвенно, но и раздельно, что происходит в следствии узкостандартизированного производственно-ориентированного разделения «киноосвещения» и «кинокомпозиции», вопреки интеграционным положениям А. Д. Головни: как правило, линейные аспекты киноизображения (и ракурса) доминируют в дискурсе «кинокомпозиции», а тональные аспекты – исключительно в дискурсе «киноосвещения»; несмотря на то, что линейность и тональность в равной степени присущи, и «киноосвещению», и «кинокомпозиции».

Данный феномен чрезмерно упрощенного (разделенного) понимания выделения А. Д. Головней «киноосвещения» и «кинокомпозиции» приводит к стандартизации кинооператорской деятельности, существенным образом ограничивая ее возможности формировать нестандартные и уникальные кинематографические знаки, которые и определяют кинематограф как искусство. М. И. Ромм прямо указывает на проблемы, вытекающие из стандартизации (как признака индустриализации) художественных средств: «стандартный метод мизанкадра ведет и к стандартизации изображения жизни» [19, с. 155], что переводит киноискусство в бытовую кинохронику.

Представляется необходимым рассмотрение процессов «киноосвещения» и «кинокомпозиции» в рамках единого линейно-тонального ракурсного понимания киноизображения.

Ракурс как метафора

Анализ специальной литературы и практики кинопроизводства позволил выявить следующие особенности в контексте связи между киноизобразительным (кинооператорским) ракурсом и ракурсом метафорическим (смысловым):

1. Необходимость исследования связи между ракурсом киноизобразительным (операторским) и метафорическим (смысловым) как фундаментальной для киноискусства (в т. ч. для операторского творчества) показана многими известными кинематографистами, в т. ч. операторами В. С. Нильсеном [17], В. Н. Железняковым [8; 9], В. Стораро [28; 29], Ю. А. Желябужским [10] и др. Режиссер С. М. Эйзенштейн утверждает, что «в совершенном произведении равноправно присутствуют оба начала» [25] – единство содержания (язык абстрактный; в рамках логического мышления: как идея и теза) и формы (язык предметный, конкретный; в рамках чувственного мышления) [26, с. 155].

При этом, само описание свойств и закономерностей связи между ракурсом киноизобразительным и метафорическим встречается значительно реже. Самыми точными, на наш взгляд, являются исследования кинорежиссера С. М. Эйзенштейна и кинооператора В. Стораро, связывающие технико-технологические киноизобразительные инструменты с философско-эстетическими ориентирами.

Кинорежиссер С. М. Эйзенштейн, описал взаимосвязь части снимаемого объекта (его формы; того, что вошло в кадр – части) с целым (его целостным образом; с тем, что не вошло в кадр) в опусе «pars pro toto» (часть вместо целого) [26, с. 53-111]. С. М. Эйзенштейн, по сути, выделил два специфически кинематографических способа выражения закономерности «pars pro toto» при постановочном «преобразовании» мизансцены в мизанкадр: «крупный план» и «монтаж» – то есть пространственный и временной аспекты киноизобразительного ракурса.

Итальянский кинооператор В. Стораро (соавтор режиссеров Б. Бертолуччи, Ф. Ф. Копполы, У. Битти, К. Саура), в исследовании «Writing with light, color and elements» выделил три категории (преимущественно дуально-оппозиционных) композиционных элементов киноизобразительного образа, связывающих основные киноизобразительные элементы и основные символические натурфилософские концепты: свет (тень – «полутень-полусвет» – свет; направленный – рассеянный свет, естественный – искусственный свет, солнце – луна, бесконечность), цвет (черный, красный, оранжевый, желтый, серый, зеленый, синий, индиго, фиолетовый, белый,) и первоначала (материя, земля, огонь, вода, воздух, энергия, женское – мужское, бессознательное – сознательное – сверхсознательное) [28]. Тем самым, В. Стораро установил связь между некоторыми аспектами (прежде всего тональными) киноизобразительного ракурса и философско-эстетическими категориями.

Однако, оба способа описания свойств и закономерностей связи между киноизобразительной формой и смыслом художественного образа, сделанных выдающимися практиками и исследователями кинематографии, пока не получили такой результативной формы, которая была бы широко востребована современной практикой кинопроизводства. В настоящем исследовании делается скромная попытка синергетического объединения представленных положений известных кинематографистов касательно природы киноизображения – представить (расширенную коннотацию) и обосновать (в некоторых аспектах и уровнях киносемиозиса) ракурс как прием киноизобразительный (киноопера-

торский) и как художественно-образный (метафорический).

2. Полагаем, что в кинематографическом дискурсе термин «ракурс» следует использовать не только в узкопрофессиональной коннотации специального аспекта киноизобразительной линейной перспективы, но и в семиотическом контексте интерпретации – преобразования «сложного» знака в более «простой» (с позиции наблюдателя, интерпретатора), без искажения природы и потери смысла. В данном контексте, ракурс имеет два важных направления использования в кинематографическом искусстве: первое (киноизобразительное) – преобразование трехмерного пространства мизансцены в двухмерную плоскость кадра; второе (смысловое) – семиотическое кодирование в рамках процесса киносемиозиса.

Ракурс как связь всегда обусловлен наличием помимо «наблюдаемого» пространства (физического и образного), еще точки зрения. Это подтверждается в т. ч. положениями семиотики и нарратологии, неотъемлемых в контексте современной теории кино.

Так, одним из центральных понятий нарратологии является «точка зрения» [24, с. 109-144], которая, согласуясь с понятием ракурс (авторский), является одной из его определяющих характеристик.

Основным свойством кодирования (организации, структурирования, упорядочения) семиотических элементов У. Эко выделяет наличие точки зрения [13] – то есть код любого сообщения, прежде всего, целеориентирован субъектом (автором) коммуникации. Так, ракурс есть неотъемлемое свойство любой языковой ситуации (коммуникативного акта). Установление точки зрения субъекта коммуникации (авторской позиции, позиции нарратора, точки зрения камеры) позволяет сократить объем передаваемого сообщения (образа исследуемого объекта) при сохранении его смысла, а также определяет принципы этого сокращения – кодирования. Так, «установление, использование и дешифровка кода следуют принципу экономичности и иерархичности» [13].

3. Полагаем, что особенностью динамики ракурсных (метафорических) связей является их регрессивная (декомпозиционная) природа (в контексте создания произведения искусства), ведущая к последующему синтезу, композиции (при восприятии произведения искусства).

Это соответствует рассуждениям С. М. Эйзенштейна о «методе интеллектуального кино», заключающихся в движении (в процессе создания произведения искусства) «от формы выражения сознания более развитого <...> к формам более раннего» [27, с. 260]; и в переводе логической формы «сегодняшнего уровня нашего сознания (обратно!) на формы сознания и мышления более раннего» [27, с. 260] (то есть от форм абстрактно-понятийных к предметно-чувственным), в контексте общей природы художественного творчества. Данные рассуждения С. М. Эйзенштейна согласуются с диалектическим философским методом, который, таким образом, лежит в основании ракурса как динамической категории.

Декомпозиционная природа динамики ракурсных (метафорических) связей также подтверждается сущностью общехудожественного явления pars pro toto, описанного С. М. Эйзенштейном [26, с. 53-111]. «Pars pro toto» (лат. часть (взятая) вместо целого) [30] – риторическая фигура, в которой, с позиций семиотики, имя (репрезентамен, означающее) части объекта представляет его целостность. Следовательно, в контексте создания художественного образа обязательной задачей является установление метафорического ракурса – то есть поиск такой части исследуемого объекта (ситуации, отношений), которая в конкретных обстоятельствах сможет репрезентовать всю его целостность (художественного образа исследуемого объекта). Одним из наиболее известных (ставшим банальным) примеров в кинематографе являются идущие часы как репрезентация течения времени. Другим широко тиражируемым метафорическим ракурсом является возвышенное мизансценическое положение персонажа, презентующее его доминирующее положение в отношениях – реализуется с помощью «нижнего» киноизобразительного ракурса.

Явление pars pro toto как выражение феномена асимметрии знака, лежит в основании таких понятий как символ и метафора [2, с. 5-32]. Суть феномена асимметрии знака заключается в «компенсации формы выражения информации», позволяющей «порождать новые смыслы» [1, с. 16-18]. Так, согласно субституциональных позиции [3, с. 153-172], и метафора, и символ позволяют одной знаковой формой (например, словом) выразить смысл, невозможный для выражения множеством знаковых форм. Согласно интеракционистской позиции [3, с. 153-172], «и метафора, и символ приводят к приращению смысла» [1, с. 16-18].

Таким образом, ракурс как художественно-образный прием кинематографа имеет метафорическую природу, выражаемую общехудожественным явлением pars pro toto, позволяя создавать новые образы исследуемых объектов – организовать, упорядочить мнимую хаотичность исследуемой реальности.

4. Полагаем, что особенности ракурса (метафорического) как контекстуально обусловленной связи между знаковыми элементами киносемиозиса может быть описана в рамках интегральной (обобщенной) структуры кинематографического знака,

включающей в себя следующие элементы и отношения: «объект реальности – художественный образ – действие (мизансцена) – киноизображение (мизанкадр)».

Такое представление об интегральной структуре кинематографического знака основано на структуре отношений «объект – интерпретанта – репрезентамен» общесемиотической теории функционирования знака (по Ч. Пирсу) [18]. В контексте динамики кинопроизводства киносемиозис может быть представлен в виде следующей структуры: на первом этапе (разработки авторского замысла, написании сценария) «объект – художественный образ – действие»; на втором этапе (реализации авторского замыла, кинопостановки): «художественный образ – действие (мизансцена) – киноизображение (мизанкадр)». Это позволяет понимать киносемиозис в общем виде как отношения: «объект – художественный образ – действие (мизансцена) – киноизображение (мизанкадр)», где ракурс в самом общем виде есть контекстуально обусловленная связь между каждыми двумя последующими знаковыми элементами киносемиозиса.

Данная модель киносимеозиса имеет два варианта (направления) функционирования: в контексте кинопроизводства – «редуктивный киносемиозис» (декомпозиционный аналитический принцип в рамках pars pro toto); а в контексте восприятия – «продуктивный киносемиозис» (композиционный синтетический принцип в рамках totum pro parte). Это в т. ч. подтверждается положениями кинорежиссера М. И. Ромма [19, с. 84, 118] и кинооператора В. С. Нильсена [17, с. 22] об аналитико-синтетической природе кино и его производственного процесса.

Выводы

Индустриализация кинематографического процесса привела к значительному производственно-дисциплинарному разделению и технологизации кинематографического творчества, в частности творчества кинооператора, что стало теоретико-прикладным барьером для когнитивного развития кинематографии и удовлетворения возросших познавательных, эстетических и иных духовных потребностей современного общества.

Философский концепт решения проблемы синергетической консолидации разделенного (в рамках художественно-производственной порганичности) кинооператорского творчества с помощью уточнения понятия «ракурс» обоснован современной коммуникативной практикой трансдисциплинарности.

Прикладной аспект синергетической природы ракурса ярко проявляется в условно разделенных киноизобразительном и метафорическом контекстах, представленных работами известных семиотиков (Ч. С. Пирса и У. Эко), теоретиков искусства (Г. Вельфлина и В. Шмида), кинорежессеров (С. М. Эйзенштейна и М. И. Ромма), кинооператоров (А. Д. Головни, В. Стораро, Д. А. Долинина, В. С. Нильсена и В. Н. Железнякова).

Под термином «ракурс» целесообразно понимать, в зависимости от ситуации, три «иерархических» уровня репрезентации контекстуальных семиотических связей: связь между мизанкадром и мизансценой (уровень киноизобразительной формы кинематографического знака – кинооператорская деятельность); связь между киноизображением, действием и смыслом, образом (уровень кинематографического знака – кинорежиссерская деятельность); связь между субъектом и объектом познания, интерпретации (общесемиотический уровень).

Ракурс киноизобразительный (кинооператорский) целесообразно понимать в единстве линейно-тональной (а не только линейной) организации художественного пространства, а также в единстве пространственно-временной (а не только пространственной) организации киноизображения.

Метафорическая природа ракурса как важнейшего художественно-образного приема кинематографа выражается общехудожественным явлением pars pro toto, описанным С. М. Эйзенштейном, органично вписывающемся в общесемиотическую модель знака. В контексте кинопроизводства киносемиозис может быть представлен как отношения: «объект – художественный образ – действие – киноизображение», где ракурс есть контекстуально обусловленная (в рамках pars pro toto) связь между каждыми двумя последующими знаковыми элементами киносемиозиса.

Таким образом, в кинематографе ракурс (и киноизобразительный, и метафорический) позволяет не только установить аспект (pars pro toto), но тем самым и установить контекст (totum pro parte) в организации киноизобразительного пространства-времени кинооператором в рамках создания художественного образа.

Библиографический список

1. Авдеенко, И. А. Символ и метафора [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 3 (21): в 2-ч ч. Ч. II. – Тамбов : Грамота, 2013. – С. 16-18.

2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс [Текст] // Теория метафоры : сб. статей / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5-32.

3. Блэк, М. Метафора [Текст] : теория метафоры. сб. статей / М. Блэк, под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153-172.

4. Вёльфлин, Г. Основные понятия истории искусств: Проблема эволюции стиля в новом искусстве [Текст] / Г. Вёльфлин, пер. с нем. А. А. Франковского, вступит. Статья Р. Пельше. – М. : В. Шевчук, 2009. – 344 с.

5. Габричевский, А. Г. Морфология искусства [Текст] / А. Г. Габричевский. – М. : Издательство АГРАФ, 2002.

6. Головня, А. Д. Мастерство кинооператора [Текст] / А. Д. Головня, под ред. И. Н. Владимирцевой. – М. : Искусство, 1965. – 240 с.

7. Долинин, Д. А. Киноизображение для чайников [Текст] / Д. А. Долинин. – СПб. : Издание автора, 2009.

8. Железняков, В. Н. Анатомия зрительного образа [Текст] / В. Н. Железняков. – М. : Союз Кинематографистов РФ, 2012. – 114 с.

9. Железняков, В. Н. Cinematographer. Человек с фабрики грёз [Текст] / В. Н. Железняков. – М. : Пробел-2000, 2004. – 200 с.

10. Желябужский, Ю. А. Изобразительная композиция фильма [Текст] / Ю. А. Желябужский. – М. : Искусство, 1960. – 80 с.

11. Злотникова, Т. С. Там, за нигде, за его пределом (попытка диалога с философами) [Текст] // Философия и культура, 2016 – № 4 (100) / Т. С. Злотникова. – М. : ООО «НБ-Медиа», 2016. – С. 603-611.

12. Кантор, А. М. Предмет и среда в живописи [Текст] / А. М. Кантор. – М. : Советский художник, 1981.

13. Код [Текст] : Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов, авт. А. Р. Усманова. – Мн. : Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.

14. Коробко, Р. В. О пограничности профессиональной культуры кинооператора (на примере творчества Витторио Стораро) [Текст] // Ярославский педагогический вестник, 2018. – № 3 / Р. В. Коробко. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – С. 359-366.

15. Медынский, С. Е. Мастерство оператора-документалиста [Текст] / С. Е. Медынский. – М. : «Издательство 625», 2004. – 144 с.

16. Михалкович, В. И. Андрей Тарковский [Текст] // Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Искусство», № 4 / В. И. Михалкович, ред. Л. Ю. Ильина. – М. : Здание, 1989. – 56 с.

17. Нильсен, В. С. Изобразительное построение фильма [Текст] / В. С. Нильсен. – М. : Кинофтоиздат, 1936. – 225 с.

18. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения [Текст] / Ч. С. Пирс. – М. : Логос, 2000. – 412 с.

19. Ромм, М. И. Беседы о кино и кинорежиссуре [Текст] / М. И. Ромм, ред. К. Э. Разлогов, А. П. Николаева-Чинарова, Д. Л. Караваев. – М. : Академический проект; Культура, 2016. – 480 с.

20. Смекалов, И. В. Живописность и графичность как два способа построения художественного пространства [Текст] // Вестник ОГУ № 76. – Октябрь'2007 / И. В. Смекалов. – Ор. : ОГУ, 2007. – С. 248-252.

21. Тарковский, А. А. Запечатленное время [Электронный ресурс] / А. А. Тарковский. – Режим доступа: http://tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/Statia1967.1.html

22. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы [Текст] / под ред. В. А. Бажанова, Р. В. Шольца. – М. : Изд. дом «Навигатор», 2015. – 564 с.

23. Флоренский, П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии [Текст] / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 2000.

24. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

25. Эйзенштейн, С. М. Избранные произведения в 6-ти томах [Текст] / С. М. Эйзенштейн, гл. ред. С. М. Юткевич. – М. : Искусство, 1964-1971.

26. Эйзенштейн, С. М. Метод [Текст] : Т. 2. Тайны мастеров / С. М. Эйзенштейн, сост., авт. пред. и комм.. Н. И. Клейман. – М. : Эйзенштейн-центр, Музей кино, 2002.

27. Эйзенштейн, С. М. Психологические вопросы искусства [Текст] / С. М. Эйзенштейн, ред.-состав. д. фил. наук Е. Я. Басин. – М. : СМЫСЛ, 2002. – 260 с.

28. Storaro, V. Writing with Light, Color, and the Elements / V. Storaro. – Italy, Milano : Aurea, 2010. – 320 p.

29. Storaro, V., Fisher B. Codelli, L. The art of cinematography / Image composition by V. Storaro, written by B. Fisher, L. Codelli. – Italy, Milano: Skira Editore S.p.A., 2013. – 352 p.

30. Pars pro toto : Definition of Pars Pro Toto by Merriam-Webster. – Режим доступа: https://www.merriam-webster.com/dictionary/pars%20pro%20toto

Reference List

1. Avdeenko, I. A. Simvol i metafora = Symbol and metaphor [Tekst] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of the theory and practice № 3 (21): v 2-ch ch. Ch. II. – Tambov : Gramota, 2013. – S. 16-18.

2. Arutjunova, N. D. Metafora i diskurs = Metaphor and discourse [Tekst] // Teorija metafory : sb. Statej = Theory of a metaphor: collection of articles / pod obshh. red. N. D. Arutjunovoj i M. A. Zhurinskoj. – M. : Progress, 1990. – S. 5-32.

3. Bljek, M. Metafora = Metaphor [Tekst] : teorija metafory. sb. statej / M. Bljek, pod obshh. red. N. D. Arutjunovoj i M. A. Zhurinskoj. – M. : Progress, 1990. – S. 153-172.

4. Vjol'flin, G. Osnovnye ponjatija istorii iskusstv: Problema jevoljucii stilja v novom iskusstve = Basic concepts of art history: A problem of style evolution in new art [Tekst] / G. Vjol'flin, per. s nem. A. A. Frankovskogo, vstupit. Stat'ja R. Pel'she. – M. : V. Shevchuk, 2009. – 344 s.

5. Gabrichevskij, A. G. Morfologija iskusstva = Art

morphology [Tekst] / A. G. Gabrichevskij. – M. : Izdatel'stvo AGRAF, 2002.

6. Golovnja, A. D. Masterstvo kinooperatora = Skill of the cameraman [Tekst] / A. D. Golovnja, pod red. I. N. Vladimircevoj. – M. : Iskusstvo, 1965. – 240 s.

7. Dolinin, D. A. Kinoizobrazhenie dlja chajnikov = The film image for beginners [Tekst] / D. A. Dolinin. – SPb. : Izdanie avtora, 2009.

8. Zheleznjakov, V. N. Anatomija zritel'nogo obraza = Vision anatomy [Tekst] / V. N. Zheleznjakov. – M. : Sojuz Kinematorafistov RF, 2012. – 114 s.

9. Zheleznjakov, V. N. Cinematographer. Chelovek s fabriki grjoz = Cinematographer. The person from the factory of dreams [Tekst] / V. N. Zheleznjakov. – M. : Probel-2000, 2004. – 200 s.

10. Zheljabuzhskij, Ju. A. Izobrazitel'naja kompozicija fil'ma = Graphic composition of the movie [Tekst] / Ju. A. Zheljabuzhskij. – M. : Iskusstvo, 1960. – 80 s.

11. Zlotnikova, T. S. Tam, za nigde, za ego predelom (popytka dialoga s filosofami) = There, for anywhere, beyond its limit (attempt of dialogue with philosophers) [Tekst] // Filosofija i kul'tura = Filosofiya i kultura, 2016. – № 4 (100) / T. S. Zlotnikova. – M. : OOO «NB-Media», 2016. – S. 603-611.

12. Kantor, A. M. Predmet i sreda v zhivopisi = Subject and environment in painting [Tekst] / A. M. Kantor. – M. : Sovetskij hudozhnik, 1981.

13. Kod [Tekst] : Novejshij filosofskij slovar' = The latest philosophical dictionary / sost. A. A. Gricanov, avt. A. R. Usmanova. – Mn. : Izd. V. M. Skakun, 1998. – 896 s.

14. Korobko, R. V. O pogranichnosti professional'noj kul'tury kinooperatora (na primere tvorchestva Vittorio Storaro) = About frontier of professional culture of the cameraman (on the example of Vittorio Storaro's creativity) [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2018. – № 3 / R. V. Korobko. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – S. 359-366.

15. Medynskij, S. E. Masterstvo operatora-dokumentalista = Skill of the documentary cameraman [Tekst] / C. E. Medynskij. – M. : «Izdatel'stvo 625», 2004. – 144 c.

16. Mihalkovich, V. I. Andrej Tarkovskij = Andrey Tarkovsky [Tekst] // Novoe v zhizni, nauke, tehnike = New in life, science, technology.Ser. «Iskusstvo», № 4 / V. I. Mihalkovich, red. L. Ju. Il'ina. – M. : Zdanie, 1989. – 56 s.

17. Nil'sen, V. S. Izobrazitel'noe postroenie fil'ma = Graphic structure of the movie [Tekst] / V. S. Nil'sen. – M. : Kinoftoizdat, 1936. – 225 s.

18. Pirc, Ch. S. Izbrannye filosofskie proizvedenija = Selected philosophical works [Tekst] / Ch. S. Pirs. – M. : Logos, 2000. – 412 s.

19. Romm, M. I. Besedy o kino i kinorezhissure = Conversations about cinema and film direction [Tekst] / M. I. Romm, red. K. Je. Razlogov, A. P. Nikolaeva-Chinarova, D. L. Karavaev. – M. : Akademicheskij proekt; Kul'tura, 2016. – 480 s.

20. Smekalov, I. V. Zhivopisnost' i grafichnost' kak dva sposoba postroenija hudozhestvennogo prostranstva = Picturesqueness and graphics as two ways for making art space [Tekst] // Vestnik OGU = Bulletin of OSU, № 76/Oktjabr''2007 / I. V. Smekalov. – Or. : OGU, 2007. – S. 248-252.

21. Tarkovskij, A. A. Zapechatlennoe vremja = The imprinted time [Jelektronnyj resurs] / A. A. Tarkovskij. – Rezhim dostupa: http://tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/Statia1967.1.html

22. Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy = Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects [Tekst] / pod red. V. A. Bazhanova, R. V. Shol'ca. – M. : Izd. dom «Navigator», 2015. – 564 s.

23. Florenskij, P. A. Stat'i i issledovanija po istorii i filosofii iskusstva i arheologii = Articles and researches on history and philosophy of art and archeology [Tekst] / P. A. Florenskij. – M. : Mysl', 2000.

24. Shmid, V. Narratologija = Narratology [Tekst] / V. Shmid. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.

25. Jejzenshtejn, S. M. Izbrannye proizvedenija v 6-ti tomah = The selected works in 6 volumes [Tekst] / S. M. Jejzenshtejn, gl. red. S. M. Jutkevich. – M. : Iskusstvo, 1964-1971.

26. Jejzenshtejn, S. M. Metod = Method [Tekst] : T. 2. Tajny masterov / S. M. Jejzenshtejn, sost., avt. pred. i komm.. N. I. Klejman. – M. : Jejzenshtejn-centr, Muzej kino, 2002.

27. Jejzenshtejn, S. M. Psihologicheskie voprosy iskusstva = Psychological questions of art [Tekst] / S. M. Jejzenshtejn, red.-sostav. d. fil. nauk E. Ja. Basin. – M. : SMYSL, 2002. – 260 c.

28. Storaro, V. Writing with Light, Color, and the Elements / V. Storaro. – Italy, Milano : Aurea, 2010. – 320 p.

29. Storaro, V., Fisher B. Codelli, L. The art of cinematography / Image composition by V. Storaro, written by B. Fisher, L. Codelli. – Italy, Milano: Skira Editore S.p.A., 2013. – 352 p.

30. Pars pro toto : Definition of Pars Pro Toto by Merriam-Webster. – Rezhim dostupa: https://www.merriam-webster.com/dictionary/pars%20pro%20toto

Дата поступления статьи в редакцию: 14.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

Исторические аспекты культурных процессов

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10328

УДК 008

Ming-Hui Huang https://orcid.org/0000-0001-8194-5492

A Cross-Reference Approach to Conceptualising the Russian Holy Fool

Financially supported by self-determined research funds of CCNU
concerning the fundamental research and operation executed by colleges of MOE

An interest in the holy fool, linking the mysterious exuberance of the pagan priest or shaman, is an example of presenting a dynamic conception which can be regarded as being endemic to the experience of ethnic and cultural integration in the Russian Empire. By being ambiguous, the status of the holy fool and shaman affords to adopt a variety of faces. The mystery of the holy fool and shaman has been recognised and mentioned not only by the religious authority, but also by various scientific movements which were inspired to characterise their abnormal symptoms. Although the tantalising hints of shamanism and its relation to the Russian holy fool were insufficiently given in different areas of interest. The idea of discovering the phenomenon of holy foolishness from cross-reference approach will, however, allow us to examine theories about the interplay of social-environmental factors upon the uncommon disorder.

Keywords: Holy Fool, Siberian Shaman, Avvakum, Stranniki, Abnormality.

Historical aspects of cultural processes

Мин-Хуэй Хуан

После встречи с иными: сопоставительный подход к осмыслению русского юродивого

Интерес к юродству, учитывая мистическое рвение языческого жреца или шамана, является примером динамической концепции, которая может расцениваться как эндемическая в отношении опыта этнической и культурной интеграции в Российской империи. Будучи неоднозначным, статус юродивого и шамана позволяет принимать множество лиц. Тайна юродивого и шамана была признана и рассматривалась не только представителями церкви, но также и различными научными движениями, которые давали различные характеристики их необычным/анормальным признакам. Хотя в различных областях уже отмечалась связь шаманства и его отношения к русскому юродивому, идея раскрыть явление святой глупости с позиций сопоставительного подхода позволит изучить теории о взаимодействии социальных факторов окружающей среды и необычного заболевания.

Ключевые слова: юродивый, сибирский шаман, Аввакум, странники, юродство.

The holy fool (*iurodivyi*) is a label created to identify a man or a woman (*iurodivaia*) who represents an emblem of God's incarnation in the Orthodox hagiographic tradition and often comes to be regarded as an obscure figure in Russian culture. The phenomenon of holy foolishness (*iurodstvo*) is a term used to describe a circumstance in which art, literature, philosophy, sociology and other disciplines are involved in a discourse upon life surrounded and influenced by the stories or legends of the holy fool. Ever since they first appeared in ancient Russia, holy fools have occupied a privileged position in the context of religion, but also have had to contend with discrimination and marginalization because of their unusual position. For those orthodox advice-seekers, the eccentricity of the holy fool is related to mysterious genius, whereas abnormal behaviours as well as tattered clothing evoke fear amongst the people of the Russian peasantry and aristocracy who either displease or distrust the influence of the holy fool.

Against the background of the Orthodox canons or of the Western civilisation, the behaviour of the holy fool is taken as either exceptional or abnormal. According to Erving Goffman, all kinds of stigma terms appear only in the corresponding relationship. The stigma reveals itself with a given meaning only when it is placed in a relative position to an anticipated normal category [1, p. 15-16]. Hence, it is suggested in this paper that the abnormality of the holy fool is hardly a matter of disturbance if we treat it as a natural figure and place it amongst the people of various religions and ethnicities in Siberian Russia. Following on from the theories that have emerged in the discussion on the challenge of making a distinction between the normal and the pathological in the social context, I continue showing the condition in which the Russian holy fool

© Ming-Hui Huang, 2019

as a model provides the case to either perpetuate or subvert the rules.

Defining the Holy Fool

There are methodological limitations in beginning with dictionary definitions. As described in *Encyclopaedia Britannica*, the holy fool is a form of radical Christianity that manifests itself under the mask of foolishness, yet holds the truth of the gospel, in the disguise of folly [2]. The *Oxford Dictionary* is in general agreement with the definition that the holy fool is 'a person who does not conform to social norms of behaviour.' Whether or not it was considered a deliberate choice, his/her mental disability was regarded as having a compensating divine blessing or inspiration [3].

The *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary* (1904) describes the holy fool as a person who appears to be a mad man *(vid bezumnovo cheloveka*) without being reasonable and does not feel shame of tempting behaviour (s*oblaznitel'nye deistviia*) [4]. The *Explanatory Dictionary of Russian Language* defines the holy fool as a madman (*bezumets*) who is believed to possess the divine gift of prophecy (*proritsanie*), while holy foolishness is used to describe people considered nonsensical (*bessmyslennyi*) or someone displaying preposterous (*nelepyi*) action [5]. It seems that there was a general agreement on the obvious characteristic of 'madness' (*bezumie* or *bezumstvo*) which was attributed to the holy fool. To search the etymology of the holy fool under the canonical Russian definition is, however, not a rewarding attempt in the Great Soviet Encyclopaedia. The index of the great volumes contains not a single entry of *iurodivyi* or *iurodstvo* and is not even mentioned under the subcategory of the word 'Orthodox' (*pravoslavie*) [6]. Hence, one can hardly bridge the meaning of holy foolishness in the pre-revolutionary time with the understanding of the same meaning in the then-contemporary era. Nevertheless, the accustomed definition aligns the holy fool with the phenomenon of holy foolishness, described first in the *vitae* of Byzantine as well as in the vindicatory writing of Russian theologians.

The phenomenon of holy foolishness has its roots in early Christian heritage of Byzantine religious culture. Dipping into the textual illustration of the *vitae* of the Byzantine saints, namely Isidora (4th c.), Alexis the Man of God (4th c.), Simeon of Emesa (7th c.) and Andrew of Constantinople (10th c.), Svitlana Kobets claimed that all are considered fools in Christ who live it as 'an ascetic exploit and [which] explicitly dwell on its practitioners' motivations for undertaking this feat' [7]. Considering the close relationship between the ancient Rus' and Byzantium in terms of religion, the phenomenon of holy foolishness is believed to have been a tradition passed down from Byzantine to Russian culture. This is a general argument that also has been supported by Per-Arne Bodin, who described holy foolishness as an important theme of the post-Soviet Russian culture in his monographs *Language, Canonization and Holy Foolishness: Studies in Post-soviet Russian Culture and the Orthodox Tradition* (2009). A similar return to the fully-fledged hagiographic apparatus was accomplished by the Russian scholar S. A. Ivanov. However, he argued that those Byzantine saints are purely literary fictions of certain timid holy fools, whose hagiographic portrayals were based on real-life characters (for example, St. Paul of Corinth and St. Grigentios) [8, p. 139-173]. Ivanov begins his study on the Russian type with a premise that 'there is almost no evidence of how holy foolery spread beyond Byzantium's borders' [8, p. 244]. Hence, it should be accentuated that in Byzantium the spread of holy foolishness was limited. Although many scholars and theologians regard the Russian and the Byzantine paradigms of the holy fool as interchangeable [9]; [7, p. 368], Russian holy foolishness is somehow considered different from its Byzantine equivalent.

The Russian tradition of holy foolishness has its hybrid features. It includes figures such as monks or nuns (Mikhail Klopskii, Pelagia Serebrenikova), laymen (Vasily Blazhennyi), ascetics (Isaakii Pechernik of Kiev) and others (Prokopii of Ustiug) [10]. They are often the spiritual authority in the peasant village of the ancient Rus'. Although they were believed to be endowed with the wisdom necessary for the Russian Empire, it should be noted that there are elements of mystification in the social conduct of the holy fool. The record of their lives first appeared in the eleventh century and continued through to succeeding periods as diverse representations and traits to suit the needs of the ruling reign. In the sacred writings and saints' *Lives*, it was recorded that holy fools wore tatty and dirty clothes and were draped with heavy ironware, for example, chains or crosses over the back or around the waist. They were immune to the heat or cold and indecent in conduct and speech. They hurled a torrent of abuse, combined sometimes with cautionary predictions uttered in incoherent fragments, at the bustling crowds in neighbouring streets or in the marketplace [11]. Therefore, the holy fool was condemned at one point and condoned at another by the public.

Holy Fool and Shaman: A Comparison

The phenomenon of holy foolishness has been the subject of numerous academic monographs [12]. Moreover, it has come to my notice that scholars have generally studied the Russian holy fool by turning to the origin and the subsequent development of the Byzantine (Orthodox) hagiographic culture [13, p. 316-343]. To suggest however that the holy fool was a typical figure only in Byzantine context is an oversimplification of the issue. In studying the phenomenon of holy foolishness, one needs not be limited by the concepts and models of the Orthodox Church, but may approach it from a variety of perspectives. Turning now to what may be considered 'alien' evidence

and focusing on a particular personality, it should be mentioned that Ewa M. Thompson was one of the first to openly question the epistemological ground of the holy fool, thereby to draw attention to the subject and its relation to Eastern pagan beliefs. Her monograph, *Understanding Russia: The Holy Fool in Russian Culture* (1987) signalled a major shift in the focus of studies in this area. Thompson attempted to treat the holy fool of the Russian origin as if it was a socially constructed model, a viewpoint from which her cultural and sociological discussion of the Russian Orthodox reforms began. Throughout her book, Thompson engaged in a discussion of holy foolishness by looking into religious diversity, eccentric behaviour, political inclination and even contemporary intellectual life and literary characteristics. The holy fool is a specific cultural and social phenomenon in the Russian civil society. Thompson held the general position that the holy fool could be traced back to the tradition of the hagiological veneration in eastern Christianity and proposed an alternative viewpoint for a debate.

According to Thompson, the Russian anthropologist Dmitrii Zelenin (1878-1954) was the first to suggest the conceivable existence of a link between the paranormal nervous state and shamanism on the one hand and holy foolishness on the other [14, p. 110-112]. The image of the holy fool resembles a character from an oriental folk religion, particularly that of the shaman. Holy fools with shamanic features were legalized by the state religion, the Russian Orthodox Church and the method of which was to explain the figure as a sacred type of the eastern Christianity. In viewing a fusion of the shaman and the Christian, holy fools are found to be identified in folk literature as saints who were regarded as healers or warlocks by profession. A shaman, which in origin is a Tungus word referring to a healer, exorcist and fortune-teller, is defined in terms of the services he or she provided; in terms of the ritual tools, such as amulets, charms and incantations, they employed. The shamans performed their great power by establishing contact with spirits and by controlling them through the projection of their souls and flying into the spirit world [15, p. 51-52]. Based on Thompson's analysis, it was in the trance-inducing dance and intonation of words where one could point to forms of behaviour in which shamans engaged and holy fools re-enacted [14, p. 109].

The evidence that Thompson used to support her arguments is found in nineteenth-century Russian journals and other publications as well as archives in the field of religion, medicine and anthropology. Her ultimate aim was to prove that the cultural phenomenon of holy foolishness was the most complete and vital demonstration in folk tradition and in the Orthodox religion of the dual belief in the Russian people's mind. The holy fool had a strong religious implication, but his/her relation to the Orthodox Church was unstable and ambiguous. Thompson interpreted the emergence and existence of the Russian holy fool as an indication of the strong influence of the folk tradition which was more pervasive than the Orthodox Church. The vague and lukewarm relationship between the Orthodox Church and the holy fool failed to stop the prevalence of the tradition of the holy fool, or to prevent it from becoming the main theme in the sacred stories of the Orthodox hagiology. On the contrary, the ordinary fool in the Russian folklore was ironically adopted to strengthen the claim of the legal status of the holy fool in the Orthodox history [14, p. 95-96].

Clearly, Thompson intended to identify the holy fool, in no uncertain terms, with the shaman. Scholarly reviews praise Thompson's contention for her fascination [16]. However, it is only reasonable to assume that the Siberian shaman exerted an influence on the holy fool. The tantalising hints of shamanism and its relation to the Russian holy fool were insufficiently given in different areas of interest. But the idea of discovering the phenomenon of holy foolishness from various perspectives will, however, allow us to examine theories about the interplay of biological and social-environmental factors upon the uncommon disorder. The emphasis should be placed on the formation of one's experience of a cross-cultural environment which involves literary representations of shamanism. Official discourse implicitly played an important part in setting both scenes as described afterwards, but it functioned as a backdrop for the main action, which took place during the Siberian exile or on royal stage. In tackling the image of and approach to shamanism for a discussion of an encounter with different others, the following cases possibly demonstrate the processes of adaptation and manipulation that were employed in a protracted struggle for presence and influence of every seemingly abnormal individual. While a number of figures bearing stigma of unfading mystery continued to captivate audience and generate diverse and animated responses, the shaman had been rendered prominent on an expedition to Siberia.

In Tsarist Russia, the shaman stood out as a figure whose manner and performance adhered to either a personal need for healing or to demands of the imperial policy on non-Russian natives. In my subsequent analysis, the shaman is re-evaluated and regarded as a distinctive individual in a discussion of a paradoxical ideology rather than an inhibited practitioner of a primitive religion. The presence of a shaman in the current context is by no means a typical religious cult but functions as an exemplar of indicating a dilemma about categorisation that is common upon first encounter with others. Religion provided a means for the Siberian natives to come to terms with their sufferings. Physical pain and mental discomfort had to be cured by the pagan priests, combining the practice of medicine and magic. The perplexity and fear of death and the unknown could only be dispelled by carrying out a ceremony that put men's faith in natural spirits. Hence, for

us to associate shamanism with preliminary discussion on meeting with those non-conventional Siberian 'others' of the imperial Russia was a useful strategy through which the living style of a religious person or group could be explained and comprehended.

Shamanism is one of the religious forms which provoke acrimonious debate on practices of divination or deceptiveness. For instance, it was in her field research and ethnographic study on old court records, N. A. Nikitina argued that Russian sorcerers were shamans in the era of paganism. Under the pressure of Christianity in the seventeenth century, they became in service to the dark forces and achieved their trance states by drinking alcohol [17**]**. It also seems evident in Dianne E. Farrell's discussion of woodcuts (*lubki*) of Baba Iaga folktales from the end of the seventeenth and early eighteenth century that the creature Baba Iaga was fighting against was either a shaman of the Finno-Ugric people of northern Russia or a Russian sorcerer who was trained in his calling by a shaman [18]. Given the clues provided in the *lubki* of Baba Iaga, the use of drum and rattles or masks is important in shamanism, rather than in the practice of east Slavic sorcerers. The divergences of critical opinion were a commonplace of the process of selection between disciplines applied to define and categorise. The polemics surrounding this ancient religion would frequently expand to take in much broader issue of its obscured tradition and psychological experience which were also questions that made the holy fool in the Orthodox Church attractive.

In addition to the primitive Slavonic pagan customs, the introduction of shamanic ritual into Russia by means of commodity, trade or intermarriage with neighbouring Turks and Finns promoted an alien fool culture to social and religious concerns. Thompson examined the typical appearance of the holy fool, such as the style of dress, accessories (especially the preference for iron chains), nakedness or coverings with animal fur and blood and finally the conduct of transient ecstasy to support her theory. Her theory indicated that the holy fool was the key factor in smoothing the conflict that may have been created between Shamanism and Christian religions and thus demonstrated a peculiar type of religious devotion amongst the Russian people [14, p. 123]. However, the comparison that Thompson adopted for her analysis is still not clear to us whether or not the holy fool performed like a shaman in trance states. It is also not certain whether holy foolishness is a model of evolution (from the Byzantine culture) or an outcome of emulating another religious cult (of Shamanism). But regardless of how it has been called, entitled, labelled and compared to, the holy fool is valid for a topic of various debates that were expressed as a struggle for the definition of many parameters, between which strangeness was theorised for social control and comprehension of differences.

Boundaries define territory where people build up their prejudice against the meaning and the approach of non-traditional or uncommon origins. Everything that is included is the product of historical events, social forces and ideology. The following discussion demonstrates that the boundaries, which often have a vicious distinction and vulnerable separation from one another, may be obliterated by individuals and societies to ward off contradictions and conflicts from both within and without. Both cases present a scene where figures of different cultural backgrounds and social groups are juxtaposed in one setting of either a real life or an artistic production. There may be a feeling of shock, unease or amusement upon an encounter with strange figures or events. But a certain concession of recording, interpreting, producing and understanding shamanism resulted from the social condition and political compromise generates space for reconsideration of what difference really means. As an experience of cultural encounter evoking visual impact on the change in one's perception of abnormality, the reason why we give special emphasis to shamanism is not simply because Thompson has argued the concrete influence of shamanism on the tradition of holy foolishness. The hypothesis of associating the holy fool with the shaman is insufficient, yet such an idea inspires us to make a reflexive turn for better understanding the non-conventional others. Although the Siberian setting brings the holy fool apart from the depictions in the Orthodox tradition, our comparative analysis is elevated to a broader discussion on symbiosis reflecting the mechanism of interaction between different cultural identities in one nation state. The shaman, as an exotic figure, suitably functions as a thread for further research on questions of distinction and definition.

Avvakum and Shaman

No survey, however brief, of the holy fool would be complete without mention of the archpriest Avvakum (1620?–1682) who was taken to be one of the most famous instances when talking about the holy fool in the political sphere [8, p. 335]. Avvakum, a prominent leader who performed the resistance to the reforms introduced by Patriarch Nikon in the seventeenth century, was regarded as the first Old Believer. In the section of a discussion of the «Holy Foolishness as Social Protest» (*Iurodstvo kak obshchestvennyi protest*), Panchenko mentioned the holy-foolish behaviour of Avvakum during his interrogation by the church authorities [19, s. 126-128]. In the second half of the seventeenth century, the Old Believers and their circle had shown an interest in exploiting the image of the holy fool for their own purpose. Avvakum's autobiographical vita, accomplished by himself between 1669 and 1672 and which, according to the textological studies of N. S. Demkova [20, p. 30-31] was edited in three separate volumes in 1672, 1673 and 1675, detailed and revealed his everyday comportment and reports of miraculous cures. A special attention will be given to an

occasion when Avvakum and his family were in the Siberian exile by Nikon's order between 1653 and 1664.

Avvakum was in Tobol'sk, the administrative centre for Siberia and then taken on to the east to reach the Lena river. On this long journey they stopped over in Yeniseisk, visited the western regions of Dauria, crossed the Samanskii Rapids near Angara River and then settled with Afanasii Pashkov's troop (d. 1664), a military commander in the service of the tsar for collecting tribute and discovering arable lands, valuable metals and new routes into China. During his plight in this remote area, Avvakum tells us that three or four lunatics (*beshannye*) were brought into his place. Once by chance, he encountered two widows, Maria and Sofia, who were house servants of Pashkov. Avvakum saw them as if they possessed 'an unclean spirit.' It was the devil who made the women 'beat themselves and scream' [20, p. 65]. To our surprise, it was not uncommon that the peasant wizard and the sorcerer were ever mentioned in the conversation between Avvakum and whoever he came across during his exile.

Another shamanic ceremony was witnessed and described by Avvakum. For the ambition of expanding the territory or consolidating Russian control, Pashkov ordered his son Eremei, to enter into the Mongolian land of the living. The expeditionary force included Cossacks and several natives of Siberia. Before they departed, Pashkov 'made a native Shamanise (*shamanit'*)' in order to tell the fortune for the mission. The native, assigned to perform shamanic ritual, was regarded as a peasant sorcerer in Avvakum's eyes. To his astonishment, Avvakum wrote,

And that evening this peasant sorcerer brought out a live ram close to my shelter and started conjuring over it, twisting it this way and that, and he twisted its head off and tossed it aside. Then he started galloping around and dancing and summoning devils, and after considerable shouting he slammed himself against the ground and foam ran out of his mouth. The devils were crushing him, but he asked them, «Will the expedition be successful?" And the devils said, «You will come back with a great victory and with much wealth." The leaders were happy and rejoicing. All the people were saying, «We'll come back rich!» [20, p. 71]

Avvakum's remark on the shaman, likely the first such description on record, was accurately substantiated by the later descriptions of the Siberian shamans who exercised their power as priests, healers and prophets.

Avvakum's testimony is crucial because it demonstrates and reinforces some points. Noticeably, the shamanised native is not equivalent to those women who were *klikushi* – the women suffered from 'a nervous disorder' which caused hysterical seizures, screams and convulsions. The madwomen could be cured and 'become whole in body and mind', whereas the shaman was beyond treatment. However, acts of both events were regarded as devilish. Paradoxically, all these descriptions were made by Avvakum, who either regarded himself as a saint when writing his own *vita*; or as a political holy fool while relating to Old Believers during the church schism. Nonetheless, it is evident that Avvakum met with shaman and knew about it in the same way as we understand it today. It is obvious in Avvakum's *Life* that unusual cases of possession could be healed by extraordinary exorcism or intercession. Naming Avvakum a holy fool and the native shaman is only a mechanical reaction whenever the dramatised scene recurs. Any potential imitation existing between them is not my concern. What makes it significant is the space and social condition which mark their coexistence in front of us. It is a momentous occasion when the holy fool and shaman bear a close parallel to each other without engaging into conflicts. One can sense a great tension, yet an ordinary encounter which happens particularly in Russia (Siberia) recurrently.

The Empress and her Comedy of the 'Shaman'

A century later, the shamanic ritual was performed on stage before nobles and startled the audience with its motions and sounds. It was an era when mystical beliefs were distrusted by the sovereign. Such a paradoxical coexistence was an issue for the 'enlightened' monarch. It had to struggle to defend the empire from charges of being uncivilised and backward. As research has discovered, criticism and opposition were depicted in a play, *The Siberian Shaman*, written by Catherine the Great and premiered in 1786 at the Hermitage Theatre.

According to O'Malley, Catherine dramatically and implicitly questioned the forms of Freemasonry, introduced to Russia during the 1730s, along with references to alchemy, theosophy and shamanism in the play *The Siberian Shaman*. In the comedy, Catherine, who played a dual role as the playwright and the Empress, regarded shamanism not only as a symbol of a fool and an impostor, but also as a 'dangerously infectious form of insubordination' of her reign [21]. In principle, the unstable nature of the mystical belief system espoused by the Masons is considered to be anathematic to the Enlightenment sensibilities of the Empress [22, p. 124]. However, in some of the dramatic scenes the person in the trance has the appearance of one undergoing a mystical experience. On this level, Amban-Lai's (name of the shaman) label of being an exotic import from Siberia is less an ethnographic definition than a social allegory which implies the charlatan or deceiver that can be easily found in St. Petersburg. Despite her obvious distaste for the shamanic character, Catherine depicts the shaman not as a fool, but as worldly erudite.

In Catherine's comedy, it is the Bobins' who brought the shaman with them from Siberia to St. Petersburg. Following an explanation of Amban-Lai's

unusual life experience, different characters in the comedy expressed their own views on this Siberian shaman [23]. Sanov says 'many wondrous things are being said about him! … and so he's a good healer (*on lechit' gorazd*)!' Kromov also believes that 'some describe him as a wise man (*iako mudrets*).' [Act I, Scene 4] On the other hand, people like Mavra would say 'He feigns a great deal … a great deal … (*mnogo pritvoriaetcia*).' Prokofii continues to state that 'an illness comes over him … In fact, we would say … it's madness (*sumasshestvie*).' Nevertheless, Bragin has confidence in saying 'but I've heard just the opposite – that he is extraordinarily wise (*budto umen neobychaino*).' [Act I, Scene 12]

In the second act of *The Siberian Shaman*, the scene starts with the shaman performing his stage action – atypically without dialogue,

The stage presents the Shaman's chambers in the Bobin house. Lai, dressed in a short caftan or in a dressing gown, is sewing boots; having sewed several, he puts on Shamanic clothes and sits motionless on a chair with a rapt visage; before him or near him stands a table with an open book; several minutes have been past… [Act II, Scene 2]

The scene ends neither with any successive actions of the shaman, nor further dialogue. This abrupt manner leads to the astonishment of Bobin's visiting friends by saying 'What a crazy man (*Sumasshedshii chelovek*)!' (Kromov); 'He almost knocked us down (*Vsekh sshib bylo s nog*).' (Sidor Drobin); 'In many ways, he acts just like village man in hysterics (*na derevenskikh klikush*).' (Judged by Bragin); and 'I am amazed! I don't know what to think.' (Sanov). [Act II, Scene 3] To our surprise, many depicted elements of the trance state are accurate to actual shamanic practice,

Lai enters gravely with a rapt visage, holding a shamanic kettledrum (*litavru shamanskuiu*) in his hands. He strikes in intermittently at first, then quickens his steps and the blows and runs around Sidor Drobin, singing uu uu uu uu, producing a sound like the howling of a storm. […] Lai continues his running around them all, shaking and frightening them, hopping and singing o o o o o o o o, i i i i i i i i i, eh eh eh eh eh eh eh eh, a a a a a a a a a. Then he runs straight up to the chair, where he falls as if unconscious (*budto bez pamiati*). [Act II, Scene 4]

Catherine's depiction of the shaman Amban-Lai indirectly shows her familiarity with ethnographic or anthropological details about real shamanic rituals and practices. In the age of Encyclopaedists, an era in which all knowledge was being catalogued, printed and disseminated, the '*Schamans*' were briefly, but succinctly explained under the Enlightenment perspective,

It's the name that the inhabitants of Siberia give to impostors, who serve the functions of priests, jugglers, sorcerers, and physicians. These shamans claim to have credence over the devil, whom they consult to know the future, to cure the illness, and to play tricks which appear to be supernatural to an ignorant and superstitious people; for this they use tambourines which they hit with force, while dancing and turning with a surprising rapidity; when they have made themselves insane from the strength of the contortions and from fatigue, they claim that the devil manifests himself to them when he is in the mood. Sometimes the ceremony finishes by feigning to pierce themselves with a knife, which intensifies the astonishment and the respect of the foolish spectators. These contortions are ordinarily preceded by the sacrifice of a dog or of a horse, which they eat while drinking a good many brandies and the comedy finishes by giving money to the shaman, who prides himself on his disinterestedness no more than other impostors of the same sort [24].

In the encyclopaedia which was full of trusted points of reference, shamanism presents a connotation that abnormality must be included for the sake of providing information about different subjects and defining what normality is. In any case, it is evident that the shamanic dance continued to perform its irrationality against the background of the Russian 'progressive setting' on stage and in reality.

The above-mentioned stories and stage play are examples which help to understand the value of a mixed-cultural society in the experience of encounter, through the process of comprehension and the approach to representing such an occasion with or without political purposes. By discovering a century-long representation of shamanism in different manuscripts can we see the leap of describing it from a narrative in religious context to a reapplication for political purposes. The process of transformation of knowledge on shamanism provides us with significant sense to the question of holy foolishness. The task before us is not to define the role of the holy fool in the pagan cult of shamanism amongst Siberian natives, neither to relate the shaman to the holy fool. Within this bewildering variety of paranormal acts, a parallel between the shaman and the holy fool can only be singled out as directly relevant to understanding their behaviour of antinomy – pathologised miracle healers. The holy fool's abnormality was treated by some physicians as if it were an 'ordinary mental illness.' Applying the same diagnosis to the shaman's ecstatic trances, S. M. Shirokogorov (1887-1939) the Russian anthropologist, would also state that in so far as the beginning of shamanic practice is concerned, the shamans are subject to an 'intentional psychomental condition' which, when observed in the European complex, cannot be regarded as absolutely normal [25, p. 174, 304-305]. However, both holy fool and shaman are not mentally ill according to the perception of their peoples, or under a different social condition. The above mentioned studies and cases underscore that the phenomenon of holy foolishness

or shamanism never occurred in isolation, but was always embedded in wider systems of thought and practice. Looking for a counterpart of the figure or phenomenon in other cultures can be risky in an atmosphere when the claim for uniqueness is superior to the idea of generality. Nevertheless, a linkage between any two forms of individuals in whatever the context is shows only an approach of better understanding oneself through each other.

Making a 'Strange' Encounter an Extension to Knowledge

Contact is the first step in making the understanding possible. When the idea of internal colonization came to be a fact in the Russian history of the 1800s, the force for the positive transformation and progress was gathered to begin the forward motion. Mobility undoubtedly played an important role in Russian peasant social life. To state concisely, peasants often travelled to nearby villages to visit neighbours or relatives, to attend church ceremonies, or to buy and trade at *volost'* fairs. Furthermore, they occasionally departed for seasonal work (*otkhod*), or went on religious pilgrimages which might cover hundreds or thousands of versts. Various purposes for a 'movement' (*dvizheniia*) during which the peasants had contacts with itinerant traders, troops on manoeuvre, *stranniki*, gypsies and other 'wanderers', undoubtedly facilitated the spread of information and contributed to what peasants knew and thought about the world beyond their own village [26].

Particularly in the state of movement, encounters with *stranniki* were probably more frequent than with holy fools for the Russian peasants. A commonly sensed familiarity towards *strannik* or *strannichestvo* was often indicated by a preliminary impression of a stranger or a foreigner, which connects to the meaning of the Old Church Slavonic word *strannyi*. In bibliolegal terms, the state of wandering (*stranstvovanie*) was gradually distinguished as a goal in its own right. A rich nuance of meaning can be ascribed to *strannik* and *strannichestvo* which are translated as pilgrim and pilgrimage within the concept of the Roman Catholic Church. Unlike the conventional pilgrimage termed *palomnichestvo* in Russian, the subject of *strannichestvo* is more often described as an outsider and foreigner. In this sense, the implicit idea in the language describing these eschatological types of piety and devotion was and is the notion of the 'other.' Definitions of the word *strannik* proved to be certain types of terminology whose vernacular helps us to understand values and social attitudes of the past. Pål Kolstø, in an article on Tolstoy and his relation to the *Strannik* tradition in the Russian culture, listed a more widespread adoption of the Russian *strannik* as a symbolic way of thinking and acting. In reviewing what it was to be a *strannichestvo*, it has been suggested that Grigorii Trubetskoi provided a much more comprehensive exclusion of the *strannik* than the earlier one based on a particular schema (such as a deviant or oddity in society). He said,

«*Strannichestvo»* – this is a form of folk-religiosity especially characteristic of the Russians. In religion, the Russian feels more of a *strannik* than a settled dweller on this earth. He cares little for the externalities that earthly realities have to offer. For him, this world is one of evil and tribulation. He searches for God's Truth (*Pravda*), through prayer, asceticism, and renunciation [27].

Nevertheless, Nikolai Berdiaev also aroused particular interest from 'spiritual *stranniki*' who embody the characteristic of the unique phenomenon of *strannichestvo* in Russia [28, s. 199]. These may offer a better approach forward than concern directed at stigmatised labelling.

The ethnographer S. Maksimov as well recognised a considerable variety amongst Russian *stranniki* by categorising them according to their willingness or unwillingness to wander around [29, s. 271-285]. Judging from Maksimov's estimation of the pilgrimages travelling to the Monastery of the Caves in Kiev in the 1860s, *strannichestvo* seemed to be a mass movement in the nineteenth century Russia. Therefore, the situation of wandering was not so much a matter of public concern for a certain period of time. Only when the *stranniki* were not in the position for long enough to be within the vision of the state and Church authorities, was their disordered behaviour thus concerned. Just as the German church historian Hans-Dieter Döpmann has indicated that '*stranniki* were seen as an untidy, undesirable and disturbing element who, with their restless behaviour and freedom from worldly cares and responsibilities, called into question the existing structures of society' [30, p. 167].

Accepting strange behaviours as a part of social characters in terms of religious experience, Russian peasants are experienced at adjusting themselves whenever the encounter happened. In the early Muscovite period, it was evident from the Russian chronicle as well as from other foreign scribes that with the advent of Christianity an image of the non-Christian 'other' was constructed along with the expanding frontier [31, p. 9-26]. In the north-western sector of the Mongol Empire, the Khans of the Golden Horde (1219-1502, also known as the *Ulus of Jochi* or the *Kipchak Khanate*) ambitiously spread out their forces in sequence, conquered Rus' and constructed a military fortress of the empire, the capital Sarai (Astrakhan in Russia today) by the Volga river. Between the thirteenth and fourteenth centuries, the Prince or Grand Duke of Rus', who arrived in Sarai to express political allegiance or a request for commercial trades, was seemingly able to have contacts with the envoy of the Roman Pope or Egyptian and Persian merchants [32, p. 77-93, 122-134]. Yet another historical event recorded in the *Complete Collection of Russian Chronicles* (*Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei*), was when

Prince Michael of Chernigov (1185-1246) travelled to the Golden Horde of Batu Khan (ca.1205-1255) to receive the patent (*yarlik*), which was an official confirmation of his right to rule his domain [33, p. 147-151]. He was unwilling to follow the Mongolian custom ordered by the Khan, that one has to pass through a row of fires and stone idols for the ritual of purification. In the end, he suffered martyrdom with bitter joy [34].

Considering the early relationship between ancient Rus' and Far Eastern Asia, a Soviet scholar M. I. Sladkovsky mentioned in his book, *The Russian history of the commercial and economical relationship with China (until 1917)* (1974), that the first occasion for the Russians and the Chinese to meet each other was possibly at the time during the Mongolian governance. According to his explanation and with reference to the official records of Yuan dynasty (1271-1368), the Mongols delivered prisoners of war to Beijing, China as frontier guards for the capital. In addition, the royal and official visitors from Rus' to the great camp of the Khan could have learned the hearsay about China and managed to have had contacts with the Chinese who served under the Mongolian Empire. Another example was the stance of the Prince of Novgorod, Alexander Nevsky's (1220-1263) relationship with the Mongols. Alexander visited the capital of the Mongolian Empire, the Karakorum, in 1247 (A. D.) to solicit for political acknowledgement. In 1263 (A. D.) he departed for the Golden Horde for the second time to request for Russia's exemption from being recruited to fight beside the Mongolian army in its wars with other people. Based on Sladkovsky's argument, we have a reasonably accurate idea of how the goods of Chinese silk and brocade made their way into Kievan Rus' through merchants from Central Asia [35]. These oriental products became popular throughout Russian cities in the thirteenth and fourteenth century. Although the tangent contact with these Chinese commodities was irregular for the Russian people, it could be suggested that ancient Rus' had an indefinite understanding of the Chinese people, geography and culture through these commercial acts [36]. Charles J. Halperin, a specialist in early and medieval Russian history, also suggested to readers to look beyond the fact that many Russians were presumably familiar with the Tatar language and the geographic overview of the Golden Horde's lands [37]. The Tatars, an ethnicity of the Russian Empire, as an abstraction were loathed on principle, but to the Russian elite their Tatar counterparts were far from being nameless, faceless enemies. To a certain degree, Russian aristocrats were possibly more acquainted with the higher levels of Mongol society than with the Russian peasantry [38, p.105-106].

In the years of romantic nationalism of the Russian Empire, people of different cultural background were not eligible, because they were not pure Russian in terms of language, faith, kasha and songs. It seems reasonable when N. A. Polevoi talks about Ermak, who said to the Siberians that there was no Russian heart beating in their chests. People of other origins were still being represented in terms of what they were not or what they did not care about, but the negative meaning of certain absence was reversed [39]. As Russia moved towards a modern state, the situation altered the way the peasants met with other people who were of different cultural habitus. In fact, it is not unusual to have those alien elements of Siberia in the capital of the Russian Empire. For instance, the Buryats, who practised shamanism then later Tibetan Buddhism, had frequent contacts with tsarist Russia. At the beginning of the nineteenth century a Russian scientist Rehmann invited a Buryat *lama*, Sultim Tseden, to St. Petersburg for the purpose of introducing Tibetan medicine to the West. In 1899, the thirteenth Dalai Lama's emissary, Agvan Dorzhiev (1854-1938) came to St. Petersburg and was allowed to build a Buddhist temple in the outskirts of the capital. It is reasonable to assume that Dorzhiev was plausible to have an encounter with Nicholas Roerich, as well as other renowned orientalists and some Russian elites such as Sergei Ol'denburg, Fedor Shcherbatskoi and Prince Esper Ukhtomsky [40].

Already at the early stage of the empire, there was an acknowledgement since Muscovite times that cultural difference and policy decisions proved difficult to apprehend. With the conquest of Turkestan in the 1860s and 1870s, an impelling movement behind the administrative system of the tsarist forces over the region intended to invigorate the tsarist regime to reexamine its concepts of non-Russian native. In spite of the Mongolian heritage that was a crucial point for discussion about the Turkestan inhabitants and their belief in Islam, a minor uprising led by a Sufi religious elder also spread hostility towards the Russian colonizers and caused panic amongst Russian officials. It is noticeable that the Governor-General C. Dukhovskoi was forced to reconsider the policy of 'disregard' (*politika ignorirovaniia*) of Islam initiated by K. Kaufman after his arrival in the province after the suppression of the Andijan uprising (1898). Under his leadership, new principles of religious policy were formulated in the region: 1) to deprive the local clergy of the dependence from foreign and Russian centres of Islam; 2) to reduce the impact of Sufism on the spiritual life of the Muslims of Turkestan; 3) to forbid any possible use of the endowment funds for anti-government propaganda and finally 4) to introduce the European origin into the programs of the Muslim schools [41, s. 241-261]. Regardless of how academicians or the government in Russia attempted to establish a programme in oriental languages and cultures of central Asia, a radical shift in attitudes towards the non-Russian natives appeared during the era of aggressive penetration of the East. Images of the peoples from Central Asia, the Kazakh Steppe and the Caucasus appeared frequently during the time when Russia competed with Turkey for control and influence over the region, including the Balkans. As Jeffrey Brooks noted, it was in the 1870s that

images of the non-Russian natives were portrayed with mystery and ambiguity in the magazine of *Niva* or *Budil'nik*, because published media 'resist attempts to fix the meaning and leave wide scope for different responses by different viewers' [42, p. 548-549].

Conclusion

To be sure, the knowledge of others and of their cultural performance which was previously unfamiliar or locally prohibited, continued to develop and accumulate its meaning and usage as appropriate across the vast Russian land. It is worth noting here that when the source of ideological difference has been located within the matrix of productive relationship, the attempts to organise and pattern the divergence upon a cultural phenomenon look very challenging yet stimulating. There is no denying that broad generalisations can serve a useful purpose in the characterisation and conceptualisation of the essence of an overall trend in the cultural evolution of a people and of several nations with close cultural ties. However, any condensed phrase or label can also risk oversimplification or distortion of the complex historical reality they were designed to capture. To remedy this inadequacy and take holy fool as a model for examination, it is believed that the cross-cultural encounter and/or integration could have provided different clues to understanding the process of constructing the value system which defines the abnormal figure in the Russian society.

The Mongols as well as other ethnic groups of northern Asia, for the most part, provided the medium or particular adaptation in the guise of which certain new ideas and forms of life beyond the territory reached the Russian North. Thompson's bold assumptions, based on the historical documents she used for reference, indicated that the Eastern Slavs could long have had the opportunity to see or of being told about the shaman in the state of ecstasy or their supernatural abilities of healing and divination while trading with the Siberian Turkic people. Besides battles, commercial acts also encouraged the occurrence of multicultural contacts. It seems that the lack of sufficient ancient records prevents continuous exploration of the evidence shown that the pagan customs and culture of the Turkics, Scythians, Sogdians and Mongolians, integrated with features of Chinese culture have appeared in the lives of the Slavs. It is not my intention to only demonstrate a series of figures, cases and occasions which may obfuscate the main issue of my research concern. On the contrary, this paper can be seen as the preparation for the future discussion on studies of the non-Russian natives in the late nineteenth century. The non-conventional figures in various religions or of different cultures mentioned above were taken as medium or message carriers whose social roles impressed the followers with an ability to cope with calamities and to overcome difficulties. The mysterious component of the prominent figure is attractive and thus can suitably be taken as a starting point for further inquiries about the decision on making distinction.

Upon encounter, it is unavoidable that one has to take a position. Taking a position means, in a positive way, becoming involved in the mechanisms through which identity (of self and the other) is articulated in encounters with and representations of cultural difference. As encounters happen, there should be no sovereign scientific method or ethical stance applied to guarantee the authenticity of every single identity. Any stereotype of understanding should be considered as a negotiated and continuing process. That is to say, a complex of personality traits is understood as a type of identity pattern which is defined by individuals in their relation to and interaction with others.

Reference list

1. Erving Goffman, Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs. – N J. : Prentice-Hall, 1963. – 147 Pages.

2. «Christianity». (2011). In Encyclopædia Britannica. Режим доступа: http://www.britannica.com/EBchecked/topic/115240/Christianity

3. «Holy fool». (April 2010) Oxford Dictionaries. – Режим доступа: http://oxforddictionaries.com/definition/holy fool

4. «Iurodivye» in Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona, Vol. 81 – St. Petersburg, 1904. – S. 421-422.

5. S. I. Ozhegov and N. Iu. Shvedova Tolkovyi slovar' russkovo iazyka. – Moscow : Rossiiskaia Akagemiia Nauk, 1999. – S. 915.

6. See Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia. – Moscow : OGIZ RSFSR, 1st ed., 1926-1947.

7. Svitlana Kobets «The Russian Paradigm of Jurodstvo and Its Genesis in Novgorod». – Russian Literature, XLVIII (2000). – P. 367-388.

8. Details in chapter five «The 'Second Edition' of Holy Foolery» of S. A. Ivanov's book Holy Fools in Byzantium and Beyond, transl. by Simon Franklin – New York : Oxford University Press, 2006. – 479 Pages.

9. Details about Kobets' quotation of Georgij Fedotov's statement in his book Svjatye Drevnej Rusi (X–XVII st.).

10. For resources on Klopskii, see Horace W. Dewey and Natalie Challis, «Disparate Images of Mikhail Klopskii», Slavic Review, Vol. 42, No. 4 (Winter, 1983) . – P. 649-656.

11. See general understanding of and impression on the holy fool and special characteristics of some renowned holy fools, such as Isaakii, Prokopii, Ustiuzhskii and Vasilii, in Ioann Kovalevskii's Iurodstvo o Khriste i Khrista radi iurodibye vostochnoi i russkoi tserkvi, 3rd edition. – Moscow : Izdanie knigoprodavtsa Alekseia Dmitrievicha Stupina, 1902. – S. 1-14, 106-136, 163-274.

12. Monographs such as Priscilla Hunt and Svitlana Kobets (ed.), Holy Foolishness in Russia: New Perspectives. – Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2011. – 413 Pages.

13. G. P. Fedotov also tried to borrow some Greek hagiographic documents as fundamental principles upon which the Russian holy fool was understood and introduced with the religious sense of his paradoxical behaviour. Details about the text, see Georgii P. Fedotov, The Russian Religious Mind Vol .2, edited by John Meyendorff. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1966. – 440 Pages.

14. Ewa M. Thompson, Understanding Russia: the Holy Fool in Russian Culture. – Lanham, MD: University Press of America, 1987. – 242 Pages.

15. James Forsyth, A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581-1990 – Cambridge; New York : Cambridge University Press, 1992. – 455 Pages.

16. Reviewed by Nancy Shields Kollmann in Slavic Review, Vol. 47, No. 2 (Summer, 1988). – P. 320-321.

17. Linda J. Ivanits, Russian Folk Belief (Armonk, N. Y.; London: M. E. Sharpe, c1989). – P. 86 (257 Pages).

18. Dianne E. Farrell, «Shamanic Elements in Some Early Eighteenth Century Russian Woodcuts», Slavic Review, Vol. 52, No. 4 (Winter, 1993). – P. 725-744.

19. A. M. Panchenko, «Iurodstvo kak obshchestvennyi protest» in Smekh v drevnei Rusi, ed. by D. S. Likhachev, A. M. Panchenko and N. V. Ponyrko. – Leningrad: NAUKA, 1984. – 295 s.

20. Kenneth N. Brostrom, Archpriest Avvakum: The Life Written by Himself. – Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, University of Michigan, 1979. – 278 Pages.

21. Lurana D. O'Malley, «The Monarch and the Mystic: Catherine the Great's Strategy of Audience Enlightenment in the Siberian Shaman», The Slavic and East European Journal, Vol. 41, No. 2 (Summer, 1997). – P. 224-242.

22. Anthony .G. Cross (ed.), Russian Literature in the Age of Catherine the Great: A Collection of Essays (Oxford: Willem A. Meeuws, 1976). – 229 Pages.

23. The following page references in square brackets are translated from the original Russian text via the website. – Режим доступа: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0240oldorfo.shtml

24. Denis Diderot and Jean Lerond d'Alembert, eds. Encyclopédie ou Dictionnaire Raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers, 35 volumes (Stuttgart-Bad Cannstatt: Friedrich Frommann Verlag, 1966 [Paris, 1751-1780]), Vol. 14. – P. 759.

25. S. M. Shirokogoroff, Psychomental Complex of the Tungus. – London : Kegan Paul, Trench, Trubner, 1935. – 469 Pages.

26. Willard Sunderland, «An Empire of Peasants: Empire-Building, interethnic Interaction, and Ethnic Stereotyping in the Rural World of the Russian Empire, 1800-1850s», in Imperial Russia: New Histories for the Empire. – Bloomington : Indiana University Press, 1998. – P. 176 (P. 174-198).

27. Pål Kolstø, «'For Here We Do Not Have an Enduring City': Tolstoy and The Strannik Tradition in Russian Culture», The Russian Review, Vol. 69, Issue 1 (January 2010). – P. 122 (P. 119-134).

28. Nikolai Berdiaev, Russkaia ideia: osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka. – Paris : YMCA-Press, 1971 [1946]. – 258 s.

29. Sergei Maksimov, Brodiachaia Rus' Khrista radi (St. Petersburg: Obshchestvennaia pol'za, bol'shaia pod''iacheskaia, d. No. 39, 1877). – 467 s.

30. Hans-Dieter Döpmann, Die Russische Orthodoxe Kirche in Geschichte und Gegenwart. – Berlin: Union, 1981. – 389 Pages.

31. Brower, Daniel R. and Lazzerini, Edward J. (ed.), Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. – Bloomington: Indiana University Press, 1997. – 339 Pages.

32. David MacKenzie and Michael W. Curran, A History of Russia, the Soviet Union, and Beyond. – Belmont, Calif. : Wadsworth Pub. Co., 6th edition, 2001). – 776 Pages.

33. Janet Martin, Medieval Russia 980-1584 – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 450 Pages.

34. Michael Cherniavsky, «Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory», Journal of the History of Ideas, Vol. 20, No. 4 (Oct. – Dec., 1959) – pp. 465-466.

35. See individual project study in Luce Boulnois, Silk Road: Monks, Warriors & Merchants, transl. by Helen Loveday. – Hong Kong: Odyssey; New York: Norton, 2004. – 575 Pages.

36. Discussed in M. I. Sladkovsky, The Russian History of the commercial and economical relationship with China (until 1917), transl. by Su Feng-Lin宿丰林, (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2008). – 526 Pages.

37. Charles J. Halperin, «Know Thy Enemy: Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde», Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Vol. 30 (1982). – P. 161-175.

38. Charles J. Halperin, Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. – Bloomington: Indiana University Press, 1985. – 180 Pages.

39. N. A. Polevoi, Ermak Timofeich, ili Volga i Sibir' (St. Petersburg, 1845). – S. 110.

40. See individual project study in John Snelling, Buddhism in Russia: The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's emissary to the Tsar (Shaftesbury, Dorset, [U. K.]. – Rockport, Mass.: Element, 1993. – 320 Pages.

41. «Vsepoddaneishii doklad Turkestanskogo general-gubernatora generala ot infanterii Dukhovskogo: Islam v Turkestane» in Musul'manskaia Sredniaia Aziia. Traditsionalizm i XX vek. – Moscow : Institutom Afriki RAN, 2004. – 281 s.

42. Jeffrey Brooks, «The Russian Nation Imagined: The Peoples of Russia as Seen in Popular Imagery, 1860s–1890s», Journal of Social History, Vol. 43, No. 3 (Spring, 2010). – P. 535-557.

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10329

УДК 792(470.25)(091)»1812»

О. В. Розина https://orcid.org/0000-0002-7664-0640

М. Н. Павлова https://orcid.org/0000-0002-7664-0640

Московский Императорский театр накануне и в период французской оккупации 1812 года

В статье исследуется состояние московского Императорского театра накануне и в период Отечественной войны 1812 года. Авторы привлекают разнохарактерные источники: письма, мемуары, труды дореволюционных историков и публицистов. Анализ источников позволил изучить систему управления и общую ситуацию в московском Императорском театре накануне вступления противника в историческую столицу, трудности организации эвакуации театрального имущества и казны дирекции, а также актеров и служащих во Владимир, а затем Кострому. В результате удалось установить, что значительную часть имущества театра не удалось вывести из города, и она была уничтожена в результате грабежей и пожара в период оккупации. Сложной оказалась и судьба актеров и служащих театра: их плановой эвакуации не проводилось, они вынуждены были самостоятельно решать эту проблему, что привело к рассеиванию труппы и потери многих ее участников. Часть актеров была вынуждена остаться в оккупированной Москве, но не участвовала в попытках противника возобновить в ней театральную жизнь. Особое внимание уделяется истории создания Наполеоном «придворного театра» из части французской труппы Императорского театра, как попытки наладить театральную жизнь в захваченном городе с целью подъема морального духа своих офицеров и солдат. В статье анализируется положение оставшихся в Москве французских актеров, а также трудности возрождения московского Императорского театра после окончания Отечественной войны 1812 года. Авторы приходят к выводу о том, что в истории театра в дни войны просматриваются черты цивилизационного конфликта между национальным самосознанием и поведением русских и французов.

Ключевые слова: Императорский театр, Москва, Отечественная война 1812 года, французская оккупация, Наполеон, А. Л. Нарышкин, А. А. Майков, актеры, театральная жизнь, цивилизационный конфликт, национальное самосознание.

O. V. Rozina, M. N. Pavlova

The Moscow Imperial Theater on the Eve and during the French Occupation of 1812

The article examines the state of the Moscow Imperial Theater on the eve and during the Patriotic War of 1812. The authors explored different sources: letters, memoirs, works of pre-revolutionary historians and publicists. It helps to study the management system and the general situation in the Moscow Imperial Theater on the eve of the entry of the enemy into the historical capital, the difficulties of the evacuation of theatrical property and coffers, as well as actors and employees to Vladimir, and then Kostroma. As a result, the part of the property of the theater was not removed from the city and was destroyed after looting and fire during the occupation period. The life of the actors and employees of the theater also was difficult: their planned evacuation was not carried out, they had to solve this problem on their own, which led to the dissipation of the troupe and the loss of many of its participants. Some of the actors were forced to remain in occupied Moscow, but did not participate in the attempts of the enemy to restore theatrical life in it. Particular attention is paid to the history of the creation of a «court theater» by Napoleon from a part of the French troupe of the Imperial Theater, as attempts to organize theatrical life in a captured city with the aim of raising the moral spirit of officers and soldiers. The article analyzes the situation of the French actors remaining in Moscow, as well as the difficulties of reviving of the Moscow Imperial Theater after the end of the Patriotic War of 1812. The authors came to the conclusion that the features of the civilizational conflict between the national self-consciousness and the behavior of the Russians and the French are visible in the history of the theater in the days of the war.

Keywords: the Imperial Theater, Moscow, Patriotic War of 1812, French occupation, Napoleon, A. L. Naryshkin, A. A. Maikov, actors, theatrical life, civilizational conflict, national identity.

Императорский театр в Москве был основан в 1806 году и давал спектакли в арендованном доме Пашкова (угол Моховой и Большой Никитской). Тогда же при нем была организована труппа из французских актеров. В начале 1808 года закончилось строительство собственного деревянного здания этого театра на Арбатской площади (архитектор К. И. Росси). Как писал знаток старой Москвы М. Пыляев, «Арбатский театр был очень красив, весь окружен колоннами, подъезды к нему вели со всех сторон; большое пространство между колонн в виде длинных галерей, соединявшихся вместе, представляло хорошее место для проездов. Внутреннее устройство театра было превосходное» [11]. При театре была открыта театральная школа. В 1808 г. во французскую труппу были включены новые артисты, подобранные режиссером Арманом Домергу. С этого времени труппу возглавила его сестра, директриса французского театра в Касселе Аврора Бюрсе.

© Розина О. В., Павлова М. Н., 2019

Управление московским Императорским театром осуществлялось общей дирекцией, учрежденной еще Екатериной II и находившейся в Санкт-Петербурге. В результате реорганизации системы управления Императорскими театрами в 1783 году вместо Дирекции был создан Комитет по управлению зрелищами и музыкой, в 1786 году преобразованный в Главную дирекцию над зрелищами и музыкой. В 1799-1819 годах директором Главной дирекции был Александр Львович Нарышкин (1760-1826). «Остроумие, любознательность, щедрость, великодушие были главными чертами его характера. Все окружающие любили его и богатели около него», – писал о А. Л. Нарышкине его помощник по формированию репертуара театров Р. М. Зотов [15]. Управляющим московскими театрами с 16 сентября 1810 года был Аполлон Александрович Майков (1761-1838) – поэт, действительный статский советник. Именно на него легли все обязанности по организации эвакуации артистов, театральных реквизитов и кассы дирекции в драматический период оккупации Москвы французским войсками.

Александр I провел новую реформу управления Императорскими театрами, учредив 27 апреля 1812 года Театральный комитет, которые, как и существовавший недолго Комитет по управлению зрелищами и музыкой, стал коллегиальным органом. В новую структуру вошли А. Л. Нарышкин, тайный советник П. С. Молчанов и министр финансов граф Д. А. Гурьев.

Военные действия привели к резкому спаду интереса к театральной жизни в Москве к лету 1812 года. Еще в январе будущий декабрист Н. И. Лорер, приехавший в город из Малороссии и остановившейся в доме дяди по матери князя Д. Е. Цицианова (1747-1835) «застал Москву в веселостях и удовольствиях. Тогда наша старушка не предвидела, что через несколько месяцев будет обращена в пепел... Да и кому могла прийти в голову мысль, что неприятельская армия будет гостить в ее стенах?... А. Л. Нарышкин (обер-камергер) только что приехал в первопрестольную с многочисленною свитою молодых людей. Помню красавицу трагическую актрису mademoiselle George, которая играла и в доме моего дяди. Обеды, балы, вечера не прекращались» [5, с. 38-39].

Однако уже в июне дворяне перестали посещать спектакли, и среди зрителей осталось только купечество. Стал меняться и театральный репертуар, причем, на его изменение влияло не столько социальное положение зрителей, сколько ситуация на фронте. Так, историк XIX века С. М. Любецкий приводит такой пример: 30 июля пьеса «Модная лавка», в которой высмеивались французы, была заменена на пользующуюся большой популярностью у зрителей оперу «Старинные святки» о жизни москвичей. Ведущую партию в опере исполняла знаменитая драматическая актриса и певица Елизавета Семеновна Сандунова (1772/76-1826) [см.: 6, с. 283]. Дело в том, что 15 июля под командованием генерала А. П. Тормасова была одержана первая крупная победа русских в сражении при Кобрине. А 19 июля русские под командованием генерала П. Х. Витгенштейна разбили французские войска под Клястицами, что остановило продвижение врага на Санкт-Петербург. Эти известия пришли в Москву как раз перед 30 июля.

Фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны Мария Аполлоновна Волкова писала своей подруге Варваре Ивановне Ланской, что «с первых чисел июня, то есть со времени объявления войны у подъездов их (театров – О. Р., М. П.) виднелись две кареты, не более. Дирекция была в отчаянии, она разорялась и ничего не выручала. В Москве с августа месяца французы не осмеливались показываться на улицах: их побивали камнями» [3, с. 76-77]. М. А. Волкова свидетельствовала о восприятии в те дни французов как «чудовищ». «Война оживила *национальные чувства русских людей*, оскорбленных вторжением французов, разорявших русские земли» [13, с. 211].

Действительно, еще 8 августа часть актеров французской труппы, в том числе главный режиссер театра Арман Домерг и главный балетмейстер Ламираль, оказались в числе 40 арестованных иностранных граждан и были размещены в доме Лазаревых в Армянском переулке. Вскоре все арестованные были под охраной отправлены баркой по Москве-реке в Рязань. После 26-месячного заключения Арман Домерг смог вернуться во Францию.

В начале августа положение Императорского театра в Москве усложнилось: начавшейся отъезд из города дворян с семьями привел к сокращению зрительской аудитории и падению доходов. Кроме того, вместе с владельцами уезжали слуги, в том числе и те, кто был певчими в театре. Об этих проблемах А. А. Майков писал А. Л. Нарышкину в письме от 19 августа, спрашивая его разрешения на начало подготовки театрального имущества к эвакуации [7]. Но ответ пришел только 31 августа, когда из Москвы уже началась эвакуация церковных ценностей (30 августа) и вышел последний номер газеты «Московские ведомости». До этого времени Императорский театр продолжал давать спектакли тем немногочисленным зрителям, которые оставались в городе.

В пятницу 30 августа (в день памяти св. Александра Невского и тезоименитства Александра I) в Благородном собрании прошел бал-маскарад, однако «публики было немного, особенно из высшего класса. Музыка гремела, залы сверкали огнями, но

танцы шли вяло, не то было на уме у всех, и потому все скоро разъехались» [6, с. 113].

В этот же день был дан последний спектакль в Императорском театре на Арбате. По свидетельству А. К. Нарышкина, это была драма в 4-х действиях «Наталья, боярская дочь» [7] поэта и драматурга Сергея Николаевича Глинки (1776-1847) по мотивам одноименной повести историка Н. М. Карамзина (1766-1826). Вряд ли кто-то из зрителей мог предположить, что пожар, как образ войны в спектакле, вскоре станет реальностью: театр на Арбатской площадь будет уничтожен огнем московского пожара одним из первых. Впрочем, дореволюционный историк-москвед М. И. Пыляев утверждает, что последним спектаклем была драма «Семейство Старичковых» «и публика состояла почти из одних военных» [11].

Только 31 августа, после получения предписания А. Л. Нарышкина буквально накануне оставления Москвы русскими войсками, началась подготовка к эвакуации Императорского театра. Она проходила в сложных условиях.

Прежде всего, для вывоза артистов, имущества театра и театральной школы, реквизита, казны дирекции не хватало транспорта: вместо необходимых 150 подвод генерал-губернатор Москвы граф Ф. В. Ростопчин, ответственный за эвакуацию казенных учреждений, смог выделить только 19. А. А. Майков нанял к ним еще 11 подвод с прибавлением собственных лошадей [7]. Естественно, на них все увезти было просто невозможным, поэтому большая часть имущества была оставлена в городе.

Эвакуация театрального имущества началась 1 сентября в 3 часа утра. Все, что можно было погрузить на 30 подвод, было отправлено с чиновниками дирекции – помощником по хозяйственной части, казначеем, секретарем и смотрителем гардероба. Местом эвакуации театра был определен губернский город Владимир. Охрана оставшегося театрального и школьного имущества была поручена унтер-офицеру Мельникову с находящеюся при нем инвалидною командою «до той минуты, когда будет возможно», так как не ожидалось, что противник войдет в город [2].

Организованной эвакуации артистов и служащих не проводилось. Поэтому они отчасти пошли пешком во Владимир вслед за имуществом театра, отчасти оставались в Подмосковье, пытаясь найти кров и приют у своих богатых зрителей. Так, семья актеров Степана Федоровича и Авдотьи Ивановны Мочаловых и артистка Насова вместе с матерью какое-то время жили в имении князей Долгоруковых в Никольском (недалеко от Звенигорода).

Некоторые актеры и служащие Императорского театра по разным причинам так и не смогли покинуть Москву, пережив все ужасы пожара и французской оккупации. В ноябре 1812 года, по сведению В. И. Земцова, 35 человек были обнаружены в доме князя А. Н. Долгорукова [4, с. 34].

Однако автор не указывает в каком именно доме: семейство Долгоруковых имело несколько имений в городе. Их городские усадьбы располагались на Малой Никитской улице, на Малой Дмитровке и на Пречистенке – все сильно пострадали при пожаре. Усадьба на Поварской улице от пожара не пострадала, но в ней квартировали французы. Еще одна усадьба располагалось в Колпачном переулке и являлось объектом судебных семейных разбирательств, поэтому находилось под опекой и сдавалось внаем. В ней в 1811-1816 годах проживал калужский губернатор Павел Никитич Кавелин (1763-1853) – отец будущего члена «Союза благоденствия» Петра Кавелина (1794-1855) [9]. В ходе московского пожара эта усадьба не пострадала, но в ней располагался центральный офис французской полиции. В сентябре 1812 года в этом помещении состоялся суд над русскими «поджигателями Москвы» [8]. Так что назвать точное местонахождение переживших французскую оккупацию Москвы служащих Императорского театра пока не представляется возможным.

В начале 1813 года Степан Федорович Мочалов, певец-бас Петр Васильевич Злов, Елизавета Семеновна Сандунова смогли добраться до Санкт-Петербурга.

Сохранился рапорт А. А. Майкова главному директору Императорских театров А. Л. Нарышкину, написанный уже во Владимире. В нем автор описывает сложности прошедшей эвакуации и ходатайствует о дополнительных денежных средствах для дальнейшего следования в Кострому, так как во Владимире «также беспокойство жителей и много выезжающих в разные стороны». А далее возможно «при малейшей же опасности потянуться в Вологду, где, по всем соображениям и советам, пребывание будет совершенно обеспечено» [7]. А. Л. Нарышкин встретился с министром финансов, который 27 сентября известил его о данном им предписании Костромской казенной палате отпустить Московской театральной конторе 58 666 руб. 67 коп. [7]. Однако А. А. Майков еще и в ноябре не получил этих денег.

После эвакуации Императорского театра и ухода русских артистов из города в Москве оставались актеры из французской труппы Авроры Бюрсе. Положение их было крайне тяжелым. Как вспоминала одна из актрис, «наши надежды на благоденствие под властью великого человека очень скоро развеялись: в городе стало трудно достать еду, вечерами мы боялись выходить на улицу, опасаясь мародеров, среди которых были и русские бандиты, и французские, немецкие, итальянские солдаты.

Многие из нас потеряли в пожаре свои дома, и мы все вместе должны были искать себе пристанище в одном из чудом сохранившихся зданий. Это был просторный дом одного богатого вельможи, близ Никитских ворот, в котором, по счастью, сохранились не только стены, но и кое-какие съестные припасы» [16].

По свидетельству В. Н. Земцова, оставшиеся в городе французские актеры пытались найти приют «в большом доме князя Гагарина на Басманной. Без продовольствия, ограбленные, они кутались в тряпки и страдали от голода и неопределенности» [4, с. 37].

Однако вновь возникает вопрос о местоположении этого дома. Дело в том, что у Гагариных было несколько городских усадеб: на углу Петровки и Страстного бульвара, на Поварской улице, на Новинском бульваре, в Армянском переулке, а также доходные дома (например, на Кузнецком мосту) и другие. Из перечисленных домов лишь один был расположен в Басманной части города – в Армянском переулке. Правда, в 1810 году он был продан Гагариными родителям будущего поэта Федора Тютчева – Ивану Николаевичу (1768-1846) и Екатерине Львовне (1776-1866), получившей богатое наследство от скончавшейся тетки А. В. Остерман. Перед приходом в Москву французов большая семья Тютчевых (в ней к этому времени было шестеро детей) покинула город и поселилась в имении бабушки П. Т. Тютчевой в селе Знаменское под Угличем [1]. В свой дом в Москве семья возвратилась в 1814 году. Во время пожара он не пострадал, как и весь Армянский квартал, хотя и требовал ремонта. Возможно, в этом доме нашли убежище оставшиеся в городе французские актеры, тем более что рядом (в Колпачном переулке) находился главный офис французской полиции, что давало им некоторую гарантию безопасности.

Войдя в Москву и разместившись в ней в начале сентября, Наполеон предполагал, что его армия перезимует в городе. Поэтому для поддержания боевого и морального духа солдат император приказал устроить театр, «желая доставить большое, любимое удовольствие своим войскам и вместе с тем заглушить, прекратить ропот их на тяжелое пребывание в Москве. «Кормите глаза народа», – писал он и в Париж» [7]. Поэтому Наполеон распорядился о приезде из Франции лучших артистов, вместе с которыми были приглашены и итальянские певцы.

Французский император знал, что в Москве еще до войны была французская труппа: «дорожа дружбой Александра, Наполеон, после Тильзитского мира, уступил ему на время лучших парижских артистов… дирекция московского театра… осенью 1811 г. пригласила их из Петербурга в Москву вместе с некоторыми другими персонажами» [7].

Префект императорского двора барон Л.-Ф.-Ж. Боссе нашел французских артистов, оставшихся в Москве и доложил Наполеону об их бедственном материальном положении. Как отметила актриса Фюзи, «короли кулис утратили свои пурпуровые мантии и облеклись в одежды сермяжные. Лапти заменили им державные сандалии. В таком печальном положении нашел питомцев муз генерал Боссе» [Цит. по: 14]. Позже Боссе запишет в мемуарах: «…имел случай говорить о них за завтраком императору. Он велел оказать им первую помощь, назначил меня главным распорядителем над ними и приказал мне посмотреть, могут ли они в том составе, в каком были, дать несколько представлений, которые могли бы доставить развлечение войскам, расквартированным в Москве» [цит. по: 4, с. 37].

Генерал Боссе распорядился о выдаче артистам внушительной суммы денег, которая поправила бы их нищенское положение [4, с. 34].

Французский театр давал спектакли в доме Петра Адриановича Позднякова на Большой Никитской улице рядом с Леонтьевским переулком. По свидетельству С. М. Любецкого, «это был прекрасный дом с колоннадой, выстроенные по проекту архитектора Бове» [6, с. 158]. Покинувший усадьбу перед приходом французов хозяин был страстным любителем театрального искусства и создал у себя один из известных в городе частных театров. Его описание сохранилось в пьесе А. С. Грибоедова «Горе от ума». Дореволюционный москвовед М. И. Пыляев отмечал, что «театр П. А. Позднякова в Старой Москве славился своею роскошью, зимним садом и другими затеями прошлого вельможного барства. Спектакли Позднякова считались первыми в Москве. Сам хозяин на своих спектаклях и маскарадах важно разгуливал наряженным не то персиянином, не то китайцем» [11].

Театр П. А. Позднякова не пострадал от пожара, но был разграблен мародерами. Как писал С. М. Любецкий, театральная «обстановка представляла самый печальный вид, в театре побывали уже действующие лица: французы-грабители, там бархат с лож был содран, люстры, канделябры и мебель изломаны. Все это поспешили поправить, подновить, покрасить и по возможности привести в лучший порядок… В этом театре явилась и дорогая комфортабельная мебель, и бронза, и подзлащенные жирандоли, и цветные ковры. Костюмы для действующих лиц поделали из расхищенного венецианского бархата, церковных риз, атласа и аланссонских кружев. Уборные также были приведены в приличный порядок. Наполеон назвал этот театр придворным» [6, с. 157-161].

Первый спектакль состоялся в среду 27 сентября. Это были комедия в трех актах «Игра любви и

случая» и одноактная комедия «Любовник, творец и слуга».

Французская труппа успела дать 11 спектаклей. Посетил ли театр Наполеон установить сложно: источники противоречивы, но все утверждают, что он участвовал в формировании репертуара и слушал отчеты о представлениях. Как вспоминала одна из французских актрис этого театра, «спектакли шли почти каждый день, и всегда – при большом скоплении публики. Правда, публика эта – офицеры разных частей Великой армии – всегда была нетрезвой и очень шумной. Не раз случались потасовки, не раз приходилось останавливать представления и пытаться утихомиривать слишком уж разгулявшихся зрителей» [16].

Как известно, первоначальные планы Наполеона о длительном пребывании в Москве были разрушены бушевавшим несколько дней пожаром, а в дальнейшем – бесперспективностью нахождения в полуразрушенном и разграбленном городе в условиях продолжавшейся войны, несмотря на попытки французского императора склонить Александра I к мирным переговорам. «Последней каплей» стало поражение французских войск под командованием маршала Мюрата под Тарутино 6 октября. Попытка повысить моральный дух деградировавшей армии при помощи увеселительных мероприятий и театральных постановок успеха не принесла. Как писала одна из актрис, «спектакли, приносившие вначале столько радости и дававшие нам средства к существованию, шли все хуже, публика все меньше веселилась, чаще становились скандалы. Мы выходили на сцену уже не каждый день» [16].

Покидавший Москву французский император никак не позаботился о судьбе актеров своего «придворного театра». Очень немногие из них добрались до Франции.

Вошедшие в город русские застали здание французского театра в жалком состоянии. По свидетельству князя Александра Александровича Шаховского (1777-1846), с 1802 года служившего в дирекции Императорских театров, а в Отечественной войне 1812 года ставший командиром дружины тверского ополчения, одной из первых вошедших в разоренную французами Москву, «на сцене валялись дохлые лошади и падаль, лестница, коридоры и залы были загромождены мебелью, зеркалами, инструментами. В уборных валялись обрезки парчовых и бархатных материй, из которых артисты выкраивали себе кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и шпенсеры (лиф с рукавами) и т. д.» [14].

Восстановление театральной жизни в Москве проходило с большими трудностями. Здание Императорского театра на Арбате сгорело вместе с имуществом, которое не удалось эвакуировать. В труппе не хватало актеров. Сохранилась переписка А. Л. Нарышкина и А. А. Майкова, еще находившегося в Костроме, о необходимости организации розыска в Москве и ее окрестностях уцелевших актеров и служащих Императорского театра с привлечением возможностей обер-полицмейстера и «в прочих близким к оной городах начальствующим дабы тем удобнее и скорее могли отысканы быть в оной и в окрестностях ее оставшиеся, начальства Вашего служители» [7]. В итоге из 56 отсутствующих актеров А. Л. Нарышкин определил к увольнению 44 человека. Фактически А. А. Майкову пришлось формировать труппу театра заново.

Первый спектакль в возрожденном после Отечественной войны 1812 года московском Императорском театре был дан в 1814 году. Это была драма поэта, детского писателя и драматурга Бориса Михайловича Федорова (1794/98-1875) «Крестьянин-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы».

Для постановок Императорский театр арендовал помещение в городской усадьбе Апраксиных на пересечении Знаменки и Арбатской площади (недалеко от сгоревшего в период французской оккупации здания театра). Дирекция занимала весь второй этаж особняка, здесь же была расположена сцена [12]. Спектакли в Апраксинском театре пользовались популярностью у москвичей. Но при этом историк В. П. Погожев отмечал, что помещения театра очень неудобны как для актеров, таки для зрителей. Он писал, что театр «был весьма недостаточен по вместимости, сцена была тесна и не давала возможности делать сложные постановки, духота в театре в жаркое время заставляла отказываться от устройства летних спектаклей, расположение уборных было очень неудобно – оне помещались далеко от сцены, при переходе на которую артисты часто простужались» [10, с. 220-221].

Только с открытием в 1824 году Малого театра (драматическая труппа) и в 1825 году Большого театра (балетно-оперная труппа) можно считать, что кризис московского Императорского театра, вызванный Отечественной войной 1812 года, был преодолен.

Таким образом, история московского Императорского театра свидетельствует о значительном влиянии французской театральной культуры на русскую до войны 1812 г., проявившемся в заимствовании режиссерского и актерского опыта, формировании репертуара, организации работы. Однако этот театр в то время стал уже органической частью российской культуры, для которой было неприемлемо национальное унижение. В истории театра в дни войны просматриваются черты цивилизационного конфликта между национальным самосознанием и поведением русских и французов. Он

проявился в расколе труппы по национальному признаку, отъезде русских актеров; французская часть труппы осталась в городе и давала своим соотечественникам спектакли развлекательного характера, а затем стремилась покинуть Россию; в погроме, устроенном французами в здании театра, уже не воспринимаемом ими как культурного центра; в нарастании ненависти между русскими и французами.

Москвичи не могли смириться с оккупацией неприятелем их любимого города. Представители русской театральной администрации и многие актеры в 1812 г. вслед за жителями покинули историческую столицу. В отличие от театральной элиты во многих европейских городах, занятых французами, руководители московской дирекции и русские актеры, проявляя развитое национальное сознание, отказались развлекать неприятеля, театр был закрыт, частично эвакуирован с целью сохранения труппы и материальной составляющей учреждения. Относительно быстрое его восстановление после войны может рассматриваться как свидетельство значительного развития театральной культуры в Москве того времени.

Библиографический список

1. Армянский переулок. Прогулки по Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stapelia2784.livejournal.com/55564.html

2. Бродский, Н. Театр и драма в Отечественную войну / в кн. Отечественная война и русское общество 1812-1912 гг. Том. V [Электронный ресурс] / Н. Бродский. – М. : Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911. – Режим доступа: http://museum.ru/1812/library/sitin/index.html

3. Грибоедовская Москве: в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской. 1812-1818 [Текст]. – М., 2013. – С. 76-77.

4. Земцов, В. Н. Как русский пес стал французской собакой. Французский театр в Москве в 1812 году [Текст] / В. Н. Земцов // Знание-сила, 2012. – № 9. – С. 34.

5. Лорер, Н. И. Записки декабриста. 2-е изд. [Текст] / Н. И. Лорер. – Иркутск : Вост-Сиб. кн. из-во, 1984. – С. 38-39.

6. Любецкий, С. М. Москва в 1812 году [Текст] / С. М. Любецкий. – М., 2013. – С. 283.

7. Нарышкин, А. К. Заметки о театре времен Отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2013/article43.pdf (дата обращения 25.12.2018)

8. Облюбование Москвы. Усадьба князей Долгоруковых. Репортаж Р. Рахматуллина Выпуск от 1 сентября 2012 года. Россия 24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=cv20EoQ3elE

9. Палаты Долгоруковых. Прогулки по Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moscow-walks.livejournal.com/1043468.html

10. Погожев, В. П. Столетие организации императорских московских театров [Текст] : Т. 1 / В. П. Погожев. – СПб. : Издание дирекции московских Императорских театров, 1906. – 379 с.

11. Пыляев, М. И. Старая Москва. История былой жизни первопрестольной столицы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://statehistory.ru/books/Mikhail-Pylyaev_Staraya-Moskva--Istoriya-byloy-zhizni-pervoprestolnoy-stolitsy/6

12. Розанов, Н. П. «Пушкинские дома» сохранившиеся в Москве до нашего времени [Текст] // Пушкин в Москве. Сборник статей. – М., 1939. – С. 92-96.

13. Сараева, Е. Л. Война 1812 г.: взгляд московской аристократки М. А. Волковой [Текст] // Ярославский педагогический вестник, 2018. – № 1. – С. 211.

14. Театр в эпоху войны 1812 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://voynablog.ru/2013/11/03/teatr-v-epoxu-otechestvennoj-vojny-1812-goda/

15. Театральные воспоминания: автобиографические записки Р. Зотова [Текст]. – СПб., 1859. – С. 39

16. Эпоха 1812 года глазами актрисы французской труппы московского театра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://1812panorama.ru/lemus/aktrisa4.html

Reference List

1. Armjanskij pereulok. Progulki po Moskve = Armyansky Lane. Walks across Moscow [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://stapelia2784.livejournal.com/55564.html

2. Brodskij, N. Teatr i drama v Otechestvennuju vojnu = Theater and drama in the Patriotic war [Jelektronnyj resurs] // Otechestvennaja vojna i russkoe obshhestvo 1812-1912 gg. Tom. V = The Patriotic war and Russian society of 1812-1912. Vol. V / N. Brodskij. – M. : Izdanie T-va I. D. Sytina, 1911. – Rezhim dostupa: http://museum.ru/1812/library/sitin/index.html

3. Griboedovskaja Moskve: v pis'mah M. A. Volkovoj k V. I. Lanskoj. 1812-1818 = Griboyedov Moscow: in M. A. Volkova's letters to V. I. Lanskaya. 1812-1818 [Tekst]. – M., 2013. – S. 76-77.

4. Zemcov, V. N. Kak russkij pes stal francuzskoj sobakoj. Francuzskij teatr v Moskve v 1812 godu = How a Russian dog became a French dog. The French theater in Moscow in 1812 [Tekst] / V. N. Zemcov // Znanie-sila = Znanie-sila, 2012. – № 9. – S. 34.

5. Lorer, N. I. Zapiski dekabrista. 2-e izd. = Decembrist's notes. The 2nd edition. [Tekst] / N. I. Lorer. – Irkutsk : Vost-Sib. kn. iz-vo, 1984. – S. 38-39.

6. Ljubeckij, S. M. Moskva v 1812 godu = Moscow in 1812 [Tekst] / S. M. Ljubeckij. – M., 2013. – S. 283.

7. Naryshkin, A. K. Zametki o teatre vremen Otechestvennoj vojny 1812 goda = Notes about theater of times of the Patriotic war in 1812 [Jelektronnyj resurs]. –

Rezhim dostupa: http://museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2013/article43.pdf

8. Obljubovanie Moskvy. Usad'ba knjazej Dolgorukovyh. Reportazh R. Rahmatullina Vypusk ot 1 sentjabrja 2012 goda. Rossija 24 = Taking fancy on Moscow. Estate of the Princes Dolgorukovs. Report by R. Rakhmatullin Issue dated from September 1, 2012. Russia-24 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.youtube.com/watch?v=cv20EoQ3elE

9. Palaty Dolgorukovyh. Progulki po Moskve = Dolgorukov' chambers. Walks across Moscow [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://moscow-walks.livejournal.com/1043468.html

10. Pogozhev, V. P. Stoletie organizacii imperatorskih moskovskih teatrov = A century since the organization of imperial Moscow theaters [Tekst] : T. 1 / V. P. Pogozhev. – SPb. : Izdanie direkcii moskovskih Imperatorskih teatrov, 1906. – 379 s.

11. Pyljaev, M. I. Staraja Moskva. Istorija byloj zhizni pervoprestol'noj stolicy = Old Moscow. History of former life of the first-throned capital [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://statehistory.ru/books/Mikhail-Pylyaev_Staraya-Moskva--Istoriya-byloy-zhizni-pervoprestolnoy-stolitsy/6

12. Rozanov, N. P. «Pushkinskie doma» sohranivshiesja v Moskve do nashego vremeni = «Pushkin houses» which remained in Moscow till the present [Tekst] // Pushkin v Moskve. Sbornik statej. – M., 1939. – S. 92-96.

13. Saraeva, E. L. Vojna 1812 g.: vzgljad moskovskoj aristokratki M. A. Volkovoj = War of 1812: a view of Moscow aristocrat M. A. Volkova [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2018. – № 1. – S. 211.

14. Teatr v jepohu vojny 1812 goda = Theater during the era of the War of 1812 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://voynablog.ru/2013/11/03/teatr-v-epoxu-otechestvennoj-vojny-1812-goda/

15. Teatral'nye vospominanija: avtobiograficheskie zapiski R. Zotova = Theatrical memoirs: R. Zotov's autobiographical notes [Tekst]. – SPb., 1859. – S. 39

16. Jepoha 1812 goda glazami aktrisy francuzskoj truppy moskovskogo teatra = The era of 1812 with eyes of the actress of the French troupe of the Moscow theater [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://1812panorama.ru/lemus/aktrisa4.html

Дата поступления статьи в редакцию: 15.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10330

УДК 94

А. А. Лихоманова https://orcid.org/0000-0002-6424-8537

Основание Петербурга в рефлексии русских западников сороковых годов XIX века

В статье анализируются идеи русских западников сороковых годов XIX в. о значении основания Петербурга. Приведены мнения В. Г. Белинского, А. И. Герцена о целях политики Петра I. Выявлены представления Белинского и Герцена о национальных задачах развития России в начале XVIII в. Западники считали, что понять замысел Петра можно, лишь имея представление о допетровской России. Состояние страны до Петра Герцен характеризовал как «*оцепенение*», не имевшее источника развития. Западники считали, что Петр противопоставил Петербург, носителя новаций, Москве, хранительнице традиций. Западники рассматривали создание города как составляющее процесса европеизации России. С их точки зрения, цель европеизации – создание условий для развития общества, поскольку взаимодействие народов позволяет ознакомиться с инновациями. Герцен отметил безжалостность Петра по отношению к народу, строившему Петербург. Насильственные методы – характерная черта преобразовательной деятельности царя. Герцен выявил противоречие между ориентацией царя на европейские нормы жизни и применением насилия к народу, свидетельствовавшего о неуважительном отношении к нему. Герцен назвал период с Петра I «петербургским», потому что город был олицетворением петровской политики взаимодействия России с Европой. Белинский предлагал рассматривать основание Петербурга в геополитическом контексте – взаимоотношения с европейскими странами, необходимости защищать свои земли. Белинский считал, что гений Петра заключался в понимании национальных интересов России. Западники высоко оценивали возведение Петербурга, расширявшего контакты России с Европой. В западнической концепции создания Петербурга выделяется идея Герцена, что Петербург не только имел европейские черты, но и диктовал волю царя-деспота. Двойное назначение Петербурга, по мысли Герцена, было проявлением противоречий в развитии России.

Ключевые слова: Петербург, Москва, Петр I, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, П. В. Анненков, западники.

A. A. Likhomanova

Foundation of the City of St. Petersburg in Reflection of the Russian Westerners of the forties years of the 19th century

In the article the ideas of the Russian Westerners of the forties years of the 19th century about value of foundation of the city of St. Petersburg are analyzed. V. G. Belinsky and A. I. Herzen's opinions about the purposes of the policy of Peter I are given. Belinsky and Herzen's ideas of national problems on development of Russia at the beginning of the 18th century are revealed. Westerners considered that it is possible to understand Peter's plan, only having an idea of pre-Peter Russia. Herzen characterized a condition of the country before Peter as «catalepsy» which did not have a development source. Westerners considered that Peter opposed St. Petersburg, the carrier of innovations, Moscow, the keeper of traditions. Westerners considered creation of the city as making process of europeanization of Russia. From their point of view, the europeanization purpose – creation of conditions for development of society as interaction of the people allows getting acquainted with innovations. Herzen noted Peter's ruthlessness in relation to the people building St. Petersburg. Violent methods are a characteristic feature of converting activity of the tsar. Herzen revealed a contradiction between orientation of the tsar to the European norms of life and use of violence to the people testifying to the disrespectful attitude towards him. Herzen called the period from Peter I «St. Petersburg» because the city was an embodiment of Peter's policy of interaction of Russia with Europe. Belinsky offered to consider foundation of the city of St. Petersburg in a geopolitical context – relationship with the European countries, need to protect the lands. Belinsky considered that Peter's genius consisted in understanding of Russia's national interests. Westerners highly appreciated construction of St. Petersburg expanding contacts of Russia with Europe. In the concept of Westerners of creation of St. Petersburg Herzen's idea is distinguished that St. Petersburg not only had the European lines, but also dictated will of the tsar-despot. The dual purpose of St. Petersburg, according to Herzen, was manifestation of contradictions in development of Russia.

Keywords: St. Petersburg, Moscow, Peter I, V. G. Belinsky, A. I. Herzen, P. V. Annenkov, westernizer.

Дискуссия интеллектуалов сороковых годов XIX в. о значении Петербурга и Москвы в нововременной истории России разгорелась в контексте обсуждения идейно-ценностных основ и направления развития общества. Исторически сложились особенности социокультурной среды в этих городах, а образ жизни и приоритеты петербуржцев и москвичей несколько отличались друг от друга. Интеллектуалы задумались над вопросом причин и последствий различий социокультурной характеристики петербургского и московского обществ. Они обратили внимание на замысел Петра I построить новый город на берегах Невы, понимая, что царь противопоставил его Москве, предопределив различия в их роли в последующей истории отечества.

© Лихоманова А. А., 2019

В западническом взгляде на основание Петербурга просматривается цивилизационный подход к оценке этого события: они рассматривали его в контексте взаимодействия европейской и российской цивилизаций, предлагая широкие историко-культурные координаты осмысления данного комплекса фактов. Возникновение Петербурга западники связывали с осознанной Петром необходимостью расширения контактов с Европой в условиях отставания России в решении национальных задач. В их понимании страна в начале XVIII в. стояла перед необходимостью создания сильного государства, развития общества и культуры на новых началах.

Среди «*русских европеистов*» сороковых годов, как называли себя западники, первым высказал свое мнение о значении основания Петербурга А. И. Герцен в статье «Москва и Петербург», написанной в 1842 г. во время ссылки в Новгороде. Как он сам писал, эту работу его друзья, единомышленники, многие образованные люди в России прочитали сначала в рукописи: «*Статья эта нравилась многим и обошла всю Россию в рукописных копиях. Впоследствии (в 1846) я напечатал отрывки из нее в небольшом рассказе "Станция Едрово"*« [4, с. 33]. В 1850-е гг., будучи в эмиграции, Александр Иванович, переосмыслив многие исторические события, уже был не согласен с некоторыми идеями, высказанными в своей ранней статье, но не стал ее перерабатывать и опубликовал в своей лондонской типографии в журнале «Колокол» 1 августа 1857 г. без изменений: «*Я во многом теперь не согласен, но оставил статью так, как она была, по какому-то чувству добросовестности к прошедшему*» [4, с. 33]. Статья Герцена в сороковые годы имела широкую популярность. Ее идеи восприняли многие современники.

Ко времени написания статьи уже сложились два взгляда московских интеллектуалов на приоритетные направления движения России – западническое: развитие с учетом европейского опыта и славянофильское: эволюция на основе русских традиций. Статья отчасти написана в полемике со славянофилами.

Название статьи, с нашей точки зрения, обозначало дискуссионную в русской мысли проблему роли Москвы и Петербурга в истории России, развития общества и культуры. Она раскрывала мысль Герцена о противоречивости тенденций развития русского общества, одновременном существовании противоположных направлений его движения, синтезе и отторжении традиций и новаций.

Роль Петербурга в российской истории с эпохи Петра I Герцен оценивал как обеспечение потребностей социума, соответствовавших европейским стандартам. Они постепенно стали запросами самого русского общества: «*…который один живет и действует в уровень современным и своеземным потребностям на огромной части планеты, называемой Россией*» [4, с. 33]. В представлении Герцена, Петербург – русско-европейский город, воспринимавший и унифицировавший различные модели поведения, транслировавший их на всю страну. В отличие от других городов России Петербург видел и интересовался «*европейскими началами*», полагал Герцен. Город стал деловым центром страны – «*ходячая монета, без которой обойтиться нельзя*» [4, с. 34], он нужен России, поскольку вырабатывает современные образцы, ориентиры жизни.

Вслед за Н. М. Карамзиным, Александр Иванович обратил внимание на крайне неблагоприятные природно-климатические условия жизни в новой столице на берегах Невы и Балтийского моря, грозящих затопить город: «*…он всякую осень может ждать шквала, который его потопит*» [4, с. 39]. «*Небо Петербурга вечно серо; солнце, светящее на добрых и злых, не светит на один Петербург, болотистая почва испаряет влагу: сырой ветер приморский свищет по улицам*» [4, с. 39]. Он соглашался с Карамзиным, что устье Невы – не благоприятное место для жизни человека.

Создание города Герцен, как Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин, связывал с волей Петра I. Замысел царя построить Петербург Александр Иванович трактовал, как стремление расширить контакты России с европейскими странами, чтобы преодолеть замкнутость русского общества и обеспечить восприятие им других культур: «*…Петр увидел, что для России одно спасение – перестать быть русской, с того дня, как он решился двинуть нас во всемирную историю, необходимость Петербурга и ненужность Москвы определилась. Первый, неизбежный шаг для Петра было перенесение столицы из Москвы*» [4, с. 35]. По мнению Герцена, Россия до Петра I не участвовала во всемирной истории, живя своей национальной жизнью, черты которой во многом определялись Москвой как политическим, экономическим и культурным центром страны. Москва закрепляла традиции, в том числе обычай негативного восприятия Европы. Следование московским традициям ради сохранения русской самобытности препятствовало позитивной оценке опыта Запада, так можно раскрыть мысль Герцена о «ненужности Москвы».

Цитирование в этой статье мысли Пушкина о Петре, вплетение его строк в текст означало согласие с мнением поэта. Герцен воспроизвел оценку Александра Сергеевича Петра и любви царя к городу, дополнив ее идеей о революционном характере деяний государя: «*Это любимое дитя северного великана, гиганта, в котором сосредоточена была энергия и жестокость Конвента 93 года и революционная сила его…*» [4, с. 39]. В понимании Герце-

на, Петр – сильная личность, энергичный, решительный, жестокий царь, ломавший традиции и создававший новое государство. Масштаб ломки и созидания был настолько широк, а применяемые методы имели характер принуждения, что Герцен сравнил деяния Петра с революционным насилием во Франции.

Александр Иванович рассматривал создание города как неотъемлемую составляющую процесса европеизации России, необходимость которой он видел в создании условий для развития общества, поскольку взаимодействие народов позволяет ознакомиться с инновациями.

А. И. Герцен обладал способностью раскрывать противоречия в истории, объяснять синтез несочетающихся, казалось бы, явлений жизни. Противоречия в деятельности Петра Герцен видел в угнетении России «*во имя европеизма и цивилизации*». В цивилизации России Александр Иванович находил «*пользу*». Он полагал, что цивилизация есть усвоение достижений человечества и собственное творчество, она была возможна в ходе европеизации. Осуществленное Петром насилие над обществом – «*угнетение*» людей, введение обязанности служить государству под угрозой репрессий. Насилие во имя цивилизации – такую трактовку методов и целей Петра I дал Герцен. Мотив поведения царя Александр Иванович усматривал в превращении страны, отставшей от ведущих держав, в цивилизованное европейское государство. Одно из направлений цивилизаторской деятельности Петра Герцен видел в строительстве Петербурга: «*…любимое дитя царя, отрекшегося от своей страны для ее пользы*» [4, с. 39]. Косные традиции, с точки зрения Герцена, мешали русским людям воспринимать новые идеи и стандарты жизни, следовало от них отречься, чтобы понять и принять другие ориентиры.

В трактовке Герцена, строительство Петербурга было для Петра возможностью отречься от старины, олицетворением которой была Москва. По мысли Герцена, Петр противопоставил Петербург, носителя новаций, Москве, хранительнице традиций. Александр Иванович понимал, что противопоставление городов было осуществлено уже самим Петром I. Царь определил дихотомию между этими столицами как противопоставление новой и старой культуры России. Спустя полтора века после основания Петербурга Герцен констатировал противоположности воспитания в Петербурге и Москве: «*Надобно сознаться, что нельзя быть противоположнее воспитану, как Петербург и Москва*» [4, с. 40]. Эти различия во влиянии петербургской и московской среды на личность ощущались многими людьми; они отчасти и подпитывали дискуссию о Москве и Петербурге.

А. И. Герцен не прошел мимо фактов о массовой гибели людей, строивших город; Петербург стоит на сваях, «*вбивая которые, умерли сотни тысяч работников*» [4, с. 36]. Безжалостность Петра по отношению к народу – важнейшая черта преобразовательной деятельности царя, считал Александр Иванович. Он выявил противоречие между ориентацией царя на европейские нормы жизни и применением насилия, свидетельствовавшее о неуважительном отношении к народу.

По мысли Герцена, царь хотел, чтобы жители страны видели в Петербурге сосредоточие европейских образцов, на которые им надо ориентироваться. Перенося столицу в Петербург, государь пояснил подданным, какую культуру они должны усваивать.

В своей другой работе «*О развитии революционных идей в России*», написанной в 1850-1851 гг., А. И. Герцен более подробно обосновывал свой взгляд на необходимость петровских реформ. Александр Иванович не был фаталистом, рассматривал исторический процесс как вариативный: «*Ход истории далеко не так предопределен, как обычно думают*» [6, с. 161]. Понять замысел Петра можно, лишь имея представление о допетровской России. Состояние страны до Петра Герцен характеризовал как «*оцепенение*» [7, с. 337], не имевшее источника развития. Оцепенение, с его точки зрения, произошло из-за того, что русская церковь препятствовала просвещению – влиянию европейской культуры; русские нравы были «*косные*», «*громоздкий механизм неумелого управления подавлял народ; правительство отдавало себе отчет в собственной неспособности*». Из создавшегося положения было трудно выйти, «*не взяв за образец Европу*» [6, с. 165]. По мнению Герцена, препятствовало преобразованиям само правительство. Оно «*оставалось все таким же замкнутым в исключительной национальности и питало дикую ненависть ко всякому нововведению*» [6, с. 165].

А. И. Герцен не был склонен переоценивать элементы новизны в жизни царской семьи и правящей элиты в Московском государстве XVII в.. В его понимании традиции довлели над обществом и элитой. Неспособность власти понять значимость новаций стало важнейшей причиной ее косности, сдерживавшей развитие, полагал Александр Иванович. Вельможи лишь кичились должностями. Общество в допетровский период, по мнению Герцена, было невежественным и равнодушным. Абсолютизм, деспотизм и произвол губили Россию, утверждал Герцен, объясняя основные проблемы своего отечества «московского» периода. Герцен сознавал взаимозависимость самодержавия и крепостного права: монархия, имевшая неограниченную власть, дала права и дворянам над крестьяна-

ми: «*Царизм, сам опиравшийся на неограниченную власть, по необходимости должен был покровительствовать покушению помещиков на права крестьян*» [6, с. 168]. Всевластие царя стало причиной его произвола и подавления народа, превращенного в пассивную массу людей, не имевших влияния на политику: «*злоупотребление со стороны правительства и пассивность со стороны народа*» [6, с. 168].

По мнению Герцена, Россия в конце XVII в. стояла перед выбором – провести реформы на основе европейского опыта или «*сгнить*: «*В этом невежественном, тупом и равнодушном обществе не чувствовалось ничего человеческого. Необходимо было выйти из этого состояния или же сгнить, не достигнув зрелости*» [6, с. 166]. Преобразования, считал Герцен, *были «настоятельной необходимостью*» [6, с. 166]. Петровские реформы, названные Герценом революцией, спасли Россию. Ей надо было преодолеть произвол, невежество, бесправие народа. По мысли Герцена, ей нужна была культура, позволявшая решать эти задачи.

Между застоем и развитием как характеристиками общества, Герцен, будучи последователем Гегеля, выбирал развитие – условие жизнеспособности системы. Поскольку Петр привел огромную страну в движение, что сделать было очень сложно из-за косности даже правящей элиты, Герцен назвал его революционером: «*Петр I привел государство в движение*» [6, с. 168].

Петр руководствовался не теоретическими идеями, а преследовал цели «*практические, жизненные, мирские, он не выходил за пределы действительности.... <…> Его воображение было занято другим, он мечтал об огромной России, о гигантском государстве, которое простерлось бы до самых глубин Азии, стало бы властелином Константинополя и судеб Европы*» [6, с. 171]. По мнению Герцена, Петр перенес столицу из Москвы в Петербург, потому что Москва ничего не значила для человечества, она слабо усваивала влияние других цивилизаций. Ему надо было разорвать со старой Россией: «*Чтобы совсем порвать со старой Россией, Петр I оставив Москву, восточный титул царя и переселился в порт на Балтийском море, где принял титул императора. Открывшийся таким образом петербургский период не был продолжением исторической монархии – то было начало молодого, деятельного, не знающего узды деспотизма, равно готового и на великие дела и на великие преступления*» [6, с. 172]. По мнению Герцена, петербургский период стал новым этапом в истории России, так как она стала открытой для взаимодействия с Европой. В этом он видел главное достижение царя.

Период с Петра I Герцен назвал «*петербургским*», видимо, потому что Петербург был олицетворением царской политики взаимодействия России с Европой. Это название вошло в дискурс русских интеллектуалов XIX в.

Связью между московским периодом и петербургским было лишь стремление царей расширить государство, считал Герцен. Другие направления деятельности Петра были разрывом со старой Россией: «*Одна-единственная мысль служила связью между петербургским периодом и московским,— мысль о расширении государства. Все было принесено ей в жертву: достоинство государей, кровь подданных, справедливое отношение к соседям, благосостояние всей страны...*» [6, с. 172]. Важна мысль Герцена о том, что Петр не только не разделял многих традиций Московского царства, но и протестовал против них, и сам царь «*являл собою непрерывный протест против старой России*» [6, с. 172-173]. Образ мыслей и жизни Петра приходил в противоречие с московскими обычаями. Невежеству и тщеславию старых бояр Петр противопоставил свободный выбор во всем. Опорой Петру служили «*непреклонная воля и жестокость террориста*» [6, с. 173], он остался верным своему замыслу.

Последствием деятельности Петра стал раскол России на традиционную и новую. Новую Россию представляло «*дворянство, все потомки бояр, все гражданские чиновники и, наконец, армия*» [6, с. 174] – служилые люди, переехавшие в Петербург. Они быстро освободились от старых обычаев, подчинились царскому требованию вести европейский образ жизни. Петербург демонстрировал европейскость внешнего вида и этикета представителей высших слоев общества. Включив в свою среду высшие слои нации, Петербург преображал их образ жизни. Эта логика мысли Герцена объясняет название нового периода в российской истории – петербургский. Традиционную Россию представляли крестьяне, мещане, посадские люди. Она носила «*национальную одежду»,* она ничего не восприняла *«от европейской цивилизации*» [6, с. 173]. Традиционная Россия осталась «*вне движения и мероприятий правительства*» [6, с. 173]. Народ охранял «*свою национальность*» от новой России, «*которая приняла европейскую цивилизацию вместе с императорским деспотизмом*» [6, с. 175].

Политика, осуществляемая «*железной рукой Петра*» [6, с. 176], имела одной из своих целей противопоставление европеизированного Петербурга традиционной России. Цель была достигнута, поскольку царь обладал волей и решимостью, полагал Герцен. В его видении, железная рука царя – главный метод трансформирования дворянства того времени. Петербург, по Герцену, изначально не представлял всю Россию, а противостоял ей. Город

транслировал одновременно европейские новации и волю царя-деспота. В орбите его влияния было, прежде всего, дворянство. Как видно, Герцен рассматривал создание города в контексте социокультурного раскола нации. Возведение Петербурга вело к углублению конфликта двух цивилизаций – традиционной и новой, дворянско-европейской.

А. И. Герцен очень осторожно оценивал результаты европеизации России, полагая, что идею свободы личности, являвшейся важнейшей составляющей цивилизации общества, усвоило лишь «*незначительное меньшинство*»: «*Россия Петра I чувствовала себя сильной, юной, полной надежд. Она полагала, что свобода способна привиться с такою же легкостью, как цивилизация, забывая, что цивилизация еще не проникла дальше поверхности и является достоянием лишь очень незначительного меньшинства*» [6, с. 196]. Герцен считал, что с эпохи Петра I национальную идентичность сохранял народ, на протяжении веков впитывавший православные ценности, а дворянство в значительной степени утратило ощущение принадлежности к русской культуре.

Используя петровский образ России как военного корабля, Герцен замысел царя создать европеизированный город сравнил с отправившимся в путь флагманом, ведущим за собой всю эскадру. Царь опустил паруса старых кораблей, лишив их возможности продолжать движение, и надул паруса Петербурга, обязав его заставить всю Россию следовать его фарватеру: «*…опустил паруса ее, видя, что по этому прекрасному пути далее идти некуда; Петербургу Петр I поднял паруса, и он идет вперед до нынешнего дня*» [8, с. 186].

По Герцену, в первой половине XIX в. многие интеллектуалы, защищавшие национальную идею, критически оценивали политику императоров в петербургский период и жизнь дворянства, ориентированного на европейскую культуру: «*…возврат к национальным идеям естественно приводил к вопросу, самая постановка которого уже являлась реакцией против петербургского периода*» [5, с. 231].

А. И. Герцен, как и другие западники, отметили возраставшую роль государства в российской истории [10, с. 196].

В. Г. Белинский, литературный критик, создавший в Петербурге в 1840-е гг. свой интеллектуальный кружок западнического направления, раскрыл свои представления о значении основания Петербурга в статье «*Петербург и Москва*», опубликованной в Отечественных записках» в 1844 г. Он воспринял национально-государственные идеи А. С. Пушкина о создании города на Неве, процитировав строки поэта в своем сочинении. «Деятельность Петра по сближению с западными странами Пушкин считал исторически оправданной, способствующей ее развитию» [9, с. 202].

Строительство города Белинский интерпретировал в историческом контексте: России необходимо было расстаться с азиатским устройством и сблизиться с Европой. Преобразование России, по мнению Белинского, Петр I связывал с выходом к Балтийскому морю. Многовековая история борьбы России за эти земли давала Петру основание для их возвращения. Приобретя земли на Балтике и закрепив их за Россией строительством города, государство обеспечивало развитие контактов с Европой и защищало свои северо-западные земли: «*…Балтийское море. Прилежащие к нему страны исстари знакомы были русскому мечу; много пролилось на них русской крови, и оставить их в чуждом владении, не сделать Балтийского моря границею России значило бы сделать Россию навсегда открытого для неприятельских вторжений и навсегда закрытою для сношений с Европою*» [2, с. 133]. В современной терминологии, Белинский предлагал рассматривать основание Петербурга в геополитическом контексте – взаимоотношения с европейскими странами, необходимости пресечь вторжение иноземных войск, защитить свои земли, расширить связи с Западом. Гений Петра, считал Белинский, заключался в понимании национальных интересов России: важности приобрести земли около Балтийского моря, что позволяло решать многие задачи: «*Петр слишком хорошо понял это, и война с Швециею по необходимости сделалась главным вопросом всей его жизни, главною пружиною всей его деятельности*» [2, с. 133].

В обществе бытовало представление о Петербурге как городе, не имевшем преданий, «исторической святыни», связи с родной страною, его строительством двигал расчет. В. Г. Белинский воспринимал эту точку зрения как отчасти ложную, отчасти справедливую [10, с. 323]. Петербург был обязан своим насильственным существованием воле самодержца, которому сначала надо было одержать победу над шведами, закрепить за Россией земли на Балтике. Поэтому, писал Белинский, Петр I в кратчайшие сроки должен был основать новый город. Причины переноса столицы в Петербург Белинскому представлялись следующими: Москва, расположенная в центре, была к тому же оплотом русской старины; Петербург находился на берегу Балтийского моря, связывающего страну с Европой; молодой город был творением Петра, он любил свой город, как дитя свое творение [3, с. 58-59]. Белинский соглашался с Пушкиным, что перенос столицы в Петербург был частью замысла Петра I сблизить Россию с Европой, укрепить позиции нашей страны на берегу Балтийского моря.

Русский литературный критик *П. В. Анненков*, входивший в петербургский кружок Белинского, подчеркивал, что все участники дискуссии о Москве и Петербурге были горячими патриотами. Он назвал эту дискуссию «*невинным спором двух различных видов одного и того же русского патриотизма*» [1, с. 203], поясняя свое отношение к западникам и славянофилам как идеологам национального самосознания. Москва ассоциировалась в сознании образованных людей с приверженностью к традициям, писал Анненков: «*Москва делала консервативную оппозицию, на основании старых начал русской культуры*» [1, с. 203].

Таким образом, в дискуссии сороковых годов XIX в. о значении строительства Петербурга из западнического сообщества приняли участие В. Г. Белинский, А. И. Герцен, П. В. Анненков. Герцен интерпретировал основание города в широком историко-культурном, цивилизационном контексте, подчеркивая, что «новая Россия», представленная Петербургом и живущим в городе высшим дворянством, одновременно сосуществовала со «старой Россией», ассоциировавшейся с крестьянством. Он полагал, что Петр I видел назначение Петербурга в транслировании европейской культуры и воли императора. Однако, как оценивал последствия этой политики Герцен, новая столица, создавая свои традиции социокультурной жизни, расширяла пропасть между традиционной цивилизацией и «петербургской». Белинский объяснял строительство города национальной задачей обеспечить безопасность России и потребностью сближения с Западом. Анненков, как и его единомышленники, возведение Петербурга связывал со стремлением Петра создать европейский город.

Достоинством западнической концепции, объяснявшей значение строительства города на Неве и переноса столицы из Москвы в Петербург, является оценка этого направления деятельности Петра I с точки зрения задач национального развития России в начале XVIII в., ее цивилизации и обеспечения суверенитета и безопасности. Западники не рассматривали тезис о случайности факта строительства крепости на Неве. Это событие они характеризовали в контексте всей политики Петра I. Имея достаточное представление о политике царя, они сделали свою выборку петровских идей и деяний. Она была обусловлена, во-первых, их убежденностью, сформированной под влиянием гегелевской диалектики, что развитие – фактор эволюции. Во-вторых, их представлением о деспотизме и крепостном праве, невежестве как обстоятельствах, определявших отсталость России. В-третьих, их взглядом на Европу как цивилизацию, сориентированную на интересы человека. Западники акцентировали свое внимание на тех направлениях деятельности Петра I, которые обеспечивали цивилизацию общества – развитие просвещения, расширение свободы личности. Они высоко оценивали возведение Петербурга, расширявшего контакты России с Европой. В западнической концепции создания Петербурга выделяется идея Герцена, что Петербург не только имел европейские черты, но и диктовал волю царя-деспота. Двойное назначение Петербурга, по мысли Герцена, было проявлением противоречий в развитии России.

Библиографический список

1. Анненков, П. В. Литературные воспоминания [Текст] / П. В. Анненков / Вступит. статья В. И. Кулешова; коммент. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. – М. : Художественная литература, 1983. – 694 с.

2. Белинский, В. Г. Петербург и Москва [Текст] / В. Г. Белинский // Собрание сочинений в 9 т. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки. Декабрь 1843 – август 1845; подготовка текста В. Э. Борода. – М. : Художественная литература, 1981. – С. 137-163.

3. Белинский, В. Г. Россия до Петра Великого [Текст] / В. Г. Белинский // Собрание сочинений в 9 т. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 – март 1842; подготовка текста В. Э. Борода. – М. : Художественная литература, 1979. – С. 7-63.

4. Герцен, А. И. Москва и Петербург [Текст] / А. И. Герцен // Собрание сочинений в 30 т. Т. 2. Статьи и фельетоны 1841-1846, дневник1842-1845; подготовка текста М. Я. Блинчевская, Л. М. Добровольский. – М. : Художественная литература, 1955. – С. 33-42.

5. Герцен, А. И. Московский панславизм и русский европеизм [Текст] / А. И. Герцен // Собрание сочинений в 30 т. Т. 7. О развитии революционных идей в России, произведения 1851-1852 годов; подготовка текста С. А. Андреев-Кривич, Л. Р. Ланский. – М. : Художественная литература, 1956. – С. 231-248.

6. Герцен, А. И. О развитии революционных идей в России [Текст] / А. И. Герцен // Собрание сочинений в 30 т. Т. 7. О развитии революционных идей в России, произведения 1851-1852 годов; подготовка текста С. А. Андреев-Кривич, Л. Р. Ланский. – М. : Художественная литература, 1956. – С. 133-263.

7. Герцен, А. И. Русский народ и социализм [Текст] / А. И. Герцен // Собрание сочинений в 30 т. Т. 7. О развитии революционных идей в России, произведения 1851-1852 годов; подготовка текста С. А. Андреев-Кривич, Л. Р. Ланский. – М. : Художественная литература, 1956. – С. 307-339.

8. Герцен, А. И. Станция Едрово [Текст] / А. И. Герцен // Собрание сочинений в 30 т. Т. 2. Статьи и фельетоны 1841-1846, дневник1842-1845; подготовка текста М. Я. Блинчевская, Л. М. Добровольский. – М. : Художественная литература, 1955. – С. 177-193.

9. Лихоманова, А. А. Национально-

государственные идеи А. С. Пушкина в поэме «Медный всадник» [Текст] / А. А. Лихоманова // Верхневолжский филологический вестник, № 4 (15). – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. – С. 200-206.

10. Сараева, Е. Л. Русское западничество: идеология национального самоорпделения [Текст] / Е. Л. Сараева. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. – 400 с.

Reference List

1. Annenkov, P. V. Literaturnye vospominanija = Literary memoirs [Tekst] / P. V. Annenkov / Vstupit. stat'ja V. I. Kuleshova; komment. A. M. Dolotovoj, G. G. Elizavetinoj, Ju. V. Manna, I. B. Pavlovoj. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1983. – 694 s.

2. Belinskij, V. G. Peterburg i Moskva = St. Petersburg and Moscow [Tekst] / V. G. Belinskij // Sobranie sochinenij v 9 t. T. 7. Stat'i, recenzii i zametki = Collected works in 9 volumes. V. 7. Articles, reviews and notes Dekabr' 1843 – avgust 1845; podgotovka teksta V. Je. Bograda. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1981. – S. 137-163.

3. Belinskij, V. G. Rossija do Petra Velikogo = Russia before Peter the Great [Tekst] / V. G. Belinskij // Sobranie sochinenij v 9 t. T. 4. Stat'i, recenzii i zametki = Collected works in 9 volumes. V. 4. Articles, reviews and notes Mart 1841 – mart 1842; podgotovka teksta V. Je. Bograda. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1979. – S. 7-63.

4. Gercen, A. I. Moskva i Peterburg = Moscow and St. Petersburg [Tekst] / A. I. Gercen // Sobranie sochinenij v 30 t. T. 2. Stat'i i fel'etony 1841-1846, dnevnik 1842-1845 = Collected works in 30 volumes. V. 2. Articles and feuilletons 1841-1846, diary 1842-1845; podgotovka teksta M. Ja. Blinchevskaja, L. M. Dobrovol'skij. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1955. – S. 33-42.

5. Gercen, A. I. Moskovskij panslavizm i russkij evropeizm = Moscow Pan-Slavism and Russian Europeanism [Tekst] / A. I. Gercen // Sobranie sochinenij v 30 t. T. 7. O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii, proizvedenija 1851-1852 godov = Collected works in 30 volumes. V. 7. About development of the revolutionary ideas in Russia, works of 1851-1852; podgotovka teksta S. A. Andreev-Krivich, L. R. Lanskij. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1956. – S. 231-248.

6. Gercen, A. I. O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii = About development of the revolutionary ideas in Russia [Tekst] / A. I. Gercen // Sobranie sochinenij v 30 t. T. 7. O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii, proizvedenija 1851-1852 godov = Collected works in 30 volumes. V. 7. About development of the revolutionary ideas in Russia, works of 1851-1852; podgotovka teksta S. A. Andreev-Krivich, L. R. Lanskij. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1956. – S. 133-263.

7. Gercen, A. I. Russkij narod i socializm = Russian people and socialism [Tekst] / A. I. Gercen // Sobranie sochinenij v 30 t. T. 7. O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii, proizvedenija 1851-1852 godov = Collected works in 30 volumes. V. 7. About development of the revolutionary ideas in Russia, works of 1851-1852; podgotovka teksta S. A. Andreev-Krivich, L. R. Lanskij. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1956. – S. 307-339.

8. Gercen, A. I. Stancija Edrovo = Edrovo station [Tekst] / A. I. Gercen // Sobranie sochinenij v 30 t. T. 2. Stat'i i fel'etony 1841-1846, dnevnik 1842-1845 = Collected works in 30 volumes. V. 2. Articles and feuilletons 1841-1846, diary 1842-1845; podgotovka teksta M. Ja. Blinchevskaja, L. M. Dobrovol'skij. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1955. – S. 177-193.

9. Lihomanova, A. A. Nacional'no-gosudarstvennye idei A. S. Pushkina v pojeme «Mednyj vsadnik» = A. S. Pushkin's national-state ideas in the poem «Bronze Horseman» [Tekst] / A. A. Lihomanova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik, Verkhnevolzhsky philological bulletin№ 4 (15). – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – S. 200-206.

10. Saraeva, E. L. Russkoe zapadnichestvo: ideologija nacional'nogo samoopredelenija = Russian Westernism: ideology of national self-determination [Tekst] / E. L. Saraeva. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2009. – 400 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10331

УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов https: // orcid. org / 0000-0002-6890-7894

Русская революция в контексте истории столкновения цивилизаций

Статья продолжает серию публикаций в области культур-философского исследования русской революции и постреволюционной эпохи в истории России как цивилизации.В данной статье, продолжающей предыдущие публикации, рассматривается тот «творческий ответ» находящегося у власти Сталина, который ему приходится давать в ситуации кризиса революции 1917 года, что начал ощущаться в последующие десятилетия, и в ситуации возникшей в мире милитаристской атмосферы как предвосхищения второй мировой войны. В этой ситуации Сталин, жертвуя идеалами революции, насаждает в стране тоталитарный режим, который, как он предполагает, становится неизбежным в силу необходимости противостоять Вызову со стороны Запада и, в частности, со стороны Германии. Реализуя свой «творческий ответ», как бы его не оценивать с точки зрения сегодняшнего дня, в новых условиях, Сталин из не самых известных деятелей революции 1917 года становится самым известным. В статье ставится акцент, во-первых, на то, что в этом возвышении вождя активную роль играла уставшая от революционного возбуждения масса, стремящаяся к наведению порядка в стране и , во-вторых, на том, что вторая мировая война будила психологические комплексы, связанные с непростыми отношениями , которые в истории существовали между Россией и Западом, а также, более конкретно, между Россией и Германией.

Ключевые слова: столкновение цивилизаций, революция, Сталин, постреволюционный период, творческий ответ, масса, вождь, древние пласты культуры, вторая мировая война, модерн, кризис революции, романтический период революции, фашизм, византинизм, народ – анархист, народ- государственник, ментальность, Фихте, немецкий мессианизм.

N. A. Khrenov

The Russian Revolution in the Context of History of Civilizations Collision

The article continues a series of publications in the field of cultures – a philosophical research of the Russian revolution and a post-revolutionary era in the history of Russia as civilizations. In this article continuing the previous publications that is considered «the creative answer» of Stalin who is in power, which it should give in a situation of the crisis of the Revolution of 1917, that it began to be felt in the next decades, and in a situation of the militaristic atmosphere as anticipation of the World War II which arose in the world. In this situation Stalin, sacrificing revolution ideals, spreads totalitarian regime in the country which as he assumes, becomes inevitable owing to need I Will cause to resist from the West and, in particular, from Germany. Realizing the «creative answer», not estimating it in terms of today, in new conditions, Stalin being one of not very famous figures of the Revolution of 1917 becomes the most known. In the article the emphasis is made, first, on the fact that in this eminence of the leader an active role was played by the masses, tired from revolutionary excitement, seeking for establishing order in the country and, secondly, that the World War II awoke the psychological complexes connected with the difficult relations which in the history were between Russia and the West and also, more specifically, between Russia and Germany.

Keywords: collision of civilizations, revolution, Stalin, a post-revolutionary period, a creative answer, masses, a leader, ancient layers of culture, World War II, a modernist style, crisis of revolution, a romantic period of revolution, fascism, Byzantinism, the people – anarchist, the people – statesman, mentality, Fichte, German Messianism.

Новый этап в истории начался не с русской революцией и не с первой мировой войной. Он приближался постепенно и связан с утратой Западом лидерства в мировой истории. Угасание западной цивилизации и диагностировал Шпенглер. Однако угасающая и еще не угасшая цивилизация все еще пытается оказать свое влияние на те цивилизации, которые когда-то подпали, как Россия, под это влияние. В этом случае столкновение с ними неизбежно. Это обстоятельство следует учитывать, когда приходится размышлять над революциями и войнами XX века. Конечно, вдохновляясь западными ценностями, Россия делала выбор. Так, русская революция 1917 года непонятна, если ее не поставить в связь с теми идеями модерна, что возникли еще в эпоху Просвещения. Заимствуя эти идеи, Россия их понимала по-своему.

Однако XX век подвел к выявлению обратной стороны идей модерна, о чем писали Т. Адорно и М. Хоркхаймер. В этих идеях стали усматривать не только конструктивное, но и деструктивное начало. Революции, развернувшиеся под воздействием идей модерна, демонстрировали связь со столь обожествленным в XVIII веке разумом, но их результаты пришли в противоречие с самой жизнью. Когда разум уступает жизни, то жизнь также не развертывается в стихийной форме. Жизнь пронизана культурой, а там, где культура, там и организа-

© Хренов Н. А., 2019

ция. Но это уже другой тип организации, организации невидимой и сформировавшейся в удаленных эпохах культурогенеза. После второй мировой войны началась переоценка идей модерна, а вместе с этим и идеалов революции. Пожалуй, одним из таких событий, которое повлияло на переоценку идей модерна, явилась вторая мировая война, роль которой в переоценке идей модерна первостепенна. Под этим углом зрения мы рассмотрим тот «творческий ответ», который в российской истории был дан Сталиным.

Вопрос о кризисе революции сделался актуальным еще в конце 20-х годов. Об этом в 20-е годы свидетельствовали настроения, которые называли тогда упадочными. На этой волне вспыхнула, например, популярность С. Есенина, уже предвосхитившего деревенскую литературу эпохи оттепели. По поводу этих настроений возникли дискуссии с участием писателей и идеологов. На одной из таких дискуссий, имевших место в Коммунистической академии, один из выступавших Е. Преображенский даже прибегает к понятию «кризис». «Поэтому я думаю, – говорил он – что мы не можем рассматривать отрицательных явлений, которые происходят перед нашими глазами: известной пассивности рабочего класса, чиновничьего омертвения ряда наших организаций, развития пьянства, разочарования и хулиганства среди рабочей молодежи, если мы не связываем всего этого в целом картину, в итог, который можно назвать кризисом нашей советской культуры» [14].

Таким образом, само собой разумеется, что в создавшейся после революции ситуации нужно было давать именно «творческий ответ». Это сделалось неотвратимой необходимостью. Для осуществления этой акции нужен был политический лидер, которому бы эта задача оказалась по силам. В чем состояла сущность нового «творческого ответа»? Применительно к какой реальности следовало давать творческий ответ: к реальности революции, к реальности политической системы или к реальности уже цивилизации? Вполне возможно было этот творческий ответ рассматривать применительно к революции. Если пропаганда ее идеализировала и превращала в определяющее событие истории, то логика подсказывает, что следовало бы исходить, прежде всего, из того, чтобы революция продолжалась, а пространство ее развертывания расширялось до всего мира, что, собственно, большевиками и замышлялось (не случайно она должна была осуществляться как мировая революция). В этой перспективе мыслил, работая над биографией Сталина, Л. Троцкий. Но если исходить из того, что революция совершилась и следовало бы уже осуществлять в реальной истории провозглашенные ею задачи и сформулированные цели, то, следовательно, творческий ответ связан с продолжением той деятельности, которую вели вожди, в том числе, Ленин и Троцкий. Но Ленин рано умер, а Троцкий вскоре был выдворен за границу. С его выдворением кончался романтический период революции.

Но чтобы ставить вопрос о новом «творческом ответе», нужно было во внимание принимать и новые настроения массы и, соответственно, новый тип политического лидера. Очевидно, что отношения между массой и лидерами кардинально изменились. Произошел спад революционного возбуждения, свидетельствующий о трансформации революционных, то есть политических настроений в религиозные. Нельзя забывать о том, что в ситуации революции политические идеи воспринимались в ауре религиозных образов. Не случайно Н. Бердяев писал: «Как и все большие движения в истории, социализм имеет древние религиозные корни. Он коренится в древнееврейской мессианской идее, в древнееврейском хилиазме, в ожидании явления Мессии как земного царя, который водворит на земле справедливость и чувственное царство божие» [3].

Это максимально проявившееся в предреволюционные годы революционное возбуждение, благоприятное для появления на политической арене вождей, способных ощущать меняющиеся настроения массы и быстро на них реагировать. Во время вспышки таких настроений ressentiment массы изживался. Период лиминальности, то есть выхода из социальной иерархии и ощущения полной свободы, закончился. Чтобы общество хоть как-то функционировало, необходимо было наводить порядок. Реальность сплоченности, возникшей в эпоху революционного подъема или, как это видит В. Тернер, реальность коммунитас, в эпоху империи загоняемая в подсознание, исчезает. Развертывается движение к диктатуре как следствии хилиазма. «Преувеличение коммунитас в определенных религиозных или политических движениях уравнительного типа может вскоре смениться деспотизмом, сверхбюрократизацией или другими видами структурного ожесточения. Потому что, подобно неофитам – африканцам после обрезания, или бенедиктинским монахам, или членам милленаристских движений, люди, живущие в общине, рано или поздно начинают требовать чьей-либо абсолютной власти – будь то со стороны религиозной догмы, боговдохновенного вождя или диктатора» [11].

Естественно, что новая фаза революционной истории делала актуальным обсуждение вопроса о перерождении революции. Аналогии между русской революцией и французской революцией были сильны. Но эти аналогии логично подводили к ситуации термидора, опасность которого ни для кого не была секретом. В момент кризиса революции возникает ситуация, когда роль Наполеона, пришедшего после французской революции к власти, мог сыграть кто-то из известных революционных

вождей. Возникает необходимость во что бы то ни стало избежать термидора, а значит, появляется и определенное отношение ко всякому проявлению оппозиции и инакомыслия в партии.

Несомненно, эта нетерпимость по отношению к инакомыслию усиливалась в связи с назревающей второй мировой войной. Ведь мысль о неизбежности войны в 30-е годы посещала не только Сталина. Разумеется, Сталин догадывался, что русская революция разбудила на Западе такие силы, которые никогда не смогут смириться с теми настроениями, которые спровоцировала русская революция и которые стали распространяться на самом Западе. Не случайно философ – эмигрант И. Ильин в одной из своих статей, написанных уже после второй мировой войны, появление фашизма в Германии ставил в зависимость от исхода первой мировой войны и, в частности, русской революции. «Фашизм возник как реакция на большевизм, – пишет он – как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма – это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах; в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно – диктаториальном. Так было в Древнем Риме, так бывало и в новой Европе, так будет и впредь» [6].

Конечно, фашизм не исчерпывается вспышкой государственно-охранительных сил. И. Ильин объясняет лишь причины возникновения фашизма и не рассматривает всю сложность его проявлений, заслуживающих гораздо более серьезной оценки. Очевидно, как делает вывод Д. Робертс, Гитлер имел намерение вести войну в России на уничтожение и истребление. В его замысел входило уничтожение не только армии, но и коммунистического режима [8, с. 129]. Но его замысел явно не сводился к уничтожению армии и режима. Он был направлен против славян как низшей расы. По этому поводу Гитлер говорил, что его принцип заключался в оправдании существования славян лишь с экономической точки зрения, то есть их эксплуатации в интересах немцев. Было ясно, что рано или поздно охранительно-реакционные силы активизируются, и, следовательно, произойдет второй акт столкновения. Ведь русская революция спровоцировала не только активность охранительно – реакционных сил Запада, но и цивилизационные архетипы. Она пробудила постоянно в истории тлеющую опасность для Запада, которую знала еще античность, как и последующая история.

Касаясь еще первой мировой войны, Н. Бердяев писал, что одно из ее следствий – более тесное соприкосновение Запада с Востоком («Мировая война вовлекает в мировой круговорот все расы, все части земного шара. Она приводит Восток и Запад в такое близкое соприкосновение, какого не знала еще история» [2]. Но, конечно, история нечто подобное уже знала. О таком соприкосновении в романе «Война и мир» размышлял еще Л. Толстой. Вот его констатация этого соприкосновения, связанная с Отечественной войной 1812 года. «В 1789 году поднимается брожение в Париже; – пишет он – оно растет, разливается и выражается движением народов с Запада на Восток. Несколько раз движение это направляется на восток, приходит в соприкосновение с противодвижением с востока на запад; в 12-м году оно доходит до своего крайнего предела – Москвы, и, с замечательной симметрией, совершается противодвижение с востока на запад, точно так же, как и в первом движении, увлекая за собой серединные народы. Обратное движение доходит до точки исхода движения на западе – до Парижа, и затихает» [13].

Л. Толстой это соприкосновение Запада с Востоком представляет лишь под углом зрения российской истории и Отечественной войны 1812 года. Между тем, вся мировая история может быть рассмотрена под углом зрения такого соприкосновения, и Древний Рим в этой истории будет далеко не первым эпизодом. Такое соприкосновение Запада и Востока развертывается на протяжении всей истории человечества. Оно ощущается и по сей день. «Борьба эллинства и Востока – пишет Г. Федотов – еще продолжается в нашей современной культуре» [15].

В истории контактов между цивилизациями первая, а затем и вторая мировая война были лишь очередными и более близкими нам событиями. Запад постоянно опасался активности Востока и в поздней истории вызвал к жизни то, что Э. Саид назвал «ориенталистским дискурсом», то есть мифом, которым Запад наделил Восток как якобы отсталый по сравнению с Западом регион [17]. Таким образом, для России Запад представлял тот саамы вызов с большой буквы, о котором пишет А. Тойнби и который уходит в глубокую историю. В этой истории вторая мировая, как, собственно, и первая мировая война предстает лишь поздними событиями. Собственно, вызов есть следствие столкновения между цивилизациями. В данном случае совсем не следует представлять одну цивилизацию светлой, а другую безнадежно черной. Конечно, светлой цивилизацией нередко предстает Запад, но, как утверждает А. Тойнби, западная цивилизация проявила отнюдь не только свою светлую , но и темную сторону [12, с. 214].

Поскольку для Запада Востоком воспринималась и Россия, то, естественно, что идея мировой революции, весьма популярная и пугающая после революции 1917 года и на Западе, не могла не спровоцировать противостояние, что, кстати, было спрогнозировано в XIX веке М. Бакуниным.

М. Бакунин пророчил столкновение России и Германии еще в XIX веке. Ф. Достоевский хотя и не делал таких прогнозов, но в «Дневнике писателя» за 1876 год тоже фиксировал самодовольство немцев после победы над французами. Оно начало проявляться, в том числе, и по отношению к русским. Так, писатель передавал фразу, услышанную им от дрезденского лавочника. «Вот мы закончили с французами, а теперь примемся и за вас». Ф. Достоевский комментирует это так: «Это почти невольно появившееся ожесточение против русских даже мне показалось тогда удивительным, хотя я всю жизнь мою знал, что немец всегда и везде, еще с самой немецкой слободы в Москве очень – таки не жаловал русского» [9, с. 272].

Мысль Сталина развертывалась именно в этой бакунинской парадигме. Во время встреч с представителями большого альянса Сталин постоянно пытался привлечь их внимание к послевоенной Германии. Он считал, что эта страна сможет очень быстро возродиться и снова может продемонстрировать агрессию. Но протии кого направленную агрессию? Сталин имел в виду Россию и вообще славянские народы, которые и могут стать жертвой этой агрессии [8, с. 388]. Эта мифологема непримиримости немцев и славян формировалась давно. Ее разделяли, в том числе, немецкие историки и политики. Так, А. Дживелегов приводит высказывание Менцеля («В германском принципе заключается что-то такое, чему не может долго противиться принцип славянский») и Трейчке («Все попытки славян освободиться от немецкого господства бесполезны, бессмысленны, тщетны и заранее осуждены историей») [5, с. 32].

Вот почему у Сталина была идея объединения славянских народов, но, естественно, в тех формах, которые виделись вождю наиболее оптимальными. В этом смысле Сталин невольно оказывается продолжателем идеи К. Леонтьева о необходимости объединения славян. Известно, что К. Леонтьев, противопоставляя славизм Западу, утверждал, что славизм является слабым и аморфным образованием. Основой объединения славянского мира должна быть Россия («Для существования славян необходима мощь России» [7, с. 119]). Но саму Россию цементирует, по мнению К. Леонтьева, византийское начало («Для силы России необходим византинизм» [7, с. 119]). Византинизм способен быть дисциплинирующим началом не только русского, но и всего славянского мира.

Именно это обстоятельство диктовало Сталину необходимость искать взаимопонимания с Черчилем и Рузвельтом, а потом после смерти Рузвельта и с Труменом. Не случайно уже в момент переговоров с представителями альянса во время войны он постоянно поднимал вопрос о недопустимости возрождения послевоенной Германии. Однако его союзники не склонны были к пониманию. В их задачи входило именно возрождение Германии и втягивание ее в продолжающееся противостояние коммунистическому режиму, которое после войны стало еще более очевидным. Ради союза с представителями альянса и, соответственно, мира с ведущими странами Сталин даже пожертвовал Коминтерном. Ведь Коминтерн был создан, когда международную политику России определяла идея мировой революции [8, с. 235]. Сталин отдавал отчет в том, что именно эта идея и отпугивала Запад. Этим актом он давал понять, что не имеет намерений большевизировать страны Восточной Европы.

Собственно, именно этот усилившийся со стороны Запада Вызов и определил послевоенный политический курс Сталина, в котором главным оказалось отсутствие свободы. Запад не мог пойти на сближение со Сталиным. Противостояние цивилизаций продолжалось. Этому противостоянию Западу, что оказалось реальным в XX веке, предшествовала, как утверждает А. Тойнби, многовековая предыстория. До некоторого времени противостояние Западу развертывалось в форме конфликта между греко-римской цивилизацией как предшественницей современного Запада, с одной стороны, и Востоком, с другой. В последние столетия роль Востока в противостоянии Западу играла Россия. С эпохи Петра I «России удалось не поддаться Западу, взять на вооружение западные же методы и способы борьбы, в частности, мировоззрение, восприняв которое Россия перешла от обороны к контрнаступлению, что сегодня вызывает огромное беспокойство у нас на Западе» [12, с. 443].

Разумеется, с момента возникновения второй мировой войны, да даже еще и с момента первой мировой войны старые страхи не могли не актуализироваться. Противостояние России хотя бы и в форме несопротивления западных стран Третьему Рейху, почему, собственно, так долго не открывался и второй фронт, было очередной акцией, которую должен был предпринять Запад, чтобы противостоять Востоку, предстающему на этот раз в форме большевизма. Так что истоки будущего столкновения находятся в древности и, соответственно, время от времени этот комплекс в подсознании западного человека активизируется. Россия означала Восток, а Востоку следовало противостоять, чтобы не вернуться в безличную стихию, из которой Запад еще в эпоху античности вышел.

В связи с прогнозом по поводу будущего и неизбежного столкновения России и Запада, что получает отражение в сознании Сталина, нельзя забывать М. Бакунина. Но у него этот прогноз будущего столкновения предполагал и конкретного антагониста или врага. Противостояние России с Западом сведется, как он доказывал, к противостоянию с Германией, ибо этой стране присущ культ государ-

ственности, культ Фридриха Второго как последователя Макиавелли. Столкновение неизбежно, ибо, по мысли М. Бакунина, славянский народ – народ негосударственный, а, еще точнее, анархический. По мысли М. Бакунина, славянам присуща ненависть к государству и стремление к вольнообщинному крестьянскому миру. В ментальности славян имеет место стремление «к общей свободе и к общему человеческому братству на развалинах всех существующих государств» [1].

Собственно, позднее на это несходство русских и немцев в их отношении к государству обратит внимание В. Розанов. «Мы, русские, – пишет он – все общество наше, вся масса общества, уж слишком не государственны… Не спорю, за немцами «по государственности» нам не угнаться» [9, с. 272]. Народ же государственник, а именно таким в истории предстает Германия, ставящий своей целью распространить имперские амбиции на весь мир, неизбежно должен столкнуться с народом – анархистом.

Собственно, когда М. Бакунин такие выводы делает, то он под ментальностью немцев имеет в виду лишь психологию немцев, которая сформировалась с момента объединения Германии, ведь эта страна еще и в конце XVIII века существовала в форме обособленных вольных городов, графств и княжеств, которых можно насчитывать десятками. Но уже в XIX веке после объединения Германия начала культивировать в себе прусский военный дух. Вся эпоха Гогенцоллернов, выражением которой явился воинственный Бисмарк, демонстрирует милитаристские установки. В соответствии с этими установками изменяется и ментальность немцев. Пытаясь ответить на этот вопрос в годы первой мировой войны, когда возникло столкновение России и Германии, А. Дживелегов писал: «Почему высокая культурность оказалась маской, из-под которой глядит теперь на всех, оскаля зубы, чуть не первобытное варварство? Куда девались Вертер и люди цветка, романтики не от мира сего? Откуда эта вакханалия трезвенного мещанства?» [5, с. 1]. Еще в XVIII и в начале XIX веков немцы оплакивали свою горькую долю, но чем сильнее им прививали прусский дух, тем очевидней развертывалось изменение их ментальных комплексов.

Однако когда читаешь «Речи к немецкой нации» И. Фихте, то в них уже ощущаешь, что немецкая национальная идея, не уступающая русской национальной идее, уже оформилась. Исходя из программы пересоздания человечества, которая провозглашалась в эпоху модерна, И. Фихте в немцах усматривал именно тот авангард, с которого начнется это пересоздание. Предназначение человеческого рода по И. Фихте заключается в том, чтобы сделать себя тем, чем этот род является изначально. Такое самосозидание должно начаться первоначально в каком-то конкретном народе и в определенное время. Что касается времени, то это, конечно, эпоха модерна, с которой просветители связывали высоту человеческого духа. Что же касается пространства, то И. Фихте прямо утверждает, что самосозидание начнется с немцев и при их участии распространяется на все человечество. Иначе говоря, судьбы человечества поставлены в зависимость от немцев. «В отношении же пространства мы полагаем, – пишет он – что немцам, прежде всех прочих, следует вменить в обязанность начать собою новое время, предвосхищая и преобразуя его собою для всех прочих народов» [16, с. 59].

Когда эта мысль излагается на философском языке, то она вполне приемлема. Приемлема настолько, насколько напоминает суждения славянофилов, возлагающих большие надежды уже на русский народ. Но ведь это философское откровение И. Фихте может получить имперскую основу реализации, и тогда может начаться перерождение идеи модерна. Но это и случится. Вот как А. Дживелегов изображает перерождение немецкой идеи под воздействием имперского комплекса. «Ему (немцу – Н. Х.), наученному покорно выносить все, дали почувствовать собственную силу: он стал наглым. Его, привыкшего постоянно терпеть поношения, сделали победителем: он проникся высокомерием. Его, еще недавно преклонявшегося перед культурой Франции, с триумфом провели через побежденную страну: он преисполнился верою в немецкий гений и в звезду Германии» [5, с. 58].

Однако вот что интересно. Под имперским мессианизмом и немецкой национальной идеей пряталась ставшая к началу XX века универсальной душа мещанина. А. Дживелегов справедливо констатировал, что с конца XVIII века бюргерство искало поддержки не снизу, а сверху, то есть со стороны бюрократии, власти. Следовательно, оно оказывалось зависимым от власти, а она все больше милитаризировалась. Но невозможно представить, что, в свою очередь, бюргерство не воздействовало на власть. Так, В. Розанов проницательно улавливает мещанскую подкладку немецкого имперского мессианизма. Он ее усматривает и в первой мировой войне. Определяя мессианизм как стремление некоторых народов занять первое место среди других народов и вести их за собой, В. Розанов видит в первой мировой войне проявление именно этого немецкого комплекса.

Но почему же немцы возомнили себя первыми? Почему еще в XVIII веке поверили И. Фихте? Идеалы И. Фихте в X1X веке материализовались в мещанском духе, в способности немцев лучше других производить качественные вещи и уметь предъявлять их на международных рынках. В качестве примера философ указывает на более совершенное

производство пошлых зубных щеток. У В. Розанова зубные щетки предстают символом индустриального мира, того, что мы сегодня называем обществом потребления. Признание качественности этих щеток вселило в немцах уверенность, что они лучшие и передовые и способны вести за собой другие народы («Германия решительно и деловым образом потребовала себе первенства во всемирной цивилизации, сорок лет подготовляясь к войне и начав войну с потерей миллионов людей и убивая миллионы людей у соседних народов во имя того, что никто так не умеет выделывать зубных щеточек, как «германский человек» [9, с. 245]. Возникшая в результате успехов в промышленности уверенность в первенстве трансформируется в политические имперские амбиции («Война, как обнаружилось решительно и окончательно, ведется за техническое, коммерческое и промышленное подавление Германиею всего света. Но как «предпосылка» техники и промышленности – политическое преобладание Германии во всем свете» [9, с. 246].

Но следует принять во внимание и то, что когда И. Фихте возлагает на немцев огромную ответственность по пересозданию и перевоспитанию не только самих немцев, но и всего человечества, то он в качестве такого народа – авангарда славян явно не видит, чего и не скрывает. Формулируя смысл миссии немцев, заключающейся в том, чтобы «соединить общественный порядок, созданный в древней Европе, с сохраненной в Азии истинной религией, и таким образом развить в себе и из себя самих новое время, противоположное погибшей древности» [16, с. 65]. И. Фихте говорит, что «другие нации новой Европы (например, народы славянского происхождения) еще не получили, кажется, столь ясного развития, сравнительно с остальною Европой, чтобы возможно было определенно обрисовать их основные черты» [16, с. 65], а, следовательно, по этой причине претендовать на столь значимую роль в истории они не могут. А они, между тем, все же претендовали.

Конечно, у И. Фихте еще не было дифирамба во славу империи. Но зато он разделял идею объединения многих немецких княжеств, хотя в этом объединении и имелась своя уязвимость. Ведь, объединившись, немцы быстро возродили имперский комплекс. Философия и искусство Германии расцветало, пока в ней не распространился прусский дух. Для Германии Пруссия, что Македония для Древней Греции. Эту параллель между Германией XVIII века и древней Грецией провел В. Розанов. Германия XVIII века не была единой. Была южная Германия, имевшая сходство с Афинами, и была северная Германия, похожая на Спарту. «Есть Германия южная и северная: и северная поистине отвратительна, черства, суха, формальна и «упившимся пивом» (не виноградным соком). Около поэтической и музыкальной южной Германии, провинциальной Германии она играет ту же «объединительную и опошляющую и варваризуемую роль, какую около Аттики, Афин, Коринфа, Аргоса, Ахайи играла жесткая и грубая Македония. Вильгельм I – параллель Филиппу Македонскому, а Вильгельм II пытается сыграть роль Александра Македонского» [9, с. 387]. Когда в Германии стал распространяться дух Пруссии, угасали остатки романтизма, забывались Гете, Шиллер и Бетховен («Германия рубила сук, на котором сидела, – рубила родники и источники того духовного света, за который ее благодарило и за который ее почитало человечество» [9, с. 387]).

В утверждении М. Бакунина, согласно которому русский народ является народом – анархистом, следовало бы усомниться. Русский народ даже в большей степени в истории, а, тем более, в истории XX века предстает народом – государственником, хотя, как мы показали, это и не исчерпывает его ментальности. Он предстает таким именно потому, что когда-то поверил в то, что от его активности зависит и свобода других народов. Но, оказывается, когда русских наделяют образом народа – анархиста, то, видимо, в этом случае руководствуются, прежде всего, памятью о русской революции 1917 года. Но этот опыт явно не исчерпывает всех признаков ментальности русских. Таким образом, как мы убеждаемся, военная катастрофа разбередила старые раны, вернула к страху Запада, имеющему место еще в далеком Средневековье в результате необходимости сохранить свою самостоятельность и не возвращаться к Востоку, чтобы снова раствориться в той стихии, из которой он когда-то вышел. Вот почему эта война была для всего Запада столь значимым событием.

Может быть, именно этим объясняется тот факт, почему западные народы хотя и не оказывали Гитлеру сопротивления, тем не менее, делали это не столь решительно, как это могло бы быть. Ведь для некоторых из них Сталин выглядел не меньшей опасностью, чем Гитлер. Распространяющаяся под воздействием русской революции идея мировой революции воспринималась восточной ересью, угрожающей стабильности Запада как уникальной цивилизации, транслирующей свои ценности во всем мире. Сталин знал о предстоящей войне и готовился выиграть победу не только в соперничестве за власть в среде выдающихся представителей партии, но и в международном масштабе. На этот раз ему предстояло проявить интерес к Западу, который дотоле у него отсутствовал и просчитывать все детали применительно к ведущим политикам Запада так, как он это делал, имея в виду своих соратников по партии. На этот раз ему предстояло переиграть уже не только Бухарина, Каменева, Зиновьева или Троцкого, но Черчиля, Рузвельта, Трумена, а самое главное – Гит-

лера. Кстати, по свидетельству Геббельса, приводимому Д. Робертсом в своей книге, Гитлер считал, что Черчиля и Рузвельта следовало бы повесить, но, что касается Сталина, то, в отличие от Черчиля, произносящего умные речи в парламенте и написавшего несколько книг, он «реорганизовал страну в 170 миллионов человек и подготовил ее к масштабному вооруженному конфликту» [8, с. 523].

Подробно описанная Д. Робертсом деятельность Сталина в годы войны свидетельствует, какой напряженной и разносторонней эта деятельность была. Сталин вынужден был просчитывать все возможные варианты реакций в разных западных странах на каждый свой шаг, который не свидетельствовал лишь о его личном поведении. Поступки Сталина означали курс государства, с которым вынуждены были считаться все страны, не важно, разделяли или не разделяли они идеологические установки Советского Союза. Уже когда война с Германией закончилась, Сталину предстояло вооруженное противодействие с Японией. Он также должен был разрешить многие проблемы, неразрешенные с момента окончания русско-японской войны 1904-1905 годов. Известно, что Япония имела серьезные притязания на часть российской территории и в любой момент могла напасть на Советский Союз, в том числе, и во время войны с Германией. Сталин был весьма острожен и все делал, чтобы отношения с Японией не обострялись. Вступить в войну с Японией он мог бы и раньше, если бы не игра, которую он вел с Черчилем и Рузвельтом, медлившими с открытием второго фронта. Медлили они, медлил и Сталин. Между тем, и Черчиль, и Рузвельт подталкивали Сталина к войне с Японией. Если бы Сталин вступил в эту войну раньше, сокрушительного нападения японцев на Пирл – Харбор могло бы и не произойти. Сталин оттягивал столкновение с Японией, хотя союзники оказывали на него давление. Поскольку он это обещал еще в Тегеране, то должен был свое слово сдержать. Но, даже действуя под давлением союзников, он предъявлял Америке свои условия, в том числе, и возвращение к России Курил. Описывая деятельность Сталина, связанную с планами и подготовкой войны с Японией, Д. Робертс выражает изумление тем, насколько глобально мыслил Сталин [8, с. 399], ведь он предсказывал возрождение разгромленной в предстоящей войне Японии, а также возможные последствия этого возрождения, как он ранее предсказывал быстрое возрождение Германии после второй мировой войны, в связи с чем он пытался убедить союзников в необходимости расчленения Германии.

Оказываясь игроком уже в мировом масштабе, Сталин не выпускал из рук и всего того, что происходило и должно было происходить внутри страны. Об этом, например, свидетельствует контроль Сталина над искусством, к которому, как свидетельствуют многие факты, он подходил с утилитарной, то есть политической точки зрения, стремясь каждое произведение использовать как своего рода послание, высказывание, дающее возможность увидеть в нем нечто большее, чем просто художественный смысл, а именно, пропаганду значимости возведенного им государства. С этой точки зрения значительный интерес представляют мемуары К. Симонова.

Например, заслуживают внимания суждения писателя по поводу использования для пропаганды своих идей художественных произведений на историческую тему. К истории Сталин относился как к предыстории своей деятельности по возведению мощного государства в византийском духе, претендующего на одно из первых мест в мировой истории. Естественно, что архетип третьего Рима определял установки Сталина так как (и это отмечает К. Симонов), вышедшие перед второй мировой войной исторические романы «Чингис – хан» Яна и «Дмитрий Донской» Бородина давали возможность высказаться о современности, как ее понимал вождь. «Роман «Чингис-хан» предупреждал о том, – пишет К. Симонов – что происходит с народами, не сумевшими сопротивляться нашествию, покоренными победителем. Роман «Дмитрий Донской» рассказывал о начале конца татарского ига, о том, как можно побеждать тех, кто считал себя до этого непобежденными. Эти романы были для Сталина современными, потому, что история в них и предупреждала о том, что ждет побежденных, и учила побеждать, да притом вдобавок на материале одного из самых всенародно известных событий русской истории» [10, с. 161]. Естественно, что в 1942 году эти романы получили Государственную премию.

О том, как помимо воли художника и заложенного в его произведении смысла, в него может вкладываться дополнительный смысл, а произведение способно наделяться пропагандистским смыслом, свидетельствует история с романом Степанова «Порт-Артур», который вышел в начале войны, но государственной награды своевременно не получил, а получил ее лишь после войны. Роман все же был Сталиным замечен. Но, по его мнению, в начале войны, когда советская армия несла потери, когда Сталинградской битвы, ставшей поворотным пунктом в войне, еще не произошло, роман о поражении русских войск не имел мобилизующего значения. В 1946 году с помощью этого романа внедрялась мысль о том, что, несмотря на поражения, в конечном счете, победа оставалась за Россией, и результаты второй мировой войны и, в частности, разгром Японии свидетельствовали, что некогда в истории неразрешенный вопрос, наконец-то, разрешился. «А в сорок шестом Сталин счел – пишет К. Симонов – что эта книга нужнее как нечто крайне современное, напоминание о том, как царь,

царская Россия потеряли сорок лет назад то, что Сталин и возглавляемая им страна вернули себе сейчас; напоминавшее о том, что и тогда были офицеры и солдаты, воевавшие столь же мужественно, как советские офицеры и солдаты в эту войну, но находившиеся под другим командованием, под другим руководством, неспособным добиться победы» [10, с. 162].

Во время второй мировой войны география поединка, в котором Сталин стал играть одну из определяющих ролей, необычайно расширилась. Да, мировая революция не получилась, но и делать вид, что перманентного противостояния между Россией и Западом тоже не существует, невозможно. Как бы то там ни было, но русская революция 1917 года была грандиозным событием, если его оценивать с точки зрения противостояния Запада и Востока. На протяжении всей истории это противостояние развертывалось то в пользу Запада, то в пользу Востока. Например, когда-то вестернизации предшествовала византинизация мира. Византия как символ Востока определяла судьбы мира, называя себя вторым Римом. Однако ее распад в XV веке, несомненно, был победой Запада.

Этот процесс противостояния был подхвачен Римом третьим, то есть Россией. Даже когда Россия демонстрировала себя прилежной ученицей Запада (а это произошло с реформ Петра 1), все равно этот комплекс противопоставления оставался реальным. Это не удивительно. «Византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, – писал К. Леонтьев – проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [7, с. 100]. Очевидно, что революция 1917 года тоже свидетельствовала об активизации этого комплекса. Россия и сама демонстрировала невключенность в Запад и с помощью революции утверждала такую возможность для других народов. Но для дерзких и неподдающихся история уготовила и свою судьбу.

Самостоятельность России дорого стоит. Выводя из подсознания Запада снова многовековой страх перед Востоком, чему способствовала русская революция с ее идеей мировой революции, Россия невольно провоцировала мировые войны XX века, в основе которых было стремление Запада подавить Россию, подвести ее к смирению и, в конечном счете, растворить ее в западной цивилизации. Это стремление Запада уходит глубоко в историю. Ведь, как известно, римский папа еще в средние века готовил против православия крестовый поход. Л. Гумилев, например, пишет: «Ее (Руси. – Н. Х.) ожидала судьба Византии, захваченной в 1204 году крестоносцами и разграбленной до нитки. Организованные рыцарские армии, с латной конницей и арбалетчиками, настолько превосходили разграбленные дружины русских князей, что выиграть можно было одну другую битву, но не длительную войну» [4].

Конечно, в разное время эта цель достигалась разными и отнюдь не военными способами, но XX век продемонстрировал, что возможны и такие средства, как истребительные войны. Совершенно очевидно, что во второй мировой войне победила Россия. Но эта победа произошла опять же не без участия самого Запада. Ведь победа России явно не снимала окончательно вопроса о противостоянии Запада и Востока. В конце концов, во время второй мировой войны Запад подыграл России и не мог этого не делать, поскольку победа Гитлера означала возникновение мировой империи под властью немцев и лишение всех тех либеральных ценностей, которые в последние столетия культивировал Запад. Такая перспектива толкала западные народы на солидарность с Россией. Но это была вынужденная солидарность, подстегиваемая страхом перед распространяющим свое влияние Гитлером.

Таким образом, общественное мнение Запада постепенно складывалось в пользу России. Но это совсем не означает, что отныне Россия, оказываясь спасителем народов, становится этим народам более близкой. Проблема противостояния Запада и Востока продолжает быть актуальной. Она была актуальной до второй мировой войны. Она оставалась актуальной и после ее окончания. Более того, развертывающийся к концу XX века распад Советского Союза и отделение от него народов, ранее в него входивших, происходит не без вмешательства Запада. Это отделение происходит тоже как противостояние России, а, следовательно, воспринимается в более широком геополитическом контексте, то есть в контексте противостояния Запада и Востока. Чтобы там не утверждал Ф. Фукуяма о конце истории, этот конец еще не наступил. Нельзя недооценивать значение русской революции 1917 года, но невозможно ее и переоценивать. Эта революция – очередное обострение отношений между Западом и Востоком, в какие бы политические и идеологические теории эти отношения ни упаковывались.

Библиографический список

1. Бакунин, М. Философия. Социология. Политика [Текст] / М. Бакунин. – М., 1989. – С. 338.

2. Бердяев, Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1990. – С. 119.

3. Бердяев, Н. Христианство и социализм [Текст] // Сборник статей, посвященных П. Б. Струве ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности. – Прага, 1925. – С. 348.

4. Гумилев, Л. Древняя Русь и Великая степь [Текст] / Л. Гумилев. – М., 1992. – С. 615.

5. Дживелегов, А. Немецкая культура и война [Текст] / А. Дживелегов. – М., 1915. – С. 1, 32, 58.

6. Ильин, И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. В 2-х т., Т. 1 [Текст] / И. Ильин. – М., 1992. – С. 75.

7. Леонтьев, К. Восток, Россия и славянство. Т. 1 [Текст] / К. Леонтьев. – М., 1885. – С. 100, 119.

8. Робертс, Д. Указанные сочинения [Текст] / Д. Робертс. – С. 129, 235, 388, 399, 523.

9. Розанов, В. В чаду войны. Статьи и очерки. 1916-1918 гг. [Текст] / В. Розанов. – М.–СПб., 2008. – С. 245, 246, 272, 387.

10. Симонов, К. Глазами человека моего поколения [Текст] / К. Симонов. – М., 1990. – С. 161, 162.

11. Тернер, В. Символ и ритуал [Текст] / В. Тернер. – М., 1983. – С. 199.

12. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории [Текст] / А. Тойнби. – М., 2003. – С. 214, 443.

13. Толстой, Л. Собрание сочинений в 20 т. Т. 7 [Текст] / Л. Толстой. – М., 1963. – С. 333;

14. Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина [Текст]. – М., 1927. – С. 61.

15. Федотов, Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 2 [Текст] / Г. Федотов. – СПб., 1992. – С. 305.

16. Фихте, И. Речи к немецкой нации (1808) [Текст] / И. Фихте. – М., 2008. – С. 59, 65.

17. Хренов, Н. Идеи Л. Н. Гумилева на фоне ориенталистского дискурса [Текст] // Наследие Л. Н. Гумилева и судьба народов Евразии: история, современность, перспективы. – СПб., 2012.

Reference List

1. Bakunin, M. Filosofija. Sociologija. Politika = Philosophy. Sociology. Policy [Tekst] / M. Bakunin. – M., 1989. – S. 338.

2. Berdjaev, N. Sud'ba Rossii. Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti = Fate of Russia. Experiments on psychology of war and nationality [Tekst] / N. Berdjaev. – M., 1990. – S. 119.

3. Berdjaev, N. Hristianstvo i socializm = Christianity and socialism [Tekst] // Sbornik statej, posvjashhennyh P. B. Struve ko dnju 35-letija ego nauchno-publicisticheskoj dejatel'nosti = The collection of articles devoted to P. B. Struva to the day of the 35 anniversary of his scientific-journalistic activity. – Praga, 1925. – S. 348.

4. Gumilev, L. Drevnjaja Rus' i Velikaja step' = Ancient Russia and Great steppe [Tekst] / L. Gumilev. – M., 1992. – S. 615.

5. Dzhivelegov, A. Nemeckaja kul'tura i vojna = German culture and war [Tekst] / A. Dzhivelegov. – M., 1915. – S. 1, 32, 58.

6. Il'in, I. Nashi zadachi. Istoricheskaja sud'ba i budushhee Rossii. Stat'i 1948-1954 godov. V 2-h t., T. 1 = Our tasks. Historical fate and future of Russia. Article of 1948-1954 years. In 2 volumes, V. 1 [Tekst] / I. Il'in. – M., 1992. – S. 75.

7. Leont'ev, K. Vostok, Rossija i slavjanstvo. T. 1 = The East, Russia and Slavic peoples. V. 1 [Tekst] / K. Leont'ev. – M., 1885. – S. 100, 119.

8. Roberts, D. Ukazannye sochinenija = The specified compositions [Tekst] / D. Roberts. – S. 129, 235, 388, 399, 523.

9. Rozanov, V. V chadu vojny. Stat'i i ocherki. 1916-1918 gg. = In war fumes. Articles and essays. 1916-1918 [Tekst] / V. Rozanov. – M.–SPb., 2008. – S. 245, 246, 272, 387.

10. Simonov, K. Glazami cheloveka moego pokolenija = With eyes of the person of my generation [Tekst] / K. Simonov. – M., 1990. – S. 161, 162.

11. Terner, V. Simvol i ritual = Symbol and ritual [Tekst] / V. Terner. – M., 1983. – S. 199.

12. Tojnbi, A. Civilizacija pered sudom istorii = Civilization on the stand of history [Tekst] / A. Tojnbi. – M., 2003. – S. 214, 443.

13. Tolstoj, L. Sobranie sochinenij v 20 t. T. 7 = Collected works in 20 volumes, V. 7 [Tekst] / L. Tolstoj. – M., 1963. – S. 333;

14. Upadochnoe nastroenie sredi molodezhi. Eseninshhina = Depression among youth. Eseninshchina [Tekst]. – M., 1927. – S. 61.

15. Fedotov, G. Sud'ba i grehi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury. T. 2 = Destiny and sins of Russia. The selected articles on philosophy of the Russian history and culture. V. 2 [Tekst] / G. Fedotov. – SPb., 1992. – S. 305.

16. Fihte, I. Rechi k nemeckoj nacii (1808) = Speeches to the German people (1808) [Tekst] / I. Fihte. – M., 2008. – S. 59, 65.

17. Hrenov, N. Idei L. N. Gumileva na fone orientalistskogo diskursa = L. N. Gumilev's ideas against the background of orientalistic discourse [Tekst] // Nasledie L. N. Gumileva i sud'ba narodov Evrazii: istorija, sovremennost', perspektivy = L. N. Gumilev's heritage and the fate of peoples of Eurasia: history, present, prospects. – SPb., 2012.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10332

УДК 821.161.1;821.581

Е. М. Болдырева https://orcid.org/0000-0003-2977-7262

Е. В. Асафьева https://orcid.org/0000-0003-0933-0068

Литература «ран и шрамов»: Чжан Сяньлян – «китайский Шаламов»

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

В статье рассматривается система творческих перекличек Варлама Шаламова и китайского писателя Чжан Сяньляна, названного критиками «китайским Шаламовым». Творчество писателей анализируется в контексте типологически сходных тенденций в российском и китайском литературном процессе – отечественная литература ГУЛАГа и китайская литература «ран и шрамов», судьба обоих писателей рассматривается как пример сложного противостояния личности тоталитарной системе. При сопоставлении произведений Чжан Сяньляна и В. Шаламова выявляется множество значимых для художественного мира писателей мотивных перекличек: мотив физического и нравственного истощения, описание суровых реалий окружающей природы, голод как интегральная основа существования заключенных, болезненное наслаждение едой, ее поиски на грани жизни и смерти, эстетизация и сакрализация еды, мотивы мороза, снега и тотального обледенения, особая роль категории случая, мотивы покаяния и искупления грехов предков, страстная жажда жизни и бесстрастно-спокойное притяжение смерти. Наряду с этим в статье рассматриваются существенные различия художественного мира Чжан Сяньляна и Варлама Шаламова: восприятие труда как удовольствия от общественно полезного дела, пробуждающего жажду жизни, осознание необходимости страдания для обретения счастья, надежда на обретение своего места в судьбе народа и страны у Чжан Сяньляна и осмысление физического труда заключенных как абсолютного зла, приводящего к нравственному растлению, а творчества – как мести, «преодоления зла» и способа восстановления исторической справедливости у В. Шаламова.

Ключевые слова: В. Шаламов, Чжан Сяньлян, русская литература XX века, китайская литература, литература ГУЛАГа, литература «ран и шрамов», категория памяти, автобиографический герой, мотив.

E. M. Boldyreva, E. V. Asafieva

Literature of «Wounds and Scars»: Zhang Xianlianga – «a Chinese Shalamov»

In the article the system of creative musters of Varlam Shalamov and Chinese writer Zhang Xianlianga called critics «the Chinese Shalamov» is considered. Works of writers are analyzed in the context of typologically similar trends in the Russian and Chinese literary process – domestic literature of GULAG and the Chinese literature of «wounds and scars», the fate of both writers is considered as an example of difficult opposition of the personality to the totalitarian system. Comparing Zhang Xianlianga and V. Shalamov's works it comes to light a great number of writers of motive musters, significant for the art world: a motive of physical and moral exhaustion, a description of severe realities of the surrounding nature, hunger as an integrated basis of existence of prisoners, painful pleasure food, its search on the verge of life and death, aestheticization and sacralization of food, motives of frost, snow and total frosting, a special role of the category of a case, motives of repentance and redemption of ancestors, passionate thirst of life and passionless and quiet attraction of death. Along with it in the article essential distinctions of the art world of Zhang Xianlianga and Varlam Shalamov are considered: work perception as pleasures from the socially useful business awakening thirst of life, awareness of need of suffering for finding happiness, hope for finding the place in the fate of the people and the country in Zhang Xianlianga's works and judgment of prisoners' physical work as the absolute evil leading to moral corruption, and creativity – as revenges «overcoming the evil» and a way of restoration of historical justice in V. Shalamov's works.

Keywords: V. Shalamov, Zhang Xianlianga, Russian literature of the XX century, Chinese literature, literature of GULAG, literature of «wounds and scars», category of memory, autobiographical hero, motive.

«Открывая книгу китайского автора в поисках экзотики, в надежде обнаружить любопытные детали жизни «Поднебесной империи», мы перелистываем страницы, удивленные созвучием проблем, совпадением болевых точек в истории наших народов. Там, где мы привыкли искать различия, обнаруживается поразительное сходство», [7] – так звучит фрагмент предисловия к повести Чжан Сяньляна «Женщина – половинка мужчины». Говоря об этом, Д. Сапрыка прежде всего имеет в виду сходство двух историко-культурных тенденций – отечественную литературу ГУЛАГа и китайскую литературу «ран и шрамов». Сопоставить эти два явления позволяет общность исторических событий, которые поочередно происходили в СССР и КНР – тоталитарный режим Сталина и Мао Цзэдуна. В эпо-

© Болдырева Е. М., Асафьева Е. В., 2019

ху террора в той и другой стране репрессиям подвергались все противники тоталитарного режима, и основной удар пришелся на интеллигенцию – интеллектуалов, которые были опасны для действующей власти тем, что могли повлиять на массы и привести к революции. Когда на смену культа личности в СССР пришла Хрущевская оттепель, в Китае – «Пекинская весна», в первую очередь на столь значительные события отреагировала литература. Авторы, которые не имели возможности говорить при тоталитарном режиме, постепенно получили право публиковаться. В СССР вышла в свет повесть И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в Китае – рассказ Лу Синьхуа «Шрамы». Однако свобода слова просуществовала недолго. На смену Хрущевской оттепели пришла брежневская эпоха застоя, а в Китае конец «Пекинской весны» ознаменовало событие, произошедшее 4 июня 1989 года, когда действующее правительство «Поднебесной» подавляло студенческие демонстрации с применением танкового вооружения. Тем не менее ослабление режима в той и в другой стране позволило обозначить две литературных тенденции – литературу ГУЛАГа и литературу «ран и шрамов», яркими представителями которых являются в России А. Солженицын и В. Шаламов, а в Китае – Ван Мэн и Чжан Сяньлян.

В китайском литературоведении часто встречаются работы, где те или иные китайские писатели сопоставляются с русскими: «Лу Синь – китайский Гоголь», «Хай Цзы – китайский Есенин», «Го Можо – китайский Маяковский», «Ван Мэн – китайский Солженицын», «Мо Янь – китайский Шолохов», «Лу Яо – китайский Шолохов» и т. д. По аналогии с этим Чжан Сяньлян неоднократно был назван критиками и литературоведами «китайским Шаламовым». И действительно, биографический и художественный материал дают основания для подобного рода сопоставления.

Первое, что сближает Чжан Сяньляна и Варлама Шаламова, – биографическое сходство. Отец китайского писателя был предпринимателем и врагом народа для образовавшейся в 1949 КНР, поэтому в связи с реформами отца писателя репрессировали как представителя враждебной буржуазии. Находясь в гуще политических событий, молодой Чжан Сяньлян с надеждами на светлое будущее, жаждущий перемен, создал в 1957 г. поэму «Песня ветра» (大风歌) [23]. Речь в ней идет о буре, которая разрушит старый мир, на смену которого придет общество, где не будет насилия и крови. Автор призывает «похоронить все гнилое в могиле» (把一切腐朽的东西埋进坟墓) [23], чтобы «сердце было наполнено любовью» (我要满心充着爱) [23]. «Марс не должен жить» (点火星决不能生活) [23], и для этого необходимо быть «храбрым и непреклонным», не бояться шрамов и сломанных костей. Последняя мысль звучит и в поэме В. Шаламов «Аввакум в Пустозерске», правда, в другом, противоположном контексте. После публикации «Песни ветра» 21-летний Чжан Сянлян подвергся критике «анти-правых» и на 22 года был отправлен в трудовые лагеря.

В биографии Варлама Шаламова мы находим переклички с судьбой китайского писателя. Отец Варлама Тихоновича был передовым священником, представителем духовенства, которое отвергалась новой революционной Россией. После 1917 года Тихон Шаламов испытывал финансовые трудности, поскольку не мог найти работу. Вскоре он ослеп и спустя 10 лет умер в нищете и забвении. Молодой Варлам Шаламов был увлечен идеями революции, принимал активное участие в политических кружках МГУ, где учился на факультете советского права. Будущего писателя обвинили в распространении «Завещания Ленина» и в участии в запретной «троцкистской» организации. Как «социально вредного элемента», Варлама Шаламова отчислили из университета и приговорили к трем годам заключения на Вишере. После последовало еще два ареста: первый – за письмо на Лубянку и напоминание о себе как о бывшем троцкисте, второй – за любовь к И. Бунину. В общей сложности писатель провел в заключении 18 лет и еще три года работал вольнонаемным фельдшером на левом береге Колымы. Судьба обоих писателей – пример сложного противостояния личности безжалостному маховику истории.

Основой для сопоставления, на наш взгляд, может также служить тот факт, что и В. Шаламов, и Чжан Сяньлян были одновременно и прозаиками, и поэтами. Их сближают не только общие мотивы творчества, но и то, что на первый план тот и другой в прозе и стихах помещали внутренний мир человека, его переживания. Отсюда перволичное повествование в большинстве рассказов и повестей того и другого писателя. Чжан Сяньлян на первое место в творчестве ставит человека, его судьбу и чувства, что проявляется в глубоком психологизме его произведений, то же можно сказать и о В. Шаламове. Как и В. Шаламов, Чжан Сяньлян в своем творчестве «в основном рассказывает о себе» [26], о своем опыте. Тот и другой изображали «реалистичного, противоречивого, типичного человека» [25, с. 118] в нечеловеческих условиях. В «Колымских рассказах» и ряде произведений Чжан Сяньляна показан «низкий моральный дух интеллектуалов» [25, с. 119]. Именно поэтому при сопоставлении произведений Чжан Сяньляна и В. Шаламова обнаруживается множество значимых для художественного мира писателей мотивных перекличек.

Первое, что обращает на себя внимание в повести Чжан Сяньляна «Мимоза», – сближающие произведение с «Колымскими рассказами» мотивы физического и нравственного истощения не только человека, но и животных, описание их внешнего вида и изможденния на фоне суровых реалий окружающей природы. Чжан Сяньлян пишет: «Бедные животные были едва ли в лучшем виде, чем я, отощавший до последней крайности» [12] и далее: «А бедные животные не вызывали сострадания ни в ком. На прямых, как палки, шеях мотались худющие, костлявые головы, зрачки закатились за края глазниц, а разомкнутые от натуги челюсти открывали ущербные ряды желтых зубов» [12]. Похожие образы мы видим в рассказе В. Шаламова «Заклинатель змей: «Лошадь не выносит месяца зимней здешней жизни в холодном помещении с многочасовой тяжелой работой на морозе. Если это не якутская лошадь. Но ведь на якутских лошадях и не работают. Их, правда, и не кормят» [15]. Равнодушие людей связано с тем, что сами они истощены, и вместе с истощенной плотью истощается и нравственная составляющая человека. Атрофируются базовые человеческие чувства, такие как сострадание и гуманизм. Подобное не вызывает удивления, поскольку внешний вид героев Чжан Сяньляна и В. Шаламова говорит о том, что люди находятся на грани смерти и не способны думать ни о чем, кроме тепла и пищи. В «Мимозе» мы находим следующее описание героя-повествователя: «При росте в 1 м 78 см я весил 44 кг – на столько тянул мой костяк, обтянутый кожей» [12]. Подобный антропометрический дисбаланс мы встречаем в рассказе В. Шаламова «Домино»: «Мой рост – сто восемьдесят сантиметров, мой нормальный вес – восемьдесят килограммов. Вес костей – сорок два процента общего веса – тридцать два килограмма. В этот ледяной вечер у меня осталось шестнадцать килограммов, ровно пуд всего: кожи, мяса, внутренностей и мозга» [15]. Герой при высоком росте весил всего 48 килограммов, а температура его тела составляла 34,3 градуса. Причина подобного истощения – голод, героев В. Шаламова и Чжан Сяньляна не покидает чувство голода, они ищут любую пищу в промерзшей земле, жадно поглощают спасительные калории. Люди в поисках пищи становятся бесстрашными и идут на верную гибель, как в рассказе Шаламова «Ягоды», где один из заключенных нарушает границу рабочего участка, чтобы добраться до банки с брусникой, которую он искал в насквозь промерзшей земле, и погибает от выстрела конвоира. Подобным образом, но уже на воле, герой Чжан Сяньляна искал морковь: «земля промерзла – сколько я ни искал, сколько ни скреб ногтями – ничего <...> Такую морковь можно отыскать только в скованной морозом расселине. Это я понимал. Внимательно исследовал малейшие трещины, бороздки, канавки – опять ничего» [12]. Герои Чжан Сянбляна и Варлама Шаламова лихорадочно ищут пищу, прячут ее, поглощают с жадностью и в одиночестве, опасаясь, что еду отнимут. Герои едят, испытывая высшую степень наслаждения, еда постоянно эстетизируется и даже сакрализуется. Например, Чжан Сяньлян пишет: «Четыре года я не пробовал печева из пшеничной муки, и теперь каждая крошка, казалось, таяла во рту, будто снежинка» [12]. Сравним с фрагментом рассказа В. Шаламова «Сухим пайком»: «Мы готовы были плакать от боязни, что суп будет жидким. И когда случалось чудо и суп был густой, мы не верили и, радуясь, ели его медленно-медленно» [15]. Голодные, герои рассказов обоих писателей привыкли съедать все без остатка, отсюда часто встречающиеся в их произведениях мотивы «дочиста вылизанной посуды», почти маниакальное стремление вобрать в себя последние крупицы еды с ладони или грязного стола. Вот фрагмент из повести Чжан Сяньляна «Мимоза»: «Но у тазика были свои преимущества: его удавалось дочиста вылизать» [12]. Подобное встречается и в рассказе В. Шаламова «Ночью»: «Глебов неторопливо вылизал миску, тщательно сгреб со стола хлебные крошки в левую ладонь и, поднеся ее ко рту, бережно слизал крошки с ладони» [15]. Потенциальной едой оказываются для героев даже те вещи, которые вызывают у обычного человека эстетическую брезгливость: герои поглощают не только пищу – но все, что попадется – обрезки, обломки съестного и животных. В текстах Чжан Сяньляна ели мелких грызунов: «В лагере их [крыс] и в помине не было – ведь едой-то там не разжиться, а уж попадешься, съедят за милую душу [12]. Вот похожий пример из рассказа В. Шаламова «Сухим пайком»: «Чудесные свойства земли мы узнали позднее, когда ловили мышей, ворон, чаек, белок». В рассказе В. Шаламова «Выходной день» блатари предложили герою суп из баранины. Тот, голодный, съел его за пять минут и затем услышал: «Это, батя, не баранинка, а псина. Собачка тут к тебе ходила...» [15].

К истощению героев Шаламова и Чжан Сяньляна приводил не только голод, но и холод, отсюда постоянные образы пронизывающего до костей мороза и разного рода «телесных обледенений». Суровые климатические условия старили раньше времени, приближали к смерти. У Шаламова морозы, отсутствие зимней обуви и рукавиц, неминуемо приводили к обморожению и, как следствие, ампутации. Рассказ «Прокуратор Иудеи» [16] описывает прибытие парохода «КИМ» в бухту Нагаево с тремя тысячами заключенных на борту. Многие из них умерли еще в пути, некоторые были тяжело больными, и их увозили в центральные больницы Ма-

гадана, а «средних» везли на левый берег Колымы. Мороз сковывает героев, пробираясь до самых костей. Вот несколько примеров из рассказа «Плотники»: «Ему, тридцатилетнему мужчине, уже трудно взбираться на верхние нары, трудно спускаться» [15], или «за ночь волосы примерзали к подушке», «и мороз пронизывал все тело до костей – это народное выражение отнюдь не было метафорой» [15]. У Чжан Сяньляна природа описана менее сурово, однако здесь тоже есть детали, свойственные художественному миру В. Шаламова: «трава по откосам пожухла и словно оцепенела, скованная коркой льда», «суровый климат северо-запада рано старит», «Снег все сыпал и сыпал. Пронзительный, ледяной ветер взметал белые снежинки», «Кругом все было бело от снега, деревья по обочинам поникли под тяжестью ледяной корки, ветви их напоминали хрустальные кости» [12] и т. д.

Творчество Чжан Сяньляна и Варлама Шаламова сближает особая роль категории «случая». Герой «Мимозы» говорит: «Слава предкам!» Так всегда говорили в лагере, если случалась какая удача. Попадался в похлебке нерастворившийся комок муки; <...> вдруг разрешал выйти только на полсмены, а то и вовсе остаться в бараке. [12] и далее «можно уповать только на удачу, на везение <...> Сегодня мне повезло». Шаламов, в свою очередь пишет: «Как и на воле жизнь заключенного состоит из приливов и отливов удачи – только в своей лагерной форме, не менее кровавой и не менее ослепительной» [19]. Автор «Колымских рассказов» утверждал, что случай не раз спасал жизни заключенных, помогал выжить в бесчеловечных условиях, уводил от смерти. Он пишет, что в лагере «выжить можно только случайно» [15]. По словам Е. Шкловского, «игра случая – удел заключенного, зависящего от самых разных сил как внешних, так и внутренних, действие которых можно предугадать» [21]. Случай командировки, удача попасть в госпиталь, получить заветный приварок, найти пищу, избежать побоев – все это мы видим и у В. Шаламова, и у Чжан Сяньляна. Но случай может быть и отрицательный – чья-то злая воля, украденный паек и т. д.

Еще одно сходство двух авторов – мотивы искупления грехов предков. Чжан Сяньлян пишет: «На мне нет вины, но я искупаю грехи предков, как сын алкоголика или сифилитика страдает за родительские прегрешения. И спасения мне нет» [12]. Похожую мысль мы встречаем в рассказе В. Шаламова «Сухим пайком»: «Мы считали себя почти святыми, думая, что за лагерные годы мы искупили все свои грехи» [15]. Герои текстов Шаламова, нужно отметить, считали, что искупают собственные грехи, достигая очищения, и мыслят себя святыми или учениками, но не детьми Господа. Однако отчетливее эта идея звучит в поэзии Варлама Тихоновича, например, в стихотворении «С годами все безоговорочней…» или в поэме «Аввакум в Пустозерске» [17]. Чжан Сяньлян в свою очередь говорит как о собственных грехах – сын буржуа, – так и об исторических, утверждая, что его судьба неотделима от судьбы родины. Его герой Чжан Юнчжень искренне старается понять, в чем его вина, читая «Капитал» К. Маркса, и покаяться, если в этом есть необходимость. Он видит возможность исправиться и стать полезным в новом времени, поскольку бессилен перед историей (не случайно китайский литературовед Сюй Зидонг находит в работах китайского писателя «тему «покаяния» [25], характерную для поэтики Ф. М. Достоевского.

Произведения Чжан Сяньляна и В. Шаламова связывают глубокие размышления о смерти и воле арестанта к жизни. По утверждению Е. Шкловского, «Выжить, уцелеть – вот главная цель заключенного» [21]. И это справедливо, если понаблюдать за героями «Колымских рассказов», которые, несмотря ни на что, пытались найти пищу, согреться, отлежаться в больнице, иногда жертвуя собственными конечностями. Герои Шаламова доносили, чесали пятки ворам и шли на любые унижения, чтобы не умереть. Вот, что пишет В. Шаламов: «Жизнь арестанта – сплошная цепь унижений с той минуты, когда он откроет глаза и уши и до начала благодетельного сна. <...> Но ко всему привыкаешь <...> Человек живет не потому, что он во что-то верит, на что-то надеется. Инстинкт жизни хранит его, как он хранит любое животное» [15]. Но несмотря на это, человек все-таки выносливее животного, и его воля к жизни значительно сильнее. Об этом В. Шаламов рассуждает в рассказе «Заклинатель змей»: «Часто кажется, <...> что человек потому и поднялся из звериного царства, стал человеком, <...> что он был физически выносливее любого животного» [15]. Жажда жизни отчасти становится у Шаламова причиной нравственного растления, наряду с холодом, голодом и побоями. Кроме того, жить арестанту следует ради везения. В рассказе «Сухим пайком» герой-повествователь, рассуждая о жизни и смерти, утверждает, что смерть нужно откладывать ради мимолетной удачи: «То сегодня будут выдавать «ларек» – премиальный килограмм хлеба, – просто глупо было кончать самоубийством в такой день. То дневальный из соседнего барака обещал дать закурить вечером – отдать давнишний долг» [15]. В этом отношении Чжан Сяньлян близок автору «Колымских рассказов». Вот несколько примеров его размышлений о жизни и смерти в условиях заключения: «Когда я погибал от голода, мне страстно хотелось жить» [12], или «Конечно, смерть влечет

человека, но жажда жизни много сильнее» [12]. Рассуждает он и о выносливости человека в условиях, мало пригодных к жизни: «Меры выносливости не существует, отчасти ведь дело в силе воли». Так же, как и у Шаламова, у Чжан Сяньляна воля к жизни объясняет нравственное падение человека, готового на подлость, предательство ради того, чтоб либо улучшить условия жизни в лагере, либо избежать гибели: «инстинкт самосохранения заставлял заискивать и лебезить, толкал на разные уловки» [12].

Одинаково относятся герои писателей не только к жизни, но и к смерти. Герой повести Чжан Сяньляна произносит: «Для такого, как я, лишенного веры, смерть – самый легкий выход. Перестает биться сердце – и наступает конец всему. А миру явится вечная тайна» [12]. Исходя из этого следует, что смерть не вызывает трепета у героя, поскольку является обыкновенным биохимическим процессом, таким же естественным, закономерным и логичным, как течение времени или законы вселенной, в то время как для остального мира смерть представляет сакральное таинство. Подобное бесстрастно-спокойное притяжение смерти мы видим и у В. Шаламова: «Мертвое тело всегда и везде на воле вызывает какой-то смутный интерес, притягивает, как магнит. Этого не бывает на войне и не бывает в лагере – обыденность смертей, притупленность чувств снимает интерес к мертвому телу» [15]. Рассуждая об этом, писатель утверждает, что смерть – явление привычное и повседневное. Это не таинство, а естественный переход тела из одного состояния в другое.

Все, о чем мы говорили выше, касалось общих черт поэтики Чжан Сяньляна и Варлама Шаламова, которые, на наш взгляд, и дают основание китайским литературоведам назвать первого китайским Шаламовым. Однако есть ряд существенных различий, касающихся в первую очередь отношения к труду, возможности возвращения из «ада», «преисподней» в нормальную, человеческую жизнь, и, что более важно, понимания задач творчества.

Первое, о чем необходимо должны сказать, рассуждая об отличиях Чжан Сяньляна и Шаламова, – отношение к физическому труду. Герой китайского автора – сын буржуа – не утратил любовь к работе. Несмотря на физическое истощение, он стремился честно исполнять свои обязанности, в чем его упрекает Мимоза: «И остались-то кожа и кости, а все торопишься работать» [12], но Чжан Юньчжень предпочитает для очистки совести продолжать, несмотря на усталость, и недоумевает, почему остальные его товарищи ленивы и нерасторопны. Герой задается вопросом: «Неужели и в госхозе такие же лентяи, как там, в лагере, – серпы не могли наточить?» [12] Герой получает удовольствие оттого, что занят общественно-полезным делом, работа пробуждает в нем новые силы, жажду жизни: «Я взял вилы, поплевал на ладони – у него и подметил эту привычку – и, покряхтывая, принялся за дело. Когда же повозка наполнилась с верхом, я воткнул вилы в гору навоза, примостился на кучерском месте и закурил одну из своих драгоценных сигарет. От наслаждения я даже ногами заболтал» [12] или «Но я нагрузил все один и ощущал прилив небывалой уверенности в себе. <...> Как же я был счастлив! Значит, мой организм действительно молод!» и далее: «А я трудился не покладая рук <...> потому, что меня буквально переполняла какая-то молодецкая сила [12]. Поэтому Чжан Юньчжень, герой «Мимозы», выбирает в качестве примера для подражания возницу Хай Сиси, который выполнял работы в несколько раз больше, чем его товарищи: «Человек, живущий своим трудом, должен быть вроде Хай Сиси. <...> Работа сама по себе не бывает хорошей или посредственной, вот посредственных людей – сколько угодно!» [12]. Также у Чжан Сяньляна звучит мысль о том, что человек, привыкший к труду, может выполнить любую работу, как умственную, так и физическую. В свою очередь человек ленивый не сможет добиться успеха ни в чем. Он не разделяет труд на физический или интеллектуальный, он разделяет людей на трудолюбивых и ленивых. Его главные герои относятся к первой категории.

Позиция В. Шаламова в этом отношении принципиально иная. Автор «Колымских рассказов» убежден, что физический труд – абсолютное зло, которое, наряду с холодом, голодом и побоями, приводит к нравственному растлению. Шаламов считал, что «лагерь был местом, где учили ненавидеть физический труд, ненавидеть труд вообще» [15]. В одном из рассказов его герой в ответ на вопрос «а как же честный труд?» [15] произносит: «К честному труду в лагере призывают подлецы и те, которые нас бьют, калечат, съедают нашу пищу и заставляют работать живые скелеты – до самой смерти. Это выгодно им – этот «честный» труд. Они верят в его возможность еще меньше, чем мы» [15]. Герои Шаламова всеми способами стараются избежать выходов на работу в золотой забой, работать при температуре, когда «плевки застывают на лету» [15]. Чтобы попасть в больницу или легкую командировку, они готовы ломать ноги, отрубать пальцы, симулировать болезнь. 16-часовой рабочий день, по мнению Шаламова, не был связан с трудом, а служил на благо «Сталинской косы смерти» [20]. Поэтому писатель с презрением и иронией относился к лозунгу советского государства, который висел над входом в лагерь: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». В произведениях В. Шаламова «труд становится для

заключенного мукой, физической и душевной» [22]. Единственный труд, который признает писатель, это труд художника, труд интеллектуальный, который способен победить нравственное растление и вернуть человека к жизни.

Следующее, что отличает Чжан Сяньляна от В. Шаламова – возможность человека преодолеть зло, избежать нравственного растления и вернуться к полноценной жизни. Герой китайского писателя живет надеждой: «Это вселяло надежду. Раз уж ты сумел выбраться из этого скопища мертвецов, надо жить во что бы то ни стало» [12]. Освободившись, он надеется найти себе применение и продолжить жить, радоваться, трудиться. Он восклицает: «Я верю, что проживу еще 20, еще 30 и даже 40 лет, достигну, может быть, пятидесяти или шестидесяти – и что это будет за «остаток», что за восхитительно долгое «доживание» [12]. Несмотря на то, что герой долгое время находился в заключении и претерпел холод, голод и, вероятно, унижения, он полон жизни и уверен, что внутренняя свобода человека выше нравственного распада. Человек силен, потому что сильна его воля к жизни. Чжань Юньчжень размышляет о нравственной природе человека: «Я не верю, что нравственное падение – это следствие объективных обстоятельств. Чего тогда стоит воля человека, разве не она мешает ему превратиться в животное?» [12]. В творчестве поэта человек силен, потому что может переступить через себя, преодолеть свои пороки и слабости – и в этом его несомненная сила. В повести «Мимоза» главный герой в одной из глав стоит перед выбором – жить или умереть. Герой слаб и спорит с Высшим Разумом. Он слышит вопрос: «Почему ты должен умереть-умереть-умереть?» [12]. Но вместо ответа герой задает другой вопрос: «Почему я должен жить-жить-жить?» [12] И тогда небеса отвечают герою, что он должен преодолеть себя. Но что именно преодолеть? Мы думаем, речь идет о страхе, слабости, порочности, амбициях. Чжан Сяньлян пишет: «В ней слышалась бетховенская решимость сражаться с судьбой, не уступать... О, как же прекрасна жизнь!» [12] Герой выбирает жизнь, и его выбор – осознанный акт, доказательство внутренней силы и свободы. Он готов к новой жизни и нашел ее смысл. Смысл в простом труде, в любви. Герой рад, что ему удалось стать таким, как все – трудолюбивым, простым, умеющим радоваться мелочам: «Сколько смысла в этом «свой»! Как же это важно, что я стал своим для крестьян» [12], «сейчас, когда я сделался «как все», я с особенной остротой ощутил, сколь могучим было их влияние на меня» [12]. Ради этого герой готов жертвовать своим интеллектом, расстаться с буржуазным прошлым: «К прошлому возврата не будет, придется мне расстаться с музой. <...> Я прощался с тем, что было мне дорого и близко, – и грустил; но впереди меня ждала встреча с близким и дорогим – и я радовался» [12]. На подобное герой идет ради любви, которая «наделяет человека правами».

Кроме того, герой Чжан Сяньляна надеется понять свои ошибки, понять, за что он страдал в лагере. Ответ на этот вопрос он ищет в книге К. Маркса «Капитал». Чжан Юньчжень ругает себя за собственное происхождение: «Мне хотелось каяться» [12]. Он будто соглашается с народом, который утверждал: «Так тебе и надо. И нынешние твои поступки только подтверждают нашу правоту. Тебя наказал не какой-то начальник – на то была воля всего народа! Ты обречен на вечное бесчестие!» [12] Размышляя о прошлом, герой смотрит на страдания позитивно, умеет видеть в темном – светлое. Например, «Два ощущения царствовали во мне на следующее утро – боль и голод. Значит, во мне все еще теплится жизнь» [12], «Счастье – это способность ощущать себя, но ведь и страдание и раскаяние тоже в некотором смысле самоощущение, и если в жизни непременно присутствуют страдание и раскаяние, значит, и они входят в понятие «счастья» [12]. Исходя из этого герой Чжана Сяньляна Юньчжан утверждает идею памяти как единственный способ сохранения личности: «Человек не вправе забывать; теряя память, он теряет и свое «я». Здесь мне пришлось немыслимо тяжело, но здесь же я начал постигать красоту жизни» [12]. Несмотря на то, что речь здесь идет о госхозе, а не о лагере, данное утверждение можно отнести ко всему творчеству автора. Из него следует, что человек, благодаря прошлому, может познать себя, понять, что сформировало его как личность. Помнить, чтобы избегать ошибок. Прошлого не изменить, но можно изменить себя, переступить, бороться не с системой, а с собой, собственными страхами, нерешительностью, увидеть нечто действительно важное: красоту, любовь. Страдание необходимо, чтобы понять подлинное счастье. Это и есть интегральная идея творчества Чжан Сяньляна. Отсюда, на наш взгляд, возникает глубокий лиризм прозы китайского писателя. Его пейзажи являются отражением внутренних переживаний героя, его нравственной эволюции.

Художественный мир Варлама Шаламова совсем другой. Его герои лишены всяких надежд, потому что их воля сломлена, они не принадлежат себе. Они готовы обманывать, только бы на день или два отсрочить неизбежную гибель: «Ничего не значит. На два дня мы их обманем, а потом – какое тебе дело, что будет потом» [15]. Герои рассказов Шаламова тоже задаются риторическими вопросами, но ответ на них дается более прозаический и мрачный: «Может быть, он живет надеждами? Но ведь никаких надежд у него нет. Если он не дурак, он не может

жить надеждами» [15]. Вся жизнь заключенного подчинена случаю либо чьей-то чужой воле: конвоиров, десятников, уголовников-блатарей. Главная задача заключенного – «научился «планировать» жизнь на день вперед, не больше» [15].

По-иному Шаламов рассматривает и категорию нравственности. Лагерь научил его, что человек превращается в зверя всего за несколько недель. Именно в зверя, не в животное. Автор «Колымских рассказов» писал: «Не рука очеловечила обезьяну, не зародыш мозга, не душа – есть собаки и медведи, поступающие умней и нравственней человека» [15]. Нравственность приравнивалась к физической силе, и прав был тот, на чьей стороне было физическое превосходство: «В глазах государства и его представителей человек физически сильный лучше, именно лучше, нравственнее, ценнее человека слабого, того, что не может выбросить из траншеи двадцать кубометров грунта за смену. Первый моральнее второго» [15]. Видимо, поэтому интеллигенты раньше всего становились «стукачами», растлевались, погибали. Но, несмотря на все это, Шаламов утверждает величие человека, его жажду жизни. Но эта жажда – не акт воли, мужества, выбора. Знаменитую лагерную поговорку «Умри ты сегодня, а я – завтра» [15] он объясняет базовым инстинктом самосохранения: «Но чувство самосохранения, цепкость к жизни, физическая именно цепкость, которой подчинено и сознание, спасает [человека]» [15]. Человек в художественном мире В. Шаламова велик не потому, что наделен разумом, культурой, а потому лишь, что вынослив: «При прочих равных условиях в свое время человек оказался значительно крепче и выносливей физически. Только физически» [15], поэтому он смог добыть огонь и стать венцом природы.

Шаламову также принадлежит мысль, что в лагере человек не живет, а существует. Жизнь отличается от существования тем, что наполнена разнообразными событиями и эмоциями. Но эмоциональный спектр героев «Колымских рассказов» устойчив. Два чувства составляют ядро их существования: злоба/ненависть и равнодушие. Они ненавидят всех: сильных, за то, что избивают их, слабых, за то, что избивают из-за них. Шаламов пишет: «Все человеческие чувства – любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания <...> только злоба – самое долговечное человеческое чувство» [15]. Такое чувства, как дружба, не могло, по мнению писателя зародиться в лагере, потому что каждый мог заботиться только о себе и, если необходимо, подставить товарища. Иное поведение – «сказки художественной литературы» [15] У Шаламова есть рассказ «Сентенция» [16], герой которого, вырвавшись из золотого забоя, претерпел нравственную эволюцию. Но чувства, которые вернулись к нему, носили негативный характер. Первое, что овладело им, придя на смену злобе – равнодушие: к природе, к окружающим, к смерти и жизни. Затем пришла зависть к мертвым, потому что они избавились от страданий, и к живым, поскольку они иногда были удачливыми – находили еду или махорку. Более важно, на наш взгляд не то, что вернулось, а то, что не вернулось: «Любовь не вернулась ко мне <...> любовь приходит последней, возвращается последней, да и возвращается ли она?» [16]. Позже Шаламов напишет: «Женщины в моей жизни не играли большой роли – лагерь тому причиной» [18]. Даже находясь на свободе, человеку сложно вернуться к полноценной жизни, потому что лагерь полностью меняет человеческое сознание.

Не возвращается не только любовь, но и раскаяние. Несмотря на то, что герои Шаламова чувствуют себя мучениками, искупающими грехи, они не чувствуют себя виновными: «в лагере никаких преступников нет, там сидят люди, которые были рядом с тобой (и завтра будут), которые пойманы за чертой, а не те, что преступили черту закона» [18]. На наш взгляд, герои находятся за чертой политики действующей власти. В советское время не было необходимости доказывать чью-то вину – достаточно было простого доноса. Показания, признания просто выбивались из подследственных. Иногда вина и вовсе отсутствовала, ведь срок могли дать за незначительную фразу, одобрение неугодных власти. Особенно отчетливо эта мысль звучит в стихотворении А Галича «Все не вовремя», посвященном В. Шаламову: «А что полнормы – тьфу, – это полбеды. А что песню спел – полторы беды» (здесь явно имеется в виду «Интернационал»).

Исходя из этого В. Шаламов приходит к важному, принципиальному для него заключению: «Убежден, что лагерь – весь – отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя – это час растления. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать. На всех – заключенных и вольнонаемных – лагерь действует растлевающе» [18]. За это понимание писатель дорого заплатил – здоровьем, моральным и физическим, временем, потраченным на выживание в нечеловеческих условиях. Выжив, он обретает смысл в том, чтобы рассказать миру о том, как страшна тоталитарная система государства, как ничтожен человек перед историей, как он идет на унижения ради жалкого существования. И интегральной идеей его творчества становится концепт памяти. «Человек счастлив своим уменьем забывать» [15]. Видимо, оттого и несчастны герои Шаламова и он сам. Его произведения – «бесконечное воспоминание» [16]. Но пом-

нит герой не для того, чтобы познать себя или историю, а чтобы отомстить, и месть эта будет заключаться в творчестве – высшей силе, способной воскресить мертвецов, рассказать о подлости государства, самоуправстве, бесчеловечной жестокости: «идеи, мысли, содержащиеся в произведениях художника, прежде всего нацелены на то, чтобы сохранить историческую и культурную память об эпохе сталинизма, запечатлеть все ужасы, всю несправедливость тоталитарного режима, бесправность человека, вынужденного умирать и возрождаться каждый день» [1, с. 20]. И ради этой мести стоит преодолевать боль, голод, холод. Подобно Аввакуму, В. Шаламов смог преодолеть и себя, и историю. На вопрос, что же оставил писатель миру, И. Сиротинская отвечает: ««Преодоление зла»... <...> Со всей своей бескомпромиссностью Варлам преодолевал это зло – в котором нет никаких светлых сторон. Да, своим искусством он преодолевал зло – мировое зло» [8] и оставил его на память человечеству. Для него цель творчества очевидна: борьба за справедливость, за право быть услышанным. Для писателя, поэта «Нет участи слаще, / Желанней конца, / Чем пел, сучащий / людские сердца» [17], его творчество – это «память о мертвых, о том, ради чего и как они погибли. Прах напоминает живым о прошлом, события находят отклик в сердцах потомках – и это счастье, то, к чему нужно стремиться, поскольку ради этого отчасти борьба и свершается» [2, с. 49].

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на внешние сходства, общность мотивов, образов, художественные миры Чжан Сяньляна и Варлама Шаламова внутренне глубоко различны. Для китайского писателя каторжный опыт не является интегральной идеей творчества, а важен как прошлое, как способ разобраться в себе, как повод для размышления о судьбе народа и месте человека в истории. Его герои полны надежд, готовы двигаться вперед, а не мучиться размышлениями о случившемся. Они никому не мстят, не желают восстановить справедливость, а относятся ко всему как к неизбежной данности. Они способны любить, наслаждаться красотой окружающего мира, видеть вечность в мгновении и наоборот. Варлам Шаламов, напротив, лагерный опыт делает ядром всего творчества. Его произведения – это прошлое в настоящем, бесконечное воспоминание, необходимое не само по себе и не для себя, а для борьбы со злом – с системой, в которой нет места личности, свободе, где единица важна не сама по себе, а как неотъемлемый элемент множества, ничтожный винтик в гигантской машине тоталитаризма. Оттого, вероятно, и судьба писателей сложилась поразному. Чжан Сяньлян был реабилитирован при жизни, его произведения публикуются в Китае по сей день, а сам он в начале 1990-х одновременно с творческой деятельностью встал на путь предпринимательства в качестве главы Западно-Китайской киностудии. Варлам Шаламов так и не увидел «Колымские рассказы» опубликованными на родине, о чем так мечтал. Больной, почти лишенный рассудка, он умер в психоневрологическом доме инвалидов, вероятно, в одиночестве и беспамятстве – так заплатило писателю государство за его любовь к справедливости.

Библиографический список

1. Болдырева, Е. М., Асафьева, Е. В. Категория памяти в «Колымских тетрадях» Варлама Шаламова [Текст] / Е. М. Болдырева, Е. В. Асафьева // Верхневолжский филологический вестник, 2017 – № 3. – С. 20-25.

2. Болдырева, Е. М., Асафьева, Е. В. Система ключевых автобиографем в поэме В. Т. Шаламова «Аввакум в Пустозерске» [Текст] / Е. М. Болдырева, Е. В. Асафьева // Человек в информационном пространстве. Сборник научных трудов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2016. – С. 44-51.

3. Есипов, В. «Мои намеки слишком грубы и аллегории просты» (19 января 2018) [Электронный ресурс] / В. Есипов. – Режим доступа: https://shalamov.ru/research/349/

4. Кубасов, А. Отец Тихон Шаламов как идеолог обновленчества (июнь 2017) [Текст] / А. Кубасов // Шаламовский сборник. Вып.5. / сост. и ред. В. В. Есипов. – Вологда, Новосибирск : Common place, 2017. – С. 521-528.

5. Родионова, О. Творчество современного китайского писателя Чжан Сяньляна [Электронный ресурс] / О. Родионова. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-sovremennogo-kitaiskogo-pisatelya-chzhan-syanlyana

6. Рубанов, А. Варлам Шаламов как зеркало русского капитализма [Текст] / А. Рубанов // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. Том 2. – СПб, 2011. – С. 723-740.

7. Сапрыка, Д. От переводчика [Электронный ресурс] / Д. Сапрыка. – Режим доступа: https://knigogid.ru/books/814551-zhenschina-polovinka-muzhchiny/toread

8. Сиротинская, И. Варлам Шаламов: миссия пророка не по плечу никому [Электронный ресурс] / И. Сиротинская. – Режим доступа: https://shalamov.ru/critique/164/

9. Соловьев, С. Рассказы, прокричанные сквозь слёзы (18 июня 2016) [Электронный ресурс] / С. Соловьев. – Режим доступа: https://shalamov.ru/critique/292/

10. Токер, Л. Слово о голодном воздержании. «Голодарь» Кафки и «Артист лопаты» Шаламова [Текст] / Л. Токер // Шаламовский сборник. Вып.5. Common place. – Вологда/Новосибирск, 2017. –

С. 378-395.

11. Шаламов, В. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела [Текст] / В. Шаламов. – М. : Эксмо, 2004. – 1072 с.

12. Чжан Сяньлян. Мимоза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ip247.ip-144-217-51.net/b/259627/read

13. Чжан Сяньлян. Женщина – половинка мужчины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://knigogid.ru/books/814551-zhenschina-polovinka-muzhchiny/toread

14. Чжан Сяньлян, Душа и тело [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=552804&p=1

15. Шаламов, В Колымские рассказы [Электронный ресурс] / В. Шаламов. – Режим доступа: https://shalamov.ru/library/2/

16. Шаламов, В. Левый берег [Электронный ресурс] / В. Шаламов. – Режим доступа: https://shalamov.ru/library/3/

17. Шаламов, В. Аввакум в Пустозерске [Электронный ресурс] / В. Шаламов. – Режим доступа: https://shalamov.ru/library/11/68.html

18. Шаламов, В. Что я видел и понял в лагере [Электронный ресурс] / В. Шаламов. – Режим доступа: https://shalamov.ru/library/29/

19. Шаламов, В. Вишера [Электронный ресурс] / В. Шаламов. – Режим доступа: http://www.urantia-s.com/library/shalamov/vishera/13

20. Шаламов, В. Артист лопаты [Электронный ресурс] / В. Шаламов. – Режим доступа: https://shalamov.ru/library/1/

21. Шкловский, Е. Терпение и случай [Электронный ресурс] / Е. Шкловский. – Режим доступа: https://shalamov.ru/research/139/13.html

22. Шкловский, Е. Приговор рабскому труду [Электронный ресурс] / Е. Шкловский. – Режим доступа: https://shalamov.ru/research/139/12.html

23. 张贤亮. 大风歌. – Режим доступа: https://baike.baidu.com/item/%E5%A4%A7%E9%A3%8E%E6%AD%8C/13578863?fr=aladdin

24. 张贤亮诗词选. – Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_c2bbd7330102v2du.html

25. 马 英. 八十年代以来张贤亮小说研究述评 // 湖北 经济学院学报 (人文社会科学版). – 2006 年 8 月 3 卷 编8号. – 117-119 页面

26. 张贤亮小说文献综述. – Режим доступа: https://wenku.baidu.com/view/448085dd5901020206409c46.html

27. Josefina Lundblad-Janjic Poetry and Politics: An Allegorical Reading of Varlam Shalamov's Poem «Аввакум в Пустозерске». – Режим доступа: https://shalamov.ru/en/research/239/

28. Josefina Lundblad-Janjic Life and work, world literature and Soviet history. Exploring the moral necessity of Varlam Shalamov. – Режим доступа: https://shalamov.ru/en/research/174/

29. Lysander Jaffe «Writing as a Stranger»: Two Translations of Shalamov's «The Snake Charmer». – Режим доступа: https://shalamov.ru/en/research/207/

30. Robert Chandler. The poetry of Varlam Shalamov (1907-82) / R. Chandler // Times Literary Supplement. – 2014. – March 7.

31. Toker L. Nicholas Nickleby and the Discourse of Lent. / L. Toker // Dickens Studies Annual, 38. – 2007. – P. 19-33.

32. Toker L. Contra Schopenhauer: Varlam Shalamov and the Principium Individuationis. / L. Toker // REAL (Germany), 13. – P. 257-269.

Reference List

1. Boldyreva, E. M., Asaf'eva, E. V. Kategorija pamjati v «Kolymskih tetradjah» Varlama Shalamova = Category of memory in «Kolyma notebooks» by Varlam Shalamov [Tekst] / E. M. Boldyreva, E. V. Asaf'eva // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verkhnevolzhsky philological bulletin, 2017 – № 3. – S. 20-25.

2. Boldyreva, E. M., Asaf'eva, E. V. Cistema kljuchevyh avtobiografem v pojeme V. T. Shalamova «Avvakum v Pustozerske» = The system of key autobiographemes in the poem by V. T. Shalamov «Avvakum in Pustozersk» [Tekst] / E. M. Boldyreva, E. V. Asaf'eva // Chelovek v informacionnom prostranstve. Sbornik nauchnyh trudov. Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo = The person in information space. Collection of scientific works. Yaroslavl: Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2016. – S. 44-51.

3. Esipov, V. «Moi nameki slishkom gruby i allegorii prosty» (19 janvarja 2018) = «My hints are too rough and allegories are simple» (on January 19, 2018) [Jelektronnyj resurs] / V. Esipov. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/research/349/

4. Kubasov, A. Otec Tihon Shalamov kak ideolog obnovlenchestva (ijun' 2017) = Father Tikhon Shalamov as an ideologist of renovationism (June, 2017) [Tekst] / A. Kubasov // Shalamovskij sbornik. Vyp. 5 = Shalamov collection. Issue 5 / sost. i red. V. V. Esipov. – Vologda, Novosibirsk : Common place, 2017. – S. 521-528.

5. Rodionova, O. Tvorchestvo sovremennogo kitajskogo pisatelja Chzhan Sjan'ljana = Works of the modern Chinese writer Zhang Xianlianga [Jelektronnyj resurs] / O. Rodionova. – Rezhim dostupa: http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-sovremennogo-kitaiskogo-pisatelya-chzhan-syanlyana

6. Rubanov, A. Varlam Shalamov kak zerkalo russkogo kapitalizma = Varlam Shalamov as a mirror of the Russian capitalism [Tekst] / A. Rubanov // Literaturnaja matrica. Uchebnik, napisannyj pisateljami. Tom 2 = Literary matrix. The textbook written by writers. Volume 2. – SPb, 2011. – S. 723-740.

7. Sapryka, D. Ot perevodchika = From the translator [Jelektronnyj resurs] / D. Sapryka. – Rezhim dostupa: https://knigogid.ru/books/814551-zhenschina-polovinka-muzhchiny/toread

8. Sirotinskaja, I. Varlam Shalamov: missija proroka ne po plechu nikomu = Varlam Shalamov: the mission of the prophet unaffordable to anybody [Jelektronnyj resurs] / I. Sirotinskaja. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/critique/164/

9. Solov'ev, S. Rasskazy, prokrichannye skvoz' sljozy (18 ijunja 2016) = Stories, screamed weepingly (on June 18, 2016) [Jelektronnyj resurs] / S. Solov'ev. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/critique/292/

10. Toker, L. Slovo o golodnom vozderzhanii. «Golodar'« Kafki i «Artist lopaty» Shalamova = Word about hungry abstention. «Golodar» by Kafka and «Actor of a shovel» by Shalamov [Tekst] / L. Toker // Shalamovskij sbornik. Vyp. 5 = Shalamov collection. Issue 5. – Vologda/Novosibirsk, 2017. – S. 378-395.

11. Shalamov, V. Novaja kniga: Vospominanija. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela = New book: Memoirs. Notebooks. Correspondence. Investigative affairs [Tekst] / V. Shalamov. – M. : Jeksmo, 2004. – 1072 s.

12. Chzhan Sjan'ljan. Mimoza = Mimosa [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ip247.ip-144-217-51.net/b/259627/read

13. Chzhan Sjan'ljan. Zhenshhina – polovinka muzhchiny = The woman – a man's half [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://knigogid.ru/books/814551-zhenschina-polovinka-muzhchiny/toread

14. Chzhan Sjan'ljan, Dusha i telo = Soul and body [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.litmir.me/br/?b=552804&p=1

15. Shalamov, V Kolymskie rasskazy = Kolyma stories [Jelektronnyj resurs] / V. Shalamov. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/library/2/

16. Shalamov, V. Levyj bereg = Left coast [Jelektronnyj resurs] / V. Shalamov. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/library/3/

17. Shalamov, V. Avvakum v Pustozerske = Avvakum in Pustozersk [Jelektronnyj resurs] / V. Shalamov. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/library/11/68.html

18. Shalamov, V. Chto ja videl i ponjal v lagere = What I saw and understood in the camp [Jelektronnyj resurs] / V. Shalamov. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/library/29/

19. Shalamov, V. Vishera = Vishera [Jelektronnyj resurs] / V. Shalamov. – Rezhim dostupa: http://www.urantia-s.com/library/shalamov/vishera/13

20. Shalamov, V. Artist lopaty = Actor of a shovel [Jelektronnyj resurs] / V. Shalamov. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/library/1/

21. Shklovskij, E. Terpenie i sluchaj = Patience and case [Jelektronnyj resurs] / E. Shklovskij. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/research/139/13.html

22. Shklovskij, E. Prigovor rabskomu trudu = Sentence to slave labor [Jelektronnyj resurs] / E. Shklovskij. – Rezhim dostupa: https://shalamov.ru/research/139/12.html

23. 张贤亮. 大风歌. – Режим доступа: https://baike.baidu.com/item/%E5%A4%A7%E9%A3%8E%E6%AD%8C/13578863?fr=aladdin

24. 张贤亮诗词选. – Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_c2bbd7330102v2du.html

25. 马 英. 八十年代以来张贤亮小说研究述评 // 湖北 经济学院学报 (人文社会科学版). – 2006 年 8 月 3 卷 编8号. – 117-119 页面

26. 张贤亮小说文献综述. – Режим доступа: https://wenku.baidu.com/view/448085dd5901020206409c46.html

27. Josefina Lundblad-Janjic Poetry and Politics: An Allegorical Reading of Varlam Shalamov's Poem «Авввакум в Пустозерске». – Режим доступа: https://shalamov.ru/en/research/239/

28. Josefina Lundblad-Janjic Life and work, world literature and Soviet history. Exploring the moral necessity of Varlam Shalamov. – Режим доступа: https://shalamov.ru/en/research/174/

29. Lysander Jaffe «Writing as a Stranger»: Two Translations of Shalamov's «The Snake Charmer». – Режим доступа: https://shalamov.ru/en/research/207/

30. Robert Chandler. The poetry of Varlam Shalamov (1907-82) / R. Chandler // Times Literary Supplement. – 2014. – March 7.

31. Toker L. Nicholas Nickleby and the Discourse of Lent. / L. Toker // Dickens Studies Annual, 38. – 2007. – P. 19-33.

32. Toker L. Contra Schopenhauer: Varlam Shalamov and the Principium Individuationis. / L. Toker // REAL (Germany), 13. – P. 257-269.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10333

УДК 008 (1-6)

Т. И. Ерохина https://orcid.org/0000-0002-8328-2546

Е. С. Кукушкина https://orcid.org/0000-0001-7401-1798

Феномен иммерсивного театра в современной отечественной культуре

В статье авторы обращаются к одному из самых дискуссионных и не имеющих терминологическую определенность понятий в современной культуре – феномену иммерсивного театра. Акцентируя внимание на генезисе иммерсивного театра, авторы отмечают европейские корни иммерсивного театра и специфику формирования иммерсивных постановок в России. Анализируя признаки иммерсивности, исследователи обращают внимание на специфику пространства, в котором происходит действие, а также необходимость участия зрителей в постановке. В статье обозначены сходства и отличия иммерсивных постановок с близкими по форме и принципам построения культурными практиками. Отмечена близость иммерсивного театра с перформансом, хэппенингом, Site-specific и променадом. Систематизируя информацию об истории иммерсивных постановок в России, исследователи анализируют специфику двух постановок, позиционирующих себя в качестве иммерсивных шоу: «Вернувшиеся» и «Безликие». В указанных иммерсивных постановках выявлено наличие двух параллельных планов, основанных на драме и пластике, сюжете и подтексте, аутентичности и ирреальности. Отмечено двойственное отношение к зрителю, который должен стать участником представления, но при этом лишен свободы выбора, являющейся частью иммерсивности в ее первоначальном значении. Обозначена роль масок, выполняющих разные функции: анонимности и безликости. Авторы обращают внимание на изменение роли актера в иммерсивном действии и режиссера, а также обращают внимание на возрастную и национальную специфику иммерсивного действия и его восприятия в современной культуре.

Ключевые слова: иммерсивный театр, отечественная культура, пограничность, театральное пространство, променад, перформанс, игра, актуальные практики.

T. I. Erokhina, E. S. Kukushkina

A Phenomenon of the Immersive Theater in Modern Russian Culture

In the article authors appeal to one of the most debatable concepts of modern culture, the one which has not been given a terminological definition – a phenomenon of immersive theater. Focusing attention on the genesis of the immersive theater, the authors note the European roots of the immersive theater and specifics in formation of immersive theater productions in Russia. Analyzing signs of immersivity, the researchers pay attention to specifics of space where the action takes place and also the necessity of the audience's participation in the theater production. In the article are designated similarities and differences of immersive theater productions with cultural practices similar in a form and principles of construction. The proximity of the immersive theater with performance, happening, Site-specific and promenade is noted. Systematizing information on history of immersive theater productions in Russia, the researchers analyze specifics of two theater productions positioning themselves as immersive shows: «Returned» and «Faceless». In the specified immersive theater productions here are revealed two parallel plans based on drama and plasticity, plot and subtext, authenticity and irreality. The dual attitude towards the viewer is noted who is to be a participant of the show, but at the same time he has no right to choose, which is a part of immersivity in its initial value. The role of the masks performing different functions is designated: anonymity and impersonality. The authors pay attention to the change of the role of the actor in immersive action and the director and also they pay attention to age and national specifics of immersive action and its perception in modern culture.

Keywords: immersive theater, domestic culture, frontier, theatrical space, promenade, performance, game, relevant practices.

Современный театр – понятие предельно широкое и довольно разнородное. Описывая ситуацию в сегодняшнем отечественном театре нельзя говорить о театре в целом, необходимо уточнение: о каком театре идет речь, будь то театр в его жанровой, режиссерской или иной специфике. Современный театр отличается пограничным характером, трансформацией старых и появлением новых форм. В этом контексте появление иммерсивного театра как особого феномена культуры вызывает интерес и неоднозначные реакции театральной аудитории. Феномен иммерсивного театра недостаточно изучен в отечественной культурологии и вместе с тем является один из самых востребованных и привлекающих внимание явлений театральной практики. Размытость определения дефиниции иммерсивного театра и его границ в соотнесении с другими явлениями современного театрального пространства, терминологическая нечеткость данного определения – все это делает предлагаемое исследование актуальным и научно значимым.

© Ерохина Т. И., Кукушкина Е. С., 2019

Обратимся к генезису и признакам иммерсивного театра в историческом аспекте. Понятие «иммерсивный театр» произошло от англ. *toimmerse*- погружать; поглощать, занимать; вовлекать, запутывать. Постижение произведения любого вида искусства предполагает погружение, поглощение и вовлечение в процесс его восприятия и интерпретации. Но вместе с тем, любое произведение искусства имеет свои границы, в пространстве которых и существует зритель или слушатель. Зритель метафорически «погружается в произведение искусства». В традиционном театре тоже есть границы – граница сцены, которая организует пространство так, что зрительская аудитория оказывается дистанцированной по отношению к актерам.

Возможно поэтому, словосочетание *immersivetheatre* также переводят, как «театр полного погружения» и/или – «иммерсивный театр».

Как новое явление иммерсивный театр сформировался в Европе в начале 2000-х гг. У истоков новой театральной формы – британская театральная компания Punchdrunk (Панчдранк). Эта компания стала популярна за очень короткое время, представив такие театральные работы, как «Фауст» (2006 г.), «Маска красной смерти» (2008 г.), «Макбет» (2009 г.), «Больше не спать» (2009 г.), «Тунель 228» (2009 г.), «Утопленник» (2013 г.). Изначально, главное, что отличало обозначенные выше постановки, – отсутствие так называемого посредника, который руководил бы перемещением зрителей в процессе спектакля. Таким образом, зритель становится не только созерцателем, включенным в той или иной степени в действие, не только участником спектакля «на равных» с актером, а ответственным за тот спектакль, который получится при его участии. Как отмечает Х.-Т. Леман в своей работе «Постдраматический театр»: «Компенсаторная функция драмы, которая была призвана дополнить хаос реальности неким структурным порядком, оказывается здесь перевернутой; желание зрителя хоть как-то сориентироваться намеренно отвергается как несостоятельное. И если принцип единого драматического действия тут отброшен, то это сделано во имя попытки представить такой ряд событий, где есть место выбору и решению зрителей» [22, с. 134].

В качестве пространства, в котором происходит действие спектаклей, Punchdrunk выбирают заброшенные здания, склады, заводы и фабрики. То есть те места, куда зритель в обычной ситуации попасть не может, но интерес к которым всегда испытывает, что также способствует созданию определенного эмоционального состояния – состояния беспокойства, любопытства, эйфории. Здания разделены на большое количество помещений (комнат), в каждой из которых одновременно идут различные действия. Зритель может заходить в помещения в любом порядке. Большое количество декораций, предметов можно не только увидеть, рассмотреть вблизи, но и прикоснуться к ним, какие-то мелочи взять в руки. Punchdrunk к тем самым делает этот особый мир интересным, реальным и узнаваемым, и в то же время завораживающим, открывающим новые ощущения.

Таким образом, пространство и интерьер, движение в них зрителей и актеров становится частью драматургии. Как отмечает Леман, пространство может быть «своего рода самостоятельным действующим лицом» [22, с. 141].

Иммерсивный театр имеет еще одно преимущество, помимо участия в спектакле, – зритель может проявить себя, не зависимо от стоимости билеты: билеты на иммерсивные спектакли на всех категорий зрителей стоят одинаково, а принимать активное участие в спектакле – выбор каждого зрителя. Есть еще одна особенность, своего рода «визитная карточка», которую вводит Punchdrunk в свои постановки, – это белые венецианские маски для зрителей, которые олицетворяют так называемую свободу передвижения, действия, а также помогают отличить «своих» от «чужих», то есть актеров от гостей.

У Punchdrunk сразу появилось достаточно много конкурентов и в Европе, и в Америке, которые также решили развивать новое направление в театральном искусстве. Нью-Йорк предложил постановки продюсерской группы ThirdRailProjects, одна из которых приглашает зрителя побродить по заброшенной психиатрической больнице вместе с героями произведения Л. Кэролла «Алиса в стране чудес». Иммерсивными постановками занимаются бельгийцы OntroerendGoed, датчане Fix&Foxy, французы Cinémorphe и др. Встречаются версии, что иммерсивный театр возник из музейной практики, где скучное перемещение зрителя по залу от экспоната к экспонату заставило музейных работников создавать новое пространство.

Популярность иммерсивного театра в России начала расти в начале XXI века. Этим термином стали называть театральные практики, которые основывались на включении зрителя в пространство действия. В это пространство зрители попадали наравне с актерами.

В русском языке, однако, на сегодняшний день существует довольно слабое укоренение понятий «иммерсивный театр» или «театр погружения». Сейчас «иммерсивными спектаклями» называют абсолютно все, что выбивается из понятия «традиционного» спектакля: это и квесты, и променады и/или «бродилки, и театральные инсталляции, и site-specific хореографию, и перформансы и многое другое. Все указанные формы театрального дей-

ствия так или иначе связаны с участием зрителя.

Как писала задолго до прихода в современный театр иммерсивного театра А. Г. Образцова в своей работе «Синтез искусств и английская сцена на рубеже XIX–XX веков»: «возникают ситуации, когда идеи синтеза словно бы впервые, но на ином культурном уровне, начинают актуализироваться, порождая разнообразные эксперименты. Это происходит в кризисные эпохи, когда энергия, направленная к синтезу, пронизывает все виды творчества. Именно тогда формируются новые жанры и виды художественной деятельности» [24, с. 3]. Этот процесс, на наш взгляд, происходит и сегодня, заставляя нас обратиться к историческому прошлому. Интерпретационные практики постоянно отсылают нас к рубежу XIX–XX вв., началу XX века, когда неотъемлемой частью эпохи было появление новых толкований литературного произведения. Еще Н. Бердяев в начале XX века обратил внимание на то, что «искусство судорожно стремится выйти за свои пределы. Нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого… Человек последнего творческого дня хочет сотворить никогда не бывшее и в своем творческом исступлении переступает все пределы и все границы» [6, с. 3-4].

В России на сегодняшний день существует достаточно большое количество постановок, которые так или иначе можно назвать иммерсивными.

В 2004 г. в «Школе драматического искусства» была представлена иммерсивная постановка «День Леопольда Блума. Извлечение корня времени» режиссера Игоря Яцко, которая считается чуть ли не первым опытом иммерсивного театра в отечественной культуре. Спектакль длился 24 часа, в течение которых практически во всех помещениях театра разыгрывались, прочитывались или «пропевались» все эпизоды романа. Второй раз этот спектакль был показан в 2014 году.

Тогда же в Центре им. Мейерхольда Юрий Квятковский ставит спектакль «Норманск» по мотивам повести братьев Стругацких «Гадкие лебеди». Пятиэтажный ЦИМ превратился в постапокалиптический город, в котором зрители перемещались из одного помещения в другое.

В 2014 году в Театре Наций был представлен спектакль «Шекспир. Лабиринт» в постановке Филиппа Григорьяна. Зрители в процессе участия в постановке проходят по загадочному лабиринту и пытаются разгадать загадки нескольких произведений Шекспира. В лабиринте 10 остановок, одна из них происходит в гримерной комнате актрисы, которая буквально через несколько минут должна исполнять сольный номер на сцене.

В 2015 г. сеть «Клаустрофобия», специализирующаяся на игровых квестах, пригласила для сотрудничества Александра Созонова. Итогом работы стал масштабный спектакль-квест «МСК 2048», который проходил на территории московского завода «Кристалл». Игроки-зрители попадали в виртуальный мир, переживший глобальную катастрофу и, выполняя задания актеров, должны были перебраться в Москву.

Осенью 2016 года появляются два спектакля: «Черный русский» по мотивам «Дубровского» А. Пушкина (режиссер Максим Диденко) и «Вернувшиеся» по мотивам пьесы Г. Ибсена «Привидения» (российско-американский проект, режиссеры Виктор Карина и Мия Занетти, хореограф-постановщик Мигель).

«Черный русский» заявлен как иммерсивный мюзикл. Идет он в старинном московском особняке Спиридонова. В самом начале зрителей делят на три группы, которые следуют своим маршрутом по бальному залу, столовой, спальне, купальне, кабинету, хлеву и даже лесу. Маски тоже представлены в трех вариантах: совы, лисы и олени. Запахи сена, цветов, различных кушаний, которыми угощают зрителей, – все это, по мнению создателей спектакля, должно воздействовать на зрителя на уровне всех органов и чувств.

Рекламный пост «Вернувшихся» заявляет о том, что своим спектаклем они дают возможность зрителю «ощутить глубину персонажа, рассмотреть детали игры и, конечно же, оказаться рядом с актерами на расстоянии вытянутой руки».

2017 год ознаменован появлением в Петербурге иммерсивного шоу «Безликие», режиссером которого снова выступают Мия Занетти и Виктор Карина. «Безликие» – это приквел пьесы «Привидения» Г. Ибсена. Кроме этого можно упомянуть о спектакле Дмитрия Волкострелова «Лекция о ничто», который идет в репертуаре петербургского независимого «Театра post».

Всемирные постановки швейцарца Штефана Кэги из театральной компании Rimini Protokol успешно идут в Петербурге и Москве, где около 50 человек участвуют в исследовании города на разных уровнях: прогулки по историческим местам, кладбищам, общественному транспорту, магазинам, различным зданиям и т. п. Эти прогулки заключают в себе выполнение ряда заданий, которые дает участникам гид-компьютерный голос. Задания разнообразны: заглянуть в глаза незнакомому человеку, станцевать какое-то балетное па, стать на минуту участником какой-либо акции, и многое другое. Все это носит название «Remote», соответственно «Remote Петербург» (БДТ им. Товстоногова) и «RemoteMoscow» (Федор Елютин).

Непродолжительное время существовал спектакль «твоя_игра» на одном из этажей универмага «Цветной» в Москве. Федор Елютин вместе с бельгийским режиссером Александром Девриндтом

вовлекали зрителя в лабиринт, который он должен пройти с напарником-актером. Это действо было индивидуальным и носило во многом психотерапевтический характер: принять себя, понять себя, полюбить себя. Еще одна постановка, рассчитанная на приобретение коммуникативного опыта с психотерапевтической подоплекой – спектакль «Совместные переживания»« в «Центре имени Мейерхольда». Здесь, сидя в кругу таких же, как ты, зрителей, нужно поделиться своей историей. Вместо имени – в руках карточка с порядковым номером.

В «Гоголь-центре» привлекает внимание постановка «Кто ты?» швейцарского режиссера Корин Майер. Это действо похоже на заполнение анкеты: необходимо отвечать на самые различные вопросы, и тем самым, как надеются постановщики, приобрести новый опыт, новое знание о себе самом. Спектакль «Русские сказки» – спектакль-променад от Александра Созонова и Ильи Шагалова, поставленный по русским народным сказкам Афанасьева также связан с «Гоголь-центром». «Иммерсивные постановки сейчас стали главным мировым театральным трендом. Каждый из нас хоть раз мечтал оказаться внутри фильма, спектакля или книги, пережить все события вместе с персонажами. Иммерсивный театр дарит зрителю уникальную возможность вовлечься в действие не только эмоционально, но и физически: чувствовать запахи и прикосновения, исследовать пространство на ощупь, взаимодействовать с актерами и «прожить» собственную сюжетную линию» [18], – отмечает режиссер шоу «Безликие» Виктор Карина.

Особенность иммерсивного спектакля – в его незавершенности: иммерсивный спектакль увидеть целиком просто невозможно, так как действие развивается параллельно в разных локациях, а не линейно, как мы привыкли видеть в традиционном театре. И в этом – специфика и пограничный характер иммерсивного спектакля. В современном гуманитарном знании пограничность театрального пространства становится предметом специального изучения: «Театральное искусство находится на границе всех искусств, всех видов культурного пространства. В театре смешиваются границы между событием, объектом или субъектом и местом (пространством), в котором это событие происходит или бытуют объекты и субъекты. Граница всегда находится на грани пространств <…> Театральное пространство – вид культурного пространства, с которым сложно взаимодействовать другим видам культурного пространства, если они не адаптированы под его специфику» [25].

Во многих статьях пограничность театра рассматривается в соотношении с новыми театральными формами. Так, например, Н. В. Бараниченко в статье «Трансформация перфомативных практик в истории мирового театра» рассматривает пограничность в соотношении с перфомансом [3]. Анализ феноменов пограничности в эстетике современного театра представлен в исследованиях Т. И. Ерохиной, которая отмечает, что современные театральные постановки априори тяготеют к пограничности, которая проявляется на разных уровнях театрального действия: на уровне работы с текстом, пограничности персонажей, символики, хронотопа, жанров, элитарной и массовых культур [14; 15], об имитации документального и художественного в культуре, в том числе в театральных практиках, писала Т. С. Злотникова [16; 17].

Иммерсивный театр привлекает зрителя тем, что позволяет ему оказаться в другой реальности. И в этом контексте иммерсивный театр близок другим современным культурным практикам.

Прежде всего иммерсивный театр, на наш взгляд, тяготеет к перформансу. Перформанс (performans) в переводе с английского обозначает исполнение, выполнение, действие, представление, спектакль. У Ежи Гротовского «перформер с большой буквы – это человек действия. Это не тот человек, который играет роль другого. Это танцор, жрец, воин: это человек, стоящий выше категорий искусства» [10]. Ему вторит и Антонен Арто, чьи слова созвучны с исканиями сегодняшних режиссеров: «Мы избавимся от сцены и зала, которые следует заменить неким единым пространством, лишенным каких-либо отсеков и перегородок, – это пространство и становится настоящим театром действий» [2]. Мы сейчас не берем за основу идею Арто о жестокости, которая должна разбудить зрителя, вывести его из состояния покоя, заставить его переживать. Нам интересны его мысли о переносе действия из театральных залов в сараи и ангары, что способствовало бы развитию действия во всем пространстве. Театральные постановки иммерсивного характера ведутся как раз на большом пространстве. Для этого арендуются заводы, заброшенные здания, дворцы со множеством комнат и т. п. Вместе с тем, идея «непосредственного и яростного действия и стремления в любую минуту кинуться на зрителя» (А. Арто) тоже находит перекличку с сегодняшним днем. Ведь режиссеры отчасти и подвергают зрителя нападкам со стороны актеров, декораций, пространства, музыки и т. п. Зритель вынужден включаться в действие, порой обороняться от него, порой самому вести атаку.

Е. Гротовский давал возможность зрителю стать неотъемлемой частью спектакля. Вместе с актерами Е. Гротовский искал ту технику, те средства выражения, которые могли найти связь с миром зрителей: «Искусность вырабатывается через идеограммы (жесты, интонацию), обращается к ассоциациям в психике зрителей» [9, с. 134]. У

Е. Гротовского была идея сделать театр тем местом, где стирается грань между зрителем и актером, где их взаимодействие доводится до предела, тем самым обнажая все самые мощные эмоции, но при этом сделать акцент на актерской технике, отказавшись от всего, что мешает тандему «актер-зритель». У современных же режиссеров наоборот прослеживается идея перенести акцент на все эти «излишки», как считал Е. Гротовский (костюмы, декорации, музыкальное сопровождение, световые эффекты), сделать и их действующими лицами.

Возникает противоречие, которое априори заложено в иммерсивных практиках: с одной стороны, зритель должен стать полноправным участником происходящего. С другой стороны, полноправное участие означает одинаковые возможности участия в действии, а зритель может включаться в действие только в том случае, если актер-перформер сам решит начать взаимодействие с ним. Например, обнять и поцеловать, взять за руку и долго смотреть в глаза… Этот тесный контакт актера и зрителя называют personal experience.

Punchdrunk создавал игровое пространство, в котором можно перемещаться в соответствии с желаниями зрителей. В отечественных иммерсивных спектаклях формально происходит то же самое: «…зрители становятся частью особой, театральной виртуальной реальности. При этом мы не просто создаем спектакль. Мы создаем пространство, в котором погружение начинается еще до начала шоу, и не заканчивается после того, как все маски сняты» [18], – отмечает креативный продюсер шоу «Безликие» Анастасия Тимофеева.

Игра с пространством, перемещение в пространстве – все это, безусловно, часть иммерсивного театра. Но то же самое мы встречаем и в перформансе и в хэппенинге. Конечно, перформанс близок к театральному представлению: произведением здесь является само исполнение; у перформанса есть сценарий, однако он по сути своей довольно вариативен; перформанс приближен к зрителю. В перформансе зритель тоже может быть безучастным наблюдателем, а может быть активным участником происходящего. Перформанс создает новое пространство, новую реальность, которая переживается исполнителем и зрителем совместно. Перформанс не повторяется, он не может быть сохранен и воспроизведен: «Перформанс – жанр «вызывающий»: неизменно вызывает интригу, интерес, неожиданные реакции. Перформанс содержит провокацию, эпатаж, является подвижной ситуацией, которая разрушает время и пространство реальности, предлагает двусмысленную историю-коммуникацию, разыгранную на стыке искусства и повседневного потока жизни» [21] – такое определение дает исследователь перформанса Ю. Кривцова в своей работе «Перформанс как словесно-пластический текст».

Близкими к иммерсивному театру стали и такие явления как хэппенинг, Site-specific и променад.

Хэппенинг – это своего рода игра, создание случайной ситуации, которая происходит здесь и сейчас, без четкого сюжета. Это тоже совместное проживание ситуации, как и в перформансе. Довольно условное деление можно провести и между иммерсивными постановками, Site-specific и променадами. Сходство этих трех театральных моделей, в первую очередь, в том, что все они отказываются от границ между сценой и залом. Все подобные постановки назвать новыми можно тоже условно, поскольку еще в начале XX века Евреинов, Марджанов, Эйзенштейн разрабатывали и реализовывали на практике идеи о тотальном погружении в спектакль.

Иммерсивный театр представляет Site-specific и променад в одном лице. В Site-specific очень важна среда, в которой будет происходить действие, для променада же заранее определена траектория движения. Все эти параметры взаимодействуют в иммерсивном театре и создают ситуацию, когда зритель, попадая в довольно специфическую среду, включается в действие, в игру, сам строит свой путь передвижения и создает свой сюжет.

Главная составляющая иммерсивного театра – это драматическое действие. Однако этих драматических действий настолько много, что зрителю трудно охватить сюжет постановки в целом. Каждый из представленных в иммерсивном театре персонажей ведет свою линию, выстраивает свой конфликт, свое драматическое действие. Очень трудно в иммерсивном театре определить традиционные этапы организации драматического действия (экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку). Вероятно, иммерсивный театр и не ставит перед собой такой задачи. Для него, на наш взгляд, важен именно нарратив.

Однако иммерсивный театр всегда остается театром. В случае с променадом структура спектакля зачастую меняется. Актеры могут не играть роли, а трансформироваться в простых гидов или экскурсоводов, а порой могут и вовсе исчезнуть. В иммерсивном же театре актер с самого начала и до финала спектакля играет роль, и все его действия подчинены этой роли. В Site-specific и променаде зрителю с самого начала отводится роль творца, формирующего сюжет своим поведением, в иммерсивном же театре зритель оказывается погруженным в театральную реальность, и его поведение зависит от нее.

Анализируя феномен иммерсивного театра в отечественной культуре, необходимо обратиться к постановкам, которые обозначены как иммерсив-

ные (то есть на уровне идентификации и самоидентификации формы и специфики). «Вернувшиеся» и «Безликие» – продукт одних и тех же создателей, которые называют свои «творения» иммерсивными шоу. Оба шоу размещаются в старинных особняках. «Вернувшиеся» – постановка на основе произведения Ибсена «Привидения», «Безликие» – приквел к «Привидениям» (или к «Вернувшимся»).

Художники и сценографы «Вернувшихся» проработали все до мелочей в убранстве комнат «Дома Алвингов». Четырехэтажное здание – это даже не дом, это некая история жизни семьи: здесь и дом, и сад, и приют, и часовня. Массивная мебель, картины, портьеры, посуда, различные детали, даже обои, – все создает определенную атмосферу. Тикающие часы, забытая книга с закладкой на диване, платья, небрежно наброшенные на ширму, придают дому обжитый вид.

То же самое и в Петербурге, где зрителя погружают в пространство старинного особняка на Дворцовой набережной Петербурга, и где сама атмосфера заставляет почувствовать зрителей себя в пространстве и времени начала XX века: место наделяется памятью и хранит свою историю. Зрителя просят надеть маску и выдают ряд инструкций: что можно делать на шоу, а что категорически запрещается. И тут возникает отмеченное выше противоречие: режиссер иммерсивного шоу Мия Занетти говорит, что в иммерсивном театре «зритель оказывается в ином измерении, где не существует привычных правил, запретов и границ» [18]. Однако первый и самый важный запрет, который получает зритель еще при входе: «на протяжении всего действия запрещено говорить, прикасаться к актерам и снимать маску».

«Вернувшиеся» и «Безликие» – это как раз тот случай, когда можно проверить себя «на прочность». То, что будет происходить в особняке, требует от вас поменяться, перестроить образ своих мыслей. «Возможно, после спектакля вы уже никогда не будете прежними» [27], – говорит Антон Беляев, автор музыки иммерсивного шоу «Безликие». Музыка – очень важная составляющая этих проектов, музыкальное сопровождение меняется вместе с сюжетом, достигая кульминации в финале.

И в «Вернувшихся», и в «Безликих» возникают два параллельных плана. Один основан на драме, второй – на пластике. Действие первого плана связано с основными действующими лицами – двигателями сюжета, и выстраивается на основе фабулы произведения, второй план связан с подтекстом произведения и показывает нам ирреальный мир, или, можно сказать, некую параллельную реальность, где двойники персонажей демонстрируют пороки, фантазии с помощью пластических и танцевальных сцен. Не случайно режиссер шоу Мия Занетт утверждает, что « «Безликие» – это иммерсивный спектакль, в котором мы создаем полностью аутентичное пространство, совмещаем элементы классического театра и хореографии, используем аудиовизуальные эффекты, тщательно прорабатываем интерактивную составляющую… Это возможность получить качественно новый и очень личный опыт. Испытать то же самое, оставаясь наблюдателем в кресле, просто невозможно. Это театрализованная виртуальная реальность».

Зрителя лишают привычной для него роли наблюдателя, хотя, как говорит Анастасия Тимофеева, креативный продюссер шоу «Безликие»: «Маска, скрывающая ваше лицо, даст вам ощущение полной безопасности и анонимности. Вы сможете подглядывать в замочную скважину за чьей-то жизнью, а, возможно, повлияете на ход событий» [27]. С другой стороны, маска – это надежный способ укрыться от соседа справа и слева, не показать свои эмоции, который могут выйти наружу. Есть и третий вариант, к которому приходят некоторые из тех, кто побывал среди зрителей на иммерсивном шоу «Безликие»: маски – это стадо *БЕЗЛИКИХ* людей, которые лишены отличительных черт, своеобразия, которые потеряли свою индивидуальность. От этого многие непосвященные зрители чувствуют себя неуютно, тревожно, беспокойно. Возникает как минимум два варианта восприятия иммерсивного действия: зрители и актеры получают удовольствие от личного взаимодействия или полностью отвергают друг друга. (Отметим, что Punchdrunk в своих постановках позволяет зрителям снимать маски в случае, когда актер и зритель остаются один-на-один. Зритель, сняв маску, перестает быть анонимным, он становится личностью). Отзывы зрителей на отечественные иммерсивные постановки остаются противоречивыми. Одни восхищаются масштабностью и зрелищностью постановок, другие недовольны тем, что к концу спектакля многое осталось непонятным, третьи считают, что именно в этой недосказанности и таится самое интересное и захватывающее.

Многие критики считают, что иммерсивный театр рассчитан, прежде всего, на молодежь и обнаруживают истоки иммерсивного театра в интерактивных компьютерных играх: «Иммерсивный театр – это «погружение», полное, тотальное вовлечение участника. Не просто наблюдение, а участие, принятие каких-либо действий. Люди устали сидеть в креслах, они хотят встать с них и выйти на сцену» [19].

Необходимо обратить внимание на то, что меняется не только роль зрителя в иммерсивном театре, но и роль актера. Первое, что становится очевидным: актер должен быть готов ко всему. Как поясняет режиссер одной из иммерсивных постановок

«После» Елена Ненашева, «…у артиста есть некий каркас, сюжетная линия, которую он ведет, но внутри этого сценария есть огромное количество полей для импровизации» [1]. Актеры предлагают зрителю новые поведенческие сценарии развития действия, однако бывает и так, что наоборот именно зрители становятся активными двигателями сюжета. В этом случае большая ответственность ложится на плечи актера: не давить на зрителя, не испугать, а постараться вовлечь в игру, в действие, но при этом остаться в рамках сюжетной линии. Ответственность за действие ложится и на режиссера, и на актера, и на зрителя.

Таким образом, мы можем утверждать, что феномен иммерсивного театра в отечественной культуре заключается в его противоречивости и дискуссионности. В культурологии (а также в театроведении) не сложилось единого мнения о жанровых и формальных признаках, характеризующих иммерсивное действие, что приводит к неоднозначной трактовке иммерсивного театра. Генезис иммерсивного театра можно обнаружить в театральных практиках рубежа XIX–XX веков, в то время как активное развитие этой театральной формы приходится на начало XXI века. Форма иммерсивного театра для отечественной культуры является заимствованной, в связи с чем, можно говорить о специфике иммерсивных практик в зарубежной и отечественной культурах, не случайно режиссер Мия Занетти не раз признавалась в том, что, наблюдая за русской публикой, она видит существенную разницу в восприятии иммерсивных постановок европейским и американским зрителем – и российским: российский зритель, по ее мнению, более закрытый, он привык к традиционному театру, где существует видимая граница между актерами и зрителями, поэтому в ситуации отсутствия границы, отечественной зритель пытается ее самостоятельно воздвигнуть. Иммерсивный театр в отечественной культуре является пограничным и синтетичным явлением, имеющим много общего с такими театральными формами как перформанс, хэппенинг, театральные инсталляции, променады и т. д. Иммерсивным театром в России можно назвать любую постановку, в которой зритель функционирует как действующее лицо и которая вызывает у него эмоциональный отклик. Поэтому употребление этого понятия – иммерсивный театр – становится, прежде всего, маркетинговым ходом для привлечения зрительского интереса.

Вместе с тем, популярность и востребованность данной театральной формы как среди режиссеров, так и вреди зрителей, свидетельствует о том, что изучение иммерсивного театра является перспективной научной темой.

Библиографический список

1. Андросова, М. Полное погружение в театр: секрет популярности иммерсивных спектаклей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mir24.tv/news/16295300/polnoe-pogruzhenie-v-teatr-sekret-populyarnosti-immersivnyh-spektaklei

2. Арто, А. Театр и его двойник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.net/books/arto_antonen/teatr_i_ego_dvoynik/read

3. Бараниченко, Н. В. Трансформация перфоматывных практик в истории мирового театра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-performativnyh-praktik-v-istorii-mirovogo-teatra (дата обращения: 07.10.2018).

4. Барбой, Ю. К теории театра [Текст] / Ю. Барбой. – СПб., 2008.

5. Бартошевич, А. В. Театральные хроники. Начало двадцать первого века [Текст] / А. Бартошевич. – М., 2013.

6. Бердяев, Н. Кризис искусства [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1990.

7. Вислова, А. В. Русский театр на сломе эпох. Рубеж XX–XXI веков [Текст] / А. В. Вислова. – М., 2009.

8. Владимиров, С. Действие в драме [Текст] / С. Владимиров. – СПб., 2007.

9. Гротовский, Е. Оголенный актер [Текст] / Е. Гротовский // Актер в современном театре. – Л., 1989.

10. Гротовский, Е. Перформер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://paul-kartashev.livejournal.com/15180.html

11. Давыдова, М. Конец театральной эпохи [Текст] / М. Давыдова. – М. : Золотая маска; ОГИ, 2005.

12. Должанский, Р. Новые театральные термины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=cv6gUG5rdwo

13. Дубин, Б., Золотухин, В., Рогинская, О., Гавришина, О., Лидерман, Ю. «Круглый стол» «Театральность в границах искусства и за его пределами» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/du24.html

14. Ерохина, Т. И., Григорьева, Н. О., Матанцева, М. А., Семенова, М. А. Концепт пограничности в современном искусствознании [Текст] / Т. И. Ерохина, Н. О. Григорьева, М. А. Матанцева, М. А. Семенова // Ярославский педагогический вестник, 2017. – № 4. – С. 262-270.

15. Ерохина, Т. И. А. П. Чехов в интерпретации Л. Эренбурга и Ю. Бутусова: грани и границы [Текст] / Т. И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник, 2017. – № 3. – С. 301-307.

16. Злотникова, Т. С. Имитация «документального» и симуляция «художественного» в современной массовой культуре [Текст] / Т. С. Злотникова // Филология и культура. № 37 (3). – С. 201-206.

17. Злотникова, Т. С. Философия творческой личности [Текст] / Т. С. Злотникова. – М., 2017.

18. Иммерсивный.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://immersivniy.ru/

19. Иммерсивный театр: история и практика [Электронный ресурс]. – http://excoda.ru/immersive_theatre

20. Каранович, Д. Что такое «Иммерсивный театр» и почему ответа нет. [Текст] / Д. Каранович // Петербургский театральный журнал, 2018. – № 3 (93).

21. Кривцова, Ю. Перформанс в пространстве современной культуры. Диссертация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/performans-v-prostranstve-sovremennoi-kultury

22. Леман, Х-Т. Постдраматический театр [Текст] / Х-Т. Леман. – М., 2013.

23. Мельникова-Григорьева, Е. Границы искусства и в искусстве [Электронный ресурс] // ТОПОС Литературно-философский журнал. От 26.03.2003. – Режим доступа: http://www.topos.ru/article/1024

24. Образцова, А. Синтез искусств и английская сцена на рубеже XIX-XX веков [Текст] / А. Образцова. – М. : Наука, 1984.

25. Орлова, Е. В. Сущностные характеристики театрального пространства и пространства театра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/suschnostnye-harakteristiki-teatralnogo -prostranstva-i-prostranstva-teatra

26. Пушкина, О. Актер в «Театре инсталляции» – между присутствием и отсутствием. [Текст] / О. Пушкина // Петербургский театральный журнал, 2018. – № 3 (93).

27. Рамкина, Т. Стань одним из них [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tricolortvmag.ru/article/lifestyle/v-sankt-peterburge-startovalo-immersivnoe-shou-bezlikie/

28. Семенова, Е. А. Концепция карнавальной культуры М. Бахтина в уличном театре В. И. Полунина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-karnavalnoy-kultury-m-m-bahtina-v-ulichnom-teatre-v-i-polunina

29. Спасская, М. Городское путешествие: Безликие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ptj.spb.ru/blog/gorodskoe-puteshestvie/

30. Фишер-Лихте, Э. Эстетика перформативности [Электронный ресурс] / пер. с нем. Н. Кандинской, под общ. ред. Д. В. Трубочкина, вступ. статья В. Колязина. – М. : Международное театральное-агентство»Play&Play», Издательство «Канон+», 2015. – Режим доступа: http://mirknig.su/knigi/kultura/186076-estetika-performativnosti.html

Reference List

1. Androsova, M. Polnoe pogruzhenie v teatr: sekret populjarnosti immersivnyh spektaklej = Full immersion in theater: secret of immersive performances popularity [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://mir24.tv/news/16295300/polnoe-pogruzhenie-v-teatr-sekret-populyarnosti-immersivnyh-spektaklei

2. Arto, A. Teatr i ego dvojnik = Theater and its double [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://modernlib.net/books/arto_antonen/teatr_i_ego_dvoynik/read

3. Baranichenko, N. V. Transformacija perfomativnyh praktik v istorii mirovogo teatra = Transformation of perfomative practices in the history of world theater [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-performativnyh-praktik-v-istorii-mirovogo-teatra

4. Barboj, Ju. K teorii teatra = To the theory of theater [Tekst] / Ju. Barboj. – SPb., 2008.

5. Bartoshevich, A. V. Teatral'nye hroniki. Nachalo dvadcat' pervogo veka = Theatrical chronicles. Beginning of the twenty first century [Tekst] / A. Bartoshevich. – M., 2013.

6. Berdjaev, N. Krizis iskusstva = Art crisis [Tekst] / N. Berdjaev. – M., 1990.

7. Vislova, A. V. Russkij teatr na slome jepoh. Rubezh XX–XXI vekov = The Russian theater at demolition of eras. Turn of the XX-XXI centuries [Tekst] / A. V. Vislova. – M., 2009.

8. Vladimirov, S. Dejstvie v drame = Action in drama [Tekst] / S. Vladimirov. – SPb., 2007.

9. Grotovskij, E. Ogolennyj akter = A bare actor [Tekst] / E. Grotovskij // Akter v sovremennom teatre. – L., 1989.

10. Grotovskij, E. Performer = Performer [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://paul-kartashev.livejournal.com/15180.html

11. Davydova, M. Konec teatral'noj jepohi = End of the theatrical era [Tekst] / M. Davydova. – M. : Zolotaja maska; OGI, 2005.

12. Dolzhanskij, R. Novye teatral'nye terminy = New theatrical terms [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.youtube.com/watch?v=cv6gUG5rdwo

13. Dubin, B., Zolotuhin, V., Roginskaja, O., Gavrishina, O., Liderman, Ju. «Kruglyj stol» «Teatral'nost' v granicah iskusstva i za ego predelami» = «Round table» «Theatricality in borders of art and beyond its limits» [Jelektronnyj resurc]. – Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/du24.html

14. Erohina, T. I., Grigor'eva, N. O., Matanceva, M. A., Semenova, M. A. Koncept pogranichnosti v sovremennom iskusstvoznanii = Frontier concept in modern Art Studies [Tekst] / T. I. Erohina, N. O. Grigor'eva, M. A. Matanceva, M. A. Semenova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin, 2017. – № 4. – S. 262-270.

15. Erohina, T. I. A. P. Chehov v interpretacii L. Jerenburga i Ju. Butusova: grani i granicy = A. P. Chekhov in L. Ehrenburg and Yu. Butusov's interpretation: facets and borders [Tekst] / T. I. Erohina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical

bulletin, 2017. – № 3. – S. 301-307.

16. Zlotnikova, T. S. Imitacija «dokumental'nogo» i simuljacija «hudozhestvennogo» v sovremennoj massovoj kul'ture = Imitation of «documentary» and simulation of «art» in modern popular culture [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Filologija i kul'tura. № 37 (3) = Filologiya i kultura. № 37 (3). – S. 201-206.

17. Zlotnikova, T. S. Filosofija tvorcheskoj lichnosti = Philosophy of the creative person [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – M., 2017.

18. Immersivnyj.ru = Immersivny.ru [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://immersivniy.ru/

19. Immersivnyj teatr: istorija i praktika = Immersive theater: history and practice [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://excoda.ru/immersive_theatre

20. Karanovich, D. Chto takoe «Immersivnyj teatr» i pochemu otveta net = What is «The immersive theater» and why there is no answer [Tekst] / D. Karanovich // Peterburgskij teatral'nyj zhurnal = Peterburgskii teatralnyi zhurnal, 2018. – № 3 (93).

21. Krivcova, Ju. Performans v prostranstve sovremennoj kul'tury. Dissertacija = Performance in space of modern culture. Thesis. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.dissercat.com/content/performans-v-prostranstve-sovremennoi-kultury

22. Leman, H-T. Postdramaticheskij teatr = Postdrama theater [Tekst] / H-T. Leman. – M., 2013.

23. Mel'nikova-Grigor'eva, E. Granicy iskusstva i v iskusstve = Borders of art and in art [Jelektronnyj resurs] // TOPOS Literaturno-filosofskij zhurnal = TOPOS Literary and philosophical magazine. Ot 26.03.2003. – Rezhim dostupa: http://www.topos.ru/article/1024

24. Obrazcova, A. Sintez iskusstv i anglijskaja scena na rubezhe XIX–XX vekov = Synthesis of arts and the English scene at the turn of the XIX-XX centuries [Tekst] / A. Obrazcova. – M. : Nauka, 1984.

25. Orlova, E. V. Sushhnostnye harakteristiki teatral'nogo prostranstva i prostranstva teatra = Intrinsic characteristics of theatrical space and space of theater [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://cyberleninka.ru/article/n/suschnostnye-harakteristiki-teatralnogo -prostranstva-i-prostranstva-teatra

26. Pushkina, O. Akter v «Teatre installjacii» – mezhdu prisutstviem i otsutstviem = The actor in «Theater of installation» – between presence and absence [Tekst] / O. Pushkina // Peterburgskij teatral'nyj zhurnal, 2018. – № 3 (93).

27. Ramkina, T. Stan' odnim iz nih = Be one of them [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://tricolortvmag.ru/article/lifestyle/v-sankt-peterburge-startovalo-immersivnoe-shou-bezlikie/

28. Semenova, E. A. Koncepcija karnaval'noj kul'tury M. Bahtina v ulichnom teatre V. I. Polunina = The concept of carnival culture by M. Bakhtin in V. I. Polunin's street theater [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-karnavalnoy-kultury-m-m-bahtina-v-ulichnom-teatre-v-i-polunina

29. Spasskaja, M. Gorodskoe puteshestvie: Bezlikie = City travel: Faceless [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ptj.spb.ru/blog/gorodskoe-puteshestvie/

30. Fisher-Lihte, Je. Jestetika performativnosti = Performativity esthetics [Jelektronnyj resurs] / per. s nem. N. Kandinskoj, pod obshh. red. D. V. Trubochkina, vstup. stat'ja V. Koljazina. – M. : Mezhdunarodnoe teatral'noeagentstvo»Play&Play», Izdatel'stvo «Kanon+», 2015. – Rezhim dostupa: http://mirknig.su/knigi/kultura/186076-estetika-performativnosti.html

Дата поступления статьи в редакцию: 19.01.2019
Дата принятия статьи к печати: 24.01.2019

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензия на монографию Ю. М. Прозорова «В. А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции». СПб., 2017

SCIENTIFIC LIFE

The review of Yu. M. Prozorov's monograph «V. A. Zhukovsky in historical and literary representation. Esthetics. Poetics. Traditions». SPb., 2017

Прозоров Юрий Михайлович (15.05.1951-18.10.2018) – ведущий научный сотрудник отдела новой русской литературы Пушкинского Дома. Работал в ИРЛИ РАН с 1988 г.; в 1996-2005 гг. – ученый секретарь Института, в 2005-2006 гг. – зам. директора, в 2006-2007 гг. – и. о. директора.

Родился в г. Ярославле в семье преподавателей педагогического института – Михаила Николаевича и Марии Михайловны Прозоровых. В 1975-1977 гг. работал на кафедре литературы Ярославского государственного педагогического института.

Автор рецензируемой монографии недавно ушел из жизни. Оценивая его книгу, я воспринимаю ее, с одной стороны, как творческий итог научной биографии Ю. М. Прозорова, с другой стороны, как продолжающую активно жить научную мысль, идеи, с которыми можно вступать в диалог, соглашаться или полемизировать, но главное – заново открывать вместе с автором уникальный творческий мир В. А. Жуковского.

Работы Ю. М. Прозорова хорошо известны научному сообществу и создали ему репутацию ученого, обладающего высокой филологической культурой, самобытным взглядом на литературу и безупречной научной стилистикой. Как историк литературы Ю. М. Прозоров сочетал в себе комментатора, текстолога и собственно исследователя русского литературного процесса: творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. К. Толстого, Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, И. А. Гончарова. Однако главной темой научной деятельности Ю. М. Прозорова являлось творчество В. А. Жуковского. Его поэзии и посвящена итоговая, последняя книга ученого.

Обращение к фигурам такого масштаба, как В. А. Жуковский, всегда актуально, ибо его творчество содержит в себе тот потенциал смыслов, который продолжает развертываться в перспективе «большого времени». Эти новые смыслы Ю. И. Прозоров открывает благодаря введению в научный оборот малоизученных или неопубликованных текстов Жуковского, а также методологии, которая позволила автору книги увидеть в художественном мире поэта новую систему литературных связей и отношений, выявить и рассмотреть принципиально важные для Жуковского категории поэтики. Ведущей теоретической идеей книги является историзм, позволивший автору рассматривать творчество Жуковского как процесс становления его эстетической мысли и эволюции его художественной деятельности.

Закономерно, что первая глава монографии посвящена эстетике и литературной критике В. А. Жуковского. (Напомню, что Ю. М. Прозорову принадлежит издание критики Жуковского (М., 1985), снабженное вступительной статьей и комментариями). Принципиально новая идея этой главы заключается в том, что критика и поэзия Жуковского, прежде всего, начала – середины 1820-х годов, развиваются не только параллельно, но в сложных внутренних взаимоотношениях друг с другом. Ю. М. Прозоров корректирует традиционное научное представление о своего рода отставании теоретических взглядов Жуковского, сформировавшихся на основе эстетики Просвещения, от его поэтической деятельности, определяемой вектором развития романтизма. Автор книги показывает сам процесс внутреннего поиска Жуковским близких ему романтических идей, присутствующих, как справедливо замечает исследователь, уже в эстетических трактатах просветителей. Представляется чрезвычайно удачной избранная Ю. М. Прозоровым категория «романтический потенциал», обозначающая разнообразные поиски Жуковским, в данном случае, – в эстетике – романтического начала. По сути, в центре внимания ис-

© Володина Н. В., 2019

следователя уже в этой главе оказывается творческое сознание Жуковского, изучение которого продолжится во второй главе книги уже как художественного мышления поэта. Другие важные идеи первой главы – родство работы переводчика и критика, эстетики и этики, где одна не заменяет и не подменяет другую, но взаимообусловливают друг друга. Важно, что Ю. М. Прозоров рассматривает как статьи, посвященные теории критики («Письмо из уезда к издателю», «О критике», «Два разговора о критике»), так и работы, где Жуковский оценивает конкретные литературные произведения: «О басне и баснях Крылова», «О сатире и сатирах Кантемира», «О стихотворениях И. И. Козлова» и др.

Единственное дополнение, которое, с моей точки зрения, было бы возможно в этой главе, – это обращение к «критическому» контексту (эстетический в ней присутствует), прежде всего, – предшествующего периода развития критики. Речь идет о сравнении критики Жуковского с работами Н. М. Карамзина, ибо именно Карамзин первый начал отстаивать право критики на существование и доказывать ее пользу для автора и читателя; у Карамзина появляется – в качестве ведущего критерия оценки литературных явлений – критерий вкуса, который также использует Жуковский; Карамзин впервые сказал о связи эстетического вкуса критика и его нравственных качеств: доброты, способности к сочувствию – и др.

Следует признать терминологически точным само обозначение поэтических категорий, рассматриваемых Ю. М. Прозоровым во второй главе: «меланхолии» и «ужасного», – как категорий поэтического «мышления»/ «сознания». К исследованию обозначенных ими явлений обращалось уже русское академическое литературоведение: психологическая школа – в работах А. А. Потебни. Однако сегодня их изучение оказывается особенно актуальным благодаря усилению междисциплинарных исследований, направленных на изучение литературы как художественного мышления. Монография Ю. М. Прозорова открывает эти новые возможности при изучении творчества Жуковского. Рассматривая меланхолию как категорию поэтики Жуковского, автор диссертации одновременно показывает ее общекультурную семантику (по сути – концепт). Она характеризует, как следует из монографии, тип мироощущения русского поэта и целый комплекс идей, эмоций и чувств, сформированный традицией русской и европейской культуры.

Идея европеизма как одного из векторов развития личности, мировосприятия и творчества Жуковского имплицитно присутствует на протяжении всей работы Ю. М. Прозорова, позволяя воспринимать Жуковского как русского европейца. В данном разделе книги эта идея реализуется в предпринятом автором обстоятельном экскурсе в историю понятия меланхолии: в европейской философии, эстетике, изобразительном искусстве, поэзии. Это дает возможность Ю. М. Прозорову рассматривать принципиально важную для художественного мира Жуковского категорию поэтики в широком историческом и общекультурном контексте, что делает авторские наблюдения и выводы убедительными и новаторскими.

В то же время при чтении книги Ю. М. Прозорова возникает вопрос об этноспецифичности данной поэтической категории у Жуковского? Читатель – филолог закономерно приходит к мысли, к вопросу о том, что, помимо русского пейзажа, несет в себе признаки национальной идентичности (речь идет, прежде всего, о жанре элегии, ибо с балладой все более очевидно)? Эти вопросы провоцируют уже наши собственные размышления «по поводу». Поясню свою мысль.

Проблема национальности поэзии Жуковского возникала, как известно, уже у его современников. Ю. М. Прозоров ссылается на статью Н. Полевого, который одним из первых обозначил «меланхолические» топосы поэзии Жуковского. Точность наблюдений критика «подтверждается» признаниями самого поэта, например, в стихотворном послании императрице Марии Федоровне» «Подробный отчет о луне» (1820), где он обстоятельно перечисляет все «разновидности» луны в своих стихах. Однако Полевой, признавая заслуги Жуковского перед русской литературой, видит в этом устойчивом круге тем и образов односторонность и однообразие: не случайно он противопоставляет Жуковскому Державина, с его полнотой изображения русского мира. Критики-декабристы (А. Бестужев, О. Сомов, В. Кюхельбекер) говорили об этой особенности поэзии Жуковского – повторяющихся элегических мотивах и образах – с откровенной иронией и отказывали ему в свойстве национальности. Причины такого восприятия хорошо известны; тем не менее, подобный взгляд на меланхолию Жуковского позволяет вернуться к вопросу о национальной природе этого мирочувствования.

Наиболее сложным и полемичным, с моей точки зрения, является намеченный в книге вопрос об авторском отношении к тому душевно-эмоциональному состоянию, мировосприятию, которое принято обозначать как меланхолическое. Этот вопрос неизбежно возникает при попытке соотнести статью Жуковского «О меланхолии» с его поэтическим творчеством. Юрий Михайлович полагает, что она является выражением миросозерцания, религиозных воззрений Жуковского последних лет жизни, свидетельствуя о «духовном переломе», пережитом поэтом в начале 1840-х годов, и к его поэзии, особенно ранней, прямого отношения не

имеет. Убедительность этой позиции подкрепляется и авторской вступительной статьей к «Приложению», включающему в себя переводы «Священного писания», сделанные Жуковским. Сразу отмечу, что этот текст публикуется впервые. Тем не менее, сложность, неоднозначность проблемы, о которой идет речь, с моей точки зрения, все-таки сохраняется. В статье «О меланхолии» Жуковский противопоставляет меланхолию как мирочувствование, свойственное уже античности и сохраняющее свои константные признаки в эпоху нового времени, – мировосприятию человека христианского сознания (не эпохи христианства, но именно христианского сознания). Открытие евангельских ценностей, согласно Жуковскому, может внутренне изменить (или заменить) меланхолическое мироощущение, двойственное по своей природе, но лишенное надежды, – состоянием печали и скорби, казалось бы, более трагическим, но просветленным верой в приобщение к вечности. Если это убеждения Жуковского последнего десятилетия его жизни, то как согласовать с ними его религиозность, присутствующую уже в ранних стихах? Жуковский часто использует там именно понятие «скорби»: «К моей лире и друзьям моим», «На смерть Андрея Тургенева», стихотворное послание к Екатерине Михайловне Соковниной («К. М. Соковниной», 1803) и др. Уже в ранних стихах, элегиях и балладах речь идет о «вере в Провиденье» и надежде на «Создателя». Кроме того, если Жуковский становится глубоко и последовательно религиозным человеком в последнее десятилетие своей жизни, то «меланхолический комплекс» должен в этот период уйти из его творчества. Так ли это? Любопытно, что Б. К. Зайцев – его рецепции Жуковского посвящена последняя глава книги – говорит о свойственных ему приступах меланхолии, связанных с тем, что он остро ощущал бренность жизни. Может быть, традиционный «меланхолический комплекс» приобретает в поэзии Жуковского свое, специфическое выражение, в частности, и за счет привнесения в него христианского взгляда на мир, особенно, когда в центре стихотворения оказывается лирический герой Жуковского, а не лирический субъект его переводов? И тогда можно говорить о новом типе меланхолического героя и меланхолического состояния души?

В контексте этих рассуждений возникает еще один вопрос: всегда ли (или насколько полно) мировосприятие Жуковского «совпадает» с его эстетической программой, несмотря на хрестоматийно известное признание поэта: «Живи, как пишешь…»? Не ставя под сомнение меланхолический характер миросозерцания Жуковского, все же выскажу предположение о том, что он в какой-то степени должен был и «соответствовать» своей литературной репутации. Приведу характерную цитату из стихотворения «В альбом княжны М. А. Щербатовой»:

«О *грустном* написать я должен в твой альбом./ Могу ль желанию такому покориться? /При мысли о тебе, невольно под пером / Одно веселое родится;/ При мысли о тебе, невольно твой поэт/ Воображеньем жизнь земную украшает; /Жилищем радости он видит здешний свет И имя грусти забывает».

Как убедительно показывает Ю. М. Прозоров, меланхолия Жуковского – это не только определенный тип мировосприятия, но и художественное открытие романтизма, осознавшего двойственность внутреннего мира человека.

Другая категория поэтического мышления Жуковского, изучаемая в третьей главе книги, – категория «ужасного». Она отличается от меланхолии – универсального по своему характеру понятия (философского, нравственно-психологического, эстетического), ибо является традиционной категорией эстетики. Опираясь на прозаические высказывания Жуковского в статьях, дневнике, письмах; вновь привлекая широкий контекст европейской теоретической мысли, Ю. М. Прозоров обращается к генеалогии баллады, объясняя, что именно привлекало Жуковского в эстетике ужасного. Автор приходит к выводу, что здесь, как и в меланхолии, происходит парадоксальное соединение взаимоисключающих чувств и состояний души, что позволят говорить о «просветляющем потенциале этого ужаса». Сближая таким образом две эти категории поэтического мышления Жуковского, Ю. М. Прозоров соотносит их с основными романтическими жанрами поэзии Жуковского: элегией и балладой; и эта исследовательская логика представляется абсолютно бесспорной. Позволю себе лишь некоторое уточнение по поводу того, что амбивалентные чувства заключены в самой природе меланхолии, а чувство просветления, которое может быть связано с изображением ужасного в литературе, – это, скорее, возможная читательская реакция, хотя и предуготовленная поэтическими образами.

Четвертая глава книги посвящена традициям Жуковского в русской поэзии середины 19 века; и центральной фигурой здесь оказывается Н. А. Некрасов. Сближение этих поэтов возникло, как известно, уже в литературоведении 1920-х годов, в работах Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума. Оригинальность и глубина концепции Ю. М. Прозорова определяется тем обстоятельством, что он сопоставляет Некрасова и Жуковского с учетом эволюции некрасовского восприятия поэта-романтика. Автору книги удается выявить саму специфику рецепции поэзии Жуковского в творчестве Некрасова, которую, очевидно, можно

обозначить как отталкивание и притяжение. Ю. М. Прозорову в целом свойственно повышенное внимание к самой процессуальности художественного творчества, установлению сложных внутренних связей и отношений, которые обнаруживают себя как на разных уровнях текста, так и на разных уровнях творческого диалога художников.

В этой главе (как и во всей книге) идеи, связанные с конкретными наблюдениями, анализом текстов (например, разрушение элегического пейзажа в стихотворении Некрасова «Родина», образ «незлобливого поэта» в стихотворении, посвященном памяти Гоголя, механизм пародирования, переосмысления поэтических образов и мотивов Жуковского, конкретные реминисценции стихов Жуковского у Некрасова и пр.), органично сочетаются с обобщениями и выводами фундаментального характера.

Исторические судьбы поэзии Жуковского Ю. М. Прозоров рассматривает не только в плане освоения литературой традиций поэта-романтика, но и «биографического» осмысления его судьбы – в особом жанре, который сочетает в себе элементы научного исследования и художественного повествования. Именно поэтому последняя, пятая глава книги посвящена портрету Жуковского, созданному Б. К. Зайцевым. Прежде, чем обратиться непосредственно к предмету своего исследования, Ю. М. Прозоров определяет особенности метода Зайцева, характерные для его биографических повествований, и сразу отвергает распространенное представление об этом методе как беллетристическом. Главное в этом методе, сточки зрения автора книги, сочетание документа, факта и свойственного Зайцеву-прозаику импрессионистического изображения, лиризма прозаического повествования. Как убедительно показывает Ю. М. Прозоров, Зайцев отчасти наделяет Жуковского своим импрессионизмом. Автор монографии обращает особенное внимание в книге Зайцева на те его характеристики Жуковского, которые были в центре исследовательского внимания и в предыдущих главах, прежде всего, меланхолию и связанный с нею нравственно-психологический и философский комплекс. В итоге книга Ю. М. Прозорова оказывается новым исследовательским прочтением замечательного русского поэта; и в этом исследовании открывается научная личность и душевная тонкость самого автора.

(Н. В. Володина)

Об итогах конференции «Человек в информационном пространстве» (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 15-17 ноября 2018 г.)

About results of the conference «Person in Information Space» (YSPU named after K. D. Ushinsky, November 15-17, 2018)

15-17 ноября в шестнадцатый раз на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского прошла ежегодная Всероссийская с международным участием междисциплинарная научно-практическая конференция **«Человек в информационном пространстве»**, организованная кафедрой теории коммуникации и рекламы. В ее работе приняли участие 110 преподавателей и ученых, среди которых лингвисты из Китая, Белоруссии, российские исследователи из Москвы, Твери, Брянска, Вологды, Иванова, Костромы, Череповца, Волгограда, Екатеринбурга, Челябинска, Калининграда, Омска, Северодвинска, Комсомольска-на-Амуре, Ярославля, Ростова, Борисоглеба. Многие гости являются постоянными участниками конференции, некоторые, особенно аспиранты и магистранты, приехали впервые. Расширение географии участников свидетельствует о популярности конференции и о важности вопросов, рассмотренных на пленарном заседании и во время работы секций.

В ходе конференции активно обсуждались проблемы медиадискурса, рекламной, политической и межкультурной коммуникации, коммуникативной подготовки учащихся в школе и в вузе, в том числе с использованием новейших информационных технологий, вопросы понимания и интерпретации художественного произведения. Широкая проблематика конференции позволила взглянуть на коммуникацию с разных точек зрения: лингвистической, литературоведческой, прагматической, философской, культурологической, методической и др.

15 ноября 2018 года состоялось торжественное открытие конференции. С приветственным словом к участникам научного форума обратились проректор по научной работе ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, кандидат педагогических наук А. М. Ходырев, декан факультета русской филологии и культуры С. Ю. Родонова и заведующая кафедрой теории коммуникации и рекламы И. В. Шустина. Все выступающие подчеркивали востребованность и перспективность такого рода научного общения и приветствовали привлечение к изучению проблем современного информационного пространства молодых исследователей.

Тематика докладов пленарного заседания отразила весь спектр представленных на конференции исследований. Первой на пленарном заседании выступила доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского **Т. И. Ерохина** с интересным докладом, посвященным диалогичности современного театрального пространства. Татьяна Иосифовна акцентировала внимание слушателей на диалогичности как принципе формирования и функционирования текстов современной культуры, отмечая специфику диалогового характера элитарной и массовой культур.

Доклад следующего участника конференции – доктора культурологии, профессора кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского **Т. В. Юрьевой** был посвящен кросс-культурным стратегиям рекламной деятельности. В своем выступлении Татьяна Владимировна обратила внимание на ряд трудностей, возникающих в сфере культурных различий, которые влияют на разработку и производство рекламной продукции. Докладчик пришла к выводу, что важным аспектом профессионализации в сфере рекламной деятельности становится кросс-культурная компетентность, которая позволит выбрать правильную стратегию при разработке рекламной кампании на глобальном рынке.

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка факультета русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского **Е. Н. Лагузова** в своем выступлении детально рассмотрела синтагматические свойства аналитических конструкций с семантикой состояния в русском и французском языках.

Особый интерес аудитории вызвал доклад кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН **О. И. Северской** и кандидата филологических наук, доцента Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина **Л. Н. Саакяна**, посвященный

© Куранова Т. П., 2019

понятию изысканной (подчеркнутой), деланой (формальной) и «патологической» (обнаруживающей несоответствие формы и содержания) вежливости в свете стратегий эвфемии и дисфемии. Содокладчики дали оценку речевым действиям *вежливых людей* и пришли к выводу о несоответствии прагматики говорящего и слушающего, вербального и акционального планов коммуникативной ситуации.

Ярким завершением пленарного заседания стало выступление доктора филологических наук, доцента Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина **Э. А. Китаниной**. В своем докладе ученый обратилась к лингвопрагматическому аспекту в рекламной коммуникации и подробно рассмотрела манипулятивные технологии при создании текстов современной социальной рекламы.

Работа конференции была продолжена на следующий день на секционных заседаниях и проходила по шести основным направлениям: 1) «Человек в пространстве текста. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного текста»; 2) «Рекламный и PR-дискурс в современном информационном пространстве»; 3) «Современный язык в зеркале СМИ. Социально-политические аспекты коммуникации»; 4) «Межкультурная коммуникация»; 5) «Коммуникативный подход в преподавании русского языка и литературы в школе. Информационные аспекты подготовки специалистов в вузе. Шестое направление «РКИ и РКН в современном лингвокультурном пространстве» было представлено в формате интернет-докладов.

В докладах ученых, выступивших в секции **«Человек в пространстве текста. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного текста»** (руководители – Н. В. Лукьянчикова, М. Г. Пономарева), был представлен широчайший спектр современных подходов к анализу феномена текста: анализ с позиций социолингвистики, лингвопрагматики, лингвокультурологии, стилистики.

Оживленную дискуссию вызвало выступление кандидата филологических наук, доцента кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского **М. Г. Пономаревой** на тему «“Кто действователь?”: “шекспировская” и “карамзинская” версии образа Бориса Годунова в рецепции Н. Полевого». Материалом для данного исследования послужила статья «Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина».

Кандидат филологических наук, доцент ЯГПУ им. К. Д. Ушинского **И. А. Суханова** в своем докладе предложила типологию интермедиальных связей художественного текста с произведениями изобразительного искусства. В качестве примеров был приведен интермедиальный анализ фрагментов русских прозаических текстов.

Феномен духовной прозы в своем выступлении рассмотрела ассистент кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета **Н. А. Некрасова**. Докладчик сконцентрировала внимание на литературе духовного реализма, в частности на изучении поздних произведений Н. В. Гоголя в лингвистическом ключе.

На заседании секции были представлены и работы молодых исследователей. Студентка факультета русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского **А. В. Кораблева** (н. р. – Н. В. Лукьянчикова) посвятила свое выступление сравнительному анализу мотива неразделенной, отвергнутой любви в стихотворениях М. Ю. Лермонтова и И. А. Бродского.

Особое впечатление на участников конференции произвели доклады китайских студенток. Магистрант Института иностранных языков Юго-Западного университета Китайской народной республики **Сысюй Чень** (н. р. – Н. В. Лукьянчикова) представила попытку сопоставления рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья» и повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» с точки зрения приемов изображения врача в обоих произведениях. Особенное внимание при создании образов молодой исследователь уделила одиночеству героев, бытовой сфере их жизни.

Идею необходимости изучения произведений А. П. Чехова и В. С. Маканина с точки зрения художественной реализации мотива пустоты жизни в рассказах «Дама с собачкой», «Попрыгунья» и повести «Отдушина» обосновала в своем выступлении магистрант Института иностранных языков Юго-Западного университета Китайской народной республики **Ли Жун** (н. р. – Н. В. Лукьянчикова). Докладчик предприняла попытку рассмотреть художественные аспекты, позволяющие говорить о творческом диалоге писателей.

Проблеме интермедиального анализа художественного текста в его киноадаптации было посвящено сообщение студентки ЯрГУ им. П. Г. Демидова **К. А. Прохоровой** (н. р. – М. Г. Пономарева). Докладчик исследовала экранизацию повести Э. Хемингуэя «Старик и море» 1999 г., опираясь на критические статьи зарубежных ученых. Исследователь уделила особое внимание тому, насколько успешно режиссер совместил художественные принципы самого Э. Хемингуэя и его вдохновителей.

Секцию **Рекламный и PR-дискурс в современном информационном пространстве** (руководитель – А. Г. Жукова) открыл доклад доктора филологических наук, профессора кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина **Т. М. Надеиной**, в котором она рассказала о проблемах, связанных с экспертной оценкой содержания рекламных роликов (на примере рекламы лекарственных препаратов). Докладчик привела результаты исследования формальных и содержательных компонентов спорных текстов, позволившего продемонстрировать противоречивость выводов членов Экспертного совета ФАС о наличии нарушений.

Второй доклад кандидата филологических наук, доцента, зав. кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина **А. Г. Жуковой** был посвящен анализу специфики текстовой организации товарного описания, используемого в интернет-магазинах одежды. В центре внимания исследователя оказалась онлайн-страница товара как поликодовый описательный текст, главное назначение которого – представить товар покупателю и стимулировать его к покупке.

Ярким и запоминающимся стало выступление кандидата филологических наук, доцента, зав. кафедрой теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского **И. В. Шустиной**, посвященное манипулятивным стратегиям и тактикам в телевизионной рекламе. Докладчик рассмотрела наиболее распространенные стратегии и тактики в рекламе банковских услуг трех ведущих российских банков – Тинькофф, Сбербанк, ВТБ-24, активизировавших свою рекламную деятельность в 2017 году. Особое внимание в докладе было уделено тому, насколько манипулятивные стратегии и тактики обусловлены целевой аудиторией банка и общей концепцией рекламной кампании.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского **Т. Б. Колышкина** и кандидат психологических наук, доцент ЯрГУ им. П. Г. Демидова **Е. В. Маркова** представили рассуждение о том, что рекламный текст, являясь носителем информации, позволяет адресату приобретать определенные знания, умения и навыки. Содокладчики предложили гипотезу о возможности выделения уровней научения в рекламном тексте. Они разработали и апробировали инструментарий (анкету) для диагностики уровней научения в рекламном тексте, выявили характеристики рекламного текста, позволяющие отнести его к той или иной группе уровня научения. Установили критерии, позволяющие говорить об эффективности научения.

Живой интерес у участников секции **«Современный язык в зеркале СМИ. Социально-политические аспекты коммуникации»** (руководитель –И. Ю. Третьякова) вызвало выступление доктора филологических наук, доцента Российского государственного гуманитарного университета **Е. Н. Басовской**, посвященное анализу функционирования модальных частиц в современном медиатексте. Рассматривая случаи использования слова «даже» в кинорецензиях, исследователь обнаружила субъективизирующий потенциал частиц и отметила значимость дискурсивных средств такого типа для конкретизации авторских интенций, восприятие которых затруднено в связи с диалогическим и интерактивным характером медиатекста.

Предметом исследовательского интереса доцента кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского **Т. П. Курановой** и доцента кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета **А. Либшнер** стал спортивный медиадискурс. Первый докладчик рассмотрела компаративные конструкции в речи комментатора телеканала «Первый Ярославский» Сергея Курицына, определила особенности их функционирования в дискурсе спортивного репортажа. Второй докладчик проанализировала способы передачи футбольной тематики в вербально-визуальных типах рекламы разных товаров и услуг в магазинах Екатеринбурга во время Чемпионата мира по футболу 2018.

Студентка Института иностранных языков МГПУ **Т. Г. Мочалова** познакомила слушателей со стратегиями и тактиками, характеризующими успешную коммуникацию в условиях конфликта интересов на материале авторских телепрограмм.

Постоянный участник конференции, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета **С. А. Громыко** в своем докладе рассмотрел вопрос использования текстов художественных произведений в российском парламентском дискурсе начала XX века. В результате анализа исследователь пришел к выводу, что депутаты фракции правых активно использовали в своих выступлениях отсылки к публицистическим и художественным произведениям ряда русских писателей-классиков: А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-

Щедрина. Особое внимание докладчик уделил исследованию функций литературно-художественного интертекста в парламентской речи.

Кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Института бизнес-технологий Российского нового университета **А. С. Шабунин** выступил с докладом на тему «Отечественная массовая культура как один из инструментов продвижения положительного имиджа государства во внутреннюю и внешнюю среду». Выступающий привел наиболее успешные зарубежные примеры формирования и продвижения массовой культуры, проанализировал отечественный опыт в данной сфере.

Феномен проникновения мемов в информационное поле СМИ и их влияние на массовое сознание в своем докладе рассмотрела кандидат культурологии, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Института бизнес-технологий Российского нового университета **Е. Ю. Чилингир.** Автор выделила ключевые особенности, позволившие мемам стать одним из популярных форматов комментирования новостей и формирования отношения к событиям и явлениям.

Оригинальный доклад магистранта факультета филологии и коммуникации ЯрГУ им. П. Г. Демидова **Ю. А. Башловкиной** был посвящен описанию и дифференцированию форматов видеоблога на российском сегменте You-tube, необходимому при изучении коммуникативных технологий медийного дискурса при создании и продвижении современного контента.

Завершилось заседание секции ярким выступлением доктора филологических наук, профессора кафедры отечественной филологии Института гуманитарных наук и социальных технологий Костромского государственного университета **И. Ю. Третьяковой** и магистранта **Е. А. Забалуевой** на тему «Особенности процессов трансформации интернет-мемов». На основе анализа интернет-мемов и их преобразованных вариантов содокладчики выявили особенности вербальных компонентов мемов, обусловливающие возможность трансформаций креолизованных знаков.

В следующей секции были представлены доклады, затрагивающие проблемы **межкультурной коммуникации** (руководитель – Э. А. Китанина). Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова **Т. Я. Аникеева**, доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии **Л. В. Матвеева**, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры методологии психологии **Ю. В. Мочалова** в совместном докладе обсудили проблему формирования цивилизационной и культурной идентичности личности современного человека в условиях возможной трансформации приоритетных для отечественной культуры ценностей в ситуации глобализации. Ученые ввели понятие ценностно-смыслового кода как носителя информации, приоритетно значимой для воспроизводства культуры на определенном историческом этапе.

Неподдельный интерес участников конференции вызвало выступление кандидата педагогических наук, доцента кафедры языкознания и переводоведения МГПУ **Е. М. Вишневской.** Докладчик обратилась к анализу переводческих ошибок и несоответствий, встречающихся в романе Артура Хейли «Аэропорт», изучила природу их возникновения, разработала классификацию ошибок, предложила способы их устранения, а также обосновала их дидактический потенциал.

Проблеме исследования структурных моделей текстов с включением иноязычных лексем в глянцевых журналах Вологодской области был посвящен доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета **А. В. Моисеенко**. Исследователь убедительно доказала, что в текстах с нарративной структурой наблюдается большее число иноязычных лексем, и привела примеры их неэкологичного использования, в то время как в текстах заметок со структурой перевернутой пирамиды используется минимальное число иноязычных лексем, которые не нарушают экологичность журнального текста.

О любопытных результатах исследований в области теории обучения иностранным языкам сообщил молодой ученый из МГУ им. М. В. Ломоносова. В докладе аспиранта **Доу Чуньяо** был представлен анализ русских фразеологизмов с семантикой «возраст» с позиции китайской лингвокультуры.

Секция **«Коммуникативный подход в преподавании русского языка в школе. Информационные аспекты подготовки специалистов в вузе»** (руководитель – Л. М. Гончарова) была посвящена, в первую очередь, различным аспектам *оптимизации диалога «преподаватель – учащийся»*. Результаты своих исследований блестяще представили корифеи педагогического общения (профессор **О. Я. Гойхман**, доцент **Л. М. Гончарова**, доцент **В. А. Коханова**, доцент **И. А. Канунникова**, доцент **Ю. А. Филонова**, доцент **А. В. Коровина**,

доцент **А. Н. Ундозерова**, доцент **Е. Г. Аккуратов**) и молодые ученые, аспиранты. Наибольшее внимание в докладах, связанных с особенностями современного педагогического общения, было уделено *новейшим информационным технологиям*, которые позволяют иначе выстраивать и оценивать сам процесс взаимодействия преподавателя и ученика.

Украшением секции стало выступление молодого ученого, кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Лаборатории нейрокогнитивных наук НИЦ «Курчатовский институт» **Артемия Александровича Котова**, который наглядно продемонстрировал необыкновенные возможности робота-компаньона Ф-2 в действии. Предложенный им метод автоматического накопления семантических фактов включает в себя полный лингвистический анализ большого количества предложений. Собранная им база имеет объем 5 млн фактов, что позволяет использовать ее в качестве источника информации для робота-компаньона, а также для различных лингвистических исследований и приложений.

Познавательным событием второго дня конференции стала экскурсия в Фундаментальную библиотеку ЯГПУ им. К. Д. Ушинского – одну из крупнейших библиотек педагогических вузов России. С наиболее интересными изданиями из фонда книжных памятников (редких книг), который насчитывает более 20 тысяч экземпляров, гостей познакомил директор библиотеки ЯГПУ Ю. И. Майоров.

Завершающим этапом работы конференции стал круглый стол, на котором участники выражали глубокое удовлетворение от услышанного и увиденного, делились самыми яркими моментами работы секций и выражали искреннюю надежду на продолжение научного общения в рамках конференции «Человек в информационном пространстве» в следующем году.

Приятным сюрпризом для приезжих участников конференции 17 ноября стала экскурсионная программа в одно из самых удивительных и красивейших мест Ярославской области – город Тутаев (бывший Романов-Борисоглебск) и посещение музея «Космос» на малой родине первой женщины-космонавта В. В. Терешковой в селе Никульском Тутаевского района.

(Т. П. Куранова)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асафьева Елена Валерьевна – учитель русского языка и литературы МОУ «Средняя школа № 7». 150000, г. Ярославль, ул. Победы, д. 46. E-mail: tvist_o@list.ru

Барабаш Наталия Александровна – доктор искусствоведения, профессор кафедры семиотики и общей теории и истории искусства факультета искусств ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1. E-mail: vkrivichi@ rambler.ru

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации». 603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., д. 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Бойчук Елена Игоревна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: elena-boychouk@rambler.ru

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, КНР. 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: e71mih@mail.ru

Бондарь Владимир Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9. E-mail: alstar@inbox.ru

Вихрева Мария Александровна – студент 5 курса Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет Россия». 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1. E-mail: vikhreva.m.a@gmail.com

Володина Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5. E-mail: natalivolodina@mail.ru

Гапонова Жанна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: jangap@yandex.ru

Глембоцкая Яна Олеговна – кандидат филологических наук, ректор ГАОУ ВО НСО «Новосибирский государственный театральный институт». 630099, г. Новосибирск, ул. Революции, д. 6. E-mail: 79132006124@yandex.ru

Горпенникова Юлия Геннадьевна – преподаватель кафедры немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42. E-mail: mustavina05@rambler.ru

Дмитриев Андрей Петрович – кандидат филологических наук, заведующий Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе нового времени ФГБУН «Институт русской литературы РАН». 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. E-mail: apdspb@gmail.com

Егорова Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: inyaz-egorova@yandex.ru

Ерохина Татьяна Иосифовна – доктор культурологии, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43. E-mail: tatyaner@yandex.ru

Иванов Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Коробко Роман Вадимович – аспирант кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: rkorobko@yahoo.com

Кукушкина Екатерина Сергеевна – магистрант ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: esku78@mail.ru

Кулаковский Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: kulmn@mail.ru

Куранова Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

Лихоманова Анна Алексеевна – преподаватель ФГБОУ ВО «Рыбинский государственный авиационный технический университет имени П. А. Соловьева». 152934, г. Рыбинск, ул. Плеханова, д. 2. E-mail: anna.lik-R@yandex.ru

Малыгина Лидия Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: admlikbez@gmail.com

Мельник Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Новиков Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Павлова Мария Николаевна – аспирант ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. E-mail: maripavlova2007@yandex.ru

Перфилова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Поликарпов Сергей Сергеевич – учитель истории и обществознания МОУ Дубковская СШ ЯМР. 150545, Ярославская обл., Ярославский р-н, п. Дубки, ул. Школьная, д. 3. E-mail: polikarpov-1992@inbox.ru

Розина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. E-mail: olgarozina@yandex.ru

Святославский Алексей Владимирович – доктор культурологии, доцент, профессор Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет Россия». 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1. E-mail: pokrov1988@gmail.com

Синеокая Наталья Алексеевна – старший преподаватель департамента Иностранные языки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики». 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. E-mail: natalya-sineokaya@yandex.ru

Судаков Гурий Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15. E-mail: gvs035@rambler.ru

Суханова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Ся Линь – аспирант ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. E-mail: xialin520@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Хуан Мингхуэй – доктор исторических наук, доцент Института истории и культуры Центрально-Китайского педагогического университета, КНР. 430079, г. Ухань, ул. Луойю, д. 152. E-mail: minghui1022@hotmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Asafieva Elena Valerievna – a teacher of Russian and Literature of MEI «Secondary school № 7». 150000, Yaroslalv, Pobeda Street, 46. E-mail: tvist_o@list.ru

Barabash Nataliya Aleksandrovna – Doctor of Art Criticism, Professor of the Department of Semiotics and General Theory and History of Art of the Arts Faculty of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory Street, 1. E-mail: vkrivichi@ rambler.ru

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Foreign Language and the Standard of Speech Department of FSBEI HE «Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». 603081, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe Highway, 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Boichuk Elena Igorevna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Roman Languages Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: elena-boychouk@rambler.ru

Boldyreva Elena Mikhailovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Foreign Languages Institute of South-West University, China. 400715, Tiansheng road, Nº 2, Beibei district Chongqing Municipality, China. E-mail: e71mih@mail.ru

Bondar Vladimir Anatolievich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Business Foreign Language Department of FSBEI HE «Saint-Petersburg State University». 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9. E-mail: alstar@inbox.ru

Dmitriev Andrey Petrovich – Candidate of Philological Sciences, Head of the Center for Studying of Traditionalist Directions in the Russian Literature of Modern Times of FSBIS «The Institute of Russian Literature of RAS». 199034, Saint-Petersburg, Makarov Embankment, 4. E-mail: apdspb@gmail.com

Egorova Olga Sergeevna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Foreign Languages Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: inyaz-egorova@yandex.ru

Erokhina Tatiyana Iosifovna – Doctor of Culturology, Professor, Vice-Rector for Education of FSBEI HE «Yaroslavl State Theatrical Institute». 150000, Pervomaiskaya Street, 43. E-mail: tatyaner@yandex.ru

Gaponova Zhanna Konstantinovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: jangap@yandex.ru

Glembotskaya Yana Olegovna – Candidate of Philological Sciences, Rector of SAEI HE NSO «Novosibirsk State Theatrical Institute». 630099, Novosibirsk, Revolyutsii Street, 6. E-mail: 79132006124@yandex.ru

Gorpennikova Yulia Gennadievna – a teacher of the German Philology Department of the Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication of FSBEI HE «Southern Federal University». 344006, Rostov-on-Don, B. Sadovaya Street, 105/42. E-mail: mustavina05@rambler.ru

Huang Ming-Hui – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Institute of History and Culture of the Central Chinese Normal University, People's Republic of China. 430079, Wuhan, Luoyyu Street, 152. E-mail: minghui1022@hotmail.com.

Ivanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory and Ways of Training Philological Sciences in Primary School of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Khrenov Nikolai Andreevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, a leading researcher of the Media and Mass Arts Department of the Sector of Entertaining Culture of FSBRI HE «The State Institute of Art Criticism». 125009, Moscow, Kozitsky Alley, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Korobko Roman Vadimovich – a post-graduate student of the Culturology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: rkorobko@yahoo.com

Kukushkina Ekaterina Sergeevna – a student of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: esku78@mail.ru

Kulakovsky Mikhail Nikolaevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: kulmn@mail.ru

Kuranova Tatiyana Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Theory of Communication and Advertizing Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

Likhomanova Anna Alekseevna – a teacher of FSBEI HE «Rybinsk State Aeronautic Technical University named after P. A. Soloviov». 152934, Rybinsk, Plekhanov Street, 2. E-mail: anna.lik-R@yandex.ru

Malygina Lidiya Evgenievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Stylistics Department of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: admlikbez@gmail.com

Melnik Vladimir Ivanovich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Linguistics and Literature Study Department of FSBEI HE «Moscow State University of Design and Technology». 117997, Moscow, Sadovnicheskaya Street, 33, Building 1. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Novikov Mikhail Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Theory and Methods of Professional Education Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Pavlova Mariya Nikolaevna – a post-graduate student of FSBEI HE «Moscow State Regional University». 105005, Moscow, Radio Street, 10-a. E-mail: maripavlova2007@yandex.ru

Perfilova Tatiyana Borisovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, a leading researcher of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Polikarpov Sergei Sergeevich – a teacher of History and Social Studies of MEI Dubki Secondary School of YaMR. 150545, the Yaroslavl Region, Yaroslavsky District, Dubki, Shkolnaya Street, 3. E-mail: polikarpov-1992@inbox.ru

Rozina Olga Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of FSBEI HE «Moscow State Regional University». 105005, Moscow, Radio Street, 10-a. E-mail: olgarozina@yandex.ru

Sineokaya Nataliya Alekseevna – a senior teacher of the Foreign Languages Department of FSAEI HE «The National Research University – Higher School of Economics». 190121, Saint-Petersburg, Soyuz Pechatnikov Street, 16. E-mail: natalya-sineokaya@yandex.ru

Sudakov Gury Vasilievich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian, Journalism and the Theory of Communication Department of FSBEI HE «Vologda State University». 160000, Vologda, Lenin Street, 15. E-mail: gvs035@rambler.ru

Sukhanova Irina Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Svyatoslavsky Aleksei Vladimirovich – Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor of the Philology Institute of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». 119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, 1. E-mail: pokrov1988@gmail.com

Vikhreva Mariya Aleksandrovna – a 5-year student of the Institute of Philology of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». 119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, 1. E-mail: vikhreva.m.a@gmail.com

Volodina Nataliya Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the National Philology and Applied Communication Department of FSBEI HE «Cherepovets State University». 162600, Cherepovets, Lunacharsky Avenue, 5. E-mail: natalivolodina@mail.ru

Xia Lin – a post-graduate student of FSBEI HE «The State Institute of the Russian Langauge named after A. S. Pushkin». 117485, Moscow, Academician Volgin Street, 6. E-mail: xialin520@mail.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 29,5 п. л., 28,2 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 65. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 29.03.2019
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32-98-69